

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЗАМОРСКИЕ ТЕАТРЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ЗАМОРСКИЕ ТЕАТРЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПАУЛЬ фон ЛЕТТОВ-ФОРБЕК
И.С. ИСАКОВ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПАУЛЬ фон ЛЕТТОВ-ФОРБЕК И.С. ИСАКОВ

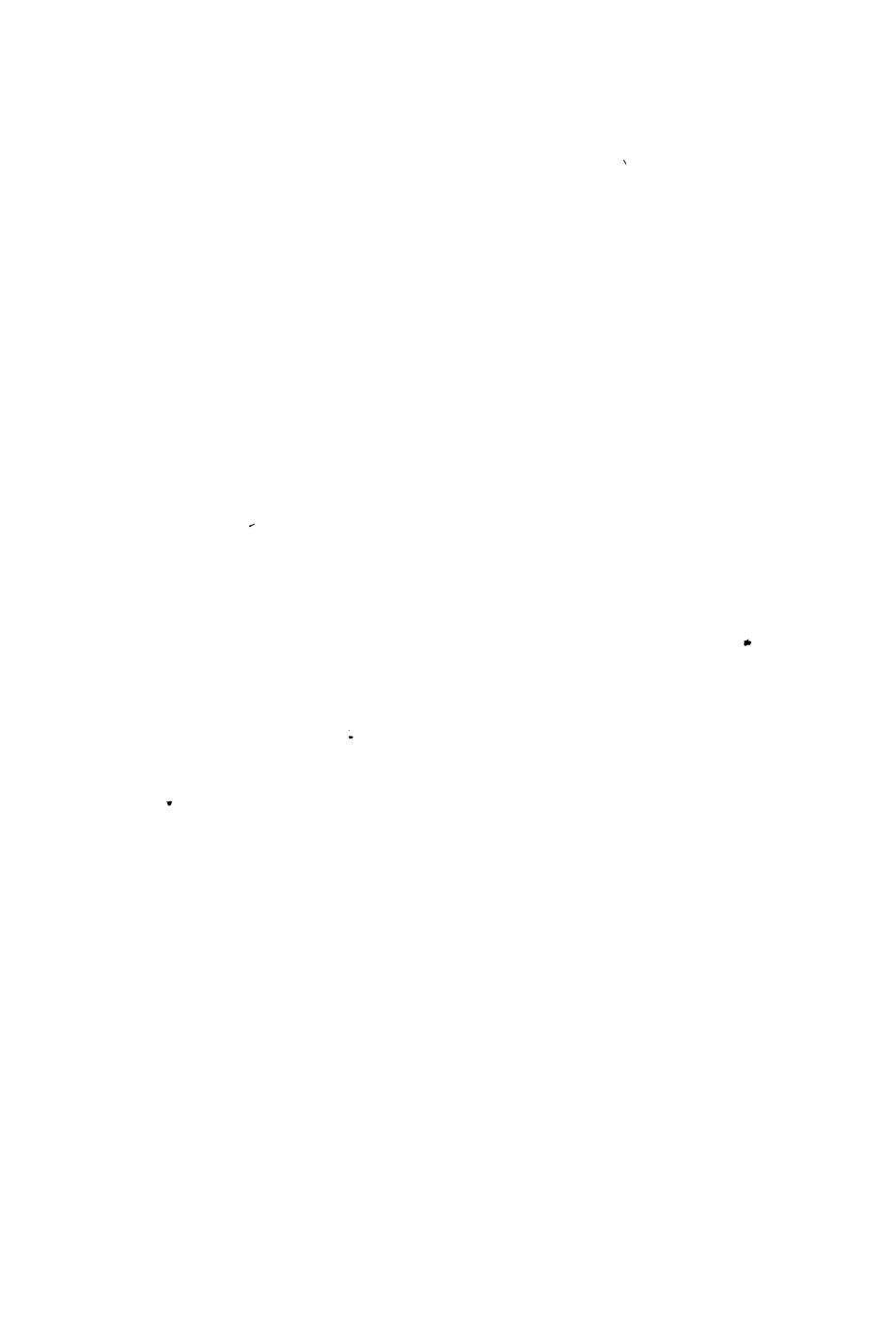

ЗАМОРСКИЕ ТЕАТРЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЗАМОРСКИЕ ТЕАТРЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

**ЗАМОРСКИЕ ТЕАТРЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

ПАУЛЬ фон ЛЕТТОВ-ФОРБЕК

**МОИ ВОСПОМИНАНИЯ
О ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ**

И.С. ИСАКОВ

**ОПЕРАЦИЯ ЯПОНЦЕВ
ПРОТИВ ЦИНДАО В 1914 г.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **act** МОСКВА 2003
ТРАНЗИТКНИГА

УДК 355/359
ББК 63.3(0)6
3-26

Серия основана в 1994 году

Серийное оформление А. Кудрявцева

Послесловие Р. Светлова

Подписано в печать 21.08.03. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 5 000 экз. Заказ № 1605.

Заморские театры Первой мировой войны. ООО «Изда-
3-26 тельство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. — 537, [7] с.: 32 л. ил. —
(Военно-историческая библиотека).

Содерж.: Мои воспоминания о Восточной Африке / П. фон
Леттов-Форбек. Операция японцев против Циндао в 1914 г. /
И.С. Исаков.

ISBN 5-17-018624-X (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9578-0254-9 (ООО «Транзиткнига»)

В сборник вошли две работы, посвященные локальным боевым действиям в период Первой мировой войны.

Мемуары полковника Пауля фон Леттов-Форбека, командующего германскими войсками в Восточной Африке, представляют собой подробное описание хода боевых операций, которыми он руководил с августа 1914 по ноябрь 1918 г.

Аналитическая работа «Операция японцев против Циндао в 1914 г.» И.С. Исакова, одного из крупнейших советских морских теоретиков, выдержала с 1936 по 1941 г. три издания. Она посвящена непродолжительной по времени (с августа по ноябрь 1914 г.), но внушительной по масштабам задействованных сил операции японских войск и флота по захвату германской морской крепости и базы в Циндао.

Книга содержит карты, приложения и будет интересна как специалистам, так и любителям военной истории.

УДК 355/359
ББК 63.3(0)6

© Послесловие. Р. Светлов, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

От редакции

Ход Первой мировой войны в Европе известен достаточно хорошо, боевым действиям на Западном и Восточном фронтах посвящено огромное количество исследований и мемуаров. Несколько менее обширна историография таких второстепенных фронтов, как Сербский, Салоникский, Кавказский, Месопотамский или Палестинский. И существует совсем мало работ, посвященных боевым действиям в германских колониях — в Африке и на Тихом океане.

Между тем здесь тоже шла война, пусть даже менее масштабная и кровопролитная. Первоначально Германия не проявляла особого беспокойства о судьбе своих колоний — считалось, что война в Европе кончится за три-четыре месяца, причем безусловной победой немецкого оружия. И даже в случае вступления в войну Великобритании (а Берлин, несмотря на наличие «сердечного согласия» между Англией, Францией и Россией, до последнего момента рассчитывал на британский нейтралитет) предполагалось, что заморские колонии Второго Рейха смогут продержаться до окончания боевых действий — в первую очередь, конечно, из-за технических трудностей, возникающих при их оккупации британскими или французскими силами. Существовала даже идея объявить на время войны о нейтралитете колоний, однако на государственном уровне это предложение так и не было озвучено. Очевидно, не в последнюю очередь причиной тому стала необходимость в колониальных базах и угольных станциях, которую испытывал германский крейсерский флот. Именно поэтому первый этап участия германских колоний в Великой войне оказался неразрывно связан с крейсерской войной.

Однако к началу 1915 года война так и не закончилась ничьей победой, большинство германских рейдеров было уничтожено английскими крейсерами, а колонии все еще сражались. Германская Юго-Западная Африка (Намибия) капитулировала лишь в июле 1915 года, Камерун продержался до февраля 1916 года, а немецкие войска в Восточной Африке (Танганьике), перейдя в октябре 1917 года к партизанским действиям, сложили оружие лишь после капитуляции Германии.

Основу настоящего сборника составляют мемуары полковника Пауля фон Леттов-Форбека (1870—1964), командующего германскими войсками в Восточной Африке. В отличие от традиционных военных мемуаров, они практически лишены лирических отступлений и пространных рассуждений и представляют собой подробное (пусть и несколько суховатое) описание хода боевых операций, которыми автору пришлось руководить с августа 1914 по ноябрь 1918 года.

Умелые действия Леттов-Форбека принесли ему уважение противника и сделали полковника национальным героем в Веймарской республике — послевоенной униженной Германии надо было хоть чем-то гордиться. Леттов-Форбек оказался одним из немногих офицеров, оставшихся в рядах урезанной германской армии, однако в марте 1920 года он был уволен в отставку за участие в так называемом Капповском путче — попытке военного переворота, осуществленном националистически и промонархически настроенными офицерами. Следующие десять лет Леттов-Форбек регулярно избирался членом рейхстага, однако приход к власти нацистов не вызвал у него особого восторга — он отказался от предложения Гитлера стать германским послом в Лондоне. Два его сына погибли на фронтах Второй мировой войны, сам же фон Леттов-Форбек умер в возрасте 94 лет, незадолго до кончины успев совершить ностальгическую поездку в Восточную Африку, только что ставшую независимой Танганьикой.

В настоящий сборник также включена аналитическая работа одного из крупнейших советских морских теоретиков И. С. Исакова «Операция японцев против Циндао в 1914 г.», выдержавшая с 1936 по 1941 год три издания. Она посвящена локальной по времени (с августа по ноябрь 1914 года), но достаточно внушительной по масштабам задействованных сил операции японских войск и флота по захвату германской морской крепости и базы Циндао (в Китае на полуострове Шаньдун). Исаков обобщает опыт обороны приморских крепостей, позже исследованный им в других работах.

В качестве приложений в сборник включены историко-экономический обзор германских колоний к 1914 году и хроника их участия в Первой мировой войне, а также описание операций крейсера «Кенигсберг», деятельность которого была тесно связана с Германской Восточной Африкой.

Редакция благодарит участников военно-исторического интернет-форума ВИФ2НЕ (www.vif2ne.ru) и персонально: apple16, uaејom, Exeter за оказанные консультации.

ПАУЛЬ фон ЛЕТТОВ-ФОРБЕК
МОИ ВОСПОМИНАНИЯ
О ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Печатается по изданию: *Леттов-Форбек. Мои воспоминания о Восточной Африке.* — М.: Военный вестник, 1927.

Книга I. События до вступления в войну южно-африканских войск

Глава первая. Перед войной

(Январь—июль 1914 года)

Мысли о задачах и назначении колониальных войск. Подробности возможных планов обороны колонии. Распределение, вооружение и обучение войск. Боевое использование и настроения туземцев. Богатства страны и туземное хозяйство, Коневодство и охота. Несколько поездок для осмотра частей и изучения страны. Национальная пропаганда в приграничных районах со стороны миссий наших будущих противников.

Когда я в январе 1914 года высадился в Дар-эс-Саламе, то вряд ли предчувствовал, какую задачу нужно будет решать через несколько месяцев. Однако в течение последнего десятилетия мировая война не раз становилась настолько вероятной, что я вынужден был серьезно ставить перед собой вопрос: придется ли подчиненным мне частям играть хоть какую-то роль в такой войне и какие задачи могут быть на нас возложены?

Судя по положению колонии и численности имевшихся налицо войск, чей состав мирного времени немногим превышал 2 тысячи человек, нам могла выпасть только второстепенная роль. Я знал, что судьба колоний, как и других немецких владений, будет решена на европейских полях сражений. Однако каждый немец, независимо от того, где бы он ни находился, должен был принять посильное участие в этом решении. Таким образом, и на нас, находившихся в колониях, возлагалась обязанность сделать для родины все, что в наших силах.

Вопрос заключался в том, были ли мы в состоянии оказать влияние на судьбу Германии на второстепенных театрах военных действий и могли ли с нашими слабыми силами отвлечь сколь-нибудь значительные части противника от Европейского или какого-либо другого важного театра борьбы и нанести неприятелю серьезные потери в личном составе и военном снаряжении. Лич-

но я в то время отвечал на этот вопрос утвердительно. Тем не менее далеко не все верили в это и потому приготовления к войне оказались не полными.

Следовало иметь в виду, что мы только тогда сможем связать неприятельские войска, если действительно атакуем противника в чувствительном для него пункте или, по крайней мере, будем ему угрожать. Затем не надо забывать, что при чисто оборонительной тактике с имеющимися средствами обеспечить защиту колонии было невозможно. Ведь речь шла о сухопутной и береговой границе, примерно такой же длины, как и у самой Германии. Поэтому нельзя было дробить незначительные наличные силы для местного сопротивления, но, наоборот, требовалось держать их вместе, дабы схватить противника за горло и этим заставить его использовать войска для собственной защиты. Если бы удалось осуществить эту мысль, то были бы обеспечены самым действительным образом и наша береговая линия, и наши бесконечной длины сухопутные границы.

Когда же задавали вопрос, где находится такой чувствительный для противника пункт, который давал бы надежду на успешное нападение или, по крайней мере, на возможность серьезной угрозы, то, само собой, останавливались на границе между германской и английской Восточной Африкой. Вдоль нее, на расстоянии нескольких переходов, проходит жизненная артерия британских владений — Угандийская железная дорога. При длине этой дороги в добрых 700 километров неприятелю было бы чрезвычайно трудно ее защищать, и поэтому при действительной угрозе она должна была привязать к себе большую часть его войск¹.

Начатые мною в 1914 году первые разведывательные и инспекторские поездки привели меня от Дар-эс-Салама на пароходе в Тангу, оттуда в Узамбару и дальше в окрестности Килиманджаро и горы Меру. В Узамбаре я нашел в лице моего друга еще по военной школе, капитана в отставке, фон Принца, одного из наиболее горячих сторонников мысли, что мы, восточно-африканцы, не имеем права сидеть спокойно в случае войны против Англии — но должны нанести удар, если только нам представится возможность облегчить ведение войны в Европе. Он сообщил мне о том, что в районах Узамбары, Килиманджаро и возле горы Меру фор-

¹ Угандийская железная дорога, соединявшая два главных пункта британского Восточно-Африканского протектората — Кампалу в Уганде и кенийский порт Момбаса. Являлась главной экономической и военной артерией союзников в Восточной Африке. (*Прим. ред.*)

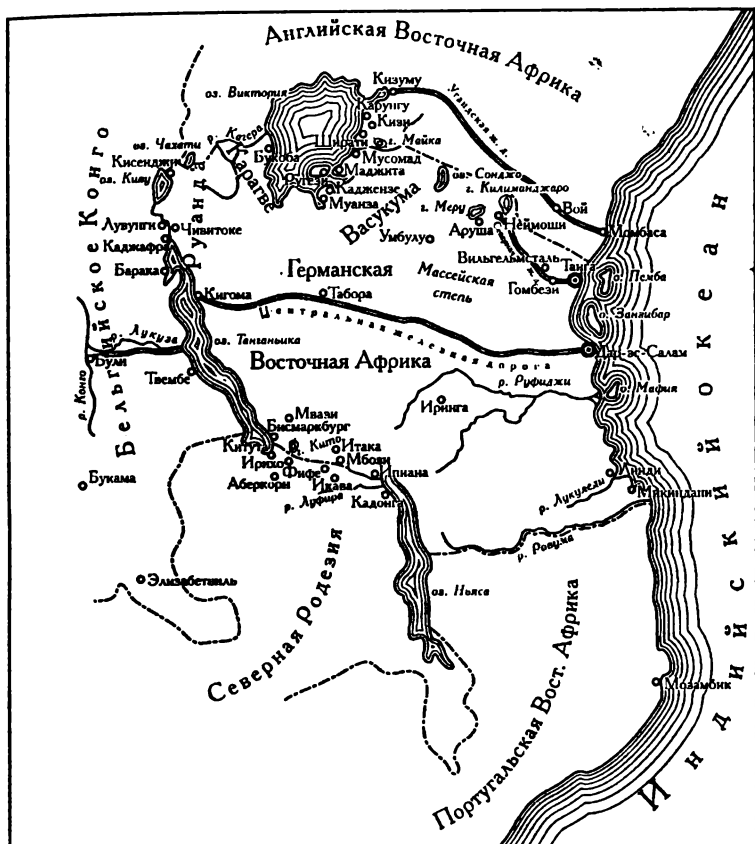
мируются добровольческие стрелковые отряды, в которые, как это можно предвидеть, скоро войдут почти все способные носить оружие немцы этой северной области.

При тамошней плотности расположения колонистов это имело большое значение. В течение войны мы смогли выставить в общем около 3000 европейцев на службу в колониальных войсках; и как раз эти районы, прилегающие к Узамбарской железной дороге¹, дали главную массу набора. Во всяком случае, было трудно подыскать подходящую прочную военную организацию для этих добровольческих объединений и полностью использовать широкое добровольческое движение. Однако в итоге все — и даже те, кто не был военнообязанным, — готовились в случае войны пойти в колониальные части. В местных правительственных учреждениях я нашел большую поддержку, но в то же время и правильные опасения — будут ли подобные добровольческие организации иметь необходимую устойчивость во время мировой войны, которая, вероятно, совершенно отрежет нас от родины, так что мы будем предоставлены собственным силам? Плохо обстояло дело с вооружением. Правда, почти каждый европеец имел годную для использования магазинную винтовку, но до описываемого времени не было устранено разнообразие образцов, что затрудняло снабжение войск патронами. Задача вооружения добровольцев оружием военного образца осталась не разрешенной вплоть до объявления войны.

В Вильгельмштале я встретил отделение чернокожих полицейских под командой дюжего вахмистра, родом из Дитмаршена.

В то время как собственно колониальные войска подчинялись военному командованию, некоторые отделения полицейских войск зависели от гражданских властей, и, таким образом, каждый управляющий округом имел отряд от 100 до 200 человек, необходимый для взывания налогов и для придачи его распоряжениям должного авторитета. Господствовало стремление постоянно увеличивать эти полицейские части за счет колониальных войск. Наряду с колониальными войсками образовались такие же сильные полицейские части, которые по своему составу едва ли могли быть чем-либо иным, кроме как карикатурой на военную организацию. Управляющий округом, штатский человек, часто мало понимал в военном деле и предоставлял командование и обу-

¹ Самая северная из железных дорог, построенных немцами в Танганьике. Соединяла порт Танга и район горы Килиманджаро. (Прим. ред.)

Театр военных действий

чение своих полицейских аскари¹ полицейскому вахмистру. Последний усердно работал с чувством долга старого служаки, унтер-офицера, но указания старшего строевого начальника редко доходили до него, так как полицейский инспектор-офицер мог только время от времени посещать каждый округ. Поэтому полицейские аскари распускались и им часто не хватало строгой дисциплины. К сожалению, полицейские части часто отнимали от колониальных войск лучший личный состав — старослужащих из туземцев, которые затем в полиции теряли свои военные навыки.

¹ Askari — туземное название солдата, имеющее арабо-тюркское происхождение. В русском языке часто употребляется как «аскер». (Прим. ред.)

В результате качество колониальных войск все более и более ухудшалось ради полицейских частей, из которых при существующем положении никогда не могло получиться что-либо годное для боевого использования.

Из Неймоши, конечного пункта Узамбарской дороги, я отправился через Марангу, где встретил английского консула Кинга из Дар-эс-Салама, в область Килиманджаро, а оттуда в Арушу. Несколько немецких колонистов, частью бывшие офицеры, которых я посетил во время пути в их владениях, подтвердили мне, что тамошние немецкие поселенцы также представляют ценный военный материал.

Капитан флота в отставке Шенфельд гостеприимно предложил нам в своем неподалеку расположенном поместье стакан замечательного вина. Это было сделано тоном военной команды, который уже тогда обнаруживал в нем энергичного начальника, позднее столь упорно защищавшего устье реки Руфиджи против превосходящих сил неприятеля. Перед Арушей, во время обеда на кофейной плантации, я встретил любезного старого обер-лейтенанта в отставке фон Бока — моего старого товарища по кадетскому корпусу барона фон Ледебура. Мы беседовали о добровольческих стрелковых объединениях, которые предполагалось создать в районе горы Меру, и я не предчувствовал, что несколько месяцев спустя 60-летний старик станет одним из наших настойчивых передовых разведчиков в восточной части Килиманджаро и нередко будет вместе со своими немногими людьми, большей частью новобранцами, успешно драться против нескольких неприятельских рот. Его прямодушие и отеческая забота о подчиненных завоевали сердца его чернокожих товарищей в такой степени, что он был в их глазах самым храбрым из всех немцев, и они привязались к нему с трогательной преданностью.

В Аруше впервые состоялся смотр роты аскари. Дух и дисциплина черной части свидетельствовали о превосходном воспитании, которое было дано моим предшественником, полковником фон Шлейницем, но обучение боевым действиям против вооруженного по-современному противника, с точки зрения существовавших до войны тактических требований, оказалось поставлено значительно слабее. Эта рота, как и большинство рот аскари, была вооружена старыми ружьями образца 1871 года с патроном, начиненным дымным порохом. Неоднократно высказывалось мнение, что такое вооружение более целесообразно для туземных частей,

Германская Восточная Африка

чем современная винтовка, снабженная патронами с бездымным порохом. Эти части никогда до сих пор не применялись против вооруженного современным оружием противника, а использовались только для боев с туземцами, где крупный калибр представляет известные преимущества, а вред, причиняемый демаскирующим дымом от выстрелов, не имеет никакого значения. Правда, с началом войны даже самые ярые сторонники пехотного ружья образца 1871 года изменили свои убеждения. Последнее однозначно показало себя хуже современной бездымной винтовки — не только в бою на дальних дистанциях на открытой равнине, но также и в поросшей кустарником местности, где стрелки бывают часто отделены друг от друга только несколькими шагами. В самом деле, стрелок, пользующийся бездымной винтовкой, остается скрытым, в то время как облако дыма скоро и верно выдает противника не только острому глазу туземца-аскари, но даже привыкшему к канцелярской работе европейцу. Таким образом, в начале войны самая большая награда, которая могла достаться аскари, заключалась в том, что ему давалась вместо его старого ружья с дымным патроном современная винтовка из числа трофейных.

Необходимо принять во внимание тот недостаток, что при рассредоточении частей отдельными ротами по всей территории ко-

лонии нельзя было практиковаться в боевом применении крупных войсковых соединений и обучить старших офицеров управлять последними. Было ясно, что на войне движение и руководство в бою войсковыми частями силой больше роты должно было натолкнуться на большие затруднения. По моему мнению, перед войсками стояла двоякая задача — быть одинаково готовыми как к бою против внешнего противника, вооруженного по-современному, так и к борьбе с туземцами внутри колонии; поэтому и боевая подготовка частей должна была распадаться на два различных вида.

Тактические учения для подготовки к войне с туземцами представляли при этом картину, которая сильно отличалась от наших европейских приемов обучения. В Аруше на таком учении рота двигалась сквозь густой кустарник — «пори» и, по обычаю туземцев, была атакована во время похода. Противника изображали воины племени меру, которые, в полном военном наряде, с копьями и в своих головных украшениях из страусовых перьев, устроили засаду и затем с расстояния в несколько шагов, испуская свой военный клич, напали на походную колонну Сафари. В подобного рода близком бою, — так в 1891 году погибла экспедиция Целя у Иринги, — схватка разыгрывается накоротке и в несколько минут. Часть быстро смыкается вокруг начальника и атакует противника. В соответствии с таким характером боя с туземцами, до сих пор не было необходимости в тщательном и основательном стрелковом обучении аскари в духе современных требований. Поэтому оно находилось на довольно низкой ступени и, что для военного читателя должно быть интересным, при стрельбе стоя с руки на 200 метров по круглой мишени некоторые роты едва достигали круга с отметкой 3 и только очень немногие роты несколько превосходили круг с отметкой 5¹. Характер боя с туземцами не представлял и достаточных требований для основательного обучения и пулеметному делу. К счастью, я очень скоро выяснил, что европейские части понимают важность этого оружия в современном бою.

Но, несмотря на не слишком высокую степень обучения, результаты боевых стрельб на дальние дистанции были удовлетворительными. Солдату-аскари тут в значительной степени помогало его острое зрение, при помощи которого он наблюдал за местом ударов пуль и, сообразуясь с этим, вносил изменения в точку прицеливания.

¹ Иметсяя виду обычная разметка стрелковых мишеней, где единице соответствует внешний круг, а десятке — центральный. (Прим. ред. 1927 г.)

Путешествие привело меня затем через миссию Уфиоме, где жил патер Дюр, в Кондоа-Иранги, Килиматинди и назад в Дар-эс-Салам. Впечатления этой первой инспекторской поездки сводились к тому, что еще многое надо было сделать в военном отношении, если мы хотели быть основательно подготовленными на случай войны с Англией. К сожалению, влиятельных должностных лиц убедить в этом удалось не вполне. Царило мнение, что мы находимся в необыкновенно хороших отношениях с Англией и что война, если она вообще и случится, то в далеком будущем. Таким образом, когда через несколько месяцев война действительно грянула, мы оказались к ней неподготовленными.

Для меня, как новичка в Восточной Африке, путешествие имело не только военный интерес. В Бомала-Нгомбе, районе между Неймоши и Арушей, еще при покойном обер-лейтенанте Иогансе была поселена масса старых аскари. Они занимались главным образом торговлей пивом и достигли известного благосостояния. Известие о моем приезде опередило меня, и люди явились в полном составе, чтобы приветствовать мое прибытие. У меня осталось впечатление, что эта преданность не была чисто внешней; люди восторженно рассказывали мне о немцах, под начальством которых они раньше служили, и, кроме того, с началом войны они без приглашения и без малейшего нажима предоставили большую сумму денег для содержания войск. В той же местности я увидел также первых представителей народа масаи, которые, в противоположность большинству восточно-африканских племен, чистые семиты и живут в особом округе.

Нужно упомянуть, что Меркер, лучший знаток масаев, видит в них первобытных евреев. Они в ярко выраженной форме обладают качествами настоящих степных жителей. Случилось так, что в моих охотничьих поездках меня сопровождал один из этих высоких, стройных и очень проворных людей. Острота их зрения, а также способность разбирать следы просто поразительна. Наряду с этим масаи умны и очень лживы — по крайней мере, по отношению к чужим. Они живут в закрытых поселках из глиняных хижин и, как все номады, кочуют со своими стадами по степям. На военную службу они поступают редко¹. Земледелием масаи почти совсем не занимаются, в то время как оно составляет глав-

¹ Масаи («иль-маасаи») — знаменитое воинственное и свободолюбивое племя, близкое по языку и антропологическому типу хамитским народностям северо-восточной Африки. Близость семитам, о которой писал упомянутый автором М. Merker (см. Die Masai. Berlin, 1904), сильно преувеличена. (Прим. ред. 1927 г.)

ное занятие у остальных племен и вызывается густотой населения. Так, например, банановые области на восточном склоне Килиманджаро кормят туземное население племени вадшагга численностью приблизительно в 25 000 человек, и это количество может в дальнейшем еще увеличиться. Большое богатство скота в области Аруши, в Массейской степи и у Кондоа-Иранги показало мне, что муха цеце, главный враг африканского скотоводства в этих областях, попадает здесь сравнительно редко. Для сравнения можно указать, что число рогатого скота в одном только округе Аруша считается большим, чем во всей Юго-Западной Африке. В Кондоа-Иранги и в Сингидде люди пришли издалека и выстроили свое жилье вдоль дороги. Все путешественники, исследовавшие эти области, не могут не сделать вывод, что в плодородном и высоко расположенном центральном районе хватит места для поселения сотен тысяч европейцев.

Я хотел бы здесь упомянуть об одном впечатлении, которое я получил позднее, во время войны. Мы иногда проходили по плодородным областям, совершенно брошенным туземцами, но, как было известно, еще год тому назад густо населенным. Люди просто ушли и поселились в другом пункте обширной, никому не принадлежавшей, безлюдной и плодородной местности, где они вновь обработали новые поля. Если бы действительно использовать годную для заселения площадь, то в немецкой Восточной Африке, до сих пор населенной примерно 8 миллионами человек, можно было бы прокормить население, которое по числу жителей немногим уступало бы Германии¹. Англичанин, взятый в плен во время войны в Махенге, утверждал, что из Восточной Африки можно сделать вторую Индию, — и я убежден, что он был прав. Опыт войны укрепил мое мнение, что существует много экономических возможностей, о которых перед войной мы едва ли имели ясное представление.

Уже несколько дней, как я удачно охотился на буйволов, но мне не удалось подстрелить сильного самца, и я выслеживал такого, насколько мне это позволяло время. Кроме туземца-мальчика, в качестве следопытов у меня были еще два лучших аскарки Кондоаской роты. Как только после окончания перехода я прибывал в лагерь и сходил с мула, я спрашивал Кадунду, одного из этих аскарки, проделавшего весь этот переход пешком, готов ли он к охоте. Всякий раз он соглашался с величайшим желанием, и мы

¹ В настоящий момент в Танзании проживает 29,7 млн. человек (1995 г.). (Прим. ред.)

отправлялись дальше по следам сквозь кустарник, который иногда бывал до того густым, что нужно было ползти под ветвями. Подобная охота по следам сквозь густой кустарник и тростник выше человеческого роста, часами под палящим солнцем для еще не привыкшего к африканскому климату европейца крайне тяжела. Подстреленный буйвол считается в Восточной Африке самым опасным диким животным; нередко он с большой решимостью и стремительно бросается на человека.

Некоторое время тому назад в Мпонди подстреленный буйвол так неожиданно напал на охотника, что тот, хотя и очутился по счастливой случайности верхом на спине животного, но вряд ли спас бы свою жизнь, если бы в критический момент не упала его тропическая шляпа. Чудовище атаковало шляпу, а стрелок воспользовался этим обстоятельством, чтобы всадить ему в лопатку смертельную пулю.

Из этого и подобных рассказов можно судить, как чрезвычайно растет напряжение и обостряются все чувства, когда следы, по которым идешь, становятся все более и более свежими. Однако, хотя я часто в нескольких шагах от себя слышал дыхание буйвола, чаща была настолько густая, что я не мог стрелять. Я уже потерял надежду на исполнение своего желания и пустился со своим караваном в однообразный обратный путь, когда мы в 7 часов утра пересекли совершенно свежие следы буйвола. Здесь лес был реже, и проводники выразили желание идти по этим следам. Тогда мы оставили караван, а сами после четырехчасового напряженного преследования увидели буйвола. Когда я хотел прицелиться, находясь в прогалине, шириной около ста метров, Кадунда запротестовал и настоял на том, чтобы мы подкрались к буйволу, прошедшему мимо нас в очень редком строевом лесу, на 30 шагов. К счастью, пуля пробила большую сонную артерию, и буйвол сразу упал. Этим были исключены всякого рода дальнейшие неожиданности. Как часто случается, мы обнаружили во внутренностях животного застрявшую пулю из туземного ружья — след давней схватки. Остальная охотничья добыча состояла из большого количества антилоп и газелей различных пород. Львов мы тоже слышали, причем часто, но не видели.

Во время этого путешествия сквозь пори я узнал, к своему смущению, тот факт, что бесследно исчезнуть даже в глубине Африки не так уж легко. Я уехал, не оставив указаний, какую выберу дорогу. Вдруг неожиданно во время перехода через пори по-

явился туземец и передал мне заокеанскую почту. Туземцы обмениваются друг с другом точными сведениями обо всем, что творится в их районе. Крики, огневые сигналы, звуки трубы служат для быстрого распространения и обмена новостями. Необъяснимую способность быстрого распространения бесчисленных слухов, с которой я впоследствии должен был познакомиться, нужно по большей части отнести к этим приемам передачи.

В марте, после возвращения из первой инспекторской поездки, в Дар-эс-Саламе было начато перевооружение трех следующих рот. До сих пор только три роты имели современные винтовки. Было очень важным, что, по крайней мере, эти ружья с соответствующим количеством патронов попали в колонию как раз вовремя, еще до начала войны.

При инспекторской поездке в апреле в Линди, где я осматривал третью полевую роту, я при падении на камень повредил себе колено и поэтому мог начать мою следующую большую поездку только в конце мая. Хотя пассажирское движение по Центральной железной дороге¹ могло быть открыто только до Таборы, все же постройка продвинулась так быстро вперед, что я по этой дороге добрался до Кигомы (у озера Танганьика). Таким образом, уже тогда я получил первое знакомство с этим важным средством сообщения, которое непосредственно связывало наше морское побережье с озером Танганьика, прилегающими к нему богатыми областями и далее с водной системой реки Конго. В Кигоме пароход «Гетцен» находился еще в постройке, и я отправился в Бисмаркбург на маленьком пароходике «Гедвиг фон Виссман». В Бодуинвилле, в области Конго, я сделал короткий визит тамошнему епископу Белых отцов², не имея никакого представления о том, что скоро начнется война с этой областью. Обширные роскошные фруктовые сады окружали станцию. Бедствия от львов были там очень велики; миссионеры рассказывали мне, что недавно лев ночью пробрался через стену внутрь двора и убил корову. Нам был оказан очень хороший прием.

Точно так же нас хорошо приняли в миссии Мвази в германской области, где также жили Белые отцы — по большей части бельгийцы. Однако захваченная во время войны переписка доказала, что французские миссионеры, которые также жили на стан-

¹ Центральная железная дорога, главная транспортная артерия Танганьики, начинается в Дар-эс-Саламе. (Прим. ред.)

² Одна из католических миссионерских организаций, распространенных в Бельгийском Конго. (Прим. ред.)

циях области Танганьика, не только пеклись о распространении христианства, но также вели определенную агитацию в пользу Франции. Письмо одного миссионера содержит объяснения, в чем заключается разница между «missionnaires catholiques» («миссионерами католическими») и «missionnaires francais» («миссионерами французскими»). Последние обязаны вести наряду с проповедью христианства также и французскую национальную пропаганду. Известно, что от подобной национальной пропаганды немецкие миссионеры, в общем, держались в стороне.

Дальнейшие путешествия показали мне, что в высшей степени плодородная область расположена около Нейлангенбурга и Сонги, где находится много полей пшеницы. О плотности ее населения можно судить даже по карте — по многочисленным имеющимся там миссиям. Между тем область эта обеспечивалась только одной-единственной ротой, с которой не было даже непосредственной проводной связи. Если хотели снести с Нейлангенбургом по телеграфу, то из Дар-эс-Салама это можно было сделать только через Южную Африку по английской линии. Имевшаяся связь по гелиографу¹ от Иринги до Нейлангенбурга из-за своей ненадежности не могла заменить в полной мере телеграфа.

Необходимо отметить, что в этой области не только туземцы вовлекались в культурную работу через миссии и немецкое управление, но что там существовала также достойная упоминания старинная туземная промышленность. При почве, богатой железом, в этом районе встречаются многочисленные кузницы, меха которых, по первобытному образцу, сделаны из шкур. Также очень хороши ткацкие работы туземцев, распространено и плетение корзин, которое существует здесь, как почти всюду в колониальной области. Они делаются с большим вкусом, а плетение настолько плотно, что туземцы употребляют для питья плетеные кубки.

Я остановился в миссии Мбози, и тамошний миссионер Бахман, многолетний и выдающийся знаток страны и населения, сообщил мне, что бросается в глаза перемена, происходящая в строении туземцев. Пришлые арабы и суахили² появлялись в стра-

¹ Световой телеграф, основанный на применении зеркал, отражающих солнечный свет. (Прим. ред.)

² Еще в Средние века побережье Восточной Африки было колонизировано арабами. Во времена завоевания Африки европейцами они уже составляли торговое сословие Западной Африки. Суахили — народ, живущий в основном в Кении, — результат смешения арабов с местными племенами. Арабы выступали сторонниками англичан, поскольку понимали, что в случае мировой войны Анганта будет поддерживать арабские восстания в Турции. (Прим. ред.)

не и рассказывали населению, что немцы теперь скоро уйдут и англичане завладеют страной; это было в июне 1914 года.

Дальнейшее путешествие привело меня около Иринги в такие районы, где значительный вождь по имени Квава не подчинялся немцам, а около Ругано отдельные люди из многочисленных собравшихся туземцев могли сообщить мне свои личные наблюдения об уничтожении экспедиции Целя.

Несмотря на мое стремление поскорее войти в круг своих восточно-африканских обязанностей, я считался у старых африканцев новичком. Во всяком случае, моя служебная карьера до известной степени подготовила меня к задаче, поставленной мне судьбой.

Примерно в то же время, когда я, рано оторванный от своей родины (Померании), будучи кадетом, изучал «Галльские войны» Цезаря, Бисмарк подарил Германии ее первые колонии¹. В 1899—1900 годах я изучал в Генеральном штабе, наравне со многими иностранными, и наши собственные колонии. Во время китайской смуты (1900—1901)² я изучил в Восточной Азии все воюющие вместе с нами войсковые иностранные части, и особенно англичан — как во время службы, так и при товарищеских сношениях. Восстание гереро и готтентотов в Южной Африке³ познакомило меня в 1904—1906 годах с особенностями войны в буше. Тогда же я, будучи в распоряжении генерала Тротта⁴, получил в качестве самостоятельного командира роты и отряда богатый личный опыт в отношении не только туземцев, но и буров. Выдающиеся качества нижнегерманского племени (голландцев-буров), поселившегося с давних времен в африканской степи, вызывали во мне уважение. Я и не предчувствовал тогда, что позднее бурский народ окажет решающее влияние на переход германской части Африки к англичанам⁵.

В 1906 году я был ранен в Юго-Западной Африке. Это привело меня в Капштадт, так что я в некоторой степени познакомился и с Капской колонией. На обратном пути я впервые проехал по германской Восточной Африке — арене моей позднейшей деятельности.

¹ В 1884—1885 годах Германия установила протекторат над прибрежными территориями своих будущих африканских колоний. (Прим. ред.)

² Имеется в виду Ихэтуаньское («Боксерское») восстание 1899—1901 годов, направленное против засилья иностранцев в Китае. В подавлении его принимали участие силы европейских держав и США. (Прим. ред.)

³ Гереро и готтентоты — племена, населяющие Юго-Западную Африку (ныне — Намибия). (Прим. ред.)

⁴ Тротт цу Зольц — германский генерал, подавлявший восстание племен гереро в 1904—1907 годах. (Прим. ред.)

⁵ Буры составляли большую часть «белых» контингентов английских войск во время военных действий в африканских колониях. (Прим. ред.)

Моя последняя должность — командира 2-го морского батальона в Вильгельмсхафене¹ — позволила мне заглянуть во внутреннюю жизнь нашего быстро развивавшегося морского флота, который был так тесно связан с заокеанской деятельностью Германии. Я принимал участие в учениях и морских походах на больших и малых судах, в маневрах и плавании флота в Норвегию; причем всегда узнавал новые стороны как общественной, так и военной жизни. Точно так же и после возвращения в армию переходы из строя в штаб и обратно давали мне много поводов и случаев к сравнению. Таким образом, я по своему образованию был подготовлен к тому, чтобы быстро разобраться в новой обстановке. Однако, как бы я ни был признателен за расширение своего кругозора, за все лучшее я должен благодарить отечественную армию, где под руководством отличных командиров мне посчастливилось ознакомиться с правильно понятым духом военной службы и настоящей дисциплиной.

Глава вторая. Начало войны

(Август 1914 года)

Получение известий о мобилизации. Участие в войне или нейтралитет. Численность колониальных войск и потери англичан во время войны. Английский консул и его деятельность. Губернатор колонии, высшая военная власть и оборона морского побережья. Мобилизационная подготовка. Этапная служба (сущность и характер), подвоз и продовольствие. Санитарная служба и малярия.

В начале августа 1914 года, по дороге через Кидоди на Килоссу, я получил через срочного курьера телеграмму губернатора, где говорилось, что я должен немедленно вернуться в Дар-эс-Салам. На следующий день пришло сообщение, что в Германии объявлена мобилизация, но что военное положение не распространяется на территорию колонии². Телеграмма статс-секретаря государственного колониального управления призывала колонистов к

¹ Главная база германского флота во время Первой мировой войны, была расположена на Северном море, в устье Яде близ реки Ведер. (Прим. ред.)

² Обсуждалась возможность ограничения военных действий лишь Европейским театром: так, чтобы колонии оставались нейтральными. (Прим. ред.)

спокойствию. Наоборот, Адмиралтейство — по радио — указывало на Англию, как на вероятного противника.

В Килоссе мне удалось застать товарный поезд, и таким образом 3 августа я прибыл в Дар-эс-Салам. Здесь царило большое оживление. Объявление войны непосредственно совпало с приготовлениями к большой выставке, в программу которой должно было также входить и торжественное открытие Танганьикской (т. е. Центральной) железной дороги. В Дар-эс-Салам прибыло в гости большое количество немцев, которые не смогли вернуться на родину. С целью подготовки к выставке туда прибыл и капитан фон Хаммерштейн, начальник 6-й полевой роты в Уджиджи. Было очень кстати, что я смог немедленно же воспользоваться для мобилизации этим дельным офицером, с которым меня связывали, кроме общности взглядов, также и сердечные личные отношения.

Сразу же возникал вопрос, останется ли колония нейтральной в предстоящей, по-видимому, мировой войне, в которой, по всей вероятности, примет участие также и Англия. Как выше было уже отмечено, я считал, что нашей военной задачей станет сковывание, если это окажется возможным, неприятельских, то есть английских, войск. Но это было бы невыполнимо, если бы мы оставались нейтральными. В этом случае, не владея морем, мы вынуждены были бы бездействовать с нашим (правда, в данный момент маленьким) войском, за которым, однако, стояло более 8 миллионов населения — крепкого, преданного, очень здорового и вполне годного для военной службы.

Наоборот, Англии не было никакого расчета использовать против нас в Восточной Африке хотя бы одного человека. Англия могла бы, насколько это допускалось заботой об английском туземном населении, притянуть даже последнего годного аскари на другие театры военных действий, которые были куда важнее восточно-африканского. Таким образом, для Англии, несомненно, было бы выгоднее каким-либо соглашением принудить нас к нейтралитету.

Но этого не случилось. Договора относительно экваториальных областей говорили только о том, что при столкновениях двух из подписавших соглашение держав третья может предложить свои услуги в качестве посредника. Но, насколько мне известно, никто не предлагал такого посредничества. Итак, мы не были обя-

говора. С военной точки зрения, для нас, а не для англичан, было выгоднее, чтобы война велась и на восточно-африканской территории. То обстоятельство, что нам не нужно было оставаться нейтральными, дало нам возможность, используя благоприятные условия морского побережья, служить опорным пунктом и убежищем для крейсерской войны в Индийском океане. Но, что важнее всего, мы могли со своими несколькими тысячами человек удерживать в продолжение всей войны значительно превосходившие нас неприятельские силы.

Наши колониальные войска в начале войны состояли из 216 белых (из которых часть считалась ушедшими в отпуск) и 2540 аскари. В полицейских частях было 45 белых и 2140 аскари; к этому позднее прибавился личный состав с «Кенигсберга»¹ (который в начале войны ушел в плавание) — 322 человека и парохода «Чайка» — 102 человека. Наши силы во время войны в общем переоценивались противником, хотя сообщения, непонятным образом появившиеся в германской печати, давали неприятелю довольно верные сведения. Фактически во время войны наибольшее число войск едва достигало 3000 европейцев и 11 000 аскари. Приведенные цифры содержат также в себе и всех нестроевых — например, полицейскую охрану, санитарный состав, служащих магазинов и т. д. Во сколько миллиардов обошлась противнику попытка сломить наши небольшие военные силы — вероятно, тоже когда-нибудь будет изложено в английской печати. Здесь же можно только отметить, что мы были в состоянии продолжать войну еще несколько лет и после 1918 года.

Что касается неприятельских сил, то в моем распоряжении нет точных сведений, и я должен возложить ответственность за правильность приводимых мной цифр на английских офицеров и на сообщения печати. По этим данным, против нас было выставлено 130 генералов и около 300 000 солдат, причем противник потерял 20 000 европейцев и индусов убитыми и 140 000 лошадей и мулов. Эти цифры, особенно число генералов, кажутся мне самому несколько преувеличенными — а потому я могу только повторить, что взяты они из английских источников. Во всяком случае, потери должны были быть очень велики, и, принимая во внимание то обстоятельство, что число убитых и умерших чернокожих солдат не опубликовано, общее число погибших можно считать не ниже

¹ До начала войны легкий крейсер «Кенигсберг» базировался на Восточную Африку. (Прим. ред.)

60 000 человек. В журнал военных действий уже сейчас внесено, по крайней мере, около тысячи боев, хотя в нем нет еще сведений от Тафеля и Винтгенса.

Было очень интересно в эти напряженные дни наблюдать поведение Кинга, английского консула в Дар-эс-Саламе. Его можно было встретить везде — и в офицерском собрании за игрой в карты, и на почте, куда сдавались наши телеграммы. Захваченные позднее у Танги официальные распоряжения английского экспедиционного корпуса, которые по большей части были основаны на сведениях от Кинга, показали, как был спокоен этот человек накануне войны и как отлично он был осведомлен о внутренних делах нашей колонии. Его оценка обстановки отличалась такой полнотой, что он сравнивал между собой европейцев различных областей в отношении их боевых качеств и отмечал отсутствие у дар-эс-саламцев большого стремления к бою. Будучи честным, нужно признать, что, действительно, большей части тамошних немцев, а также тамошним правительственным учреждениям потребовалось некоторое время, пока они прониклись воинственным настроением, без которого нельзя было выполнить нашу задачу.

Очень тяжелое положение имело место в приморских районах, густо населенных европейцами (среди них было много женщин и детей), которые каждую минуту могли подвергнуться обстрелу со стороны английских военных судов. Губернатор отстаивал ту точку зрения, что необходимо во что бы то ни стало избежать подобного обстрела. Согласно существующим законам, которые, без сомнения, не предусматривали случая европейской войны, высшая военная власть в колонии находилась в руках губернатора. Вследствие прекращения связи с Германией не было возможности изменить этот порядок, и я должен был считаться с этим очень значительным, с военной точки зрения, затруднением. При точном выполнении указаний губернатора следовало учитывать, что Дар-эс-Салам и Танга, начальные пункты наших железных дорог и готовые опорные пункты для неприятельских операций от побережья в глубь страны, быстро и без боя попадут в руки противника.

По моим соображениям, лучше всего мы могли защитить колонию, угрожая неприятелю на его собственной территории. Мы могли очень сильно его связать на чувствительном для англичан пункте — Угандийской железной дороге. Густо населенный на-

шими колонистами район Северной железной дороги (Танга—Неймоши) до известной степени способствовал этому плану. Но губернатор не согласился с предлагаемым мною еще раньше сосредоточением войск на севере, у Килиманджаро. Однако для того, чтобы вообще иметь возможность действовать, надо было сосредоточить части, разбросанные по всей колонии. Так как этого нельзя было сделать в желательном для меня районе Килиманджаро, сбор войск поневоле пришлось произвести в одном переходе к западу от Дар-эс-Салама, на высотах Пугу. Здесь дар-эс-саламская рота соединилась с ротами, переброшенными частью пешком, частью по железной дороге из Килиманджаро, Таборы, Уджиджи, Узумбуры и Кисенджи. Полиция, которая после небольших связанных с войной приготовлений должна была немедленно присоединиться к колониальным войскам, поступила в мое распоряжение, включив в свой состав некоторое количество служивших ранее аскари. Таким образом, сразу было сформировано четыре новых роты, получивших номера с 15-го по 18-й.

Немцы, находившиеся в отпуске, были призваны по мере надобности, и каждая рота состояла в среднем из 16 европейцев, 160 аскари и 2 пулеметов.

В некоторых местах призыв европейцев в армию натолкнулся на затруднения. На запросы команд некоторых кораблей Восточно-Африканской линии, которые стояли в гавани Дар-эс-Салама, комендант станции ошибочно ответил, что для них в войсках места нет. По предложению заместителя губернатора людям этим было предложено дать подписку, по которой они брали на себя обязательство оставаться во время войны нейтральными. Затем им стало ясно, что это является проступком против воинской повинности, и, кроме того, такое обязательство противоречило их здравому чувству долга. С подробным изложением всех обстоятельств они обратились ко мне. К счастью, еще можно было исправить эту ошибку, так как их обязательства о нейтралитете не попали в руки неприятеля.

Число носильщиков в роте колебалось и составляло в среднем примерно около 250 человек. Находившиеся в гавани Дар-эс-Салама запасы оружия, снаряжения и прочие военные припасы были распределены по различным пунктам внутри страны вдоль железной дороги, где были учреждены склады.

Подготовка войск стала производиться в спешном порядке, и уже тогда оправдала себя предложенная одним практичным рот-

ным командиром, капитаном Тафелем, маскировка наших головных уборов травой и листьями. Возникал, конечно, вопрос, способны ли наши аскари воевать против европейских частей. Это оспаривалось многолетними знатоками страны. Однако, по моим наблюдениям, сделанным во время восстания в Южной Африке 1904—1907 годов, я был убежден, что у восточно-африканских чернокожих (которые, как и гереро, принадлежали к той же самой обширной группе племен банту) можно пробудить храбрость и военные способности. Это был известный риск, но у нас не имелось другого выхода.

Все организационные вопросы, которые обыкновенно тщательно обдумываются и подготавливаются еще в мирное время, в данном случае необходимо было решать немедленно. Сюда относилось чрезвычайно важные задачи снабжения и пополнения. Приходилось в первую очередь обращать внимание на большие дороги, важные в военном отношении.

Прежде всего выяснилось, что между Центральной и Узамбарской железными дорогами не было никакого сухопутного сообщения. Связь между ними в мирное время осуществлялась парходом, от Дар-эс-Салама до Танги; теперь же, в связи с господством на море англичан, эта возможность была исключена. Очевидно, при строительстве дорожной сети не подумали о военных надобностях. Для исправления этого недочета нам пришлось проложить этапную дорогу к Северной железной дороге между Морогоро и Корогве. Вторая дорога проходила западнее массейских земель от Додомы через Кондоа-Иранги и Уфиоме к Аруше. Третья дорога шла из богатой области Таборы, главного города территории Ваньямвези, к Муанзе у озера Виктория и в область Васукума, которые были населены наиболее значительными из наших племен, что признавалось и консулом Кингом. Эта дорога имела большое значение еще потому, что по ней, кроме скота, нам доставлялся рис из области озера Виктория. Другие линии связывали Килоссу с богатыми областями Махенге, Иринга и даже Нейлангенбургом, которые покрывали большую часть нашей потребности в пшеничной муке.

После того как первоначальная организация снабжения была в общем и целом закончена, командование не могло уже в дальнейшем вникать во все мелочи. Нужно было найти человека, который по своей военной подготовке был бы способен руководить службой снабжения не только с точки зрения простого управле-

ния, но и учитывая также настойчивые требования боевой обстановки.

Генерал-майор в отставке Вале, который 2 августа случайно прибыл для посещения сына и Дар-эс-Саламской выставки, немедленно предоставил себя в распоряжение армии и по моей просьбе принял руководство этапами. Его задача была особенно трудной, потому что там, где не было железных дорог, могли быть использованы только туземцы-носильщики. Я не располагаю никакими данными о числе носильщиков, потребовавшихся для обслуживания армии, и было бы очень трудно установить эти цифры. В это число необходимо включить также людей, которые только переносили тяжести с одного места на другое, пока их не принимал постоянный носильщик. Однако можно, пожалуй, без преувеличения сказать, что в общем обслуживанием армии были заняты сотни тысяч носильщиков, которых необходимо было, в свою очередь, снабжать продовольствием и обеспечить во врачебном отношении.

Среди многих других затруднений следует упомянуть еще об одном — совершенно особого рода. В мирное время европейцы в тропических колониях из гигиенических соображений привыкли к известным удобствам. Европейских продуктов в Восточной Африке достать нельзя, но только немногие европейцы привыкли жить фруктами, которые доставлялись туземцами или природой. А ведь здесь редко можно найти убежище под крышей. Необходимо также защита от москитов. Таким образом, европеец, чиновник или военный, едва ли мог обойтись в дороге менее чем 11 носильщиками, которые кроме его палатки, походной кровати и одежды несли также значительное количество продовольствия. Но такое число носильщиков было неприемлемо для армии, которая должна быть подвижной, а между тем дальнейшие затруднения заключались в том, что почти каждый аскар имел мальчика-слугу. Чрезвычайно трудно бороться с подобными обычаями наивных людей, которые благодаря исламу еще более непоколебимо придерживаются своих закоренелых предрассудков и, кроме того, обладают большой гордостью и очень тщеславны¹.

В тропической войне, которая нам предстояла, обеспеченность в санитарном отношении играла большую роль. Туземец в общем-то крайне невосприимчив к малярии, и редко случается, чтобы

¹ Наличие такого слуги было признаком достоинства. К тому же многие из слуг были любовниками аскари. (Прим. ред.)

аскари действительно заболел, но некоторые племена, которые живут в высоко лежащих, свободных от малярии областях, как, например, вадшага у Килиманджаро, и у которых поэтому с детства не выработан иммунитет, сильно страдают от этой болезни, как только спускаются в равнину. Каждому европейцу необходимо строго применять средства механической защиты, вроде москитной сетки, против малярийного комара — начиная с вечерних часов и до утра. Я много месяцев спал на земле, и в этом случае меня также спасала москитная сетка. Конечно, у меня все-таки десятки раз была малярия, так как в поле не всегда имеется возможность применять санитарные меры.

Для нас было большим счастьем, что в Танганьике находилось значительное число санитарных офицеров для изучения и борьбы с сонной болезнью, так как это давало возможность обеспечить почти каждую роту врачом.

Хлопоты, которые принесла с собой вся эта мобилизационная работа, не давали ни днем ни ночью передышки туземцу у телефона в Пугу, и надо было удивляться, с какой ловкостью здесь и в других местах туземец обслуживал свой аппарат. Его большая восприимчивость к технике оказала нам ценные услуги.

Разумеется, возникало бесчисленное число затруднений и недоразумений. Случалось, что в первые дни скот, который перегонялся из области севернее Таборы в Дар-эс-Салам для снабжения тамошнего гражданского населения, встречался по дороге с другим гуртом скота, шедшим в то же время в обратном направлении для войсковых надобностей. Я еще до сих пор с дрожью во всем теле вспоминаю, как на станции Пугу подобный поезд, нагруженный лучшим скотом для выставки, на всем ходу врезался в другой, около которого я стоял, и едва не причинил чувствительных для нас потерь личному составу, необходимому для проведения мобилизации.

Наш сборный пункт был расположен внутри страны, примерно в 20 километрах от Дар-эс-Салама, у подножия горы Пугу. Лес там чрезвычайно густой, и район покрыт туземными и европейскими плантациями. Несмотря на слегка возвышенное положение, Пугу принадлежит к жаркой береговой полосе, и, хотя август относится еще к прохладному времени года, температура была такой, какую мы определяем выражением «тропическая». Это давящая, слегка влажная жара, которая делает большие переходы очень изнурительными для европейцев.

В то время мы имели еще для европейцев палатки и для каждого походную кровать с неизбежной сеткой от москитов, так что в этом отношении не существовало никаких затруднений. На случай болезни был открыт приемный полевой лазарет на ближайшей плантации Вихман.

Глава третья. Первые бои

(Август—сентябрь 1914 года)

Обстрел станции беспроводного телеграфа в Дар-эс-Саламе. Переговоры гражданских властей о сдаче «Кенигсберга» и «Меве». Взятие Таветы. Переход главных сил к Северной железной дороге. Новые телеграфные линии. Обстрел Багамоджо. Действия против британской Угандийской железной дороги. Малая война на севере.

Итак, мы вели в лагере Пугу деятельную подготовку, когда 8 августа утром, до полудня, со стороны Дар-эс-Салама послышался сильный артиллерийский огонь. По полученным скоро донесениям, он исходил от двух небольших английских крейсеров — «Астрей» и «Пегасус», которые взяли на прицел станцию беспроводного телеграфа. Эта станция была выдвинута далеко в море, так как этим достигался большой радиус действия в сторону открытого моря. Станция в Дар-эс-Саламе была для нас очень ценной, так как строящаяся большая станция в Таборе еще не была готова, а две небольшие станции Муанзы и Букобы имели только местное значение. Станция была разрушена не англичанами, а взорвана нами самими из опасения, что она легко могла попасть в руки неприятеля. Спустя некоторое время офицер-наблюдатель передал донесение, что неприятель, по-видимому, готовит десант у Кондучи, в одном дневном переходе к северу от Дар-эс-Салама. По характеру берега это было правдоподобно. Поэтому я приказал семи наличным ротам аскари немедленно выступить, чтобы использовать благоприятный случай захватить неприятеля врасплох во время самой высадки.

Перед выступлением в поход я говорил на станции Пугу, во время остановки поезда, с губернатором Шнее, проезжавшим в Морогоро. Он казался очень удивленным враждебными действи-

ями со стороны англичан и вполне был согласен с моим намерением атаковать неприятеля у Кондучи, По дороге туда я встретил двух чиновников Дар-эс-Саламского управления, которые мне показали официальный документ о переговорах относительно передачи Дар-эс-Салама англичанам. Так как губернатор мне об этом ничего не сообщил и, кроме того, я очень торопился, то я только бегло взглянул на бумагу. Мне не приходила мысль, что здесь может быть речь о договоре, одобренном губернатором. Когда же войска ночью достигли гор в 16 километрах севернее Дар-эс-Салама и мы на следующее утро увидели гавань и расположенные перед ней английские крейсера, то выяснилось, что сообщение о попытке десанта в Кондучи было ошибочным. Мы твердо установили, что английские корабли имели сообщение с берегом, и мне стало теперь ясно, что с неприятелем ведутся переговоры.

Тогда я направился к городу, и, так как можно было опасаться, что поспешность в данный момент может, по всей вероятности, привести к заключению невыгодного для нас договора, я послал вперед капитана Тафеля. Он должен был объявить, что я принимаю исполнительную власть и что сношение с неприятелем должно происходить исключительно через меня. Только через капитана Тафеля я узнал, что действительно, по распоряжению губернатора, проходят переговоры. Мое вмешательство губернатором, которому принадлежало право использования колониальных частей, одобрено не было, но верховная военная власть предоставлялась ему, конечно, в расчете на совершенно другие обстоятельства.

Практически в данный момент это не имело никаких последствий. Только несколько английских морских отрядов побывало на берегу и уже вернулось на корабли. Но настоящий солдат не мог допустить, что здесь перед глазами большей части армии, силой в тысячу человек, заключался договор, который запрещал нам всякие враждебные действия в Дар-эс-Саламе, в то время как со стороны неприятеля это обстоятельство принимал на себя только командующий флотом. Таким образом, мы были бы связаны, неприятель же фактически сохранял свободу действий. Он мог маневрировать, осуществлять разведку и затем — как он это скоро и сделал — открыть операции против Дар-эс-Салама.

«Кенигсберг» уже несколько дней тому назад вышел из гавани Дар-эс-Салама, а лежавшее в гавани измерительное судно «Меве» было взорвано своим командиром 8 августа. Это означа-

до для нас ценное увеличение сил на суше, так как командир «Меве» капитан Циммер поступил теперь в мое распоряжение. Обер-лейтенант морской службы Горн отправился 9 августа с 30 матросами в Кигому, где принял и вооружил небольшой пароход «Гедвиг фон Виссман». Он охотился на Танганьике за бельгийским пароходом «Делькоммун», который 22 августа удалось захватить врасплох и повредить. Таким образом, за нами было обеспечено чрезвычайно важное господство на озере Танганьика. Быстрая переброска войск, расположенных у Центральной железной дороги на Бисмаркбург или на Узумбуру, зависела, безусловно, от наличия постоянного и беспрепятственного транспорта по озеру Танганьика, и это сыграло большую роль в дальнейшем ходе операций.

На севере колониальной области стоявшая в Аруше 1-я рота была усилена 13-й ротой, прибывшей из Кондоа, а также одной ротой, сформированной из полицейских аскари в Неймоши. Точно так же и большая часть европейцев северного округа была сведена в отряд под командой капитана фон Принца. Эти войска находились главным образом в области Неймоши. Лежащая восточнее на английской территории Тавета была занята неприятелем. Было очень важно быстро захватить этот пункт, владение которым давало неприятелю возможность угрожать нашим европейским поселениям северных областей. Потребовалось немало времени, пока удалось двинуть туда войска. Многие немецкие чиновники думали, что мы на основании договора обязаны оставаться нейтральными, и проявляли мало доверия к моим распоряжениям. В результате слабо укрепленная неприятелем Тавета была взята только 15 августа.

Ведение боя показало, что войска нуждаются еще в длительном обучении совместным действиям в закрытой местности, поросшей кустарником. Командование на севере принял капитан Краут, который случайно оказался в северо-западной пограничной области для уточнения линии границы. В следующие дни удалось также убедить и губернатора, обладавшего высшей военной властью в колонии, согласиться на переброску главных сил обороны к Северной железной дороге.

Это само по себе простое передвижение требовало в условиях данной обстановки значительной подготовки. Можно было найти очень мало немцев, которые настолько хорошо знали бы всю область между Дар-эс-Саламом—Морогоро с одной стороны и

Танга—Корогве — с другой, чтобы быть в состоянии дать верные сведения в отношении дорог и условий снабжения. Было необходимо послать офицеров-разведчиков, чтобы таким способом определить число дорог, годных для подвоза. Однако проверить результаты этой разведки было невозможно, а требовалось уже начать марш. По предположениям европейцев, область эта была редко населена, а по имеющимся сведениям местные средства едва ли могли дать продовольствия и воды на часть более роты. Поэтому не представлялось возможным без приготовлений и глубокого эшелонирования направить по одной дороге колонну численностью более чем в роту. В то время у нас еще не имелось опыта быстрого сбора продовольствия, который армия приобрела к концу войны. В общем, дело сводилось к тому, что марш и снабжение одной роты в местной обстановке требовали примерно таких же усилий, как обеспечение действий пехотной дивизии в германских условиях. При подобном передвижении нужно было считаться с опасностью, что подразделения известное время будут недосыгаемы для приказов. Единственная телеграфная линия от Центральной железной дороги на север шла непосредственно вдоль побережья и в любое время могла быть прервана неприятелем, если бы он захотел это сделать.

Быстрота, с которой директор почт Роте и секретарь Крюгер, идя навстречу потребностям армии, приступились к постройке новой проволочной линии Морогоро—Гандени—Корогве, при этом под давлением обстоятельств временно отказавшись от обычной для тропиков прочности, — эта быстрота дала возможность проложить линию всего за несколько недель. В мирное время, во избежание порчи линий термитами, ставились основательные железные телеграфные столбы, которые, из-за многочисленности в этой области жирафов, должны быть очень высоки и снабжены крепкой телеграфной проволокой. Эта же вынужденная легкость постройки и проводки кабеля имела следствием непрерывную порчу и ремонт линии.

Между тем полученные донесения о движении мелких неприятельских партий у Яссини (в двух переходах севернее Танги) укрепили во мне уверенность, что неприятель намерен высадить здесь десант для быстрого вторжения внутрь страны вдоль Северной железной дороги. Отдельные роты, выступившие из различных пунктов участка железной дороги Дар-эс-Салам—Мпауа, находились на марше, сосредоточиваясь главным образом у Ган-

дени. Еще несколько частей направлялись на участок Танга—Корогве, когда я, находясь в Пугу, 23 августа после обеда был вызван по телефону обер-лейтенантом фон Шаппюи, который находился у Багамоджо с 17-й полевой ротой. Он сообщил мне, что небольшой английский крейсер появился перед Багамоджо, предложил местному начальнику гражданского управления разрушить телеграфную станцию и угрожал в противном случае обстрелять город. Я приказал фон Шаппюи немедленно принять на себя всю полноту власти и силой воспрепятствовать десанту неприятеля. Поэтому лодка с военного корабля, которая под парламентарским флагом хотела пристать к берегу, была отослана обратно, и в результате город подвергся обстрелу. Это доставило большое развлечение роте и туземцам, так как удачных попаданий почти не было.

В конце августа командование отправилось по железной дороге в Кимамба у Морогоро. По дороге генерал Вале, который из Морогоро руководил этапным делом, пожелал мне удачи в решительном бою, которого мы ожидали в окрестностях Гандени, и для участия в котором направлялся также и его сын. Затем командование двинулось дальше к Гандени на двух реквизированных автомобилях. Но после 30 километров езды нам пришлось отказаться от этого способа передвижения, так как намеченный ремонт дороги еще не был завершен. Капитан фон Хаммерштейн и я продолжали дальнейший путь на велосипедах и обгоняли на походе одну роту за другой.

Предположение о десанте неприятеля не подтвердилось, и в начале сентября мы прибыли в Корогве. Между тем в Танге появился английский крейсер и увел стоявшие там катера.

Теперь нужно было организовать подвоз и снабжение армии на севере. Прежний полевой интендант капитан Шмидт выбыл вследствие болезни, и найти подходящего человека было трудно. По счастливой случайности нашелся заместитель в лице отставного капитана Фейльке — долголетнего опытного руководителя плантациями в Узамбаре, который находился в окрестностях Танги, где и предоставил себя в распоряжение армии. Бывший адъютант 8-го егерского батальона, этот 52-летний опытный и ловкий офицер наилучшим образом соединял военное образование, необходимое для трудных обязанностей интенданта, с хозяйственными способностями. Он явился немедленно, и мы оба поехали в Неймоши, где я встретил капитана Краута. В предгорьях Кили-

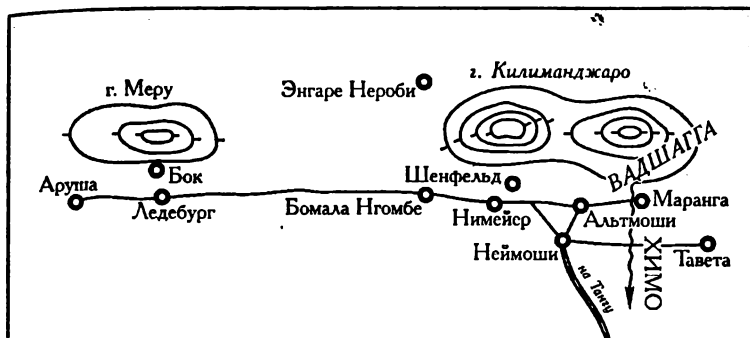
манджаро малая война уже была подготовлена: там имелись продовольственные склады. Наши дозоры ходили через Тавету в направлении британской Угандийской железной дороги, и дело уже доходило до многочисленных мелких стычек.

Но войска не обладали еще в то время необходимым для дальних поисков опытом, который позднее приводил к удачным разрушениям железной дороги. Первые дозоры достигли Угандийской дороги наполовину истощенными и были взяты в плен. Я отправился из Неймоши в лагерь на реке Химо, где на укрепленной позиции находился капитан фон Принц. Он сопровождал меня к Тавете, занятой выдвинутым вперед офицерским постом. Мы могли теперь обсудить на месте перевод сюда главных сил северной группы. Местное очень многочисленное туземное население всецело доверяло поставленному армией европейскому управлению; жители продавали свои продукты на базаре; настроение было очень благоприятное.

Это было важно, так как с самого начала войны во многих местах возникло опасение туземных восстаний. В районе Центральной железной дороги появились дикие слухи о возмущении вахе — одного из тех воинственных племен, которые в районе Иринги так долго сопротивлялись германскому владычеству. В свою очередь, у Килиманджаро опасались восстания вадшагга. Многочисленные черные рабочие на европейских плантациях Северной области тоже считались администрацией неблагонадежными по причинам продовольственного характера. Однако все эти опасения в общем не оправдались. Позднее грамотный пленный английский аскари сказал мне прямо: «Ты ведь знаешь, что туземцы всегда стоят за того, кто сильнее». А английский масай выразился еще более откровенно: «Нам безразлично, кто наши господа — англичане или немцы».

Только позднее, после вторжения неприятеля, туземцы начали представлять для нас опасность; тогда она стала, разумеется, очень велика. Туземец обладает хорошим чутьем на то, когда фактическая власть переходит из одних рук в другие.

После возвращения на короткое время в Корогве командование перешло в Неймоши и вскоре затем в Тавету. Три из прибывших к Северной железной дороге рот сосредоточились у Танги, остальные пять были направлены в область Килиманджаро. Вблизи Дар-эс-Салама остался только капитан фон Карнацки с вновь сформированной 18-й ротой.

Местность между г. Меру и г. Килиманджаро

В следующий период были начаты действия различных летучих колонн силой до роты, цель которых состояла в том, чтобы оттеснить в глубь английской области неприятельские отряды, удерживавшие, согласно полученным донесениям, приграничные пункты с источниками воды, нанести им потери и этим облегчить действия наших патрулей против Угандийской и Магадской железных дорог. Так, в конце сентября капитан Шульц двинулся со своей ротой из Килиманджаро вниз по реке Тсаво, пробился к Угандийской дороге и там натолкнулся на противника силой в несколько рот, которые, вероятно, были переброшены по железной дороге. Севернее Килиманджаро капитан Тафель преследовал со своей ротой и отрядом европейцев силой в 50 человек английскую конную колонну, но был затем атакован ею в густом кустарнике в своем лагере у горы Энгито.

Это был первый сравнительно серьезный бой наших аскари на севере. Хотя неприятель состоял из английских и бурских фермеров, то есть хороших наездников и стрелков, которые были привычны к жизни в степи, наши аскари так энергично перешли в атаку с примкнутыми штыками, что противник силой в 80 европейцев оставил на месте около 20 человек убитыми. Таким образом, вместе с ранеными, его потери можно определить, по крайней мере, в половину всего отряда.

Точно так же, как и у Килиманджаро, действия капитана Баумштарка, который командовал тремя сосредоточенными у Танги ротами, привели к боям в пограничной области между Яссини и Момбасой. Одновременно цель всех этих предприятий заключалась в том, чтобы создать необходимую ясность в сведениях об

этом неизвестном районе военных действий. Таким образом, постепенно нами была получена точная картина страны и населения. Английская пограничная область вдоль самой границы была густо населена и богато застроена. Дальше вглубь она имела характер безводной степи, покрытой местами густым кустарником. Среди степи поднимались несколько горных хребтов, которые очень часто представляли собой скалистые массивы.

После операций наши войска были расположены в нескольких укрепленных лагерях восточнее Килиманджаро, командование же, вследствие трудности связи, скоро вернулось из Таветы в Неймоши.

Проволочную связь между Неймоши и Таветой прибывший позже директор полевой почты мог характеризовать только как «сносную». Изоляторами служили отбитые горлышки от бутылок, прикрепленные на кольях или на ветках от деревьев; проволока была взята из изгородей на плантациях. Однако повреждения были настолько частыми и значительными, что широкий обмен сведениями и донесениями долго продолжаться не мог.

Наша связь с внешним миром с началом войны была почти что отрезана, и хотя вначале мы принимали радиопередачу из Каминь, а также при благоприятном состоянии погоды — сообщения по радио из Науена, но обычно для получения новостей мы были вынуждены перехватывать неприятельские разговоры по радио либо захватывать неприятельскую почту или другие документы.

Глава четвертая. Ноябрьские бои у Танги

(Октябрь—ноябрь 1914 года)

Разведка у Танги. Появление английского десантного корпуса. Сосредоточение всех наличных войск. Первый бой у Рас-Казоне. Разведка в оставленной Танге. Описание вероятного поля боя. Распределение рот. Высадка неприятеля. Атака. Тяжелое положение обороняющихся. Контрудар резервных частей. Беспорядочное бегство неприятеля. Неудачное преследование. Огромные английские потери. «Дрессированные пчелы». Переговоры о выдаче раненых. Большие трофеи. Собственные потери. В лазарете. События у горы Лонгидо.

Добытые английские газеты указывали, что Германия особенно мучительно почувствовала потерю своих колоний и что германская Восточная Африка — самая «ценная добыча». Перехваченная почта сообщала о предстоящем прибытии индусского экспедиционного корпуса в 10 000 человек. Так как я, уже по другим соображениям, всегда считался с вероятностью неприятельского десанта в крупном масштабе в окрестностях Танги, то в конце октября отправился туда, объездил всю местность в захваченном с собой автомобиле и договорился на месте с капитаном Адлером, командиром 17-й роты, а также и с окружным чиновником Аурагером. К счастью, он согласился с тем, что, при серьезной угрозе Танге, необходимо прежде всего действовать совместно. Это имело большое значение, особенно потому, что, согласно указаниям губернатора, необходимо было при всех обстоятельствах избежать обстрела Танги. Таким образом, взгляды на то, как следует поступить в данном случае, могли быть самыми разнообразными.

Спустя несколько дней после моего возвращения в Неймоши, 2 ноября, из Танги телеграфировали, что 14 неприятельских транспортных судов и 2 крейсера появились перед городом и потребовали его безоговорочной сдачи. Переговоры об этом затянулись, так как окружной чиновник Аурагер, который отправился на корабль, сказал, что он должен запросить особые инструкции, и предотвратил предполагаемую бомбардировку замечанием, что Танга — открытый и неукрепленный пункт. Капитан Баумштарк, находившийся с двумя ротами в пограничной области севернее

Танги, был немедленно двинут на Тангу. Одновременно перебросили усиленными переходами к Неймоши из Таветы и Килиманджаро обе европейские роты и роту аскари. Большую помощь оказали нам два грузовых автомобиля, которые при этом передвижении войск служили для подвоза продовольствия на участке Неймоши-Тавета. Я решил сосредоточить возможно ближе к Танге против вполне вероятного десанта все части, какие можно было использовать. Даже при усиленных переходах войск этот план мог быть выполнен только при условии, что Северная железная дорога увеличит свою пропускную способность до крайних пределов. А это было чрезмерное требование при наличном числе паровозов. Их насчитывалось всего восемь.

Этот участок длиной около 300 километров — узкоколейная железная дорога, по которой при полном составе поезда от 24 до 32 осей можно было отправить только одну роту с обозом — или две роты без обоза и без носильщиков. Только содействием всех имеющих отношение к этим перевозкам лиц, сопровождавших поезда у Танги до поля сражения и в полосе обстрела, можно объяснить, что эта задача вообще смогла быть выполнена. Еще 2 ноября были перебросены по железной дороге расположенные в самом Неймоши войсковые части (всего — полторы роты), а утром 3 ноября — штаб со следующей ротой; три остальные роты последовали позднее. Таким же способом были стянуты в Тангу и все мелкие формирования железнодорожной охраны. Настроение отъезжающих войск было блестящим. Однако это отчасти следует приписать тому, что аскари не отдавали себе ясного отчета в серьезности положения, отчасти же тому, что для них поездка по железной дороге при всех обстоятельствах являлась большим развлечением.

Командование прибыло в Корогве 3 ноября вечером. Я отправился в устроенный там лазарет и разговаривал с ранеными в бою у Танги, вернувшимися в тот же день. Один из них, обер-лейтенант Меренский, сообщил мне, что 2 ноября у Танги происходили стычки между сторожевыми охранениями и между патрулями в окрестностях Рас-Казоне и что 3 ноября подошедший к Рас-Казоне неприятель, силой, по-видимому, в несколько тысяч человек, атаковал 17-ю роту восточнее Танги. Эта рота, усиленная европейцами и полицейскими аскари из Танги под командой обер-лейтенанта Аурахера, сдерживала наступление, пока не вмешались прибывшие первыми из Неймоши полторы роты, которые были немедленно направлены против левого фланга неприятеля

и отбросили его. Обер-лейтенант Меренский считал, что неприятель совершенно разбит и повторение атаки маловероятно.

Когда командование 4 ноября в 3 часа утра высадилось из вагонов в 6 километрах западнее Танги и там встретило капитана Баумштарка, я не мог еще составить ясной картины положения по тем отрывочным телеграммам, которые были получены мною во время переезда.

Капитан Баумштарк считал, что при значительном превосходстве противника в случае повторения атаки удержать Тангу будет нельзя. Поэтому к вечеру он собрал в 6 километрах западнее Танги свои две роты, прибывшие с севера, и части, которые накануне принимали участие в бою у Танги, а в самом городе оставил только патрули.

Свободна ли Танга или же занята неприятелем — об этом сейчас не было никаких сведений. Сильные офицерские патрули были тотчас же посланы через Тангу на Рас-Казоне. К счастью, мы захватили с собой несколько велосипедов, и, таким образом, я смог быстро добраться до вокзала Танги с капитаном фон Хаммерштейном и вольноопределяющимся военного времени Лесселем. От встреченного здесь передового поста 6-й полевой роты я также не сумел узнать ничего нового о неприятеле и поехал дальше через опустевшие улицы города. Город был совершенно оставлен, и белые дома европейцев резко выделялись при ярком свете луны на улицах, по которым мы проезжали. Таким образом, мы достигли гавани на противоположном конце города.

Танга была свободна от неприятеля. В 400 метрах перед нами лежали ярко освещенные транспортные суда, на которых царило большое оживление; не могло быть никаких сомнений, что готовится десант. Я пожалел, что наша артиллерия — мы имели также два орудия образца 1873 года — еще не прибыла. Здесь при ярком лунном освещении и на таком близком расстоянии она могла бы стрелять успешно, несмотря на присутствие неприятельских крейсеров.

Затем мы поехали дальше на Рас-Казоне, где оставили в правительственном госпитале свои велосипеды, и пошли пешком к морскому берегу, у которого, совсем перед нами, стоял английский крейсер. На обратном пути у самого госпиталя нас окликнул, по-видимому, индусский пост — мы не могли понять языка, — но мы ничего не увидели. Мы сели на велосипеды и поехали обратно. Начинало светать, и слева от себя мы слышали первые

выстрелы. Это был офицерский патруль лейтенанта Бергмана 6-й полевой роты, который западнее Рас-Казоне наткнулся на патруль противника. Один из моих велосипедистов был послан к капитану Баумштарку с приказом немедленно выступить со всеми своими частями к вокзалу Танги. Для принятого мною плана предстоящего боя местность имела решающее значение. На севере дома расположенной у гавани европейской части города давали укрытие от взоров, а следовательно, и от артиллерийского огня близлежащих крейсеров. Город был окружен многочисленными кокосовыми пальмами и каучуковыми деревьями, которые простирались почти до Рас-Казоне и между которыми, кроме туземной чисти города, были также разбросаны и несколько туземных плантаций. Мелкий кустарник имелся только в немногих местах, и местность была совершенно ровная.

Представлялось наиболее вероятным, что противник произведет давление на нашем южном, т. е. правом, фланге, не только если он высадится в Рас-Казоне, но и при одновременной высадке сразу в нескольких пунктах, например также у Мвамбани. Точно так же и для нас местность южнее Танги давала больше свободы действий. Я решил принять предполагаемый удар противника, заняв восточную окраину Танги и эшелонировав сильные резервы за своим правым участком для контратаки во фланг противнику.

При постановке частных задач необходимо было принять во внимание особенности каждой части армии. В то время каждая рота имела еще свой особый отпечаток, в зависимости от своего состава и условий формирования. Лучшей роте, 6-й полевой, которая в мирное время получила в Уджиджи тщательную подготовку и в пулеметной стрельбе, было поручено занять широким фронтом восточную окраину Танги. Правее и уступом сзади нее, вне Танги, находился эшелонированный батальон Баумштарка, в составе 16-й и 17-й полевых рот, образованных из полиции и сводной роты из мелких отдельных формирований. Еще правее и уступом назад, у телеграфной линии Танга—Пангани, оставались в моем распоряжении три хороших роты из европейцев, а именно 7-я и 8-я колониальные роты с 3 пулеметами и 13-я полевая рота с 4 пулеметами. Само командование осталось вблизи дороги Танга—Пангани и включилось в проходящую здесь телеграфную линию. 4-я и 9-я полевые роты, а также батарея капитана Геринга из двух орудий образца 1873 года находились еще на походе, и время их прибытия было неизвестно.

В целом это расположение оставалось без существенных изменений и после обеда. Под палящим солнцем береговой полосы мы очень страдали от жажды, которую утоляли соком молодых кокосовых орехов. Кроме того, в Танге имелись еще обычные напитки, мы располагали вином и сельтерской водой. Войскам были даже доставлены мясником Грабовым теплые сосиски.

За всем происходящим у неприятельских судов велось непрерывное и зоркое наблюдение. Считали каждую лодку, которая от них отваливала, и ее экипаж. Я оценивал силы неприятеля, высадившегося до обеда, в 6000 человек. Но и при такой, слишком еще низкой, оценке противника я должен был поставить себе вопрос: следует ли мне с моими тысячью винтовками рискнуть и принять решительный бой? По многим причинам я ответил на этот вопрос утвердительно. Было слишком важно помешать неприятелю закрепиться у Танги. Иначе мы уступали бы ему лучшую базу для операций против северных областей. При своем движении он имел бы в Северной железной дороге отличное вспомогательное средство для наступления, и все новые войска и боевые средства могли бы быть им легко и неожиданно переброшены против нас. При таких условиях можно было с уверенностью ожидать, что мы не будем в состоянии удержать область Северной дороги и нам придется отказаться от столь удачного до сих пор способа ведения войны на границе с английскими колониями. Перед этими вескими и реальными соображениями должен был отойти на задний план приказ губернатора — избежать обстрела Танги при любом развитии ситуации.

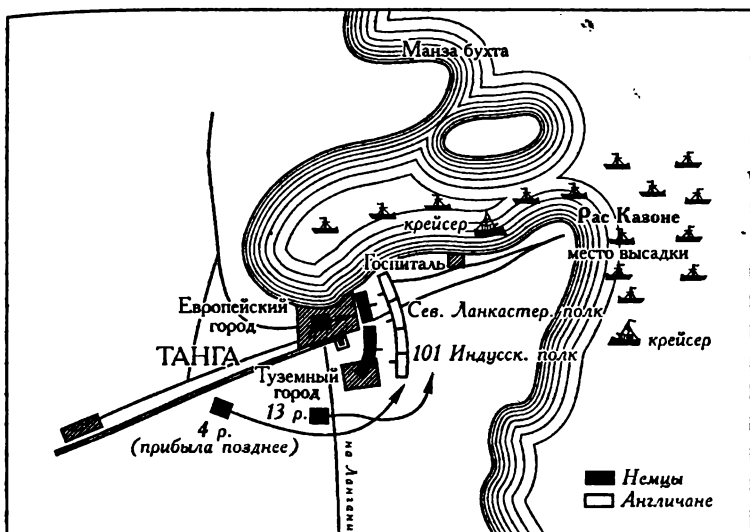
Некоторые данные были также в нашу пользу. Еще раньше, в Восточной Азии, мне пришлось лично познакомиться с неповоротливостью английских частей во время передвижений и в бою, и надо было ожидать, что затруднения для них возрастут во много раз на очень закрытой и совершенно незнакомой для неприятельского десанта местности. Малейшее нарушение порядка должно было повлечь за собой очень крупные последствия. Я рассчитывал использовать слабые стороны противника ловким и быстрым маневрированием своих частей; европейцы были хорошо знакомы с окрестностями Танги, а аскари чувствовали себя в кустарнике, как дома.

Конечно, в случае неудачи нам было бы очень плохо. Уже раньше мой активный способ ведения войны не находил одобрения, и если бы к этому еще прибавилось крупное поражение в бою, то я,

вероятно, окончательно потерял бы доверие войск. Точно так же и со стороны руководящих учреждений меня ожидали бы в дальнейшем большие затруднения. Приходилось принимать решение в тяжелой военной обстановке, которая совершенно напрасно усложнялась тем, что мне, ответственному руководителю, не было предоставлено достаточной свободы. Но ничего не поделаешь. Необходимо было рисковать всем.

Еще утром я лично приказал капитану фон Принцу продвигнуться к Танге с его двумя ротами европейцев, чтобы иметь возможность быстро и, не ожидая особых распоряжений, ввязаться в бой при нападении противника на роту аскари, расположенную на восточной окраине города. Я уже начал сомневаться, состоится ли вообще нападение противника в тот же день, когда в 3 часа пополудни один из аскари со своей простой и вместе с тем воинской выправкой доложил: «Адуи таджари» («неприятель готов»). Этого краткого донесения я никогда не забуду. В следующий момент одновременно по всему фронту вспыхнула ружейная перестрелка. При быстром развитии боя о постоянно меняющейся обстановке можно было судить только по направлению ружейной трескотни. Было слышно, как огонь с восточной окраины Танги перекинулся в город; это означало, что 6-я рота отброшена. Неприятель, превосходящий нас в 20 раз, проник в город до самого вокзала. Капитан Принц немедленно бросился вперед со своими двумя европейскими ротами, сразу остановил отход храбрых аскари и помог им перейти в наступление. Британский Северо-Ланкастерский полк, состоящий только из старослужащих европейцев, числом в 800 человек, был отброшен с тяжелыми потерями. Точно так же наступавшая между этим полком и берегом моря индусская бригада (кашмирские стрелки) после упорного уличного боя оказалась выбита из захваченных ею домов.

Южнее Танги капитан Баумштарк подкрепил фронт своей ротой, и я наблюдал, как после примерно часового боя аскари начали отходить между пальмами к дороге Танга—Пангани. Европейцы из штаба немедленно бросились туда и остановили этих людей. Я как сейчас вижу перед собой вспльчивого и упрямого капитана фон Хаммерштейна, когда он, полный возмущения, бросил пустую бутылку в голову одному из отступавших аскари. В конце концов, большая часть из сражавшихся здесь рот было молодыми, только что сформированными частями, которые смешались, попав под сильный неприятельский огонь. Но когда мы,

Сражение при Танге («Битва с ульями»)

европейцы, появились перед ними и начали над ними насмехаться, они скоро пришли в себя и убедились, что не всякая пуля попадает цель.

В целом натиск, который производился противником на нашем фронте, был все-таки настолько сильным, что я не считал возможным медлить дальше с выполнением своего плана и решил приступить к контрудару. Для этого в моем распоряжении была только одна-единственная рота, но это была хорошая, 13-я полевая рота. 4-я же рота, которую я с нетерпением ожидал с минуты на минуту, еще не прибыла.

До сих пор, судя по ходу боя, неприятель на своем открытом левом фланге не продвигался на юг дальше наших правоголанговых частей. Таким образом, сюда именно и был направлен сокрушительный контрудар, и каждому участнику должен быть памятен момент, когда пулеметы 13-й роты открыли фланговый огонь и привели к быстрому перелому боя. Весь фронт поднялся и бросился вперед с радостным криком. Между тем прибыла также и 4-я рота. Хотя вследствие недоразумения она и не была сразу направлена с похода южнее 13-й роты, чтобы усилить обходное движение, а заняла место между этой ротой и остальным фронтом, ей до наступления темноты все-таки удалось принять участие в раз-

витии успеха. Неприятель обратился в дикое бегство густыми толпами, и наши пулеметы перекрестным огнем с фронта и флангов косили целые роты, человека за человеком. Несколько аскарки явились к нам, сияя от радости, с английскими винтовками за спиной и с пленными индусами. Однако тех наручников для немецких пленников, которые мы нашли у индусов, никто из нас на них не надел.

Представьте себе этот момент: в густом лесу все части многократно и беспорядочно перемешаны — свои с вражескими; раздаются нестройные крики на различных языках, и ко всему этому надо добавить быстро опускающуюся тропическую ночь. Тогда станет понятно, что организованное мною преследование совершенно не удалось. Я находился на правом фланге и быстро двинул ближайшие части в направлении на Рас-Казоне для энергичного преследования. Затем я отправился на левый фланг. Там я не нашел почти никого из наших людей, и только спустя более или менее продолжительное время я услышал в ночной темноте шум от сапог, подбитых гвоздями. Это был отряд аскарки. Я был рад получить воинскую часть и несколько разочаровался, так как это был отряд с правого крыла под командой лейтенанта Лангена, который сбился с направления на Рас-Казоне и, таким образом, очутился на нашем левом фланге. Но этого было мало. Неизвестно почему войска сочли, что по приказу командования им необходимо опять отойти в прежний лагерь западнее Танги. Только ночью, на вокзале, мне удалось выяснить, что почти все роты выступили туда. Само собой разумеется, они получили приказ о немедленном возвращении. К сожалению, благодаря этому произошла такая задержка, что мы упустили возможность еще ночью при лунном свете обстрелять неприятельские суда прибывшей батареей капитана Геринга.

Только утром 5 ноября войска, сильное утомление которых было вполне понятно, прибыли опять в Тангу и снова заняли в общем положение прошлого дня. Оказать немедленно давление всеми силами на неприятеля у Рас-Казоне было бы нецелесообразно ввиду того, что местность там была совершенно открытая и оба крейсера находились здесь в непосредственной близости. Однако сильным патрулям и отдельным ротам, которые были выдвинуты на Рас-Казоне, чтобы тревожить противника, удалось все-таки внезапно обстрелять пулеметным огнем отдельные неприятельские отряды, несколько его лодок, а также палубу нахо-

дившегося у госпиталя крейсера. В течение дня все больше укреплялось впечатление, что неприятель потерпел очень сильное поражение. Хотя вначале его потери в полном объеме известны быть не могли, но примерную оценку мы могли сделать как по часто встречавшимся грудам многих сотен павших, так и по запаху разложения, который благодаря действию тропического солнца окутывал всю местность. Мы оценивали потери очень осторожно — около 800 убитых, но теперь я думаю, что это слишком низкая оценка. Один высший английский офицер, который был знаком с результатами этого сражения, передавал мне позже по поводу другого боя, английские потери в котором он определял в 1500 человек, что потери у Танги были значительно больше этой цифры. Теперь я считаю, что определять эти потери в 2000 человек было бы слишком низкой оценкой. Еще более сильным было моральное потрясение неприятеля. Он почти начал верить в духов и привидения: уже спустя несколько лет английские офицеры спрашивали меня, употребляли ли мы при Танге дрессированных пчел. Пожалуй, сейчас я могу признаться, что в одной из наших рот в решительную минуту этими «дрессированными пчелами» были выведены из боя все пулеметы, — так что мы от этого способа дрессировки пострадали точно так же, как и англичане.

Неприятель чувствовал себя плохо и был действительно совершенно разбит. Его части бежали в диком беспорядке и сломя голову бросались в катера. Вероятность нового боя вообще не учитывалась. Из опроса пленных и найденных официальных английских документов выяснилось, что сводный англо-индийский экспедиционный корпус, силой в 8000 человек, был совершенно разбит нашими войсками, чьи силы немногим превышали число в 1000 человек. Только вечером нам стали вполне ясны размеры этой победы. Вечером явился английский офицер-парламентер, капитан Мейнертсгаген, и вступил в переговоры с посланным мною капитаном фон Хаммерштейном о выдаче раненых. Капитан Хаммерштейн отправился в госпиталь, который был переполнен тяжело ранеными английскими офицерами, и от моего имени объявил, что они могут быть взяты англичанами под честное слово не сражаться против нас в эту войну.

Трофейное оружие дало возможность вооружить по-современному больше трех рот; при этом особенно пригодились нам взятые пулеметы. Настроение войск и доверие к начальникам сильно поднялись, и я одним ударом освободился от большей части

затруднений, которые тяжелым грузом лежали на командовании. Продолжительный огонь судовых орудий, безрезультатный вследствие закрытой местности, перестал пугать наших храбрых чернокожих. Материальная добыча была значительна. Кроме 600 000 патронов неприятель бросил все наличное телефонное имущество и так много обмундирования и снаряжения, что их могло хватить по крайней мере на год для удовлетворения наших потребностей, особенно в теплых шинелях и шерстяных одеялах.

Наши собственные потери оказались незначительны. Было убито около 16 европейцев, в том числе отличный офицер капитан фон Принц, 48 аскари и носильщиков пулеметов. Европейцы были погребены в общей братской могиле в тени чудесного дерева, где теперь их имена нанесены на простую дощечку.

Уборка поля битвы и погребение убитых потребовали нескольких дней напряженной работы всей армии; улицы были буквально усеяны убитыми и тяжело ранеными. Последние на непонятном языке просили о помощи, которую при всем желании не всегда можно было оказать немедленно.

На нашем главном перевязочном пункте, расположенном вне Танги, наш санитарный личный состав самоотверженно ухаживал за своими и неприятельскими ранеными под огнем тяжелых судовых орудий. Еще вечером 4 ноября я посетил раненых. Это было тяжелое зрелище. Я не предвидел, что лейтенанту Шоттштадту, который сидел на стуле, тяжело раненный в грудь, осталось жить всего только несколько минут. Английский лейтенант Кук, 101-го индусского гренадерского полка, лежал тут же с тяжелым ранением ноги. Рана этого цветущего молодого офицера, который попал к нам в руки в месте горячего боя на индусском левом фланге, не могла изменить его веселого настроения. Так же, как и большую часть остальных раненых, его в течение 9 месяцев лечил в полевом лазарете в Корогве наш лучший хирург, штабной врач, доктор Миллер. Он начал уже ходить, когда, к сожалению, несчастный случай на лестнице привел к смертельному исходу.

Дни боев у Танги впервые предъявили значительные требования к уходу за ранеными. С этой целью в Корогве, а также и в других пунктах Северной железной дороги были устроены лазареты, куда больные могли быть доставлены без пересадки по железной дороге. Для перевозки не было особого постоянного санитарного оборудования, но никогда не представляло больших затруднений создать все необходимое.

Несмотря на явную неудачу у Танги, можно было ожидать, что англичане не смирятся с таким положением. И после своего поражения противник во много раз превосходил нас численно; поэтому попытка десанта в другом месте была вполне вероятна. Однако поездка на велосипеде 6 ноября в северном направлении к бухте Манза убедила меня, что неприятельские суда заходили сюда, по-видимому, только для ухода за своими ранеными и для погребения умерших и не имели целью никакого десанта. Затем флотилия ушла в направлении на Занзибар.

В то время для меня было интересным короткое посещение нашего правительственного госпиталя у Рас-Казоне, который был уже очищен от английских раненых, отпущенных под честное слово. Здесь лежали два немецких офицера, раненных 3 ноября у Танги, а также и другие раненные в прежних боях офицеры, которые могли наблюдать из лазарета за событиями во время главного боя, 4 ноября, находясь позади английского фронта. С напряженным вниманием следили они за десантом у Рас-Казоне и наступлением на Тангу; затем после обеда они услышали огонь наших пулеметов, решивших исход боя, и выстрелы неприятельских судовых орудий, а также видели у самого госпиталя дикое бегство неприятеля. Многочисленные падавшие близ лазарета пули, к счастью, не причинили никакого вреда. 5 ноября очень рано они вдруг снова услышали орудийную стрельбу со стороны Танги; они предполагали, что это, должно быть, немецкие орудия. Действительно, это были две наши пушки, которые, хотя и не смогли ночью, при свете луны, взять на прицел английские транспортные суда, с наступлением дня сделали несколько удачных выстрелов. К сожалению, дальше стрельбу продолжать было нельзя, так как дым от выстрелов сразу выдал местонахождение орудий и привлек на них огонь судовой артиллерии.

Между тем выяснилось, что наступление неприятеля у Танги не являлось каким-то отдельным предприятием, но было задумано в более широких масштабах одновременно с другими действиями. 3 ноября северо-западнее Килиманджаро, у горы Лонгидо, которую занимал капитан Краут с тремя ротами аскари и конной ротой европейцев, неожиданно в утреннем тумане появились английские войска. Первые выстрелы раздались как раз в то время, когда к Лонгидо пришел по гелиографу приказ, что капитан Краут должен отойти к Неймоши. Неприятель силою около тысячи человек взобрался в нескольких местах на лежащую среди откры-

той степи огромную гору Лонгидо, пользуясь проводниками из племени масаи, которые кричали нашим постам: «Мы люди капитана Краута!» Но нашим быстро развернувшимся полевым ротам удалось в скалистой местности охватить части противника и быстро их отбросить назад. Неприятельский конный отряд, который был замечен в степи у подножия горы и, по-видимому, хотел на нее взобраться с юга или же прервать нашу связь, был взят под действительный огонь и отброшен.

Вероятно, в связи с описанными событиями в области Северной железной дороги производились действия противника и у озера Виктория. В конце октября в округ Букоба с севера вторглись многочисленные отряды племени ваганда. Для поддержки 31 октября из Муанзы была отправлена военная часть из 670 штыков, 4 пулеметов и 2 орудий на небольшом пароходе «Муанза» с 2 буксирами и 10 баржами. Вскоре после выхода эта флотилия была атакована вооруженным английским пароходом, но ей удалось без повреждений вернуться назад в Муанзу. Английская попытка десанта у Каджензе севернее Муанзы потерпела неудачу и была отбита огнем наших постов.

Таким образом, в начале ноября была налицо попытка нападения на нашу колонию с разных сторон, организованного в крупном масштабе. Неудача этого нападения возбудила в каждом из нас надежду, что мы сможем держаться, пока будет держаться Германия, а отрывочные известия, которые мы смогли перехватить, дали нам в этом уверенность.

Хотя мы в период боя у Танги еще не слышали имени Гинденбурга, но в то же время ничего не знали и о неудаче на Марне и находились под впечатлением победоносного наступления во Францию¹.

¹ Имеются в виду разгром армии Самсонова в Восточной Пруссии и германское наступление во Франции, завершившееся тяжелыми боями на Марне. (Прим. ред.)

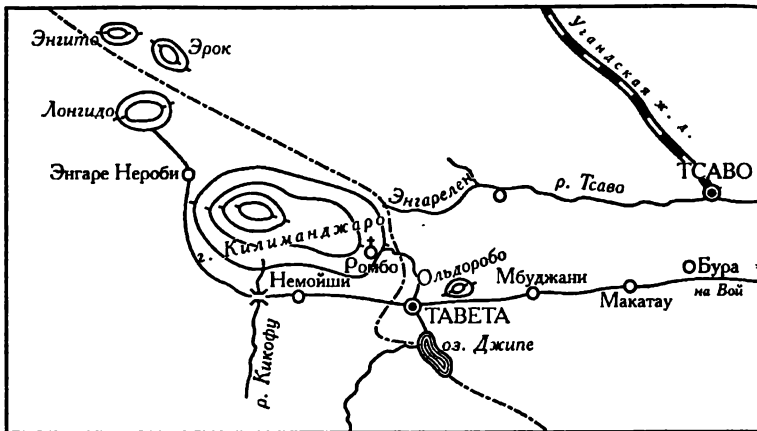
Глава пятая. В ожидании дальнейших событий

(Ноябрь—декабрь 1914 года)

Обратная переброска войск к Неймоши. Служба в штабе. Автомобили и носильщики. Разведывательные поездки на автомобиле. Продовольствие и подвоз. Этапные дороги. Тяжелая работа и развлечения. Богатое снабжение продовольствием. Голодный обер-лейтенант. Воскресные охоты. Снабжение войск мясом.

Учитывая вероятность угрозы для области Килиманджаро со стороны неприятеля, я считал необходимым после решительного столкновения у Танги, которое все равно нельзя было уже использовать более широко, быстро перебросить войска опять в район Неймоши. Радость колонистов Северной области, которые составляли большинство сражавшихся у Танги европейцев, была неопишима. Первый поезд с европейцами подошел к Неймоши украшенный цветами. Мне оставалось еще достаточно дел у Танги, и я только через несколько дней прибыл на вокзал Неймоши, где командование опять принялось за свою деловую работу. При недостатке личного состава мы не могли себе позволить иметь постоянно отдельных людей для выполнения различных обязанностей. Как офицер штаба должен был в случае необходимости превращаться в стрелка или велосипедиста, так и интенданту приходилось быть ординарцем, а писарю стрелять в бою и работать а качестве посыльного.

Большим облегчением для штабной работы являлось то, что мы располагались в построенном по-европейски здании вокзала, где, несмотря на большую тесноту внутри штаба, могли путем личного общения разрешать большинство вопросов. Мы располагали хорошим телефонным и телеграфным оборудованием и находились в центре сети телефонных и телеграфных линий, идущих в обоих направлениях — на Тангу, Тавету, восточнее и западнее Килиманджаро, к Лонгидо, а также к Аруше, которые мы или провели, или усовершенствовали там, где они уже имелись. Бывали недели, когда наша служебная деятельность проходила почти как в мирное время, пусть и при повышенном темпе работы. Почти никто в штабе не был подготовлен к штабной деятельности, однако общая работа выполнялась дружно и успешно. Она

Местность к востоку от г. Килиманджаро

поддерживалась высокими стремлениями, любовью к делу и товарищеской спайкой.

Я отправился в автомобиле — мы ведь построили себе также автомобильную дорогу и до Лонгидо — к расположенной между Лонгидо и Килиманджаро Энгаре Нероби («Холодная река»), небольшой речонке, которая с северных склонов Килиманджаро пересекает степь в северо-западном направлении. Там на своих фермах жило несколько бурских семейств¹. Отряд Краута перенес сюда свой лагерь, так как снабжение продовольствием до Лонгидо при двухдневном марше через степь не могло быть защищено от нападения, а потому являлось слишком рискованным. Я убедился, что также и здесь, севернее Килиманджаро, нельзя ожидать в данное время военных действий, и вернулся в Неймоши.

Дорога от Неймоши, куда по железной дороге сосредоточивалась главная масса запасов продовольствия из Узамбары и из областей, расположенных далее на юг, имеет длину в 50 километров. Хотя мы имели в своем распоряжении незначительное количество автомобилей — три легковых и три грузовика, но и это число в наших условиях приносило существенную пользу. В сухую погоду по хорошо оборудованной дороге трехтонные грузовики могли свободно в течение дня проехать из Неймоши в Тавету и обратно — тогда как носильщикам требовалось для этого, по крайней мере,

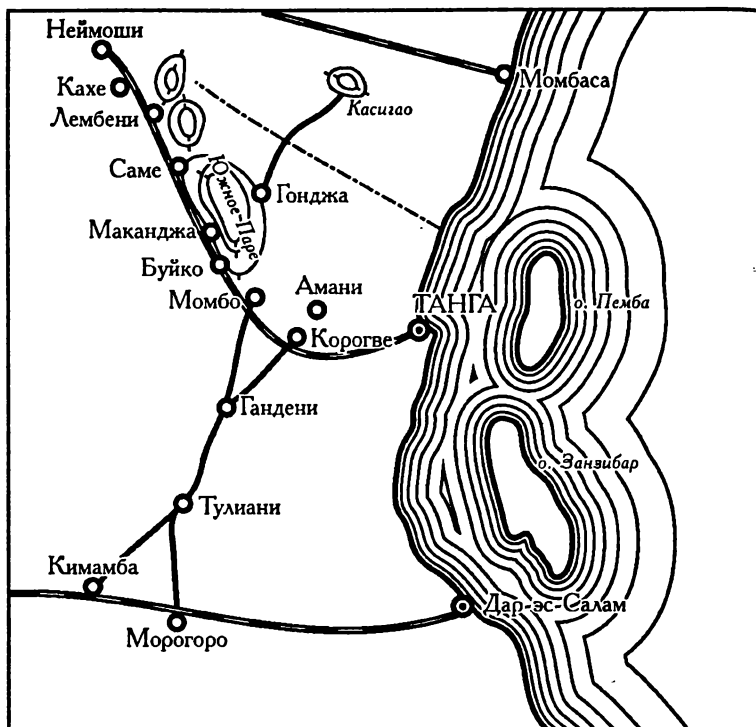
¹ После завоевания Англией бурских республик некоторые семейства буров переселились в германские колонии, так как Германия оказывала бурам дипломатическую поддержку во время их борьбы за независимость. (Прим. ред.)

четыре дня. Таким образом, несложный расчет показывает, что один автомобиль может совершить ту же работу, что и 600 носильщиков, которые к тому же сами нуждаются в продовольствии.

Нельзя не согласиться с решением, которого позднее придерживались англичане, — снять переноску грузов с плеч носильщиков и животных и заменить их автомобилями, тем более что люди и животные очень страдали от тропических заболеваний. Но мы имели только ограниченное количество автомобилей. Нам постоянно приходилось даже в этот удобный для снабжения продовольствием спокойный период войны прибегать к носильщикам. Еще и сейчас я вспоминаю радость тогдашнего интенданта, когда из Муанзы в Неймоши прибыл караван носильщиков в 600 вассокума. Они доставили от озера Виктория через Кондоа-Иранги рис, в котором здесь ощущался острый недостаток. Принимая во внимание, что носильщик во время этого марша, потребовавшего по меньшей мере 30 дней, сам ежедневно съедает килограмм продовольствия, а несет самое большее 25 килограммов, марши должны быть организованы очень обдуманно и проходить преимущественно по населенной и богатой продовольствием местности, чтобы вообще такой способ транспортировки представлял известную выгоду. Если, несмотря на эти недостатки, переноска грузов носильщиками применялась в широких размерах, то это указывает на те затруднения в снабжении продовольствием, с которыми мы должны были считаться.

Наш интендант, капитан Файльке, умел отлично обращаться с людьми и о них заботиться. Носильщики чувствовали себя хорошо, и слово «командование», которое некоторые считали именем собственным, сделалось очень популярным. Лично мне два имеющихся автомобиля дали возможность производить многочисленные разведки местности, а также осматривать войска. За 2 часа я мог доехать из Неймоши до Таветы, куда вернулась часть войск из Танги. При другом же способе передвижения на это пришлось бы потратить 4 дня. Позднее я за один день проехал из Неймоши к Энгаре Нероби и дальше на запад вокруг всей горы Меру, а затем назад в Неймоши, — путешествие, которое с носильщиками нельзя было бы сделать меньше чем за десять дней.

Между тем успех у Танги возбудил решимость всей колонии к сопротивлению. 26 ноября начальнику этапной службы генерал-майору Вале удалось добиться в Морогоро согласия губернатора на оборону Дар-эс-Салама в случае нападения. К счастью, это со-

Окрестности Танги и Дар-эс-Салама

гласие было дано как раз вовремя. Уже 28 ноября у Дар-эс-Салама появились два военных судна противника, транспортное судно и буксир, которые потребовали осмотра лежащих в гавани судов. Здесь среди остальных судов находился пароход германо-африканской линии «Табора», оборудованный под лазарет. Так как англичане еще раньше объявили, что они не считают себя связанными какими бы то ни было договорами относительно Дар-эс-Салама, то каждый раз при желании избежать обстрела требовалось бы новое соглашение. Таким образом, получалась бесконечная история. Я телефонировал, что следует силой оружия воспрепятствовать требованию допустить в гавань большой английский вооруженный катер. К сожалению, на это посещение катера немецкие власти непонятным для меня образом дали согласие, и старший из офицеров, находившихся в Дар-эс-Саламе, чувствовал себя связанным этим согласием.

Когда же англичане вместо одного разрешенного катера ввели в гавань несколько более мелких судов, произвели разрушение на «Таборе» и даже взяли в плен личный состав этого парохода, всем, кто до сих пор еще колебался, стала очевидна безрезультатность нашей уступчивости. Капитан фон Корнацкий прибыл как раз вовремя, чтобы удачно взять под пулеметный огонь мелкие английские суда, когда они при выходе из порта проходили узкий северный фарватер. При этом, к сожалению, был также ранен один из немецких пленных. Вся эта история может служить примером того, как опасно — и, в конце концов, невыгодно — когда во время войны военачальнику постоянно мешают при выполнении его планов и необходимых мероприятий.

Последовавший затем обстрел Дар-эс-Салама не причинил нам сколь-нибудь значительного вреда — им было повреждено всего лишь несколько домов.

Время сравнительного бездействия, в котором находились мы в Неймоши, было благоприятно в хозяйственном отношении. Европейцы, по большей части принадлежавшие к колонистам Северной области, сами снабжали себя главными видами своего продовольствия. Рис, пшеничная мука, бананы, ананасы, европейские овощи, кофе и картофель щедро текли с плантаций в армию. Сахар добывался на многочисленных заводах, а соль главным образом доставлялась из солеварни Готторп, расположенной у Центральной железной дороги между Таборой и Танганьикой. Многие плантации целиком отдавали свое производство для снабжения армии, но при имеющихся в большом количестве рабочих силах обработка этих плантаций не представляла никаких затруднений.

Однако необходимо было организовать подвоз. Большая этапная дорога, ведущая от Кимамбы к Северной железной дороге (к Момбо и Корогве), все время удлинялась, чтобы иметь возможность доставлять на север продукты из района Танганьикской железной дороги и из более южных областей. Как минимум 8000 носильщиков были постоянно заняты только на этом участке. Скоро выяснилось, что выгоднее не давать караванам носильщиков проходить сразу все расстояние длиной около 300 километров, но распределить носильщиков по отдельным этапам. Тогда появлялась возможность установить для них постоянные стоянки, а также следить за состоянием их здоровья. Санитары объезжали этапы и делали все, что было в человеческих силах, для ох-

раны здоровья носильщиков, ведя борьбу главным образом против дизентерии и тифа.

Таким образом, на этой оживленной этапной дороге возникли на расстоянии дневного перехода постоянные лагеря носильщиков, в которых люди помещались сначала во временных, а затем в капитально построенных хижинах. Была установлена строгая лагерная дисциплина. В заботе о многочисленных приезжающих европейцах были созданы небольшие дома с бетонным полом. Следовавшие в одиночку имели возможность довольствоваться здесь из запасов этапа, вместо того чтобы, как это принято при африканских путешествиях, быть вынужденными тащить с собой все продовольственные запасы на продолжительное время. Работа на этой этапной дороге была предметом постоянного внимания; европейцы и цветные должны были научиться сначала приемам совместной работы при такой большой массе людей и понять важность порядка и дисциплины для службы подвоза и для здоровья всех участников.

На вокзале Неймоши телеграф и телефон работали круглые сутки. При создании заново всей организации нельзя было совершенно обойтись без трений. Все лица, принадлежавшие к штабу, были чрезвычайно перегружены. Однако в напряженной работе встречались также и светлые минуты. Материальная помощь со стороны европейцев здесь на севере оказывалась также и нашему штабу. Мы были прямо избалованы многочисленными посылками от частных лиц. При поездке на Северной железной дороге, где в мирное время было трудно даже за деньги добыть себе немного продовольствия, теперь почти на каждой станции кто-нибудь заботился о нас.

Я вспоминаю один случай, когда в штаб, в Неймоши, вернулся из области северной горы Эрок сильно истощенный усиленной разведывательной службой обер-лейтенант фон Шроттер. После того как его с 7 до 11 часов, казалось, отлично накормили, он застенчиво попросил дать ему все-таки еще раз поужинать. На следующий день он отправился в 14-дневный отпуск на свою плантацию, расположенную в Узамбаре, чтобы отдохнуть и прийти в себя. После завтрака мы дали ему с собой в вагон кофе, хлеба, масла и мяса и просили различные станции позаботиться об этом совершенно изголодавшемся разведчике. Таким образом, через полчаса в Кахе тамошней станционной охраной ему снова был подан завтрак; в Лембени милая жена местного коменданта вокзала ис-

пекла ему пирог, и в Саме о нем позаботился начальник местного рекрутского депо фельдфебель Рейнгард. В Макандже дежурный колонист Барри принес ему собственноручно приготовленный шоколад и «бычье сердце» — это фрукты величиной приблизительно с дыню. В Буйко гостеприимный начальник движения Северной дороги Кюльвейн, который так часто подкреплял нас при наших проездах, приготовил ему великолепную еду. В Момбо, куда стекалось продовольствие из Узамбарских гор и где мы устроили наши армейские мастерские, нашего лейтенанта ожидал морской офицер Мейер с сытным ужином. Но тут мы получили телеграмму: «Прошу больше ничего не заказывать. Я больше не могу».

Когда служба это допускала, мы не забывали о развлечении и отдыхе. Часто офицеры собирались по воскресеньям в окрестностях Неймоши для веселой облавы. Носильщики и аскарки скоро поняли свою роль загонщиков и в образцовом порядке гнали к нам сквозь густейший кустарник дичь, о которой они предупреждали громкими криками «Худжу, худжу!» («Вот он, вот он!»). Что же касается разнообразия дичи в этом районе, то такого никогда нельзя встретить на охотах в Европе: зайцы, различные карликовые антилопы, цесарки, куропатки, утки, лесные и водяные козлы, леопарды, шакалы, дикие свиньи разных пород и множество другой дичи. Я вспоминаю, что однажды, к моему изумлению, в пятнадцати шагах передо мной бесшумно появился лев. К сожалению, я держал в руках охотничье ружье — и, пока успел привести в готовность лежавшую у меня на коленях винтовку, он так же бесшумно исчез. Охота в богатой дичью области Килиманджаро и еще больше на восток от Таветы давала нам приятное разнообразие в нашей мясной пище. Снабжение мясом в основном основывалось на пригоне масаями для войск гуртов скота из областей Килиманджаро и Меру, а также издалека из областей, прилегающих к озеру Виктория.

Глава шестая. Опять тяжелые бои на северо-востоке

(Декабрь 1914—январь 1915 года)

Наступление неприятельских сил у Яссини. Разведка местности для предполагаемого боя. Наступление немецких рот на английские позиции. Внезапное нападение и окружение укрепившегося противника. Отрицательное поведение арабского отряда. Доблестная оборона со стороны неприятеля. Затруднительное положение атакующих. Неприятель выбрасывает белый флаг. Переход к Северной железной дороге.

Когда мы в Неймоши в нашей столовой на вокзале праздновали Рождество 1914 года, военная обстановка северней Танги начала настолько обостряться, что стало вероятным решительное наступление противника в том районе. Наши патрули, которые находились на британской земле, в последних числах декабря были постепенно оттеснены назад и сосредоточились на немецкой территории, южнее Яссини. Здесь соединились 2 роты и отряд, сформированный примерно из 200 арабов. Неприятель, по-видимому, получил подкрепления и занял здания немецкой плантации Яссини.

Создавалось впечатление, что он стремится постепенным наступлением вдоль побережья пробиться к Танге и обеспечивает занятую им область системой блокаузов. Чтобы на месте ознакомиться с положением дел, в середине января я вместе с капитаном фон Хаммерштейном отправился в Тангу, а затем в автомобиле по только что построенной новой дороге длиной в 60 километров, которая шла на север вдоль побережья, — в лагерь капитана Адлера у Мвумони. На разведке меня сопровождал лейтенант Блек, который был очень полезен вследствие своих удачных многочисленных разведывательных поисков в этом районе. Местность в окрестностях Яссини была занята главным образом кокосовыми плантациями германского Восточно-Африканского общества протяжением около мили, засаженных сизалем — растением из породы агавы, с острыми шипами. Этот сизаль образовал густую поросль между стволами кокосовых пальм и во многих местах так тесно переплетался своими колючими листьями,

что можно было пробраться сквозь него, только получив множество очень неприятных уколов.

Всегда бывает трудно принимать боевое решение на незнакомой местности, о которой можно судить только по донесениям патрулей, ввиду отсутствия основных картографических данных. Сейчас эти затруднения могли быть устранены тем, что призванный в армию старый служащий плантации, лейтенант резерва Шефер мог дать точные сведения. Был составлен сносно исполненный план, снабженный военными наименованиями. В целом казалось, что у Яссини дело идет лишь о выдвинутом poste и что главные силы неприятеля находятся еще севернее, в укрепленном лагере. Можно было предположить, что нападение на пост у Яссини выманит противника из лагеря и побудит его к бою в открытом поле. Я решил использовать это положение. Чтобы создать наиболее благоприятную тактическую обстановку для боя с противником, двигавшимся из своего лагеря на выручку поста у Яссини, я собирался держать часть сил на пути вероятного наступления неприятеля — так, чтобы он, со своей стороны, неизбежно столкнулся с нами.

Сбор продовольствия в этой густо населенной местности не встречал никаких затруднений, и требуемое количество носильщиков могло быть взято с многочисленных европейских плантаций. Таким образом, при переброске вызванных сюда по телеграфу из Неймоши рот вместе с ними должны были следовать только носильщики для пулеметов и боевых припасов, что представляло существенное облегчение для железнодорожного транспорта.

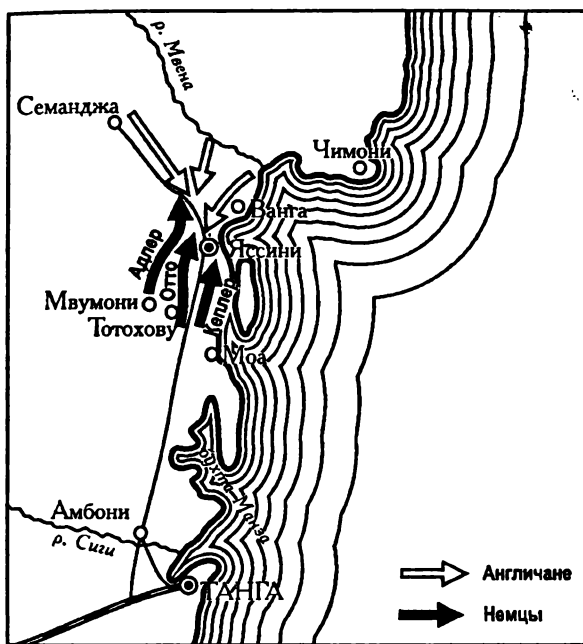
Перевозка прошла быстро. 16 января роты, прибывавшие из Неймоши, были выгружены в нескольких километрах западнее Танги и сразу же направлены походным порядком на Яссини. Туда же были двинуты и части из Танги, где для непосредственной защиты осталась только одна рота. 17 января вечером военные силы общим числом в 9 рот при двух орудиях собрались в 11 километрах южнее Яссини, у плантации Тотохову. Им был отдан приказ об атаке на следующее утро. Майор Келлер с двумя ротами был назначен для охвата справа, а капитан Адлер с двумя следующими ротами должен был охватить противника слева, у деревни Яссини. Арабский отряд был расположен северо-западнее на дороге, идущей из Семанджи; капитан Отто наступал с 9-й ротой прямо по главной дороге на Яссини. Непосредственно за ним следовало командование, а затем главные силы, состоявшие из роты евро-

пейцев, трех рот аскари и двух орудий. Движение было рассчитано так, что при первом проблеске утра должна была последовать одновременная атака на Яссини, все три колонны при энергичном движении вперед имели задачу взаимно поддерживать друг друга.

Еще до рассвета раздалась первые выстрелы в колонне Кеплера. Несколько минут спустя начался огонь также впереди нас в колонне Отто, а затем разгорелся по всему фронту. При отсутствии всякого обзора в бесконечном пальмовом лесу было невозможно составить себе хотя бы приблизительную картину того, что, собственно, происходит. Но мы были уже так близки к неприятельской позиции у Яссини, что противник казался застигнутым врасплох, несмотря на свое выдвинутое вперед охранение. Это предположение подтвердилось позднее — по крайней мере, отчасти. Действительно, неприятель не знал о нашем быстром сосредоточении южнее Яссини и о последовавшем непосредственно за ним нападении столь крупных сил.

Отряд Отто быстро отбросил находившийся перед ним укрепленный пост противника, и командование отправилось левее, через лес, вместе с обходящей колонной, в которую была сначала назначена одна, а затем и две следующие роты. При этом бросалось в глаза, что мы попали под хорошо направляемый огонь с близкого расстояния — вероятно, не более чем в 200 метров. Лишь гораздо позднее удалось выяснить, что неприятель имел в Яссини не только слабый пост. На самом деле тут засели в отлично замаскированном форту солидной постройки четыре индусских роты. Капитан фон Хаммерштейн, который шел сзади меня, вдруг осел на землю: он получил пулю в нижнюю часть тела. В то время я должен был оставить тяжелораненого на попечение врачей, хотя его состояние меня сильно тревожило. Через несколько дней смерть этого выдающегося офицера причинила трудно восполнимую потерю нашему штабу.

Бой разгорелся сильный. Две наших роты, несмотря на гибель обоих ротных командиров, обер-лейтенантов Герлиха и Шпольдинга, блестящим броском вперед быстро заняли крепкие здания плантации Яссини и закрепились непосредственно перед неприятельской позицией. Скоро мы почувствовали вмешательство главных сил неприятеля. С севера от Ванги сюда подошли сильные неприятельские колонны, неожиданно появившиеся прямо перед нашими ротами, лежавшими возле укреплений Яссини.

Бой у Яссини

Противник предпринял здесь три энергичных атаки, но всякий раз был отбит. С севера и северо-запада также подходили новые неприятельские колонны. При столкновении с противником, наступавшим с запада, арабский отряд плохо выполнил свою задачу; еще накануне многие арабы умоляли меня отпустить их. Теперь же, когда они должны были ожидать приближения противника, скрытые в засаде в густой чаще на пути его движения, это напряжение оказалось для них чрезмерным. Вместо того чтобы внезапно открыть уничтожающий огонь, они стали стрелять вслепую в воздух, а затем бросились бежать. К счастью, затем неприятельские колонны встретились с двумя ротами капитана Адлера и были отброшены с большими потерями.

До настоящего момента бой можно было характеризовать как неудержимое стремление вперед; даже последний резерв, а именно европейская рота, по ее настойчивой просьбе, был введен в дело. Около полудня наступление приостановилось перед сильными неприятельскими укреплениями. Фактически мы не располагали никакими средствами для их разрушения и не могли ничего пред-

принять против этих позиций. Наши полевые орудия, расположенные на дистанции в 200 метров, тоже не добились никаких успехов. Жара стояла невыносимая; как и при Танге, все утоляли жажду молодыми кокосовыми орехами.

Я лично отправился с лейтенантом Блоком на правый фланг, чтобы разузнать о положении в колонне майора Кеплера. Я не имел тогда ясного представления о позиции противника, и потому мы опять попали на открытой прогалине с сухим песчаным грунтом под хорошо направленный огонь. Пули летели с дистанции в 500 метров и падали совсем рядом с нами, ясно видимые песчаные брызги позволяли противнику легко корректировать стрельбу. Песок был так глубок, а жара настолько велика, что только несколько шагов можно было сделать бегом или скорым шагом. Мы должны были медленно двигаться по открытому месту и терпеть этот невыносимый обстрел. К счастью, последний не причинил нам никакого серьезного вреда — хотя пули, пробившие мои шляпу и руку, показывают, что огонь был достаточно метким. По возвращении с правого фланга жажда и изнурение стали так велики, что между несколькими обычно дружелюбно настроенными людьми возникла перебранка по поводу кокосового ореха — хотя с имеющихся в огромном количестве деревьев нетрудно было достать сколько угодно питья.

Командование снова отправилось на дорогу Тотохову—Яссини. Рядом с ней имелась узкоколейная железная дорога к плантации, вагоны которой беспрестанно перевозили раненых в Тотохову, где в европейских домах был устроен лазарет. Боеприпасы — каждый аскари нес около 150 патронов — начали постепенно истощаться, и все чаще стали поступать сообщения из боевых частей о том, что они не могут больше держаться. Легкораненые и толпы беглецов стекались к штабу — целые части разбежались или по разным причинам оставили указанные им места. Все эти люди были собраны, вновь распределены — таким образом у нас образовался сравнительно боеспособный резерв. Снаряженные пулеметные ленты были по большей части израсходованы, новые патроны подавались сюда из Тотохову по узкоколейке. Люди, занятые набивкой пулеметных лент, прикрепленных к стволам пальм, работали непрерывно.

Было ясно, что мы уже понесли значительные потери. Некоторыми высказывалось предложение прекратить бой на том основании, что овладеть неприятельскими укреплениями казалось

безнадежным делом. Однако если представить себе, в каком затруднительном положении находится запертый в своем укреплении неприятель, который не имел воды и был вынужден совершать все отправления повседневной жизни, скученный на узком пространстве под раскаленным солнцем и под нашим огнем, то все-таки казалось возможным, при условии непоколебимого упорства с нашей стороны, достигнуть в конце концов успеха.

Конец дня и ночь прошли в непрекращающемся бою. Как всегда в подобном критическом положении, возникали всевозможные слухи. Говорили, например, что гарнизон неприятельского укрепления состоит якобы из южно-африканских европейцев, выдающейся меткости стрелков; некоторые будто бы точно разобрали их язык. Узнав об этом, мой ординарец омбаши (ефрейтор) Раджабу немедленно приготовился к близкой разведке, подполз вплотную к неприятельской линии и был там убит. Чернокожие вообще очень впечатлительны, а ночью и в таком критическом положении они нервничали вдвойне, и я неоднократно должен был серьезно ругать людей, когда они впустую стреляли в воздух.

С утра 19 января огонь снова достиг большой интенсивности. Поскольку мы парировали удары деблокирующих колонн, противник в итоге оказался окружен со всех сторон. Он сделал неудачную вылазку, вскоре после чего выкинул белый флаг. 4 индусские роты с европейскими офицерами попали в наши руки. Мы все обратили внимание на победоносный вид, с которым наши аскари смотрели на противника; я никогда не думал, что наши черные могут иметь такой важный вид.

Обе стороны находились в тяжелом положении и были близки к истощению своей нервной энергии. Так обычно бывает в каждой серьезной борьбе — аскари поняли теперь, что для достижения победы нужно превозмочь первые затруднения. Потери неприятеля я оценивал по меньшей мере в 700 человек; захваченные бумаги давали ясное представление о его силах, которые более чем вдвое превосходили наши собственные. Судя по документам, командующий войсками Британской Восточной Африки генерал Тидж, незадолго перед тем прибывший в Вангу, сосредоточил в Яссини и ее окрестностях свыше 20 рот, которые большей частью прибыли походным порядком вдоль побережья со стороны Момбасы. Они должны были наступать в направлении на Тангу.

Отправка раненых из Яссини в лазареты Северной железной дороги прошла без задержек в течение нескольких дней с помощью

автомобилей и рикш, которые курсировали между полевым лазаретом Тотохову и Тангой. Эти рикши — небольшие двухколесные плетеные коляски, передвигаемые людьми, которые в Танге играют роль извозчиков, — были реквизированы санитарными офицерами для транспортировки раненых. Неприятель отошел в свой укрепленный лагерь севернее государственной границы. Новое нападение на него обещало мало успеха, поэтому у Яссини был оставлен лишь небольшой отряд из нескольких рот для противодействия деятельности патрулей, которая немедленно возобновилась. Главная масса войск была опять переброшена обратно в область Килиманджаро.

По дороге к пункту посадки на Северную железную дорогу войска должны были пройти через плантацию Амбони. Здесь жители Танги приготовили для нас из своих запасов пищу и освежающие напитки. После чудовищных трудов, перенесенных во время операции у Яссини, длительных и утомляющих переходов при уничтожающей жаре и после боев, происходивших днем и ночью, небольшой серный ручей Сиги быстро покрылся сотнями белых и черных купающихся фигур. Все лишения были забыты, настроение поднялось до высшего предела — и как раз в этот момент после продолжительного перерыва нами снова были получены по беспроволочному телеграфу вести с родины. Сообщение о боях у Танги только теперь было получено в Германии, и родина благодарила нас за достигнутый успех.

Глава седьмая. Малая война и новые приготовления (Февраль—июнь 1915 года)

Необходимость сбережения людей и средств. Заботы о раненых. Радиопередача с родины. Разъезды в районе Лонгидо. «Это было чертовски ловкое дело». Патрули для порчи железной дороги. Лишения и смерть в степи. Прибытие вспомогательного парохода. Лихорадочная работа по производству снаряжения. Наступление у горы Ольдоробо. Избыток сырых материалов и недостаток фабричных изделий. Новые виды промышленности. Постройка дорог. Развертывание войск и их боеспособность.

Позднее из захваченных бумаг выяснилось, что противник предпринимает передвижение войск от озера Виктория к Килиманджаро. Таким образом, бой у Яссини действительно облегчил положение других далеко расположенных областей. Эти сведения лучше всего подтверждали первоначальную мысль, что сильный удар по противнику в одном пункте представляет в то же время лучшую защиту также и остальной колониальной территории; при этом вопрос об энергичной обороне других пунктов колонии имел второстепенное значение. Несмотря на это, в феврале 1915 года я с радостью приветствовал согласие губернатора отдать приказ, по которому прибрежные пункты должны оказывать сопротивление при угрозе со стороны неприятеля.

Прежние удачные столкновения показали, что такое местное сопротивление может быть небезуспешным даже против огня корабельных орудий.

Наш удар, произведенный девятью ротами, хотя и привел у Яссини к полному успеху, но показал мне, что такие тяжелые потери, которые мы понесли, могут быть терпимы только в исключительных случаях. Мы должны были беречь наши силы, чтобы выдержать длительную войну. Из кадровых офицеров в сражении пали майор Кеплер, обер-лейтенанты Шпалдинг и Герлих, лейтенанты Кауфман и Эрдман, а капитан фон Хаммерштейн умер от своей раны.

Нельзя было ничем возместить потерю этих подлинных солдат, которые составляли примерно седьмую часть всех наличных кадровых офицеров.

Точно так же расход в 200 000 патронов показал мне, что с имеющимися средствами я смогу провести самое большое еще три подобных сражения. На первый план настоятельно выступила необходимость только в исключительных случаях наносить крупные удары, а вместо них вести малую войну.

Можно было вновь вернуться к основной идее о постоянных набегах на Угандскую железную дорогу — тем более что здесь все равно нельзя было вести операции крупными войсковыми частями. Достигнуть железной дороги можно было только после многодневного перехода через обширную степь, бедную водой и слабо населенную, где, кроме случайной охотничьей добычи, имелось очень мало продовольствия. Приходилось нести с собой не только запасы продовольствия, но и воду. Уже это одно ограничивало численность действующего отряда. Для такой экспедиции через бедные местными средствами и водой области от войск требуется много опыта, которого в тогдашний период войны еще не могло быть. Для перехода через степь был бы слишком велик даже отряд силой в роту, и если после многих дней марша она достигла бы все-таки Угандийской железной дороги, то ей пришлось бы опять повернуть назад, так как правильный подвоз продовольствия оставался немыслимым. Со временем эти условия улучшились благодаря большому опыту войск и постепенно растущему знакомству с местностью, которая, в сущности, сначала была для нас совершенно неисследованной областью.

Таким образом, не осталось ничего другого, как достигнуть намеченной цели мелкими отрядами-патрулями. В дальнейшем эти патрули ценились очень высоко. Из Энгаре Нероби маленькие смешанные отряды численностью от 8 до 10 человек европейцев и аскари обходили лагерь противника, который продвинулся до Лонгидо, и действовали на его сообщениях с тылом. Благодаря добыче, взятой у Танги, мы располагали телефонными аппаратами; эти отряды включали их в английские телефонные провода и выжидали, пока мимо не проходили большие или меньшие неприятельские отряды или транспорты, запряженные быками. Противник обстреливался из засады с расстояния 30 метров, брались пленные и добыча — и патруль исчезал снова в бесконечной степи.

Один из этих патрулей, направленных к горе Эрок, установил, что противник всегда в определенное время гонит своих верховых лошадей на водопой. Быстро собрались десять наших кавалеристов и, после двухдневного путешествия верхом через степь,

Местность между г. Килиманджаро и Додомой

устроили засаду близ неприятеля. 6 человек вернулись назад с лошадьми, остальные четверо продолжили разведку. Затем каждый взял по седлу и прокрался — всего в нескольких шагах от неприятельских постов — к расположенному за лагерем водопою.

Английский солдат гнал табун, как вдруг из кустов вышли два наших разведчика-кавалериста с ружьями наперевес и крикнули: «Hands up!» («Руки вверх!»). От изумления изо рта у англичанина выпал свисток. Тотчас же к пленному обратились с вопросом: «Где находятся недостающие лошади?» Дело в том, что наш добросовестный патрульный заметил в табуне только 57 голов — в то время как накануне он насчитал больше 80 лошадей. Оказалось, что недостающие были отправлены в тыл. Тогда наши кавалеристы быстро оседлали вожака табуна и несколько других ло-

шадей, и табун понесся карьером кругом неприятельского лагеря по направлению к немецким постам.

В пленном англичанине, который вынужден был вместе с остальными проделать это путешествие, сидя без всяких удобств прямо на скользкой спине лошади, проснулся спортивный дух его народа. Полный юмора, он воскликнул: «Я, право, хотел бы увидеть, какое лицо теперь у моего капитана!» А когда животные счастливо прибыли в немецкий лагерь, он сказал: «Это было чертовски ловкое дело».

Полученная таким образом добыча вкупе с известным числом захваченных лошадей и мулов позволила нам выставить вторую конную роту. Обе имевшиеся теперь конные части, которые состояли частью из европейцев, а частью из аскари, были сведены вместе, и это мероприятие вполне себя оправдало. Оно дало нам возможность посылать сильный партизанский отряд в продолжительные рейды по обширным степным областям, лежащим к северу от Килиманджаро, и, кроме того, проникать до Угандийской и Магадской железных дорог, разрушать мосты, нападать на железнодорожные посты, подкладывать мины под железнодорожное полотно и производить всякого рода диверсии на путях сообщения в районе между железной дорогой и неприятельскими лагерями.

Мы тоже несли потери. Один из патрулей произвел вблизи Магадской железной дороги блестящее огневое нападение на две индусские роты, но затем потерял от неприятельского огня своих верховых лошадей, которые были оставлены за прикрытием; длинный 4-дневный обратный путь через степь патрулю пришлось сделать пешком и без продовольствия. К счастью, люди достали в одном из масайских краалей молоко и немного мяса; позднее их спас от голодной смерти убитый слон. Однако вместе с успехом росла также и предприимчивость, и просьбы о разрешении возможно скорее отправиться в набег, верховой или пеший, стали многочисленны.

Другой характер имели патрули, которые из области Килиманджаро выслались в восточном направлении. Они двигались в течение многих дней пешком сквозь густой кустарник. Патрули, разрушавшие железные дороги, были большей частью слабы: один или два европейца, от двух до четырех аскари и 5—7 носильщиков. Им приходилось пробираться через неприятельское охранение, и их часто выдавали туземные шпионы. Несмотря на это,

они большей частью достигали цели, иногда проводя в рейде более двух недель. Для такого небольшого числа людей одно убитое животное или незначительная добыча представляли существенную помощь. Несмотря на это, лишения и жажда при нестерпимой жаре были так велики, что много раз люди умирали от жажды. Плохо обстояло дело, когда кто-нибудь заболел или был ранен; часто, несмотря на все желание, не было никакой возможности его транспортировать. Переноска тяжело раненных от Угандийской железной дороги через всю степь до немецкого лагеря, если это случалось, представляла невероятные трудности. Это понимали и цветные, и бывали случаи, когда раненый аскари, вполне осознавая, что его оставляют на съедение многочисленным львам, не жаловался, когда его бросали в кустах, а, наоборот, отдавал товарищам оружие и патроны, чтобы, по крайней мере, не погибли они.

Эта патрульная деятельность все более и более совершенствовалась. Росло знакомство со степью, и наряду с патрулями, которые действовали скрытно, избегали столкновений и занимались взрывами на железных дорогах, развивали деятельность боевые патрули. Они, состоя из 20—30 и больше аскари, иногда вооруженные одним или двумя пулеметами, искали неприятеля и старались нанести ему потери в бою. При этом в густом кустарнике дело доходило до таких неожиданных столкновений, что наши аскари иногда буквально перепрыгивали через лежащего противника и таким образом снова появлялись у него в тылу. Влияние этих предприятий на развитие предприимчивости и готовности к бою было у европейцев и цветных так велико, что после серии успехов трудно было бы найти армию с лучшим боевым духом.

Правда, приходилось считаться с известными недочетами. При малом количестве патронов мы не могли тренировать меткость стрельбы и достигнуть той высокой степени стрелкового совершенства, когда тяжелое положение противника означало бы его уничтожение.

Наша техника также не оставалась без дела. Ловкие фейерверкеры и оружейные мастера совместно с заводскими инженерами непрестанно изготавливали новые аппараты, годные для порчи железных дорог. Некоторые из этих механизмов взрывались лишь после того, как по ним проехало определенное число осей. При помощи последнего устройства мы рассчитывали на разрушение паровозов, так как англичане ради безопасности начали

ставить перед ними одну или две платформы, груженные песком. В качестве взрывчатого материала на плантациях имелся в большом количестве динамит, но гораздо более действенными оказались захваченные при Танге подрывные патроны.

В апреле 1915 года неожиданно пришло известие о прибытии к нам транспортного судна. При входе в бухту Манза (севернее Танги) оно подверглось атаке со стороны английского крейсера, было обстреляно, и командир был вынужден его затопить¹. Хотя в следующие недели удалось почти полностью спасти столь драгоценный для нас груз, но, к сожалению, патроны оказались сильно подпорчены морской водой. Порох и капсюли с течением времени разрушались все более, и в результате росло число осечек. Нам не оставалось ничего другого, как только разобрать наличные боевые припасы, вычистить порох и отчасти вставить новые капсюли. К счастью, последние нашлись на территории колонии — хотя и другой конструкции. В Неймоши в течение месяца все аскари и носильщики, каких только удалось собрать, были заняты с утра до вечера восстановлением патронов. Прежний запас исправных патронов был оставлен исключительно для пулеметов, а из переснаряжаемых огнестрельных припасов те патроны, которые давали около 20% осечек, употреблялись для боевых целей, другие же, с большим процентом осечек, — для обучения.

Прибытие вспомогательного судна вызвало сильное воодушевление, так как показало, что связь между нами и родиной еще существует. Все с напряженным вниманием слушали рассказы его командира, лейтенанта флота Христиансена, когда последний, после выздоровления от полученной во время короткой схватки с английским крейсером раны, прибыл ко мне в Неймоши. Сильные бои на родине, готовность жертвовать собой и безграничный дух предприимчивости, которые направляли военные действия немецких войск, нашли отклик в наших сердцах. Многие из тех, кто повесили голову, приободрились, так как услышали, что можно добиваться недостижимого, если для этого имеется решительная воля.

Другим средством влиять на дух войск являлась практика производств в чине. Вообще я мог проводить производства не выше

¹ Это был прорыватель блокады «Рубенс» под командованием запасного офицера Карла Христиансена, замаскированный под датский грузовой пароход. На нем находилось 1600 тонн вестфальского угля для крейсера «Кенигсберг», несколько тысяч снарядов и несколько миллионов винтовочных патронов, запчасти для машин, консервы и обмундирование. Англичане знали о движении этого судна из радиоперехвата, и уже на подходе к Танге «Рубенс» был перехвачен британским крейсером «Гиацинт». (Прим. ред.)

унтер-офицерского чина, в то время как право производства в офицеры, во многих случаях вполне заслуженное, мне, конечно, не было предоставлено. В каждом отдельном случае очень строго взвешивалось, имелся ли действительно налицо подвиг. Таким образом избегали незаслуженных производств, которые очень неблагоприятно отражаются на моральном состоянии частей. В общем, мы были вынуждены влиять на моральные факторы наградами меньше, чем другими способами. Военных орденов мы почти не видели и должны были возбуждать и поддерживать не личное честолюбие отдельных бойцов, но настоящее чувство долга, продиктованное любовью к родине, и все более укреплявшееся со временем чувство товарищества. Может быть, именно то обстоятельство, что это длительное и чистое побуждение к действиям не было омрачено другими мотивами, как раз и давало европейцам и аскари отвагу и силу, которыми до конца своего существования отличалась наша колониальная армия.

Англичане у Килиманджаро не бездействовали. Утром 29 марта с горы Ольдоробо, в 12 километрах восточнее Таветы, занятой немецким офицерским постом, по телефону сообщили о нападении двух индусских рот. Капитан Кель и австро-венгерский обер-лейтенант фон Унтеррихтер немедленно выступили походным порядком из Таветы и с двух сторон так энергично атаковали эти роты, засевшие на крутых скатах горы Ольдоробо, что отступивший противник оставил на месте около 20 человек. В наши руки попал один пулемет и 70 000 патронов. Другие операции велись противником вдоль Тсаво на северо-восток от Килиманджаро. Эти действия развивались из сильно укрепленного и занятого несколькими ротами лагеря Мзима, расположенного у Тсаво.

Но разыгравшиеся северо-восточнее Килиманджаро стычки патрулей проходили для нас во всех отношениях удачно. Особенно прославился отряд молодых аскари «Ромбо», силой в 60 человек, который получил свое название от миссии, расположенной у восточного Килиманджаро. Все те, кто входил в него, безгранично доверяли своему начальнику — обер-лейтенанту фон Боку, которому уже перевалило за 60. Я вспоминаю, как один раненый, который пришел от него в Неймоши, дабы передать донесение, отказался от лечения, чтобы не терять времени для возвращения к своему начальнику. В некоторых боях, иногда противостоя двум неприятельским ротам, эта молодежь отбрасывала противника — и оказалось, что вокруг этого отряда у англичан сложились целые

легенды. Британский командующий даже письменно жаловался мне, что в боевых столкновениях принимает участие немецкая женщина, которая отличается непонятной жестокостью.

Несмотря большую добычу, взятую у Танги, было ясно, что при предстоящей продолжительной войне запасы нашей колонии должны истощиться. Цветные в Неймоши начали носить шелковые материи, и это ни в коем случае не было признаком особенной роскоши — просто уже пришли к концу запасы хлопчатобумажной ткани в индусских лавках. Мы серьезно должны были подумать о том, чтобы самим создать что-нибудь новое и превратить имеющийся в большом количестве сырой материал в готовые ткани. Развернулась своеобразная деятельность, напоминающая предприимчивость Робинзона Крузо. Хлопковые поля у нас имелись в большом количестве, и оставалось только найти популярные книги, говорившие о забытом искусстве ручной пряжи и ткачества. Белые и черные женщины пряли вручную; на миссиях и у частных ремесленников устраивались прялки и ткацкие станки. Скоро была получена первая годная хлопчатобумажная ткань. Корень дерева, известного под названием «ндаа», был признан после испытания наилучшим среди различных красящих средств и придавал этой ткани коричнево-зеленоватый цвет, который не выделялся ни в траве, ни в кустарнике и был особенно пригоден для военного обмундирования.

Добываемый из деревьев каучук обрабатывался серой, и таким образом получилась резина, годная для автомобильных и велосипедных покрышек. В районе Морогоро некоторым плантаторам удалось извлечь из кокосов похожее на бензин вещество, названное «треболь» и пригодное для автомобильных моторов. Как в прежние времена, изготавливались свечи из сала и воска. В домашнем хозяйстве и в войсках варилось мыло. Точно так же многочисленные заводишки на плантациях Северной области и вдоль Танганьикской железной дороги были преобразованы для удовлетворения жизненных потребностей.

Особенно важно было изготовление обуви. Сырой материал доставляли многочисленные шкуры скота и диких животных, а дубильное вещество — мангровые заросли морского побережья. Уже в мирное время миссии тачали хорошие сапоги; теперь эта их деятельность была расширена, и, кроме того, войска сами устраивали у себя большие дубильни и мастерские. Во всяком случае, прошло некоторое время, пока созданные запасы смогли в доста-

точной мере удовлетворить настойчивые и необходимые потребности войск — особенно в отношении буйволиных шкур, необходимых для подошвенной кожи. Таким образом, историческая борьба за коровью шкуру в восточно-африканских условиях возродилась вновь.

Можно было предвидеть, что столь важный для поддержания здоровья европейцев хинин скоро истощится и что потребность в нем не сможет быть покрыта одной только добычей. Таким образом, имело большое значение то, что в биологической лаборатории Амани в Узамбаре удалось организовать производство хороших хинных лепешек из добытой на севере коры хинного дерева.

Необходимая для движения подвод и автомобилей постройка дорог привела к созданию постоянных мостов. Призванный в армию инженер Рентелль построил западнее Неймоши из камня и бетона на крепких каменных быках мост через реку Кикаду, отличающуюся быстрым течением. В период дождей, особенно в апреле, никакой деревянный мост не мог бы выдержать напора водяных масс в узком русле глубиной до 20 метров.

Усердно работали мы и над организацией войск. Передачей европейцев из стрелковых рот, где они имелись в большом количестве, в роты аскари покрывалась убыль европейцев среди их командного состава; аскари же пополняли стрелковые роты. Таким образом, в течение 1915 года полевые и стрелковые роты стали однородны по составу. В Муанзе, Кигоме, Бисмаркбурге, Линди, Нейлангенбурге и в других местах создавались под различными названиями мелкие войсковые соединения, о существовании которых командование узнавало большей частью спустя довольно продолжительное время. Эти формирования также постепенно были реорганизованы в роты; таким образом, в течение 1915 года число полевых рот постепенно возросло до 30, стрелковых — до 10, остальных же соединений силой в роту — приблизительно до 20. Таким образом было достигнуто наибольшее число в 60 рот. При ограниченном числе годных к службе европейцев и надежных аскари увеличивать дальше число рот было нежелательно — ибо тогда появились бы соединения без всякой внутренней устойчивости.

С целью увеличить общее число бойцов поначалу штат роты был увеличен со 160 до 200 аскари. Затем ротам было разрешено иметь аскари больше этого штата. Роты иногда сами обучали своих рекрутов. Но главная масса пополнения аскари шла из устроенных в населенных областях Таборы, Муанзы и Северной железной до-

роги рекрутских депо, которые в то же время составляли местную охрану и обеспечивали порядок. Однако при большом числе вновь выставленных рот рекрутские депо не могли давать столько пополнения, чтобы довести все роты до штатного состава в 200 человек.

Наивысшая численность выставленных войск была достигнута в конце 1915 года и составляла 2998 европейцев и 11 300 аскари — включая моряков, тыловые учреждения, лазареты и полевую почту. Насколько были необходимы все эти военные приготовления, показало полученное в конце июня 1915 г. известие, что из Южной Африки на театр военных действий в Восточной Африке должен прибыть генерал Бота с 15 000 буров. Эта новость с самого начала казалась очень правдоподобной. Отрывочные переговоры по беспроволочному телеграфу и немногие сообщения о событиях внешнего мира отмечали, что обстановка в Юго-Западной Африке складывается для нас неблагоприятно и что находящиеся там британские войска будут, вероятно, в ближайшее время использованы в другом месте¹.

Глава восьмая. В ожидании большого наступления неприятеля. Энергичное использование остающегося времени

(Июнь—декабрь 1915 года)

Атака неприятельских войск возле озера Виктория. Новый успех у Килиманджаро. Упорные нападения на английскую железную дорогу. Наступление на английский лагерь у Касигао. Меры со стороны неприятеля по защите железной дороги от наших покушений. Бои в кустарнике. Мысли о шансах на сопротивление в случае наступления крупных неприятельских войсковых масс. Подготовка к отходу на юг. Переброска запасов. Упорная оборона позиций у Ольдоробо. Новый «Мунгу».

Сначала казалось, что ожидаемое выступление южно-африканцев не состоится, так как англичане пытались, по-видимому, одолеть нас собственными силами. В июле 1915 года они органи-

¹ Сопротивление германских войск в Юго-Западной Африке было сломлено англо-бурскими войсками в июле 1915 г. (Прим. ред.)

зовали нападение на колонию в различных пунктах. Восточнее озера Виктория появились организованные и руководимые англичанами большие банды масаев, как полагали — числом в несколько тысяч. Они напали на богатые скотом области немецких вассукума. Однако когда дело касалось увода скота, вассукума не понимали шуток и оказывали всяческую помощь нашим слабым постам. Они набросились на масаев, снова отбили у них захваченный скот и в знак того, что они «говорят правду», сложили перед нашей полицейской станцией 96 отрезанных масайских голов.

В области Килиманджаро неприятель в значительных силах повел наступление против нашей главной группы войск. Чтобы, с одной стороны, осуществить действительную защиту Узамбарской железной дороги и ее богатых плантациями областей, а с другой стороны, сократить путь наших патрулей к Угандийской железной дороге, из Таветы был выдвинут отряд (3 роты) к Мбуджуни, что находится в одном усиленном переходе восточнее Таветы. Еще в одном дневном переходе к востоку имелся прочно занятый и укрепленный английский лагерь Макаатау на большой дороге, которая вела от Неймоши через Тавету, Мбуджуни, Макаатау, Буру к местечку Вой на Угандийской железной дороге. Неясные слухи дали повод предполагать, что из Вой можно ожидать новых больших операций.

14 июля в степи Макаатау, покрытой редким колючим кустарником, появилась неприятельская бригада под начальством генерала Маллесона. Огонь полевой батареи по стрелковым окопам наших аскари оказался малоэффективен, но превосходство противника (семь против одного) было все-таки настолько велико, что наше положение стало критическим. Неприятельская европейская конница охватила наш левый фланг. Заслужой обер-лейтенанта Штейнгейзера, который впоследствии был убит, является то, что он вместе с доблестной 10-й полевой ротой, получившей боевой опыт еще под Лонгидо, не отступил, несмотря на отход соседних рот. Как раз в критический момент в тыл неприятельским охватывающим частям вышел патруль обер-лейтенанта фон Левински (тоже позднее убитого), который сразу двинулся на шум боя и совершенно парализовал опасный для нас охват. Английские войска, европейцы и индусы, смешанные вместе с аскари, очень храбро атаковали наш фронт в местности, дающей мало укрытий. Однако неудача английского охвата закончилась их поражением с потерей 200 человек. На вокзале в Неймоши я по телефону сле-

дил за ходом боя и таким образом в отдалении пережил все его напряжение — от неблагоприятного начала до полной победы.

Этот успех и значительная добыча снова сделали наших европейцев и аскарари предприимчивыми. Только теперь, строго говоря, наступил период, когда, опираясь на прежний опыт и приобретенную ловкость, начались непрерывные поиски боевых патрулей и попытки подрывов железной дороги. По позднейшим сообщениям английского коменданта линии, всего нами было совершено до 35 удачных разрушений железнодорожного пути.

Захваченные фотографии и данные разведки подтверждали наше предположение, что противником действительно строится железная дорога от Вой до Макаатау, которая благодаря близости к нам и своему боевому значению представляла отличную цель для действий наших патрулей. Постройка этой дороги показала, что именно в этом пункте области Килиманджаро готовится нападение большими силами. Таким образом, здесь можно было ожидать появления южно-африканцев. Надо было укрепить противника в этом намерении, ибо, рассуждали мы, если южно-африканцев действительно перебросят сюда, и притом в возможно большем количестве, они будут использованы вдали от других более важных театров военных действий. Поэтому предприятия против Угандийской железной дороги велись с крайним напряжением. Однако при создавшейся в то время обстановке эти операции могли состоять преимущественно из мелких патрульных действий, и только в исключительных случаях — из столкновений целых рот.

Более близкое знакомство со степью между Угандийской железной дорогой и англо-германской границей показало, что среди различных круто поднимающихся над равниной горных вершин был богат водой и достаточно населен лишь массив Касигао. При удалении всего только 20—30 километров от Угандийской железной дороги Касигао являлся удобно расположенным опорным пунктом для партизанских действий. Еще раньше патруль оберлейтенанта Гроте сыграл злую шутку над небольшим англо-индусским лагерем, расположенным на середине ската горы. Стрелки этого патруля окружили обнесенный каменной стеной лагерь и открыли с более высокой части горы прямо по нему очень удачный огонь. Вскоре неприятель выкинул белый флаг, и английский офицер вместе с 30 индусами сдались. Части сил неприятеля удалось уйти на гору и обстрелять наш патруль во время отхода. Только в этот момент мы понесли потери в несколько ране-

ных, среди которых был также и санитарный офицер. Неприятельский пост у Касигао был обстрелян также при случае и огнем 60-мм орудия.

К концу 1915 года неприятель был снова атакован у Касигао, где он к тому времени устроил свой лагерь. Немецкий боевой патруль под командой обер-лейтенанта фон Руктешеля всю ночь напролет в течение 9 часов карабкался на крутую гору и, порядочно изнуренный, расположился вблизи неприятельского укрепления. Второй действующий совместно с ним патруль под начальством обер-лейтенанта Гроте несколько отстал вследствие болезни и утомления этого офицера. Обер-лейтенант фон Руктешель послал к неприятелю парламентаря, старого солдата из чернокожих, с предложением сдаться — и видел, что наш аскари был очень сердечно встречен, так как нашел там между английскими аскари нескольких своих хороших знакомых. Но, несмотря на всю любовь, противник отклонил сдачу. Наше положение вследствие большого изнурения и недостатка в продовольствии было критическим. Если вообще нужно было что-нибудь предпринять, то следовало действовать немедленно.

К счастью, неприятель не выдержал в своем укреплении огня наших пулеметов и последовавшего затем наступления. Он был уничтожен, и большая часть его убегающих людей разбилась при падении с крутых скал. Кроме большого количества продовольствия и одежды было захвачено также и ценное палаточное оборудование. Чувство взаимной расположенности, которое наши аскари испытывали по отношению к немцам и которое сильно развивалось благодаря многочисленным совместным предприятиям, привело в этом случае к своеобразной сцене. После ночного восхождения на Касигао, которое шло через скалистые утесы и колчичие заросли, один аскари заметил, что обер-лейтенант фон Руктешель до крови расцарапал себе лицо. Он тотчас же взял свой чулок, который, вероятно, не менял дней шесть, и вытер им лицо своему «Бвана» (обер-лейтенанту). Слегка удивленный вопрос последнего он предупредил словами: «Это военный обычай; это делается только для своих друзей».

Для того чтобы на месте разобраться в положении вещей и ускорить предприятия против Касигао, я отправился по железной дороге до Саме, оттуда в автомобиле к миссии Гонджа и, частью на велосипеде, а частью пешком — в направлении на Касигао к немецкой границе, где у источника воды стояла лагерь наша

рота. Связь посредством гелиографа и посыльными оттуда на Касигао действовала удовлетворительно, и, таким образом, можно было закрепить одержанный при Касигао успех. Немедленно были стянуты войска, и несколько рот продолжали занимать Касигао до появления южно-африканцев. Однако подвоз туда продовольствия производился с большим трудом. Несмотря на то что немецкая область западнее Касигао была богата местными средствами, она не могла обеспечивать продолжительное время продовольствием такую большую войсковую массу, численность которой (вместе с носильщиками) составляла примерно 1000 человек.

Затем я отправился на автомобиле вокруг гор южного Паре по проложенной еще в мирное время шоссеиной дороге. Постройка этой дороги была приостановлена ввиду недостатка средств, и кучи щебня лежали годами без использования по обе стороны дороги. Трубы, проложенные под полотном дороги для стока воды, были по большей части в хорошем состоянии. Требовалась незначительная работа, чтобы укрепить эту дорогу и сделать ее годной для грузовых автомобилей. Перевозка грузов от Буйко на Северной железной дороге производилась автомобилями до Гонджи и оттуда дальше на Касигао носильщиками. Телефонный провод до границы уже проводился, и через несколько дней была установлена связь.

Патрули, выдвигаемые с Касигао, имели многочисленные столкновения с неприятельскими отрядами, а также производили разрушения на Угандийской железной дороге. Однако в дикой скалистой и густо поросшей колючим кустарником местности передвижения производились с такими большими затруднениями, что Касигао не вполне оправдало свое назначение — служить опорным пунктом для партизанских действий до прибытия южно-африканцев. Но вместе с тем по причине постоянной угрозы железной дороге противник был, по крайней мере, вынужден принять обширные меры к ее защите. По обе стороны железной дороги англичане расчистили широкие полосы, которые с внешнего края были огорожены сплошной засекой из колючего кустарника. Затем, примерно через каждые два километра были устроены крепкие, снабженные искусственными препятствиями блокаузы, или укрепления, из которых патрули должны были постоянно обследовать железнодорожное полотно. Наготове держались особые отряды, силой в роту или больше — для немедленной переброски в специальных поездах при получении сообщения о нападении на

какой-либо пункт железной дороги. Кроме того, в нашу сторону были выдвинуты прикрывающие отряды, которые пытались отрезать наши патрули при их возвращении с железной дороги — как только об этом сообщали шпионы или посты, расположенные на возвышенных пунктах

На высотах юго-восточнее Касигао и вплоть до берега моря и дальше в области прибрежных поселений также были расположены английские лагеря, против которых, в свою очередь, направлялись действия наших патрулей и летучих отрядов. Мы стремились непрерывно вредить противнику, заставить его принимать меры защиты и, таким образом, связать его силы здесь, в области Угандийской железной дороги.

С этой целью были созданы опорные пункты для наших боевых патрулей; в первую очередь — от побережья до Мбуджуни (на дороге Тавета—Вой). Такая же работа производилась и в более северном районе. Неприятельский лагерь у Мзимы в верховье реки Тсаво и его сообщения с тылом, шедшие вдоль этой реки, являлись постоянными объектами наших предприятий, осуществляемых как патрулями, так и более крупными отрядами.

При выполнении подобной вылазки капитан Огар со своей 13-й ротой был застигнут врасплох в густом кустарнике юго-западнее лагеря Мзимы тремя неприятельскими европейскими ротами вновь прибывшего 2-го Родезийского полка. Противник появился с разных сторон. Однако ему, еще мало знакомому с условиями войны в кустарнике, не хватало необходимого единства в действиях. Благодаря этому нашей роте аскари посчастливилось сначала отбросить одну часть неприятеля, а затем, быстро приняв решение, разбить также и другую часть, которая появилась в тылу.

Точно так же и дальше к северу разыгрывались успешные для нас бои, где мы действовали силами около роты и наносили противнику, который часто превосходил нас числом, чувствительные потери. Севернее Энгаре-Лена особенно энергично работала притянутая из Линди 3-я полевая рота, и ее боевые патрули доходили до Угандийской железной дороги. Уже только то обстоятельство, что мы могли теперь производить быстрые походы отрядами в роту и более среди лишенной местных средств и бедной водой степи, показывает, что войска сделали громадные успехи в этом способе ведения малой войны. Европейец понял, что многие крайне желательные для путешествия по тропическим областям удобства должны отпасть именно на войне и что в случае необходимости мож-

но некоторое время обходиться услугами только одного носильщика.

Патрули должны были избегать предательского дыма от костров во время стоянок и брать с собой, по возможности, уже готовую пищу. Если же было необходимо варить, то это являлось особенно опасным в утренние и вечерние часы. Начальник в таком случае должен был выбрать укрытое от взоров убежище и, во всяком случае, после приготовления пищи изменить место стоянки.

Полная защита от москитов при трудных условиях работы патрулей была невозможна. Поэтому после возвращения среди участников постоянно обнаруживалось известное число случаев заболевания малярией. Однако, так как патрульная служба, несмотря на постоянный урон, наносимый неприятелю, требовала сравнительно мало людей, то только часть рот должна была находиться в передовой линии. После нескольких недель каждую роту отводили для отдыха в тыл: в лагерь, расположенный в здоровой местности. Европейцы и аскари могли отдохнуть здесь от чрезмерных лишений, возобновить свою подготовку и укрепить дисциплину.

К концу 1915 года недостаток воды в лагере Мбуджуни стал так велик, а доставка продовольствия сделалась настолько затруднительна, что там оставили только пост, а остальной отряд был оттянут назад на запад в район горы Ольдоробо. Неприятельский же лагерь Макатау между тем все время увеличивался. Здесь наблюдалось оживленное движение поездов и было ясно видно, как в западном направлении создавалась большая насыпь для дальнейшего проведения железной дороги. Хотя наши патрули часто имели случай нанести противнику при его работах серьезные потери, постройка железной дороги все-таки подвигалась вперед.

Приходилось принимать во внимание, что область Северной железной дороги может скоро попасть в руки неприятеля. Таким образом, следовало позаботиться о том, чтобы войсковые запасы Северного округа вовремя были перевезены в безопасное место. Это не представляло затруднений, пока в нашем распоряжении находилось полотно железной дороги. В Неймоши и в Момбо была расположена большая часть наших запасов боевых припасов, обмундирования и санитарного имущества. Можно было рассчитывать, что машинное оборудование и части машин смогут быть перевезены по обыкновенным дорогам; поэтому их следовало возможно дольше использовать на месте и продолжать производство.

Сообразно с неприятельским наступлением определилось направление нашего отхода, в общем, в южном направлении, и не только приготовления, но и сама перевозка должна была начаться не тая времени, то есть уже в августе 1915 года.

Поэтому комендант линии лейтенант Кребер предусмотрительно собрал с плантаций материал полевой железной дороги и буквально в один день построил железнодорожную ветку от Момбо до Гандени. Вагонетки тоже были закуплены на плантациях, после серьезного обсуждения было отдано предпочтение ручному способу передвижения перед паровозами. Таким образом, мы полностью и своевременно перебросили запасы севера в Гандени. Там, если не считать нескольких повозок, переноска возлагалась главным образом на носильщиков, шедших до Кимамбы на Центральной железной дороге. Однако до начала активных неприятельских действий от перевозок приходилось воздерживаться, так как, несмотря на очевидные приготовления англичан для вторжения в область Килиманджаро, я все-таки считался с возможностью, что главные их силы будут двинуты не у Килиманджаро, а в район Багамоджо—Дар-эс-Салам.

К концу 1915 года постройка неприятелем железной дороги постепенно продвинулась на запад. Чтобы воспрепятствовать этому, майор Краут с 3 ротами и 2 легкими орудиями укрепился на позиции на горе Ольдоробо. Эта гора поднималась среди ровной степи, покрытой колючим кустарником, в 12 километрах восточнее Таветы, господствуя над окружающей местностью и дорогой. Ее вырубленные в скалах укрепления, дополненные многочисленными ложными сооружениями, образовали опорный пункт, которым почти нельзя было овладеть. Недостатком позиции являлось абсолютное отсутствие воды. Хотя поступивший в армию колонист, лейтенант резерва Матушка, открыл отличные источники возле Таветы, у Ольдоробо не нашли ни капли воды, несмотря на то, что по его указанию рыли в разных местах на глубине более 30 метров. Поэтому воду к Ольдоробо приходилось возить из Таветы в маленьких тележках, запряженных ослами, и там собирать в бочки. Эта доставка воды была чрезвычайно тяжелым бременем для наших перевозочных средств. Замечательно, что неприятель и не подумал о том, чтобы расстроить подвоз воды, сделав таким образом невозможным для нас удержание Ольдоробо. Вместо этого он, опираясь на строящуюся железную дорогу, продвинулся на 5 километров с востока к горе и построил там сильно укреплен-

ный лагерь. Помешать ему в этом не удалось, так как благодаря затруднениям в снабжении водой и перевозочными средствами более крупные войсковые соединения могли удаляться от Таветы только на время.

Неприятель, в свою очередь, покрывал свою потребность в воде посредством длинного водопровода, который начинался источником горы Бура. Разрушение неприятельского водяного резервуара патрулями лейтенанта резерва Ститенкрона причинило противнику только временные затруднения.

В это время у противника появились первые аэропланы, которые забросали бомбами наши позиции у Ольдоробо и у Таветы, а позднее также и возле Неймоши. 27 января 1916 года один из этих летчиков, возвращавшийся от Ольдоробо, был с успехом обстрелян нашей выдвинутой вперед пехотой и упал. Англичане объявили туземцам, что эти аэропланы — новый «Мунгу» (бог). Но тем, что этот новый «Мунгу» был сбит и захвачен нами, он скорее послужил к усилению, чем ослаблению уважения к немцам.

Глава девятая. Второстепенные участки военных действий. Малая война на воде и суше

(В течение 1914—1915 годов)

Наши и неприятельские военные силы на границах колонии. Трудности переброски войск в пределах колониальной области. События на морском побережье. «Кенигсберг» в Руфиджи и его славная гибель. Мелкие стычки в области Сонджо. Продолжительные бои восточнее и западнее озера Виктория. События в Руанде и у озера Киву. На границе Руссини. Бои на суше и на воде в районе озера Танганьика. Окрестности Бисмаркбурга. У озера Ньяса.

При использовании главных сил армии в районе Северной железной дороги нельзя было излишне ослаблять остальные части колонии. Необходимо было держать в повиновении туземцев внутри страны, чтобы в случае надобности иметь возможность удовлетворять надобность в носильщиках, в возделывании земли, перевозке грузов и работах всякого рода. С этой целью 12-я

рота осталась в Махенге, а 2-я рота — в Иринге. Наряду с их обычными задачами обе эти роты представляли собой большие рекрутские депо, которые служили для заполнения образовавшихся на фронте дыр и в то же время давали возможность новых формирований.

Далеко оторванные от центра и не связанные с ним проводом телеграфа, начальники отрядов на границах вполне правильно стремились предупредить неприятеля и напасть на него на его собственной территории. При недостатке связи наши боевые действия распались на целый ряд одиночных предприятий, которые велись независимо друг от друга. Иначе обстояло дело у неприятеля: последний, по-видимому, старался согласовать свои главные боевые операции с теми действиями, которые происходили в других местах границы.

В октябре 1914 года, то есть перед боями у Танги, капитан Циммер сообщил из Кигомы, что на бельгийской границе находится около 2000 человек; капитан Брауншвейг из Муанзы — что на озере Виктория у Кизуму тоже сосредоточен очень сильный противник, что у Кизи стоит около двух рот и, кроме того, имеются еще части у Карунгу. По другим совершенно не связанным между собою сведениям, полученным от туземцев, в октябре в Момбасу прибыли индусские войска, которые затем были переброшены дальше в направлении на Вой. В округе Букоба английские войска наступали через Кагеру, а соседний пункт Умбулу сообщал о продвижении неприятельских войск в области Сонджо. По-видимому, это была подготовка к операциям, которые должны были быть согласованы с большим наступлением, направленным на Тангу в начале ноября 1914 года.

При недостатке в колонии средств связи было невозможно действовать против этих отдельных наступающих вдоль границы неприятельских отрядов нашими главными силами и быстро перебрасывать их по очереди то против одного, то против другого противника. Поэтому мы должны были придерживаться основной идеи нашего плана ведения войны, а именно: из района Северной железной дороги сильно нажимать на расположенного здесь неприятеля и таким образом облегчать положение на других участках, где велись военные действия.

Таким образом, в сентябре 1914 года от Иринги и Убены в область Нейлангенбурга были передвинуты главные силы Фалькенштейна, а также Ауман с частью 2-й роты. В марте 1915 года

26-я полевая рота была переведена из Дар-эс-Салама через Табору к Муанзе. В апреле 1915 года сосредоточение частей неприятеля в Марадрейке (восточнее озера Виктория) и у Бисмаркбурга побудило к дальнейшим передвижениям войск от Дар-эс-Салама через Муанзу к Марадрейку, а также через Кигому к Бисмаркбургу — не быстрым из-за больших расстояний. Последнее передвижение еще более замедлялось недостатком перевозочных средств на озере Танганьика, так как постройка в Кигоме парохода «Гетцен» продвигалась очень медленно.

Вначале неприятельские действия были направлены главным образом на морское побережье. В начале войны наш небольшой крейсер «Кенигсберг» вышел из гавани Дар-эс-Салама и, застигнув 20 сентября 1914 года врасплох у Занзибара английский крейсер «Пегасус», нанес ему серьезные повреждения¹. После этого появилось несколько крупных неприятельских крейсеров², которые усиленно разыскивали «Кенигсберг». 19 октября большой вооруженный катер подошел возле Линди к укрытому в реке Лукуледи пароходу Восточно-Африканской линии «Президент». Расположенные в Линди местные окружные части и запасная рота под командой капитана Огара как раз отсутствовали, вызванные для противодействия десанту противника, предполагавшемуся у Микиндани, так что против хорошо вооруженного катера предпринять что-либо было трудно. Однако лишь 29 июня 1915 года несколько неприятельских судов поднялись вверх по Лукуледи и взорвали находившийся там «Президент».

«Кенигсберг» после удачных крейсерских набегов в Индийском океане³ укрылся в устье Руфиджи, но его стоянка была открыта противником. Река образовала здесь далеко разветвленную и очень закрытую дельту, острова которой заросли густейшим кустарником. Выходы из отдельных речных рукавов защищались отрядом «Дельта». Это было подразделение колониальных войск, которое состояло из моряков, добровольцев-европейцев и аскари под командованием капитана Шенфельда: всего около 150 ружей, несколько легких орудий и пулеметов. Многочисленные попыт-

¹ «Пегасус» был потоплен, при этом погибло 2 офицера и 31 матрос, еще 59 моряков было ранено. Кроме того, при обстреле береговой радиостанции погибло 45 английских колониальных солдат (по другим данным, погибло 42 чел. и 60 ранено). (Прим. ред.)

² Легкие крейсера «Чатам», «Дартмут» и «Веймут», а также однотипные с «Пегасусом» бронепалубные крейсера 3-го класса «Астрия» и «Гиацинт». (Прим. ред.)

³ Помимо «Пегасуса», крейсеру удалось уничтожить всего одно вражеское судно — пароход «Сити оф Винчестер», шедший из Индии с грузом чая. (Прим. ред.)

ки неприятеля прорваться легкими судами в устье реки постоянно отражались нами со значительными для него потерями. «Адъютант» — небольшой пароход, который англичане захватили как ценный приз и вооружили, был во время этих действий снова отбит у них и затем использован как вспомогательное судно на Танганьикском озере. Точно так же в районе устья Руфиджи несколько английских аэропланов получили повреждения.

Заградительное судно, потопленное англичанами в северном рукаве Руфиджи, не достигло своей цели — запретить наш крейсер. Капитан Шенфельд искусным выбором места стоянки и своевременной переменой последней встречал постоянный обстрел тяжелых судовых орудий противника, против которых он был бессилен бороться. В начале июля 1915 года англичане доставили к Руфиджи две мелкосидящие канонерских лодки, снабженные тяжелыми орудиями¹. 6 июля было произведено первое нападение 4-х крейсеров, 10 других вооруженных судов и двух канонерских лодок. Неприятельские суда с помощью аэропланов обстреляли «Кенигсберг», который стоял на реке на якоре². Нападение было отбито; но при его повторении 11 июля «Кенигсберг» сильно пострадал. Прислуга, обслуживавшая орудия, была выведена из строя. Тяжело раненный командир приказал выбросить замки от орудий через борт и взорвать крейсер. Сама по себе тяжелая, потеря «Кенигсберга» принесла для боевых действий на суше по крайней мере ту пользу, что личный состав и ценный материал, оставшийся на корабле, поступили теперь в распоряжение колониальных войск.

Брошенные за борт части орудий были снова выловлены и десять 10,5-см орудий «Кенигсберга» постепенно приспособили к перевозке на сделанных в колонии лафетах. По указаниям командира крейсера десять орудий «Кенигсберга» были полностью собраны и снова приведены в боевую готовность; пять из них установили в Дар-эс-Саламе, по два — в Танге и Кигоме и одно — в Муанзе³. Капитан флота Шенфельд, командовавший войсками у устья Руфиджи, приказал использовать для перевозки несколько повозок, построенных для тяжелых грузов и находившихся на одной ближайшей плантации. Это орудия оказали большие услуги со своих закрытых позиций на суше, и, насколько мне было из-

¹ Это были мониторы «Мерсей» и «Северн», вооруженные 152-мм артиллерией.

² Один из аэропланов был сбит корабельной артиллерией. (Прим. ред.)

³ Одно из этих орудий, захваченное англичанами, и сегодня можно видеть в одном из фортов кенийской Момбасы. (Прим. ред.)

вестно, ни одно орудие при таком способе использования не было повреждено, несмотря на неоднократный обстрел неприятельскими судами.

26 сентября 1915 года пароход «Вами» ночью был переведен из Руфиджи в Дар-эс-Салам. В конце августа из Мозамбика в Линди на нескольких лодках прибыли люди с парохода «Цитен», желающие поступить в армию.

10 января 1915 года на острове Мафия высадилось около 300 человек индусских и черных войск с пулеметами. Наша полицейская часть, состоявшая из 3 европейцев, 15 аскар и 11 новобранцев, в течение 6 часов оказывала упорное сопротивление, но затем вынуждена была сдаться после того, как тяжело раненным выбыл из строя ее командир — лейтенант резерва Шиллер, который с мангового дерева вел меткий огонь по противнику. Англичане решили занять Мафию несколькими сотнями людей и устроили также на соседнем острове наблюдательный пост.

По-видимому, отсюда же велась пропаганда среди туземцев. В ночь на 30 июля 1915 года у Кисенджу была задержана лодка с прокламациями.

О событиях у Дар-эс-Салама, где 22 октября 1914 года командир одного из английских крейсеров объявил, что не считает себя связанным никакими договорами, уже говорилось выше.

Аэроплан, прибывший до объявления войны в Дар-эс-Салам на выставку, был вскоре после открытия военных действий передан для обслуживания армии. Однако 15 ноября он разбился при несчастном случае у Дар-эс-Салама. При этом погиб летчик оберлейтенант Геннебергер.

У Танги после больших боев в ноябре 1914 года было спокойно. 13 марта 1915 года здесь наскочило на риф английское судно, но при морском приливе снова освободилось. Мы сразу же начали извлекать из воды 200 тонн угля, которые судно выбросило за борт. Была сделана попытка установить в несколько рядов самодельные мины, которые могли быть взорваны сигналом с берега. Однако они не оправдали себя — и позднее выяснилось, что мины быстро пришли в негодность.

Обстрел различных пунктов побережья продолжался все время. 20 мая военный корабль обстрелял Линди после того, как было отклонено его требование о сдаче расположенных там войск. Точно так же 1 апреля 1915 года был обстрелян район южнее Паангани, затем 12 апреля остров Квале, а в ночь на 24 апреля — дельта Руфиджи.

15 августа 1915 года перед Тангой появились крейсер «Гиацинт» и 4 сторожевых корабля. Мы быстро перебросили оба наших 6-см орудия со стоянки у Гомбези и вместе с легким орудием из Танги 19 августа с успехом использовали их, когда «Гиацинт», две канонерские лодки и 6 китоловных судов появились снова, уничтожив пароход «Маркграф» и обстреляв Тангу. Одна канонерская лодка получила два метких попадания, а одно из китоловных судов ушло с разбитым четырьмя удачными выстрелами бортом.

В области Сонджо между Килиманджаро и озером Виктория в течение этих месяцев неоднократно появлялись неприятельские патрули, и местные туземцы, казалось, готовы были выйти из повиновения. Фельдфебель Баст, посланный туда с патрулем, вследствие вероломства населения Сонджо попал в засаду и 17 ноября 1914 года был убит вместе с пятью аскари. Население Сонджо было усмирено лишь карательной экспедицией призванного в армию чиновника округа Аруши, лейтенанта резерва Кемфе.

Только в июле 1915 года в этом районе дело дошло опять до столкновений патрулей, причем в одной из стычек было убито 22 неприятельских вооруженных туземца. Затем, в конце сентября и начале октября 1915 года, патруль обер-лейтенанта Бюхселя совершил замечательное путешествие верхом через Сонджо в английскую область, не встретив противника, так как английский пост, который был, по-видимому, предупрежден, уклонился от столкновения.

7-я рота, расположенная в Букобе у озера Виктория, и 14-я рота в Муанзе были связаны друг с другом радиотелеграфом. Господство на озере было, неоспоримо, в руках англичан, так как неприятель располагал здесь по меньшей мере семью большими пароходами. Однако несмотря на это наш маленький пароход «Муанза», так же как и другие более мелкие суда, сохранял большую свободу передвижения. В то время как резидент в Букобе майор фон Штюмер прикрывал границу со своей полицией и при содействии войск дружественного нам букобского султана капитан Бок фон Вюльфинген перешел с главными силами 7-й роты из Букобы к Муанзе. Отсюда он в начале сентября 1914 года выступил со сводным отрядом, состоявшим из частей 7-й и 14-й рот, а также из васукумских новобранцев и вспомогательных туземных воинов, по восточному берегу озера Виктория в северном направлении против Угандийской железной дороги. 12 сентября у Кизи, по ту сторону границы, он отбросил отряд противника — но затем по-

лучил сведения о движении других неприятельских отрядов и отошел к югу. Таким образом, для защиты границы восточнее озера Виктория остались только слабые отряды.

Ведение войны в районе озера Виктория было для нас очень тяжелым делом. Постоянно существовала опасность, что неприятель высадится у Муанзы или в другом пункте южного побережья, захватит область Васукуму и будет угрожать Табору, древней столице страны¹. Если бы наши войска остались в районе Муанзы, то опасность угрожала не только областям вокруг Букобы, но и Руанде. Больше всего шансов на успех у озера Виктория могло иметь активное ведение военных действий, объединенных общим руководством. Однако провести такой план было не особенно легко, так как наиболее подходящий для этого руководитель, майор фон Штюмер, был связан своими обязанностями в качестве резидента в округе Букоба, в то время как Муанза имела более важное значение.

В конце октября 1914 года попытка перебросить на лодках часть войск от Муанзы к Букобе кончилась неудачно, так как у Муанзы появились вооруженные английские суда. Очевидно, неприятель расшифровал наши переговоры по радиотелеграфу и принял соответствующие меры. Экспедиция из Муанзы для поддержки Букобы состояла из 570 ружей при 2 орудиях и 4 пулеметах и была отправлена 31 октября 1914 года на пароходе «Муанза» с 2 буксирами и 10 туземными лодками. В тот же день утром эта флотилия была рассеяна неожиданно появившимися неприятельскими пароходами и вскоре снова собралась, к счастью без потерь, в Муанзе. Вслед за этим благодаря нашему противодействию попытка англичан произвести высадку у Каджензе тоже оказалась безрезультатной; через несколько дней у Маджиты был найден английский пароход «Сибилла». Он был разбит орудийными выстрелами и полузатоплен.

20 ноября, после 12-часового боя севернее Букобы отряд Штюмера отбросил английские войска, которые проникли на немецкую территорию, а затем снова нанес им поражение у Кифумбирю после их переправы через реку Кагеру. 5 декабря 1914 года англичане со стороны озера безуспешно обстреливали местечко Шира-ти, а 6 декабря вели огонь по Букобе.

Восточнее и западнее озера Виктория постоянно происходили мелкие патрульные стычки. Более сильный удар неприятель

¹ Еще в XVIII столетии этот город был центром исламских султанатов. (Прим. ред.)

попытался произвести 8 января 1915 года, когда он обстрелял со стороны озера шестью орудиями и пулеметами Ширати и высадил здесь две индусские роты и большое количество европейской конницы. Обер-лейтенант фон Гакстгаузен после трех с половиной часового боя отступил со своими двумя орудиями ввиду явного превосходства противника. В следующие дни противник усилился до 300 европейцев и 700 индусов. Затем 17 января Гакстгаузен двумя пулеметами рассеял на границе 80 европейцев и 150 аскари, а 30 января противник снова очистил Ширати и ушел в направлении на Карунгу. Я думаю, что этот отход был вызван тяжелым поражением, которое в то время (18 января) неприятель потерпел у Ясини. Он, по-видимому, считал необходимым снова подтянуть свои силы к Угандийской железной дороге.

Западнее озера Виктория и на север от Кифумбиرو капитан фон Бок напал на неприятельский пост силой в 40 человек и отбросил его назад, причем противник потерял 17 человек убитыми.

1 марта 1915 года английские суда напали на пароход «Муанза» в проливе Ругези. Наше судно получило течь и было подведено вплотную к берегу. Попытке противника увести его помешал наш огонь, так что на следующий день пароход удалось укрыть и увести его в безопасное место в Муанзу, где он был исправлен. При трудности перебросок войск водой между Муанзой и Букобой общее руководство операциями было признано в дальнейшем нецелесообразным. Начальников обоих округов подчинили непосредственно командованию.

Попытки десанта со стороны англичан были отбиты нашими постами: 4 марта — в бухте Мари, 7 марта — у Укереве, 9 марта — у Мусомы. У Ширати произошло одновременно несколько стычек патрулей, во время которых был убит командир обер-лейтенант Река, а наши патрули рассеяны. 9 марта обер-лейтенант фон Гакстгаузен с сотней европейцев и аскари разбил у горы Майки во много раз превосходившего неприятеля; противник отошел, потеряв убитыми 17 белых и большое число аскари. У нас были убиты один европеец и 10 аскари, а 2 европейца и 25 аскари ранены; одного раненого европейца захватили в плен. Кроме указанной выше 26-й полевой роты, Муанза была усилена сотней аскари из области Букобы, которые прибыли туда 6 апреля.

В начале апреля были также обстреляны со стороны озера некоторые пункты восточного берега, одновременно масаи сделали

набег восточнее озера, убили миссионера и несколько туземцев и угнали скот. В середине апреля капитан Брауншвейг перешел из Муанзы со 110 европейцами, 430 аскари, 2 пулеметами и 2 орудиями к Марадрейку и усилил обер-лейтенанта фон Гакстгаузена. В Муанзе осталось свыше 500 ружей.

4 мая по английскому пароходу в бухте Мари было сделано 3 метких выстрела из орудия образца 1873 года — очевидно, именно это помешало десанту неприятельских войск. 12 мая у Маджиты высадилось 30 человек, но уже 18 июня они опять ушли обратно и увезли с собой обломки «Сибиллы».

Майор фон Штюмер занимал с начала декабря 1914 года сильно растянутую позицию у Кагеры. Противник, оцениваемый примерно в 300 человек, постепенно оживлялся. Казалось, что он готовит материал для переправы через Кагеру; его суда часто показывались в бухте Санго.

На границе у Ширати в ночь на 5 июня 1915 года пост Бекер силою в 10 аскари был окружен 10 европейцами и 50 индусами 98-го полка. В бою принял также участие вооруженный пароход. Однако неприятель был отбит и потерял убитыми двух европейцев и пятерых аскари. Здесь можно упомянуть, что вооруженные неприятельские разведчики употребляли на границе у Ширати даже отравленные стрелы.

21 июня англичане силою в 800 европейцев, 400 аскари и 300 индусов, с 3 орудиями и 8 пулеметами и при поддержке огня вооруженных пароходов, напали на Букобу. Наш гарнизон силою немногим более 200 ружей оставил этот пункт после двухдневного боя. Неприятель разграбил его, разрушил станцию беспроволочного телеграфа и 24 июня снова ушел в направлении на Кизуму. Во время штурма он понес тяжелые потери. По английским данным было убито 10 и ранено 22 европейца. Но с немецкой стороны наблюдали, как отчалил пароход со 150 убитыми и ранеными. Мы потеряли убитыми 2 европейцев, 5 аскари и 7 солдат вспомогательных частей, а ранеными 4 европейцев и 30 цветных, было потеряно также одно орудие.

Из событий следующего периода следует упомянуть, что 18 июля 1915 года была безрезультатно обстреляна Букоба. В Мпороро на сторону англичан перешел сравнительно крупный туземный вождь. В Муанзу 12 сентября прибыло одно из 10,5-см орудий с «Кенигсберга», и, кроме того, там постепенно было вновь сформировано 5 рот из людей племени васукума.

Создавалось впечатление, что в отношении Букобы неприятель держится пассивно и передвигает оттуда войска к Кисенджи. 29 октября было отбито с явно большими потерями нападение на нашу позицию у Кагеры английского отряда силой около 100 ружей с пулеметами, одним орудием и одним минометом. Точно так же английские атаки нижней Кагеры 4 и 5 декабря оказались безуспешными. Несколько неприятельских отрядов вторглись в округ Карагве.

В Руанде решительные действия местного резидента капитана Винтгенса дали хорошие результаты. 24 сентября 1914 года он захватил врасплох остров Идшви на озере Киву и взял в плен тамошний бельгийский пост вместе с находившимся на нем бронированным катером. Другой бронированный катер был захвачен обер-лейтенантом флота Вундерлихом, который вместе с несколькими матросами из команды «Меве» перешел на реквизированной моторной лодке в озеро Киву. 4 октября севернее Кисенджи Винтгенс со своими полицейскими аскари, вспомогательными туземными частями и несколькими людьми с «Меве» отбросил назад 4 бельгийские роты, причинив при этом неприятелю тяжелые потери. Затем 20, 30 ноября и 2 декабря 1914 года капитан Винтгенс после нескольких мелких столкновений нанес севернее Кисенджи частичное поражение превосходящим силам бельгийцев численностью в 1700 человек при 6 орудиях. У озера Чахати он отбросил английский пост, причем были убиты один англичанин и 20 аскари; наши потери — 2 убитых аскари, один европеец был тяжело ранен.

Затем у Кисенджи и на границе в феврале 1915 года снова произошло несколько небольших столкновений. 28 мая лейтенант Ланг со своим маленьким гарнизоном в Кисенджи отбил нападение 700 бельгийцев с 2 пулеметами. Неприятель потерпел при этом тяжелые потери, у нас был убит один европеец.

В июне 1915 года в районе озера Киву было, по нашим сведениям, сосредоточено более 2000 бельгийских аскари с 9 орудиями, а также 500 английских аскари; поездка бельгийского главнокомандующего Томбера к этому озеру говорит о правдоподобности данного сообщения. 21 июня было отбито нападение на Кисенджи 900 бельгийцев с 2 пулеметами и 2 орудиями. 5 июля в ночном нападении 400 бельгийцев на Кисенджи неприятель понес тяжелые потери. 3 августа Кисенджи было безрезультатно обстреляно орудиями и пулеметами. Вследствие подавляющего

превосходства сил противника из Муанзы в Кисенджи была переведена 26-я полевая рота.

Непосредственно после прибытия в Кисенджи 26-й роты капитан Винтгенс разбил бельгийские передовые посты, которые потеряли 31 августа 10 аскари убитыми. 2 сентября он взял штурмом позицию, занятую 150 аскари с 3 орудиями и одним пулеметом. В течение следующих недель ежедневно происходили более мелкие столкновения. 3 октября у Кисенджи было отбито нападение 250 аскари с одним пулеметом, причем у неприятеля наблюдались потери в 14 человек. Затем было установлено движение довольно сильных неприятельских частей на юг.

22 октября снова был захвачен врасплох бельгийский передовой пост из 300 аскари с 2 орудиями, 2 пулеметами, причем неприятель потерял убитыми 10 аскари. 26 ноября отряд Руанды и взвод прибывшей из Букобы 7-й роты (в общей сложности 320 ружей, 4 пулемета и одно 3,7-см орудие) выбили неприятеля силой в 200 человек из укрепленной позиции, причем противник потерял двух европейцев и 70 аскари убитыми, 5 аскари пленными и много ранеными. С нашей стороны были убиты один европейец и 3 аскари, ранено 4 европейца, 5 аскари и один солдат вспомогательных войск. 21 декабря неприятель снова атаковал Кисенджи с 1000 аскари, 2 пулеметами и 8 орудиями. Среди последних имелись четыре современных 7-см гаубицы. Он оставил на месте 21 раненого аскари, 6 раненых было взято в плен, многочисленные раненые унесены. Наши войска силой в 350 ружей при 4 пулеметах и 2 орудиях потеряли трех аскари убитыми, а одного европейца и одного аскари — тяжело ранеными.

12 января 1916 года капитан Винтгенс напал севернее Кисенджи на бельгийскую колонну, причем было убито 11 бельгийских аскари. 27 января капитан Клингард с тремя ротами отбил нападение на позицию у Кисенджи 2000 бельгийских аскари с ручными гранатами и 12 орудиями с тяжелыми для противника потерями.

В области Руссисси¹ также было много столкновений. 10 и 13 октября при Чангугу, 21 и 22 октября у Чивитокке, 24 октября у Каджагги произошли успешные для нас мелкие стычки между немецкими патрулями и войсками Бельгийского Конго.

12 января 1915 года капитан Шиммер напал на бельгийский лагерь у Лувунги, но это предприятие не удалось. Сам капитан Шиммер и три аскари были убиты, трое ранено. Затем 16, 17 и 20

¹ Руссисси — река, вытекающая из озера Киву и впадающая в Танганьiku. (Прим. ред. 1927 г.)

марта 1915 года происходили небольшие стычки патрулей, а 20 мая было произведено нападение на бельгийский пост. Такие же мелкие столкновения постоянно происходили также в течение июня и июля. В августе неприятель, по-видимому, увеличил там свои силы. Руководство военными действиями у Руссисси было теперь возложено на капитана Шульца. Находившиеся там наши вооруженные силы состояли в то время из 4-й полевой роты, части команды «Меве» и отряда области Бурунди силою около роты. Кроме того, там находились два легких орудия. 27 сентября во время нападения капитана Шульца на Лувунги противник потерял убитыми 4 европейцев и 54 аскари и, сверх того, ранеными 71 аскари. Таким образом, потери достигали 200 человек — что подтвердилось также более поздними показаниями туземцев.

Ввиду характера местности и соотношения сил мы не достигли у Руссисси желательных успехов. Поэтому там был оставлен только отряд Бурунди и полевая рота. Две другие роты были переброшены 18 и 19 декабря 1915 года к капитану Винтгенсу в Руанду, а еще три роты — к Центральной железной дороге.

19 октября неприятель, несмотря на двойное превосходство сил, потерял при столкновении с 14-й резервной ротой 20 аскари; у нас было убито 3 и ранено 12 аскари. Несмотря на то что, по заслуживающим доверия сообщениям туземцев, поблизости находился главный бельгийский лагерь, где располагались 2000 аскари, представлялось возможным уменьшить число наших войск у Руссисси, чтобы усилить другие пункты, так как природные условия казались неблагоприятными для наступления бельгийцев.

На озере Танганьика капитан Циммер собрал в начале войны около 100 человек с «Меве» и около 100 аскари в Узумбаре; кроме того, он располагал в Кигоме несколькими вступившими в армию европейцами, а также примерно сотней аскари поста Бурунди и из Руанды (от Винтгенса); так что общее количество войск составляло здесь приблизительно 400 ружей.

22 августа 1914 года небольшой вооруженный пароход «Гед-виг фон Висман», под управлением обер-лейтенанта флота Горна с «Меве» имел успешный бой с бельгийским пароходом «Делькоммун». Однако, как позднее выяснилось, «Делькоммун» не был потоплен. Командир «Меве», капитан флота Циммер, после того как его судно было взорвано в августе 1914 года, отправился со своей командой в Кигому. Из Дар-эс-Салама были перевезены по железной дороге и спущены на озеро Танганьика пароход «Кин-

гани», а также несколько более мелких судов. Затем эти суда были вооружены капитаном флота Циммером и приспособлены к боевой службе. Он поставил также 9-см морское орудие на плот и обстрелял некоторые из крупных бельгийских береговых станций. Самую Кигому он сильно укрепил и превратил в опорный пункт для ведения озерных боевых операций на озере Танганьика.

Отряд из Бисмаркбурга, силой в полуроту, совместно с вооруженными небольшими пароходами «Гедвиг фон Висман» и «Кингани» отбросил 20 ноября 1914 года в кустарнике западнее Бисмаркбурга бельгийскую роту и захватил четыре 11-мм пулемета, а также 150 килограммов телеграфного провода. Последний был использован для удлинения телеграфной линии Килосса—Иринга до Нейлангенбурга, что диктовалось военными надобностями.

В начале октября попытка окончательно разрушить бельгийский пароход «Делькоммун», находившийся у Бараки на западном берегу озера, окончилась безуспешно. После вторичного обстрела 23 октября 1915 года команда с «Гедвига фон Висмана» напала врасплох на бельгийский пост у Тембве и взяла пулемет. Были убиты бельгийский офицер и 10 аскар, а тяжело раненный бельгийский офицер и один англичанин попали в плен. Мы потеряли одного аскари убитым, одного аскари тяжело раненным, и один европеец умер от ран.

Отмечу также, как характерное событие, что в марте 1915 года бельгийцы произвели массовые аресты в Убвари, население которого относилось к немцам дружелюбно. При этом несколько жителей было повешено.

Судя по перехваченным радиотелеграфным переговорам, в июне бельгийцами на Танганьике была закончена постройка нескольких небольших судов, а также велись работы по созданию нового парохода «Барон Данис». С нашей стороны 9 июня 1915 года был готов и передан армии пароход «Гетцен».

У Бисмаркбурга местные полицейские части под командой дельного управляющего округом лейтенанта резерва Гауна вошли в состав колониальных войск. Начались незначительные стычки на неприятельской территории, благодаря которым в этом районе также удалось удержать неприятеля на известном расстоянии от границы. Только в начале февраля 1915 года несколько сот аскар противника вступили в Аберкорн, и часть их проникла до окрестностей миссии Мвази — но потом и они снова отошли. За-

тем в середине марта войска под командой лейтенанта Гауна были атакованы в лагере у горы Кито англо-бельгийским отрядом. Гаун был тяжело ранен и попал в плен, а несколько аскари погибли.

Для прикрытия немецкой границы в районе Мбози из 5-й роты капитана Фалькенштейна (в Нейлангенбурге) был выделен взвод обер-лейтенанта Омана, который позднее развернулся в роту. Здесь в феврале 1915 года на немецкую территорию неоднократно производил нападения отряд в несколько сотен человек.

В конце марта было получено сообщение о появлении в Коронге европейских частей неуставленной численности, а в Фифе и в других пунктах границы — около 800 человек. Неприятель, по-видимому, готовился к наступлению. Его разъезды появлялись в районе Итаки, а в начале апреля были получены донесения, что Китута на южном берегу озера Танганьики укреплена бельгийцами. Майору фон Лангену, который после выздоровления от своей тяжелой раны (он потерял глаз) действовал у Руфиджи, было поручено ведение операций в знакомом ему районе Бисмаркбург—Нейлангенбург. Кроме своей прежней 5-й полевой роты, находившейся у Ипианы и в районе Мбози, ему подчинили отряд Бисмаркбурга силой около роты и три роты, переброшенные от Кигомы и Дар-эс-Салама. Во время их перевозки по озеру к Бисмаркбургу восточнее последнего произошло несколько успешных столкновений наших патрулей с неприятельским летучим отрядом силой от 50 до 250 человек.

Майор фон Ланген 7 мая 1915 года собрал у Мвази 4 роты. В результате расположенный здесь бельгийский отряд отошел. 23 мая патруль обер-лейтенанта фон Дебшица отбросил назад бельгийскую роту, которая потеряла убитыми 2 европейцев и 6 аскари. 24 мая майор Ланген получил приказ перейти с тремя ротами к Нейлангенбургу в предвидении ожидаемого там наступления. Командование в районе Бисмаркбурга принял генерал Вале. Он 6 июня прибыл в Кигому и сосредоточил у Бисмаркбурга реорганизованный в 29-ю полевую роту гарнизон этого пункта, а также переброшенные из Дар-эс-Салама 24-ю полевую роту и полроты европейцев.

28 июня генерал Вале с 2,5 ротами атаковал ферму Ирихо, но прекратил бой, когда выяснил, что эту крепкую позицию без артиллерии взять нельзя. У нас было убито 3 европейца, 4 аскари и ранено 2 европейца, 22 аскари. Я усилил генерала Вале двумя ротами из Нейлангенбурга.

25 июля 1915 года Вале с 4 ротами и 2 орудиями образца 1873 года осадил у Ирихо сильно укрепившегося противника. Попытки противника со стороны Аберкорна освободить гарнизон Ирихо были отбиты, но 2 августа 1915 года осада была снята, так как с имеющейся артиллерией достигнуть успеха было нельзя. Генерал Вале отправился с 3 ротами в Дар-эс-Салам. 29-я рота осталась у Ирихо, 2 орудия — в Кигоме.

19 июня достиг неожиданного успеха наш «Гетцен». Он обнаружил лежавшее на берегу у Китуты судно «Сесиль Родс», оттащил его на глубину и потопил.

В течение сентября и октября происходили постоянные стычки патрулей на границе у Бисмаркбурга; бельгийцы опять получили подкрепление со стороны Аберкорна. 3 декабря было установлено, что укрепления Ирихо оставлены и разрушены противником. Обер-лейтенант Франкен 6 декабря обстрелял 100 ружьями и одним пулеметом новый форт, построенный северовосточнее Аберкорна, при этом, по-видимому, нанеся неприятелю потери.

Мелкие морские суда англичан, за движением которых через Елизабетвиль—Букаму мы давно следили, 22 октября 1915 года достигли Лукутской железной дороги¹. Перехваченные документы, в которых говорилось, что на немцев готовится неожиданное нападение на озере Танганьика, навели меня на мысль, что нам здесь придется иметь дело с особо устроенными маленькими судами — быть может, даже снабженными минами. Таким образом, дело шло об очень серьезной угрозе нашему господству на данном озере, которая могла иметь решающее влияние на весь наш план ведения войны. Происходившие одновременно с этими приготовлениями передвижения неприятельских войск в направлении к озеру Киву и к Аберкорну показывали, что операции на воде будут тесно связаны с задуманным наступлением на суше. Чтобы разбить неприятеля по возможности во время его сосредоточения, капитан Шульц 27 сентября 1915 года напал у Бувунги на бельгийцев и нанес им тяжелые потери.

Пароход «Кингани» в ночь на 29 октября атаковал бельгийскую телеграфно-строительную колонну и взял кое-какую добычу. Возле устья реки Лукуги было установлено движение железнодорожного поезда. «Кингани» отправился туда на разведку, но попал в

¹ Англичане перебрасывали — в основном на железнодорожных платформах — морские минные катера для того, чтобы бороться с немецким судоходством на озере Танганьика. (Прим. ред.)

ловушку и погиб. Судя по перехваченным бельгийским радиограммам 4 европейца и 8 цветных были убиты, а остальные взяты в плен. Очевидно, благоприятный момент, чтобы помешать неприятельским приготовлениям на озере Танганьика, был упущен.

9 февраля 1916 года в славном бою пошел также ко дну и старый «Гедвиг фон Висман».

Капитан фон Ланген со своей расположенной в Массоко близ Нейлангенбурга 5-й полевой ротой атаковал 9 сентября 1914 года английскую станцию Карунгу. В бою против занимавших укрепленную позицию англичан капитан фон Ланген был тяжело ранен. Оба офицера роты, также тяжело раненные, попали в плен к англичанам. Немецкие унтер-офицеры и аскари сражались храбро, но должны были признать, что они ничего не могут поделать против укреплений противника, и поэтому прекратили безнадежный бой. Было убито свыше 20 аскари, мы потеряли несколько пулеметов и легких орудий. Чтобы нейтрализовать угрозу, из Иринги и Убены кружным путем прибыли на поддержку отряда две роты. В качестве вспомогательных солдат было также призвано несколько сот воинов племени вахе. Постепенно выяснилось, что и неприятель понес тяжелые потери. В итоге он избегал крупных предприятий против округа Нейлангенбург, так что эта плодородная и очень важная для нас в продовольственном отношении область оставалась за нами в течение полутора лет.

Позднее наша 5-я рота у Нейлангенбурга снова продвинулась своими главными силами близ миссии Ипиана ближе к границе. 2 ноября 1915 года на реке Луфире произошел бой передовых постов, и в пароход «Гвендолин» на озере Ньяса попало нескольких наших снарядов.

В начале декабря 1914 года севернее Каронги у реки Сонгве происходили стычки патрулей. Главный врач доктор Готгейн, вернувшись в начале мая 1915 года из английского плена, рассказывал, что в первом бою у Каронги 9 сентября 1914 года неприятель потерял убитыми 6 европейцев и 50 аскари, а тяжело ранеными — 7 европейцев и свыше 50 аскари.

На границе в мае 1915 года произошло несколько благоприятных для нас столкновений. Дождливый период затянулся, так что южную часть округа Нейлангенбурга можно было считать до конца июня обеспеченной от нападения.

В июне 1915 года, когда сюда прибыл майор фон Ланген со своим подкреплением, вопреки ожиданию дело не дошло до серь-

езных боев. Это время было использовано, чтобы разрушить телеграфную линию на английской территории и одновременно установить телеграфную связь в нашей области в направлении на Убену. Известие о планируемом неприятельском наступлении не подтвердилось и в августе. Только 8 октября в Фифе прибыли более сильные части противника — европейцы и аскари. На этом участке границы также происходили многочисленные мелкие стычки. К концу года было установлено прибытие новых подкреплений и у Икавы. Капитан Ауман отбил там 23 декабря 1915 года нападение неприятельского отряда примерно в 60 европейцев с 2 пулеметами.

У озера Ньяса можно было отметить только незначительные столкновения. 30 мая англичане высадили у гавани Сфинкса 30 европейцев и 200 аскари с 2 орудиями и 2 пулеметами. Они понесли потери от огня наших 13 ружей и 1 пулемета более чем в 20 человек и ушли, разрушив остов «Гедвига фон Висмана».

Книга II. Наступление со всех сторон превосходящих сил противника

Глава первая. Наступление неприятеля у горы Ольдоробо (Февраль 1916 года)

Переход неприятеля в наступление. Легенда о броневых автомобилях. Артиллерийский бой. Южно-африканские войска. Неверная информация о приказах противника — пленных не брать. Усиление неприятеля у горы Лонгидо. В бою с индусским патрулем. Поведение белых офицеров. Наши храбрые аскарри и клевета английского командования.

В январе 1916 года закончилась эпоха благополучного затишья и небольших операций, многие из которых, как это видно из предыдущих глав, нам уже приходилось вести с немалым напряжением наших немногочисленных сил.

Восточнее Ольдоробо были обнаружены крупные неприятельские силы в 1000 и более человек, которые развернулись перед горой в большом отдалении, но не приближались. Там, видимо, производились занятия, посредством которых молодые южно-африканские войска должны были приноровиться к маневру и к бою в пори¹. В начале февраля началось наступление на гору Ольдоробо с восточных ее склонов. Неприятель имел здесь несколько полков. Для нас было бы желательно, чтобы противник возможно больше завяз на этом направлении и не мог уйти отсюда; только в этом случае можно было бы рассчитывать разбить его контратакой отряда капитана Шульца, расположенного у Таветы. Другие немецкие отряды, силой в несколько рот, находились восточнее Таветы, по дороге к Неймоши и у Казах близ плантации Ней-Штеглиц.

12 февраля противник, силой, по нашим соображениям, в несколько европейских полков, снова приблизился на расстояние до 300 метров к Ольдоробо. Командование, которое в Неймоши находилось в постоянной телеграфной связи с лейтенантом Краутом, считало, что теперь наступил благоприятный момент, и отдало приказ об открытии огня. Действие пулеметов и легких ору-

¹ Пори — обширные заросли кустарника в саванне. (Прим. ред.)

дий было хорошим, судя по тем сообщениям, которые мы получали, когда командование покинуло на автомобиле Неймоши, чтобы отправиться на поле битвы. Отряду Шульца было приказано продвигаться из Таветы вслед за отрядом Краута по подступам, закрытым от огня неприятельской тяжелой артиллерии, и решительно атаковать правый (северный) фланг противника. Войска, находившиеся у Ней-Штеглица, подошли к Тавете. Поступило несколько диких донесений о неприятельских броневых автомобилях, которых здесь просто не могло быть, ибо на их пути лежала степь, покрытая кустарником.

Фантазия чернокожих, для которых броневики были чем-то совершенно новым и поразительным, заставляла людей видеть несуществующие вещи. По прибытии в Ольдоробо командование узнало по телефону, что неприятель, атаковавший нашу сильно укрепленную позицию, был отбит с тяжелыми потерями и что отряд Шульца, закончив развертывание, наступает на правый фланг противника. Многочисленные снаряды английских гаубиц, обстреливавших нашу позицию на Ольдоробо, почти не причинили никакого вреда, несмотря на то что ложились очень кучно. В противоположность большому расходу снарядов неприятельской артиллерией наши легкие орудия должны были ограничиться только особенно благоприятными целями, не только потому, что боеприпасов было мало, но также и потому, что мы не имели шрапнели.

В результате охватывающей атаки неприятель в беспорядке отошел назад через пори. Нами было похоронено более 60 европейцев. По словам пленных и по захваченным документам, в бою участвовало два полка 2-й южно-африканской пехотной бригады. Таким образом, англичанам действительно удалось использовать военные силы Южно-Африканского Союза для своих империалистических целей; по захваченным бумагам, оказалось, что при вербовке людей в качестве притягательного средства пользовались обещанием плантаций и ферм¹. Неожиданная болезнь британского генерала Смит-Дорвье на кануне его поездки для принятия главного командования в Восточной Африке была на руку англичанам, так как переход командования к южно-африканскому генералу Смутсу² оказал на вербовку

¹ Речь идет о бурских войсках, которые, по мнению германского командования, совершали в некотором роде предательство по отношению к Германии, некогда поддерживавшей независимые бурские республики в их борьбе с Британией. (Прим. ред.)

² Ян Смутс был одним из самых ярких бурских генералов, боровшихся против англичан во время англо-бурской войны 1899—1902 гг. По окончании войны поступил на службу в британскую армию. (Прим. ред.)

благоприятное влияние. Подготовка этих вновь сформированных соединений была незначительна, и по поведению часто очень молодых европейцев можно было судить, что многие из них никогда еще не принимали участия в серьезном бою. После боя у Ольдоробо мы наблюдали, как неприятель усиленно старался восполнить пробелы в своей подготовке.

Несмотря на наступление отряда Шульца и многократный обстрел неприятельских отрядов, противник благодаря пересеченной и закрытой местности все-таки отошел в свой укрепленный лагерь.

Интересно, что в некоторых найденных дневниках отмечался выразительный приказ — пленных не брать. Хотя фактически неприятель и не взял пленных, но все же я решил, что необходимо послать по этому поводу запрос британскому командующему. В конце концов мы должны были определиться со своим поведением по отношению к неприятельским пленным. Нет никакого основания сомневаться в сообщении британского генерала Маллесона, что такого приказа не отдавалось; однако этот и некоторые позднейшие случаи показали, какой вадор пишется в частных дневниках. Поэтому неправильно, когда неприятель без соответствующего расследования принимает всерьез немецкие заметки, попавшие в его руки.

К этому времени неприятельские войска на горе Лонгидо также были значительно усилены. Эта гора, которая была вначале очищена неприятелем (вероятно, из-за трудности снабжения), вскоре вновь была занята им. Наши патрули неоднократно забивались по густо заросшим скалам и наблюдали за неприятельским лагерем, находясь в непосредственной близости от него. Если вообще трудно правильно выяснить численность войск, то в местности, покрытой кустарником, где одновременно можно увидеть только немногих людей и где картина постоянно меняется, это совершенно невозможно. Показания туземцев были слишком неточны. Однако в общем можно было заключить — как по всей обстановке, так и по увеличившемуся количеству повозок, запряженных быками, спецащих к Лонгидо с севера, — что неприятель здесь значительно усилился.

Его летучие разъезды в районе Килиманджаро были отбиты с большими потерями. Когда эскадрон индусских лансеров¹ двинулся на юг между Килиманджаро и горой Меру, он был немед-

¹ «Копьеносцев», то есть улан. (Прим. ред.)

ленно и энергично атакован одним из наших конных патрулей под начальством обер-лейтенанта фон Линкера. Наши аскари, которые поняли большое значение верховых лошадей для нашего способа ведения войны, бросились с криком: «Вахинди камато фра-си!» («Это — индусы, ловите лошадей!») на спешившегося неприятеля. Последний был так поражен быстротой наших людей, что панически бежал. Между прочим, на месте схватки остался убитым и храбрый командир-европеец; ему не удалось воспрепятствовать бессмысленному поведению своих людей.

Я хотел бы вообще подчеркнуть, что в первый период войны поведение британских офицеров во всех отношениях было рыцарским и что уважение, которое они к нам выказывали, было вполне взаимным. Также и наши аскари своей храбростью в бою и своим человеческим отношением заслужили уважение неприятеля. Тяжело раненный английский обер-лейтенант Баррет попал 10 марта в руки наших аскари. Веря лживым рассказам, он был убежден, что настала его последняя минута, и удивился, когда аскари, при которых не было европейцев, заботливо перевязали его и отнесли к врачу. Удивленный, он сказал: «А ведь ваши аскари — порядочные люди». До какой степени было внушено английским солдатам неправильное представление, доказал мне 12 февраля молодой захваченный у Ольдоробо южно-африканец, который спросил, будет ли он расстрелян прямо сейчас. Мы, разумеется, подняли его на смех. Конечно, во время длительной войны встречаются примеры грубости и бесчеловечного обращения, но это случается с обеих сторон и не должно обобщаться и истолковываться как повод для недостойной травли противника, что не раз делала английская печать.

Глава вторая. Наступление неприятеля и бой у Реаты

(Март 1916 года)

Шпионы за работой. Вероятные направления неприятельского наступления. План обороны. Неприятель атакует у Китово. Укрепленная позиция на линии Реата—Китово. «Кенигсбергское» орудие. Разведки неприятельской кавалерии. Неприятельская атака и попытка окружения. Занятие новых оборонительных позиций. Отступление неприятеля к Тавете. После боя. Восстановление соприкосновения с противником. У командования в Ней-Штеглице. Второй вспомогательный пароход.

В это время стали наблюдаться первые неприятельские разведывательные патрули, некоторые из которых мы захватили в плен. Это были «шензи» (по виду мирные туземцы), которые, в подтверждение того, что они действительно выполнили свое поручение, должны были приносить с собой определенные предметы — к примеру, что-либо с Узамбарской железной дороги. Общая картина, которую можно было себе нарисовать, показывала, что неприятель подробно разведывал район вокруг Узамбарской железной дороги и пути подхода к ней. При взгляде на карту можно было прийти к заключению, что одновременное наступление противника от Ольдоробо и Лонгидо в направлении на Неймоши должно было привести к потере ценной в хозяйственном отношении Килиманджарской области. Причем если бы мы хотели постепенно отступать перед превосходными силами противника на нашу главную линию подвоза, то это повело бы к движению наших войск вдоль Узамбарской железной дороги, т. е. почти под острым углом к направлению возможного нападения со стороны Ольдоробо. Опасность быть отрезанными противником от этой главной линии подвоза была очень велика.

При наступлении противника севернее озера Джипе он был бы стеснен в своих движениях Килиманджаро и крутым массивом гор Северного Паре. Очевидно, что тогда его натиск непосредственно на Кахе стал бы для нас крайне неприятным и в случае успеха прерывал бы нашу связь с тылом — Узамбарскую железную дорогу. Однако для нас еще более опасным оказалось бы

наступление неприятеля южнее озера Джипе через долину, отделяющую горы Северного Паре от Среднего Паре и ведущую к Северной железной дороге южнее Лембени. Наконец, противник мог достигнуть железной дороги между горами Среднего и Южного Паре через долину у Саме. При наступлении на Лембени и Саме неприятель мог быстро и без особых приготовлений проложить по равнине дорогу, годную для автомобилей, и базироваться на ней при своих действиях.

При ограниченной численности наших войск в районе Килиманджаро — всего около 4000 ружей — не представлялось возможным ослабить наши части, чтобы обеспечить себя от всех вероятных случаев нападений. Исходя из требований обороны, мы вынуждены были держать все силы вместе и оставаться в непосредственной близости от противника, чтобы удерживать его там же, где находились мы, и, таким образом, наблюдать за его передвижениями. Сначала мы сомневались, удастся ли нам разбить порознь обе главные группы неприятеля, нападение которых ожидалось со стороны Лонгидо и Макауау, — потому хотя бы, что каждая из неприятельских групп была сильнее нас. Это оказалось бы возможным только в том случае, если бы наши войска могли молниеносно двинуться сначала против одной, а затем так же быстро против другой неприятельской группы.

Чтобы иметь возможность для такого маневра, было подготовлено все необходимое: так, путем личной разведки я установил нужное для колонн число путей в пересеченной лесистой местности, тянущейся от Неймоши на запад. Эти дороги получили наименования и были снабжены указателями. К сожалению, в полной мере эти приготовления использовать не удалось. Тем не менее нам не приходилось бояться проделывать что-либо 99 раз безрезультатно, если имелась надежда на успех в сотый раз. Преследуя это правило, мы не проигрывали.

Деятельность неприятеля усиливалась; во многих мелких стычках он начал обнаруживать хорошую подготовку. Англичане формировали многочисленные войсковые части аскари, которые укомплектовывались главным образом из наиболее развитых племен области Ньяса. Степной, лишь кое-где покрытый кустарником район к северо-западу от Килиманджаро не был благоприятен для нашего внезапного нападения, ибо местность здесь была открытой; больше шансов в этом отношении представляла область между Килиманджаро и горой Меру, заросшая густым кустарни-

ком. Как мы предполагали, по ней должен был пройти противник, наступающий от Лонгидо. А потому здесь был сосредоточен отряд из пяти отборных рот аскари числом около 1000 ружей. Однако ввиду обширности наблюдаемого района этому отряду не удалось произвести решительную атаку ни на одну из многочисленных неприятельских колонн, наступавших в начале марта на юг.

Противник также ориентировался на закрытой местности с трудом, и мы благодаря ошибке ординарца-индуса, который вместо своих собственных войск привез донесение нам, узнали, что здесь находится 1-я восточно-африканская дивизия под начальством генерала Стюарда. Наши резервы, находившиеся у Ней-Штеглица и Химо, не могли принять участие в столкновениях, которые разыгрывались в районе Герарагуа и юго-западнее, так как были слишком удалены от данного района (от Герарагуа до Неймоши — около двух дневных переходов). Прежде чем появилась возможность использовать резервы, неприятель стал нажимать также и с востока. Направление полета неприятельских летчиков указывало на очевидный интерес противника к району, находившемуся на расстоянии 1—2 часов севернее Таветы. Можно было прийти к заключению, что неприятель, расположенный в лагере восточнее Ольдоробо, не желает снова нести кровавых потерь близ этой горы, но намеревается обойти нашу позицию с севера и достигнуть реки Луми, протекающей севернее Таветы.

8 марта со стороны Ольдоробо наблюдались огромные облака пыли, которые двигались от неприятельского лагеря в указанном направлении. Были также отмечены многочисленные автомобили. Это движение оказалось заметно и с горы Восточное Китово, находящейся в 6 километрах западнее Таветы. Наши боевые патрули, имевшие случай успешно обстрелять неприятельские колонны и захватить некоторое число пленных, с несомненной точностью установили, что в этом районе двигаются главные неприятельские силы и что там находится генерал Смутс.

После обеда 8 марта командование наблюдало за сильными неприятельскими колоннами европейцев, вышедшими к озеру Дзалла. Оттуда, растянувшись в стрелковые цепи, они продвинулись в направлении Восточного Китово. При недостатке артиллерии мы должны были в этот день, так же как и позднее, терпеливо сносить не особенно умелые передвижения неприятеля, происходившие в сравнительно небольшом удалении от нашего фронта. Однако было ясно, что охватывающее наступление англичан де-

лало невозможным удержание позиции у Ольдоробо, на которой мы имели в течение войны целый ряд удачных боев. Я решил развернуть войска для новой обороны на высотах, которые запирали проход между горами Северное Паре и Килиманджаро западнее Таветы. Отряду Краута было передано по телефону приказание занять позицию на горах Реата-Латема у дороги, ведущей от Таветы к Ней-Штеглицу. Отряд Шульца занял горы Северного Китово северо-восточнее горы Латемы у дороги из Таветы в Химо и обеспечил отход отряда Краута. Эти передвижения были выполнены ночью, без помехи со стороны противника. На нашем открытом левом фланге у юго-восточных отрогов Килиманджаро рота капитана Штеммермана заперла дорогу, ведущую от миссии Ромбо к Химо и Неймоши. Неприятель занял миссию Ромбо.

Часть туземцев не скрывала, что теперь они — на стороне англичан. Это является лишним доказательством того, что в этой местности давно уже работал английский шпионаж. Можно было предположить, что световые сигналы, часто наблюдавшиеся на восточном склоне Килиманджаро, имели с этим некоторую связь.

Оборона занятой нами горной позиции сильно облегчалась характером местности, но все же имела и тот большой недостаток, что двух тысяч наших аскари было слишком мало для действительной обороны фронта шириной около 20 километров. Могли быть заняты только некоторые пункты передовой линии; главная же масса войск держалась в резерве в Химо, дабы использовать ее в зависимости от того, как развернутся события. Это было периодом большого нервного напряжения. Мы имели превосходящие силы противника не только перед собой, но и в нашем тылу, где неприятель наступал со стороны Лонгидо в южном направлении. Кроме того, нашему пути подвоза, который одновременно являлся и нашим путем отхода, также угрожал неприятель.

Принимая во внимание характер местности, наше знакомство с ней и учитывая также очевидную слабость тактического искусства противника, я не считал безнадежным попытку нанести серьезное поражение одной из его групп. Поэтому позиции на линии Реата—Северное Китово необходимо было оборудовать для упорной обороны. От Танги по железной дороге было доставлено одно из установленных там морских орудий с «Кенигсберга». Читатель вправе спросить, почему это не было сделано ранее, — но орудие стреляло с неповоротливой постоянной установкой и, таким образом, совсем не обладало подвижностью. Поэтому понят-

но, что его использование оттягивалось до того момента, пока позиция не была определена точно.

Теперь события разворачивались так быстро, что оружие не могло больше действовать против Таветы, а потому оно было установлено у железной дороги около Кахе на южном берегу реки Паангани.

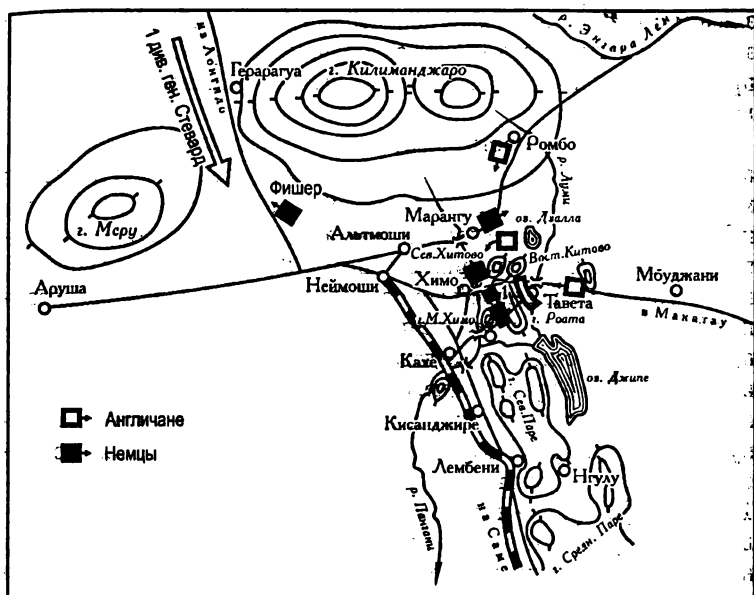
10 марта неприятель вел разведку на всем протяжении нашего фронта. Конные отряды силой около 50 человек приближались, затем спешивались и двигались дальше вперед редкими стрелковыми цепями, держа лошадей в поводу. Они двигались, пока не вызывали наш огонь. В этом и состояла их задача: огонь обнаруживал наше расположение. Благодаря такому способу разведки мы имели несколько мелких удачных столкновений, которые стоили неприятелю известного числа людей и дали нам около 20 лошадей. С нашей горы у Северного Китово мы отлично наблюдали, как отдельные части нашей стрелковой линии, заметив оплошность противника, быстро выдвигались вперед и с разных сторон брали под перекрестный обстрел неприятельские разведывательные партии. Силы, направленные противником для этих действий, казались мне слишком большими для производства одной только разведки. У меня создалось впечатление, что здесь дело шло о серьезной, но неудавшейся попытке наступления.

Направление неприятельского удара все еще оставалось невыясненным. Охват нашего левого (северного) фланга представлял для неприятеля гораздо меньше тактических трудностей, но в то же время не приводил к нажиму на наши тылы. Самое опасное для нас направление — от Таветы через Реату — требовало от противника тяжелого фронтального наступления на укрепленные высоты Реаты и Латеми, без больших шансов на успех, даже при значительном превосходстве в силах. Я считал необходимым расположить за отрядом майора Краута, занимавшим высоты Реаты и Латеми, капитана Келя с двумя ротами, чтобы он имел возможность быстро ввязаться в бой, не дожидаясь особого распоряжения. Телефонная связь с нашими отрядами в данный момент была обеспечена. Однако нужно было считаться с тем, что она, по меньшей мере, будет сильно затруднена, как только какая-либо часть удалится от постоянной проволочной линии: не было материала для быстрой прокладки кабеля при движении частей. Нам не хватало также легких радиостанций, посредством которых англичане впоследствии с успехом регулировали движение своих колонн в кустарнике.

11 марта, рано утром, над Неймоши снова появился аэроплан и начал сбрасывать там бомбы. Я как раз в это время разговаривал с одним старым буром о бое 12 февраля и о том, что со стороны англичан непрослительным делом было безжалостно подвергать такую массу молодых и совершенно непривычных к тропикам людей воздействию нашего климата и тропической войны. Вскоре майор Краут донес, что крупные неприятельские части наступают от Таветы на его расположение. Затем последовала сильная атака противника силой в несколько тысяч человек против 3-й роты, окопавшейся на своей позиции. Наши три легких орудия не могли, понятно, вести бой против тяжелой артиллерии и должны были, как и в бою у Ольдоробо, ограничиваться тем, чтобы использовать небольшой запас гранат против наиболее густых масс неприятеля. Я считал, что наступление в знакомой мне неудобной для передвижения местности обещало мало успеха. Тем не менее обе роты капитана Келя, находившиеся в резерве за отрядом майора Краута, были подготовлены к атаке:

Капитан Кель, который первоначально, учитывая создавшуюся обстановку, предполагал нанести решительный удар во фланг противника, был вынужден отказаться от этого из-за густого кустарника, прикрывавшего фланг англичан. Время и место, а в связи с этим и результаты его атаки, не могли быть точно учтены, а потому он поступил правильно, двинувшись для непосредственной поддержки майора Краута. Исходя из своих наблюдений с горы Северное Китово, а также из донесений, я решил, что неприятель стремится занять наш фронт от Реаты до Китово, но что его главные усилия направлены к обходу нашего левого фланга. В этом направлении двигались большие конные массы, которые то появлялись на высотах, то снова исчезали в лощинах юго-восточного склона Килиманджаро. 11-я рота капитана Штеммермана, расположенная на скалах выше этой конницы, помешала ей взобраться на гору. В течение дня передовые части конницы пробрались через густые банановые плантации до района Марангу. По-видимому, люди были очень изнурены. Было видно, как они подкреплялись найденными неспелыми бананами.

В течение дня выяснилось, что готовится сильный фронтальный удар противника на отряд Краута. Однако поступающие телефонные донесения о течении боя были благоприятны. Неприятель, по-видимому, понес тяжелые потери и использовал сотни носилок, чтобы вынести раненых. К вечеру все атаки противника

Сражение у г. Килиманджаро

на наши расположения были отбиты. В сумерках обе роты отряда Келя энергично атаковали и взяли под огонь пулеметов вновь появившегося неприятеля. Вечером я отправился обратно в Химо и около одиннадцати часов был занят составлением приказа о наступлении рано утром 12 марта на неприятельскую конницу, занявшую Марангу.

В это время лейтенант Штернгейм, командир батареи отряда Краута, телефонировал, что неприятель ночью атаковал еще раз и большими массами вторгся на позицию у Реаты. Судя по донесениям, казалось вероятным, что эти сильные части противника будут продолжать наступление от Реаты в направлении на Кайе и отрежут нас от сообщения с тылом. Рисковать этим и все-таки вести атаку на Марангу представлялось мне слишком опасным. Поэтому я отдал войскам, находившимся у Китово и Химо, приказ к ночному отступлению по направлению к дороге Кайе—Реата. В качестве прикрытия в Химо должна была оставаться рота Штеммермана. Неприятным последствием этого отступления являлось то, что всякая связь командования с отдельными войсковыми частями прерывалась как минимум на несколько часов. Кто

знаком с такими ночными переходами в густом кустарнике, тот знает, как легко часть может совершенно оторваться и затем на продолжительное время стать вообще недостижимой для управления.

К счастью, местность была мне до известной степени знакома, поэтому мы могли перейти через поле на новую дорогу, и притом мы постоянно слышали оживленный огонь со стороны гор Реата и Латема. Несколько беглецов, прятавшихся в кустах, вышли навстречу нам; они не поверили нашим заявлениям, что мы немцы, и снова исчезли. На новой дороге мы натолкнулись на перевязочный пункт. Показания многочисленных раненых были так противоречивы и неясны, что создавалось впечатление очень сильного и близкого боя в кустарнике, но об его ходе и развитии выяснить нельзя было ничего. В конце концов удалось установить телефонную связь с майором Краутом. Последний находился с частью своего отряда у юго-западного склона горы Реата, у дороги Кахе—Тавета. Перестрелка на высотах постепенно замерла, и его патрули не обнаружили больше на горе Реата никаких признаков неприятеля. Рано утром 12 марта Краут снова нашел часть своего отряда, занимающего старую позицию на высотах. Неприятель же отошел к Тавете.

Когда около 6 часов утра я прибыл на гору Реата, там собирали многочисленные трофеи. Беспорядок во время ночного ближнего боя в кустарнике был очень велик. Убитые англичане, лежавшие в кустах позади фронта отряда Краута, показывали, как далеко проникали отдельные партии противника. Неприятельские одиночные стрелки, засевшие среди скал, поддерживали меткий огонь, и избавиться от них было невозможно. Стало ясно, что наступление противника отбито, причем ему нанесены тяжелые потери. Огорчало лишь, что отсутствовала всякая связь с отрядами, двигавшимися сквозь густой кустарник из района Химо к дороге Кахе-Реата, и трудно было ожидать ее восстановления ранее чем через несколько часов.

В таком положении оставалось лишь пожалеть, что я оттянул к дороге Кахе—Реата войска нашего левого фланга, находившегося в районе Китово—Химо. После очищения высот на нашем левом фланге позицию у Реаты долго удерживать было нельзя, тем более что в нашем расположении не имелось воды, которую приходилось доставлять из тыла, в расстоянии около часа. Вернуть назад части левого фланга, находящиеся в походе, ввиду отсут-

ствия в данный момент связи с ними было нельзя. Поэтому я решил очистить позицию у Реаты и после уборки поля битвы отошел назад к воде, имевшейся юго-западнее данной горы. В течение дня остальные отряды начали прибывать в различные пункты дороги Кахе—Реата, где и располагались бивуаком.

Командование отправилось на плантацию Ней-Штеглиц. Постройки плантации находятся между Кахе и Реатой, на небольшой возвышенности, с которой открывается далекий обзор над лесом, как раз особенно густым у дороги Кахе—Реата. По пути я встретил капитана Шенфельда, сообщившего мне об установке своего 10,5-см орудия с «Кенигсберга» у деревни Кахе, на южном берегу реки Паангани.

После нашего отхода неприятель занял гору Реата и некоторое время стрелял в воздух из винтовок и легких орудий.

Следующие дни наблюдалось передвижение сильных неприятельских отрядов от Таветы к Химо и устройство там обширных лагерей. Вскоре храбрый противник начал наступление против расположенной перед нашим фронтом и незанятой нами горы Малая Химо. После долгого и оживленного обстрела он «захватил» эту высоту. К сожалению, мы не могли достаточно скоро помешать наступлению англичан быстрыми выдвиганиями войсковых частей из нашего густого кустарника. С горы Малая Химо легкая артиллерия противника получила возможность обстреливать здания плантации Ней-Штеглиц. В комнатах этой плантации еще несколько недель тому назад я приятно провел час после успешной охоты на буйволов. Теперь здесь разместился штаб и его центральная телефонная станция. Было тесно; я радовался тому, что сумел устроить себе сносную постель из шезлонга и скатерти с обеденного стола.

Телефонные разговоры и донесения происходили непрерывно днем и ночью; однако они не мешали нам устроиться сравнительно уютно — по крайней мере, в материальном отношении. Мы имели над собой крышу, в нашем распоряжении была по-европейски оборудованная кухня, и мы устроили общую столовую, как до настоящего момента это было в Неймоши. Своеобразие восточно-африканской обстановки требует, чтобы европеец имел там прислугу, по европейским понятиям многочисленную. Поэтому в походе почти у каждого было два по туземца-боя, которые ведали взятой с собой кухонной посудой и продовольствием, отлично готовили, пекли хлеб, стирали и таким образом придавали жизни в

кустарнике большую часть того уюта, который в Европе можно найти в жилых домах. Я стремился как можно меньше ограничивать эти удобства, принимая во внимание силы, здоровье и настроение европейцев. Если же штаб все-таки предпочитал голой земле постройки, то это объясняется не стремлением к удобству, а необходимостью облегчить письменные работы и черчение.

Здесь, на плантации Ней-Штеглиц, нас застала поразительная новость о прибытии в колонию второго вспомогательного судна с оружием, амуницией, несколькими тысячами снарядов для 10,5-см морских орудий с «Кенигсберга», использованных теперь на суше, а также другим военным материалом для нас. Пароход прибыл в бухту Суди на крайнем юге побережья и немедленно начал доставлять на берег свой груз. Несмотря на большое расстояние и употребление в качестве транспортного средства только носильщиков, груз был полностью использован войсками. При наличии многих неприятельских судов, блокировавших и обыскивавших наш берег и осведомленных о прибытии вспомогательного парохода, это был невероятный случай. После того как груз был доставлен на берег, пароход снова ушел и, к немалому изумлению неприятеля, исчез. Когда при частых в Англии спорах между морским флотом и армией последнюю упрекали, что она не может справиться с нами, то моряков заставили замолчать справедливym указанием на то, что они обязаны были не допустить подвоза противнику оружия и боевых припасов.

Запасы, доставленные вспомогательным пароходом, были направлены главным образом на Центральную железную дорогу и сложены у последней либо поблизости от нее, поступив в распоряжение командования. При нашем недостатке соответствующей артиллерии было особенно важно получить возможность быстро перебросить прибывшие на корабле 4 полевых и 2 горных орудия.

Вспомогательное судно привезло также военные знаки отличия: Железный крест 1-й степени для командира «Кенигсберга» и так много 2-й степени, что ими могла быть украшена половина всего экипажа. Для колониальных войск был получен один только Железный крест 1-й и один 2-й степени, предназначенные мне, и, кроме того, некоторое число знаков отличия для аскари. Лишь в сентябре 1916 года по беспроволочному телеграфу было получено сообщение, что награды, представленные командованием европейским солдатам, утверждены.

Глава третья. Отступление под натиском превосходящих сил противника

(Март—апрель 1916 года)

Планы и предположения. Усиленная разведка со стороны противника. Приготовления к бою. Наступление против неприятельского охранения. Тяжелые потери. Новые сильные атаки противника (21 марта). Неудача контратаки. Тревожное донесение — неприятель в тылу. Отступление к Кисанджиру. Тревожное донесение оказывается ложным. Хорошее настроение войск. Положение гражданского населения. Бой и капитуляция 28-й роты у Ложикале (5 апреля). Переброска резерва. Сосредоточение войск к Центральная железной дороге.

Майор Фишер, расположенный в нашем тылу со своими пятью ротами между Килиманджаро и Меру, отошел под натиском превосходящих сил противника к Неймоши и был перебросен в Кахе. Находившийся в его подчинении капитан Ротгерд под сильным давлением неприятеля отошел со своей ротой и другим отрядом, силой также около роты, через Арушу в направлении на Кондоа-Иранги. Установления связи с ним можно было ожидать лишь спустя продолжительное время по проводу, проложенному от Додомы и Кондоа-Иранги к Умбулу. Оставление нами Неймоши отдавало неприятелю дорогу Тавета—Неймоши—Аруша. В связи с этим последний получил возможность своими частями, направленными от Таветы через Арушу и Кондоа-Иранги, вторгнуться в глубь колонии и здесь в крайне чувствительном для нас районе затронуть источники нашего снабжения; при этом ему не пришлось слишком опасаться нашего быстрого сосредоточения в окрестностях Кахе и Ней-Штеглица.

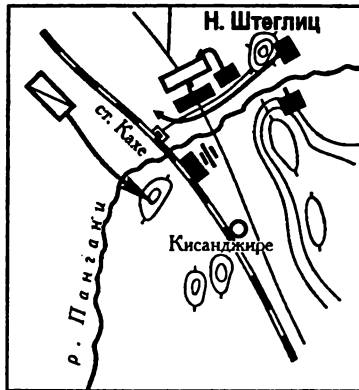
Мы могли угрожать противнику только в случае нападения. Если бы мы стянули даже все роты из Танги и оставили там лишь самое необходимое прикрытие, то даже с четырьмя тысячами ружей не могли бы изменить слишком неблагоприятного для нас соотношения сил (1 к 7). Я не мог ожидать никакого успеха от нападения на неприятеля, не только более многочисленного, но и сильно превосходящего нас вооружением и к тому же находящегося на укрепленной позиции. Поэтому я не уступил просьбам

некоторых командиров о наступлении; но это выражение смелого, воинственного настроения было для меня поддержкой в том тяжелом положении, в котором мы находились.

Мелкие действия, которые мы предпринимали патрулями и отдельными партиями против неприятельского лагеря, не давали существенных результатов, но, быть может, способствовали тому, что неприятель держал против нас главные свои силы, а не просто проходил мимо нас, не обращая внимания. Противник продвинулся от Химо на запад; наблюдались также большие облака пыли, которые тянулись к Неймоши и западнее. Большую же часть сил из района Химо противник повернул против нас. Подобная обстановка для начальника является чрезвычайно трудной, так как, не будучи хозяином положения, он вынужден отказаться от инициативы. Только самая точная разведка может обнаруживать слабые стороны противника, но для того, чтобы их использовать и снова вернуть себе свободу действий, нельзя терять ни одной минуты. Однако, к счастью, неприятель делал ошибки, которые могли быть использованы.

Воздушная разведка, при наличии густого кустарника и высокого леса, под защитой которых находился наш лагерь, едва ли могла дать противнику какие-нибудь сведения. Бомбы, сброшенные летчиками у Кахе, причинили лишь небольшие потери и не помешали проходившему через этот пункт подвозу наших запасов. Чтобы вызвать наш огонь, северо-западнее Ней-Штеглица опять появились знакомые уже нам английские всадники, действовавшие редкими и сильно растянутыми стрелковыми цепями. Наши роты, скрытые в кустарнике, были готовы атаковать, едва появятся более крупные отряды. Подобный контрудар был произведен поздно днем 18 марта; он имел успех. Чтобы основательно познакомиться с местностью наших будущих действий, постоянно высылались европейские патрули. Я также пользовался для этого каждой минутой, которой мог располагать. Сквозь чащу проложили дороги. Этим была создана возможность точно определить, к какому пункту хотят направить тот или иной отряд.

У большой дороги, ведущей от Химо к Кахе, сильные части противника сблизилась также с отрядом Штеммермана, который близ Кахе занимал укрепленную позицию фронтом на север по обе стороны этой дороги. Неприятельские патрули вошли в непосредственное соприкосновение с нашим отрядом и тем самым искусно замас-

Бой при Кисанджире

кировали передвижение противника. Таким образом, когда после полудня 20 марта я прибыл в отряд Штеммермана, совершенно не было ясно, что собственно происходит перед фронтом. Можно было предположить, что неприятель здесь только отвлекал нас, нанося удар в другом, более чувствительном для нас, месте. Подобный маневр был бы очень опасен, так как в необозримом кустарнике он мог быть обнаружен слишком поздно. Я решил отбросить неприятельское сторожевое охранение, находящееся перед нашим фронтом, и гнать его до главной позиции противника. Заранее было указано, что к часу ночи роты должны вернуться на свои прежние места; пулеметы были оставлены в наших окопах, во избежание их потери и для обеспечения нашей позиции.

Светила яркая, полная луна, когда головная рота попала под огонь — по-видимому, со стороны неприятельского часового или патруля, который затем отошел. Дальше мы столкнулись с несколькими патрулями и затем около 5 километров севернее нашей собственной позиции добрались до крупных частей противника с пулеметами. Развившийся здесь очень сильный огонь показал нам, что мы натолкнулись на главные позиции неприятеля, штурмовать которые мне показалось делом бессмысленным. Оставив патрули, я снова отошел. В числе наших незначительных потерь были также три трудно заменимых ротных командира, из которых обер-лейтенанты фон Штош и Гроте через несколько дней умерли от ран, в то время как капитан Огар, потерявший ногу, вернулся на службу лишь спустя продолжительное время — когда ему был изготовлен протез.

Наш отход, который противник, вероятно, считал вынужденным, вселил в него уверенность, что он сможет на следующий день отбросить нас энергичным ударом. 21 марта атаки больших неприятельских сил на фронт отряда Штеммермана у Кахе закончились безрезультатно. Они были отбиты с тяжелыми потерями для противника, который состоял главным образом из южно-африканской пехоты. Наше 10,5-см орудие, огонь которого направлялся с высоких наблюдательных пунктов, дающих большой обзор, по-видимому, удачно обстреляло отступающего противника. Нужно признать, что значительную часть понесенных англичанами потерь, которые только среди южно-африканских европейских частей достигали в этот день нескольких сот человек, причинило именно это орудие.

Противник понял, что новое наступление на фронт шириной в 500 метров под огнем наших стрелковых окопов безнадежно, и попробовал обойти наш правый фланг. Однако, в свою очередь, наш контрудар был хорошо подготовлен разведкой. После полудня отряд Шульца нацелился на неприятельский фланг. Последний бросок отряда Шульца был очень затруднен густым кустарником. Аскари пробирались через него только шагом, когда они вдруг слышали в нескольких шагах от себя работу неприятельских пулеметов.

К сожалению, из-за событий, происходивших в это время на нашем левом фланге, этот контрудар не удалось довести до конца. Деятельность неприятельских патрулей за последние дни и облака пыли указывали, что сильные конные отряды пытаются из района Неймоши обойти наш обращенный на север фронт западнее железной дороги Кахе—Неймоши. Наш левый фланг как раз находился у вокзала Кахе. Движение противника в случае его продолжения привело бы англичан к железной дороге позади нашего расположения и отрезало нас от сообщений с тылом в то время, пока мы боремся фронтом на север с превосходящими силами неприятеля. Поэтому я удержал близ вокзала Кахе сильный резерв из 8 рот. Однако так как я считал необходимым лично находиться во время боя у деревни Кахе вблизи отряда Штеммермана, то не имел возможности непосредственно и быстро распорядиться резервами у станции. Густо заросшая местность делала всякий обзор невозможным. Использование резервов, расположенных близ Кахе, должно было быть предоставлено инициативе тамошнего начальника и его подчиненных. Последние обнаружили, что не-

приятельские части, укрытые за кустарником, заняли котлы, расположенный юго-западнее вокзала. Одна рота, по собственному почину, двинулась на этого неприятеля, но шрапнельный огонь остановил ее продвижение. Затем наши 10,5-см орудия обстреляли неприятельские легкие пушки и заставило их отойти.

Ближе к вечеру до меня дошло важное сообщение, что неприятель наступает нам в тыл к железной дороге у Кисанджире, — то есть произошло именно то, чего мы так опасались. Я был вынужден отдать приказ о немедленном выступлении на Кисанджире. Я хотел обрушиться всеми ротами и разбить находившегося там противника, который в данный момент не мог быть еще достаточно сильным. Таким образом, атака отряда Шульца не была доведена до конца.

Ночной переход наших войск через ближайшую к нашему фронту реку Паангани, на берегах которой уже заранее было устроено известное число переходов и мостов, прошел гладко и без задержек. Оставленные нами патрули и на следующий день нашли северный берег Паангани свободным от неприятеля. Наше исправное 10,5-см орудие, которое мы не могли захватить с собой вследствие его неповоротливости, было взорвано. После полуночи, т. е. 22 августа, рано на рассвете, я прибыл на вокзал Кисанджире и, к большому своему удивлению, увидел, что все донесения о движении сильных неприятельских частей были ошибочны, так что наше отступление оказалось бесполезным. Это было для меня особенно разительным доказательством того, насколько трудно наблюдать за передвижением частей в густом кустарнике и как осторожен должен быть каждый командир при оценке подобных донесений. Однако этот случай показал также, как тяжело каждому начальнику принимать на основе собственных наблюдений и оценки обстановки, а также исходя из противоречивых обыкновенно донесений решения, которые хотя бы приблизительно отвечали бы действительности. Именно в африканском кустарнике важно проверить каждое имеющееся донесение собственными глазами.

Однако исправить ошибки уже было нельзя, и пришлось перегруппировать наши войска. При этом решающую роль играло наличие воды. Принимая во внимание эшелонированное в глубину расположение на высотах у Кисанджире, я оставил только один отряд из нескольких рот для наблюдения за безводной степью, покрытой колючим кустарником и простирающейся на 12 кило-

метров до Паангани. Восточнее отряда майора Бемкина, расположенного у Кисанджире, в горы Северного Паре был выдвинут отряд Отто, запирающий проход, ведущий через эти горы. Майор Краут занял позицию в проходе Нгулу, который находится между горами Северного и Среднего Паре. Главные силы расположились в плодородном районе в нескольких укрепленных лагерях.

Несмотря на продолжительный отход, настроение войск было отличным, и аскари справедливо гордились своими подвигами в боях против многократно превосходящего противника. Дезертировали лишь отдельные солдаты, чей скот находился в области, занятой сейчас неприятелем.

Немецкое гражданское население оставило район Килиманджаро и перекочевало главным образом в окрестности Вильгельмсталя. Район Аруши также был оставлен, и фермеры ушли с повозками, запряженными быками, через Кондоа-Иранги к Додоме. Находившиеся в колонии в большом количестве греки остались на своих кофейных плантациях у Килиманджаро; буры английской национальности¹ — на скотных фермах, которые тянулись от северо-западного склона Килиманджаро на север, а также вокруг горы Меру и вдоль ее западных склонов до района Аруши. В Лембени порядок несения службы не нарушался; к станции регулярно подходили поезда с продовольствием; роты, находившиеся в передовой линии, усердно работали над своей подготовкой, а командование, как и в Неймоши, продолжало свою деятельность, расположившись теперь в станционных зданиях Лембени. Появлялись английские летчики и сбрасывали бомбы — совсем как раньше.

Местность была тщательно подготовлена для боевых действий в различных направлениях, были созданы проходы сквозь густой кустарник и расчищены секторы обстрела. Личные разведки отнимали много времени и часто приводили к ротам, расположенным в густом кустарнике и на командующих высотах. Войска уже умели приспособливаться и устраиваться в материальном отношении возможно удобнее. Я охотно вспоминаю случай, когда в уютно устроенной тростниковой хижине мне предложили чашку кофе с хорошим жирным молоком, полученным из растертой мякоти спелых кокосовых орехов. Мои обходы приводили меня довольно часто и на горы Северного Паре. Здесь я находил цветущую и богатую водой зону, пробраться через которую без дорог

¹ То есть жители Южной Африки, происходившие от английских колонистов, а не от голландских. (Прим. ред.)

можно было лишь с немалым трудом. Обилие воды в этой местности оказалось большим, чем можно было ожидать на основании прежних исследований; этот пример показывает, как война открывает новые природные богатства страны.

4 апреля одна из моих разведывательных прогулок привела меня к отряду Отто на горах Паре. Со стороны северо-западного края открывался ясный вид на лежащий внизу неприятельский лагерь у вокзала Кахе. К сожалению, нельзя было осуществить естественную мысль об обстреле последнего одним из наших дальнобойных орудий — мы к этому времени доставили от Лембени поставленное на колеса 10,5-см орудие, а также 8,8-см орудие, установленное на лафете полевой пушки образца 1873 года. Но в излишнем усердии войска основательно разрушили железнодорожный путь, который вел от Лембени к Кахе. При наших средствах он не мог быть настолько быстро восстановлен, чтобы оказаться годным для быстрой переброски между этими двумя пунктами одного из наших орудий.

Все наблюдения и донесения сходились на том, что неприятель, который раньше часто высылал южнее озера Джипе патрули и даже более сильные отряды, теперь не выказывал большого интереса к этой местности. Во всяком случае, он перешел со своими главными силами на Кахе и через Неймоши далее на запад к Аруше.

После холодной ночи на сырой высоте у Северного Паре 5 апреля я снова спустился к Лембени. Здесь были получены донесения, что днем раньше капитан Ротгерд, находившийся с 28-й ротой у Лолкизале — высокой горы, расположенной посреди Массайской степи в двух днях марша юго-западнее Аруши, был атакован сильным противником. Связь по гелиографу, идущая от Лолкизале на юго-запад, оборвалась. Лишь позднее выяснилось следующее. Несколько конных неприятельских рот, двигавшихся от Аруши, повели наступление на нашу 28-ю роту, расположенную на горе, обходя ее по равнине с разных сторон. Так как наши войска обладали водой, то могли свободно выдержать бой с неприятелем, который ее не имел. На второй день боя ситуация для противника стала критической. К сожалению, после тяжелого ранения капитана Ротгерта на это обстоятельство с немецкой стороны уже не обратили внимания. Положение было признано настолько безнадежным, что рота со своими пулеметами и снаряжением сложила оружие. Характерно, что некоторые аскари показали хорошее военное воспитание и не сдались вместе с осталь-

ными. Они, как и раненые, которых неприятель не задерживал ушли в район Уфиоме к нашим войскам. Здесь они встретили недавно сформированную стрелковую роту с Центральной железной дороги и отряд из Аруши, которые сосредоточились у Уфиоме.

Дорога на Кондоа-Иранги в глубь колонии была теперь открыта для неприятеля, вторгавшегося от Аруши. Поэтому в районе озера Киву в северо-западной части колонии были переброшены три роты под начальством испытанного в боях у Кисенджи капитала Клинтгарда — сначала походным порядком, затем по Танганьике на пароходе до Кигомы, а оттуда далее по железной дороге к Саранде. Отсюда они двинулись на Кондоа-Иранги. Находившиеся уже севернее дороги Кондоа-Иранги войска (около двух рот), а также рота, переброшенная по железной дороге из Дар-ас-Салама, также были подчинены капитану Клинтгарду. Эти передвижения потребовали немало времени. Поэтому немедленно по железной дороге из Лембени в район Буйко была доставлена морская, испытанная 13-я рота. Она проследовала оттуда далее через Массайскую степь к Кондоа-Иранги, где в мирное время и квартировала.

Подобный переход для такого большого по африканским понятиям числа людей, как рота со своими носильщиками, представлял большой риск теперь — в самое сухое время года, перед началом больших дождей. Однако на этот риск надо было пойти, тем более что расположенный у Кахе противник после того, как его разведывательные отряды были неоднократно нами отбиты, не выказывал никакого намерения наступать. Таким образом, в это время Кондоа-Иранги не являлось угрожаемым пунктом. Ввиду того, что наша атака от Лембени на Кахе оказалась нецелесообразной, я решил только сковать противника, расположенного у Кахе, с тем чтобы обрушиться главными силами на неприятельскую группу, которая вторглась в местность Кондоа-Иранги.

Проведение этого плана было далеко не легким; требовалось много времени для марша на протяжении 200 километров от станции выгрузки Северной железной дороги к Центральной железной дороге, а изменение обстановки могло постоянно потребовать новых немедленных распоряжений командования. Поэтому нельзя было оставаться без связи ни с одной войсковой частью. Отдельные части не могли быть двинуты по очень отдаленным друг от друга дорогам, как в свое время при переходе от Центральной железной дороги к Северной дороге. Так, движение нашей 15-й полевой и двух конных рот должно было происходить по одной дороге.

Это поставило войска перед совершенно новой и трудной задачей. Нельзя было терять времени. Отряды капитана Корнацко-го, капитана Отто, обер-лейтенанта Бока и капитана Штеммермана, каждый в составе трех-четырёх полевых рот, были перевезены по железной дороге от Ламбени к Момбо-Корогве с однодневным запасом продовольствия. Оттуда они были двинуты дальше к Кимамбе (станция Центральной железной дороги западнее Морогоро). Начались различного рода проблемы. Так, ротам нельзя было назначать величину перехода на каждый день, поскольку пошли сильные дожди, которые местами так растворяли чернозем, что едва можно было двигаться вперед.

Бывали случаи, что один отряд делал совсем короткие переходы, и на него надвигался следующий сзади. Это было очень неприятно и мешало правильному снабжению продовольствием на этапной дороге, а также переноске ротного багажа, для которой пришлось привлечь носильщиков с этапов. Роты начали теперь, по укоренившемуся африканскому обычаю, помогать себе сами — захватывали, не обращая внимания на имеющиеся распоряжения, этапных носильщиков и попросту удерживали их у себя.

Глава четвертая. Наступление неприятеля в районе Северной железной дороги

(Апрель — июнь 1916 года)

Отъезд в Корогве. В Гандени. Вести из Германии. Препятствия для движения. Вздущаяся река. Верхняя и нижняя железная дорога в Кимамбу. Разведка к югу от Комодоа. Этапное дело и интендантство. Соприкосновение с неприятелем. На позиции. Неприятель, по видимому, оставляет свои позиции. Неудачный ночной бой. Наши тяжелые потери. Удачные поиски натрушей. Артиллерийская дуэль. Сбор продовольствия из местных средств. Неудачное наступление противника.

После того как все транспорты выступили из Ламбени, я передал командование всеми расположенными у Северной железной дороги войсками майору Крауту. Для него было организовано и отдельное интендантство. Наша поездка по железной дороге

в Корогве показала нам лишний раз, как спаяно немецкое население Северной области с войсками и как оно ценило их труды. На каждую станцию являлись люди, иногда издалека; каждому было ясно, что наше расставание с северными округами было окончательное и что этот район попадет в руки неприятеля. Несмотря на это, настроение было приподнятое. Нам приносили большую часть тех незначительных запасов европейского продовольствия, которые еще имелись. Вдова недавно похороненного в Буйко коменданта линии Кребера не могла отказать себе в том, чтобы не предложить нам последней бутылки из запасов своего погреба.

Из Корогве наш автомобиль быстро доставил нас к Гандени — конечному пункту проложенной из Момбо железной дороги. По пути мы обогнали наши конные роты, и восклицание чиновника местного гражданского управления в Гандени: «Да ведь это знаменитый браконьер ван Ройен!» — снова показало мне, что между нашими кавалеристами имелись привыкшие к опасности и к охоте люди, на которых можно было положиться в предстоящих испытаниях. В Гандени имелся первый сборный пункт продовольствия, которое доставлялось с севера. Майор фон Штюмер, сменивший свою прежнюю должность в Букобе на управление нашей самой важной в данный момент этапной дорогой, жаловался на помеху для дальнейшей перевозки запасов, которую он ожидал от проходящих войск. В Гандени, центре местного управления, куда сходились этапные дороги от Морогоро, Корогве, Кондоа-Иранги, возник благодаря войне европейский квартал почти городского типа. Небольшие дома, построенные обер-лейтенантом флота Горном в норвежском стиле, представляли прелестный вид, который в настоящий момент, правда, был испорчен проливным дождем. Внутри эти дома, каждый из которых состоял из трех комнат, были оборудованы для размещения европейцев. Много неприятностей причиняла огромная масса крыс, часто ночью бегавших по спящим. Капитан Кальтенборн, который приехал на прибывшем в Суду втором вспомогательном пароходе, явился здесь ко мне и устно дополнил пересланные им мне уже некоторое время назад сообщения с родины.

На следующий день мы перегнали на автомобиле некоторые из двигавшихся отрядов и смогли, по крайней мере частично, уладить возникавшие между ними недоразумения. Переговоры по телефону удавались нечасто, вследствие повреждений на линии, вызываемых сильными дождями, а также порчей проволоки ко-

лоннами носильщиков, отдельными повозками и жирафами. Тем важнее было для меня быстро миновать этот поврежденный участок, который отделял меня от войск и поступающих донесений.

Дожди все время усиливались, и дороги становились все более непроходимыми. Сначала встречались только немногие трудные места; затем наш автомобиль тянули и толкали двадцать и более носильщиков. «Ниампара» (начальники носильщиков) с танцами шли впереди. Вся компания подхватывала «Амзиго» и «Кабуби-кабуби», и под ритм этих песен работа спорилась. Когда мы проезжали Тулиани, проливные дожди настолько вздули обычно мелкую реку, что ее быстрое течение снесло годный для езды мост. Мы свалили одно из больших деревьев, но оно не было достаточно длинным, чтобы зацепиться при падении своей верхушкой за противоположный берег. Ствол толщиной в метр сносило, как щепку. Аdjутант, обер-лейтенант Мюллер, попробовал переплыть реку, но тоже был отнесен течением и вернулся. Затем это попробовал сделать капитан Тафель, который уже оправился от своего тяжелого ранения и занимался в штабе оперативной работой. Он достиг противоположного берега. После него это удалось нескольким туземцам — хорошим пловцам, но перетянуть на другой берег веревку при помощи пловцов не удалось, и, таким образом, мы основательно застряли. Капитан Тафель, совсем без одежды, сидел на том берегу, а мы — на этом. Ждать до тех пор, пока не спадет вода, нам не улыбалось, так как я не мог терять ни одной минуты, чтобы догнать голову находившихся на походе отрядов.

Когда вечерело, один из туземцев заявил, что немного ниже имеется знакомый ему брод. Но переправа и здесь оказалась нелегкой и длилась по меньшей мере три четверти часа; по очень извилистому броду мы должны были следовать точно за проводником и осторожно пробираться от мелководья к мелководью. Вода доходила нам до плеч, и течение было настолько быстрое, что требовалось напрягать все силы, чтобы не упасть. Наконец, в темноте, с совершенно промокшими вещами, мы достигли другого берега, куда навстречу нам выслали трех мулов с проводниками-аскари из отряда, с которым, к счастью, сохранилась телефонная связь.

При дальнейшем движении, которое продолжалось под проливным дождем всю ночь, вода неоднократно доходила нам до седла. Иногда приходилось идти в воде по горло, но все-таки еще

ночью мы добрались до большого моста через Вами, построенного во время войны. Он также был почти совершенно разрушен, но кое-что от него все-таки уцелело. Мы смогли перейти на ту сторону и добраться до полевой железной дороги, ведущей к станции Кимамба. Эта дорога также возникла во время войны, как и железная дорога Момбо—Гандени, и вагонетки на ней продвигались вручную. Проявляя слишком большое усердие, некоторые «добрые люди» брали повороты на дороге слишком быстро, и вагонетки не раз переворачивались со всем, что в них находилось, в том числе и с нами.

Во всяком случае, нам было более чем достаточно этого путешествия посреди вод, когда рано утром мы прибыли в Кимамбу. Проживавший там призванный в войска вице-фельдфебель Рефельд принял нас самым радушным образом. Благодаря тому, что в Кимамбе имелся склад обмундирования, мы смогли, по крайней мере, переодеться в сухую форму аскари. Предвидеть, когда придет остальной штаб с нашими вещами, было нельзя.

После переговоров с губернатором, который прибыл для этого в Кимамбу, я отправился на следующий день в Додому. В районе Центральной железной дороги почти не было следов той энергичной, отвечающей требованиям войны работы, которая на севере вошла в плоть и кровь каждого. Прибывший незадолго до нас в Додому отряд капитана фон Корнацко терпел некоторые затруднения в продовольствии, хотя Додома лежала на железной дороге, по которой могла быстро получать продовольствие. Я связался по телефону с капитаном Клинкаром, занимавшим высоты Бурунги в одном переходе южнее Кондоа-Иранги, и на следующий день утром с несколькими офицерами штаба отправился к нему из Додомы верхом.

Путь шел через безлюдную степь, покрытую кустарником. Проложенная во время войны проселочная дорога лишь местами пролегла мимо селений. Страна Угого отличалась большим богатством скота. Ее жители принадлежали к кочевым племенам, которые в своих обычаях подражают масаям, и поэтому часто называются «масайскими обезьянами». Навстречу нам попадалось много запряженных быками телег, в которых направлялись в Додому со своими семьями немецкие и бурские фермеры из района горы Меру. Это была знакомая мне еще по Юго-Западной Африке картина удобного путешествия в приспособленном к степным условиям фургоне.

Этапная служба в отряде Клингарда еще не была налажена. Мы заночевали в первой из маленьких этапных станций. Выяснилось, что отдел снабжения необходимо значительно усилить, так как на нем должно было базироваться продовольствие крупных войсковых масс, которые в настоящее время были переброшены на Кондоа-Иранги. К этому прибавились новые трудности: здоровье прежних полевых интендантов не соответствовало требованиям, которые война налагает на этих должностных лиц. Капитана ландвера Шмидта очень скоро сменил капитан ландвера Фелькэ; последнего — капитан резерва фон Ледебур, а затем — капитан в отставке Рихтер, пожилой человек. К сожалению, последний в то время, к началу новой серьезной операции, окончательно переутомился. Его должность пришлось принять незнакомому вначале с этой работой отставному майору фон Штюмеру, который ранее работал в Гандени по этапному делу.

К вечеру следующего дня мы проделали путь, равный четырем нормальным переходам, и прибыли в горы Бурунги к капитану Клингарду. Сосредоточение двигавшихся вслед за нами с Северной железной дороги отрядов должно было закончиться через более или менее продолжительное время, следовательно, у нас оставалось время для ряда необходимых разведывательных операций. Было весьма кстати, что здесь мы ознакомились с совершенно новой и отличной картой. Последняя затерялась при отправке грузов гражданского Окружного управления из Кондоа-Иранги, когда разбежались носильщики, и была найдена в одной деревне у гор Бурунги.

Конные английские патрули из европейцев то и дело приближались к нашим позициям, и было известно, что за ними стоят сильные конные отряды противника. Однако отсутствовали сведения о том, где же находятся последние. Некоторые донесения указывали на Кондоа-Иранги, другие — южнее этого пункта, еще одни — у дороги, ведущей от Кондоа-Иранги к Саранде. Было очень важно, что у Бурунги были расположены более или менее крупные туземные плантации, так что там имелось много продовольствия. Не надо было ждать, пока начнет действовать подвоз припасов, направляемых из Додомы. Войска могли быть не связаны с этим подвозом и жить на местные средства.

Как только прибыли остальные отряды, началось наступление на Кондоа. Южнее этого пункта мы натолкнулись на сравнительно сильные конные патрули, которые были отброшены, и в

начале мая мы без серьезного боя овладели большими высотами, которые находились в 6 километрах впереди Кондоа.

Мы захватили с собой два морских орудия, одно 8,8-см и другое 10,5-см, оба на колесных лафетах, и сейчас же поставили их на позицию. Поскольку наши позиции поднимались над неприятельским лагерем южнее Кондоа, они с явным успехом обстреливали англичан. Палатки во вражеском лагере были немедленно убраны. Наблюдалось, что неприятель усердно укрепляет свою позицию и поспешно оттягивает свои повозки обратно в направлении на Кондоа. Несколько патрульных стычек были успешны для нас, и мы легко отбрасывали мелкие неприятельские части, которые противник пытался выдвинуть в различных местах. С юга, то есть в нашем тылу, мы увидели направляющиеся на позиции конные патрули. Так как в этом районе находились и наши всадники, то вначале я подумал, что это немцы. Однако однообразная пригонка находившихся в ружейных чехлах карабинов показала нам, что это англичане. Последние, по-видимому, не имели представления о нашем присутствии. Мы открыли огонь лишь после того, как подпустили их на очень близкое расстояние; в результате англичане потеряли приблизительно половину своего состава.

Было очевидно, что неприятель очищал свою позицию перед нами. 9 мая 1916 года я решил, что, если это наблюдение подтвердится, следует немедленно захватить небольшие, занятые неприятелем, высоты. До этого обстановка была неблагоприятна для нападения, так как наше наступление легко могло быть замечено и неожиданная атака исключалась. Без элементов же внезапности попытка штурмовать занятую противником позицию не имела никаких шансов на успех; неприятель достаточно укрепился на высотах, и последние полностью командовали над ближайшей полосой местности, покрытой низким колючим кустарником и многочисленными обломками скал, сильно затруднявшими движение.

Я находился при роте, которая следовала за находившимся впереди патрулем. Последний незадолго до наступления темноты донес, что неприятель очистил высоты. Поэтому наши роты продолжали движение; командиры отдали приказ подвезти багаж, чтобы устроиться на ночь. Сам я отправился в распоряжение командования, которое осталось на больших холмах, расположенных немного позади. Я пробовал побороть свое сильное переутомление чашкой кофе с ромом, но скоро крепко заснул с сознанием,

что ничего не могло случиться. Рядом с моей лагерьной стоянкой было расположено 8,8-см орудие. Около 11 часов вечера меня разбудили фразы, которые произносил обер-лейтенант флота Вундерлих — начальник орудия. Он не мог объяснить себе многократные вспышки, которые видел со стороны неприятеля. В первый момент я также был в недоумении, но скоро не оставалось сомнений, что все более усиливавшиеся вспышки означают орудийные и пулеметные выстрелы. Когда ветер переменялся, стал отчетливо слышен шум боя.

Вопреки всем ожиданиям перед нами происходил серьезный бой, но, учитывая большое удаление от места схватки и необходимость перехода сквозь закрытую скалистую местность, поросшую кустарником, я считал невозможным надеяться на успешное введение в бой оставленных резервов. Даже самое поверхностное ознакомление с обстановкой боя потребовало бы нескольких часов, а до захода луны оставалось уже меньше часа. Волей-неволей я был вынужден предоставить бой своему собственному течению.

Высоты, обследованные патрулями, наши роты нашли свободными от противника, но непосредственно за ними на втором гребне находилась укрепленная позиция неприятеля. На эту позицию неожиданно и натолкнулись наши части и при закрытом характере местности и темноте потеряли обзор и связь. Наши аскарки засели против неприятеля, и капитан Линке, принявший командование после того, как обер-лейтенант фон Бок был тяжело ранен, а капитан фон Корнацкий убит, вполне понимал, что если он останется тут лежать, то после наступления дня будет лишен всякой возможности передвижения. Так как нельзя было рассчитывать на успех, то он осторожно, ещё ночью, прекратил бой и вернулся к исходному положению.

Неприятель, состоявший главным образом из 11-го южноафриканского пехотного полка, хорошо дрался и неоднократно брал наши роты под действительный пулеметный огонь. Наши потери — около 50 убитых и раненых — нужно признать тяжелыми, принимая во внимание то незначительное число ружей — около 400, которые, собственно, принимали участие в этом бою.

В следующие дни мы заняли большие высоты, расположенные далее на запад, и потеснили находящиеся впереди конные отряды с очень чувствительными для них потерями. Часто случалось, что из отрядов противника, силой около 20 человек, почти никто не оставался в живых. Да и вообще, мы имели целый ряд

очень удачных столкновений. Неоднократно мы наблюдали в сильные бинокли с наших высот, открывающих широкий обзор, как неприятельские войска и колонны обозов двигались с севера на Кондоа, затем сворачивали на восток и исчезали в горах. Точно так же и наши патрули, высылаемые далеко в тыл неприятелю, подтверждали передвижение больших транспортов от Аруши в направлении на Кондоа-Иранги.

Англичане немедленно взяли в свои руки гражданское управление в Кондоа, искусно привлекли туда туземных вождей и дали им указания об их дальнейшем образе действий. Сюда входила и обязанность сообщать о передвижении немецких войск. Таким образом, для наших патрулей часто бывало целесообразным выдавать себя в неприятельском районе за англичан. Ведь различие в форме одежды было невелико и еще более стерлось благодаря долгой боевой жизни. Часто вместо форменного обмундирования мы носили лишь рубахи с открытым воротом, а маленький суконный значок, который англичане имели на тропической шляпе, мало бросался в глаза — тем более что часть немцев была уже вооружена трофейными английскими винтовками.

В общем, складывалось впечатление, что в Кондоа находятся не очень крупные силы противника. Однако наше наступление, даже если оно и было бы успешным, должно было проходить по открытой местности против укреплений, обороноспособность которых мы не могли достаточно подавить нашими немногими орудиями. Значительные и трудно возместимые потери, которых можно было с уверенностью ожидать, побудили меня отказаться от общей атаки и вредить противнику лишь мелкими действиями, которые до сих пор оказались очень полезными. Наша артиллерия — прибыли также оба горных орудия и две полевые гаубицы, доставленные в колонию на вспомогательном судне, — обстреливала наиболее выгодные неприятельские цели, когда они появлялись. Точно так же и здания Кондоа-Иранги, куда прибыл генерал ван Девентер, брались при случае под огонь нашего 10,5-см орудия. Западнее расположения наших крупных сил у дороги Саранда—Кондоа-Иранги наша вновь сформированная стрелковая рота в нескольких удачных столкновениях постепенно теснила к Кондоа-Иранги части южно-африканского конного полка. Неприятель все более усиливался. В начале июня он обстрелял нас с большого расстояния (около 12 километров) тяжелыми орудиями 10- или 12,7-см калибра.

Необходимо признать хорошее наблюдение и руководство огнем артиллерии противника. Во всяком случае, 13 июня 1916 года его снаряды очень скоро стали ложиться точно в расположение нашего командования. Я прервал свою работу, которой занимался под защитой тростниковой крыши, и укрылся немного в стороне за скалой. Непосредственно после того, как ко мне присоединился также и офицер-ординарец, обер-лейтенант Боля, прямо над нами разорвался снаряд, тяжело ранивший обер-лейтенанта Боля в бедро. Я, а также несколько других европейцев были слегка поцарапаны. Материального вреда неприятельская артиллерия нам, впрочем, почти совсем не причинила, но все-таки было неприятно, когда ее тяжелые орудия время от времени обстреливали наш лагерь.

От значительных работ, которые требовали хорошего оборудования, мы отказались, так как должны были полностью использовать силы наших людей как для патрульной и сторожевой службы, так и для сбора продовольствия. Вся страна, насколько мог охватить глаз, была покрыта туземными плантациями; главным образом возделывалась мтама, род пшеница, который как раз начал поспевать. Туземцы по большей части разбежались. Снабжение из Додомы не смогло следовать за нашим наступлением; поэтому довольствие базировалось почти исключительно на запасах, которые собирали особо выделенные из роты команды. Снопки быстро сохли на камнях под горячим солнцем. Во всех ротах производилась оживленная молотья. Получаемые зерна растирались камнем или же толклись в муку шестью в «киносах» — твердых деревянных сосудах. Для европейцев в то время еще имелась пшеничная мука, которая подвозилась по этапным дорогам. Под Кондоа наш хлеб, состоявший из смеси пшеничной муки с туземной, был превосходного качества. Кроме мтамы и других зерновых сортов, имелся сахарный тростник, мухого (растение с вкусным съедобным корнем), сладкий картофель, различные сорта гороха и другие туземные плоды, а также и мясо в достаточном количестве.

Наблюдавшееся распространение неприятеля от Кондоа на восток привлекло наше внимание также и к этому до сих пор мало знакомому району. Капитан Шульц был послан туда с несколькими ротами и попал в чрезвычайно трудную для передвижения гористую и сильно заросшую местность, где поселения встречались только на плодородных участках. Здесь дошло до целого ряда боев, в которых с нашей стороны принимали участие одна или несколько рот и которые отличались большими потерями для неприятеля.

Сравнительно сильный неприятельский отряд старался вклиниться между нами и ротами отряда Шульца и, вероятно, имел намерение отрезать последнего. Однако эта попытка противника совершенно не удалась. Наши войска сжали с обеих сторон этот неприятельский клин и отбросили его назад. При этом особенно отличился старый эфенди (офицер из туземцев) Юма Мурзаль. Он расположился у источника воды и с большим успехом обстреливал англичан, приходивших туда пить; по его наблюдениям, при этом было убито 6 человек. За время боев у Кондоа-Иранги противнику вообще были нанесены значительные потери. Если к этому прибавить еще убыль от болезней в его новых белых войсках, непривычных к тропикам и чрезвычайно небрежных в применении мер защиты от тропических болезней, то общие потери противника за период боев в районе Кондоа-Иранги оказались не ниже чем в 1000 человек одних лишь белых.

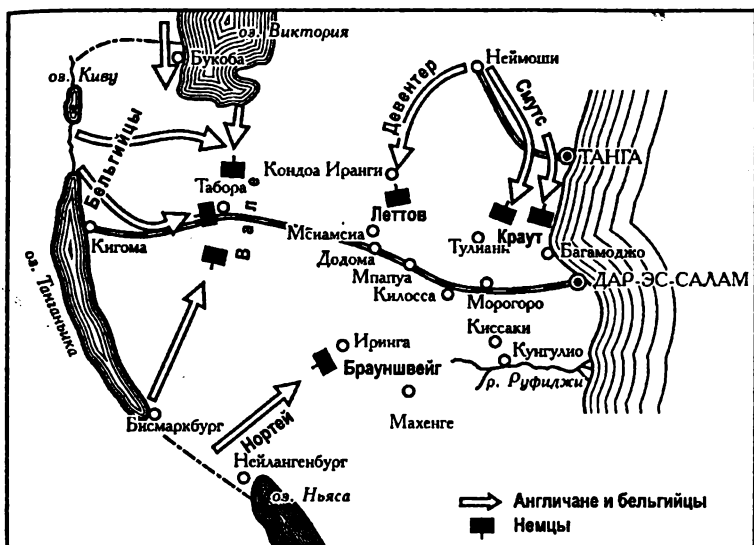
Глава пятая. Между Северной и Центральной железными дорогами

(Июнь—август 1916 года)

Наступление неприятеля на всем Северном фронте. Одновременные атаки с юго-запада. Отступление и охват. В поисках слабейшего места противника. Ловкий начальник английского патруля. Усиленная деятельность аэропланов противника, Дальнейшее наступление генерала ван Девентера на юг. Сопроотивление слабых растянутых немецких частей. Бой на подступах к Центральной железной дороге. Разведки. Сильные бои с наступающим неприятелем. У реки Вами.

В конце июня 1916 года события на других боевых участках получили решающее влияние на наши действия у Кондоа. Из района озера Киву и от Руфиджи двигались бельгийцы; западнее озера Виктория, а с середины июля также и от Муанзы, наступали на Табору английские войска. Генерал Вале, командовавший всеми находящимися на северо-западе частями, постепенно оттянул свои отряды с границы к Таборе.

С юго-запада, из района между озерами Танганьика и Ньяса,

**Вторжение бельгийских и британских колонн
в глубь Германской Восточной Африки (середина 1916 г.)**

также наседали неприятельские отряды. Наша рота из окрестностей Бисмаркбурга медленно с боями отходила перед ними в направлении на Табору. Из округа Нейлангенбурга обе наши охранные роты постепенно отходили к Иринге. За ними следовал генерал Нортей, дивизия которого была снабжена всеми средствами современного ведения войны. Об этих событиях — при трудности организации связи — командование имело лишь отрывочные сведения.

У Северной железной дороги патрули майора Краута, которые высылались с его постоянной позиции у Лембени, достигли случайных успехов. Несколько аэропланов были вынуждены к спуску и разбились; летчики были захвачены в плен, а аппараты уничтожены. Когда прекратился период дождей, неприятель начал движение от Кахе вдоль Северной железной дороги, а также восточнее ее через горы Паре и западнее вдоль Паангани. Наблюдались сотни автомобилей и большие массы конницы. Чтобы не быть отрезанным ввиду большого превосходства противника, майор Краут оттянул по железной дороге в Буйко свои главные силы, оставив против неприятеля лишь слабые отряды. В этой местности, как и у Момбо, произошло затем несколько столкновений, во время кото-

рых наши роты иногда проезжали на железнодорожных составах через неприятельское расположение и обстреливали противника из вагонов при попытках англичан загородить за ними полотно железной дороги. Хотя неприятель благодаря своему численному превосходству легко мог производить обходные движения постоянно свежими частями, трудные условия местности в высшей степени препятствовали ему. Поэтому казалось, что неприятель отказывается от мысли производства обходов, но зато придерживается своего рода тактики изнурения. Сегодня он действовал одной частью своих войск, затем давал ей отдых, а на следующий день выдвигал другие части и еще на следующий день опять новые.

Несмотря на всю очевидность превосходства противника и благоприятные условия его снабжения, наступал он довольно медленно. Ни разу войска майора Краута не попали в действительно тяжелое положение; наоборот, нашим частям удавались новые нападения, и мы имели частичные успехи, нанося неприятелю очень чувствительные потери — как, например, в арьбергском бою, который вел капитан фон Бодекер в районе Гандени.

При таком обозначившемся со всех сторон наступлении противника нужно было поставить себе вопрос: что произойдет с находящейся в Кондоа главной частью войск? Для нападения обстановка была слишком неблагоприятной. Таким образом, возникал вопрос, в каком направлении должно быть произведено наше отступление. Я обратил внимание на район Махенге. Этот район избавлял нас от обхода противника, был богат местными средствами и допускал ведение малой войны. Кроме того, отсюда представлялось возможным уклониться дальше на юг и долго еще продолжать войну.

Другим важным пунктом было обеспечение наших военных запасов у Центральной железной дороги, особенно находившихся в районе Морогоро. Последние подверглись большой опасности при наступлении генерала Смутса, перед которым майор Краут вынужден был отойти до окрестностей Гандени. Если можно было даже предположить, что постоянно увеличивавшаяся длина тыловых сообщений и свяжет генерала Смутса, то все-таки я считал его самым серьезным и опасным противником. Поэтому я решил оставить против неприятеля у Кондоа только один отряд близ Бурунги, под командой капитана Клингарда, а с главными силами снова перейти к Додоме, откуда перебросить части по железной дороге к Морогоро и соединиться с майором Краутом. По-

зднее обнаружилось, что англичане были до мелочей осведомлены об этом передвижении и знали, например, подробно о неясном случае с одной из знавших трот на железной дороге во время этой перевозки.

По прибытии наших рот в Морогоро, вследствие отличного поведения аскари, исчезли последние следы подавленного настроения. Каждый мужчина и каждая женщина поняли, что хотя наше положение и было тяжелым, но не было никакого иного выхода, как только продолжать войну, и что наши войска по своим качествам в состоянии еще долго успешно сражаться.

В начале июля я прибыл к майору Крауту. Он занимал укрепленную позицию у горы Канга, северо-восточнее Тулиани. Я думал, что аскари подавлены отступлением, но нашел их в отличном настроении и уверенными в своих силах. Перед позицией они расчистили сектора обстрела на протяжении от 50 до 100 метров и были твердо убеждены, что атака противника будет отбита.

Время, которое оставалось до прибытия остальных отрядов к Тулиани, я использовал для разведки и таким образом вскоре получил представление о проходах, которые пересекали тяжелую, скалистую и лесистую местность к западу от нашей этапной дороги.

Попытка нашего сравнительно крупного отряда обойти неприятельский лагерь и атаковать его с тыла не увенчалась успехом из-за произраставшего там чрезвычайного густого кустарника. Однако неприятель понес потери благодаря деятельности многочисленных мелких патрулей, обстреливавших его транспорт и автомобили, курсировавшие позади фронта. При этом был также удачно обстрелян автомобиль одного из штабов.

В свою очередь и неприятель высылал патрули; некоторые из его дальних патрулей забрались к нам в тыл. Один из них, под командой лейтенанта Виенгольда, обнаружил себя тем, что напал на колонну наших носильщиков и сжег их грузы. Между последними имелось некоторое количество прибывших на вспомогательном пароходе и с нетерпением ожидаемых шаровар. Поэтому Виенгольд возбудил в каждом чувство досады, был выслежен на своей стоянке в густом кустарнике и атакован. Лично ему удалось скрыться, и он, рассчитывая, что в африканском кустарнике трудно кого-нибудь найти, попытался пробраться сквозь наши линии назад к англичанам. Нашим опытным разведчикам, которые раньше совершили успешный захват лошадей у Лонгидо — ван Ройену, Нивенгизену и Труппелю, удалось напасть на его след и пой-

мать англичанина. При возвращении с разведки я нашел Виенгольда в нашем лагере Тулиани за веселой пирушкой с теми, кто его захватил. Мы все должны были честно признать отличными действия его патруля, путь которого был точно нанесен на взятой у него карте. Затем Виенгольд был направлен в глубь страны — в лагерь пленных, но через несколько месяцев бежал оттуда во время купания. В 1917 году в районе Кильвы и Левале а также позднее, в 1918 году, в Португальской Восточной Африке, он снова развил блестящую партизанскую деятельность против нас. Позже меня живо заинтересовала обнаруженная на поле одной из схваток тетрадь с составленным Виенгольдом описанием нападения леопарда, который с большой дерзостью набросился на стоянке на одного из его спутников.

Теперь, в течение следующих недель, англичане нас беспокоили главным образом бомбами с аэропланов. По-видимому, они точно узнали место расположения командования лагеря в Тулиани. Я вспоминаю день, когда четыре аэроплана, против которых мы ничего не могли предпринять, часами кружились над нашим лагерем и сбрасывали бомбы. Однако мы научились маскироваться, и только один европеец, занятый на телефонной станции в хижине, был так тяжело ранен, что потерял руку. Расположенная рядом хижина с ценными документами загорелась от попадания зажигательной бомбы.

Мои автомобили тогда были еще на ходу, и я имел возможность быстро добираться до отряда Краута, который находился на хорошей этапной дороге. Здесь капитан флота Шенфельд отлично руководил огнем 10,5- и 8,8-см морских орудий. С его артиллерийского наблюдательного пункта, расположенного на вершине горы Канга, открывался хороший обзор неприятельского лагеря. Более мелкие немецкие отряды не последовали из Узамбары за майором Краутом в Тулиани, а отошли вдоль Узамбарской железной дороги в направлении на Тангу. В этом районе, так же как и у Корогве, они имели мелкие столкновения с противником и постепенно отступали на юг, правее отряда Краута. За ними следовали более или менее сильные отряды неприятеля.

С течением времени для войск, расположенных близ Тулиани, росла опасность быть обойденными с востока и потерять связь с районом Морогоро, столь важным не только в отношении снабжения боевыми патронами и материалом, но и в смысле продовольствия. Одновременно в южном направлении от Кондоа на-

ступал генерал ван Девентер, войска которого были доведены до численности дивизии. Капитан Клингард отходил перед ним сначала на юг, а затем в направлении на Мпапуа.

Закрытый и бездорожный характер местности вынудил при этом капитана Клингарда еще больше раздробить уже сам по себе незначительный отряд (5 рот), чтобы наблюдать и запереть важнейшие проходы. Неприятеля сопровождало большое число автомобилей, и нам удалось случайно повредить один из них миной. При вынужденной разброске сил капитана Клингарда и трудностях связи между ними одна часть часто могла не знать, что происходило в соседнем отряде. Сильный немецкий конный патруль, следуя с востока, искал связи с отрядом, который, по его предположению, находился у Мейамеи на дороге Додома—Кондоа-Иранги. Ничего не подозревая, он въехал прямо в английский лагерь и был почти целиком взят в плен. Обратное движение нашей кондоаской группы, которая стремилась не только уйти, но и нанести неприятелю урон, было очень трудным маневром; нелегко уловить момент, когда следует отойти, когда снова задержаться и когда необходимо снова нанести контрудар, чтобы затем немедленно отступить. Отсутствовали достоверные сведения; на отступательном марше нескольких колонн через незнакомую местность и при недостатке средств связи трудности росли до бесконечности. Влияние командиров часто сводилось на нет, и слишком многое предоставлялось случаю. 31 июля 1916 года неприятель достиг Центральной железной дороги у Додома. Капитан Клингард начал отступать на восток вдоль железнодорожного полотна.

В боях, разыгравшихся западнее Мпапуа, не были оценены некоторые благоприятные моменты, и соседние отряды, на поддержку которых рассчитывали, не прибыли вовремя. Такие случаи легко внушают войскам чувство неуверенности и действуют отрицательно на доверие и дух предприимчивости. Обстановка здесь усложнялась еще и тем, что командир, капитан Клингард, заболел тифом и выбыл как раз в критический момент. В качестве его заместителя из Тулиани был направлен капитан Отто. Последнему удалось снова собрать разбредшиеся части и использовать их сосредоточенно.

В конце концов даже вторая стрелковая рота, которая была вынуждена отступать по дороге Кондоа—Саранда к последнему пункту и связь с которой была совершенно прервана, присоеди-

нилась, описав большую дугу, южнее железной дороги к отряду Отто. Бои отряда Отто при превосходстве сил противника часто представляли картину фронтальной атаки при одновременном обходе обоих наших флангов.

Не всегда неприятелю удавалось проводить этот маневр согласованно. Так, например, у Мпапуа противник слишком близко развернулся перед нашим фронтом и понес значительные потери; точно так же и обходы, даже когда они направлялись в глубокий тыл наших позиций, не имели решающего влияния. В закрытой местности было всегда возможно уйти от опасности и атаковать обходящие части порознь. Во всяком случае, неприятельская тактика охватов в чрезвычайно густом кустарнике и среди многочисленных скал требовала большого напряжения и истощала силы его войск. Капитан Отто каждый день отступал только на несколько километров на восток, и железная дорога позволяла ему при этом менять по желанию позицию своих тяжелых орудий.

Когда отряд Отто подошел к Килоссе, стало необходимым предпринять перегруппировку наших главных сил, находившихся у Тулиани. Штаб и часть войск двинулась к Морогоро. Майор Краут с несколькими ротами и 10,5-сантиметровым орудием направился к Килоссе. У Тулиани командование принял капитан Шульд.

Мне приходилось учитывать, что наступающие с севера колонны скоро достигнут района западнее Багамоджо и в этом пункте произойдет также высадка войск. Для личного ознакомления я отправился на станцию Руву и оттуда на велосипеде по песчаной и холмистой дороге к Багамоджо. В однодневном переходе от последнего пункта я натолкнулся на стоянку двух европейцев. Это был управляющий округом Михельс со своим спутником; они хотели перенести местопребывание Управления округом дальше в глубь страны. Население было доверчиво и продолжало жить, как в мирное время. Мировая война проходила до сих пор мимо него бесследно. Так как время не ждало, я должен был возвращаться назад. Быстрый мул Михельса доставил меня за несколько часов в Руву. На следующий день я, начиная с Кидугалло, произвел на велосипеде осмотр продовольственных магазинов, расположенных там и далее на север, а затем снова отправился в Морогоро. Другие поездки, также на велосипеде, привели меня к горам, расположенным на запад в направлении на Килоссу, а также к дорогам, которые проходили западнее и восточнее гор Улугуру. Про-

ходы, ведущие от Морогоро вверх по северному склону гигантского массива гор Улугуру и далее на Киссаки, можно было разведать только пешком. При наступлении генерала ван Девентера на Килоссу и при опасности, что капитан Шульц будет также обойден у Тулиани, нельзя было упустить момента притянуть отряд последнего к Морогоро. Чтобы, несмотря на это, быть в состоянии производить контрудары, мы должны были возможно дольше удерживать за собой район Тулиани.

Отряд капитана Штеммермана, выдвинутый из Тулиани на короткий дневной переход непосредственно на север, был атакован от Матомондо сильными европейскими и индусскими частями. Неприятель действовал очень искусно. Один из пулеметов 6-й роты, стоявший на скалистом утесе, был захвачен одиночными индусами, незаметно подкравшимися спереди, и быстро сброшен с кручи вниз, так что его нельзя было найти. Однако ворвавшийся на нашу позицию неприятель был с тяжелыми потерями отброшен контрударом 21-й роты. Английский майор Буллер, сын известного генерала и участника бурской войны¹, прострелил с близкого расстояния шляпу ротного командира обер-лейтенанта фон Руктешеля, но затем сам был тяжело ранен последним. Позже майор Буллер был отправлен в немецкий лазарет в Дар-эс-Салам, и его выходила жена его противника, работавшая там в качестве сестры милосердия.

Во время боя у Матомондо в охватывающих действиях участвовала и английская кавалерия; она неожиданно появилась в горном проходе, идущем к Тулиани с севера. Это была вторая конная бригада, прибывшая из Южной Африки под начальством генерала Бритса; по-видимому, она понесла в густом кустарнике тяжелые потери.

Капитан Шульц, с одобрения командования, отступил к Деркаве, которая лежит на реке Вами в степи, покрытой густым кустарником. Он занял здесь укрепленную позицию на южном берегу и 13 августа был атакован наступающим от Тулиани неприятелем, силой, по меньшей мере, в одну пехотную и одну конную бригаду Бритса, а также одновременно и с востока бригадой, которая двигалась вверх по Вами, вдоль правого берега. Наши войс-

¹ Генерал Редверс Буллер «прославился» сражениями при Коленсо (15 декабря 1899 г.) и при Шпиен-Коп (24 января 1900 г.), когда под его руководством значительно превосходящие британские войска из-за исключительной бездарности своего командующего потерпели тяжелые поражения от бурских войск, руководимых Луисом Ботой. (Прим. ред.)

ка отбили неприятельские атаки, но в густом кустарнике обстановка была настолько неясной, что решительный успех казался недостижимым. Капитан Шульц колебался, не решаясь пустить в ход свою последнюю резервную роту. Я одобрил его намерение отойти по окончании боя к Морогоро, так как общая обстановка делала желательным сосредоточение моих сил. После прибытия майора Краута в Килоссу я притянул в Морогоро также и капитана Отто с частью его рот. Майор Краут прошел через Килоссу вслед за отрядом Отто и, после боев у этого пункта, занял позицию немного южнее у дороги на Махенге. Уже после того, как неприятельские войска заняли Килоссу, мы в течение нескольких часов поддерживали связь с отрядом Краута по линиям, проходившим через расположение неприятеля.

Однако после этого непосредственная связь с майором Краутом прервалась. Связь по гелиографу не действовала, а проволочная линия, шедшая от Киссаки и позднее от Руфиджи к Махенге и оттуда к войскам майора Краута, еще не была готова. Со второй половины июля, то есть более месяца, отсутствовала также всякая связь с генералом Вале у Таборы. Багамоджо попал в руки неприятеля. Надо было ежедневно считаться с возможностью падения Дар-эс-Салама и полным прерыванием связи.

Глава шестая. Продолжительные бои в районе Руфиджи

(Август—сентябрь 1916 года)

Неприятельское наступление с юго-запада. Что будет делать противник? Неприятельская попытка к окружению. Сражение у Млали. Отход к Киссаки. Влияние нашего отхода на настроение войск. Бома Киссаки. Охрана наших гуртов рогатого скота. Поражение неприятеля 7 и 8 сентября. Немецкое человеколюбие — английская благодарность. Неожиданное нападение на Дутуми (9 сентября). Дутуми должно быть оставлено.

Против войск генерала Нортея, наступавшего от Нейлангенбурга, в конце июня из Додомы был направлен капитан Брауншвейг. Последний привел пополнение из Кондоа и Дар-эс-Сала-

ма обеим ротам аскари, отступавшим из района Нейлангенбурга, и сосредоточил у Малангали свои собственные части — в общей сложности пять рот при одной полевой гаубице. Там его отряд сражался против превосходящих сил противника, но был вынужден отойти в направлении на Махенге.

Возникал вопрос: как следует вести наши дальнейшие операции в данное время, когдадвигающиеся со всех сторон на Морогоро неприятельские колонны сближались между собою? Неприятель рассчитывал, что мы задержимся у северного склона гор Улугуру, у Морогоро, для последнего решительного боя. Эти расчеты были мне не совсем понятны. Ввиду нашей численной слабости было бы безумием ожидать здесь соединения неприятельских колонн, каждая из которых в отдельности была сильнее нас, и затем драться спиной к крутым скалистым горам, проходы через которые могли быть легко заперты и которые стесняли всякую свободу передвижения в нашем тылу. Я считал более целесообразным вести операции так, чтобы иметь дело только с одной частью неприятеля. При известном стремлении противника, и в особенности генерала Бритса, к глубоким обходным движениям я рассчитывал, что от Деркавы мы обнаружили сильные неприятельские лагеря, а от Килоссы будут двинуты колонны, с тем чтобы западнее гор Улугуру зайти нам в тыл. Эта возможность казалась настолько вероятной, что я ежедневно выезжал на велосипеде к горам, расположенным западнее Морогоро, чтобы вовремя принять донесения наших патрулей и дополнить их собственными наблюдениями над облаками дыма и пыли. Последние скоро не оставили никаких сомнений в том, что из района Деркавы сильные колонны действительно начали движение к железной дороге между Морогоро и Килоссой. Патрули обнаружили неприятельские части, которые перешли железную дорогу и двигались далее на юг.

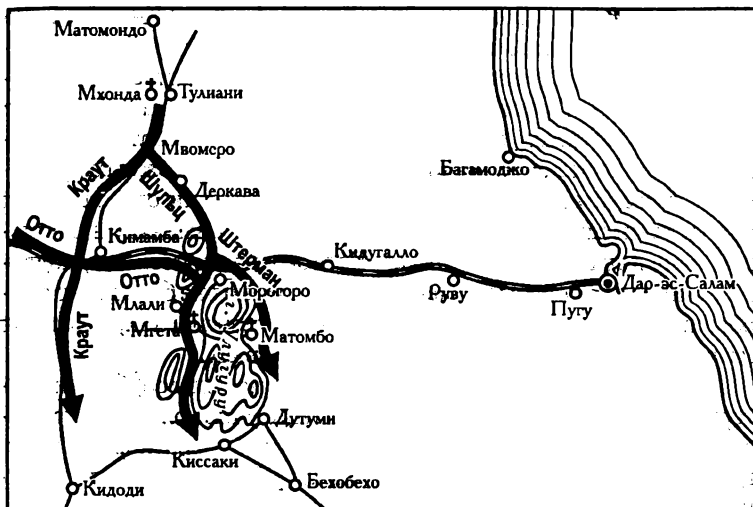
Наблюдательные посты на высотах доносили, что облака пыли дают направление на Млали. Так как в мои планы входило дать этому движению широко развернуться и затем атаковать отдельные части всеми силами, то я выждал, пока, по моим расчетам, последняя колонна могла подойти к Млали совсем близко. Вечером 23 августа капитану Отто, находившемуся у Морогоро, было приказано ночью с тремя ротами отступить к Млали. Он и прибыл туда 24-го рано утром, как раз когда английская конница захватила склады близ этого пункта. Когда я в автомобиле прибыл в отряд Отто,

бой был в полном разгаре. Однако местность не располагала к коротким решительным наступательным действиям из-за многочисленных крутых высот, затрудняющих движение. По телефону сюда были вызваны все остальные войска, за исключением отряда капитана Штеммермана. Я сам еще раз съездил в Морогоро для личных переговоров. Отряд Штеммермана, которому, учитывая состояние дорог, я придал также 10,5-см орудие и гаубичную батарею, получил задачу отступать вдоль восточного склона гор Улугуру и там задержать неприятеля. Сами же проходы гор Улугуру были закрыты слабыми патрулями. После полудня я прибыл снова в район Млали, где исход боя еще не определился. Неприятельские части были в нескольких местах отброшены, и некоторым из наших казалось, что они заметили у противника значительные потери. Однако с наступлением темноты мы так глубоко забрались в горы, что передвижения оказались сильно затруднены, а потому мы были вынуждены остановиться.

На следующее утро многочисленные взрывы наших магазинов, захваченных неприятелем врасплох, показали, что противник отошел, уничтожив сложенные там 10,5-см снаряды. Мы предполагали, что этот обход совершался в юго-западном направлении, что и подтвердилось позднее. Казалось вероятным, что неприятель совершал обходное движение, чтобы раньше нас достигнуть Киссаки. В обширном продовольственном складе этого пункта было собрано 600 тонн продовольствия, а также вывезенные из Морогоро военные материалы. Дикие слухи опережали действительность и сообщали, что большие силы противника уже появились южнее нас на дорогах, ведущих к Киссаки. Хотя колесная дорога кончалась у Млали и дальнейшие пути сообщения по направлению к Килоссе представляли собой лишь тропинки с многочисленными спусками, подъемами и препятствиями, тем не менее приходилось считаться с возможностью быстрого появления противника у Киссаки, и нам нельзя было терять времени. Был дан приказ отступать.

Вывоз наших грузов проходил удовлетворительно. Пришлось очень кстати, что около тысячи чернокожих рабочих, которые еще несколько дней тому назад работали в лесничестве у Морогоро, были, по настоянию предусмотрительного капитана Файльке, предоставлены в распоряжение войск.

Однако разрешение вопроса о носильщиках начинало становиться трудным. Население видело, что мы считаем местность,

Отступление германских главных сил (август 1916 г.)

некоторое число туземцев, обещавших явиться, так и не пришло — к отчаянию более разумных вождей, которые хотели нам помочь.

Так как в районе Мгеты появились только слабые отряды противника, было весьма вероятно, что его главные силы выполняют обходное движение. Поэтому, оставив арьергард, который только медленно следовал за нами, я стянул наше главное ядро в следующие дни ближе к Киссаки.

Однажды ночью у моей постели появился аскари и встал на вытяжку. Это был эфенди Юма Мурзаль из 4-й полевой роты, оставленный больным у Морогоро. Он ушел из лазарета и последовал за нами через горы. Он сообщил, что неприятель, примерно такой же численности, как раньше у Кахе, двигается от Морогоро на запад вокруг гор Улугуру и что некоторым немецким аскари надоели слишком частые бои последнего времени. Они отстали от частей и грабят плантации юго-западнее Морогоро.

Из Киссаки к нам был протянут телефонный провод, и по нему капитан Тафель сообщал, что близ его расположения не обнаружено никаких следов неприятеля. Но к западу от нас патрули были установили наступление неприятельских сил в южном направлении. Поэтому я отошел к Киссаки и был вынужден уничтожить часть военных материалов, находившихся в небольшом складе

близ нашей дороги. Занимать саму бому (крепость) Киссаки было бесполезно; она состояла из нескольких зданий, окруженных высокой, массивной стеной, и находилась среди совершенно открытой местности. Таким образом, неприятель мог взять ее только с большими потерями, но ему и не надо было ее атаковать: артиллерией и бомбами с аэропланов он сделал бы невозможным пребывание в тесном пространстве бомы, и защитники оказались бы вынужденными со своей стороны произвести вылазку в открытом поле под огнем противника. Поэтому наши позиции, подготовленные для боя, были расположены далеко вне бомы, замаскированы от воздушных нападений и оборудованы так, чтобы их можно было незаметно занять и снова оставить.

Отчетливое представление о количестве запасов, боевых материалов и продовольствия в Киссаки я получил только после своего прибытия туда и выяснил, что, вопреки моим распоряжениям, далее на юг от Бехо-Бехо и на Руфиджи, у Кунгулио, почти никаких складов не имелось. У Киссаки находились большие запасы, но, несмотря на густое туземное население, перенести их было невозможно. Многочисленные находящиеся там темнокожие, для которых война и большое число аскари было чем-то совсем новым, потеряли голову и скрывались в зарослях. Гражданское управление, которое пользовалось полным доверием населения, оказалось бессильно против впечатлений, нахлынувших на туземцев. Даже подарки, которые обычно высоко ценились, не смогли удержать людей.

Казалось, что все злые духи поклялись лишить нас транспортных средств. Нашу колонну из нескольких сот вьючных ослов гнали из Морогоро через горы. Она прибыла в Киссаки с опозданием и совершенно истощенной. Немногие запряженные быками повозки, которыми мы располагали и которые, ввиду состояния дорог, должны были объезжать восточнее гор Улугуру, почему-то не прибывали. Начальник снабжения не видел никакой возможности для дальнейшей транспортировки наших запасов, необходимых для войны, и в то же время было ясно, что, ввиду превосходства неприятельских сил, мы должны продолжать отступление на юг, к Руфиджи. Утешением явилось лишь то, что наши большие гурты скота, пасшиеся восточнее Мпапуа, были выведены оттуда вовремя. Несколько тысяч голов рогатого скота, в большинстве своем хорошего, прибыло в Киссаки и стало в высшей степени удобным продовольственным резервом. Однако, к сожа-

лению, радость наша была омрачена мухой цеце, часто встречающейся здесь; если животные заболели от ее укуса, они очень теряли в весе и погибали через несколько недель. Поэтому главная масса скота была направлена далее, в здоровую местность близ Руфиджи.

Для этого нужно было выиграть время, и капитан Штеммерман, двигавшийся по восточной дороге вокруг гор Улугуру, как мог задерживал дивизию противника, которая вела настойчивое наступление.

У Киссаки я выждал с главными силами, чтобы иметь возможность, быстро выявив благоприятную обстановку, немедленно ее использовать. Как и нужно было ожидать, вследствие нашего отступления на Киссаки неприятель отказался от сосредоточения своих войск у Моророго и двинулся частью своих сил непосредственно через горы Улугуру, а другими отдельными колоннами — в обход далеко западнее и восточнее этих гор. Наша надежда разбить одну или несколько из неприятельских колонн порознь оправдалась теперь выше всякого ожидания. Генерал Бритс разделил западнее гор Улугуру свою дивизию на отдельные бригадные колонны (две конные и одну пешую бригады), которые с трудом поддерживали между собой связь. Скоро было установлено, что в одном переходе западнее Киссаки находятся большие неприятельские бивуаки, и 7 сентября 1916 года находившийся поблизости отряд капитана Отто был атакован сильным конным европейским противником, а также черными и белыми пехотными частями.

Позднее выяснилось, что неприятель состоял из конной бригады генерала Энслинга и частей пехотной бригады дивизии Бритса. Обход, предпринятый неприятелем против левого фланга отряда Отто, развивался без препятствий с нашей стороны вплоть до того момента, когда неприятельский обходящий отряд очутился почти совсем в тылу отряда Отто, в районе крепости Киссаки. По-видимому, противник не рассчитывал, что в более глубоком тылу были скрытно расположены немецкие резервы, которые в этот момент перешли в наступление. Доблестная 11-я полевая рота во главе с лейтенантом резерва Фольквейном настигла в густом кустарнике обходившего противника и немедленно бросилась на него с прижатыми штыками и криком «ура». Этими планами противника были разрушены; при дальнейшей атаке он был теперь попросту смят и окончательно разбит. Энергичное наступление и

преследование в широких размерах через едва проходимый кустарник были невозможны, но неприятельские войска были большей частью расстроены и мелкими группами, в большом беспорядке рассеяны по кустарнику. Верховые лошади с их коноводами были захвачены, около 15 европейцев взято в плен.

На следующий день явился один из заблудившихся английских коноводов, не имевший никакого представления о том, куда он должен был направиться. Этот человек обладал юмором; он перебросил через ручей свою винтовку и патроны и сказал: «Все — дело случая; я мог выбрать верную или неверную дорогу. Я имел несчастье попасть на неверный путь, и в этом моя ошибка».

Отряд Тафеля, который был расположен севернее Киссаки, вступил в бой только вечером 7 сентября; я задержал его движение, так как предполагал, что, одновременно с происходящей 7-го атакой противника с запада, необходимо также ожидать его наступления с севера. Весьма вероятно, генерал Бритс и имел в виду это само по себе целесообразное движение; однако выполнить его англичанам не удалось. Конная бригада генерала Нусси, не имея никакого понятия о столкновении, произошедшем 7 сентября, подошла 8-го с севера к отряду Тафеля. Она была так же основательно разбита, как и ее товарищи накануне.

Часть взятых в течение двух дней пленных (около 30 европейцев) была отпущена к противнику на честное слово не сражаться больше в этой войне против Германии и ее союзников. Это было в интересах самих пленных, особенно в тропической обстановке; однако эта человеческая мера была неправильно понята англичанами. Они, подозревая шпионаж, задержали парламентаря, передававшего пленным, а затем отвели его с завязанными глазами в чащу густого леса и оставили там на произвол судьбы. Чудо, что этому человеку, истощенному долгим блужданием, удалось вернуться к нам назад. Это показывает, насколько англичане заставляли нас обращаться с неприятелем с излишней суровостью. При этом, однако, английский солдат доверял нашему отношению к пленным. Раненые англичане при уборке поля сражения, в которой участвовали немецкие и английские врачи, все же просили, чтобы их пользовал немецкий врач. Позднее раненые также заявляли, что при уходе английского медицинского персонала они выздоравливают с трудом.

Я считал, что успехи у Киссаки не принесли окончательных результатов в отношении войск генерала Бритса, да и сейчас ду-

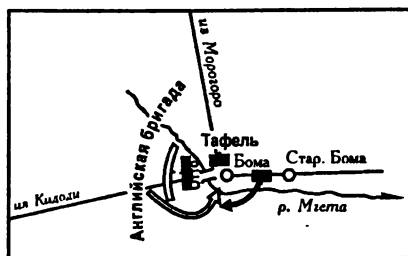

Первый бой при Дутуми

маю, что при густом кустарнике и пересеченной местности нельзя было осуществить энергичного преследования — а только последнее могло завершить победу, к которой мы стремились. Теперь же мое внимание главным образом было направлено на двигающегося вслед за отрядом Штеммермана неприятеля, который подошел на расстояние двух переходов, находясь северо-восточнее Киссаки. Положение там за последние дни сложилось очень неблагоприятно; пересеченная местность вынуждала к дроблению наших и без того слабых сил. Отдельные части попадали в засады, войска находились в напряженном состоянии, и на многих такая обстановка подействовала удручающе.

9 сентября отряд Штеммермана приблизился к району Дутуми, который был мне знаком по прежней разведке. Я предполагал, что уже на следующий день неприятель будет продолжать наступление, и считал случай благоприятным для того, чтобы быстрым движением наших главных сил от Киссаки к Дутуми добиться там успеха. Мы выступили вечером по прекрасной широкой дороге и в течение ночи достигли Дутуми. Капитан Отто остался с пятью ротами в Киссаки. По прибытии я решил захватить противника врасплох и рано утром обойти и атаковать неприятельский левый фланг, на котором неприятель находился в тесном соприкосновении с отрядом Штеммермана. Мне было известно, что этот фланг расположен в долине, в то время как, если смотреть с нашей стороны, неприятельский центр и правое крыло тянулись влево, по предгорьям хребта Улугуру. Именно благодаря этим предгорьям условия атаки на нашем левом фланге были неблагоприятны.

10 сентября рано утром отряд Шульца перешел в наступление на нашем правом фланге. Скоро с обеих сторон был открыт

Второй бой при Дутуми

ружейный и пулеметный огонь, а также начала стрелять неприятельская легкая артиллерия; однако из-за густой высокой травы, покрывавшей долину, нельзя было получить ясного представления об обстановке. Я считал, что наступление развивается хорошо, и отправился для ориентировки на левый фланг. Высоты здесь также густо заросли травой и кустарником. Требовались большие усилия для продвижения вперед, и было трудно кого-нибудь отыскать. Измученный, лазил я по высотам в полуденной тропической жаре, когда, к счастью, услышал звук жестяной посуды. Мое предположение, что обедают именно европейцы, оправдалось — это был капитан Геринг, который расположился в кустах на одной из высот, дающей хороший обзор. Около 3 часов дня здесь было получено малоутешительное сообщение о том, что атака капитана Шульца не увенчалась успехом — нам попросту не удалось добраться до противника сквозь густую траву. Таким образом, если теперь вообще необходимо было предпринять какие-либо решительные действия, то это было возможно выполнить только на нашем левом фланге. Но оказалось, что ввиду тяжелых условий местности и там также нельзя было достигнуть успеха. Наступавшие роты попали в очень пересеченную горную местность, в которой они вели безрезультатную перестрелку с неприятелем, и с наступлением темноты отошли в свое исходное положение.

Следующие дни неприятель производил атаки главным образом на нашем левом фланге, но каждый раз бывал отбит нашими контрударами. В общем, было ясно, что в районе Дутуми можно было достигнуть решительного успеха только при большой оплошности противника. Между тем наши сообщения с тылом, которые вели теперь уже не в Киссаки, а в юго-восточном направлении на Бехо-Бехо, находились под серьезной угрозой со стороны

противника. Поэтому я отказался от Дутуми и передвинулся с главными силами несколько к югу, через реку Мгету, где части заняли растянутый укрепленный лагерь, в котором они оставались в течение нескольких месяцев. К сожалению, благодаря этому движению было оставлены плодородные поля Дутуми. В бедном районе Кидеренгвы мы вынуждены были базироваться главным образом на подвозе, который шел от Руфиджи. Тяжелые условия этого подвоза, в связи с заболеваниями от цеце, очень скоро привели к почти полной потере наших вьючных ослов.

Из Кидеренгвы боевые патрули направлялись на сообщения противника с тылом, отходившие от Дутуми на северо-восток, а также на дорогу Дутуми—Киссаки, по которой происходило теперь оживленное движение неприятельских отрядов и транспортов. Целым рядом патрульных отмечалось бросающееся в глаза передвижение неприятельских войск. Как восточнее, так и западнее гор Улугуру были видны транспорты с войсками, которые направлялись к Морогоро в таких размерах, что туземцы говорили: «Вана хама» («они переселяются»). Это были 12 000 южно-африканцев¹, которые окончательно растратили свои силы и отправлялись на родину. Если прибавить к этому потери в боях и от болезней в течение последних месяцев, то оказывается, что и эта вторая большая экспедиция англичан потерпела также неудачу.

Неприятель должен был подготовить третье большое наступление, для которого он постепенно стянул один полк с Золотого Берега², два полка с острова Ямайка, одну бригаду из Нигерии, два белых и несколько смешанных полков из Южной Африки и, кроме того, полки из Родезии и Европы, а также войсковые части из Индии. Он все шире использовал черные войска, усиливая каждый свой восточно-африканский стрелковый батальон военного времени и формируя также совершенно новые полки.

Другие наблюдения указывали на передвижение частей на восток. В общем, наступил период затишья, который нарушался только мелкими поисками патрулей и редкой артиллерийской стрельбой.

Генерал Смутс понял неудачу своего наступления. Он письменно предложил мне сдаться и этим показал, что им исчерпаны до конца все имевшиеся в его распоряжении средства.

¹ Солдаты южно-африканских добровольческих частей, согласно договоренности с Англией, служили лишь определенный срок — около полутора-двух лет. (Прим. ред.)

² Английская колония на Атлантическом побережье Экваториальной Африки, ныне — Гана. (Прим. ред.)

Глава седьмая. Нападение противника на юго-восточную часть колонии

(Сентябрь 1916 — январь 1917 года)

Наше неблагоприятное положение у Кильвы. Безрезультатные неприятельские атаки у Кисанджиры. Гиппопотамы и слоны как источник жира. В Мпанганджи. Посрамление клеветника. Движение на Кисанджиру. Заблудившийся патруль. Успехи у Кисанджиры. Португальцы разбиты у Невалы. В лагере Утете. На укрепленной позиции у Кибаты. Установка артиллерии. Действие тяжелых снарядов. Неудавшаяся пехотная атака. Военное положение к концу 1916 года. Сильные неприятельские атаки у Дутуми и Кисаки. Неудавшийся неприятельский обход.

Между тем обстановка у Кильвы потребовала особого внимания. Там в течение нескольких дней происходила значительная высадка войск. Мы имели только слабые отряды, прикрывавшие побережье, которые состояли из вновь набранных молодых аскари и были сведены в одну роту. Этой роты было недостаточно, и появилась опасность, что от Кильвы неприятельские войска двинутся к Руфиджи и Ливале и очутятся в нашем тылу. Без сомнения, неприятель имел подобное намерение, и нужно было что-нибудь против этого предпринять. Майор фон Бемкен с тремя ротами отошел с поля битвы у Дутуми к Кунгулио на Руфиджи; отсюда последовало походное движение и затем перевозка на плоскодонном пароходе «Томондо» к Утете. Мелкосидящий «Томондо» был единственным плавающим по Руфиджи пароходом и служил главным образом для перевозки продовольствия, которое доставлялось от нижнего течения Руфиджи до Кунгулио, а затем ослиами и носильщиками — к войскам у Кидеренгвы. Потребовались длинные переговоры, прежде чем администрация колонии согласилась передать «Томондо» в распоряжение армии для нужд войскового транспорта.

У Кильвы события разворачивались вопреки нашему желанию; хотя здесь произошло несколько успешных для нас мелких боев, однако, как это не раз случалось во время войны, нам не удалось использовать находящиеся там войска сосредоточено. Между прочим, неприятель захватил расположенный западнее Киль-

вы на слишком близком расстоянии от берега продовольственный склад. Туземцы искусно подстрекались противником к восстанию и оказывали ему ценные услуги в качестве шпионов. Некоторые немецкие разведывательные отряды понесли большие потери, попав в засаду. Главный гражданский чиновник округа Кильва был взят в плен. Тяжесть обстановки у Кильвы усугублялась еще тем, что аскари окружного управления не были подчинены военному командованию.

Одновременно с севера, в направлении от Дар-эс-Салама, стало ощущаться наступление неприятельских сил против Нижней Руфиджи. Наши слабые отряды, отступавшие от Дар-эс-Салама на юг к Руфиджи, состояли главным образом из вновь сформированных рот аскари и части команды «Кенитсберга» и не представляли достаточного прикрывтия для богатой местными средствами области Нижней Руфиджи. Однако войска могли рассчитывать на эти средства, так как область Средней Руфиджи была слабо населена и не могла долгое время снабжать продовольствием солдат и носильщиков.

На сбор урожая с кукурузных полей, которые мы, ввиду такого тяжелого положения, засеяли в плодородных равнинах, как у Логелогеле, так и у Мпанганджи, нельзя было рассчитывать раньше марта 1917 года. Поэтому атака индусской ротой нашего выдвинутого в боме Кисанджира офицерского поста представляла собой серьезную угрозу. Неприятель, штурмовавший без достаточной огневой подготовки отвесные стены укрепления, был отбит с тяжелыми потерями. К сожалению, здесь тоже был убит и начальник поста — лейтенант резерва Бальдабус, который слишком открыто держался под неприятельскими выстрелами. Его храброе и стойкое поведение обеспечило нам пребывание местного Окружного управления в Кисанджире до подхода достаточных подкреплений — таким образом, надо благодарить этого доблестного офицера за то, что мы еще в течение нескольких месяцев могли удерживать за собой богатую продовольствием область Нижней Руфиджи.

Уже отмечалось, что у Кидерентвы наступил перерыв в действиях; нападение на противника, занимавшего сильно укрепленную позицию, не имело никаких шансов на успех. Поэтому командование оставило в районе Киссаки-Кидерентвы лишь восемь рот под командой капитана Тафеля; впоследствии этот отряд был еще уменьшен. С главными силами командование перешло к Ниж-

ней Руфиджи. Дорога на Кунгулио пролегла мимо больших озер, в которых, так же как и в Руфиджи, водилось много гиппопотамов. При общей потребности в жирах охота на этих животных стала насущной необходимостью. При такой охоте надо следить, пока голова зверя не появится из-под воды и не станет ясно видимой, для того чтобы можно было произвести смертельный выстрел. Тогда гиппопотам погружается в воду, через некоторое время снова всплывает наверх, и при помощи веревки, наскоро сделанной из коры дерева, его вытягивают на берег. Там его разделяют на части, причем опытный человек очень хорошо знает места, где находится наиболее аппетитное сало. Количество последнего очень колеблется. Лучшие экземпляры могут свободно дать два полных ведра. Однако необходимо изучать не только способы получения жира, но также знать наиболее уязвимые места для нанесения смертельного выстрела. Неопытные люди принимались за дело легкомысленно, и можно было видеть во многих местах, как трупы подстреленных и умерших от ран животных быстро портились и становились негодными для еды. На слонов теперь мы также начали смотреть совершенно иными глазами, чем раньше; в то время как обыкновенно охотник за слонами перед тем, как делал выстрел, оценивал длину и вес клыков, теперь прежде всего возникал вопрос: сколько жира даст это животное, так как жир слона очень хорошего качества и даже, пожалуй, лучше на вкус, чем жир гиппопотама.

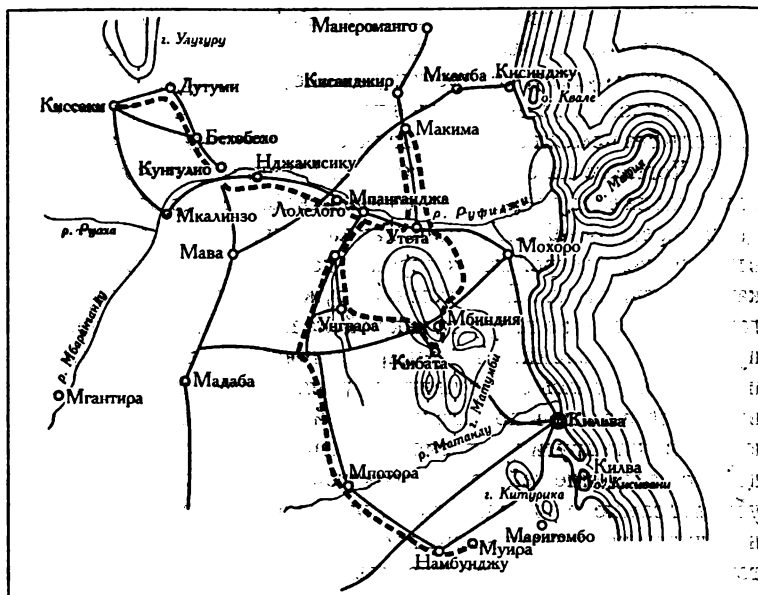
У Кунгулио взятые с собой гурты скота гнались прямо в реку и переплывали ее. Переправа же войск производилась на паромов, которыми заведовал начальник службы движения потерянной нами Северной железной дороги Кюльвейн, удовлетворявшийся теперь скромной ролью заведующего Кунгульской паромной переправой. Ко времени нашего прибытия был уже готов мост длиной около 300 метров, годный также и для повозок. На южном берегу мы разбили лагерь у плантации Нджакисику, принадлежащей поступившему в армию лейтенанту резерва Влеку. Дома европейской постройки были приспособлены под лазарет и совершенно переполнены. В Логелогге мы застали этапное управление; там было устроено большое число обширных тростниковых барачков для размещения войск. Сама плантация имела далеко тянувшиеся поля сизаля. Здесь снабжение войск было поставлено отлично. В свободном от цеце районе держали много рогатого скота, кроме того, уцелевшие у нас вьючные ослы были обратно

направлены сюда из области севернее Руфиджи. Семьи европейцев жили здесь в своих солидных домах еще как в мирное время и благодарили судьбу, что происходившие до сих пор военные действия давали им возможность в течение более чем двух лет продолжать без помехи свою домашнюю и хозяйственную жизнь.

В Логелогге на опытной станции Мпанганджи, которой мы достигли на следующий день, собрались также и другие европейцы из окрестностей плантации. Так как они не могли поместиться в имевшихся постройках, то строили дома из деревянных жердей, камыша или травы. При этом обнаружилось также малоутешительное явление: в то время как войска на фронте были проникнуты воодушевлением и предприимчивостью, в тылу картина иногда получалась совершенно другая. Люди, которые меньше всего разбирались в положении вещей, были убеждены, что знают все лучше других, и проявляли известное недовольство. Подобное поведение действует заразительно и с течением времени убивает самые лучшие побуждения. Однако, к счастью, у многих находившихся в тылу военных солдатская гордость была достаточно сильна, чтобы при случае самым резким образом обрывать этих недовольных. В одном из местных лазаретов кто-то слишком много болтал и занимался критиканством; тогда один из раненых ответил ему: «Вот что я вам все-таки хочу сказать: командир — мозг армии, а вы — ж... армии». Это неприкрашенное выражение было так удачно, что оно немедленно привлекло всех смеющихся на сторону раненого, и опасность крупного столкновения была рассеяна.

Теперь возникал вопрос, должно ли командование сначала обратиться на север, на неприятеля у Кисанджира, или же действовать против противника у Кильвы. Последний не двигался дальше в направлении на Ливале, как писал майор фон Бемкин, но повернул на север — быть может, вынужденный к этому передвижениями наших войск. Таким образом, противник перешел в богатый, но очень гористый и тяжелый для передвижения войсковых частей район Кибаты. Там он в данный момент казался мне мало опасным. Я считал достаточным воспрепятствовать ему в его дальнейшем наступлении на Руфиджи. Для этой задачи хватало и пяти довольно слабых по численности рот под командой капитана Шульца.

Майор фон Бемкин, обеспокоенный за Ливале, ушел с двумя ротами и 10,5-см орудием в район Мпоторы. Из этого обстоятель-

Путь следования германского командования
(сентябрь 1916 г. — июнь 1917 г.)

ства мы, как это выяснилось дальше, извлекли позднее много пользы. При этом я имел свободу действий для дальнейшего движения на Кисанджир. Это являлось важным, делая возможной для нас охрану богатой продовольствием области Северной и Южной Руфиджи и отправку оттуда богатых запасов к Средней Руфиджи. Нельзя было предвидеть, сможем ли мы рассчитывать там на удачное столкновение; однако я думал, что неприятель, который передвинул свои части также и от гор Улутуру на восток в район Кисанджира, будет наступать с севера. Таким образом, здесь очень легко мог представиться случай для удачного боя. Мы переправились через Руфиджи у Утеты в лодках и через несколько дней прибыли в Макиму, в одном переходе южнее Кисанджира. Между тем в Кисанджире был сосредоточен достаточный гарнизон кустой в дне роты, которые энергично занялись укреплением местности. Немного далее на север, у Манероманго, были расположены сильные части противника, и наш белый патруль, который был выслан еще из Кидерентвы, подтвердил передвижение неприятельских сил с запада сюда, в район Манероманго—Кисанджир.

Этот патруль через несколько дней после своего выступления из Кидеренгвы попал в безводный район как раз во время страшной жары. Отдельные люди потеряли друг друга в густом кустарнике. Чтобы привлечь к себе внимание, они начали стрелять и вынуждены были сдаться англичанам. Только стойкий начальник патруля ушел в туземную деревню, где население встретило его с виду дружелюбно и даже предложило ему яиц; когда же он нагнулся над последними, черные напали на него, скрутили и передали английскому патрулю из африканцев, скрывавшемуся поблизости. Аскари, который на муле должен был сопровождать немца далее, обращался с ним довольно высокомерно. В пути немец, во время разговора, отвлек внимание аскари, указав ему на ошибку в седлании животного, и ему удалось получить мула в свои руки. Перед тем как ускакать, немец вырвал винтовку у аскари и застрелил его.

Точно так же и восточнее Кисанджира наши отряды продвигались вперед все дальше на север. Дело доходило до целого ряда мелких стычек в кустарнике, которые иногда отличались большими потерями для неприятеля. Немного восточнее, на побережье, в районе Кисинджу, появилось несколько неприятельских отрядов, и там же находилось небольшое английское военное судно. Капитан фон Либерман однажды утром произвел нападение со своей 11-й ротой на этого противника, и наши аскари решительно опрокинули последнего. По военному судну было сделано несколько выстрелов из полевого орудия. Выбив противника из Кисинджу, капитан фон Либерман немедленно отошел назад. Одновременно мы действовали и против тыловых сообщений противника, и почти ежедневно дело доходило до мелких боевых столкновений.

Можно без преувеличения сказать, что густонаселенная страна была сказочно богата. Аскари и европейцы кроме большого количества муки имели в своем распоряжении апельсины, ананасы, мустафеле, кокосовые орехи и другие тропические фрукты. Поразительным было наличие здесь рисовых полей, которые начинались непосредственно к югу от Дар-эс-Салама, в то время как до войны рис ввозился из Индии. Скота здесь было мало, но роты начали высылать охотничьи команды далеко в богатую дичью степь, которая простиралась на запад от наших позиций. На наличие дичи в районе указывало уже большое количество львов. Семейство из пяти львов неоднократно ночью бродило по нашему лагерю и при этом нападало на наших животных.

В октябре, в то время как командование находилось в Макиме, было получено сообщение, которое заставило предполагать, что высадка крупных войсковых частей противника у Кильвы, а также появление на реке Мбаранганду неприятельских отрядов, продвигавшихся с запада в направлении на Ливале, указывают на большое концентрическое наступление противника. Португальский отряд¹ из трех тысяч солдат, почти исключительно европейцев, переправился через Ровуму, вторгся в гористую страну Маконде и 22 октября 1916 года занял Невалу. Командир «Кенигсберга» капитан флота Лооф после оставления Дар-эс-Салама сначала отправился в прежний район действий «Кенигсберга» у Руфиджи, а затем двинулся к Линди. Теперь он принял командование на юге. С двумя вновь сформированными ротами аскари он укрепился перед сильными позициями неприятеля, высадившегося у Линди, обеспечивал перевозки на вспомогательных судах из Суду и мелкими действиями наносил вред португальцам, появившимся у Нижней Рувумы. У него не было достаточно сил, чтобы одновременно действовать с надеждой на быстрый и решительный успех также и против португальцев, наступавших на него сзади, со стороны Невалы.

Оказалось очень кстати, что, как было выше отмечено, две роты и 10,5-см орудие отряда фон Бемкина случайно находились у Мпоторы. В качестве командира для этого отряда из Руфиджи был командирован капитан резерва Роте, который до последнего времени работал как главный директор почт, и по собственному почину всецело предоставил себя в распоряжение войск. Через несколько дней он прибыл на велосипеде из Нджакисику к своему отряду и повел его вперед на Невалу. Капитан Лооф принял общее командование. Португальцы были обстреляны 10,5-см орудием с «Кенигсберга», после чего их позиции взяты штурмом. Как оказалось, нам досталась очень значительная добыча, состоявшая из четырех горных орудий, некоторого числа пулеметов, нескольких сот ружей, большого количества патронов, нескольких автомобилей, продовольствия и всякого рода снаряжения. В течение следующих недель постоянно обнаруживали закопанный в земле материал и боевые припасы. Наиболее скрытые места отличались особым обили-

¹ Португалия вступила в войну 9 марта 1916 года. Участие ее в военных действиях на Западном фронте было чисто символическим (к примеру, в 1917 году — всего две пехотные дивизии). Однако португальские войска, находившиеся в Мозамбике, активно участвовали в операциях против Германской Восточной Африки. (Прим. ред.)

ем. Португальцы были окончательно изгнаны из немецкой области и преследовались на их собственной территории.

Однако, учитывая общую обстановку, я воздержался от продолжения преследования до последней возможности. Отряд Роте, ввиду необходимости уделить больше внимания постоянно усиливавшемуся противнику у Кильвы, был снова притянут к Мпоторе. Еще до того, как было выполнено это движение, я считал необходимым переброску более крупных сил из района Кисанджира к Кибате. Однако случая завязать севернее Нижней Руфиджи решительное и успешное сражение не представилось. Я был вынужден уйти в горы Кибаты — навстречу продолжительным и безрезультатным операциям.

Передвижения войск из Кибаты произошли в конце ноября 1916 года. Во время похода мы расположились на бивуак у Утеты, где в здании гражданского управления были устроены обширные лазареты, а на веранде развернулась жизнь маленького офицерского собрания. Утета, расположенная на командной высоте, была сильно укреплена стрелковыми окопами с засеками и господствовала отсюда над лежащим ниже и широко разбросанным туземным городом. Ночью было слышно почти непрерывное и глухое сопение гиппопотамов, а один дерзкий лев, после того как ему не удалось нападение на чернокожего, попытался убить в нашем лагере другого человека. К счастью, добыча была вырвана у него в последний момент подоспевшим европейцем и несколькими черными. При дальнейшем движении мы вышли на дорогу Мохоро—Кибата. Капитан Шульц, занимавший со своим отрядом укрепленную позицию в 2 часах ходьбы севернее Кибаты, снабжался продовольствием посредством подвоза из богатой местности Мохоро. Различные магазины на этой дороге пополнялись непосредственно из окрестных плодородных районов. Кроме того, капитан Шульц высылал закупочные команды в ближайшие от его лагеря области, наиболее богатые во всей стране.

Поблизости от Мбиндии, у лагерной стоянки отряда Шульца, можно было видеть с горы широкую проложенную по высотам насыпь. Это была дорога для передвижения 10,5-см орудия, перевозкой которого на позицию руководил капитан-лейтенант Апель. Сотни туземцев под однообразный напев тащили тяжелый груз вверх и вниз по крутым скатам, через которые, сквозь густой кустарник, была проложена и расчищена дорога. Вскоре по прибытии в Мбиндию орудие было установлено на позицию на горной

вершине и позднее могло отсюда производить обстрел. Точно так же одна из 10,5-см полевых гаубиц, расположенных в лощине чуть впереди, стреляла через лежавшие перед ней высоты по неприятельским лагерям. Сведения, поступавшие от разведки, выявили возможность продвинуть нашу пехоту под прикрытием густого кустарника на одну из высот, которая командовала над местностью севернее Кибаты. Слабый неприятельский гарнизон этой высоты был атакован врасплох с тыла и отброшен. Затем была атакована другая высота, лежащая непосредственно севернее массивной европейской постройки у источника. Скоро можно было видеть, как наши аскари забрались на эту гору и засели на ней примерно в 80 метрах перед сильными неприятельскими позициями.

Между тем кроме 10,5-см орудия и гаубицы на позицию были также поставлены оба горных орудия, выдвинутых до линии нашей пехоты. Огонь по строениям, вокруг которых на открытой высоте были видны бродившие вокруг многочисленные люди и животные, не открывался до тех пор, пока все не было готово. Одна из рот, обошедшая неприятеля и расположившаяся на его пути отхода, наблюдала, как тяжелые снаряды, попавшие в бому, вызвали страшную панику. Полки неприятельских аскари убегали со всех ног вдоль фронта скрытно расположенной роты. Но, к сожалению, рота не использовала этот благоприятный момент. Она рассчитывала, что за отдельными толпами аскари вскоре последуют еще более сильные группы, и не хотела упускать случая для огневого нападения. Но предполагаемые неприятельские крупные отряды не появились, и, таким образом, был упущен хороший случай из-за ожидания еще лучшего. Пехотная атака упомянутых высот, расположенных непосредственно за Кибатой на север, стоила нам потери нескольких очень энергичных европейцев: фельдфебель Милов был убит, вице-фельдфебель Зицман был ранен в ногу, вследствие чего получил тяжелые и очень болезненные повреждения ножного нерва. Ранее он отличался своими неутомимыми и успешными партизанскими действиями против Угандийской железной дороги. Теперь он был потерян для службы ввиду длительного пребывания в лазарете и еще до своего выздоровления попал в руки неприятеля.

Было очень трудно правильно ориентироваться в чрезвычайно изрезанных ущельями горах Кибаты. Однако после произведенных многочисленных разведок, спустя несколько дней мы почувствовали себя в горах почти как дома. Отсюда можно было

хорошо наблюдать и Кибату, и пути сообщения противника с тылом, и мы твердо установили, что неприятель продолжал постепенно усиливать свои войска. В сущности, он использовал у Кибаты главные силы высадившейся близ Кильвы дивизии. Наши наблюдения и характер местности наводили на мысль, что неприятель предполагает обойти нас от Кибаты в западном направлении, то есть вокруг нашего правого фланга, чтобы таким образом заставить нас очистить высоты, которые командовали с севера над Кибатой и над ее главными источниками воды. Впрочем, перед этим была проведена фронтальная атака 129-го белуджистанского полка, которую мы отбили с тяжелыми потерями для противника.

В первых числах декабря были замечены сначала слабые, затем более сильные отряды, которые продвигались с высоты на высоту против нашего правого фланга и скоро достигли своими передовыми частями одной из командующих гор, которая англичанами названа была «Холмом Золотого Берега». Ущелье и лес благоприятствовали нашему контрнаступлению на этот холм, и немецкие аскари, неожиданно даже для нас, показались почти у самых неприятельских позиций. Наши орудия были готовы к открытию огня, но, к сожалению, первая граната разорвалась среди наших аскари, и пехотная атака, которая могла быть успешной только при быстроте и внезапности, не удалась. Тем не менее от огня горных орудий, открытого теперь с 1600 метров, а также и от огня нашей гаубицы, расположенной сзади, неприятельский полк Золотого Берега понес очень крупные потери. Последний располагался на краю горы, крутые скаты которой были совершенно голы. Поэтому он не мог избежать обстрела, а устройство окопов требовало — при твердом грунте — очень много времени. Когда мы окружили гору, наша пехота концентрически обстреляла пулеметным огнем ясно видимые цели. Англичане уже не могли удерживать такую важную для них позицию. После отхода неприятеля мы нашли многочисленные кучи убитых, потери павшими только на одном этом месте едва ли могли быть меньше 150 человек.

Однако наступление полка Золотого Берега все же принесло неприятелю известную пользу. При моих слабых силах — мы имели в общем счете около девяти рот — я отвел одну из двух рот, расположенных непосредственно у Кибаты, чтобы использовать ее против «Холма Золотого Берега». Когда ночью я возвращался в лагерь, в расположении единственной оставшейся теперь в со-

прикосновении с неприятелем роты, раздалось многочисленное мелкие взрывы. Причину этих взрывов мы узнали только спустя некоторое время, так как это была неизвестная нам тогда атака ручными гранатами. Противник штурмовал нашу позицию многими ротами так быстро и ловко, что неожиданно ворвался в немецкие окопы и отбросил наши слабые части. Потеря позиции лишила нас возможности вести с близкого расстояния огонь по передвигавшимся войскам противника и по его сообщениям с источником воды.

Тем не менее очищение этих высот и понесенные при этом потери вознаграждались успехом, достигнутым у «Холма Золотого Берега». Несмотря на нашу численную слабость, мы оставались господами положения. Наши патрули и сильные летучие отряды проникали непосредственно в тактический тыл неприятеля, а также дальше, вплоть до его путей сообщения со стратегическими тылами. Мелкие действия, которые неприятель иногда пытался предпринимать, не приводили ни к каким результатам. В общем, противник понес у Кибаты крайне значительные потери — я думаю, что их нельзя оценивать ниже четырехсот человек. Его оперативные планы также были основательно расстроены. Не подлежало никакому сомнению, что он стремился двигаться вперед от Кильвы на Леваде. Наш сильный удар у Кибаты вынудил его обратиться против нас, отвлек его внимание от Кильвы и заставил оставить в покое остальную область, а также наши запасы продовольствия и пути подвоза.

Примерно в конце декабря появились неприятельские аэропланы, которые сбрасывали на наши позиции бомбы. Хотя при этом использовались гораздо более сильные бомбы, чем раньше, все же они причиняли нам очень незначительные потери. В день Рождества мы увидели, как с одного аэроплана на бому Кибату была сброшена большая масса груза. Однако надежда, что неприятель случайно обстреливает свой собственный лагерь, нас обманула: это было огромное количество сигарет, которые являлись рождественским подарком английским войскам.

К этому времени я получил личное письмо британского главнокомандующего генерала Смутса, в котором он сообщал о пожаловании мне ордена «Пур ле мерите»¹ и высказывал надежду, что его сердечное поздравление не будет мне неприятным. Я его поблагодарил столь же вежливым образом. Я упоминаю об этом пись-

¹ «Poir le Merite» (фр. — «За отличие») — германский офицерский орден. (Прим. ред.)

ме генерала Смутса в доказательство того, что, несмотря на убийственную войну, между противными сторонами, безусловно, существовало самое глубокое уважение. Вообще, неприятель много раз показывал, как глубоко он ценит подвиги немецких войск.

В конце 1916 года я считал военное положение в колонии исключительно благоприятным, так как знал, что южно-африканские войска были большей частью уничтожены вследствие потерь в боях и болезней и что большая часть оставшихся по истечении срока своей службы, вернулась обратно в Южную Африку. Точно так же и индусские войска после продолжительного пребывания в открытом поле Восточной Африки численно уменьшились, а вновь прибывшие части — мы твердо установили присутствие у Кибаты индусских полков, набранных среди племени патанов, — состояли большей частью из молодых солдат. Другие же полки, такие, как 129-й белуджистанский, который раньше сражался во Фландрии, несомненно, представляли собой хороший боевой материал, но и в отношении их можно было ожидать, что они не выдержат продолжительных тягот африканской войны. Неприятельские туземные аскари в целом были весьма молоды, и лишь сравнительно небольшое число их уже принимало участие в боях. Таким образом, можно было и в дальнейшем спокойно выдерживать длительные военные действия. Я до сих пор думаю, что нам удалось бы не только устоять против превосходного противника, но даже разбить его, если бы он не имел возможности постоянно пополнять свои войсковые единицы и привлекать новые полки. В конце 1916 года я еще не знал, что из Нигерии в Дар-эс-Салам была переброшена целая бригада чернокожих войск и оттуда без остановки направлена дальше на Дугуми и Киссаки.

Стоявшие там лагерем пять рот под начальством капитана Отто в первых числах января 1917 года были атакованы не менее чем двумя бригадами генерала Смутса. Одновременно с этой атакой с фронта неприятель производил широкое обходное движение. При большом количественном превосходстве он имел возможность преградить путь отступления немецким войскам, уходившим в направлении на Кунгулио. Наши аскари должны были неоднократно пробивать себе дорогу штыками, и при закрытом характере местности отдельные роты попадали в крайне затруднительное положение. Наша полевая гаубица со слабым прикрытием натолкнулась при отступлении к Бехо-Бехо на расположенного в засаде неприятеля силой в несколько рот. Вся орудийная

прислуга была уничтожена, а гаубица захвачена. Но в конце концов остальным частям удалось ускользнуть от обхода неприятеля и собраться у Бехо-Бехо. Тут вновь завязались серьезные бои, в которых и неприятель сражался очень стойко. В этом бою пал хорошо известный в немецких кругах своей любезностью и увлекательными рассказами старый зулус-охотник, поступивший в армию лейтенантом. Несмотря на то что капитан Отто имел перед собой, а также на флангах, превосходящего противника, а сзади — широкую реку Руфиджи с одним только очень непрочным мостом, ему все-таки удалось, исполняя поставленную задачу, достигнуть со своими войсками южного берега реки и затем уничтожить мост.

Таким образом осталось бесполезным и далекое обходное движение неприятеля, которое он произвел из Киссаки дальше на запад, на Мкалинзо возле Руфиджи. Двигавшаяся туда неприятельская бригада уже не успевала прибыть на южный берег Руфиджи так, чтобы помешать переправе капитана Отто и этим поставить его в тяжелое положение. Наоборот, это дало нам несколько очень значительных частичных успехов. Наступающий от Бехо-Бехо противник увлекся преследованием и с крупными частями переправился на лодках через Руфиджи у Кунгулио. Капитан Отто, имея свой отряд наготове несколько южнее реки, атаковал переправившиеся части и с большими для противника потерями сбросил его в реку. Этому частичному успеху способствовало поведение направляемых на Мкалинзо неприятельских колонн. В основном они состояли из белых и черных войск из Нигерии; ни те, ни другие не были готовы к такому широкому обходному движению и потому прибыли к Руфиджи изнуренными и неспособными к боевым действиям. Они выбыли из строя на продолжительное время, и согласованная, недурно задуманная операция генерала Смутса была расстроена.

Наступление у Кунгулио сильного противника таило в себе ту опасность, что он может овладеть средней Руфиджи и районом, расположенным южнее ее. В этом случае он легко захватил бы в свои руки главную часть нашего военного материала и пути подвоза, которые шли от Средней Руфиджи к Ливале. Поэтому я должен был ответить на действия Смутса. С большей частью расположенных перед Кибатой сил я выступил к озеру Утунги, чтобы быть готовым поддержать оттуда капитана Отто и использовать благоприятную обстановку, если она создастся.

Глава восьмая. Заботы и затруднения во время пребывания в области Руфиджи

(Январь—март 1917 года)

Переход через горы Кисеи. Лагерь возле Унгвары. Войска сбились с дороги. Лишние едоки. Меры против ожидаемого недостатка продовольствия. Сокращение числа носильщиков. Уменьшение пайков. Недовольство. Жены аскар. Ку-журуза — поддержка в нужде. Организация интендантства. Мелкие стычки в кустарнике возле Унгвары. Наступление сезона дождей. Меры для защиты женщин и детей. Дальнейшее движение войск на юг.

Наше выступление из Кибаты состоялось в соответствии с планом. На следующий день я с несколькими спутниками поехал верхом вперед в надежде, что войска, имевшие при себе нескольких проводников-туземцев, не сбьются с дороги. В горах Кисеи мы встретили многочисленных, но очень пугливых туземцев, неоднократно при нашем приближении бросавших на произвол судьбы свои богатые запасы риса. Я в тот же день пожалел, что не взял ничего из их обильного продовольствия. Во время полуденной жары мы отдыхали в пори. Некоторые знатоки страны обратили мое внимание на освежающий фрукт мбинджи, которым мы подкреплялись. К сожалению, тогда мы не знали, что поджаренные косточки мбинджи представляют собой прекрасную пищу, напоминающую по вкусу наш орех.

Жара была нестерпимая, но так как мы находились в районе действий неприятельских патрулей, то должны были сохранять бдительность. Источники воды в то время, в период крайней засухи, были крайне ограничены. После долгих поисков мы нашли наконец маленькое болото хотя и грязной, но, по словам знатоков этих мест, не вредной для здоровья воды. Под вечер мы достигли большого селения, покинутого жителями. К счастью, там нашелся черный, состоявший на немецкой гражданской службе, который сообщил, что это и есть Унгвара — цель нашего сегодняшнего перехода. Пройдя через поселок, туземец показал нам болото с водой, у которого мы расположились бивуаком. Мой черный повар, старый, бородатый, хорошо известный многим восточно-африканцам Баба, почти не отставал от нас, всадников, и вскоре по-

явился в селении. Он быстро приготовил себе свою «угали» (кашу) и удобно расположился у огня. Мы смотрели на него с завистью, так как не имели ничего и ждали нашего багажа и двигающихся за нами войск. Но никто не прибывал, и мы легли спать голодными. Спасение явилось в образе великолепной антилопы, подошедшей к водопою при лунном, по силе почти дневном, свете. Почти одновременно хлопнули два выстрела обоих моих спутников — ван Ройена и Нивенгузена — испытанных охотников-буров, ставших на сторону немцев. Как наэлектризованные, поспешили мы выскочить из-под наших одеял и спустя короткое время жарили аппетитные куски дичины.

На следующий день мы достигли озера Утунги, где нас ожидал капитан Файльке, подкрепивший нас хлебом, кофе и колбасой, приготовленной из дичи. О следовавших за нами войсках не было слышно ничего. Они потеряли нас в пори и так основательно разбрелись, что часть их только после нескольких дней достигла телефонной линии в районе Утеты и вошла с нами в связь. При трудности связи мне до сих пор было невозможно получить верную картину о состоянии снабжения. Я рассчитывал найти хорошо пополненные магазины у озера Утунги при Мпангандже, а также в районе Мадабы. Я имел это в виду, когда из богатой области, севернее Нижнего Руфиджи, с крайним напряжением транспортировал продовольствие в тыловой район через Мпанганджу. Но продовольственная обстановка сложилась совершенно иначе.

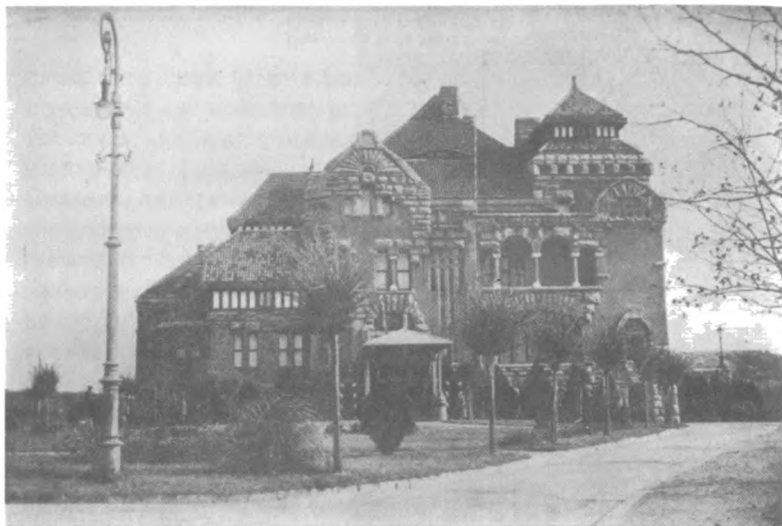
В тыловой области, кроме массы носильщиков, необходимых для транспортировки на юг военных припасов, оставалось еще множество персонала, который использовался для постройки дорог, сооружения тростниковых хижин и других целей. На небольших этапных пунктах находилось также большое число людей, которые даже в самом благоприятном случае не делали ничего другого, как только доставляли продовольствие для обеспечения самих себя. Но часто и эта доставка опять-таки производилась другими людьми, которых, в свою очередь, надо было обеспечивать продовольствием. В большинстве случаев бывало так, что продовольственные грузы, собранные и направленные для боевых частей севернее Нижнего Руфиджи, достигали в конце концов небольшого этапного пункта и поедались людьми, ничего не делавшими или выполнявшими совсем второстепенную работу. При трудности сообщений и больших расстояниях деятельному и энергичному капитану Штеммерману, принявшему на себя заведова-

**Рис. 1. Главнокомандующий японским
экспедиционным корпусом
генерал Камио**

**Рис. 2. Губернатор Кяочао
капитан Мейер-Вальдек**

***Рис. 3. Резиденция губернатора Кяочао и Циндао
капитана 1-го ранга Мейер-Вальдека***

Рис. 4. Монумент, олицетворяющий германскую власть в Циндао

Рис. 5–6. Общие виды Циндао с Сигнальной горы

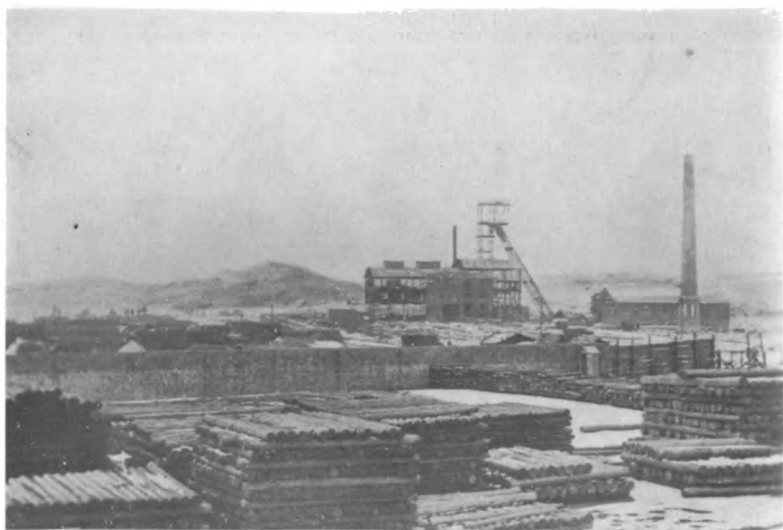

Рис. 7–8. Угольные копи в Бошане

Рис. 9. Германские ополченцы в Циндао

Рис. 10. Гавань Циндао

**Рис. 11–12. Высадка японского экспедиционного корпуса
в бухте Лункоу**

Рис. 13. Штаб японского экспедиционного корпуса

***Рис. 14. Штаб английского корпуса,
справа генерал-майор Бернардистон***

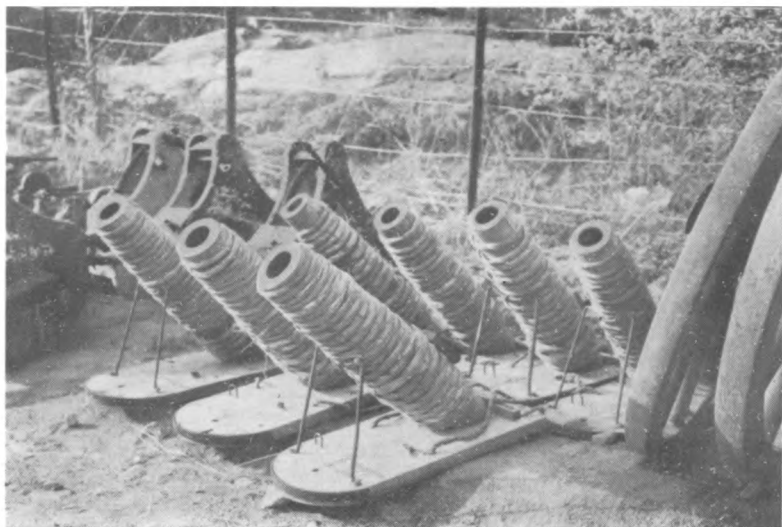

Рис. 15. Германская ложная артиллерийская батарея

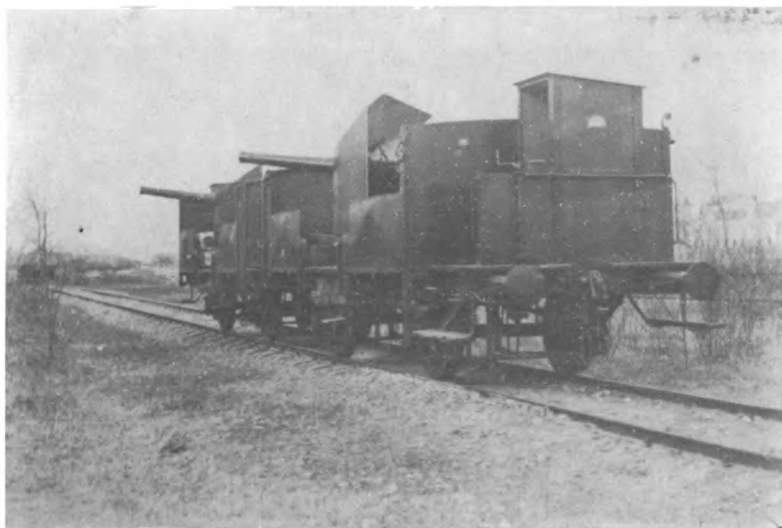

Рис. 16. Германская передвижная артиллерийская площадка, смонтированная на железнодорожном вагоне

Рис. 17. Японские и индийские солдаты под Циндао

Рис. 18. Здание телеграфной станции в Циндао после попадания тяжелого снаряда

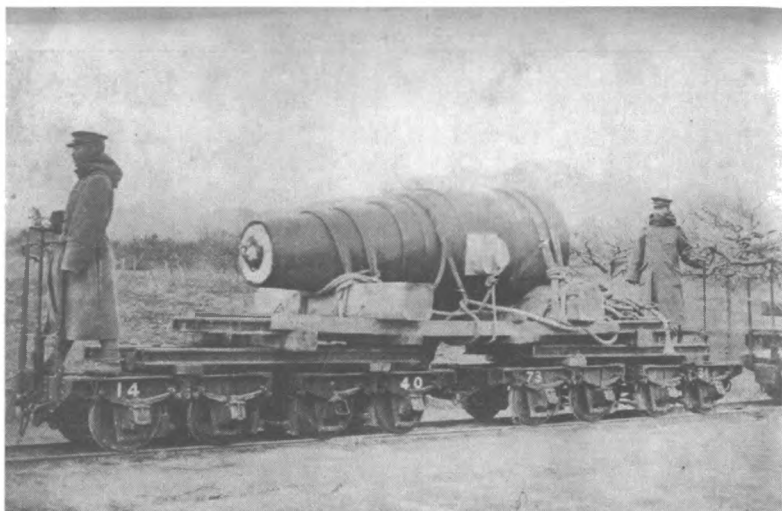

Рис. 19. Перевозка японского 280-мм орудия

Рис. 20. Установка на позиции японского 280-мм орудия

Рис. 21. Японская тяжелая артиллерия ведет обстрел Циндао

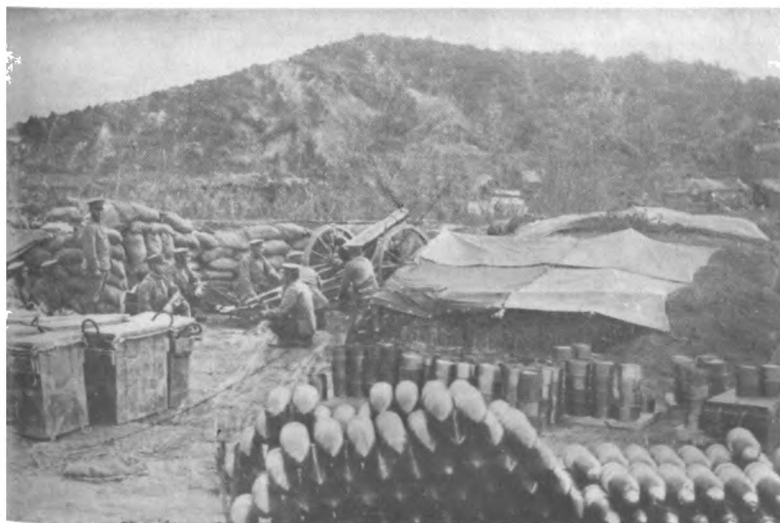

Рис. 22. Вид на гору Ильтис с японской батареей

Рис. 23–24. Японская артиллерия ведет обстрел германских позиций

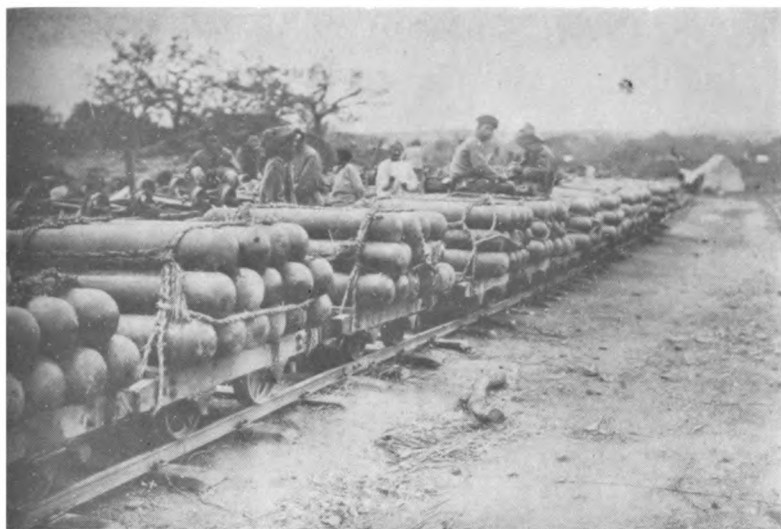

Рис. 25–26. Подвоз боеприпасов к японским батареям

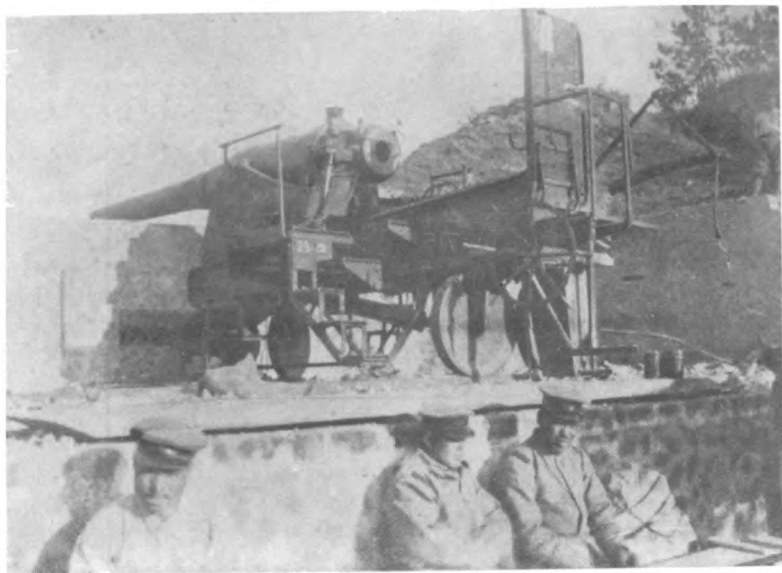

Рис. 27. Форт Бисмарк, 280-мм орудие

Рис. 28. Тяжелое орудие на форте Бисмарк

Рис. 29. Японский пулеметный взвод 48-го пехотного полка на позициях под Циндао

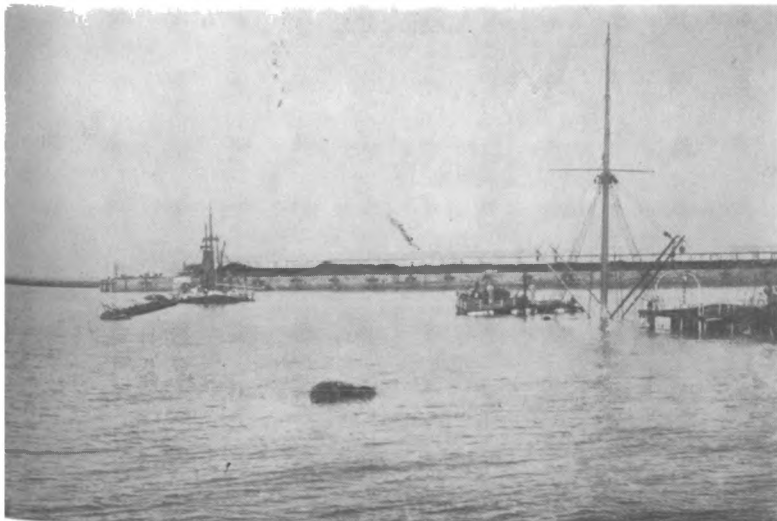

Рис. 30. Заграждение из затопленных судов при входе в гавань Циндао

Рис. 31. Форт Северный Ильтис

Рис. 32. Разбитое германское орудие на форте Центральный Ильтис

ние этапной службой, еще не удалось полностью разобратсья в этих обстоятельствах и устранить недостатки.

В Африке было слишком много людей, которые стремились применять свои драгоценные силы на второстепенные дела и этим вредили более важным задачам. Это стремление было настолько велико, что только железная метла была способна произвести перемену. Общим результатом было то, что тысячи и тысячи дармоедов истребляли продовольствие, которое с большим напряжением собиралось в районе действий боевых частей. Этап ничего не давал для снабжения армии — наоборот, он часто жил за ее счет, и при этом приближался момент, когда мы будем вынуждены оставить богатые местными средствами области, удерживаемые в данную минуту сражавшимися войсками.

Приходилось со всей энергией заботиться о немедленной обработке полей занятого нами в данное время района, то есть окрестностей Мадабы и Ливале, а также лежавших далее на юг частей колониальной области, которым, вероятно, суждено было иметь большое значение во время дальнейших операций. Но урожая нужно было ждать несколько месяцев. В течение этого периода мы должны были оставаться у Руфиджи и жить там. Правда, здесь уже было засеяно несколько сот гектаров кукурузы, но она тоже еще не созрела. Войска могли двинуться на юг только после сбора этого урожая. Следовательно, в данный момент они должны были удерживаться в бедном местными средствами районе.

Для этого пришлось немедленно отказаться от всех едоков, которые не были нужны для ведения войны в ближайшие месяцы. Таким образом, были отпущены на свою родину тысячи носильщиков и рабочих тылового района. Надо было ясно учитывать весь вред этого мероприятия: мы предоставляли неприятелю тысячи людей, показания которых должны были дать ему точную до мелочей картину группировки наших сил, нашего продовольственного положения и внутреннего состояния. Но одного только сокращения тылового состава было все же недостаточно. Пришлось также сократить число нестроевых солдат в ротах. Между прочим, было постановлено, что ныне ни один европеец не мог обслуживаться более чем пятью цветными. Для живущего в Европе такое количество слуг может показаться слишком большой роскошью, но в африканской обстановке белому действительно необходима цветная прислуга. Требуется по крайней мере один человек, который готовил бы пищу и исполнял роль денщика.

Остальные несут на себе имущество: запасы одежды, продовольствия, одеял и палаточного оборудования. Если принять во внимание, что в мирное время каждое находящееся в дороге должностное лицо обслуживалось во время большого путешествия одиннадцатью или даже тринадцатью носильщиками (и это за исключением своих трех-четырёх личных слуг), то станет понятным, насколько стеснительным был приказ командования об этом ограничении и какую бурю негодования он вызвал.

К счастью, на все возражения с санитарной и культурной точек зрения я был в состоянии сослаться на собственный опыт: в течение месяца мне удавалось довольствоваться вместо трёх двумя небольшими вьюками, то есть четырьмя черными слугами, и оставаться при этом здоровым. Ещё теперь я испытываю особенную признательность к офицерам, которые, как и во многих других случаях, понимали необходимость этой спасительной меры и, чтобы показать пример, шли ей навстречу.

Однако одним только сокращением числа едоков задача снабжения не была ещё решена. Попросту говоря, не хватало запасов. Уже тогда можно было предвидеть, что продовольствия не хватит, чтобы обеспечить нас до начала сбора нового урожая, т. е. до конца марта. После тщательного обсуждения мы сократили военный паек, хотя это было крайне нежелательно: чернокожий, если на него хотят положиться, должен снабжаться хорошо. Тут разразился новый, ещё более сильный взрыв негодования. Со всех сторон посыпались письма и телеграммы, что размер суточного пайка, установленный в 600 грамм муки, не мог дать необходимого для тела количества калорий, но продовольствия могло хватить только при таком пайке. К тому же в этом богатом дичью районе оставалось ещё такое средство для получения калорий, как охота.

Выполнение приказа о пайке натолкнулось на ряд затруднений. Множество жен аскари сопровождали войско, но затем они застряли в различных лагерях у Руфиджи — там, где это им нравилось. Куда выгоднее казалось передвинуть их на юг, ибо туда легче было подвозить продовольствие. Мы организовали это передвижение, и женщин снабдили провиантом на время дороги. Но после короткого дневного перехода они просто остались лежать и объявили, что дальше двигаться не могут. Свои запасы, рассчитанные на более долгое время, они съели уже на третий день и теперь требовали новых. Некоторые даже набросились на европейца, ведшего транспорт, и поколотили его.

В конце концов мы преодолели и эти затруднения, решив продовольственный вопрос удовлетворительно. Аскар в конце концов вели себя разумно. Хорошие охотники были распределены по отдаленным охотничьим районам, и время от времени пустой желудок обильно наполнялся. Я вспоминаю, что у нас, близ озера Утунги, около 200 чернокожих в один день уничтожили крупного буйвола в придачу со слоном.

В феврале мы обнаружили, что, высушивая незрелые кукурузные зерна в сушильной печи, можно получить из них очень хорошую муку. Был отдан приказ — собирать те початки, которые казались более спелыми, и, так как поля с каждым днем все больше созревали, продовольственное положение постепенно улучшалось. Уже 1 марта порции могли быть увеличены до 700 грамм — то есть почти до полного объема прежнего пайка.

Вследствие обходного движения противника у Мкалинзо, где были обнаружены крупные массы войск, капитан Отто передвинул главные силы своего отряда из Кунгулио к югу. Севернее Мавы он прикрывал богатую местными средствами область Мадабы, а также путь подвоза и телефонную линию, шедшую от озера Утунги через Маву. 24 января 1917 года капитан Отто был атакован севернее Мавы несколькими батальонами Нигерийской бригады. Неприятель, отбитый с тяжелыми для него потерями, преследовался через кустарник на протяжении многих километров вплоть до его укрепленной позиции, на которой нигерийцы и укрылись.

Оставленные после нашего ухода близ Кибаты войска капитана Шульца, которые сообразно обстоятельствам усиливались и сменялись, после боев в районе Кибата — горы Кисеи постепенно были сосредоточены к Унгваре. Значительные силы противника (до пехотной бригады) последовали за ними. Несмотря на численное превосходство англичан, отдельные бои протекали для неприятеля неблагоприятно и с большими потерями. Капитан фон Либерман, капитан Геринг, капитан Кель и многие другие начальники патрулей часто наголову разбивали вдвое и даже более сильные отряды индусов и черных солдат и захватывали оружие, пулеметы, боевые припасы. Продолжительная война создала большое число искусных младших начальников, и пример, который показал убитый позднее обер-лейтенант Крегер, вызывал безграничную предприимчивость и отважность. Не справляясь о силе неприятеля, часто с немногими людьми, в густом кустарнике, с примкнутыми штыками, «на ура» атаковывал он неприятеля и в

том же духе воспитывал аскари. Выдвинулись различные цветные руководители патрулей, и когда позднее храбрый эфенди 4-й полевой роты побил со своим патрулем в бою целую роту индусов, то этим мы обязаны полученной у Унгвары боевой выучке.

Опасность для наших сообщений, проходивших на юг через Мадабу-Ливале, со стороны сильного противника, расположенного западнее Кибаты, была очевидна, и нам необходимо было позаботиться о соответствующей защите. Это требовало постепенного передвижения немецких сил от Руфиджи на юг, тем более что продовольственные запасы в районе этой реки подходили к концу и приближался сезон дождей.

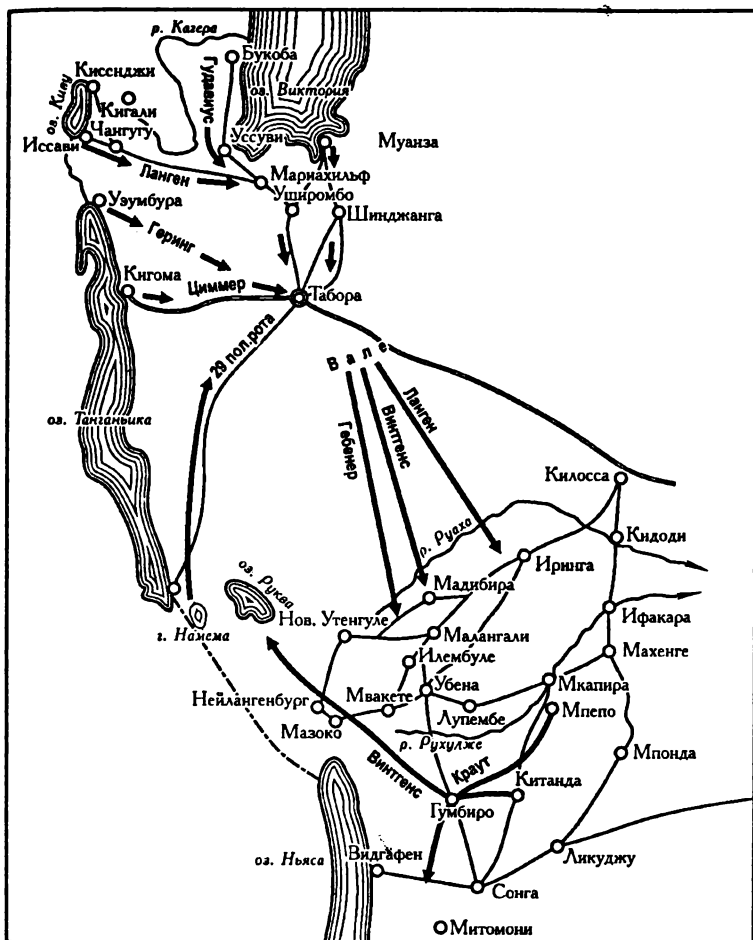
Было очень важно не оставлять область Руфиджи до наступления больших дождей. Если бы это удалось, то мы могли рассчитывать на значительный выигрыш во времени, так как на время дождей операции поневоле приостанавливаются и засеянные поля, особенно мтама (просо), успеют созреть.

Когда переселение муравьев показало, что надвигается сезон дождей¹, командование заблаговременно распорядилось, чтобы женщины, дети и нестроевые в возможно большем числе были переправлены на северный берег Руфиджи, а оттуда далее на Дар-эс-Салам. Мне было так же мало дела до того обстоятельства, что эта мера, вызванная дождями и продовольственными затруднениями, повлекла за собой большое недовольство. Я и теперь уверен, что своевременный уход этих людей на территории, контролируемые англичанами, был в их собственных интересах.

Дожди, начавшиеся в конце марта, в 1917 году были особенно сильными. Наш лагерь, расположенный на небольшой возвышенности у озера Утунги, превратился в остров; сообщение с Руфиджи через лес было возможно только на лодках. Во время периода дождей несколько человек утонуло в лесу. Другие спасались на деревьях, оставаясь там в продолжение нескольких дней. Вода поднялась настолько, что проникла в Мпанганджи в высоко расположенные жилые помещения и лазаретные строения. Пребывание женщин и детей, больных и раненых стало совершенно невозможным, и после отступления войск они вынуждены были обратиться к англичанам, которые, учитывая их тяжелое положение, позаботились о снабжении нонкомбатантов² продовольствием и вывозе их в тыл.

¹ Муравьи-«кочевники» перед началом сезона дождей уходят из низменных, затопляемых мест.

² Люди, не участвующие в боевых действиях. (Прим. ред.)

Движение германских частей западной группы на Тобору в 1916 г. и их дальнейший марш на Махенге; движение отрядов капитана Винтгенса и майора Краута из района Махенге

После того как наши главные силы использовали все продовольствие у Руфиджи до последнего зерна, они перешли из залитых водой районов возле Руфиджи и озера Утунги дальше на юг. Отход совершался поэшелонно. Большая часть войск собралась в Мпоторе, где капитан Роте находился в укрепленном лагере со своими двумя ротами, разбившими португальцев близ Невале. У

Руфиджи остались только более мелкие отряды, которые были постепенно уменьшены до размеров патрулей. Постепенно все наши отряды были сосредоточены у Мпоторы, и только капитан Отто остался в возвышенной области Мадабы.

Глава девятая. На второстепенных участках военных действий

(Вторая половина 1916 года)

У рек Рухудже и Руаха. Неприятельская атака и ее внезапное прекращение. Ошибка неприятеля. Создание «Западного командования» под начальством генерала Вале. Сосредоточение в Таборе войск из Руанды, Урунди, Букобы и Узукумы. Бои на Танганьике и возле Бисмаркбурга. Бои у Таборы. Движение западной группы войск к Махенге. Капитуляция майора фон Граверта. Разъединение войск генерала Вале. Движение на Табору. Назад к Килиманджаро. Движение майора Краута к Ровуме.

В августе 1916 года майор Краут выступил из Килоссы на Махенге и оставил у Кибаты на Руахе только отряд Шенфельда.

В распоряжение майора Краута поступили части капитана Брауншвейга. Из них в конце мая 1916 года капитан Фалькенштейн с 5-й полевой ротой из Ипианы и капитан Оман со своей ротой отошли назад из района Мбози в направлении на Лупембе и Мадибиру, имея постоянные мелкие стычки с наступающим неприятелем. Наши слабые отряды сдерживали противника силой не менее бригады. Поэтому в конце июня 1916 года отряд капитана Брауншвейга, находившийся в Додоме, был направлен через Ирингу, и при помощи отрядов, подтянутых от Кондоа и из Дарэс-Салама, мы довели его до пяти рот, включая обе роты из Нейлангенбурга. В составленный им отряд входили также сто человек команды «Кенигсберга» и одна полевая гаубица. При Малангали отряд отбил атаку противника, причинив тому значительные потери. Затем отряд очистил позицию, оставив на месте приведенную в негодность гаубицу, которую трудно оказалось увезти.

Положение Брауншвейга затруднялось еще и тем, что в его тылу восстал крупный туземный вождь племени вахехе, перешед-

ший на сторону неприятеля со всеми людьми и скотом. Капитан Брауншвейг оказался вынужден отступить на Махенге, выдержав целый ряд небольших арьергардных боев, позже он был подчинен майору Крауту. После многочисленных мелких стычек выдвинутые отряды последнего в целом удерживали линию рек Рухудже и Руаха. В богатом местными средствами округе Махенге снабжение продовольствием было отличное — даже несмотря на то, что лежащие западнее Рухудже рисовые поля были оставлены нами. У этой реки, при Мкапире, неприятель занял сильно укрепленный лагерь. Взять имевшимся у нас средствами этот лагерь было нельзя, но все-таки представлялся случай перерезать сообщения неприятеля, шедшие на Лупембе.

Майор Краут перешел реку с пятью ротами и одной легкой пушкой и занял укрепленную позицию на горной цепи поперек пути подвоза неприятеля. На фронте противника наши слабые части прикрывали берег реки, прилегающий к Маханге. К сожалению, наши отдельные роты были так сильно удалены друг от друга, что не могли оказывать взаимную поддержку в этой труднодоступной местности. 30 октября 1916 года, перед рассветом, расположенная на правом фланге 10-я рота была застигнута врастплож охватывающей неприятельской атакой. Противник искусным маневром зашел в тыл нашего расположения и привел к молчанию наши пулеметы. Точно так же и на левом фланге рота оберлейтенанта фон Шретера была атакована со всех сторон и должна была прокладывать себе дорогу штыками, потеряв легкое орудие и один пулемет. Поскольку неприятель сам понес тяжелые потери, майор Краут мог оставаться на западном берегу Рухуджи даже после этих неудач, однако в его тылу со стороны Лупембе стал слышен шум боя у позиций 25-й полевой роты. Краут ошибочно решил, что оттуда грозит серьезная атака, и отошел назад на восточный берег Рухуджи. К его удивлению, несколько дней спустя неприятель бросил сильные укрепления у Мкапире и отступил. Ближайшее обследование показало, что во время предыдущего боя неприятель понес тяжелые потери.

Но даже этим нельзя было объяснить его отступление; загадка бегства англичан разъяснилась только позднее при появлении генерала Вале, с которым до сих пор не было никакой связи.

В предвидении крупного наступления неприятеля в начале 1916 года подкрепления, направленные мимо озера Виктория на Руанду к Руссисси и в Танганьикскую область, были отозваны

назад и притянуты к главным силам, расположенным в районе Северной железной дороги. Необходимо было создать общее руководство боевыми операциями на этом второстепенном театре военных действий. С этой целью было сформировано «Западное командование» под начальством генерал-майора Вале, который руководил действиями своих отрядов из Таборы. В апреле и мае 1916 года главные силы англичан закончили свое наступление в области Килиманджаро и по окончании периода дождей двинулись дальше в южном направлении. Одновременно с этим началось наступление англичан и бельгийцев на Табору — от Муанзы, от озера Киву, от Руссисси и от Бисмаркбурга. Наши слабые отряды отступали.

Майор фон Ланген сначала отошел от Чангугу назад на Иссави и отвел сюда также и капитана Видгенса от Кисенджи. Общим наступающим бельгийским бригадам во время арьергардных схваток были нанесены значительные потери. Затем наш отряд отступил дальше на Мариахильф. Опасность для округа Букобы, заключающаяся в движении крупных бельгийских сил, капитаном Гудовиусом была понята правильно. Когда в июне 1916 года более или менее значительные английские части начали наступать на Кагеру, он отошел со своим отрядом на юг от Букобы. Из-за трудности связи с ним случилось несчастье: часть его войск 3 июля в районе Уссуви натолкнулась на крупные бельгийские силы. Сам капитан Гудовиус был тяжело ранен пулей в живот и попал в руки неприятеля. Бой принял неблагоприятный для нас оборот и причинил большие потери. Лишь отдельным частям отряда удалось пробиться к Муанзе и Уширомбо. Великий султан Букобы Кагиги дал в эти тяжелые дни доказательство привязанности, показательное для отношений цветных к немцам. Он наотрез отклонил предложение английских начальников подчиниться и предоставить носильщиков и покончил жизнь самоубийством.

В середине июля 1916 года англичанам удалось неожиданно произвести десант, силой около бригады, в районе Муанзы. Там произошло несколько удачных для нас отдельных боев, но затем старший начальник, капитан фон Шаппю, отошел в направлении на Табору. Примерно на линии Шиджанга—Сант-Михаель войска из Муанзы, а также части майора фон Лангена и капитана Видгенса образовали новый фронт и отбили многие атаки бельгийцев. Капитан Шиммер потопил в Кигоме пароход «Гетцен» и

взорвал пароход «Вами». Затем он медленно отошел назад к Таборе вдоль железной дороги. Отошла из Узамбары и рота капитана Геринга. Приближение района военных действий к Табору дало генералу Вале случай быстро стянуть часть стоявших севернее Таборы войск, перебросить их по железной дороге на запад для короткого удара и затем так же быстро направить обратно. При этом 8-я полевая рота основательно разбила бельгийский батальон западнее Таборы, а отряд Винтгенса так же внезапно и удачно ввязался в бой западнее и севернее этого пункта. Наши частичные успехи были иногда очень значительны, и неприятель терял в отдельных боевых столкновениях сотни убитых; при атаках было взято также несколько легких гаубиц.

2 июня 1916 года в районе Бисмаркбурга 29-я полевая рота была окружена на своей укрепленной позиции на горе Намема превосходящими английскими и бельгийскими войсками. Прорываясь через войска противника, попал в плен тяжело раненный храбрый командир роты обер-лейтенант резерва Франкен. Лейтенант резерва Гасляхер отступал шаг за шагом к Табору. Он нашел геройскую смерть в стычке патрулей южнее этого пункта.

Таким образом, в сентябре 1916 года значительная часть войск Западного командования собралась вокруг Таборы, и наступил момент для намеченного уже отступления в юго-восточном направлении. О последних операциях и о занятии противником Таборы 19 сентября 1916 года командование узнало значительно позже. Связи с Западным командованием не было никакой. Последнему было известно, что отход наших главных сил направлялся через местность Махенге. Сообразно этому генерал Вале организовывал свои передвижения; для перевозки грузов и продовольствия использовалась железная дорога. Затем восточная колонна под начальством майора фон Лангена двинулась на Ирингу, средняя колонна, под начальством капитана Винтгенса, при которой находился также генерал Вале, — на Мадибуру, западная колонна под начальством обер-лейтенанта в отставке Гюбенера — на Илембуле. Они вышли на путь подвоза от Нейлангенбурга на Ирингу и к расположенным на этой дороге неприятельским магазинам. Отряд Гюбенера отстал и, будучи в конце ноября окружен при Илембуле превосходящими силами противника, капитулировал после упорного боя. Отряд фон Лангена при переправе через реку вблизи Иринги имел несчастье быть застигнутым врасплох огнем и потерял при этом много людей. Последо-

вавшее затем нападение фон Лангена на Ирингу было безуспешно и причинило отряду большие потери.

Отряд Винтгенса напал врасплох в окрестностях Мадибуру на несколько неприятельских магазинов и войсковых колонн, захватив при этом орудие и радиотелеграфные принадлежности. Многодневный штурм Лупембе, предпринятый нашим отрядом, при всем упорстве не закончился захватом этого пункта и его запасов. Появление отряда Вале в районе Махенге немедленно дало себя почувствовать на военном положении. Многочисленные неприятельские войска, произведшие 30 октября из своей укрепленной позиции у Мкапиры успешное нападение на майора Краута, почувствовали угрозу с тыла, очистили укрепленный лагерь и перешли обратно к Лупембе. Генерал Вале принял на себя общее командование у Махенге.

Только теперь, после боя у Мкапиры, майор Краут, а через него также и командование узнали о движении генерала Вале. Но совершенно иначе представлялась создавшаяся обстановка в глазах противника. Последний должен был усмотреть в движении Вале против английской этапной дороги от Иринги к Нейлангенбургу и совпавшей случайно по времени угрозе у Мкапиры со стороны майора Краута широко задуманную общую операцию, которая представляла большую опасность для его частей, расположенных в этом районе, — даже после того, как майор Краут опять отошел назад на восточный берег Рухуджи. Ускользя от этой опасности, противник быстро отступил от Мкапиры в западном направлении (к Лупембе). Вскоре колонны генерала Вале сосредоточились в районе между Лупембе и Мкапирой.

О колонне обер-лейтенанта Гюбенера, двигавшегося западнее других, отсутствовали всякие сведения; об ее сдаче у Илембуле стало известно значительно позднее.

Хотя усиление западной группой войск являлось для нас очень желательным, но выявившиеся затруднения в снабжении сделали необходимым занять и использовать для заготовки продовольствия более широкий район, почти до Сонги. Отряд майора фон Граверта перешел к Ликуджу на дороге Сонга—Левале, отряд майора Краута — в район Мпепе, а капитан Винтгенс окружил неприятельский отряд, расположенный в укрепленном лагере у Китанды. Вскоре англичане двинулись на выручку этому отряду, но посланные части были отбиты с тяжелыми для них потерями.

В это время обстановка для отряда фон Граверта сложилась крайне неблагоприятная. Неприятелю удалось угнать скот этого отряда, а запасы продовольствия в районе его дислокации были ограничены. Майор Граверт, решив, что отход, ввиду недостатка боевых припасов, не имеет надежды на успех, сдался 24 января 1917 года. Одно из приспособленных для передвижения 8,8-см морское орудие, доставленное с большим трудом в Лукуджу, и два пулемета (после приведения их в негодность) попали в руки неприятеля. На самом же деле положение отряда Граверта не было настолько безнадежным; по крайней мере, один сильный патруль под начальством вице-фельдфебеля Винцера, не пожелавший сдаться вместе с ним, ушел оттуда в южном направлении без всякой помехи со стороны неприятеля. После нескольких дней недооказания патруль нашел-таки в областях западнее Тундuru обильный провиант.

Продовольственные затруднения у генерала Вале увеличивались теперь с каждым днем. Находясь у озера Утунги, я не был в состоянии судить, можно ли смягчить эти затруднения беспощадной отправкой в тыл всех нестроевых, как это было сделано у Руфиджи, либо существенно улучшить материальное положение западной группы войск большей энергией в отношении поставки и распределения припасов. Временная проволочная связь с Махенге была малоэффективна, часто прерывалась, и при этом всегда требовалась посылка курьеров от генерала Вале к войскам, которая отнимала несколько дней. Таким образом, по отрывочным сведениям мне было трудно получить представление о реальном положении дел. Во всяком случае, продовольственные затруднения были настолько значительны, что сосредоточение таких крупных войсковых масс не признавалось более возможным, и некоторые части необходимо было отвести.

Отряд Краута и отряд Винтгенса направились на Гумбиро с тем, чтобы оттуда, двигаясь на юг, пересечь дорогу Сонга—Видгафен, где в горах южнее Сонги предполагалось найти достаточное количество продовольствия. Сообщение об этом передвижении дошло до меня настолько поздно, что я не мог уже ничего изменить. От Гумбиро капитан Винтгенс повернул на север и в окрестностях озера Руквы дал успешный бой преследовавшей его неприятельской колонне. При приближении к Таборе он, совсем больной тифом, попал в плен. Его преемник, капитан Нойман, старался нанести вред неприятелю, действуя в тыловом районе англичан,

и этим облегчить положение главной группы войск. У Икони, восточнее озера Виктория, он основательно потрепал один бельгийский батальон, уничтожил у Кахе два железнодорожных поезда с боевыми припасами и перебил сопровождающее их прикрытие. Его попытка пробиться ко мне западнее Морогоро привела к столкновению с сильными частями противника, от которых он опять уклонился к северу.

К сожалению, решение Ноймана разделить свои силы на три отдельные колонны закончилось сдачей двух из этих колонн. Сам он в течение четырнадцати дней оборонялся на горе Люита в Массайской степи против трех тысяч солдат неприятеля, окруживших его и вынудивших 2 октября 1917 года сдаться на почетных условиях. Несмотря на это соглашение, спустя несколько дней капитан Нойман очутился в скверной камере в Дар-эс-Саламе, где должен был исполнять самую грязную работу. Лишь по прошествии месяцев он узнал, что основанием к этому послужил якобы отданный им приказ не брать пленных. Судебное расследование сняло с него это обвинение. Следует пожалеть, что эта отдельная операция, проведенная с большой инициативой и упорством, была совершенно не связана с общим планом военных действий и потому не принесла должной пользы.

В Гумбиро капитан Краут отделился от капитана Винтгенса и двинулся на юг, согласно приказу, отданному ему генералом Вале. Переход этапной дороги противника Сонга—Видгафен не представлял никаких затруднений, но и не дал никакой добычи, так как неприятель хорошо обеспечил свои запасы, сильно укрепив этапные пункты. Точно так же и в окружающей местности теперь, в марте, в самое скудное время года, за несколько месяцев до нового урожая, можно было найти лишь ограниченное количество продовольствия. После нескольких арьергардных боев против английских войск удалось произвести успешное нападение у Ровумы и на небольшой португальский лагерь у Митомони. Затем майор Краут двинул свой отряд вниз по реке Ровуме к Тундуру, после чего отправился в Мпотору для личного доклада командованию. Две его роты остались у Тундуру для охраны тамошней богатой местными средствами области. Три остальные роты продолжали движение дальше на восток и были временно подчинены капитану Лоофу, который находился перед Линди.

Глава десятая. В районе Линди и Кильвы

(Январь—август 1917 года)

Продовольственные затруднения и планы на будущее. В богатой португальской области. Португальские действия против Кильвы. Тяжелое поражение неприятеля. Попытки заменить хлеб. Примитивное изготовление сапог. Поющие петухи. Соль, жир и сахар. Санитарная помощь. «Леттовская водка». Перевязочный материал. Хирургические операции с примитивными средствами. Осмотр нового продовольственного склада. Разведки через Ровуму в португальской области. Бои у Кильвы. Положение санитарного дела. В немецком лагере у Лютенде. Форсированное движение в горы Руавы. События в отряде Либермана. Неприятельские парламентары-шпионы. Неприятельская атака у Нарунджу. Бомба с аэроплана в лагерь с динамитом. Скопление небоеспособных лиц. В миссии Нданда.

После операций последних месяцев район, на который можно было рассчитывать для сбора продовольствия, значительно сузился. Плодородные области Лупембе, Иринги, Киссаки и нижнего течения Руфиджи оказались потеряны; занятая еще область включала в себе большие пространства необработанной земли. Наиболее выгодные для посева районы не были достаточно оценены; лишь позднее, во время операции, само собой выявилось, сколько были в состоянии доставить, например, области юго-западнее Кильвы и Ливале. Мне в то время в общих чертах было известно, что восточная часть округа Линди была очень плодородна. Но этот богатый район был очень опасен своей близостью к побережью, и уже теперь нужно было ставить вопрос о том, что следует предпринять в случае его потери.

Само собой, наши взоры обращались через Ровуму на португальскую область. О последней имелось еще меньше сведений, чем о различных частях немецкой колонии. Однако, к счастью, некоторое число португальских туземных вождей переселилось в немецкую область из-за ненависти к своим угнетателям. Кроме того, мы, немцы, пользовались очень хорошей славой у более развитых черных, неоднократно работавших на наших плантациях. Таким образом, удалось составить приблизительную картину области

восточнее озера Ньяса и установить, что, вероятно, южнее мало-населенной степной полосы у Ровумы, шириной в несколько переходов, находится плодородный район Мвембе. Экспедиционный отряд из нескольких сот ружей под начальством майора Штюмера перешел Ровуму южнее Тундуру и очень быстро овладел Мвембой, откуда наши патрули производили поиски на берегу озера Ньяса до форта Джонстау и на восток до пунктов, находящихся на полпути до порта Амелия.

При слабой связи (гонцы от телефонной станции Ливале к Тундуру шли около трех, а от Тундуру к Мвембе — пяти дней) было трудно дать себе ясный отчет о положении дел близ Мвембе. Лишь лейтенант резерва Брукер, прибывший из Мвембы в январе 1917 года для личного доклада командованию, внес необходимую ясность. Привезенный им европейский сорт картофеля заставлял предполагать, что в этих землях можно кое-что на рассчитывать. Брукер описал нам местность как плодородную и рассказал, что район Тундуру богат и война там до сих пор не чувствовалась. Брукер спал в Тундуру на земле, тамошние же европейцы считали его неприхотливостью хвастовством, — так мало были они знакомы с войной.

При общем затруднении в подвозе и при частых передвижениях войск все более и более острой становилась необходимость избавить войска от не приносящих пользу этапных учреждений. Вследствие этого отряды капитанов Геринга и Либермана получили приказ передвинуться к району южнее Кильвы, где, по рассказам некоторых европейцев, в горах Китурака имелось много продовольствия. Чтобы сократить подвоз провианта с тыла, войска были двинуты на Кильву и при этом без отнимающей время разведки. К счастью, сведения о богатых местных средствах тамошних районов подтвердились.

Отряды Геринга и Либермана описали большую дугу на юг от Мпоторы, после чего начали наступление с юга на север — отряд Геринга ближе к морскому побережью, прямо на Кильву, а отряд Либермана — немного западнее последнего — против дороги Кильва—Левале. Целью этой операции являлась атака с юга высаживавшегося в Кильве противника, мелкие отряды которого появились уже на полпути между Кильвой и Левале, и одновременно обеспечение плодородной области, расположенной на юг от Кильвы до реки Мбемкуру. Вдоль дороги Кильва—Левале двигался более слабый отряд. Он служил поддержкой для боевых пат-

рулей, которые часто заставляли неприятельские летучие отряды на их стоянках и отбрасывали их назад.

Скоро район Кильвы кишел нашими боевыми патрулями. Несколько неприятельских магазинов были захвачены врасплох, часть гарнизонов противника — уничтожена. Во время одного из таких нападений убитый позднее храбрый фельдфебель Струве ворвался с большей частью 3-й полевой роты в помещение одного английского магазина и, укрывшись за мешками с мукой, нанес большие потери неприятелю, появившемуся снаружи в большом числе. Но захватить с собой много припасов патруль не мог, поэтому он должен был удовольствоваться их уничтожением. Отметим также редкий случай, когда патрулю было придано полевое орудие. После тщательной разведки побережья у Кильвы этот патруль достиг Кисивани и обстрелял несколько стоявших там транспортных судов.

18 апреля 1917 года капитан фон Либерман, находившийся с 11-й и 17-й ротами на укрепленной позиции в расстоянии одного перехода юго-восточнее Кильвы, был атакован восемью ротами противника при двух орудиях. Обер-лейтенант флота Бюксель произвел со своей ротой такой яростный фланговый удар, что опрокинул одну за другой несколько рот аскари и обратил в дикое бегство 40-й индусский Патанский полк. Неприятель оставил около 70 убитых, и лишь случайно, как позднее передавали англичане, нами не были найдены их орудия, застрявшие в реке.

Складывалось впечатление, что силы неприятеля снова значительно истощены. Можно было предвидеть, что если он не изыщет крупных подкреплений, то имеющиеся налицо войска будут в недалеком будущем уничтожены, и его операции окажутся безуспешными. Очевидно, даже сохранение настоящего положения требовало от него большого напряжения сил. Пока было установлено, что англичане подвезли из южной Индии одну батарею и сформировали большое число новых рот аскари.

Материальное положение войск теперь казалось мне опаснее неприятеля. Запасы пшеницы, доставленные прорывателем блокады, приходили к концу, и я сомневался в том, что будет возможна печь хлеб из одной только туземной муки мтамы, без всякой примеси пшеничной. Я считал в то время, что хлеб необходим для пропитания европейцев, и потому лично пытался выпекать хлеб без пшеничной муки. Выпечка пока получалась сносной. Позднее, под влиянием необходимости, все мы научились готовить отлич-

Для европейца весьма полезно быть знакомым с самыми простыми правилами этого ремесла, чтобы иметь возможность в несколько дней изготовить сапоги из шкуры антилопы, которую он только что застрелил. Правда, приходится отказаться от обычных инструментов: гвоздь должен служить шилом, древесный сук — колодкой, а нить вырезается из мягкой кожи маленькой антилопы. В действительности нам так и не пришлось очутиться в столь тяжелом положении: новая добыча давала нам необходимое обмундирование и снаряжение, и мы не раз использовали трофейные седла, чтобы вырезать из них подошвы и заплаты.

Почти каждый европеец все больше и больше становился южно-африканским путешественником и привыкал сам себя обслуживать — конечно, не всегда самостоятельно, но в пределах своего маленького хозяйства, которое он вел сам, совместно со своим черным поваром и черным слугой. Многие обзавелись несколькими курами, которых перевозили вместе с собой, и крик петухов выдавал немецкий лагерь, делая его подобием селения туземцев. Приказ по одному отряду, который запрещал пение петухов до 9 часов утра, не принес никакой пользы.

Важный вопрос о соли был разрешен войсками у Кильвы при помощи добывания ее из морской воды. Но вместе с тем, чтобы при потере побережья можно было обеспечить снабжение солью, запасы которой в магазинах начали истощаться, мы стали искать растения, содержащие соль, и обрабатывать их золу. Добытая таким образом соль была неплоха по качеству, но не применялась в широких размерах, так как позднее мы могли своевременно покрывать нашу потребность в соли из захваченной добычи.

Большое количество слонов в этой местности давало много жира; сахар заменялся превосходным диким медом, который находили в изобилии. Войска хорошо научились добывать себе продовольствие, умели также предохранять от порчи полевые овощи и таким образом обеспечивать себя от недостатка.

Здесь особенно необходимо подчеркнуть, что санитарная часть в быстро сменявшейся обстановке походной жизни сумела решить важные вопросы о хине и перевязочных средствах. Уже упоминалось, что на севере из хинной коры мы готовили хинные лепешки, по качеству лучше английских. После оставления северного округа большая часть хинной коры была доставлена в Килоссу; часть этих запасов была транспортирована дальше на юг по настоянию штабного врача Тауте, исполнявшего тогда должность санитар-

ного офицера при нашем штабе. Приготовление лепешек не могло долго продолжаться за недостатком соответствующего оборудования; зато посредством вываривания хинной коры изготовлялась жидкая хина; она имела удовлетворительный вкус и под названием «Леттовской водки» принималась больными.

Другим трудным вопросом было изготовление перевязочного материала. Чтобы пополнять недостаток в нем, который ощущался ввиду исчезновения изделий из полотна, употребляли после дезинфекции даже части одежды; после перевязки их снова вываривали и, таким образом, вновь делали годными; кроме того, перевязочный материал с успехом изготовлялся и из коры деревьев. Этому мы научились у туземцев, которые давным-давно делали материю для одежды и мешков из коры миомбо.

На такой же высоте находилась и хирургическая помощь. Лазареты, которые в течение первой части кампании располагались в массивных постройках, где люди работали стационарно, без перемены места в продолжение нескольких лет, теперь превратились в подвижные учреждения, которые в любой момент должны были быть готовы подняться со всеми больными и грузом и не отставать от войск в их многочисленных передвижениях. Был оставлен только самый необходимый материал; все остальное отбросили. Поэтому приготовления к хирургической операции были всегда более или менее импровизированными. Местом для этого обычно служила только что поставленная тростниковая хижина. Несмотря на условия, штабной врач Мюллер, главный врач Тирфельд и другие не смущались при тяжелых случаях, среди которых было много операций слепой кишки¹.

Доверие, которым пользовались немецкие врачи даже у неприятельских солдат, было ими вполне заслужено. Успешная и самоотверженная врачебная деятельность чрезвычайно укрепляла взаимное доверие между белыми и черными.

Таким образом, образовывалась все более и более тесная связь, соединявшая до конца войны различные элементы войска в одно спаянное целое.

Возле Линди неприятель все время усиливался; было установлено, что части войск, расположенные до сих пор в районе западнее Кильвы, на судах были переброшены в Линди. У Линди появился и генерал О'Грэйди, командовавший силами противника близ Кибаты. Невольно напрашивалась мысль, что неприятель

¹ Имеется в виду аппендэктомия. (Прим. ред.)

крупными силами перейдет в наступление против наших слабых частей, нашедшихся у Линди, чтобы завладеть нашей главной в продовольственном отношении областью, как это он предполагал сделать раньше из Кильвы. Несколько попыток наступления западнее Линди были отбиты войсками стоявшего там фрегатен-капитана Лоофа. Часть рот, прибывших с майором Краутом, были подчинены капитану Лоофу. Отмечу, что прежде по настоянию губернатора их собирались использовать для быстрого и основательного подавления восставшего племени маконде на юго-востоке нашей колониальной области. Две роты приняли участие в действиях против Суду — южнее Линди, где сильно укрепились неприятельские части. Атакующие решительно бросились на укрепления, но понесли при этом значительные потери и отступили.

Позднее из Мпоторы подошел капитан Роте с тремя ротами. Но дождливый период, во время которого происходили эти события, причинил нам немало вреда. Уже переход через реку Матанду был для Роте непросто. Эта река в сухое время года состояла из немногих болот, но сейчас вода всех дождей, выпавших в районе Донде, стекала в ее долину. Образовался быстрый могучий поток, который можно сравнить разве с рекой Фульдой у Касселя во время разлива и который увлекал за собой большие стволы деревьев. Хотя под руководством опытных инженеров были вбиты деревянные сваи и мы, воспользовавшись некоторыми островами, навели мост для повозок, внезапно поднимавшаяся вода снова и снова сносила мост. При попытках его восстановления утонуло несколько человек. Мосты, построенные ниже по течению, постигла подобная же участь.

У Мбеккуру, возле Нахунгу, капитан Роте натолкнулся на своем пути на такую же водную преграду. Течение было настолько быстрым, что уже первые попытки переправы на немногих имевшихся паромных лодках закончились неудачей. Ввиду недостатка продовольствия в районе Нахунгу капитан Роте направился в богатую область северо-восточнее этой местности и этим невольно резко разошелся с планами командования, по которым именно эту богатую область на северо-востоке от Нахунгу необходимо было сохранить, чтобы она могла служить резервом для войск, стоявших южнее Кильвы. Мы досадовали на потерю времени, но в конце концов отряд Роте был направлен в Линди настолько своевременно, что успел принять участие в нескольких удачных боях.

Ввиду обострения военного положения у Линди стало необходимым усилить расположенные там войска. Поэтому из Махенге был привлечен генерал-майор Вале, принявший на себя руководство у Линди; командование у Махенге перешло к капитану Таффелю. В середине июня 1917 года генерал Вале, после нескольких боев обнаружив, насколько усилился противник, отошел так далеко вверх по реке Лукуледи, что преследующий его неприятель, казалось, неосторожно обнажил свой северный фланг.

Я решил использовать этот случай, не зная еще точно, каким образом это будет выполнено. Было ясно только, что успех возможен лишь при условии внезапности, поэтому я двинулся с четырьмя ротами и двухорудийной горной батареей через Нахунгу по большой дороге, ведущей к Линди. У Лютенде находилась рота капитана Шаппюи, который лично вышел мне навстречу. 29 июня я прибыл в окрестности Лютенде, где приказал роте лейтенанта Вундера стать бивуаком позади роты Шаппюи, а остальным — расположиться еще в более глубоком тылу. Сам же я со своим ловким спутником Нивенгузенем, который уже раньше играл главную роль при захвате лошадей у горы Эрок, отправился вперед для разведки. С высоты, на которой стояла рота Шаппюи, открывался далекий обзор — отсюда были видны одиночные фермы окрестностей Линди, река Лукуледи и лежавший в ней пароход «Президент», укрывшийся там и приведенный в негодность. Может быть, было счастьем, что в этой бедной дичью местности мы не стреляли во встретившихся нам кабанов и дикого козла, так как не особенно далеко от лагеря роты Шаппюи мы натолкнулись на свежие следы сильного неприятельского патруля, который, по видимому, прошел здесь недавно. Точно так же и разговор туземцев, за которыми мы наблюдали, дал нам основание заключить, что эти люди только что видели нечто интересное. Когда мы их подозвали, они, однако, отрицали все.

Сделав большой круг, мы прибыли вечером в темноте в лагерь Вундера. Поделившись нашими наблюдениями с командиром роты, опытным штурманом Инкерманом, который на следующий день погиб смертью героя, мы напомнили о необходимости усилить меры предосторожности. Было приказано, чтобы лагерь роты, находившийся на большой прогалине и подвергавшийся опасности внезапного обстрела из окружающего кустарника, был перенесен на другое место. После чашки чая мы вернулись к нашим главным силам, расположенным позади на расстоянии около четверти часа.

Утром 30 июня мы услышали в расположении роты Вундера ружейную перестрелку, которая все больше усиливалась. Можно было предположить, что неприятель открыл огонь по лагерю роты из кустарника. Поэтому я немедленно двинулся через заросли с тремя ротами, держась правее (то есть южнее) дороги, чтобы напасть на неприятеля с тыла. Но в кустарнике мы встретили аскари, которые рассказали, что противник в большом количестве ворвался в лагерь и выбил оттуда роту. Один молодой аскари жаловался старому «бетшаушу» (сержанту) третьей роты, что неприятель отобрал у них все. «Ниамаза ве тутавафукузи» («Заткни глотку, мы их выкинем!») — был дан гордый ответ, который заставил возбужденного юношу немедленно замолчать. Ответ бетшауша, действительно, лучше всего характеризовал положение. Неприятель, состоявший из нескольких рот 5-го индусского полка и нескольких черных рот, рассчитывал встретить у Лютенде только слабый немецкий пост. Он неосторожно ворвался в наши невыгодно расположенные окопы и теперь, в свою очередь, попал в неблагоприятное положение — под обстрел со всех сторон из окружающего кустарника.

Положение было настолько ясно, что все младшие начальники даже без приказов поняли, что надо действовать быстро и решительно, и капитан фон Шаппюи немедленно вмешался. Теперь стало скверно неприятелю. Убитый позднее штабной врач Моон, оставшийся в лагере роты Вундера, на время попал в руки противника и рассказывал потом, как убийственно действовал наш сосредоточенный огонь с близкого расстояния и как велика была паника, возникшая у неприятеля. Тем не менее укрытия, которыми являлись овраги и растительность, дали части неприятеля возможность бежать. Но оставившие поле боя солдаты противника так сбились с пути, что некоторые из них спустя несколько дней были взяты в плен нашими патрулями. Было похоронено около 120 убитых. Кроме наших боеприпасов, временно захваченных неприятелем, в наши руки попали его собственные запасы, которые он успел доставить в лагерь, а также около ста ружей и несколько пулеметов. Между тяжело ранеными, переданными нами в английский лагерь при Найтиви, находился также умерший позднее от раны командир английского полка.

Еще несколько недель мы оставались в плодородном районе Лютенде и старались партизанскими действиями вредить неприятелю, который находился в своих укрепленных лагерях в районе

Найтивви и южнее этого пункта. Далеко на юго-западе мы слышали разрывы бомб с аэропланов и снарядов тяжелых орудий, направленных против отряда Вале. Для усиления Вале была отправлена рота фон Шаппюи. Затем наступило некоторое затишье, которое являлось результатом нашего успеха у Лютенде.

Однако противник вновь усиленно сосредоточивал новые силы. Это подтверждали не только донесения о значительных перевозках войск, прибывавших в Кильву, но также и то обстоятельство, что в конце мая британский генерал Хоскинс, незадолго перед этим принявший командование от генерала Смутса, был, в свою очередь, смещен генералом ван Девентером. Таким образом, на посту главнокомандующего опять оказался бур, и слухи об ожидаемом прибытии новых европейских войск из Южной Африки казались правдоподобными. Южнее Кильвы неприятель тремя бригадами атаковал наши девять рот, но капитан фон Либерман, принявший там командование вместо тяжело больного капитана Геринга, при помощи искусного маневра сумел справиться с превосходными силами противника. 6 июля противник силой не менее одной бригады атаковал с фронта отряд капитана Либермана близ Унинди, но был отбит с большими потерями. В то же время капитан Шпангенберг с двумя ротами прикрывал правый фланг фон Либермана против другой неприятельской бригады. Он столь решительно двинулся на эту группу противника, что английское донесение, о котором мы узнали позднее, говорило о наступлении очень больших немецких сил.

Не обошлось без потерь и у нас: особенно отмечу гибель лейтенанта резерва Блэка, который, будучи ротным командиром, получил смертельную рану в нижнюю часть живота. В качестве храброго начальника патрулей, в многочисленных позиционных боях, а также находясь в штабе командования, этот доблестный и прямой человек оказал много выдающихся услуг и был тесно связан со мной.

Несмотря на успех у Унинди, большое численное превосходство противника, вкуче с опасностью в случае обхода потерять тыловые магазины, вынудило капитана фон Либермана отходить с непрерывными боями на юг. Мне казалось, что наступил момент для быстрого использования имевшихся в моем распоряжении рот и горной батареи, расположенной у Лютенде. Усиленными переходами двинулись мы от Лютенде прямо на север и беспрепятственно переправились в двух переходах ниже Нахунгу через

Мбемкуру, которая снова превратилась в незначительный ручеек. Лишь в одном месте нас на некоторое время задержали рои диких пчел, заставивших войска сделать крик. После переправы через Мбемкуру мы двинулись дальше на север в горы Руавы.

Те два дня, пока происходило сосредоточение войск, я использовал для подробных разведок, и 28 июля случайно узнал от туземцев, что в 6 часах пути от нашего лагеря в Руаве имеется почти прямая дорога через горы к лагерю капитана фон Либермана, который находился у источника воды Нарунгомбе. Чтобы исследовать эту дорогу, был немедленно послан европейский патруль. 29 июля в лагере у Руавы я услышал перед обедом несколько выстрелов в направлении отряда Либермана; этим дело и ограничилось. Кроме того, посланный к отряду Либермана европеец вернулся утром и сообщил, что там все спокойно. Однако в полдень явился с охоты очень надежный ван Ройен и доложил, что он слышал продолжительный пулеметный огонь. Читатель, может быть, удивится, узнав, что только теперь я начал движение к отряду Либермана, но надо принять во внимание, что переход туда был совершен без воды, мои части были до крайности истощены, а некоторые из них только недавно прибыли в Руаву. Уже начало темнеть, когда я подошел на расстояние трех часов пути от поля сражения отряда Либермана; роты же подошли уже глубокой ночью. Дальнейший переход через кустарник в полной темноте был бы бесцельным и наверняка привел бы к массе недоразумений, а изможденные части окончательно и бесполезно утомились бы.

В три часа утра, когда началось дальнейшее движение, поступило донесение от высланного вперед офицерского патруля, которое говорило, что хотя капитан фон Либерман и разбил противника, но затем, за недостатком патронов, должен был отступить на Михамбию. Арьергард очистил источник воды и во время отправления донесения готовился продолжать отход. Во всяком случае, мой приказ удерживать источник, вкуче с сообщением о том, что я прибуду и вступлю в бой не позднее 6 часов утра, был, к сожалению, опережен событиями. Я считал вполне вероятным, что неприятель, имевший в перевес в силах, по своему обыкновению немедленно укрепит источник воды, и таким образом мне теперь придется вести в бой части, истомленные жаждой. Именно поэтому я решил, что атака имеет слишком мало шансов на успех.

Теперь, зная о действительном положении дел у противника, я, разумеется, прихожу к противоположному выводу. На самом

деле неприятель, несмотря на свое превосходство, потерпел одно из самых тяжелых поражений за всю кампанию. Его 7-й и 8-й белые южно-африканские полки были почти уничтожены. Все снова и снова производил он атаки густыми стрелковыми цепями на фронт наших рот аскари и каждый раз отбрасывался назад контрударами. Вконец расстроил его боевой порядок лесной пожар. В конце концов вся масса южно-африканских войск рассеялась среди кустарника и бежала. Они бросили на поле боя пулеметы, массу ружей и сотни ящиков с патронами. Весьма вероятно, что мое вмешательство, даже после отхода отряда Либермана, довершило бы поражение главной группы противника. Жаль, что такой близкий и крупный успех был упущен.

Но все это стало ясно много позднее; в то время я считал правильным двинуться обратно к Михамбию на соединение с отрядом Либермана. При своем прибытии я нашел отряд Либермана в блестящем настроении; его роты гордились тем, что нанесли такие тяжелые потери превосходящему их неприятелю. Для меня операция у Нарунгомбе явилась новым доказательством того, как тяжело, даже при благоприятных условиях, нанести совместный удар на поле битвы при проведении операции многими колоннами в незнакомом африканском кустарнике при ненадежности связи. У Нарунгомбе, где вся обстановка сложилась на редкость благоприятно, довершение дела было в конце концов сорвано из-за ничтожной случайности, и я еще более убедился в необходимости до боя устанавливать самую тесную связь между войсками, с которыми я хотел действовать.

Удар у Нарунгомбе имел следствием бездействие противника у Кильвы в течение продолжительного времени, и мы снова вынуждены были обратиться к отдельным партизанским действиям, которые причиняли неприятелю потери на его тыловых сообщениях. Наши патрули обстреливали из кустарника его автомобили и проходящие мимо отряды, а при благоприятном случае производили и штыковые атаки. Я растянул свой фронт дальше в сторону на Михамбия—Ндесса с целью дать теперь своим патрулям более широкую базу для их партизанских действий, а также стремясь обеспечить себя от обходного движения неприятеля с запада и, наконец, облегчить снабжение войск продовольствием. В богатой стране Ндесса появлялись многочисленные летчики, против бомб которых мы были беззащитны, и в результате у нас были случаи нескольких тяжелых ранений. По воздушной развед-

ке можно было заключить о повышенном интересе неприятеля к этому району; скоро было обнаружено обходное движение противника еще глубже на запад.

Хотя наши боевые патрули работали так удачно, что иногда целые роты неприятеля обращались в бегство с тяжелыми для них потерями, противник все время пытался вести разведку. Он почти не скрывал своего намерения осуществлять разведку при помощи парламентеров. Я вспоминаю один случай, когда парламентар подошел к тыльной части нашего лагеря через кустарник; таким образом, он умышленно пересек все дороги, ведущие к нашему расположению. Ввиду приближения неприятеля сбор продовольствия, запасы которого постепенно истощались, становился все труднее. Мы не могли помешать тому, что наши беззащитные фуражиры и охотничьи команды, которые направлялись далеко во все стороны, выдавались неприятелю туземцами и затем настигались англичанами врасплох.

Вскоре южнее Михамбии некоторые деревни были внезапно покинуты туземцами. С давних пор это явление было для меня верным признаком, что туда предполагает двинуться неприятель. Наше продовольственное положение исключало возможность содержать продолжительное время такое большое количество войск в районе Михамбия—Ндесса. Очищение этой области становилось неизбежным; в то же время неприятель со значительными силами развивал усиленную деятельность на фронте генерала Вале, западнее Линди. Поэтому я решил перейти с несколькими ротами от Ндессы к генералу Вале, с тем чтобы достигнуть того, что не удалось при Нарунгомбе, а именно — решительного частного успеха неожиданным усилением наших частей. Во всяком случае, войска генерала О'Грэйди попали 8 августа в очень тяжелое положение. При этом один индусский полк, ворвавшись через незанятый промежуток между двумя сильными немецкими опорными пунктами, был атакован и почти полностью уничтожен нашими расположенными сзади резервами. При преследовании в наши руки попало много ценного материала. Но спустя несколько дней неприятель вновь повторил атаку, и генерал Вале отошел перед его сильными обходящими отрядами к Нарунджу и к горам, лежащим на одной линии с Нарунджу, южнее реки Лукуледи.

Капитан Кель был оставлен на месте с шестью ротами и одной батареей; сам же я с четырьмя ротами и двумя горными орудиями перешел реку Мбемкуру ниже Нахунгу и двинулся затем через

плато Муэра к миссионерской станции Намупа. Тамошний управляющий угостил нас, между прочим, мухобо (вид полевых овощей со съедобными корнями), который был приготовлен как картофель, и пополнил убывающие продовольственные запасы наших европейцев бананами и другими фруктами своих обширных садов.

При плохой дождливой погоде мы заняли с ранее прибывшими ротами лагерь при Ниенгеди возле большой дороги Ниангао—Линди позади отряда Вале. Я немедленно отправился к последнему для ознакомления с обстановкой. Здесь, совсем близко друг против друга, стояли войска — посреди почти непроходимой местности, густо заросшей и перерезанной лощинами; в низинах же встречались многочисленные глубокие болота. Наши войска рыли стрелковые окопы полного профиля, прикрытые с фронта засеками. Из семи рот, имевшихся в распоряжении генерала Вале, пять наиболее слабых стояли у Нарунджу, две же остальные — на горе Кухо, на южном берегу реки Лукуледи. Ввиду опасности неожиданного нападения на наши слабые силы у Нарунджу я распорядился об их усилении ротами с горы Кухо, а на эту гору направил две из числа прибывших со мной рот.

Уже на следующий день, 18 августа 1917 года, неприятель атаковал Нарунджу. Кроме капитана Либермана, с горы Кухо подошли также обе другие роты, прибывшие со мной. Я еще и сейчас вижу аскари третьей роты, которые прибыли в Нарунджу после форсированного марша до наступления темноты, и слышу их радостные оклики, так как они рассчитывали еще раз основательно разбить неприятеля.

Но наше наступление в обхват правого неприятельского фланга привело только к оттеснению его назад; кустарник был слишком густым. Темнота еще больше затрудняла управление боем, и не может быть никакого сомнения, что при передвижениях в пересеченной местности наши части не раз обстреливали друг друга, так как отличить противника от своих солдат было теперь едва ли возможно. Так, например, когда я в полнейшей темноте услышал перед собой в кустарнике громкие голоса, то счел, что они принадлежат нашему обходному отряду, который совершенно отбросил неприятеля. Только спустя продолжительное время выяснилось, что это был противник, и скоро можно было услышать шум от его фортификационных работ. Точное выяснение места расположения неприятельских позиций имело для нас то

значение, что мы могли взять его под обстрел 10,5-см орудия отряда Вале. Это было проделано с успехом — во всяком случае, на следующий день неприятель очистил свою позицию и отступил.

Решительный успех, к которому мы стремились, все же не был достигнут, да и нельзя было на него рассчитывать из-за трудных местных условий, а также потому, что во время боя 18 августа мы обнаружили свои силы и, таким образом, лишились выгод внезапного нападения. Я должен был опять довольствоваться оборонительными действиями.

Продолжительная стоянка в этой богатой местности не представляла никаких затруднений в отношении продовольствия. Войска редко довольствовались столь хорошо, как в районе Линди. Обширные поля сладкого картофеля и мухобо простирались так далеко, насколько можно было охватить взглядом. Многочисленные арабские плантации указывали на богатство и древнюю культуру страны. Итак, мы устроились по-домашнему, и если ружейные пули и залетали часто в наш лагерь, а летчики сбрасывали свои бомбы, то они едва ли вредили нам. После долгого перерыва зубной врач возобновил свою работу, в которой мы так нуждались, и открыл свой кабинет в европейском доме. Однажды он как раз занимался с больным, когда в комнату ударила граната. При произведенном обследовании помещения оказалось, что плантатор хранил свои запасы динамита именно в этой комнате. К счастью, граната в них не попала, иначе зубной врач и его пациент были бы навсегда избавлены от всякой зубной боли.

Возникал нелегкий вопрос, что может ожидать немецких женщин и детей, бежавших из Линди и теперь не знавших, что им делать. Некоторые из них получили крик в строениях плантации Мтуа, находившихся под неприятельским артиллерийским огнем. При уменьшении запасов продовольствия и при большом затруднении с транспортом и квартирами было желательно отправить женщин и детей в Линди. Некоторые оказались достаточно разумны, чтобы понять это. После переговоров англичане разрешили их перевозку через свои линии до Линди. Однако, по неизвестным мне причинам, через некоторое время англичане не желали выполнять договоренность. Мало-помалу в католической миссии Нданда скопилась масса женщин и детей, а также небоеспособных мужчин. К счастью там еще раньше был открыт военный санаторий для выздоравливающих, развернутый затем в большой лазарет.

Глава одиннадцатая. В юго-восточной части колонии

(Август—октябрь 1917 года)

Концентрическое наступление противника. У Рупонды и Ликангары. Неуверенность у неприятеля. Слухи. Бой при Махиве. Блестящая победа. Изменение плана атаки. Тактика неприятельского начальника. Конец боя. Потери и трофеи. Новый бой у Лукуледи. Малая война.

В то время как в районе Нарунджу на несколько недель наступило затишье, неприятель развил более оживленную деятельность в занятой отрядом Штюмера части португальской области. Несколько английских колонн двигались концентрически с юго-запада и юга на Мвембе, и майор фон Штюмер, который не считал себя достаточно сильным для обороны, оставил этот пункт. Затем отдельные роты постепенно отошли на Ровуму. Севернее этой реки общее руководство принял на себя капитан-лейтенант резерва Янцен, которого командование направило в Тундуру с двумя ротами и к которому присоединились отдельные роты прежнего отряда Штюмера.

Выяснить точно группировку противника было трудно; у меня создалось впечатление, что он только хотел задержать у Нарунджу наши главные силы, чтобы вторгнуться крупными частями в район, который снабжал нас продовольствием, то есть в области Тундуру—Массасси—Рупонда, и захватить наши запасы. Мне казалось тогда, что не исключена возможность добиться успеха, и потому 10 сентября 1917 года я выступил с пятью ротами из лагерей Нарунджу и Мтуа к Массасси. Первым выступил капитан Геринг с тремя ротами на Тундуру, которая к этому времени были занята неприятелем; отряд Янцена находился северо-восточнее этого пункта. Я разведал на велосипеде дорогу в Тундуру и опасался, что продовольственные затруднения будут очень велики. Это, к сожалению, подтвердилось. В самом районе было трудно организовать сбор и доставку продовольствия, а времени организовать подвоз из Массасси для более длительной операции не хватало.

Мелкие патрульные действия англичан и португальцев, появившихся с юга через Ровуму и беспокоивших наши склады и

транспорты, в любом случае задерживали наше передвижение. Капитан Кель не мог удержать противника, наступавшего со стороны Кильвы, несмотря на тяжелый бой у Мбео-Хини и целый ряд более мелких столкновений, и в итоге неприятель появился в районе Нахунгу. Его летучие колонны, преимущественно конные, глубоко обошли отряд капитана Келя с запада и продолжали движение вверх по реке Мбемкуру на Нангау. Связь с капитаном Келем, которая была установлена по телефонной линии Нахунгу—Нангау, оказалась прервана сначала на несколько дней, а затем на более продолжительное время. Расположенные вдоль этой линии полевые магазины попали в руки противника и были уничтожены.

При медленной передаче сведений от отряда Келя было невозможно своевременно составить себе картину его положения, и, так как нельзя было рассчитывать на успешные действия у Тундуру, то в начале октября я перешел с пятью ротами от Массасси к Рупонде, а затем дальше на северо-восток и соединился у Ликангары с Келем. При получении сведений, что неприятельские отряды приближаются к Рупонде с северо-востока, было приказано переправить больных и запасы из Рупонды к Лукуледи и к Мнахо. 9 октября 1917 года у Рупонды был отбит неприятельский патруль с некоторыми потерями для неприятеля. 10 октября более сильный противник (25-й индусский кавалерийский полк) напал на Рупонду с нескольких сторон. К сожалению, передвижения наших рот к Ликангаре произошли несколько раньше, иначе неприятель у Рупонды столкнулся бы с частью наших сил и потерпел бы поражение. Теперь же, кроме нескольких патрулей, в Рупонде совсем не было войск. Большая часть больных попала в руки неприятеля, а также, к несчастью, и магазин, содержавший около 90 тонн продовольствия.

При Ликангаре не произошло никакого достойного упоминания сражения. Правда, появлялись неприятельские дозоры и слабые партии, но это не мешало нашим боевым патрулям, которые направлялись против шедшей вдоль реки Мбемкуру главной тыловой дороги неприятеля, обстреливать и уничтожать автомобили, захватывая почту и припасы. Это навело меня на предположение, что главные силы неприятельских войск, высадившиеся в Кильве, совершали обход еще дальше на север, по направлению к Рупонде.

Усилившаяся деятельность неприятеля в нескольких переходах восточнее Ликангары, где противник снял наши закупочные

посты, а также рассказы туземцев, указывали на возможность передвижения более крупных неприятельских частей от Нахунгу в южном направлении — против генерала Вале. Захваченная почта отмечала, что неприятель, несмотря на его широко развитую разведывательную и шпионскую системы, действовал почти вслепую. Например, он не знал, где находился я, хотя придавал этому особенно большое значение. Сведения о моем прежнем месте пребывания указывали ему, где можно предполагать наличие главных сил наших войск. В то время как одно из его донесений говорило, что я нахожусь в местности Лукуледи, другое предполагало, что я у Тундуру, а третье, такое же достоверное, говорило о Махенге. Болтливость наших европейцев, которые, несмотря на все указания, не переставали сообщать друг другу в своих частных письмах сведения о военном положении и свои предположения, принесла на этот раз кое-какую пользу. Болтали так много, слухи были столь противоречивы, а слепая вера во всякие небылицы была распространена столь широко, что из переписки немцев можно было получить самые противоположные сведения. Несмотря на это невольное введение противника в обман, мне было непонятно: как разумные люди могли доверять почте важные дела и сведения, сообщение о которых необходимо было скрывать от неприятеля?

Мне стало ясно, что неверная оценка положения, в котором находился неприятель, может мне принести небольшую выгоду, если действовать быстро и решительно. Я надеялся, что теперь можно рассчитывать на решительный удар, которого я дважды добивался в районе Линди и один раз у Тундуру, и успех которого у Нарунгомбе висел на тонком волоске. При оценке общего положения мне казалось, что обстановка в отряде Вале складывается как раз в пользу принятия такого решения. Принятый неприятелем план ведения войны должен был навести на мысль, что отдельные колонны противника будут энергично подвигаться вперед, чтобы раздавить нас посредством окружения со всех сторон. Дивизия неприятеля из Линди также вела настойчивое наступление. Перед ней, ведя непрерывные бои, отходили от Махивы девять слабых рот Вале. Местность у Махивы была мне немного знакома. Казалось очень вероятным, что мой отход туда не будет своевременно обнаружен неприятелем.

14 октября 1917 года, в надежде на военное счастье, я перешел с пятью ротами и с двумя горными орудиями через горы Ликангары в Мнахо, куда и прибыл ночью, и 15 октября на рассвете про-

должал путь. При движении на узкой тропинке над обрывом походная колонна растянулась. Орудия оказались далеко позади; выючные животные выбивались из сил, требовалась помощь со стороны аскари и носильщиков; к счастью, вице-вахмистр Сабат каждый раз преодолевал препятствия и продвигал свои пушки дальше. Меня удивляло, что мне не посылались донесения из Махивы, но ружейный и пулеметный огонь заставлял предполагать, что там происходил бой.

Перед наступлением темноты я прибыл к роте обер-лейтенанта Метнера, который находился в резерве позади левого фланга отряда Вале. Неприятель, казалось, наступал в обход этого фланга через кустарник. Свистящие вокруг пули имели то неприятное последствие, что носильщик, который нес мою полевую сумку с самыми важными донесениями и картами, исчез на два дня. Обе прибывшие первыми роты были тотчас же направлены для контратаки против неприятельского обхвата. Противник был отброшен, после этого роты окопались. 16 октября утром я направился туда и твердо установил, что противник укрепился напротив нас расстоянии от 60 до 100 метров.

Случай для внезапного решительного наступления казался мне благоприятным. Обер-лейтенант фон Руктешель должен был начать в полдень обход неприятеля слева, то есть севернее; еще левее направлялся отряд Геринга.

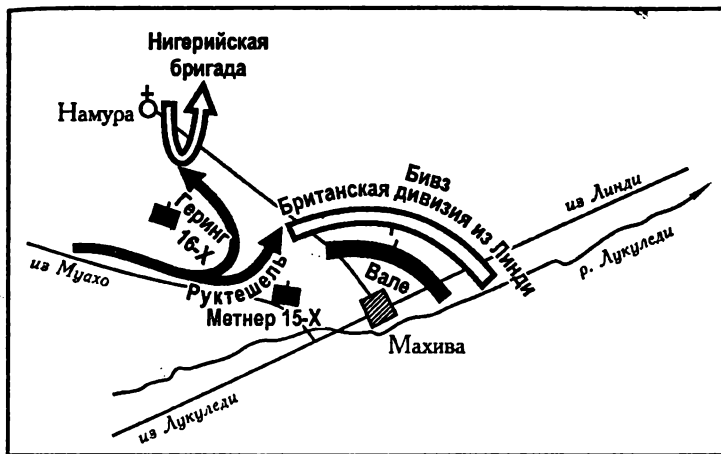
После того как мы спокойно пообедали, я быстро отправился на левый фланг, где только что развернулся капитан Геринг с двумя ротами. Затем, после того как он перешел широкую долину, его отряд, к моему удивлению, начал заходить еще дальше влево. Скоро роты вступили в бой. Только постепенно для меня стал ясным смысл этого непонятного движения. Капитан Геринг неожиданно натолкнулся на нового противника, который прибыл от Нахунгу и теперь наступал с севера. Это было несколько батальонов Нигерийской бригады с двумя орудиями. Нигерийские батальоны ничего не знали о нашем присутствии и рассчитывали разбить наголову войска Вале, наступая на его левый фланг и тыл, в то время как фронт генерала будет энергично атакован дивизией из Линди. Нигерийская бригада была удивлена не меньше Геринга, но не так быстро разобралась в новой обстановке. Капитан Геринг, за которым непосредственно следовали резервы, наступал по кустарнику так энергично, что совершенно смял отдельные части противника, отбросил их в беспорядке и окончательно об-

ратил в бегство. Один неприятельский офицер, который вел носильщиков с патронами, принял наши войска за свои — таким образом нам удалось захватить около 150 000 патронов. Во время штурма было взято одно орудие со снарядами, мы насчитали более ста нигерийских аскари убитыми. Правее капитана Геринга, где вели бой две роты под командой обер-лейтенанта фон Руктешеля и тяжело раненного лейтенанта резерва Брукера, неприятель также был оттеснен несколько назад, в кусты.

Одновременно с этими боями на левом фланге неприятель вел настойчивое наступление на отряд Вале. На следующие дни обнаружилось большое численное превосходство противника; против нашего фронта все снова и снова прибывали свежие части. Опасность, что фронт генерала Вале не выдержит, усиливалась. Бой становился тяжелым. Я опасался, что наше обходное движение по труднодоступной болотистой местности может быть задержано слабыми силами противника, между тем как на фронте генерала Вале дело примет неблагоприятный для нас оборот. Тогда сражение было бы проиграно. Поэтому я считал целесообразным увеличить, насколько возможно, потери, которые нес неприятель при своих фронтальных атаках, и так использовать все мои части, чтобы противник, усиливавший нажим на отряд Вале, действительно истощил свои силы.

Поэтому предполагавшийся сначала охват неприятельского правого крыла не развивался в следующие дни — наоборот, все свободные роты были переброшены для усиления фронта генерала Вале. Таким образом, нам удалось не только прочно удерживать фронта, но и иметь достаточные резервы для сильных контратак, чтобы немедленно использовать каждую ошибку неприятеля и нанести ему действительное поражение.

На такой странный тактический прием ведения боя меня натолкнула личность неприятельского начальника. О генерале Бивзе мне было известно по сражению у Реаты (11 марта 1916 года), что он действует очень прямолинейно. Вместо того чтобы стремиться достигнуть успеха умелым маневром, он предпочитает добиваться победы настойчивыми фронтальными атаками, которые ведут к очень большим потерям, если оборона держится прочно или располагает достаточными резервами. Я предполагал, что генерал Бивз и тут, у Махивы, будет руководствоваться подобными соображениями. Я считаю, что именно использование этой слабости в действиях неприятельского главнокомандующего и доста-

Бой при Махиве

вило нам здесь, у Махивы, такую блестящую победу. До 18 октября, то есть в продолжение четырех дней, продолжались атаки нашего фронта все новыми и новыми силами, но несколько личных наблюдений показали мне, что на нашем правом фланге сила атаки постепенно ослабевает и полное поражение противника становится очевидным.

Вечером 18 октября мы, имея примерно 1500 солдат, окончательно разбили неприятельскую дивизию, которая ввела в бой от четырех до шести тысяч человек, а также нанесли неприятелю самое тяжелое поражение, которое он когда-либо испытывал (за исключением Танги). По заявлению одного высшего английского офицера, неприятель потерял 1500 человек, но у меня есть основания предполагать, что эта цифра слишком низка. У нас было убито 14 европейцев, 81 аскари и ранено 55 европейцев и 367 аскари; один европеец и один аскари пропали без вести. Принимая во внимание наши сравнительно небольшие силы, эти потери стали для нас очень тяжелыми и тем более чувствительными, что не могли быть пополнены. Наши трофеи состояли из одного орудия, шести станковых и трех ручных пулеметов, а также двухсот тысяч патронов.

К сожалению, общая обстановка не позволяла использовать победу; в тылу у нас неприятель, занявший 10 октября Рупонду, продолжал большими силами движение дальше на юг и 18 октяб-

ря атаковал у Лукуледи майора Краута. В заключение надо отметить, что войска, дравшиеся под командой капитана-лейтенанта Янцена в районе Гундуру, постепенно отошли оттуда на северо-восток к верховьям Мбемкуру и были переброшены к командованию через Рупонду еще до захвата 10 октября неприятелем этого пункта. Две его роты усилили войска, расположенные вблизи Лукуледи для защиты магазина. Это были те роты из отряда майора Краута, которые 18 октября у Лукуледи были атакованы с севера превосходным противником. Хотя англичане, силой в шесть рот полка Золотого Берега, и были отбиты, дабы прикрыть наши подвергавшиеся опасности запасы продовольствия и материала, хранившиеся в Хигугу и Хивате, майор Краут отошел к первому из этих пунктов. Кроме Хигугу и Хиваты неприятель мог угрожать также и Нданде, где хранилось большое количество наших боевых припасов. Каждую минуту можно было ожидать, что он вторгнется из Лукуледи в наш тыловой район, захватит запасы продовольствия и, таким образом, сделает нас небоеспособными. Мы не имели достаточно сил для непосредственного прикрытия наших сообщений с тылом, так как те 2000 человек, которыми мы располагали, были необходимы нам для боя. Но поскольку войска хотели и должны были остаться боеспособными, надо было устранить опасность другим способом.

Для этого имелось только одно средство, а именно — окончательно разбить неприятеля у Лукуледи. Поэтому мы не могли терять времени при Махиве, и я должен был отказаться от мысли об уничтожающем преследовании. В то время как рано утром 19-го оставленные войска производили обстрел некоторых частей противника, расположенных открыто, я уже выступил в поход со своими шестью ротами и двумя орудиями. На следующий день мы находились в двухчасовом расстоянии восточнее Лукуледи, и на рассвете 21 октября неприятель, совершенно неожиданно для себя, был атакован. Колонна майора Краута застигла врасплох севернее Лукуледи лагерь 25-го индусского кавалерийского полка, стоявшего, с запряженными повозками, как раз наготове к выступлению на Массасси; лагерь был атакован, и неприятельский полк потерял всех обозных животных — около 350.

Однако затем Краут остановился. Отряды Келя и Руктешеля вели у Лукуледи довольно серьезный бой против укрепившегося там противника, тщетно ожидая наступления Краута. Штурм лагеря, проводимый без элемента внезапности, не обещал успеха.

Когда же наш отряд был, в свою очередь, обстрелян с фланга минометами, я, после отражения серьезной неприятельской контратаки, отвел во избежание бесполезных потерь главные силы из-под действительного перекрестного огня. Новый противник, внезапно появившийся из кустарника и состоявший из сильного патруля и одной роты полка Королевских африканских стрелков (английские восточно-африканские аскари), быстро был отброшен. При этом мы потеряли обер-лейтенанта Крегера, убитого, когда он двигался во главе своей роты. Только ночью поступило донесение от майора Краута: не рассчитывая больше на успех атаки у Лукуледи и не слыша шума боя, он, описав большую дугу, отошел от этого пункта и расположился лагерем юго-восточнее Лукуледи.

Из-за неудачно сложившейся обстановки нам не удалось окончательно разбить неприятеля у Лукуледи и цель моего предприятия была достигнута только отчасти; но потери англичан можно было считать значительными. Кроме того, они были потрясены сильнее, чем я сначала предполагал. Во всяком случае, произведенные разведки выяснили, что он опять оставил Лукуледи и отступил в северном направлении.

К сожалению, в числе наших потерь было три убитых ротных командира. Еще и сейчас стоит перед моими глазами тяжело раненный в ногу лейтенант резерва Фольквейн, с трудомдвигающийся впереди своей роты. Помню, что я говорил с лейтенантом резерва Баснером и обер-лейтенантом Крегером как раз незадолго перед тем, как они были убиты. Здесь погиб и великолепный пулеметный начальник вице-фельдфебель Клейн, так часто водивший свой патруль к Угандийской железной дороге. Но наши потери были не напрасны. Наши патрули преследовали неприятеля, обстреляли его лагерь в районе Рупонды и действовали на его сообщения с тылом. Но необходимость обеспечить продовольствием в районе Рупонды более крупные войсковые массы — наши собранные там запасы попали в руки неприятеля — вынудила меня отказаться от более широкого преследования.

В то время я считал вероятным, что наступление противника от Лукуледи на север было вызвано движением войск, которые под начальством капитана Тафеля направлялись сюда от Махенге. С ним с начала октября не было никакой связи. Мы знали лишь, что он медленно отходил под натиском сильных неприятельских колонн, наступавших от севера (из Ифакары), с запада и юго-за-

пада (Лукуджу, Мпонди) и искал соединения с главными силами. Я считал возможным, что он уже прибыл в район Нангау или западнее этого пункта и что неприятель, обеспокоенный за свои собственные сообщения с тылом, повернул обратно к Лукуледи.

Глава двенадцатая. Последние недели на немецкой территории

(Октябрь—ноябрь 1917 года)

Переговоры с губернатором. Предположения. Выступление от Лукуледи. Мелкие стычки в кустарнике. Недостаток боевых припасов и его последствия. Настойчивое наступление неприятеля на Хивату. Наш отход на Намбиндингу. Планы добровольного сокращения численности войск. В горной стране Маконде. Недостаток воды и продовольствия. Куда? Новая реорганизация войск. Неприятельский патруль и его записка. Отрыв от неприятеля.

24 октября ко мне в лагерь восточнее Лукуледи прибыл для переговоров губернатор из Хиваты, которая сделалась между тем центром гражданского управления¹. Я высказал свое твердое убеждение, что, несмотря на все продовольственные затруднения, которые должны были скоро возникнуть в немецкой Восточной Африке, возможно и необходимо продолжать войну и дальше, но лишь если при этом мы будем базироваться на португальские территории. Это возможно было выполнить только в том случае, если мы оставим Германскую Восточную Африку и вторгнемся в португальскую колонию.

Вопрос о продовольствии становился очень острым: в оставшихся у нас магазинах мы имели налицо около пятисот тонн. Этого должно было хватить примерно на полтора месяца. Но оказалось, что цифры не давали абсолютно верной картины. Наваленные кучей мешки были неполного веса, а зерно пострадало от насекомых. Новой жатвы можно было ожидать не ранее марта. Поэтому при дальнейших операциях необходимо было двигаться на юг, хотя бы только из чисто продовольственных соображений. Во всяком

¹ В это время ряд гражданских чиновников предлагал Леттов-Форбеку начать переговоры с английским командованием о почетном перемирии. (Прим. ред.)

случае, я рассчитывал, что капитан Тафель со своими войсками прибудет в район Массасси и Хиваты, и тогда я смогу оставить ему запасы магазинов, расположенных в районе Хиваты, чтобы самому с частью войск перейти от Хиваты через плоскогорье Маконде по направлению на Линди и произвести нападение на главную этапную дорогу неприятеля у реки Лукуледи. Для дальнейшего ведения войны район Хиваты по своему богатству местными средствами имел для нас наибольшее значение. Но Хивата не была защищена и подвергалась опасности еще и потому, что неприятельские действия против Мнахо велись также и с севера, где в районе Нданды на дороге Лукуледи-Линди появились неприятельские конные отряды. Аэропланы противника также уделяли нашим лагерям у Хиваты усиленное внимание.

Вот причины, почему в конце октября 1917 года я со своими главными силами отошел от Лукуледи. Еще нельзя было предвидеть, представится ли снова случай для нападения от Хиваты на одну из колонн неприятеля, который, по-видимому, собирался возобновить здесь наступление. Следующие недели наступление неприятеля было опять направлено против отряда Вале. Там появились совсем новые части, между ними также был и Капский отряд, сформированный из южно-африканских метисов. Последний находился у Центральной железной дороги и был переброшен через Дар-эс-Салам и Линди для подкрепления генерала Бивза. К счастью, Бивз начал свой неудачный бой у Махивы, не дожидаясь этого подкрепления.

Генерал Вале шаг за шагом отступал вверх по Лукуледи. К сожалению, я не мог послать ему никакой поддержки и даже должен был взять у него несколько рот, чтобы в случае благоприятного стечения обстоятельств иметь под рукой части для наступления от Хиваты и в то же время охранять наши магазины. Во время боев в кустарнике с отрядом Вале, которые происходили почти ежедневно, неприятель понес значительные потери, но настойчиво продолжал наступление. Однако нам не удавалось одержать решительного частного успеха и захватить значительное количество боевых припасов, а между тем патроны у нас кончались. 6 ноября я приехал верхом от Хиваты в Нангоо у Нданды и произвел здесь разведку местности вплоть до места расположения отряда Вале с целью выяснить условия наступления с войсками, расположенными у Хиваты. 7 ноября я отправился верхом от Нангоо в южном направлении через возвышенность Маконде назад в Хи-

вату. В этот же день были опять обнаружены неприятельские части у Лукуледи. 9 ноября у Хигугу, рядом с Хиватой, произошло столкновение патрулей.

В этот критический момент, когда к Хивате начали приближаться головы неприятельских колонн, мы, естественно, должны были максимально быстро атаковать всеми нашими силами одну из них, пока другие не успели ввязаться в бой. Обязательным условием для такого удара являлось требование ввести в дело все наши наличные части, которые были весьма немногочисленны. При этом на первом плане стоял вопрос о боевых припасах, которые уменьшились примерно до четырехсот тысяч патронов. На 2500 ружей и 50 станковых и ручных пулеметов этого количества было недостаточно для серьезного боя, и дальнейшее ведение операции стало бы возможным только при условии захвата боевых припасов у противника. Но для этого местность была неблагоприятна. В густом кустарнике каждый отдельный боец был склонен много стрелять и мало попадать, и запасы патронов оказались бы израсходованы прежде, чем мы могли достигнуть благоприятных для нас результатов. Удовлетворительное разрешение вопроса боевого снабжения затруднялось еще и тем, что большинство наших запасов состояло из патронов с дымным порохом для ружей образца 1871 года, в то время как войска только примерно на одну треть были вооружены ружьями этой системы, а две трети солдат имели современные немецкие, английские или португальские винтовки. Ничтожные запасы современных патронов необходимо было беречь для нашего главного оружия — пулеметов.

Не оставалось ничего другого, как выделить из каждой роты боевые отряды, вооруженные ружьями образца 1871 года, и поручить им вести огонь; в резерве же держать два других отряда, имевших современные винтовки. В последних каждый человек, кроме 20 патронов соответствующего калибра, нес еще и патроны образца 1871 года с дымным порохом. В таком случае отряды чередовались бы таким образом, что когда первый кончал бой, он передавал бы свои старые ружья сменяющему его второму отряду, сам же брал у него современные винтовки и уходил в резерв. Таким образом, лишь треть имеющегося боевого состава могла быть действительно введена в бой, и эти люди тоже должны были чрезвычайно беречь патроны.

Артиллерийские боевые припасы были израсходованы до последнего патрона, за исключением нескольких снарядов для обоих

горных орудий и небольшого количество португальских артиллерийских снарядов. Наша последняя полевая гаубица, а также захваченное при Махиве английское орудие были взорваны. Несколько дней назад мы взорвали и оба последних 10,5-см орудия. Днем позднее при Китангаре было уничтожено и утоплено горное орудие. Таким образом, остались только две горных пушки (немецкая и трофейная португальская). Недостаток в артиллерийском снабжении был в течение последних месяцев уже настолько велик, что мы редко имели более трехсот выстрелов на всю артиллерию. Это составляло примерно боевой комплект каждого из многочисленных английских орудий.

При таких условиях успешный переход в наступление был возможен только при исключительно благоприятной обстановке. Однако мы так ее и не дождались. Хотя высылались боевые патрули и неприятелю по возможности наносился вред, но нам не оставалось ничего другого, как отвести на Хивату отряд генерала Вале, а также остававшуюся еще под Мнахо для вывоза оттуда запасов 11-ю полевую роту. 10 ноября подошедшим с севера сильным противником была неожиданно занята миссия Нданда, находившаяся непосредственно в тылу Вале, стоявшего возле Нангоо. Тамошний полевой лазарет и часть наших запасов попали в руки неприятеля. Находившийся южнее Нданды отряд Либермана прикрыл отступление генерала Вале, который от Нангоо поднялся на плоскогорье Маконде по разведанной мной 7 ноября дороге, проходящей юго-восточнее Нангоо, затем отошел через плоскогорье к Хивате и, таким образом, ускользнул из поставленной ему неприятелем ловушки. 11-я рота также отошла от Мнахо. Таким образом, все части соединились у Хиваты, за исключением отряда капитана Тафеля и более мелких отрядов, расположенных южнее. Постепенная переброска наших запасов в восточном направлении на Намбиндингу производилась полным ходом, и мы уже могли начать дальнейшее отступление на Китангар. При этом я внимательно наблюдал, не сделает ли одна из неприятельских колонн какую-либо ошибку. 14 ноября мне показалось, что я уловил такой случай.

Сильная неприятельская колонна, в состав которой входил 10-й полк южно-африканской «легкой пехоты», обошла нас от Лукуледи через Массасси и в тот же день атаковала с юга Мвити, расположенную в двухчасовом расстоянии южнее Хиваты. В этом пункте, до сих пор слабо укрепленном, днем раньше был сосредото-

точен отряд фон Либермана (три роты), прибывший из Хиваты. Несмотря на все затруднения с боевыми припасами, нам представлялась возможность завязать у Мвити бой настолько внезапно, чтобы разбить этого противника по отдельности; но я был слишком занят сложными распоряжениями по отступлению на Намбиндингу и, к сожалению, отошел, не использовав представлявшийся у Мвити благоприятный момент.

Таким образом, мне оставался только постепенный отход на Намбиндингу. При очищении Хиваты в руки неприятеля попал лазарет, наполненный большей частью тяжело ранеными, а также взятыми раньше нами в плен европейскими солдатами противника и индусами, перенесенными в этот же пункт.

Отступление на Намбиндингу было произведено с 15 по 17 ноября, с непрерывными боями. Я хотел, чтобы неприятель действительно довел свое концентрическое движение с севера, запада и юга до полного соединения своих колонн; тогда, пока большая беспомощная масса людей неприятеля была бы расположена на узком пространстве, я мог отойти куда угодно. 17 ноября я должен был принять окончательное решение. Продолжительный бой в кустарнике грозил истощить наши последние боевые припасы. Было бы бессмысленно продолжать дальше сражение, которое не могло дать нам никакого благоприятного результата. Следовательно, мы должны были отступить.

Одновременно нам следовало уменьшить боевой состав, так как многочисленные бойцы с малым количеством патронов представляли меньшую боевую ценность, чем малое число отборных людей с достаточным количеством боевых припасов. Этого же требовало и продовольственное положение. Только значительным сокращением числа едоков можно было достигнуть того, чтобы имеющихся наличных запасов хватило еще на двенадцать дней. Район, из которого мы могли собирать продовольствие, значительно сократился; новая закупка была расстроена неприятелем, а местные средства истощены. Запаса хины для европейцев могло хватить только на один месяц. После израсходования этого последнего количества хины европейцы должны были погибнуть от малярии и ее последствий; мы не смогли бы больше выносить трудностей войны под тропиками.

Из этого проистекало, что нам следовало сократить наши войска примерно до 2000 ружей и при этом установить число европейцев: оно не должно было превышать 300 человек. Все те, кто

не вошел в эту норму, должны быть оставлены. Следовало примириться с тем, что среди нескольких сотен европейцев и шестисот аскари, покинутых нами в лазарете Намбиндинги, находились также люди, которые охотно продолжали бы сражаться и по состоянию здоровья были к этому пригодны. К сожалению, нельзя умолчать, что между оставшимися у Намбиндинги имелось известное число европейцев, которые были не прочь сложить оружие.

Когда же спустя два дня обер-лейтенант Грундман, несмотря на то, что он едва мог ходить после тяжелого ранения, опять прибыл ко мне и доложил, что, невзирая на приказ, не мог заставить себя идти в плен, то я редко чему-либо радовался так, как этому непослушанию.

Здесь можно упомянуть, что неприятель с нашими пленными в общем обращался по-человечески, насколько я в состоянии об этом судить. Но все же мне кажется, что он стремился обвинить нас в жестокости против английских пленников, чтобы иметь право принимать жестокие меры против наших. Так, лейтенант резерва Гуч был оставлен больным в Нданде и попал в неприятельские руки. По совершенно недоказанному и взятому с потолка заявлению одного черного, что лейтенант Гуч во время одного из набегов якобы сжег английских раненых, он был закован в ручные кандалы и затем во время морского переезда в Дар-эс-Салам был заперт в помещении рядом с уборной. В Дар-эс-Саламе он несколько недель провел в тюрьме, не будучи вообще допрошен; когда же наконец с него сняли показания, оказалось, что произведенная над ним безрассудная жестокость была основана только на лживом заявлении черного. Далее, генерал ван Девентер сообщил мне, что против капитана Ноймана, сдавшегося восточнее Кондоа-Иранги, было возведено обвинение в убийстве; как я узнал позднее, он также был посажен в тюрьму на продолжительное время и тоже не был допрошен, пока наконец не выяснилась его невиновность. Мне тем менее понятна причина этого издевательства над чувством справедливости, что у нас с английскими пленными обращались в высшей степени по-человечески, и часто в материальном отношении они были обеспечены лучше, чем наши собственные люди¹.

Принятые решения заставляли совершенно изменить приемы

¹ Англичане доставляли для своих пленников предметы продовольствия, которых у нас не хватало.

ведения войны. До сих пор мы собирали продовольствие в магазины и из них снабжали наши части. Пополнение боевыми патронами также производилось из хранящихся запасов. Правда, при этой системе мы имели много легко уязвимых со стороны неприятеля слабых пунктов, которые не могли защищать, но она давала нам возможность держать под ружьем значительное количество частей, необходимых при наших условиях. Естественно, такая система ставила наши боевые операции в большую зависимость от продовольственных и тыловых учреждений и затрудняла свободу маневра. Однако я старался сохранить ее, так как она давала возможность содержать сравнительно сильные войска и вести успешную борьбу.

Теперь это было невозможно, и я был вынужден отказаться от указанных преимуществ. Конечно, решение содержать более слабые части без всяких магазинов вызывало сомнение. Перспектива сидеть через двенадцать дней в степи без продовольствия в окружении пяти тысяч голодных негров была малособлазнительна. Чтобы иметь возможность дальнейшего ведения войны, необходимо было рассчитывать только на захват неприятельских запасов. Удастся ли таким путем удовлетворять в нужных размерах потребности частей? Удастся ли захватить достаточное количество боевых припасов и подходящего к ним оружия? Это были серьезные вопросы. Но если бы удалось сохранить боеспособность частей при новом способе ведения войны, то можно было бы использовать нашу независимость от тыла и подвижность. При бесконечно обширном театре боевых действий мы могли ускользать из неприятных положений. Враг был вынужден держать в постоянном движении большое количество людей и материалов и терять свои силы в несравненно большей степени, чем мы. Таким образом, если мои соображения были правильны, представлялась возможность и в дальнейшем связывать значительные неприятельские силы и бесконечно долго продолжать сопротивление.

Наше пребывание у Намбиндинги оказалось непродолжительным; этот пункт, расположенный на плоскогорье, был лишен воды, а имевшийся в долине источник находился под огнем неприятельских орудий и пулеметов. Под прикрытием патрулей командование и главная часть войск 18 ноября отступили на Китангари. Неприятель нас не преследовал, да, вероятно, и не был в состоянии это сделать. Как это можно было заранее предвидеть, он приложил все усилия, чтобы нанести при Хивате так долго ожидае-

мый последний удар, и теперь вынужден был производить перегруппировку, распределяя войска для дальнейших операций. В Китангаре повторилась старая история: запасы продовольствия местного магазина были оценены слишком высоко. Все запасы, которыми можно было ныне располагать, обеспечивали войска продовольствием примерно на десять дней; на значительное пополнение этих запасов из района к югу от Китангари рассчитывать не приходилось. Вопрос, куда необходимо направить дальнейшее движение сводился главным образом, к поиску района, богатого продовольствием.

Мне было известно, что англичане и португальцы систематически уничтожали вдоль реки Ровумы наши продовольственные запасы. На маленькие немецкие магазины, закупочные пункты и продовольственные колонны был произведен ряд нападений; от туземцев требовали, чтобы они относились к нам враждебно. Северный и южный берега средней Ровумы были слабо населены; вверх по Ровуме, у Тундуру, в течение долгого времени с обеих сторон дрались крупные войсковые соединения, и продовольственные запасы были там, вероятно, истощены. О лежащем к югу от Нижней Ровумы плоскогорье Мафия я не мог получить действительно достоверных сведений. Даже если, как утверждали многие, в мирное время там существовали многочисленные хорошо обработанные поля, то все равно оставалось сомнение в том, можно ли найти продовольствие в местах, где в течение года хозяйничали сравнительно крупные португальские силы.

Одно время мне казалось возможным найти продовольствие в районе, где вел операции майор фон Штюмер, а именно — в португальской области у слияния рек Ровумы и Лудженды, а также далее на юг в районе Нангавари и Мвембе. Но здесь тоже возникали сомнения: военные операции могли помешать туземцам обрабатывать землю. Однако я думал, что между различными сомнительными перспективами последняя наиболее благоприятна, и решил пока двинуться вверх по Ровуме.

Это передвижение было предпринято также с целью сделать части боеспособными на долгое время, захватив как можно большее количество патронов и других военных материалов. Прежние сведения, а также сообщения туземцев, наводили на мысль, что и теперь где-нибудь в районе реки Ровумы хранятся необходимые для нас неприятельские запасы. 20 ноября мы достигли Невалы, где присоединилась последняя из тех частей, которым было поруче-

чено обеспечивать южное направление, и была закончена новая организация войск. В Невале мы оставили последних людей, неспособных к передвижению, и 21 ноября 1917 года я двинулся к Ровуме с 300 европейцев, 1700 аскари и 3000 носильщиков и прочих цветных. Для переноски груза был использован весь наличный состав.

По мере того как во время похода уничтожалось продовольствие, свободные носильщики отпускались, чтобы по мере возможности уменьшать число едоков. Многим из наших хороших старых носильщиков мы вынуждены были отказать в просьбе оставаться у нас; большинство из них было согласно продолжать службу без вознаграждения, некоторые хотели даже оставаться не только без платы, но и без продовольствия и доставать себе свое пропитание самостоятельно — из остатков нашей пищи и диких плодов пори.

Как и можно было предполагать, разведка отмечала наличие близ Ровумы только слабых отрядов неприятеля. 21 ноября мы прибыли к Мпили на берегу реки и только собрались стать лагерьем, как впереди послышались выстрелы охотничьего патруля. При обследовании мы заметили перед нами большой пруд, на противоположном берегу которого неизвестные люди купали лошадей. Позади пруда была скалистая гора. Скоро появился туземец, по-видимому шпион, который передал письмо: «Мы — английская кавалерия и хотим связаться с португальскими пехотными полками». Трудно было установить, являлось ли это хитростью. Было ясно, что в настоящий момент мы имеем дело только со слабым кавалерийским отрядом. Неприятель был быстро отброшен атакой во фланг; пять пленных европейцев принадлежали к 10-му Южно-Африканскому полку и по продовольственным соображениям были отправлены обратно к неприятелю. Добытым лошадям, числом около десяти, мы были очень рады — как средству для верхового передвижения и как возможной прибавке к продовольствию.

Дальнейшее движение вверх по Ровуме совершалось очень медленно. Большинство не привыкло к продолжительным переходам крупными войсковыми соединениями. Колонны непомерно растягивались. Жены аскари следовали поодиночке на расстоянии нескольких сот метров друг от друга. Прошло некоторое время, прежде чем они стали соблюдать правильный порядок движения. Выяснилось, что отбор взятых с собой аскари не во всех

ротах производился с необходимой тщательностью. При жовой реорганизации рот, которую волей-неволей приходилось производить во время боя, были оставлены некоторые хорошие надежные люди, а вместо них были взяты с собой другие — правда, более выносливые, но зато менее надежные. Некоторые шли в бой со своими детьми на плечах; вместо них лучше было бы взять таких же надежных людей, но не таскавших с собой балласта — жены и ребенка. Впрочем, теперь ничего нельзя было изменить.

Очевидно, мы сумели избавиться от наблюдения со стороны неприятеля; летчики, обыкновенно сопровождавшие наши передвижения, не показывались, в наш лагерь не падала ни одна бомба. Одна из неприятельских колонн с продовольствием переправилась через Ровуму с одного берега на другой через наш лагерь. Она была желанной добычей. В этой местности мы почти не находили полевых плодов, зато пропитание давала нам охота. По дороге попадались буйволы и водяные антилопы. Но мы не должны были задерживаться; таявшие продовольственные запасы постоянно напоминали нам о движении. К счастью, я имел в своем распоряжении несколько знающих страну европейцев, которые незадолго перед тем работали в районе впадения реки Лудженды в Ровуму. Там уже в мирное время находилась португальская фактория, а во время войны был установлен более или менее сильный гарнизон. Можно было предполагать, что и теперь у неприятеля там, вероятно, что-нибудь найдется. Те немногие туземцы, которых мы встречали, говорили также о более или менее сильном гарнизоне, который некоторые определяли в две тысячи англичан или португальцев.

Книга III. Бои на неприятельской земле

Глава первая. Через Ровуму

(Ноябрь 1917—январь 1918 года)

Переправа через реку. Неприятельский лагерь Нгома-но. Атака португальского укрепления. «День старых ружей». Богатая добыча. Дальнейшее движение вверх по Лудженде. В поисках продовольствия. Неприятельское предложение. Известия о капитуляции капитана Тафеля. Разделение войск. Трения и неприятности. Взятие нескольких неприятельских лагерей. Решительность лейтенанта Кемпнера. У Нангвале. Жир гиппопотамов и лесные фрукты. Богатое продовольствие у Хирумбы. Патрули. Наступление неприятеля. Перестрелки. Неприятельская пропаганда. Новые силы и новая надежда.

Рано утром 25 ноября 1917 года наша авангардная рота переправилась через Ровуму немного выше устья реки Лудженды. Главные силы в девять рот до 12 часов дня двигались сзади, на расстоянии около двух переходов. Капитан Геринг с тремя ротами был направлен ниже по течению на южный берег Ровумы, чтобы попытаться атаковать португальский лагерь, о котором имелись донесения. О капитане Тафеле какие-либо сведения отсутствовали совершенно, и я рассчитывал, что он достигнет Ровумы значительно западнее нас.

Чувство отсутствия всякой поддержки, а также абсолютная неуверенность в будущем вызывали у многих ощущение, которое можно было характеризовать как полное безразличие. На походе охотничьи патрули относились беспечно к тактическим требованиям скрытности марша, и, как позднее выяснилось, неприятель отчетливо слышал их выстрелы. Во время перехода через реку некоторые спокойно и основательно мылись в воде на глазах у английских патрулей.

Скоро после переправы на южный берег раздались выстрелы. Авангардная рота наткнулась на неприятельских разведчиков, многие из которых остались лежать убитыми на месте перестрелки. Время, в течение которого постепенно прибывавшие роты пе-

реправлялись и, в свою очередь, прикрывали переправу следующих частей, я использовал для проведения разведки. Недалеко перед нашим фронтом, на другом берегу Лудженды, были слышны сигналы и видны люди. Мы подошли вплотную к неприятельскому лагерю и могли рассмотреть с расстояния нескольких сот метров людей, одетых в белое. Другие рыли окопы. Была также замечена колонна носильщиков. По-видимому, перед нами находились значительные силы противника.

Пока я обдумывал, можно ли рассчитывать на успех атаки и как организовать наступление, из лагеря показалась колонна одетых в хаки аскари силой около роты и начала наступление против наших частей. Я предполагал, что противник рассчитывает атаковать всеми своими силами наши войска, занятые переходом через реку, а потому бросился назад бегом и приказал переправившимся уже ротам занять соответствующую оборонительную позицию. Но благоприятный момент, на который я рассчитывал, не наступил: неприятель не появлялся. Опять передо мной встал вопрос: что следует предпринять? Могло возникнуть сомнение, не будет ли более целесообразным пройти мимо расположенного здесь, у Нгомано, противника и двигаться дальше вверх по реке Лудженде. При этом неприятель должен был бы или пропустить нас без задержки или же выйти из своего укрепленного лагеря и решиться на тяжелую атаку.

С другой стороны, было вполне вероятно, что неприятель не успел еще укрепить свой лагерь и наша атака не встретит больших препятствий. Разведка показала, что вдоль берега по ту сторону реки Лудженда тянулась полоса густого строевого леса, примыкавшего непосредственно к неприятельским позициям. Это давало великолепное укрытие для крупных сил. Я еще колебался, когда капитан Мюллер заставил меня остановить свой выбор на последнем решении, которое хотя и было рискованно, но в то же время давало надежду на долгожданный решительный успех и главное — на захват патронов и военного снаряжения, в которых мы сильно нуждались. Но времени терять было нельзя.

Атака началась еще в тот момент, когда последние части переправлялись через реку. В то время как наше легкое горное орудие обстреливало стрелковые окопы противника на западной окраине лагеря, а несколько рот, наступая с запада и севера, отвлекали внимание противника, отряд капитана Келя переправился через Лудженду в одном километре выше Нгомано, двинулся вдоль бе-

рега по густому строевому лесу и стремительно атаковал неприятельский лагерь с юга. Я находился на небольшом холме, западнее лагеря, недалеко от нашего орудия. Непосредственно за мной постепенно подтягивался отряд генерала Вале, который переправлялся через реку последним. Я имел сносный обзор через густой, но низкий кустарник. Пулеметы противника стреляли недурно, и снопы пуль часто ложились на наш небольшой песчаный холм. Пришлось отослать назад в укрытое место несколько европейцев и аскари, которые бесполезно толпились здесь и были хорошо видны неприятелю.

Знакомый нам по прежним боям чистый звук неприятельских ружей и отсутствие минометов говорили за то, что перед нами, вероятно, португальцы. За время войны мы научились точно распознавать глухой полный звук наших старых ружей образца 1871 года, резкий треск наших винтовок с остроконечной пулей, двойной звук выстрела английских ружей и чистый тон португальских винтовок, не превышавших 6-мм калибра.

Неприятным моментом прежних боев было то, что минометы противника всегда быстро пристреливались по нашему расположению; от их действия при дымном патроне наших винтовок образца 1871 года было очень трудно укрыться. Однако сегодня минометов не было, и предательский дым добрых старых ружей образца 1871 года не приносил большого вреда. Зато когда наши пули попадали в цель, они производили солидные дыры. Скоро наши аскари поняли, что, несмотря на недостатки своего вооружения, могут в этом бою проявить свою солдатскую доблесть. «Сегодня день старых ружей!» — кричали они своим немецким командирам, и я увидел со своего холма, как стрелковые цепи отряда капитана Келя бегом атаковали неприятельские окопы и захватили их.

Это послужило сигналом для штурма на других участках. Со всех сторон наши части ворвались в расположение противника, который был сильно потрясен концентрическим огнем. Из неприятеля, силой около 1000 человек, смогли спастись едва ли больше 300 человек. Наши аскари набросились на добычу, не обращая внимания на продолжавшего еще стрелять неприятеля. Точно так же толпа носильщиков и боев немедленно появилась в лагере. Они рылись в горшках с жиром и других продовольственных запасах, открывали консервные банки и опять отбрасывали их, когда рассчитывали найти в другой банке что-нибудь более вкусное. Ца-

рил ужасный беспорядок. Взятые только что в плен португальские аскари принимали наравне с другими деятельное участие в грабеже своих собственных запасов. Не было никакого другого выхода, как только энергично вмешаться.

Мы похоронили около 200 убитых. Примерно 150 европейцев было отпущено на свободу под честное слово не принимать больше участия в этой войне против Германии и ее союзников¹. Несколько сотен аскарар были взяты в плен. Были захвачены ценные и крайне необходимые для нас медикаменты, которые благодаря столетнему колониальному опыту португальцев были отличного качества. Нам досталось также несколько тонн европейского продовольствия, всевозможное вооружение, 5 пулеметов и около 30 лошадей. Но, к сожалению, здесь не оказалось продовольствия для туземцев. Почти половина нашего войска была вновь перевооружена, на этот раз по-португальски, и имела достаточное количество боевых припасов. Было захвачено до 250 000 патронов, и эта добыча в течение декабря возросла почти до целого миллиона. Из захваченных документов выяснилось, что португальские европейские роты только за несколько дней перед этим прибыли в Нгоmano, чтобы выполнить непосильный приказ англичан — помешать немцам отступить через реку Ровуму. К нашей удивительной удаче, все эти части были сосредоточены в Нгоmano именно в такой момент, когда захват этого пункта окупил затраты, и мы одним ударом избавлялись от большей части наших затруднений.

Однако забота об обеспечении продовольствием всей массы наших туземцев продолжала нас гнать вперед. Вследствие этого мы поднимались вверх по Лудженде. День за днем искали наши патрули проводников-туземцев и продовольствия. Но ближайшие дни принесли мало утешительного. Аборигены, и без того в этой местности немногочисленные, бежали от беспощадной жестокости португальцев и прятали свои ничтожные запасы. Один мул и одна лошадь отправились друг за другом в наши котлы. К счастью, местность была очень богата дичью, и охотник почти на каждом шагу мог подстрелить одну из многочисленных антилоп или цесарок.

Если вначале походные колонны непомерно растягивались и двигались беспорядочно, то скоро выработались необходимые навыки. Носильщики, бои, женщины и дети научились наравне

¹ Следует отметить, что большинство взятых в плен и отпущенных под честное слово солдат на самом деле возвращались в свои части и продолжали воевать. (Прим. ред.)

с аскари соблюдать дистанции и скорость движения. В порядке, равномерно тянулась в неизвестную страну длинная лента войск, шедших гуськом, друг за другом, по узкой туземной тропинке и сквозь кустарник. Спустя два часа после выступления назначался обыкновенно первый получасовой привал, а спустя еще два часа — второй такой же привал. Шесть часов в день чистого походного движения, то есть 25—30 километров, составляли норму дневного перехода, но очень часто переходы делались длиннее. Войска разделялись на отдельные отряды, причем каждый из них состоял из трех рот, одной колонны носильщиков и полевого лазарета.

Передовой и тыловой отряды двигались в одном переходе впереди и сзади главных сил. В каждом отряде боевые роты со своими пулеметами находились впереди. Они имели при себе только самый необходимый патронный и санитарный груз и небольшие вьюки, по одному на каждого европейца. Аскари бодро маршировали вперед, вытянувшись прямо, как свечки, с ружьями на плечах, прикладом назад, как это издавна было в обычае у колониальных частей. Шла оживленная беседа, и, как результат многочисленных трофеев из неприятельских лагерей, везде дымилась папиросы. Храбро маршировали вместе со всеми маленькие ученики-музыканты — подростки в форме аскари; большая часть из них несла свое имущество в узле на голове. Аскари доверчиво окликали меня на своем языке: «Ямбо, бвана обас» (добрый день, полковник) или «Ямбо, бвана генерали», а маленький музыкантский ученик выражал свою надежду поехать когда-нибудь в «Улейя» (Европу) и в Берлин. Однако, развлекаясь болтовней, аскари в то же время зорко наблюдали за всем вокруг, и никакое движение в густом кустарнике не могло ускользнуть от их рысьих глаз. Головной изучал каждый след и мог по ним судить о движении и близости неприятельских частей.

Точно так же находились в строю и носильщики пулеметов, большей частью brave ваниамунзи и вассукума. За ротами или отрядами следовали носильщики с грузом продовольствия, багажа, лагерных принадлежностей и с большими, которых надо было нести. Груз, весом около 25 килограммов, переносился на голове или на плече. Выносливость этих людей была огромна. Все они прочно сжились с войсковыми частями. Когда случалась нехватка продовольствия или неудачная охота, они только говорили «хайзуру» (ничего не значит, в другой раз получим). Многие хо-

дили босиком и часто с занозами в ногах. Иногда во время перехода кто-либо из них решительно вынимал свой нож и отрезал целый кусок мяса от поврежденной ноги, затем маршировал дальше. За носильщиками следовали женщины («биби»). Многие аскари имели при себе во время похода жен и детей, многие из которых родились во время переходов. Женщины несли на голове «мали» (собственность), свою и мужа, связанные в один узел. Часто они имели еще завернутого в платок маленького ребенка, который висел за их спиной, и из платка выглядывала курчавая головка. О защите и порядке у женщин заботился европеец или надежный старослужащий эфенди с несколькими другими аскари. Все любили пестрые и яркие краски, и после какой-нибудь крупной добычи все шествие, длиною в несколько километров, из-за пестрых платков приобретало облик карнавала.

Во время марша следовало заботиться о добывании продовольствия. Охотничьи патрули двигались через кустарник впереди или по сторонам колонны. Некоторые из них оставались с несколькими носильщиками поблизости от старых лагерных стоянок, если здесь появлялись следы или дичь. Другие патрули направлялись по следам людей в поиски деревень, чтобы раздобыть продовольствие там.

По прибытии на лагерную стоянку мой бой Серубили и четыре аскари рубили ветки и делали стойки для палаточных полотнищ или для хижины из травы. Иногда устраивалась также высокая походная кровать из ветвей, которые покрывались травой. Скоро появлялся бородатый «Баба», мой повар, и с озабоченным видом давал указания по устройству кухни. Прибывшие носильщики таскали воду, рубили своими топорами дрова и срезали траву. Охотничьи патрули приносили свою добычу, и скоро везде дымилась кухонные костры.

Колонны носильщиков вымолачивали в деревнях зерно и доставляли его на бивуак. В «киносе» (толстый деревянный сосуд) толклось зерно большими дубинами, и глухие удары слышались далеко в кустарнике. Доставлялись донесения, кроки местности, захваченные документы, и ящик, поставленный в тенистое место, заменял письменный стол. При более продолжительной стоянке устраивался стол из ветвей. По вечерам ели все вместе, по-товарищески, у огня — бои приносили ящики для сидения, а старшие командиры имели складные стулья. Затем все шли на отдых под москитную сетку и рано утром двигались дальше в неизвестность.

Найдем ли мы продовольствие и хватит ли нам наличных скудных запасов до этой находки? Эти вопросы ежедневно вставали перед нами в продолжение недель и месяцев. Вечное передвижение не было одним сплошным удовольствием. Проезжая мимо войск, я однажды услышал о себе следующее замечание, вроде: «Как, все еще дальше? Малый, право, родился в семье деревенского почтальона».

Когда мы достигли устья реки Хиулеси, затруднения по части продовольствия сделались так велики, а местность, которая до того считалась богатой, так изменилась, что я отказался от своего первоначального намерения держать все части вместе. Это казалось в данный момент бесполезным и в тактическом отношении. От англичан, если они следовали за нами, не приходилось ожидать настойчивого преследования крупными силами, из-за ежедневного удлинения их тыловых сообщений. Переданное мне через парламентаря письмо английского главнокомандующего генерала ван Девентера, в котором он предлагал мне сдать, укрепило меня в предположении, что тот не ожидал нашего отступления и не мог в данный момент помешать вторжению в португальскую колонию. Ни он, ни до него генерал Смутс, не думали о том, чтобы предлагать нам сдать в то время, когда обстановка складывалась для англичан благоприятно. Почему же делали они это при настоящем положении вещей или в сентябре 1916 года у Киссаки, когда обстановка была для нас безусловно хорошей? Ответить на этот вопрос было нетрудно. Времени до наступающего в конце декабря периода дождей оставалось очень мало, а с началом дождей подвоз, который производился противником главным образом на автомобилях, должен был натолкнуться на непреодолимые затруднения. Времени на организацию нового наступления у ван Девентера не было.

Следовательно, мы могли без колебаний разделиться на несколько колонн. Временной потери связи между собой нечего было опасаться. Таким образом, отряд генерала Вале отделился и двинулся через горы Мкула, сам же я направился дальше вверх по реке Лудженда.

В указанном выше письме генерала ван Девентера упоминалось также о сдаче капитана Тафеля. Это сообщение было для нас тяжелым и неожиданным ударом.

Когда генерал Вале в мае 1917 года отправился для руководства войсками у Линди, капитан Тафель принял на себя командо-

вание в Махенге. Для обеспечения богатого местными средствами Махенгского округа с севера он выделил отряд из нескольких рот под командой капитана флота Шенфельда. Этот последний сумел придать устойчивость своему маленькому отряду искусным использованием 10,5-см орудия; кроме того, он хорошо обеспечил свои части обработкой полей и садов.

У среднего Рухудже был расположен также слабый отряд под командой капитана Аумана, а северо-восточнее Сонги в районе Ликуджу — отряд капитана Линке. Этот последний имел частые столкновения с неприятелем и страдал от недостатка продовольствия. Поэтому он постепенно отошел к северу в направлении на Мпонди. Здесь Линке был усилен двумя ротами и одним орудием, переведенными сюда из главных сил. Командование этим отрядом принял капитан Отто.

В августе 1917 года сильные английские и бельгийские части двинулись со всех сторон на Махенге. Капитан Тафель предвидел это и переправил свои продовольственные запасы из района Махенге на Мгангиру. 11 сентября Махенге было оставлено. Хотя отдельные бои протекали все время благоприятно, но превосходство неприятеля становилось все-таки очень заметным, а недостаток боевых припасов делался все более чувствительным — особенно в ротах аскари, вооруженных большей частью ружьями образца 1871 года с дымным патроном.

Позднее я узнал от капитана Отто, который пробился с патрулем отряда Тафеля и явился ко мне в декабре 1917 года в Хирумбу, что их группа войск двигалась на юг западнее Ливале тремя колоннами. При этом он имел несколько боев, большей частью удачных, в районе верхней Мбемкуру и захватил большое количество боевых патронов. Затем он двинулся дальше на юг к реке Бангалле и, предполагая, что я нахожусь в районе Массасси, повернул на восток. Оказавшись южнее этого пункта, он узнал от туземцев, что прошло уже несколько дней, как немцы не сражаются севернее Ровумы. Тогда капитан Тафель повернул к Ровуме и переправился через нее около устья реки Бангаллы, так как рассчитывал найти продовольствие на южном берегу. Его запасы были совершенно истощены. Но он ничего не нашел и не подозревал, что на расстоянии около перехода высланный мною отряд Геринга захватил португальский лагерь Нампакешо и обнаружил в этом богатом районе так много продовольствия, что мог отлично просуществовать в течение 14 дней.

Тогда капитан Тафель вернулся назад на северный берег Ровумы и сдался противнику.

Известие о сдаче капитана Тафеля, в то время когда мы так близко находились друг от друга и легко могли соединиться, опять заставило меня призадуматься, стоило ли разделять свои войска. Для меня было хуже всякой пытки прекращение поступления известий от отряда Геринга, связь с которым у Нгомано поддерживалась при помощи патрулей. Точно так же и позднее я был вынужден постоянно обращать внимание младших начальников на необходимость самой тесной связи, особенно когда при дальнейшем движении вверх по реке Лудженде в целях облегчения поисков продовольствия пришлось сильно разбросать отдельные отряды и роты.

Губернатор остался при армии и после очищения нами нашей колониальной области. По закону, который, конечно, не предусматривал случая войны в колониях с европейской державой, высшее военное командование здесь принадлежало ему. Этому праву он придавал чрезвычайно стеснительное для командующего толкование и много раз очень неудачно вторгался в круг моей деятельности. Раньше против этого я был бессилен, и потому очень ценил тот факт, что за пределами колониальной области у меня, по крайней мере, оказались развязаны руки. Ведь даже если я и не соглашался с требованиями губернатора, то само наличие противоречий во мнениях в условиях крайне тяжелой военной обстановки чрезвычайно затрудняло работу военного начальника, с которого можно было снять только формальную ответственность, но ни в коем случае не моральную.

В то время я не всегда был достаточно мягок и внимателен с окружавшими меня людьми. Случалось, что именно офицеры штаба, работавшие с большой преданностью делу и достойные признательности, иногда терпели несправедливые упреки. Если они тем не менее не приходили в дурное расположение духа и бодро продолжали дальнейшую работу, то за это им следует принести особую благодарность. Именно благодаря их работе нам удалось при столь неблагоприятных обстоятельствах достигнуть успеха, который все охотно приписывают исключительно одному мне. Я, с давних пор дорожа дружескими, товарищескими отношениями, желал, конечно, лучшего положения, чем то, при котором все сотрудники немного ворчали. К счастью, это было только временно.

Наше положение было теперь таково, что при встрече с противником мы не могли справляться об его силах. У нас не было времени для продолжительных разведок. Может быть, этому следует приписать ту твердость и решительность, которая привела к тому, что при столкновениях с португальскими войсками в течение декабря было захвачено три укрепленных лагеря. Решающее значение при этих предприятиях имели младшие начальники, которые иногда впереди всех бросались на неприятеля. Они не должны были терять времени и потому не ожидали особых приказаний. Лейтенант резерва Кемпнер, двигавшийся с 11-й ротой в авангарде вверх по реке Лудженде, наткнулся 2 декабря у Нангвале на укрепленный португальский лагерь. Как и большинство португальских лагерей, он был расположен на голой возвышенности с широким обстрелом. Доблестная 11-я рота немедленно развернулась и двинулась в атаку по открытому пространству шириной в 300 метров. Аскари несли полное походное снаряжение и не могли развить такой скорости, как ротный командир и его эфенди (черный офицер). Последние вскочили на бруствер и оттуда — внутрь неприятельского укрепления, оказавшись на некоторое время совсем одни среди неприятельского гарнизона силой около взвода. Неприятель, по-видимому, настолько растерялся, что под впечатлением «ура» наших налетевших, как буря, аскари немедленно исполнил приказ сдать оружие. Кроме того, следует упомянуть, что в наши руки попал склад боевых патронов и продовольствия, которых хватило для всего войска на несколько дней.

Меня серьезно беспокоила судьба капитана Геринга, об отряде которого не было никаких сведений. По поводу генерала Вале, который двигался вверх по реке Хиулези, было известно только, что он разбил и уничтожил в горах Мкула португальский отряд из нескольких рот, занимавший укрепленную позицию. Попытка установить связь с ним при помощи гелиографа успеха не имела, хотя португальцы с гор Мкула отчетливо видели наши сигналы из Нангвале.

Капитану Штеммерману удалось после многодневной осады взять одно сильное укрепление — бому Хао, которая упорно оборонялась противником. Так как на успех штурма рассчитывать было нельзя, то неприятеля отрезали от воды; его положение в окопах сделалось невыносимым, и он принужден был сдаться.

Мы потеряли, между прочим, несколько хороших черных унтер-офицеров и офицеров.

В день боя у Нангвале я отсутствовал, так как должен был устранить задержки в движении следующих сзади рот и позаботиться, чтобы этот марш шел по намеченному плану. Затем, ускорив свое движение, я легко наверстал задержку и прибыл в Нангвале настолько своевременно, что успел принять на себя распределение добычи.

Все-таки в самом лучшем случае мы жили одним днем. У Нангвале, где полгода тому назад наши войска нашли такой богатый местными средствами район, картина теперь совершенно изменилась. Кроме захваченных запасов, здесь положительно ничего не имелось; даже дичь была или перебита, или разогнана. Это стало немалым разочарованием, так как я рассчитывал избавиться от тяжелых продовольственных затруднений. Поэтому части пришлось опять разделить. По сведениям от пленных и из захваченных бумаг выяснилось, что гарнизон в Нангвале снабжался продовольствием при помощи колонн носильщиков, приходивших издалека из района Мвалиа. Следовательно, там можно было кое-что найти.

5 декабря капитан Кель с пятью ротами, одним орудием и колонной носильщиков боевых припасов выступил из Нангвале район Мвалиа-Медо. Я сам продолжал движение вверх по Лудженде. К счастью, оправдались заявления лейтенанта резерва фон Шербенинга и других европейцев, производивших раньше разведки с патрулями в этой местности. Они говорили, что скоро мы вступим в область, богатую продовольствием. Однако запасы оказались не особенно обильными, и мы были очень довольны, что охота опять покрывала большую часть нашей потребности в пище. Действительно, большое количество гиппопотамов, встречавшихся в реке на протяжении нескольких переходов, иногда большими стадами, от 15 до 20 голов, сделалось для нас существенной поддержкой. Я не мог отказать себе в удовольствии выстрелить в голову сильного гиппопотама; животное сразу шло ко дну, образуя над собой водоворот, как тонущее судно. Спустя некоторое время оно опять всплывало на поверхность воды с поднятыми кверху ногами и только слабо билось. Тогда его притягивали к берегу при помощи каната.

Здесь в большом количестве водятся крокодилы, от чего следовало быть осторожным, и мы потеряли из-за них много хорошей добычи. Жареное мясо гиппопотама напоминает вкусом жесткое воловье мясо, причем язык этого животного особенно вкусен.

Но самое главное — это превосходный жир, который войска быстро научились готовить. Его белоснежный аппетитный цвет был теперь совсем другим, чем у грязно-желтого жира во время первых попыток охоты на гиппопотамов у Руфиджи.

Во время моих многочисленных разведывательных и охотничьих скитаний в лесах сопровождавшие меня аскари и люди, которых мы брали с собой для переноски дичи, выдали мне некоторые тайны африканского кустарника и леса. Мы давно уже научились готовить очень хорошее кушанье из различных листовых растений (называемых млендой); теперь туземцы показали мне новые очень вкусные дикие плоды. Мы также узнали, что косточки от плода мбинджи, мякоть которого содержит синильную кислоту, лишены яда и в жареном виде представляют исключительно вкусное блюдо, напоминающее наши орехи.

17 декабря 1917 года командование прибыло в Хирумбу (Мтарика). Обер-лейтенант Руктешель выдвинулся со своей ротой вперед и быстро прогнал слабый португальский пост. Это была одна из факторий португальской Ньясской компании. В руках этой торговой компании находилось также гражданское управление северной частью португальской территории, которая и далее на юг управляется другими частными компаниями¹. Португальский чиновник в Хирумбу, по имени Фернандес, был, по-видимому, очень дельным человеком. Солидные постройки его фактории, расположенной на совершенно открытой возвышенности, содержались в безукоризненной чистоте; подходящие вплотную к фактории фортификационные сооружения обеспечивали ее от нападения. На берегу протекающей вблизи Лудженды находились прекрасные сады и огороды с фруктами и овощами. Аллеи из тутовых и манговых деревьев окаймляли хорошо устроенные дороги; манговых деревьев, которые называются туземцами «эмбе», было много, и притом различных сортов: около фактории и в ближайших туземных деревнях. Их плоды начали уже созревать и были так многочисленны, что мы организовали правильный их сбор войсковыми частями. Этим было предупреждено бесцельное расхищение манго, чем вообще отличаются чернокожие. Превосходный сладкий фрукт пришелся по вкусу всем европейцам и большей части цветных и при недостатке сахара являлся в тече-

¹ На территории своих африканских колоний португальское правительство передávalо на своеобразный откуп частным компаниям огромные территории, которые те использовали в своих интересах, ограничиваясь выплатой государству налогов. (Прим. ред.)

ние ряда недель ценной добавкой к пище. Когда я после прибытия в Хирумбу вышел на веранду европейского дома, обер-лейтенант Руктешель положил передо мной свиное сало, которого мы были уже давно лишены. Здесь, как и на многих других португальских факториях, разводились европейские породы свиней.

Мы устроились оседло на несколько недель. Один отряд двинулся дальше вверх по течению и занял небольшую факторию Луамбалу. Генерал Вале тоже двигался в знакомую уже нам область Мвембе, густо покрытую факториями. Скоро наши патрули по сбору продовольствия и летучие отряды очутились в отлично обработанном районе Хирумба—Луамбала—Мвембе и продвинулись за границы этого района. Туземцы данной области вели себя благоразумно и относились к нам дружелюбно, так как они по прежнему опыту знали, что им нечего бояться немецких войск.

Несмотря на это, некоторые из них спрятали свои запасы в кустарнике и не хотели ничего поставлять или давали очень мало. Но наши люди давно уже научились тщательно обыскивать все места, которые казались им подозрительными; так, например, они обнаруживали запасы продовольствия, спрятанные в дуплах пней. Другие протыкали палкой рыхлую почву вновь устроенной огородной грядки и находили под ней скрытые склады урожая. Одним словом, было обнаружено множество таких тайников, и когда мы во время рождественских праздников сидели все вместе в большой тростниковой хижине, то были освобождены от тяжелых продовольственных забот. По рассказам наших чернокожих, река Лудженда была несколько месяцев тому назад настолько богата рыбой, что в некоторых местах ее можно было вылавливать целыми корзинами. Но почему-то в это время рыбы попадалось очень мало — это были почти исключительно сомы длиной в руку и некоторое количество более мелкой рыбы, которая тоже слегка разнообразила нашу пищу.

Связь с отрядом Келя, продвинувшегося в район Медо, поддерживалась постами летучей почты. Я предполагал, что противник по своему обыкновению готовится окружить нас со всех сторон, и считал, что подготовка этой операции займет, по крайней мере, месяц. Следовательно, можно было ожидать крупных действий со стороны неприятеля только после периода дождей, который должен был закончиться, по моим предположениям, в конце февраля. Примерно к этому времени я решил расположить свои силы более сосредоточенно, выбрав для этого район Нанунгу. То

есть мы должны были сохранять продовольственные запасы этого района и жить, насколько возможно, средствами других, более отдаленных, областей, лежавших за пределами нашего теперешнего квартирного расположения.

Для дальней разведки и сбора продовольствия высылались патрули, отсутствовавшие обычно по несколько недель. Патруль лейтенанта Шербенинга, отправленный на несколько месяцев, двинулся от Хирумбы через Мтенде, Махуа, затем дальше на юг через реку Лурио и, наконец, вверх по реке Малеме. Здесь он захватил врасплох португальскую бому Малему. Один итальянец, охотившийся на слонов у реки Лудженды, добрался до нас совершенно ободранный и изголодавшийся; затем он сопровождал патруль лейтенанта Шербенинга. Однако его здоровье было настолько подорвано затянувшейся малярией и селезенка так непомерно распухла, что в конце концов нам пришлось отнести нашего гостя из района Махуа на его плантацию, расположенную у Малакотеры.

В начале января 1918 года англичане начали шевелиться. Два неприятельских батальона (1-й и 2-й батальоны 1-го полка Королевских африканских стрелков), направленных с юго-восточного берега озера Ньяса, сблизилась с отрядом капитана Геринга, который занял укрепленный лагерь в остром углу при слиянии рек Луамбалы и Лудженды, обеспечивая склады продовольствия, находившиеся дальше вверх по Лудженде. Утром 9 января атака, произведенная только частью сил противника, была отбита. Полудни неприятель, получив подкрепление, снова перешел в наступление, причем некоторые его части двигались по восточному берегу Лудженды на север, в направлении магазинов. Обнаружив это движение, капитан Геринг со своими главными силами перешел на восточный берег реки. В лагере на западном берегу остался только сильный патруль, сдерживавший неприятеля. К этому же времени неприятельские войска перешли в наступление от Мтангулы на Мвембе. Было установлено, что здесь действует 11-й Капский отряд, состоящий из южно-африканских метисов.

Теперь начались мелкие набеги и стычки патрулей, а это, при невозможности выделить достаточную охрану для наших носильщиков, часто ставило нас в затруднительное положение. Англичане ловко использовали тяжелую для нас обстановку для попыток подорвать верность наших аскари и носильщиков. Конечно, многие из них были утомлены войной, многие колебались и чувствовали себя неуверенно, не зная, куда могут еще забросить их

наши скитания. Большинство черных очень привязаны к своим родным местам и родичам. Они говорили себе: «Если мы будем продолжать движение дальше, то мы попадем в совершенно незнакомую нам страну. Отсюда, где мы находимся теперь, мы найдем еще дорогу обратно; позднее мы не сумеем уже вернуться». Английское нашептывание и листовки, которые ежедневно посылались полковником Бакстером¹ в наши части, нашли благоприятную почву, и много хороших аскари и старослужащих дезертировало. К этому надо прибавить неизбежные мелкие неприятности, семейные обстоятельства и тому подобное, которые облегчали людям их стремление к побегу.

Многое значила еще и впечатлительность черных, а также их способность к быстрым и необдуманным решениям под влиянием посторонней пропаганды. Но если полковник Бакстер может похвастаться, что внес своей деятельностью в наши ряды некоторое разложение, то все-таки это было кратковременным явлением. Скоро даже к тем, кто повесил было голову, вернулись прежняя предприимчивость и доверие. Пример хороших аскари, которые попросту смеялись над неприятелем, сулившим им золотые горы, одержал верх. При такой длительной и кровопролитной войне настроение бывало иногда подавленным. Этому надо не только удивляться или возмущаться, а следует упорно бороться с этим, как боролись лучшие люди, которых было много среди наших европейцев, аскари и носильщиков.

¹ Фактический начальник английской контрразведки в Восточной Африке. (Прим. ред.)

Глава вторая. Восточнее реки Лудженды

(Январь—май 1918 года)

Продовольственные вопросы. Во время дождя. Снабжение табаком. Возле Конунгу. Постройка понтонных лодок. Поиски через реку Мсалу. Известия о событиях в Европе. Перерыв в боях. Поиски до берега моря. Дорогая свинья пори. Новое неприятельское наступление. Частые перестрелки. Против неприятеля у горы Кирека. Бой в кустарнике. Ошибочное донесение и его последствия. Потери обеих сторон в последних боях. Успехи капитана Келя. Дальнейшее движение к горе Короме. Нападение. Губернатор в опасности. Досадные потери.

Патруль капитана Отто, посланный ко мне капитаном Тафелем до его сдачи, прибыл в Хирумбу. Он подробно доложил о тамошних событиях. Теперь капитан Отто двинулся с двумя полевыми ротами на Луамбалу и принял на себя там общее командование также и над отрядом капитана Геринга (3-я рота). Следовало считать, что наибольшую опасность представляло для нас наступление неприятеля в районе Луамбалы и именно на восточном берегу Лудженды. Было ясно, что если противник будет наступать вниз по течению, то мое положение у Хирумбы на западном берегу, в области продовольственных запасов которой постепенно истощались, будет крайне неблагоприятным — особенно при наличии в нашем тылу реки, которая сильно вздулась от выпавших в то время дождей.

Мне было нужно выйти из этого положения и своевременно оттянуть свои силы на восточный берег Лудженды. К сожалению, броды были уже непроходимы вследствие высокого уровня воды, и общую переправу с одного берега на другой предполагалось произвести при помощи трех наличных пиросов.

Роты были постепенно переведены на восточный берег без всякой помехи. Сбор продовольствия становился крайне затруднительным. К счастью, капитан Кель задержал в районе Медо и Намуну наиболее благоразумных туземцев для возделывания быстро поспевающих полевых овощей и доложил, что уже с половины февраля можно рассчитывать на сбор нового урожая. Но до того времени оставался еще целый месяц, следовательно, мы все-

ми силами должны были стремиться как можно дольше оставаться в районе Хирумбы.

Нас вывело из затруднения, как некогда манна сынов Израиля, огромное количество грибов, появляющихся в это время года. Еще в Германии я интересовался сбором грибов, а потому очень легко нашел в африканском лесу близких родичей наших немецких сортов — шампиньонов, боровиков и других. Я часто собирал их за короткое время целые корзины, и если даже грибы представляли слишком однообразную, малопитательную и неудобоваримую пищу, все-таки они были для нас значительной поддержкой.

Под дождем, лившем как из ведра, мы двинулись дальше на восток. Сухие обычно горные ущелья обратились в быстрые реки. Для устройства переправы рубились росшие на берегу деревья, которые валились поперек такого ущелья, а из жердей устраивались самодельные перила. Из-за очередного приступа малярийной лихорадки я двигался верхом на муле. Мой мул перебрался на другую сторону вплавь вместе с немногими другими верховыми животными, не попавшими пока в котел. По прибытии на лагерную стоянку мои люди быстро выстроили для меня из веток походную постель, которую постарались сделать как можно выше, приподняв над сырой почвой, и растянули оба палаточных полотнища. Обер-ветеринар Губер заботился о материальном благополучии сотрудников штаба, и под его руководством наш ловкий черный повар, бородатый старый «Баба», немедленно принялся за работу. Таким образом, несмотря на мокрые от дождя дрова, мы быстро собрались у огня за общим столом.

В солнечные дни сушился и резался табак. Деятельный полевой интендант, лейтенант флота Беш, всегда очень изобретательный, когда дело шло о материальном обеспечении войск, позаботился и об этом и собрал у туземцев очень хороший табак. Однако, несмотря на искусность отдельных людей, лишения были чрезмерно велики, и пропаганда противника имела успех. Вместе с некоторыми исчез однажды утром и бой, верно служивший в течение многих лет одному из офицеров, — вероятно, его «биби» (жене) надоела военная служба.

Отряд капитана Отто выступил от Луамбалы прямо на восток и встретил у реки Лурио местность, богатую продовольствием. Отряд Геринга, двигавшийся от Луамбалы на Мтенде, тоже нашел по пути большие запасы провианта. Жатва в этой области собиралась значительно раньше, чем в германской Восточной

Африке; мале (кукуруза) начала уже созревать и большей частью годилась в пищу.

Командование перешло сначала от Хирумбы в Мтенде, а несколько дней спустя двинулось дальше в Нанунгу. Отряд Вале, направленный на Мтенде, был обойден несколькими неприятельскими ротами, которые неожиданно появились на одном из холмов в его тылу, прервав службу летучей почты и подвоз. Генерал Вале ускользнул из этого неудобного положения окольной дорогой и перешел в Нанунгу, поближе к командованию.

У Нанунгу мы нашли богатые запасы продовольствия, и можно было опять, как и в прежнее время, организовать закупочные посты и устроить магазины. Большое количество дичи обеспечивало хорошую добычу, и, кроме того, туземцы охотно обменивали садовые плоды и мед на мясо, но еще охотнее брали различные части одежды. Особенно был приятен на вкус очень похожий на вишню сладкий фрукт пори, который в изобилии произрастал в районе Нанунгу. Мне он очень нравился, и я распорядился готовить из него варенье. Иногда нам доставались и другие лакомства — главным образом земляные орехи, а крик петухов выдавал, что повсюду, и в лагерях, и в туземных деревнях, имеются куры и яйца.

Наступление периода дождей не вполне точно совпало с предсказанием туземцев. Правда, иногда случались сильные ливни, но благодаря холмистому характеру местности вода быстро стекала и собиралась в главной артерии этой страны — реке Мсалу, которая превратилась в серьезное препятствие. Принятый в армию вице-фельдфебелем секретарь полевой почты Гартман навел через реку Мсалу понтонный мост, который связал нас с отрядом генерала Вале, остававшемся на западном берегу реки. Плавучими устоями для моста служили лодки из коры.

Необходимость беспрепятственного сообщения через вздувшиеся реки в этой богатой водою местности заняла мое внимание. До сих пор мы носили с собой несколько пирог. Но переноска их в течение долгого времени была тяжела, и, кроме того, от этого средства было слишком мало пользы. Доброволец военного времени Герт, плантатор с нижнего Руфиджи, особенно заинтересовался этим вопросом и научился постройке лодок из коры у местных туземцев, хорошо знакомых с этим делом. После того как его попытки увенчались успехом, во всех ротах занялись постройкой таких лодок, для изготовления которых при известном навыке требовалось не более двух часов. Подобные лодки не использова-

лись нами в большом количестве, но они дали уверенность, что в случае необходимости даже сильные потоки не будут служить препятствием для наших неповоротливых караванов и грузов.

После некоторого знакомства с местностью мы отыскивали на реке Мсалу броды, которые даже при высокой воде открывали сообщение между обоими берегами. Наши боевые патрули под командой сержанта Валетта и других отправлялись из укрепленных лагерей близ Нанунгу, переправлялись через реку, составлявшую западную границу нашего лагерного района, и производили поиски против неприятеля, занимавшего лагери у Мтенде. Одному из этих патрулей, имевшему усиленный состав и снабженному двумя пулеметами, удалось западнее Мтенде атаковать неприятельский караван с продовольствием. Но затем наши солдаты недостаточно быстро оторвались от частей противника, прикрывавших караван, и, атакованные со всех сторон, оказались в тяжелом положении. Оба пулемета были потеряны, а их прислуга (европейцы) — перебита. Правда, аскари вернулись в Нанунгу в полном составе, но командир патруля фельдфебель Мюслин отстал во время отхода и попал в руки противника. Другой патруль, с которым капитан Мюллер переправился на севере через Мсалу, быстро разбил английский пост у Лосиндже. В этом же районе был захвачен лагерь английского лейтенанта Вингольта, который, как об этом упоминалось раньше, бежал из нашего плена и сделался одним из лучших английских патрульных начальников. Туземцы, на которых усиленно влияли английские патрули, шпионили в пользу неприятеля, получая за это различные части одежды. Кроме того, у реки Мсалу около хижины одного из вождей туземцами было произведено неожиданное нападение на строителя лодок, добровольца Герта, и он был убит.

В то время, то есть во второй половине марта 1918 года, наше настроение приподняли вести, принятые нашей станцией беспроволочного телеграфа. В них говорилось о чрезвычайно мощном германском наступлении на западном фронте. Я держал пари с санитарным офицером при штабе, доктором Тауте, что Амьен будет скоро взят¹. Период многонедельного затишья, которое насту-

¹ 21 марта 1918 года германские войска начали в Пикардии наступление, целью которого был разгром англо-французских армий до того момента, пока в Европу не переброшены многочисленные войска США. 28 марта немцы были на расстоянии примерно 35 км от Амьена — одного из промежуточных пунктов между линией фронта и портами на побережье Ла-Манша, через которые происходило снабжение английских войск. Однако Амьен так и не был взят. К 5 апреля немецкое наступление захлебнулось. (Прим. ред.)

пило теперь в связи с приостановкой наших операций, я использовал, чтобы привести в порядок мою правую ногу, которая из-за песчаной блохи¹ в течение полугода причиняла мне большие неудобства. Песчаные блохи, которые встречаются в некоторых лагерях в несметном количестве, вьедаются в тело, главным образом у края ногтей на ногах, и причиняют болезненное воспаление. Если не обращать на это внимания, то они проникают в мясо все глубже и, по мнению врачей, служат причиной уродства ног и потери пальцев у многих туземцев. Я тоже страдал от этих насекомых, а при ходьбе на ногах постоянно образовывались нарывы. К счастью, наш штабной врач Тауте сделал мне операцию, во время которой вырвал ноготь.

Я пострадал еще и в другом отношении. Во время одной из разведок я наткнулся правым глазом на стебель травы выше человеческого роста. Затем, ввиду лечения атропином, хрусталик потерял способность сокращаться, а потому я не мог хорошо видеть правым глазом, а также разбирать какой бы то ни было шрифт или карту. Такое состояние было очень тягостным, так как мой левый глаз был сильно поврежден вследствие огнестрельной раны, полученной еще в 1906 году при усмирении восстания готтентотов в Юго-Западной Африке, и я мог читать им только при помощи увеличительного стекла. Но теперь подобных стекол достать было нельзя и, таким образом, я был вынужден разрабатывать различные операции, будучи лишен возможности хорошо видеть.

Патрули отряда Келя продвинулись из района Медо-Намуну до морского побережья, захватили у нижнего течения реки Лурио и далее к югу от этой реки португальские укрепления и взяли несколько пушек, некоторое число ружей и патронов (преимущественно старого образца), а также значительное количество продовольствия. Туземцы относились к нашим патрулям дружелюбно и видели в них освободителей от португальского гнета. В свою очередь, патрули отряда Отто высылались от Махуа в район южнее реки Лурио, и обер-лейтенант Метнер, отлично изучивший нравы и обычаи туземцев, хорошо отзывался о благоразумии и сообразительности португальских негров и о разумных и широких взглядах их вождей.

Лейтенант фон Шербенинг, захвативший со своим патрулем бому Малему, доносил о большом богатстве этой страны. Чтобы нам тоже что-либо досталось из этого изобилия, он прислал в На-

¹ Одна из разновидностей клеща. (Прим. ред.)

нунгу свинью, а так как она не могла идти, ее несли на протяжении 300 километров. К сожалению, оказалось, что это была не европейская свинья, а животное из породы водящихся в пори диких свиней с жестким мясом, которых мы часто убивали в лесу.

Опять наступил период, когда сведения о неприятеле добывались с большим трудом. Однако многое можно было извлечь даже из тех несовершенных карт, которые находились в нашем распоряжении. Я не сомневался, что следующие свои операции неприятель начнет главными силами от морского побережья, из района Порту-Амелия¹. В то же время было установлено появление более крупных сил противника у Мтенде, а также имелись — правда, очень неопределенные — сведения о движении неприятельских войск на Махуа с юго-запада. Это давало мне основания предполагать, что одновременно с предстоящим наступлением главных сил противник намерен другими частями вести операции с запада.

Казалось, создавалась обстановка, при которой я мог использовать действия по внутренним операционным линиям и атаковать одну из колонн неприятеля. Условия, в которых противник находился с точки зрения обеспеченности провиантом, говорили за то, что его колонны, наступавшие с запада, не могли быть особенно сильными. Таким образом, именно здесь мог представиться благоприятный случай, которого я искал. Поэтому я остался с главной частью своих войск в районе Нанунгу и, кроме того, перевел сюда от Лурио отряд капитана Отто. С этими силами я предполагал развить наступление в западном направлении. Капитану Келю ставилась задача сдерживать продвижение главных неприятельских сил от Порт-Амелия и постепенно, шаг за шагом, отходить на меня.

Капитан Мюллер, который после долголетней службы в штабе принял на себя командование отдельным отрядом из двух рот, был выдвинут вперед из района Нанунгу на Махуа, чтобы нанести здесь возможный вред неприятелю. Он обошел Махуа и юго-западнее этого пункта неожиданно напал на укрепленную продовольственную факторию Канене. Защитники, англичане-европейцы, поняли, что потеря запасов неизбежна. Чтобы помешать этому хотя бы отчасти, они растащили запасы спиртного, и попали в наши руки сильно навеселе.

Сам я в середине апреля также двинулся на Махуа и уже издали услышал, что близ этого пункта происходит оживленная

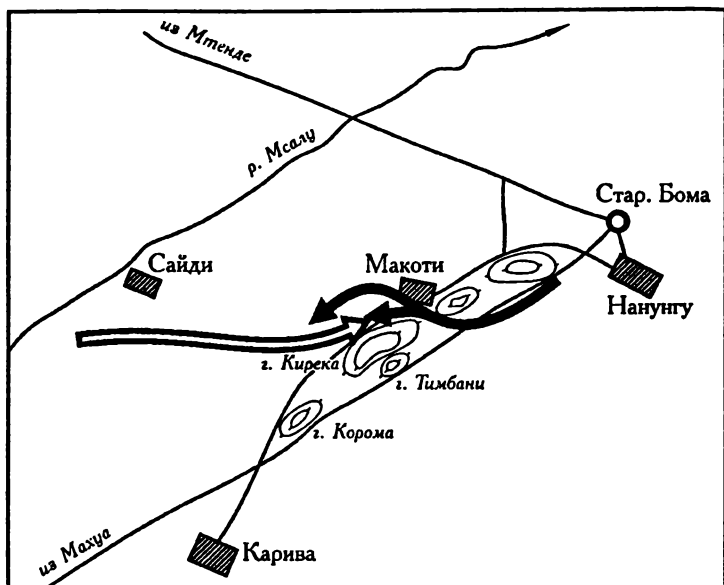
¹ Ныне — центр северо-восточного округа Мозамбика Кабу-Дельгаду, крупнейший порт на севере тогдашней португальской колонии. (Прим. ред.)

перестрелка. Капитан Мюллер столкнулся у Коривы, северо-восточнее Махуа, с батальоном противника под командой полковника Бартона. Последний был послан в набег и атакован нашими силами на походе. Несмотря на то что с нашей стороны в бою участвовало едва 70 ружей, нам все-таки удалось произвести охват правого фланга противника и так энергично взять его под сильный пулеметный огонь с термитного холма, что неприятель обратился в паническое бегство. При этом он потерял свыше 40 человек. К сожалению, обер-лейтенант Вундерлих получил при этом тяжелую рану в нижнюю часть живота, был отправлен в лазарет в Нанунгу на расстоянии двух переходов от места боя и скоро умер.

Удар, для которого я предназначал главные силы, был уже успешно проведен слабым отрядом Мюллера. Поэтому я опять вернулся со своими частями в район, лежащий непосредственно к западу от Нанунгу. Там обнаружилось наступление более серьезного противника, сильные патрули которого переправились через реку Мсалу. Мой план — захватить врасплох более крупную часть противника непосредственно после ее переправы через реку — не удался; полученные мною сведения оказались неверными. Но все-таки наши боевые патрули в целом ряде мелких столкновений у Мсалу и западнее нанесли противнику значительные потери, и его боевые отряды скоро оставили восточный берег этой реки. Наши продовольственные патрули, задача которых состояла в доставке провианта по направлению на Махуа, неожиданно натолкнулись 3 мая в районе Сайди на более сильные неприятельские отряды, которые представляли большую угрозу для нашего полевого лазарета и наших запасов продовольствия близ Макоти.

Для обеспечения наших будущих операций, которые предполагалось вести преимущественно в западном направлении, часть нашего продовольствия была перенесена в Макоти. Мы немедленно выдвинули боевые патрули, которые имели у горы Кирека несколько столкновений с неприятелем. Сначала я решил принять меры против неприятельских дозоров, а потому выслал туда капитана Шульца с сильным патрулем для поддержки наших передовых частей и сам двинулся 4 мая с главными силами по дороге Нанунгу—Махуа. Я рассчитывал получить возможность быстро атаковать неприятельские части, если бы они где-либо неожиданно появились.

Днем наши патрули наткнулись на нового противника у горы Кирека. Один из отрядов противника был отброшен, и можно было

Столкновение патрулей у г. Кирека

предполагать, что сзади, в укрепленных лагерях, находятся более крупные силы. Утром 5 мая я выступил из своего лагеря на Мако́ти. Во время передвижения я страстно желал, чтобы неприятель избавил нас от атаки на его укрепленную позицию, и надеялся, что он выйдет из своих окопов и тогда бой развернется в открытом поле.

В 11 часов утра я прибыл к горе Кирека и отправился вперед к капитану Шульцу, занявшему своими патрулями несколько скалистых пещер в строевом лесу. Как раз когда я подходил, я получил донесение от одного солда (черного фельдфебеля), вернувшегося с патрульного обхода. Донесение говорило, что большие силы неприятеля двигаются развернутым порядком и должны сейчас появиться на близком расстоянии. Я дал знать об этом оберлейтенанту Белю, только что подошедшему со своей ротой к отряду Шульца, и поручил ему в случае неприятельской атаки немедленно вступить в бой. Затем я вернулся назад и отдал приказ о движении наших следовавших сзади рот.

Между тем впереди завязался бой. Неприятель, наступая густыми стрелковыми цепями, быстро отбросил наши патрули, но затем, к своему большому удивлению, попал под сильный пуле-

метный огонь роты Беля и слегка отступил. Прибывший вслед затем отряд Геринга был немедленно направлен для обхода справа. Этим движением противник был совершенно застигнут врасплох и с крайне тяжелыми для себя потерями был отброшен.

Таким образом, после многих километров стремительного преследования мы подошли к неприятельским позициям. На нашем левом фланге, где были введены в дело две подошедшие последними роты, сражение неоднократно передвигалось с места на место, и мне было трудно отличить в кустарнике своих от противника. По этой причине прошло некоторое время, прежде чем я смог составить себе точную картину положения дел на этом фланге. Только донесение майора Краута, посланного мною туда, показало, что наш левый фланг при своем продвижении вперед попал на одной из прогалин под очень сильный огонь неприятеля и остановился. Контратака противника, которая почти достигла места расположения командования, могла поставить нас в очень тяжелое положение. Но, к нашему большому счастью, как раз в этот момент прибыл со своей ротой обер-лейтенант Бюксель и отразил атаку.

Между тем на нашем правом фланге капитан Геринг убедился, что фронтальная атака неприятельских укреплений не имела никаких шансов на успех. Поэтому он приказал лейтенанту Мейеру обойти с сильным патрулем позицию противника, чтобы взять под огонь с тыла неприятельский миномет и, если возможно, захватить его. Это предприятие не удалось, так как неприятель совершенно неожиданно выдвинул новые резервные части, которые оказались в состоянии сдержать патруль Мейера. Таким образом, бой затих. К наступлению полной темноты мы находились в тесном соприкосновении с неприятелем. С обеих сторон изредка раздавались отдельные выстрелы.

Во время боя канцелярская работа — в Африке тоже приходится писать, хотя и меньше, чем это обычно практикуется, — полностью прекращалась. Однако и тут нельзя было обойтись без некоторого количества входящих бумаг, вроде жалоб и других неприятностей. С командирами рот я мог время от времени переговорить лично, для чего я их вызывал к себе. Сам я менял свою стоянку по возможности реже, чтобы избежать затруднений и досадных проволочек в доставке донесений. Пища готовилась в тылу, где также был устроен перевязочный пункт. Наш штаб тоже получал уже готовое продовольствие, которое доставлялось в боевую линию черными слугами.

Чтобы восстановить управление частями для дальнейшего ведения боя, наши войска были отведены назад и сосредоточены. Я нашел более целесообразным провести ночь в сосредоточенном положении, с тем чтобы иметь возможность возобновить сражение на следующий день и попытаться отрезать неприятеля от источника воды, который должен был находиться где-либо вне его лагеря.

Около полуночи поступило донесение, что один из наших патрулей наткнулся на дороге Нанунгу—Махуа на превосходившие его силы неприятеля. Я опасался, что эта часть противника будет продолжать наступление дальше на Нанунгу и таким образом захватит расположенные на этой дороге ротные обозы (боевые припасы, перевязочный материал, продовольствие, больные и т. д.), а также магазины. Поэтому я еще ночью перешел с главными силами через Макоти на дорогу Нанунгу—Махуа. В соприкосновении с противником были оставлены только сильные патрули, которые, однако, не заметили, что противник еще в течение ночи очистил позицию и отступил в направлении на Махуа. 6 мая выяснилось, что донесение о присутствии крупных сил противника на дороге Нанунгу—Махуа, вызвавшее мое отступление, было ложно; там вообще не оказалось никакого неприятеля. За противника был принят капитан Мюллер — услышав выстрелы английских минометов, он проявил похвальную инициативу и двинулся форсированным маршем к месту боя из своего лагеря, находившегося северо-восточнее Махуа. По прибытии на поле сражения он установил, что неприятель уже отошел.

Силы противника состояли из 4 стрелковых и одной пулеметной роты, его численность, судя по размерам его позиции, доходила до 1000 человек. Несмотря на это, он был совершенно разбит нашими четырьмя сотнями бойцов (мы имели 62 европейца и 342 аскари). У противника было убито 14 европейцев и 91 аскари, и попало в наши руки 3 европейца и 3 аскари. Кроме того, мы взяли госпиталь примерно со 100 ранеными, а остальные раненые, по показаниям туземцев, были захвачены противником с собой. Наши потери составляли: убитыми 6 европейцев, 24 аскари и 5 других цветных и ранеными 10 европейцев, 67 аскари и 28 других цветных.

В то время, когда мы одержали успех над неприятельскими колоннами, наступавшими с запада, отряд Келя должен был выдерживать длительные и иногда очень серьезные бои с дивизией противника, двигавшейся от Порту-Амелии на Нанунгу. У Медо неприятель, по своему собственному признанию, понес очень большие

потери; в другом бою, западнее Медо, капитану Шпайгенбергу со своими двумя ротами удалось обойти неприятеля, подойти с тыла к его полевой гаубичной батарее и атаковать ее. Почти вся прислуга и упряжка были перебиты. К сожалению, нельзя было увезти с собой орудия и боевые припасы, и они были приведены в негодность.

Несмотря на отдельные успехи, отряду Келя все же пришлось отходить. Наступал момент, когда своевременные действия моих главных сил на участке Келя могли, по-видимому, привести к решительному успеху над генералом Эдвардсом¹.

Я перешел с главными силами дальше на юго-запад в направлении на Махуа и расположился лагерем в районе городка Тимбани у горы Корума. Это передвижение было вызвано наличием засеянных полей в этом районе, откуда я предполагал, в случае крайней необходимости, направиться еще южнее, чтобы использовать богатые продовольственные районы плодородной местности при слиянии рек Малема и Лурио. К западу от горы Тимбани местность была благоприятна для завязки решительного боя с генералом Эдвардсом, который двигался вслед за отрядом Келя от Нанунгу и дальше в юго-западном направлении.

Необыкновенно скалистая и пересеченная местность у горы Тимбани и в 6 километрах северо-восточнее этой горы до позиций, на которые отходил отряд Келя, была неблагоприятна для задуманного мною решительного боя. 21 мая дымом своих костров обнаружили себя новые лагеря противника к западу от позиций Келя. Я предполагал, что 22 мая эти новые части двинутся в тыл отряда Келя. Тут, к сожалению, я не отдал последнему вполне определенный приказ о немедленном отходе с его главными силами из неблагоприятного района на юго-запад от горы Тимбани. Вместо точного и ясного распоряжения я дал указания, представлявшие большую свободу действий.

Таким образом, случилось, что отряд Келя только утром 22 мая отправил своих носильщиков с грузом боевых припасов и с остальным багажом. Но и это было бы недурно при правильном управлении колонной носильщиков и разумном исполнении приказа — отступить назад на расстояние в полтора часа хода. Однако, не отдавая себе ясного отчета в серьезности положения, носильщики и находившийся с ними губернатор остановились в закрытой и пересеченной местности, где они могли ежеминутно подвергнуться не-

¹ Командир англо-португальской дивизии, наступавшей от Порту-Амелии. (Прим. ред.)

ожиданному нападению, не будучи в состоянии успешно обороняться. Сам я в тот день утром произвел еще раз разведку очень благоприятной для стоянки носильщиков местности юго-западнее горы Тимбани и между прочим встретил здесь раненого накануне в отряде Келя лейтенанта Кемпнера, которого несли в тыл. Со стороны отряда Келя, где утром было отбито несколько атак противника, был слышен шум боя. С капитаном Келем была установлена телефонная связь, и я, не имея никаких сведений о судьбе его багажа, решил около 11 часов вернуться обратно в лагерь Коромы.

Как раз когда я в 12 часов прибыл в лагерь, внезапно на очень близком расстоянии раздался минометный огонь. Не могло быть никакого сомнения, что минометы появились между нами и отрядом Келя. Вслед за этим прервалось телефонное сообщение с последним. Не оставалось никакого иного решения, как немедленно двинуться из лагеря Коромы в полном составе против этого нового противника, причем у меня была некоторая надежда, что, несмотря на неблагоприятную местность, может быть, удастся его захватить врасплох и разбить.

Не прошло и часа, как мы прибыли к горе Тимбани и быстро отбросили передовые отряды неприятеля. Некоторые из наших разбежавшихся носильщиков сообщили, что губернатор и багаж отряда капитана Келя подверглись внезапному нападению и что весь багаж погиб. Самому же губернатору якобы удалось бежать; другие говорили, что он взят в плен. Противник вел оживленный огонь из минометов и был атакован нашими ротами с нескольких сторон. Но он занял выгодную позицию, на которой окопался и укрыл часть захваченного багажа. К сожалению, мы отбили у него очень мало вещей. Все-таки неприятель был окружен и взят под концентрический огонь, от которого понес большие потери. По перехваченному позднее сообщению, один только 1-й полк Королевских африканских стрелков потерял около 200 человек.

В этом окружении противника приняли также участие несколько рот и патрулей капитана Келя. Наконец, и этот последний повернул со всеми своими силами против врага, появившегося у него в тылу, и рассчитывал его разбить, в то время как крупный патруль был оставлен фронтом на северо-востоке, чтобы сдерживать наступавшего здесь неприятеля. Но этот патруль оказался слишком слабым. Он был отнесен назад, и пришлось для его усиления вновь выделить подкрепления из отряда капитана Келя. Если неприятель и понес в общем значительные потери, то все-таки мы не смогли

достигнуть полного успеха. С наступлением темноты бой прекратился, и мы отошли в удобный для боевых действий район между горами Тимбани и Коромой, который был заранее разведан.

Между тем губернатор оказался в лагере у горы Коромы. Во время этого приключения он потерял весь свой багаж и был взят на попечение унтер-офицером Редером, испытанным и способным начальником одной из колонн носильщиков. Я также внес свою долю, чтобы выручить губернатора из его затруднительного положения, и преподнес ему пару синих носков, которые мне были приготовлены его женой еще в начале войны и которые, к сожалению, красили ноги.

Кроме очень чувствительной потери около 70 000 патронов, мы могли пожаловаться на потерю большого запаса бумажных денег, которых, насколько мне помнится, было порядка 30 000 рупий. Ранее было отклонено мое предложение расплачиваться вместо бумажных денег реквизиционными расписками, тем самым избавившись от больших нарядов на охрану и избежав бесполезных потерь. Печатались миллионы бумажных рупий, которые было очень тяжело таскать с собой, особенно в этот период войны. Теперь, чтобы все-таки в будущем избежать подобного рода потерь, интендант по моему настоянию уничтожил большую часть бумажных денег.

Глава третья. В районе рек Лурио и Ликунго

(Май—июнь 1918 года)

По дороге в Кориву. Больные и раненые. Лагерь у Лурио. Отряд Мюллера берет бому Малему. Наступление неприятельских войск с разных сторон. В богатой стране. Директивы генерала Эдвардса. Бой в кустарнике. Дальнейшее движение на Альто-Молоке. «Бома апельсинов». Постоянные стычки патрулей. Фактория Нампепо и другие поселки. Уреки Ликунго. Богатая добыча. Способность туземцев разбираться в числах.

23 мая из лагеря Коромы в Кориву по дороге, проложенной через кустарник, были двинуты остатки багажа и наши главные силы. Большая часть нашей колонны носильщиков и больные были отправлены еще раньше. Арьергард под командой капитана Отто

оставался еще несколько дней у горы Коромы и успешно отбил здесь несколько атак неприятеля. Можно было предполагать, что в результате только что окончившейся операции противника на окружение главная масса его войск должна была собраться у Тимбани и что ему требовалось некоторое время для налаживания своего подвоза до возобновления наступления. Возвращавшиеся патрули сообщали об усиленном автомобильном движении по дороге Нанунгу — гора Тимбани. Другие патрули отмечали наступление неприятельских колонн с востока на северный берег Лурио.

Без помехи со стороны противника я перешел сначала в богатую область Квири, южнее Махуа, а затем дальше к реке Лурио. При этом выяснилось, что часть наших тяжело раненных и больных не смогут выдержать многодневных переходов в своих носилках. При настоящих условиях было трудно оказывать врачебную помощь и имелось слишком мало санитаров. Таким образом, не оставалось ничего другого, как собирать время от времени всех больных, которые не могли выдержать дальнейшей переноски, организовывать отдельный лазарет и оставлять их на месте под наблюдением врача. Сам главный врач колониальных войск, доктор Мейкснер, был оставлен больным в таком лазарете в Квири. Здесь я пришел проститься с лейтенантом резерва Шефером, который оказал нам такую большую помощь в 1915 году при подготовке к сражению у Яссини и который теперь заболел болотной лихорадкой. Опытный солдат ясно сознавал свое положение, был, как всегда, любезен и спокойно ожидал своей скорой неизбежной смерти.

Я не хотел долго задерживаться севернее Лурио, так как предполагал, что эта река, вода в которой незадолго перед этим сильно поднялась, будет представлять серьезное препятствие. Мне было необходимо быстро и без замедления переправить через это препятствие наши большие обозы. Когда же мы подошли к реке Лурио, то оказалось, что многочисленные в это время года броды дают возможность удобного сообщения между обоими берегами. Поэтому мы оставили часть своих сил на северном берегу, а с остальными войсками расположились на южном.

Страна эта была очень богата, а жители доверчивы; во время прежних действий патрулей и разведывательных отрядов у нас с ними создались хорошие отношения, и один из моих ординарцев был радостно встречен старыми знакомыми.

Мне надо было привлечь сюда англичан и заставить их направ-

Капитан Мюллер после многодневного боя захватил бому Малему. Она была занята английским полубатальоном, который отступил ночью в южном направлении. Одновременно из этой бомы ушел на север и португальский патруль, который затем повернул обратно. Капитан Мюллер принял его за отступающих англичан, атаковал во время движения и был очень удивлен, что убитые оказались португальцами.

После боя капитан Мюллер переменял место своего лагеря. При этом обер-лейтенант Шроттер, больной малярией, остался в боме на короткое время и был взят в плен неожиданно появившимся английским патрулем. Во время движения этого патруля на бому Шроттеру удалось бежать, потеряв все свои вещи. С непокрытой головой — а это много значит при тропическом солнце — он, совершенно истощенный, в конце концов добрался до наших частей.

Сообщения туземцев и патрулей не оставляли больше никаких сомнений в том, что крупные неприятельские силы, высадившиеся в Мозамбике¹, наступают с запада на бому Малему и уже находятся на расстоянии нескольких переходов. Одновременно были получены донесения о движении неприятельских войск на бому Малему с запада со стороны Малакотеры. Наступавший же с севера противник через несколько дней достиг реки Лурию, так что мы были вынуждены оставить северный берег. По захваченным документам и по стычкам, которые мы имели на северном берегу, можно было установить, что этот неприятель сильнее, чем я это предполагал. При помощи летучих автомобильных колонн он мог быстро двигаться вслед за нами со всеми своими тыловыми учреждениями, а также с войсковыми частями, которые я оценивал в 3—4 батальона с приданными частями.

Местность вдоль реки Малема, в которой находились наши лагеря, была на редкость богата. Мтама вполне созрела; томаты, бананы, сладкий картофель (батат) и другие плоды и овощи встречались здесь в изобилии. Пища была очень разнообразна. Дичи и рыбы было тоже достаточно. Туземцы уже имели дело с немецкими войсками и были очень доверчивы. Когда я ехал однажды верхом из одного отряда в другой, то из своих хижин сбежали женщины, чтобы посмотреть на совершенно незнакомого «джаму» (животное), так как я ехал верхом на лошади. Богатая продовольствием область была так обширна, что мы не могли использовать

¹ Порт южнее Порту-Амелии. (Прим. ред.)

местные средства полностью, а также прикрыть от противника весь район. Было совершенно невозможно помешать крупным массам неприятельских аскари и его тылам пользоваться продовольствием этой области. Мы были не в состоянии лишить неприятеля возможности базироваться на эту богатую страну и тем сократить свою линию подвоза. Мы не могли также настолько полно использовать местные средства, чтобы после нашего отхода оставшегося продовольствия не хватило для крупных неприятельских отрядов; к тому же в настоящее время мы были очень подвижны. Благодаря продолжительной остановке раненые и больные настолько поправились, что все, даже находившиеся в лазарете, были вполне способны к походу.

Это преимущество было бы опять потеряно в случае крупных боевых действий. Я решил постепенно покинуть этот район, несмотря на его исключительное богатство, чтобы уйти из кольца, которое образовали вокруг меня неприятельские колонны в плодородной области реки Малемы. При этом я хотел задержать эти неприятельские колонны меньшей частью своих сил, с тем чтобы они действительно увязались за моим арьергардом. Попавшие в наши руки директивы английского командующего существенно помогли мне при разработке оперативных соображений. Противник не желал вторично, как при Кориве, позволить себя провести, и поэтому его командующий приказал во всех случаях, едва будет установлено соприкосновение с нами, немедленно высылать несколько отрядов в обход на расстоянии 5—10 английских миль от наших флангов. Генерал Эдвардс, которому я однажды позднее об этом рассказывал, чрезвычайно смеялся тому, что я получил сведения о его указаниях и сообразно этому принимал свои меры. Было ясно, что при соответствующем эшелонировании моих частей в глубину неприятельские обходные колонны подвергались большой опасности попасть между моими отрядами и подвергнуться внезапной атаке с фланга или тыла наших частей, расположенных сзади.

К сожалению, мне не всегда удавалось выполнение этого плана действий. В чрезвычайно густом кустарнике, даже при очень тщательном наблюдении за бивуачными огнями и пылью, можно было располагать только ограниченными отправными данными для того, чтобы верно направить колонну, а последней было весьма трудно сохранить правильное направление. К этому еще следует прибавить массу препятствий вроде густого кустарника, болот и речных потоков.

Несмотря на все это, иногда удавалось брать под неожиданный огонь одну из неприятельских обходных колонн. Неизбежных трений при движении отдельными колоннами в густом кустарнике у англичан было больше, чем у нас. Часто во время столкновения происходила путаница, при которой и свои и противник не знали, кого именно они имеют перед собой. Так, например, однажды отряд обер-лейтенанта Руктешеля, стоявший недалеко от неприятеля, отходил в направлении на наши расположенные сзади части. При этом он натолкнулся в кустарнике, на расстоянии 30 шагов, на разведывательный отряд, который оказался неприятельским. На глазах у неприятеля были выдвинуты на позицию пулеметы, и противник, принявший наших за англичан, но внезапно обстрелянный с близкого расстояния действительным огнем, обратился в бегство. Наши собственные патрули также часто попадали в расположение неприятельских войск. Именно при такой обстановке вице-фельдфебель резерва Шаффрат приказал своему патрулю залечь в густой траве, открыл действенный огонь по тыловым частям наступающих неприятельских колонн и затем спрятался. Таким образом, в течение нескольких часов ему удалось несколько раз нанести противнику чувствительные потери и захватить добычу.

Задерживая противника мелкими частями, я хотел выиграть время, чтобы напасть с главными силами на лежащую далее к югу страну, разбить и рассеять расположенные там слабые неприятельские гарнизоны. Эту область, по имеющимся у нас под рукой описаниям, можно было считать богатой продовольствием. Ближайшей целью при осуществлении этого плана являлась португальская бома Молоке. Судя по захваченной карте, в мирное время она служила местопребыванием высшего гражданского управления и штабом какого-то войскового соединения крупнее роты. Следовательно, там можно было найти туземцев и продовольствие. Между нами и Альто-Молоке лежала высокая горная цепь Инагу. Дорога от бомы Малемы на Молоке, ведущая западнее в обход гор Инагу, была закрыта английским батальоном, занимавшим укрепленный лагерь у Инагу. Таким образом, можно было ожидать, что наше движение по этой дороге будет задержано, а это, при длине наших колонн носильщиков, было нежелательно. План внезапного нападения на Альто-Молоке в таком случае был бы расстроен.

Поэтому мы оставили укрепившегося у Инагу противника в покое и выступили на Альто-Молоке в обход гор Инагу с восточной стороны. Оперативная обстановка складывалась довольно

своеобразно, и ее очень хорошо характеризовал один наш южно-африканец на своем не вполне чистом южно-германском наречии: «Это очень смешная война: мы гоняемся за португальцами, а за нами гоняются англичане».

Мы двигались по тропинкам, проложенным неприятелем, а также напрямик через кустарник. Во время нашего похода мы должны были переправиться через несколько больших рек. Эта область тоже отличалась богатством, и мы скоро наткнулись на свежие человеческие следы, тянувшиеся по направлению на Альто-Молоке, а также на такого рода лагерные постройки, которых я еще ни разу не встречал. Это были плотные и очень аккуратно построенные тростниковые хижины. Некоторые костры еще тлели, а валявшиеся кругом отрезанные куриные головы имели совсем свежий вид. Происходили перестрелки с португальскими патрулями, и мы захватили несколько ружей с боевыми патронами.

Теперь нельзя было терять времени. Отряд Мюллера освободили от всякого багажа. Он двинулся вперед и застал в Альто-Молоке только несколько португальских офицеров и унтер-офицеров, пивших в этот момент кофе на веранде очень красивого европейского дома. Я с главными силами двигался медленно. Авангард под командой капитана Келя имел целый ряд мелких стычек, которые в целом стоили неприятелю значительных потерь. Один из наших патрулей аскари был застигнут врасплох более сильным неприятельским патрулем во время сбора продовольствия и захвачен в плен. Затем пленные оказались свидетелями того, как английский патруль вместе с другим английским отрядом имели в кустарнике столкновение с нашими частями и понесли большие потери; во время этой стычки аскари удалось бежать. Беспечность, с которой опять начали действовать многие из наших европейцев, несмотря на все предостережения, привела к бесполезным потерям. Один аскари, отец которого старый эфенди Плантан раньше принадлежал к аскари Висмана¹ из племени зулу, был особенно надежным и развитым человеком, и я охотно брал его с собой на разведку. Он не вернулся назад из одного совершенно бесполезного патрульного предприятия, вероятно, попав в плен. В общем можно утверждать, что большая часть наших потерь в Восточной Африке была излишней и вызывалась недобдуманностями действиями.

¹ Видимо, имеется в виду фон Висман, один из руководителей освоения германцами Восточной Африки. Был среди первых организаторов отрядов аскари. (Прим. ред.)

В конце концов главные силы соединились с авангардом — отрядом капитана Келя. Это произошло на большой дороге Альто-Молоке—Инагу, на одной европейской плантации с богатыми запасами продовольствия для войск. Отсюда была восстановлена связь с капитаном Мюллером по телефону, установленному неприятелем. Капитан Мюллер сообщил, что боевых припасов захвачено мало и что они большей частью были заблаговременно вывезены многочисленными караванами носильщиков в юго-западном направлении. По их следам немедленно были высланы сильные патрули.

16 июля главные силы вступили в Альто-Молоке, здесь мы нашли прекрасные массивные европейские дома. Они были очень живописно расположены на небольшой возвышенности, с которой открывался вид на далекое расстояние — на окрестные леса и могучие, крупные и скалистые горы на горизонте. На многочисленных апельсиновых деревьях как раз в это время окончательно созрели апельсины, и фактория сразу получила у цветных название «бома я махунгва» (апельсиновая бома).

Многочисленные карты и всякого рода переписка, найденные в фактории, дали нам довольно ясное представление о местности, лежавшей в направлении на Квелимане. Судя по этим документам, от Альто-Молока через или же до Квелимане существовала проволочная связь; при впадении реки Лугелла в реку Ликунго находилось управление крупного общества — Лугелльской компании. Там имелись обширные плантации и сады и хранились большие запасы продовольствия. В общем, главная фактория Лугелльской компании была, по-видимому, центральным складом продовольствия и военных предметов для крупных войсковых соединений. Если мы желали использовать шансы, которые давала нам такая обстановка, то младшие начальники должны были действовать очень быстро и решительно, и их нельзя было ограничивать никакими слишком точными указаниями. Наши патрули, высланные для преследования, должны были уметь быстро и самостоятельно приспосабливаться ко всем изменениям обстановки в том случае, если первоначальные предположения не подтверждаются. Они не должны были терять времени; иначе неприятель мог своевременно увести продовольствие. Для этого в его распоряжении была железная дорога, которая начиналась недалеко от главной фактории Лугелльской компании и шла на юг к реке Намакурра, по которой ходили пароходы.

Район Альто-Молоке, как мы и предполагали, оказался очень богатым. Поэтому мы были в состоянии обеспечить всем необходимым отряд Мюллера, чтобы облегчить ему преследование неприятеля. Один из патрулей этого отряда захватил у Или магазин противника. Неприятельская колонна носильщиков была послана англо-португальским отрядом, расположенным на расстоянии нескольких переходов к востоку от Альто-Молоке. Эта колонна, ничего не подозревая о нашем присутствии, хотела пройти через район Альто-Молоке и была направлена нашим интендантом для переноски продовольствия, захваченного в Или. Эта авантюра, к сожалению, не удалась, так как у Или появился новый английский отряд (по-видимому, из Инагу), который прогнал наш патруль.

Дальнейшее движение на Или наших главных сил затруднялось сильными неприятельскими патрулями, подошедшими с севера к дороге Альто-Молоке—Или. Наши подразделения энергично преследовали один из этих патрулей и атаковали его на бивуаке. Но у меня получилось впечатление, что с севера от Или и Альто-Молоке к нам приближаются более крупные части противника. Я не хотел задерживаться, а, наоборот, стремился как можно скорее соединиться с отрядом Мюллера, который направлялся к реке Лугелла.

Итак, я обошел Или с юга и захватил португальскую факторию Нампепо. В этой стороне различными португальскими компаниями были основаны небольшие, весьма чисто построенные фактории, которые располагались на расстоянии около перехода друг от друга и находились в центре районов, управляемых компанией. Целый ряд таких факторий вместе с их магазинами попал в наши руки. Нампепо являлось одной из таких факторий, но более крупной, чем остальные. Кроме того, она стояла в исключительно богатой местности. Особенностью нашего бивуака у Нампепо являлась охота на домашних свиней, которые одичали и в большом количестве водились в кустарнике. Таким образом, кроме свиного жаркого и студня мы имели также и великолепную кровяную колбасу. Один немецкий плантатор из окрестностей Морогоро, Гаутер, доставлявший много колбасы в Морогоро во время войны, приобрел достаточные знания в колбасном производстве и был нам очень полезен. Волосья кишки он заменил свиными, и удовольствие от этого лакомства было так велико, что мы не обращали внимания на пули, попадавшие в наш лагерь.

Значительный неприятельский отряд приближался с севера к боме Нампепо, которую удерживало наше охранение под коман-

дой капитана Шпангенберга. С высоты можно было отчетливо наблюдать наступление большой колонны противника. Ввиду того, что наше положение было чрезвычайно благоприятно для контратаки, мы не беспокоили неприятеля во время его движения. Однако против всякого ожидания противник нас не атаковал. Поднимавшиеся из кустарника в расстоянии около 1500 метров клубы дыма показали нам, что англичане расположились там бивуаком. Наши патрули обошли неприятеля, подкрались ночью к его лагерю и обстреляли его. Отряд Келя присоединился к нам, и я с главными силами выступил дальше, чтобы двигаться вслед за отрядом Мюллера в направлении на реку Лугеллу. Капитан Шпангенберг остался в соприкосновении с противником и должен был затем следовать за нами на расстоянии одного перехода в качестве арьергарда.

Между тем отряду капитана Мюллера удалось переправиться вброд через реку Ликунго у устья Лугеллы и здесь нанести чувствительное поражение португальскому батальону, который выдвинулся сюда с юга для прикрытия района. Мы захватили несколько пулеметов. Громадные запасы Лугельской компании попали в наши руки. Теперь можно было с избытком снабдить всех продовольствием и материалом для одежды; остальные же продовольственные запасы (около 300 000 тонн) и оборонительные постройки мы попросту сожгли. Капитан Мюллер считал свою задачу выполненной и, так как другой выгодной цели не имелось, вернулся обратно на восточный берег Ликунго, где и ожидал моего прибытия.

Я опасался, что богатая добыча последних недель соблазнит отдельных европейцев на самовольное присвоение себе различных вещей, и воспользовался случаем, чтобы доказать неправильность подобного образа действий. Я объявил, что военная добыча принадлежит правительству, и каждый нуждающийся в чем-либо из добычи обязан заявить об этом. Вещь оценивалась и оплачивалась желающим ее получить. Мне было важно не допустить разложения войск, чтобы иметь возможность обращаться к чувству чести и требовать исполнения приказов.

Время от времени мы захватывали боевые припасы; в наши руки попало даже небольшое португальское орудие. Но крупная добыча патронов, на которую мы рассчитывали и к которой стремились, не удавалась. Я вообще сомневался, были ли в Альто-Молоке и Или такие большие запасы и не имел ли я в этом случае дело с обычной привычкой туземцев к преувеличению. Это еще

совершенно не указывало на злой умысел с их стороны — наоборот, туземцы относились к нам очень хорошо. Так, например, они по собственной инициативе привели к нам обратно бежавшего из плена португальского офицера. Точно так же туземцы задержали и избили нескольких наших черных боев — вероятно, во время грабежа — и доставили их в лагерь, извиняясь тем, что они их приняли за португальцев. Если даже европейцу трудно верно определять численность, то туземец и подавно путает крупные цифры, и употребляемые им выражения «минги» (много) или «кама маджани» (как травы) может одинаково означать и 50 и 5000.

Глава четвертая. Дальнейший поход в южном направлении

(Июнь—июль 1918 года)

Где находятся неприятельские боевые припасы. В поисках. Неудобства длинных походных колонн. Кокозани—Намакурра. Через Ликунго. Успех у Намакурры. Укрепленная станция. Артиллерийская подготовка и штурм. Бегство неприятеля через реку Намакурру. Потери с обеих сторон. Железная добыча продовольствия и боевых припасов.

Но, где бы ни хранились крупные запасы патронов, они, во всяком случае, пока не попали в наши руки, хотя и стоили того, чтобы возобновить поиски. На то, что они должны были находиться где-то в этом районе, указывала общая оперативная обстановка, а также захваченные нами документы. Весьма вероятно, что более крупные запасы хранились далее к югу; их или переправили туда ввиду нашего наступления, или же они находились там еще раньше. Не исключалась возможность, что патроны будут быстро переброшены к морскому побережью для погрузки их в случае необходимости на пароход.

Во время похода наши сильные патрули обследовали местность более чем на один переход и захватили несколько мелких продовольственных магазинов, но не нашли никакого оружия или боевых припасов. Отряд Мюллера, с которым мы 27 июня соединились у Муджебы, в тот же день выступил дальше на юг. Туземцы говорили об одной большой боме Орига, которая была распо-

ложена где-то еще южнее в приморском районе и где должно было находиться очень много боевых припасов. Поиски этой бомы возлагались на отряд Мюллера. Сведения о ней, как всегда бывало в таких случаях, не отличались большой точностью. Я не сомневался, что во время похода поступят и другие противоречивые донесения. Но для проверки сведений не имелось времени. Приходилось верить, что в них есть хотя бы доля правды. Учитывая эти данные, капитану Мюллеру предоставили самую широкую свободу действий. Я с главными силами, конечно, двинулся бы к нему на помощь и, во всяком случае, справился бы с создавшимся положением. Но он не должен был выжидать особых приказов и инструкций. Я сознавал, что этим самым ведение операций передавалось почти исключительно в руки младшего начальника, что было возможно только при отличной тактической подготовке и широкой инициативе последнего.

Наш авангард в составе трех слабых рот должен был выполнять задачу, возлагаемую обыкновенно на конницу, выдвигаемую далеко вперед для разведки, и действовать со всей решительностью, какую вообще необходимо требовать от авангарда. При другой обстановке я сам двигался бы вместе с авангардом и таким образом обеспечил себе влияние на ход операции. Но опыт научил меня, что мое присутствие при главных силах необходимо ввиду больших расстояний между нашими отдельными колоннами. Не надо забывать, что все наше движение было всецело основано на учете обстановки и, как это в самом деле часто случалось, неожиданное появление неприятельских отрядов с другого направления могло сразу же коренным образом изменить положение и потребовать срочных распоряжений.

В то время мы двигались по узким туземным тропинкам или прямо без дорог через густой кустарник в походной колонне по одному. При величине дневного перехода в 30 километров и при большой длине походной колонны голова ее должна была выступать еще в темноте, то есть в 5 часов утра, чтобы хвост мог достигнуть новой стоянки в тот же день, хотя бы поздно вечером, перед самым наступлением темноты. Это было необходимо, так как следовало заготовить материал для нового лагеря, нарубить дров, нарезать травы и построить навесы для больных. Из сказанного вытекает, что войска не могли двигаться в одной колонне; иначе получалась бы непомерная растяжка.

Отряд Мюллера, составлявший авангард, двигался в одном или двух переходах впереди главных сил. Арьергард, отряд капи-

тана Шпангенберга, следовал позади на расстоянии одного перехода. Связь поддерживалась постами летучей почты.

В донесениях, которые я получал по летучей почте из отряда Мюллера, упоминалось теперь довольно часто название «Кокозани». Здесь, по полученным сведениям, должны были находиться обширные склады неприятеля, охраняемые сильными войсковыми частями. Но где же было расположено это Кокозани? На наших картах этого пункта найти было нельзя. Только постепенно выяснилось, что на португальских картах Кокозани носило название Намакурру. По всем имеющимся данным, как и по географическому положению Кокозани являлось наиболее подходящим объектом для атаки. Но могли ли мы рассчитывать захватить этот, вероятно сильно укрепленный, лагерь при наших сравнительно ограниченных средствах? Об этом трудно было судить ввиду полного отсутствия соответствующих данных, и наши шансы можно было выяснить, только произведя нападение. Капитан Мюллер по собственной инициативе повернул на запад и двинулся на Кокозани. Во время марша подтвердилось, что действительно через реку Ликунго имеется брод, о котором говорили туземцы.

Теперь я пошел с главными силами на соединение с капитаном Мюллером и отдал такое же распоряжение и арьергарду, которым руководил капитан Шпангенберг. 1 июля после обеда главные силы достигли реки Ликунго и немедленно переправились через нее. Этот мощный поток имел в ширину около 400 метров, а вода в самых глубоких местах брода была по шею. Каждому пришлось двигаться в воде около часа. Переправа закончилась благополучно, и части расположились лагерем на западном берегу. На следующее утро мы выступили дальше по следам двигавшегося впереди отряда Мюллера.

По дороге мы встретили около 30 туземцев. Они работали в Кокозани и сообщили нам, что там стоит лагерем много португальцев и аскари и что туда прибыло большое количество ящиков. Разговор с этими людьми велся через переводчика. Некоторые из наших аскари владели местным наречием или родственными ему диалектами. Скоро мы получили от авангарда важное донесение о том, что накануне капитан Мюллер обошел неприятеля у Кокозани и захватил его совершенно врасплох. При полном дневном свете наш отряд совершенно открыто повел стремительное наступление с севера на постройки фактории через поле, засеянное сизой. Нашим удалось ворваться в португальские ук-

репления и после крайне ожесточенного рукопашного боя, длившегося несколько часов, разбить находившиеся там три португальские роты. Неприятель понес тяжелые потери. Было захвачено много ружей, патронов и два полевых орудия.

Сам я двинулся несколько впереди головы колонны главных сил и утром вступил в обширные и открытые поля плантации. Затем я продолжал движение вдоль полевой железной дороги, которая была проложена через поля по большой грунтовой дороге и пересекала ширококолейный железнодорожный путь. Этот последний, как выяснилось позднее, вел от реки Намакурры на север и кончался недалеко от реки Лутеллы. Когда накануне капитан Мюллер подошел к нему, он задержал там поезд, только что прибывший из Лутеллы. Можно себе представить взаимное изумление, когда из вагонов вышло несколько португальских унтер-офицеров, которых капитан Мюллер захватил в плен у Лутеллы и опять отпустил.

При нашем вступлении в факторию капитан Мюллер вышел ко мне навстречу, сильно прихрамывая. Он высказал свое удивление, что я со своим отрядом прошел спокойно по большой дороге прямо в Кокозани, так как где-то поблизости, как он предполагал, должны находиться еще две английских роты. Он до сих пор не мог установить точно их местопребывания, но на основании захваченной переписки нельзя было сомневаться в их присутствии в этом районе. Затем капитан Мюллер сообщил, что до сих пор ему не удалось найти более крупных запасов ружейных патронов и поэтому поиски все еще продолжаются. При более глубоком размышлении мне теперь казалось наиболее вероятным, что разыскиваемые склады огнеприпасов должны были храниться не в самой фактории, а непосредственно у ширококолейной железной дороги, а именно — у ее южного конечного пункта. Именно там противнику было необходимо устроить большие склады; здесь же могла производиться только перегрузка с транспортных судов, поднимавшихся по реке Намакурра, на железную дорогу. Надо было выяснить, насколько эти предположения могут оказаться верными. Я немедленно вернулся назад и у самой плантации нагнулся на голову колонны наших главных сил.

Передние роты были не очень довольны тем, что должны повернуть обратно к железной дороге для дальнейшего движения на юг вдоль нее. После утомительного перехода были вполне понятны нелестные выражения о моем распоряжении. К счастью для себя, я их не слышал.

В сравнительно плохом настроении подходили передние люди к железнодорожной станции; они не верили серьезно в возможность столкновения. Вдруг совершенно неожиданно несколько аскари нашей головной части упали, сраженные неприятельскими пулями совсем с близкого расстояния. Были стянуты остальные части главных сил, успевшие развернуться для боя. К моменту моего прибытия положение еще не совсем выяснилось; неприятель, по-видимому, укрепился, а ближняя разведка еще не была закончена. Завязался затяжной огневой бой. Начался дождь, было холодно, и все чувствовали себя скверно. Сам я отправился к роте обер-лейтенанта Руктешеля, расположенной приблизительно на расстоянии 70 метров от глинобитных станционных построек. Как только кто-либо из неприятелей покидал укрытие, рота открывала меткий ружейный и пулеметный огонь с высоких термитных холмов.

По моему мнению, в данное время обстановка для штурма станции была неблагоприятной. Мы должны были двигаться в атаку по густому кустарнику, который держался противником под сильным огнем. Это вряд ли позволяло надеяться на успех. Можно было ожидать, что многие стрелки не пошли бы в атаку, а те, которые добрались бы до неприятельских укреплений, залегли бы перед ними и не двинулись бы дальше. К тому же моя разведка навела на мысль о том, что артиллерийский огонь, особенно с двух сторон, по целям, которые были хорошо видимы, мог оказаться очень действенным, напугать неприятельских аскар и заставить их бежать. Это был бы благоприятный момент для хорошего пулеметного огня. Но начинало темнеть, а наша пушка была разбита. Таким образом, сегодня уже ничего нельзя было предпринять. Поэтому главная масса войск вернулась обратно в лагерь, и только отряд капитана Поппе в составе трех рот остался в тесном соприкосновении с противником.

На другой день мы с большим трудом привели в порядок нашу пушку. К счастью, она оказалась того же образца, что и орудия, захваченные капитаном Мюллером, и можно было, путем замены отдельных частей, составить из этих трех разбитых орудий одно годное для стрельбы. Следовательно, имелась надежда использовать с успехом захваченные три дня назад 200 снарядов. После обеда орудие должно было открыть огонь по станции с расстояния нескольких сот метров. Другое, меньшее орудие, калибром в 4 см, находилось в передовых пехотных цепях, то есть на дистан-

ции около 100 метров, и было готово вести перекрестный огонь совместно с первым. Все пулеметы были наготове. Сам утром я опять посетил факторию для переговоров и приказал передать тамошним мирным жителям, что им нечего бояться, если после обеда будет небольшая стрельба. Белые женщины и дети были очень напуганы боями, и часть из них бежала в кустарник.

Сильно измученный, я отправился в лагерь, когда внезапно у станции прекратился шум боя. По телефону передали, что впереди у станции слышны громкие крики. Постепенно выяснилась следующая картина: неприятель был, по-видимому, потрясен метким концентрическим огнем, который мы вели с 12 часов 2 июля. Теперь начался обстрел сразу с двух сторон артиллерийскими снарядами, и, как только противник пытался шевелиться, по нему открывался пулеметный огонь. Молодые войска неприятеля не выдержали и начали волноваться. Наши роты учли этот критический момент и немедленно его использовали. Они сразу бросились на противника с громкими криками «ура» и одним рывком очутились на неприятельской позиции. Противник обратился в бегство; англичане уверяли, что они были увлечены португальцами. Во всяком случае, они бежали, а наши роты энергично преследовали их. Неприятель бросился к реке Намакурре, которая протекала непосредственно в тылу его позиции. Многие быстро сбрасывали сапоги и кидались в воду; при этом утонула главная масса неприятельских войск и в том числе их начальник майор Горс-Браун.

За время с 1 по 3 июля неприятель потерял: 5 европейцев и 100 аскари убитыми, 4 европейца и около 100 аскари утонувшими и 421 аскари пленными. Кроме взятых в плен европейцев (5 англичан и 117 португальцев) еще 55 португальцев было эвакуировано, а 46 больных и раненых португальцев оставлены в лазарете Кокозани. У нас было убито 8 аскари, 1 носильщик пулемета и ранено 3 европейца, 11 аскари и 2 носильщика пулеметов. В первый момент после боя нельзя было определить, насколько велико количество боевых припасов и продовольствия, захваченных нами на станции. 7 станковых и 3 ручных пулемета, а также 2 орудия попали в наши руки; последние были приведены в негодность.

Все новые и новые ящики захваченных боевых припасов доставлялись в наш лагерь. Интендант, лейтенант флота Беш, был в отчаянии, так как он не знал, откуда достать носильщиков для переноски этого груза. К этому еще прибавилось более 300 тонн продовольствия и запасы сахарного завода Кокозани. Каждый из

наших цветных мог получить из добычи сколько угодно материала для одежды, и мой бой Серубили заявил мне: «Это все-таки совсем другое дело, чем у Танги; ведь каждый получает здесь столько сахара, сколько он пожелает». Действительно, весь лагерь был завален сахаром; каждый черный оказался так богато снабжен продовольствием всякого рода и одеждой, что люди, как по команде, перестали воровать, а это, пожалуй, для черных что-нибудь да значит. Было захвачено много европейского продовольствия и консервов. Все наши европейцы могли быть обеспечены на несколько месяцев.

К сожалению, мы не смогли увезти с собой полностью большое количество найденных хороших вин. Часть вин была выделена для больных в качестве укрепляющего средства; остальное вино необходимо было выпить тут же, на месте. На бурное веселье, вызванное этой выпивкой, смотрели сквозь пальцы, и каждый после такого долгого периода лишений позволил себе дать волю своим чувствам. На заводе в Кокозани имелось также большое количество бочек с отличной водкой, заготовленной для английских войск. Но, несмотря на самое горячее желание, выпить всю водку было невозможно, и пришлось большую ее часть вылить в реку Намакуру.

Все новые и новые караваны носильщиков продолжали прибывать с добычей, и наш интендант все сильнее приходил в отчаяние. Последнее достигло высшего предела, когда со станции было передано по телефону, что только что к ней подошел речной пароход. С него сошел английский штабной врач, который не имел никакого представления о событиях у Кокозани. Ближайший осмотр парохода обнаружил крупный груз патронов — свыше 300 ящиков.

В общей сложности мы захватили около 350 современных английских и португальских ружей — приятное приобретение для нового перевооружения. Теперь ружья образца 1871 года были почти совсем изъяты из обращения, а ставшие лишними патроны к этим ружьям употреблялись для учебных стрельб.

Глава пятая. Опять на север, к реке Намирруе

(Июль 1918 года)

Препятствия для дальнейшего движения на юг. Неприятельские операции и собственные планы. Назад через Лукунго. Движение несколькими параллельными колоннами. Интересная оперативная обстановка. В поисках добычи. У Осивы. Английские и португальские пленные. Взятие бомы Типы. Движение к Намирруе. Разведка неприятельской позиции на скалистой горе. Появление нового противника. Удачный ночной бой. Беспорядочное движение неприятельских колонн. Безрезультатное преследование бегущего неприятеля. Миномет и его действие. Штурм горы Фельс. Движение на Пекеру. Отдых в лагере. Халау.

Исходя из найденных оперативных документов следовало ожидать, что в непродолжительном времени из Квелимане на встречу нам должны выступить крупные неприятельские силы. Но местность между реками Намакуррой и Замбези изобиловала большим числом речных преград, и, таким образом, наше дальнейшее движение на Замбези было связано с большими затруднениями и чрезвычайно стеснило бы нашу свободу маневрирования. Следовательно, местность к югу и юго-западу от теперешней стоянки была неблагоприятна для нашего способа ведения военных действий. В конце концов мы были бы вынуждены основательно застрять у Замбези, не имея средств для переправы через эту могучую реку, на которой господствовали неприятельские канонерские лодки.

Я считал более целесообразным отказаться от теперешнего направления марша. Но вместе с тем при совершенном отсутствии сведений было трудно решить, куда именно мы должны направиться. Только одно казалось ясным: неприятель не двигался вслед за нами. По крайней мере, он совершенно не беспокоил наш арьергард и оставленные последним при отходе патрули. Казалось вероятным, что неприятельские войска, если они на самом деле последовали-таки за нами, стремятся нас обогнать, двигаясь по параллельной дороге. Если эти мои соображения были действительно верными — а они, казалось, подтверждались некоторыми сведениями от туземцев, — то необходимо было признать, что не-

приятель недостаточно осведомлен о нашем положении у Намакурры и что даже отпущенные нами из плена португальские солдаты не могли дать ему верной картины. Мы старались внушить этим людям, что хотим укрепиться у Намакурры, упорно обороняться здесь и затем со временем уйти на Квелимане.

Неожиданное поражение при Намакурре должно было заставить противника, преследовавшего нас, ускорить свое движение. При этом, по всей вероятности, его колонны будут неверно направлены и проскочат мимо нас, тем более что противник должен был сильно опасаться за такую важную гавань, как Квелимане. Таким образом, мне пришла мысль выждать у Намакурры, пока преследующие неприятельские колонны действительно не пройдут мимо нас форсированным маршем, и тогда направиться опять назад на северо-восток. При этом у меня мелькала мысль, что неприятель будет обеспокоен таким направлением нашего движения, которое вело в область Мозамбик и к главному этапному порту того же названия. Таким образом, можно было ожидать, что, как только противник обнаружит наше движение туда, он немедленно повернет для защиты этой области с ее многочисленными магазинами. Если же он этого не сделает — мы получаем свободу действий в Мозамбике.

Было трудно определить удобный момент для начала нашего движения в северо-восточном направлении; в этом отношении мы должны были положиться на военное счастье. Если бы я выступил слишком рано и наткнулся на одну из неприятельских колонн, то все-таки имелась надежда нанести ей поражение. Но, в первую очередь, для нас было важно иметь возможность беспрепятственно переправиться через реку Ликунго. Имевшиеся сведения о бродах были очень сомнительны. Чтобы не пользоваться тем же самым бродом, по которому мы переправлялись при движении сюда, я с главными силами двинулся вечером 4 июля к другому броду, лежавшему в одном переходе к югу. Но лейтенант резерва Отт произвел разведку и установил, что в указанном месте вообще не существовало переправы. По сообщениям туземцев, а также по найденным следам, можно было предположить, что в тот же день в этом районе побывал английский патруль. Положение могло оказаться затруднительным. Чтобы не терять времени на разведку, я двинулся вдоль западного берега реки Ликунго к нашему старому броду. К сожалению, я снял там охранение и не знал, был ли он еще свободен. Поэтому я очень обрадовался, когда 5 июля

переправа через реку была произведена удачно и без всяких задержек. Отряд Келя остался временно у Кокозани и должен был следовать в аррьергарде.

Теперь мы опять двигались без дорог, прямо через кустарник, в колонне по одному. Но слишком большая длина колонны затрудняла движение и была опасна в случае столкновения с неприятелем. Поэтому мы старались сократить глубину походного порядка и пришли к тому, чтобы идти через пори двумя, а позднее и большим числом походных колонн. Это имело тот недостаток, что теперь не одна, а несколько колонн должны были прокладывать себе дорогу через кустарник и расчищать лесную чащу, но выгоды от сокращения глубины походного порядка оказались настолько велики, что вполне искупали это неудобство.

Донесения наших патрулей и сведения, полученные от туземцев, указывали, что неприятельские колонны продвинулись в юго-западном направлении меньше, чем я этого ожидал. Как в районе между нижним течением рек Мониги и Ликунго, так и у Муджебы неприятельские войска продолжали следовать на юго-запад. Таким образом, получалось удивительное положение: противник несколькими колоннами двигался в юго-западном направлении, в то время как мы шли между этими колоннами в обратном направлении на северо-восток. Долго этого скрыть от неприятеля было нельзя, тем более что дело дошло до стычек между патрулями и неприятельские войска, направленные вдоль телефонной линии из Мулеваллы на Мукубеллу, пересекали нашу дорогу. Мы двинулись дальше на Осиву, отбросили расположенный западнее этого пункта слабый португальский отряд и 14 июля 1918 года заняли местечко. К сожалению, вопреки нашим ожиданиям мы не нашли в этой фактории богатых запасов продовольствия и боевых патронов. Нашему боевому патрулю под командой вице-фельдфебеля Гюттинга, высланному на Муатаму, удалось напасть врасплох на смешанный отряд, состоявший из англичан и португальцев. К сожалению, нельзя было вывезти запасы, находившиеся в этой фактории, и поэтому нам пришлось сжечь магазины.

Между тем не прекращались расспросы у туземцев о том, где можно достать продовольствие; нельзя было ждать до получения сведений от дальних патрулей, высланных на Муруа с той же целью. Различные патрульные бои показывали, что неприятель добился ясного представления об обстановке и соответственно этому изменил направление движения своих колонн. Недостаток продо-

вольствия заставлял продолжать наш марш вперед. Поэтому бой нашего арьергарда под командой капитана Келя со смешанной англо-португальской колонной у Осивы не был доведен до успешного конца, так как наши главные силы находились уже в движении на Типу. Захваченные нами документы показали, что один из английских патрулей двигался по нашему маршруту впереди нас.

Было интересно наблюдать, как пленные англичане, которых мы вели с собой, принимали как должное тяжесть больших переходов, многочисленные переправы через реки и многие неудобства в отношении продовольствия и бивуаков. Они понимали, что мы, немцы, тоже должны были переносить все эти лишения и, сверх того, нести патрульную, сторожевую службу, собирать продовольствие, следовательно, находились в более тяжелых условиях, чем они. Они переносили все с известным юмором, и, очевидно, им было интересно изучать войну с точки зрения противника.

Совершенно иначе вели себя португальские офицеры. Разумеется, их положение было незавидным — большинство из них страдало сифилисом и английские пленные тщательно их избегали. В действительности они не были настоящими закаленными в походах солдатами; получив свой обильный паек из добычи, захваченной у Намакурры, они не умели расходовать его бережно. Дорогое масло они сразу уничтожили вместе с рисом, и нельзя было требовать, чтобы немцы помогли им теперь из своих собственных скудных запасов. Передвигались они тоже с трудом, так как их сапоги были порваны. Их переводчик, офицер Генерального штаба, взятый в плен у Намакурры, не переставал мне жаловаться на неудобства, которых я при всем желании не мог устранить. Затем он постоянно просил, чтобы его освободили. Я охотно пошел бы ему навстречу, если бы он согласился дать обязательство не сражаться больше против нас, но он отказывался это сделать.

Продовольственные затруднения гнали нас все дальше вперед. После того как наши расчеты на продовольствие в районе Осивы не оправдались, я решил достигнуть области к востоку от реки Лигонджи, — эта область, судя по картам, была густо населена и хорошо обработана. По дороге в этот район авангард под командой капитана Мюллера быстро захватил бому Типу, где хранились запасы продовольствия, главным образом земляных орехов¹. Слабый португальский гарнизон оказал незначительное

¹ То есть арахиса, который является весьма компактной и калорийной пищей.

сопротивление и быстро отступил; только почтовый курьер, португальский сержант, был взят в плен.

Мы приобрели большой навык в быстром и точном распределении добычи; главные силы только слегка замедлили свое движение, и я еще вижу перед собой улыбающееся лицо одного из пленных англичан, который, казалось, совершенно забыл, что португальцы являются их союзниками. По-видимому, их забавляло, что одна португальская фактория за другой захватываются нами без особых церемоний. Взятые у противника документы снова дали нам очень ценные сведения. На расстоянии двух дней находилась другая бома, называемая Намирруе, в которую для усиления португальского гарнизона прибыла еще и английская рота. Следовательно, можно было предполагать, что в этом пункте хранились значительные продовольственные запасы. По крайней мере, по нашим сведениям, туда стягивались продовольственные колонны для пополнения груза. Английские войска, находившиеся в этой боме, принадлежали, по-видимому, к новым частям, подошедшим сюда со стороны Мозамбика. Прежние войска неприятеля, которые, по нашим расчетам, передвигались теперь с юго-запада на северо-восток, не могли так быстро нас обогнать. Итак, наш авангард немедленно выступил дальше на Намирруе, усиленный одним орудием. Меньшее орудие было приведено нами в негодность и брошено у Намакуру после того, как все снаряды оказались израсходованы.

Капитан Мюллер должен был выяснить, что можно предпринять у Намирруе, и действовать по собственному почину сообразно с обстановкой. Главные силы остались сначала у Типы, на восточном берегу реки Молоке. Они занялись сбором продовольствия и собирались задержать наступавшего с юго-запада неприятеля, чтобы капитан Мюллер имел достаточно времени на штурм Намирруе. Вскоре небольшие разведывательные отряды противника появились у Типы на западном берегу реки, которая здесь не являлась сколько-нибудь значительным препятствием. Дело дошло до целого ряда мелких патрульных стычек на восточном берегу Молоке. Отряд капитана Келя имел несколько арьергардных боев, занимая последовательно позиции вдоль дороги Типа—Намирруе. Так как мне было неясно, где лучше использовать главные силы — на фронте ли отряда Келя или же у Намирруе, то я сначала медленно двигался вслед за отрядом Мюллера. В это время от последнего поступило донесение, что неприятельский отряд силой около од-

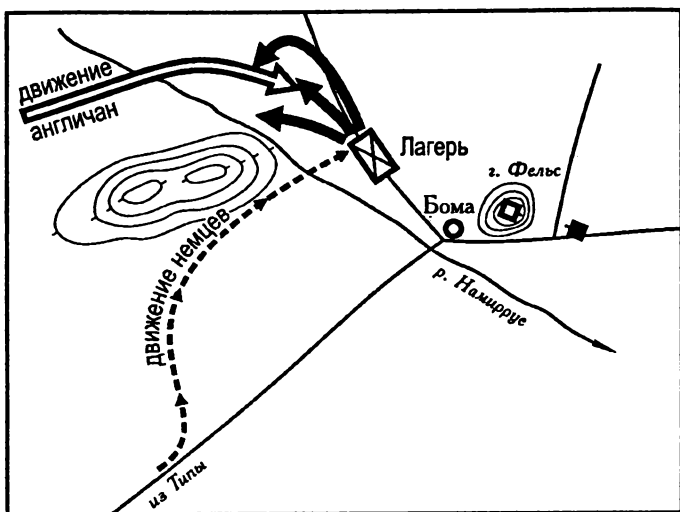
ной роты укрепился на горе Фельс у Намирруе и что Мюллер, даже несмотря на поддержку своего орудия, ничего не может с ним сделать. Кроме того, для поддержки этого отряда могли прибыть английские войска с севера или северо-запада.

Для нас представлялся благоприятный случай разбить эти войска в открытом поле. В итоге я с главными силами двинулся на Намирруе и 22 июля переправился через одноименную реку в 4 километрах выше горы Фельс, занятой неприятелем. На восточном берегу реки мы расположились лагерем и почти сразу вслед за этим имели несколько патрульных стычек. Сам я с лейтенантом Бешем обошел гору кругом и прибыл к капитану Мюллеру, занимавшему лагерь непосредственно у самой горы, близ юго-восточного ее края.

Неприятельская позиция прикрывалась патрулями с пулеметами. На ее вершине можно было рассмотреть отдельных лошадей, а иногда появлялись и люди. Если на глаза нам показывалась удобная цель, то она немедленно обстреливалась, чтобы помешать неприятелю посылать людей с горы вниз к воде. Но оказалось, что у него была возможность доставать воду из источника, которого мы не знали.

После чашки кофе у капитана Мюллера мы направились дальше вокруг горы и встретили лейтенанта резерва Кемпнера и другие патрули, которые вели тщательную разведку. Мы должны были ради сохранения скрытности движения пробираться через густой кустарник и попали в многочисленные крапивные бобы; соприкосновение с этим растением причиняет нестерпимый зуд кожи. Мы как раз находились в середине такой чащи, когда со стороны лагеря главных сил послышалась оживленная перестрелка. Одновременно неприятель на горе открыл огонь залпами, подавая, очевидно, этим сигналы своим друзьям. У меня сразу мелькнула мысль, что сюда двигается незначительный неприятельский отряд, который не имеет никакого представления о прибытии наших главных сил. Я тотчас же решил использовать этот редкий случай и ввести в дело все свои силы. Но, как я ни старался поскорее присоединиться к нашим товарищам, в густой чаще продвигаться можно было лишь очень медленно, а зуд просто доводил до сумасшествия. Мы достигли лагеря как раз перед наступлением темноты.

Мой заместитель майор Краут сначала ввел в бой только слабые части. Ввиду яркого лунного света я мог рассчитывать исполь-

Встречный ночной бой на р. Намирруе

зовать для сражения надвигавшуюся ночь. Немедленно были развернуты все имевшиеся под рукой силы, за исключением одной роты, оставленной для защиты лагеря. На правом фланге капитан Геринг, назначенный для охвата, произвел полный обход неприятеля и появился у него в тылу. Тут он услышал собачий лай, направился на него и нашел в овраге у телефона английского командующего полковника Дикинсона с его адъютантом и санитарным офицером, которых и взял в плен. Затем Геринг немедленно продолжал наступление. Одновременно отряды Шпангенберга и Поппе атаковали противника с фронта и левого фланга. Очень скоро неприятель численностью в один батальон был опрокинут и бежал в полном беспорядке. Все отряды энергично преследовали, но, вследствие царившей кругом темноты и густого кустарника, потеряли соприкосновение с противником, о котором не было даже известно, откуда он появился.

Только позднее выяснилось, что неприятель двигался параллельно с нами и одновременно с нами переправился через реку Намирруе, только немного выше по течению. Несмотря на постоянную работу радиостанции, неприятелю было почти невозможно составить себе ясное представление о положении своих и наших войск из-за ежедневной перемены стоянок находившимися в движении отрядами, закрытому характеру покрытой кустар-

ником местности и большому числу колонн. В связи с этим он также не мог своевременно ориентировать своих начальников обо всех изменениях в обстановке. Таким образом, в данном случае на нас наткнулась отдельная колонна, причем даже не вся целиком. Через реку переправился только один батальон, который и пострадал при встрече с нашими главными силами, так как оторвался от своих и очутился в опасном положении.

Назначенная для преследования рота вернулась на следующий день без особых трофеев. Следует отметить, что и в данном случае после успешного сражения было трудно побудить младших начальников и войска к крайнему напряжению всех сил для полного использования одержанного успеха. Обер-лейтенант фон Шретер все-таки возобновил преследование и вел его в течение нескольких дней, как этого действительно требовала обстановка. Но он не смог добиться ничего, кроме нескольких патрульных стычек.

Я с главными силами остался на месте. Окончательный успех зависел не от преследования разбитого уже противника, а от действий против неприятеля, осажденного нами на горе Фельс и лишенного теперь ожидаемой помощи.

Впервые за эту войну мы захватили миномет вместе со снарядами. Постепенно мы разыскали на поле сражения его отдельные части. 17 оказавшихся налицо мин были подготовлены к действию. Пробная стрельба холостыми зарядами дала удовлетворительные результаты, и в 4 часа дня могла начаться боевая стрельба по засевавшему на горе неприятелю. Руководство действиями было поручено капитану Мюллеру, отряд которого не только не принимал накануне участия в бою, но даже ничего о нем не знал. К нему присоединилась рота обер-лейтенанта фон Руктешеля, оставшаяся во время боя в лагере. Миномет был поставлен с одной стороны горы, а пушка — с другой; наши пулеметы были расположены вокруг горы и подготовлены к ведению огня. В 3 часа 45 минут обер-лейтенант Руктешель попрощался с пленным английским полковником Дикинсоном, который находился на его попечении, и сказал ему, что рассчитывает вернуться через час. В 4 часа первый снаряд упал в центре неприятельского расположения. Как раз в это время неприятельский начальник был занят вопросом, не следует ли ночью произвести вылазку. Гора сразу ожила, и везде показались люди, которые метались в разные стороны. Они были взяты под огонь пулеметов и орудий. Очень скоро неприятель выкинул белый флаг, но продолжал стрелять.

Обер-лейтенант Руктешель вернулся к своему гостю, как и обещал, через час, но, к сожалению, с простреленной ногой. Его ординарец, который хотел вынести его с поля сражения после ранения, был убит. Между тем капитан Мюллер взобрался на гору с другой стороны и взял штурмом лагерь. Он был занят взводом (моторизованной) пехоты полка Золотого Берега и полуротой пехоты, из которых никто не спасся. Лошади тоже были почти все перебиты. С нашей стороны был убит ружейной пулей храбрый лейтенант резерва Зельке — как раз перед самым вторжением на неприятельскую позицию. Его похоронили на поле сражения. Добыча оказалась очень скромной, но за два дня боя неприятель понес серьезные потери в личном составе. Принимавшие участие в бою английские отряды, которые по своей численности лишь немногим уступали нашим частям, были совершенно разбиты. Здесь, как и раньше у Намакурру, выяснилось, что англичане насильно вербовали в свои войска черных из немецкой Восточной Африки, а также старых немецких аскари.

Наша основная операция у Намирруе удалась только потому, что слабый отряд Келя, силою всего в три роты, сдерживал наступавшего с востока противника. Этот отряд медленно отходил от Типы на Намирруе и должен был ежедневно выдерживать арьергардные бои против неприятеля, напиравшего с крайним упорством. Теперь капитан Кель подошел к Намирруе на расстояние полуперехода; я перевел его на восточный берег реки. Между тем высланные патрули узнали от туземцев, что у Пекеры под защитой гарнизона расположен неприятельский магазин. Это сведение казалось мне очень правдоподобным, так как Пекера находилась в густо населенной и очень плодородной области, к востоку от реки Лигонджи. Наши расчеты оправдались, когда мы прибыли в Пекеру после двухдневного марша. Расположенный здесь конный взвод Золотобережного полка был уничтожен, а несколько мотоциклистов захвачено в плен. Таким же образом мы овладели бомой Халау и целым рядом других факторий, где португальцы сосредоточили богатые запасы продовольствия, особенно земляных орехов. Наши патрули доходили до Ангохе, и мы в самое короткое время стали хозяевами обширной и исключительно богатой области. Часть пленных португальских офицеров однажды ночью убежала и благополучно добралась до неприятельских войск, расположенных в Ангохе. По-видимому, среди них было несколько человек, хорошо знакомых с местностью еще со службы в мирное время.

Наступивший затем спокойный период дал возможность поправиться нашим больным и раненым, которые очень ослабели от продолжительных переходов; здоровые также нуждались в небольшом отдыхе. Все утомились от беспрерывных передвижений и напряжения последнего времени. Достоинно внимания, что последние успехи пробудили воинственный дух среди носильщиков, большинство которых представляло собой хороший и надежный элемент. Многие из них заявили о своем желании поступить в аскари. Даже мой старый повар был согласен взяться за винтовку.

К 5 августа продовольственные запасы вновь начали истощаться, и главным продуктом питания стал горький мухого. Неприятельские патрули, которые двигались сюда с северо-востока, подсказывали мне, что неприятельские колонны, следовавшие с юго-запада, за время нашего отдыха перегнали нас и теперь стремятся сосредоточиться у Вамалеа (северо-восточнее Халау), чтобы затем атаковать.

Глава шестая. Назад к реке Лурио

(Август—сентябрь 1918 года)

Английский парламентар. Наступление неприятеля. Движение через Лигонджу. В Или. Движение на Нумарроэ. Приготовление хлеба для пленных. Завтрак в кустарнике. Бомба Нумарроэ. Успех отряда Геринга. Взятие бомы. Потери с обеих сторон. Дальше через горы к Регоне. Перестрелки. Что будет дальше? Сильные бои у Лиомы. Тяжелые потери. Никакой надежды на более крупный успех. Дальше на север. Перекрещивание отрядов. Затруднительное движение через горы. У Лурио. Плохое состояние здоровья войск. Тяжелые потери с обеих сторон. Легочная эпидемия.

Чтобы окончательно ввести неприятеля в заблуждение относительно наших планов, я 7 августа двинулся по дороге на Вамаку и расположился лагерем в трех часах северо-восточнее Халау, в районе с достаточным продовольствием. Несколько неприятельских патрулей было отогнано. Из Вамалеа явился неприятельский офицер-парламентар, заявивший, что английский командующий

согласен на обмен пленного врачебного персонала. Далее, он просил меня назначить место и время, когда можно было бы передать нам обмундирование для английских пленнх. Эти очень прозрачные предложения показали мне, что неприятель готовит что-то серьезное именно на севере и стремится облегчить свою задачу, заманив меня в ловушку. Были пойманы различные неприятельские шпионы, подтвердившие мое подозрение. Их показания о том, что неприятель предполагает атаковать нас тремя колоннами, соответствовали обычному приему подобных операций.

Когда 10 и 11 августа стычки патрулей и передовых постов показали, что более сильная неприятельская колонна наступает по дороге Вамалеа-Халау, я предположил, что по меньшей мере еще одна колонна продвигается южнее, параллельно первой и что, по видимому, ее целью являлось Халау. Я решил отдельно атаковать эту южную неприятельскую колонну. Шансов на успех моего плана было мало, так как неприятель избегал дороги и часто двигался прямо через кустарник. Учитывая вероятное развитие операции, я приказал произвести разведку и наметить определенную дорогу. Несмотря на это, наше движение, начатое 11 августа вечером, продолжалось всю ночь. Только с рассветом достигли мы выбранного мною пункта восточнее Халау. Сильные патрули, в том числе целая рота под начальством капитана Келя, находились еще на походе.

Моей основной мыслью являлось движение на запад, с тем чтобы затем повернуть опять на север или в район Блантире, или восточнее озера Ньяса. Не тревожимые неприятелем, мы переправились у Метила через реку Лигонджу и пересекли дорогу Типа—Намирруе. Находящаяся там могила офицера 1-го батальона второго полка Королевских африканских стрелков показала мне, что неприятельская колонна, двигавшаяся вслед за нами от Типа, теперь совершенно обошла нас с севера у Вамалеа. Во время дальнейшего похода к Или мы миновали прежнюю стоянку английских войск, пришедших сюда с запада и выступивших дальше по направлению на Альто-Молоке. Они тоже сделали большой крюк и, следовательно, истратили много сил.

Оставалось только удивляться тому, что неприятельские колонны показали такую высокую подвижность. Они изменили способ своего снабжения и освободились, по крайней мере частично, от необходимости подвоза. По рассказам пленнх, они высылали вперед команды фуражиров, доставлявшие от туземцев продовольствие и распределявшие его по частям. Этот сбор продоволь-

ствия производился крайне беззащитно. Доверчивость, которую незадолго перед тем, во время нашего пребывания в Или, выказывали туземцы, вдруг исчезла. Теперь в каждом аскари они видели своего неприятеля, и отдельные люди, отставшие во время переходов, неоднократно подвергались нападению.

Когда мы прибыли к Или, то быстро захватили находившийся там английский телеграфный пост. Найденные бумаги дали полезные сведения о передвижении неприятельских войск. Судя по этим документам, более крупные магазины находились у Нумарроэ и у Регоне, а большие силы из Альто-Молоке и Мукоби должны были попытаться опередить нас, в то время как одна колонна следовала непосредственно по нашим пятам. Неприятель, незадолго перед тем бродивший ощупью в темноте, очевидно, получил с некоторых пор достоверные сведения о наших передвижениях. Было крайне трудно определить дорогу на Регоне, так как нельзя было найти проводников. Но от Или к Нумарроэ вела вновь построенная телефонная линия из медной проволоки. Следуя вдоль нее, мы могли быть уверены, что натолкнемся по пути на какое-нибудь ценное указание. Действительно, когда мы выступили из Или, то части неприятельской колонны оказались совсем близко от нас. Наши оставленные сзади патрули даже встретились у строений Или с аскари, которых они приняли за своих, обменялись с ними сигаретками и огнем и только потом заметили, что это неприятель.

Утром 24 августа мы переправились через реку Ликунго и подвигались дальше по направлению на Нумарроэ. Уже с расстояния нескольких миль мы увидели гору и постройки бомы Нумарроэ. Во время одного привала на походе мы позавтракали в веселом обществе с лейтенантом резерва Оттом, вице-фельдфебелем резерва Норденгольцем и другими командирами из авангарда. Мы давно уже привыкли во время привалов доставать без всякой церемонии несколько ломтиков хлеба и банку с жиром или салом гиппопотама. Обер-лейтенант флота Фрейнд имел даже масло, прибереженное со времен Намакурры. Также и аскари и носильщики, ожидавшие прежде своего обеда по приходе на бивуак, все больше и больше перенимали «дестюри» (обычай) европейцев. Как только наступало время привала, каждый из черных доставал свой завтрак. Было чрезвычайно приятно, когда войска лежали в лесу в наилучшем настроении и набирались необходимых сил для новых усилий.

Мы были еще в двух часах пути восточнее Нумарроэ, когда в авангарде послышались первые выстрелы. Одна неприятельская рота впереди на нашем пути следования искусно и медленно отходила теперь перед нами на Нумарроэ от одного рубежа к другому. Состояние лейтенанта Отто, раненного пулей в грудь, было, по-видимому, серьезным. Я уклонился с главными силами, во главе которых двигался отряд Геринга, и прошел мимо противника прямо на бому. Еще до наступления темноты наше орудие было поставлено на позицию и открыло огонь по боме и ее стрелковым окопам, которые были заняты противником. Отряд Геринга, не теряя времени, обошел еще южнее, чтобы, воспользовавшись оврагами, подойти к боме вплотную с тыла. Авангард (отряд Мюллера), насколько можно было судить по шуму боя, также значительно продвинулся вперед.

Неприятельские стрелки стреляли неплохо, и, несмотря на расстояние около тысячи метров, как только показывался кто-нибудь из нас, ружейные пули ложились совсем близко к нему.

Скоро стемнело; перестрелка то внезапно разгоралась, то утихла, пока наконец неожиданно мы не услышали шума боя со стороны отряда Геринга. Затем наступила тишина. Отряд Геринга внезапно ворвался в расположение неприятеля и взял с боя некоторые стрелковые окопы, в которых упорно держался противник. Но отступавший неприятель был принят другим немецким отрядом за своих, и ему удалось уйти. Ночь была очень холодная, к тому же дождь лил, как из ведра, а наш багаж еще не прибыл. На следующий день нами были похоронены 3 неприятельских европейца и 41 аскари; кроме того, нами было захвачено в плен: 1 европеец и 6 аскари ранеными, и 1 европеец, 7 аскари и 28 других цветных. Среди пленных находился также и неприятельский командир майор Гаррад, который командовал здесь половиной второго батальона 4-го полка Королевских африканских стрелков. У нас были убиты вице-фельдфебель Норденгольц пулей в голову, 6 аскари и один носильщик пулеметов, а ранено 3 европейца, 18 аскари и 4 носильщика пулеметов. Мы захватили 40 000 патронов, 2 легких пулемета и, кроме того, ручные гранаты, санитарное имущество и большие запасы продовольствия. Между нашими ранеными, оставленными в солидных, чисто выстроенных домах, находился также лейтенант резерва Отт, который, как всегда, был в отличном настроении духа. К счастью, его ранение не было так тяжело, как этого опасались сначала, но взять его с собой было невозможно.

25 августа я хотел достигнуть лагеря Регоне. Из захваченных документов я узнал, что туда были доставлены ценные запасы, между которыми имелись снаряды для минометов. Гарнизон Регоне был, вероятно, в данный момент еще слаб, но ввиду близкого нахождения неприятельских колонн надо было ожидать, что к 26 августа обстановка изменится и время для атаки будет упущено.

Дорога шла по ущелью крутой, скалистой цепи гор. Скоро наш авангард наткнулся на неприятеля и задержал его, пока я с главными силами не прошел мимо этого противника прямо на Регону. При карабканье по скалистой и пересеченной горной местности дело едва не дошло до столкновения между двумя немецкими отрядами, которые приняли друг друга за противника. Пулеметы были уже поставлены на позицию, но, к счастью, ошибка была выяснена.

Мы продвигались дальше через горы, а под нами немного уже сади был слышен пулеметный огонь в авангарде. Движение было так затруднительно и наша колонна так растянулась вследствие того, что мы могли двигаться через горы только гуськом, что поставленная мной в этот день задача — Регоне — не была достигнута. Мы даже вообще не знали точно, где, в сущности, должна была находиться Регоне. Только потому, что мы скоро увидели в отдалении место скрещения нескольких дорог, мы считали, что там расположен искомый пункт. На полпути к Регоне мы заметили большой палаточный лагерь, и я решил, что это другая половина батальона, который был двинут отсюда на поддержку к Нумарроэ.

Под проливным дождем мы должны были стать лагерем в кустарнике. На следующий день замеченный палаточный лагерь был снят, а бома Регоне оказалась занятой довольно крупными силами. Штурм этой бомы через открытый холм не давал никаких шансов на успех, и мы ограничились поисками патрулей и отдельных отрядов. Как это было видно из захваченных нами бумаг, неприятель решил дать нам возможность беспрепятственно завязать бой у Регоне, с тем чтобы затем сильным резервом, расположенным вне бомы, атаковать нас во фланг и в тыл. Поэтому была предписана особая осторожность, и инициатива, с которой рота лейтенанта Боля несмотря ни на что двинулась против бомы, могла иметь опасные последствия. Показавшиеся вне укреплений некоторые неприятельские лагеря и колонны неожиданно для них оказались обстреляны, и были захвачены продовольственные запасы. Найденные бумаги подтверждали приближение к Регоне бо-

лее сильных неприятельских колонн с юга и юго-востока. На севере также были расположены войска.

Так как немедленная атака Регоне не имела надежды на успех, а также нельзя было рассчитывать и на удачное выполнение более длительной операции ввиду возможного вмешательства извне, я решил двигаться дальше. Из-за препятствия, которое представляли собой реки и болота южнее озера Ньяса, я считал невыгодным намеченное мною раньше направление движения на запад, особенно потому, что неприятель мог легко сосредоточить туда войска с помощью парохода и железной дороги, а также снабжать их продовольствием. Более целесообразным казалось мне дальнейшее движение на север, восточнее озера; весьма вероятно, неприятель был бы очень удивлен нашим возвращением в немецкую Восточную Африку и предполагал бы целью нашего похода исконную столицу этой области, т. е. Табору. Под этим впечатлением он, чтобы избавить свои главные силы от обходного движения к Табору и избежать затруднений при организации подвоза, естественно, оттянул бы свои войска к побережью португальской Восточной Африки и оттуда перебросил бы их морем в Дар-эс-Салам и затем дальше, в самую Табору.

В общем, мои расчеты оправдались. Я склонялся к решению, прибыв не к Табору, а на северный берег озера Ньяса, двинуться дальше в другом направлении — вероятнее всего, на запад. Во всяком случае, нужно было сначала достигнуть северного края озера Ньяса. До тех пор должно было пройти больше месяца и многое могло измениться.

У Регоне замечено было движение и сбор здесь большого количества войск, которые обыскивали места наших бивуаков и тогда после этого медленно двигались за нами. Местность со своими многочисленными ущельями и водяными потоками была особенно благоприятна для занятия арьергардных позиций. По дороге на Лиому был захвачен крупный неприятельский магазин с большим количеством табака. Отряд Мюллера, высланный вперед к Лиоме, скоро донес, что этот пункт занят неприятелем, силу которого нельзя было установить даже приблизительно. 30 августа я с главными силами подошел к авангарду. В густом кустарнике установить точное расположение неприятельских укреплений было невозможно. По-видимому, противник только перед нами прибыл сюда и еще не закончил своих работ по укреплению позиций. Поэтому я немедленно повел наступление.

Сначала отряды Мюллера и Геринга обошли неприятеля, чтобы атаковать его с севера, в то время как главные силы продвигались многочисленными ущельями по лесу.

При недостатке сведений сам я не мог составить себе точной картины. Вдруг внезапно послышалась оживленная стрельба в тылу, где двигались наши колонны носильщиков. Сильный неприятельский патруль обстрелял их, и большая часть нашего багажа оказалась потеряна. Капитан Поппе, находившийся в моем распоряжении, был направлен с двумя ротами против этого патруля. По прибытии он уже не нашел там противника, но, двигаясь в направлении его отхода, наткнулся на укрепленный лагерь, который немедленно захватил с боя. При этом был тяжело ранен вице-фельдфебель Шафрат. Об этом происшествии мне лично доложил капитан Поппе, когда его, тяжело раненного пулей в грудь, несли в тыл. Он передал мне, что неприятель окончательно разбит, захвачена богатая добыча оружием и боевыми припасами. Роты отряда Поппе последовали за отходившим противником и наткнулись на новый большой лагерь. На этот же лагерь вышел с севера отряд Геринга, и, таким образом, неприятель был взят под действительный перекрестный огонь. Новый противник, приближавшийся с северо-востока, сдерживался в это время отрядом Мюллера.

Только поздно ночью я получил мало-мальски ясное представление об этих различных событиях. Во время одной из своих разведок в тот день ружейная пуля, пробив штаны сопровождавшего меня запасного Гаутера, попала в бедро лейтенанту флота Бешу и задела у него артерию. К счастью, поблизости оказался перевязочный пункт. Поэтому я мог проститься с нашим прежним интендантом, исполнявшим одновременно должность офицера для поручений, с уверенностью, что он выздоровеет. Свое скудное имущество он роздал товарищам и пожелал им в будущем всего хорошего. Мне он подарил пригоршню сигарет, так как я во время серьезных боев имел привычку много курить.

Я встретил среди кустарника также обер-лейтенанта фон Руктешеля с несколькими носильщиками и носилками, которыми он временами должен был пользоваться из-за своей все еще не зажившей ноги. Он всеми силами поддерживал порядок в колонне во время тяжелого перехода и теперь, с винтовкой в руках, радовался, что может принять участие в бою с неприятельскими патрулями, которые показались на фланге и в нашем тылу. Часть наших колонн разбежалась в густом кустарнике и только по проше-

ствии нескольких часов опять вернулась к нам. По наступлении темноты находившийся в ущелье перевязочный пункт наполнился ранеными. Было получено донесение, что обер-лейтенант фон Шретер и обер-лейтенант флота Фрейнд убиты. Во время вторичной разведки вице-фельдфебель Боллес и Гюттих нечаянно очутились близко от неприятельской стрелковой цепи и были неожиданно обстреляны; Боллес был убит, Гюттих, тяжело раненный, попал в плен. Вице-фельдфебель Турман пробрался на расстояние пяти шагов от неприятельских стрелковых окопов и, будучи прекрасным стрелком, успешно обстреливал с термитного холма те цели, которые появлялись внутри неприятельского лагеря, пока сам не получил смертельную рану.

Капитан Геринг не пытался атаковать лагерь, находя это бесполезным, и потому с наступлением темноты оставил для наблюдения за противником только патрули, а остальные части стянул назад. Таким образом, главные силы собрались в нескольких группах севернее неприятельского лагеря, и я решил на следующий день, после уборки поля сражения, двинуться дальше.

Мы вынуждены были оставить часть наших больных и раненых, а также больных пленных при английском санитарном офицере и в девять часов утра выступили дальше на север несколькими колоннами. У нас не было проводников; местность была совершенно незнакомая, и я только в общих чертах мог указать начальнику авангарда, что желаю пройти мимо одной из расположенных на севере гор. Скоро со стороны авангарда послышался шум боя. Удалось выяснить, что наш авангард свернул на неприятеля, появившегося слева и сзади него.

Посланный мной назад аскари должен был привести голову главных сил на то место, где я находился. Положение было, несомненно, благоприятным для того, чтобы сжать противника между нашим авангардом и главными силами. Я ждал, но наши главные силы не появлялись. Наконец я бегом отправился назад и по следам обнаружил, что войска давно прошли стороной мимо нас. Зато я увидел голову отряда Штеммермана, в состав которого входила главная часть наших колонн носильщиков и больных. Штеммерман, ничего не подозревая, двигался прямо на неприятеля. Я успел еще вовремя вернуть отряд.

Сам я теперь догнал передовые отряды Мюллера и Геринга, которые между тем продолжали движение на север. Они следовали по дороге, которая поднималась на горы и наверху совсем те-

рялась. Я не обращал больше внимания на шум боя, который время от времени доносился до меня издалека. Позднее днем я с удивлением заметил, что остальные части не последовали за отрядами Мюллера и Геринга, а двигаются по долине правее нас. Я не подозревал, что наша походная колонна была еще раз обстреляна новым противником, подошедшим с востока, и при этом большая часть одного полевого лазарета попала в руки неприятеля.

Чтобы опять соединить части, я искал спуска со своей горы, но спуститься оказалось невозможным: скалы были почти отвесной крутизны. Мы направлялись дальше по тропинке, проложенной туземцами, и вечером капитан Мюллер донес мне, что спуск этот кончается пропастью. К счастью, здесь нашлась небольшая боковая тропинка. Мы последовали по ней, и нам удалось спуститься вниз. Там, где попадались крутые спуски, только голые ноги носильщиков давали точку опоры, и я сам, сняв сапоги, следовал их примеру. Стало так темно, что хоть глаз выколи, а у нас не было воды. Но наконец нашли и воду, и у меня отлегло от сердца, когда мы натолкнулись на остальные части наших войск под командой генерала Вале, которые также искали соединения.

30 и 31 августа мы потеряли убитыми 6 европейцев и 23 аскари; ранеными — 11 европейцев, 6 аскари; пропавшими без вести — 5 европейцев, 29 аскари и попавшими в плен — 5 аскари; кроме того, мы потеряли 48 000 патронов, необходимые медикаменты, перевязочный материал и часть багажа отряда Мюллера. Потери неприятеля были не менее велики, как это выяснилось из захваченного позднее списка потерь первого батальона 1-го полка Королевских африканских стрелков. Кроме этого батальона, в бою также участвовали: часть третьего батальона этого полка и 2-й полк Королевских африканских стрелков.

Наши войска сражались блестяще, хотя часть носильщиков, из которых недоставало более двухсот человек, была сильно перепугана неожиданным огнем. Не было никаких сведений об отряде Келя, но наш командный состав стал к этому времени настолько искусным и ловким в ведении боевых действий в кустарнике, что мне нечего было беспокоиться.

На следующий день мы застигли врасплох на бивуаке английскую продовольственную колонну. Затем мы пересекли дорогу Кутеа—Малема, на которой скоро появились неприятельские войска, и переправились через реку Лурио у Мтатеры. Один английский закупочный пост бежал, при этом нами было захвачено не-

которое количество продовольствия. Отряд Келя опять соединился с главными силами. Он последовал за преследующим нас противником и установил, что последний имел здесь несколько батальонов. Мы двинулись вниз по реке Лурио в богатый район Мпуреры. Соль (черный фельдфебель) Салим, который раньше во время патрулирования в этом районе взял здесь жену, верно последовавшую за ним, оставил ее у отца — местного вождя.

Здоровье войск было подорвано: все кашляли, появлялись признаки крайне неприятной легочной эпидемии, которая в ближайшие недели должна была лишить нас многих людей и которую врачи рассматривали как одну из разновидностей испанки. Ввиду того, что в этой местности имелось богатое продовольствие, я дал крайне измученным последними действиями войскам день отдыха, который был необходим также и для многочисленных больных. Капитан Кель со своей ротой был оставлен без багажа для действий в тылу у противника, чтобы причинить последнему возможно больший урон. Он донес о прибытии более крупных неприятельских войсковых частей в район Мтатере и восточнее этого пункта. Было ясно, что в данный момент противник еще продолжает преследовать нас с полным напряжением всех сил и для этой цели держит свои войска сосредоточенными. Обстановка казалась мне неблагоприятной для частичного успеха уже потому, что его нельзя было использовать, а сражение стоило бы нам раненых, которых мы не могли бы взять с собой. Так как я предполагал в ближайшее время разведать район севернее Луамбалы, то не хотел оттягивать дальше движения туда.

Можно было предположить, что неприятель направится несколькими колоннами вниз по реке, то есть в северо-восточном направлении, поэтому наши части двигались через кустарник, в развернутом боевом порядке, и я ежесекундно ждал столкновения с северной неприятельской колонной. Но мы пересекли наиболее вероятный путь ее следования, не обнаружив никаких следов врага. Около полудня мы подошли к цели нашего перехода — источнику воды, расположенному у горы Хулуа. Со стороны авангарда слышались первые выстрелы, и скоро разыгрался оживленный бой. Капитан Мюллер — начальник авангарда — натолкнулся на хвост неприятельской колонны, которая двигалась на северо-восток под острым углом к направлению нашего походного движения. Он быстро атаковал находившийся в хвосте второй батальон 2-го полка Королевских африканских стрелков, обратил

его в бегство и захватил полевой лазарет, а также колонну неприятельских ослов.

Отряд Геринга развернулся правее, рядом с отрядом Мюллера, и в свою очередь быстро отбросил части противника, но не двинулся дальше вперед, так как противник развернул более крупные части — первый батальон 2-го полка Королевских африканских стрелков и, по-видимому, части 3-го батальона того же полка. Наш левый фланг при движении вперед начал подниматься по очень пологому скату, натолкнулся на свежие неприятельские части, затем отошел несколько назад и занял отлогий холм с большими секторами обстрела. Об этих событиях я получил ясное представление только тогда, когда опять вернулся на левый фланг с правого, куда мы направили отряд Геринга.

Бой становился довольно жарким, но наше продвижение приостановилось. Со стороны арьергарда под начальством капитана Шпангенберга, прибытия которого я ожидал, послышался огонь минометов. Арьергард отбил у Мпуеры атаку одной неприятельской колонны и обратил ее в беспорядочное бегство. В 7 часов утра он двинулся дальше за главными силами. Около 5 часов пополудни он прибыл на поле боя, и я раздумывал, не следует ли еще сегодня попытаться ввести в дело все свои резервы, чтобы разбить наголову 2-й полк Королевских африканских стрелков. Но я отказался от этой мысли; времени было очень мало — оставался всего час до темноты, и я был убежден, что на следующий день на рассвете на поле сражения придут свежие части неприятеля. К тому же ведение серьезного боя стоило бы нам значительных потерь, а я хотел их избежать при численности своих сил всего лишь в 176 европейцев и 1487 аскари, которые состояли в наших списках на 1 сентября 1918 года.

Перед самым наступлением темноты обер-лейтенант флота Вейниг, который действовал со своим оружием в отряде Геринга, донес мне, что он, как единственный еще уцелевший офицер, принял командование над этим отрядом. Скоро были доставлены на перевязочный пункт капитан Геринг, тяжело раненный в грудь, и обер-лейтенант Болъ с тяжелой раной в голову.

Итак, я не бросил свои резервы в суматоху ночного боя в кустарнике, но по уборке поля сражения двинулся дальше в северо-западном направлении. Скоро наступила полнейшая темнота, и движение в густой высокой траве производилось очень медленно. Пройдя пять километров, я расположился лагерем. Потери в бою

6 сентября составляли 6 аскари, 4 пулеметных носильщика убитыми, 13 европейцев, 49 аскари, 15 других цветных ранеными, 3 европейца, 13 аскари, 12 носильщиков пропавшими без вести, и 3 аскари, 3 носильщика попали в плен. По нашим наблюдениям, у неприятеля было ранено около 10 европейцев и 30 аскари, и, кроме того, 8 европейцев и 45 аскари были взяты нами в плен. Часть больных и раненых пленных, а также наши собственные тяжело раненные были оставлены на поле сражения на попечение английского санитарного персонала. Захваченные позднее при Мвембе бумаги указывали, что 6 сентября колонна 4-го полка Королевских африканских стрелков понесла большие потери и временно стала небоеспособной.

Во время дальнейшего движения неприятель нас не беспокоил. Капитан Кель остался со своей ротой западнее Мпуеры, чтобы действовать в тылу неприятеля на его сообщения. Он двигался вслед за нами и имел при горе Мильве небольшое столкновение с первым батальоном 6-го полка Королевских африканских стрелков, прибывшим к этой горе с юга 8 сентября. Мы двигались колонной в несколько рядов напрямик через пори, весьма богатую дичью область. Здесь нам удалось подстрелить несколько буйволов. Мы пересекли у Канене этапную дорогу противника, ведущую от озера Амарамбы к Махуа. Неприятель сжег в Канене магазин, но мы нашли в окрестностях достаточно продовольствия, и материальное положение войск можно было бы признать хорошим, если бы так сильно не свирепствовали легочные болезни. Около пятидесяти процентов солдат получили бронхиальный катар, и в каждой роте от трех до шести человек имели воспаление легких. Вследствие того, что носилок имелось только на восемь десятков больных, около двадцати человек с более слабым воспалением легких должны были попеременно идти пешком.

При нашем способе ведения войны удовлетворительная организация транспорта больных была невозможна, но, с другой стороны, нельзя было просто оставлять их лежать в пори. Это вынужденное положение должно было до крайности действовать на нервы отличного заведующего санитарной службой штабного врача Тауте. Было счастьем, что этот человек, высоко одаренный как в медицинском, так и в административном отношении, стойко держался под тяжестью своей ответственности. Эпидемия прекратилась благодаря его распорядительности, а также благодаря перемене местности и климата.

Глава седьмая. Еще раз на немецкой земле

(Сентябрь—октябрь 1918 года)

Быстрое отступление на север. Через Лудженду. Дневка у Мвембы. Неприятельские разведчики. Разведки при помощи дальних патрулей. В Сонге. Тоска Сомарунги по родине. Миссия Пангире. Перемена направления движения. Важные известия из Европы. В миссии Мбози. Донесения от патрулей.

Мы не должны были мешкать. Военная обстановка настоятельно требовала, чтобы мы быстро прошли бедные продовольствием и сильно разоренные последним периодом войны области восточнее озера Ньяса. Быстрота при этом была тем более необходима, что неприятель мог перебросить войска пароходом на северный берег озера Ньяса и таким образом опередить нас. Когда мы подошли к реке Лудженде, местность стала гористой и пересекалась многочисленными потоками и ущельями. Направление движения не могло быть установлено только по одному компасу. Приходилось принимать во внимание водоразделы и идти вдоль горного хребта. К счастью, начальник авангарда — капитан Шпангенберг — нашел несколько туземцев, которые, как знатоки тропинок, облегчали ему выбор хорошей дороги. Но иногда оказывалось совершенно невозможным избежать некоторого блуждания, а это замедляло наше движение, в то время как неприятель мог по хорошей дороге быстро передвигать войска и продовольствие от Малакотеры на Луамбалу.

Я немного беспокоился, достаточно ли понизился уровень воды в реке Лудженде для того, чтобы иметь возможность использовать броды. Правда, приготовление лодок из коры не составило бы больших затруднений, но, при быстром течении реки, переправа всех войск едва ли прошла бы без задержек.

Во всяком случае, я был теперь заинтересован в том, чтобы неприятель не помешал нашей переправе, и это также заставляло торопиться. К счастью, высланные вперед патрули нашли брод ниже Луамбалы, и переход в этом пункте через реку не представил никаких затруднений.

Из нескольких убитых гиппопотамов мы изготовили жир, а вскоре появилась возможность пополнить продовольствие в области Мвембе, куда мы прибыли 17 сентября. Там после длинно-

го промежутка была назначена дневка. Здесь у Мвембе легочные болезни достигли своего высшего предела. С середины августа заболело 7 европейцев и около 200 цветных, из которых 2 европейца и 17 цветных умерло. Магазины Мвембе были уничтожены слабыми неприятельскими частями, но местность все-таки давала еще достаточное количество продовольствия. Вопрос о носильщиках стал очень острым. Люди были изнурены продолжительными переходами, эпидемией и переноской многих больных, а мы в это время приближались к их родным местам. Было вероятно, что носильщики из племени вангони дезертируют, как только достигнут своей родины, находящейся севернее Ровумы. В районе Мвембе и в хорошо возделанных долинах реки Лухеринго мы встретили несколько неприятельских разведывательных патрулей. Хотя они и были отогнаны, но их присутствие указывало на то, что неприятель осведомлен о наших передвижениях.

Наши дальние патрули были посланы в Митомони и в Макалоге. Южнее Ровумы мы оставили долину Лухеринго и двинулись напрямик через степь, очень богатую дичью, прибыв к Ровуме 28 сентября. Но богатство дичью имело также и плохие стороны. Опять был зафиксирован случай нападения львов на дозорный пост.

Мы снова вступили на немецкую землю и оставались у Нагвамире два дня. Несколько неприятельских магазинов и транспортов, не получивших уведомления о нашем появлении, были застигнуты врасплох. Местность оказалась необыкновенно богатой, и войско могло основательно отдохнуть. Высланные к Митомони патрули донесли о находящемся там сильно укрепленном лагере и о прибытии подкреплений, подходящих с запада. Сонга также была занята неприятелем невыясненной силы. Различные сведения, как и географическое положение, делали вероятным, что к Сонге от озера Ньяса были направлены подкрепления.

Мы двигались дальше на Сонгу и южнее этого пункта вступили в густонаселенную область. Неприятельская связь по радиотелеграфу указывала, что Сонгу занимали неприятельские войска и что другая колонна прибыла сюда же из Митомони. 4 октября я двинулся западнее Сонги далее на север. Когда авангард, под начальством капитана Шпангенберга, достиг большой дороги Сонга—Видгафен, он был атакован тремя неприятельскими ротами с минометами, подошедшими сюда с запада. После короткого боя неприятель был отброшен.

Вследствие неблагоприятной для атаки гористой и пересечен-

ной местности, а также позднего часа, представлялось сомнительным достижение в тот же день решительного успеха, между тем на следующий день мог подойти новый неприятель. Поэтому я не продолжал наступления, а двинулся дальше на запад, в лагерь у миссионерской станции Перумихо.

При дальнейшем движении через страну Вангони носильщики этого племени дезертировали в большом количестве, как мы того и опасались. Было бы чрезмерным требованием, чтобы люди, не видевшие в течение нескольких лет своих близких, прошли бы теперь через свою родную область без оглядки. Для этого у негров слишком развито чувство родины. Даже Самарунга, один из лучших моих носильщиков, очень привязанный и надежный малый, испросил себе отпуск для посещения своей деревни, находившейся поблизости. Он честно вернулся обратно и привел с собой своего брата. Оба несколько дней двигались вместе с нами, и, даже когда ушел брат, Самарунга остался. Чтобы поднять его подавленное настроение, я дал ему часть своей мясной порции, но на следующее утро он все-таки исчез — правда, приведя перед этим мои вещи в полный порядок.

Севернее Сонги мы вновь атаковали отдельные неприятельские разведывательные патрули. В течение многих дней мы двигались через некогда населенную богатую страну со здоровым прекрасным климатом, которая могла бы прокормить тысячи фермеров. 14 октября мы прибыли к Пангире (Якоби) в живописно расположенную миссионерскую станцию, в которой миссионер Грешель радушно принимал меня во время моего последнего мирного путешествия перед войной. Семья миссионера была уведена, но туземцы, принадлежавшие к племени вабена, остались и встретили нас доверчиво, почти как в прежнее мирное время. Многие старые аскари, оставившие по каким-либо причинам войска, опять явились к нам.

И здесь были встречены и прогнаны отдельные разведывательные патрули. В богатой скотом области Вабены были увеличены крайне ограниченные до сих пор войсковые гурты скота, и, таким образом, мы получили подвижной продовольственный резерв, который значительно облегчал работу обоза.

После выступления из Пангире оставленные в этом пункте патрули оказались обстреляны неприятельским отрядом. Возле Убены наш арьергард под командой капитана Мюллера был атакован несколькими неприятельскими ротами, подошедшими с юга. Таким образом, вслед за нами двигалась сильная неприятельская ко-

лонна. Свободные, совершенно открытые степи Убены не были благоприятны для нашего способа ведения войны, так как здесь нас подавлял ружейный и артиллерийский огонь с больших расстояний.

Была весьма вероятной перевозка неприятельских войск водой на северный берег озера Ньяса и их движение на Убену и дальше на север, что и подтвердилось позднее. При моем решении — отказавшись от дальнейшего движения на Табору, направиться в Родезию между озерами Ньяса и Руква, а затем между озерами Ньяса и Танганьика, — необходимо было теперь же изменить направление походной колонны. Нельзя было терять ни одного дня, тем более что крутой горный хребет Ливингстона, а также горы вокруг Мбеджи очень стесняли свободу передвижений. При выборе маршрута необходимо было принять во внимание то, что рогные запасы сильно сократились, и их следовало пополнить. По словам туземцев, возможность для этого представлялась в районах Кидугалло и Гомбовано, в то время как в Уссангу, особенно у Сент-Утенгуле, мы рисковали остаться без продовольствия.

16 октября я двинулся с главными силами из Убены, оставив там генерала Вале, двух других европейцев и несколько больных и раненых аскари. Вскоре я достиг Кидугаллы; отряд Келя двинулся за нами 18 октября. В тот же день бома Убены была занята неприятельскими аскари силой свыше ста человек, а еще 200—300 солдат выступили на север в направлении на Ирингу. Из захваченных газет мы узнали, что 29 сентября пал Камбрэ и что бельгийцы подошли на три километра западнее Рубе. Мы прочли о прекращении военных действий Болгарией, об отставке графа Гертлинга и о занятии Сент-Кентена и Армантьера. Но очищение позиций и отдельных пунктов могло вызываться различными соображениями, и потому я не придавал особого значения этим сведениям¹.

Дальнейшее движение шло на Гомбовано и Брандт через район, чрезвычайно богатый скотом. Миссии и школы были покинуты, но садовые плоды, особенно тутовые ягоды и персики, пришлось

¹ Речь идет о наступлении войск Антанты, осуществлявшемся ими на всех Европейских театрах в августе—октябре 1918 года. Камбрэ — город на севере Франции, один из узловых пунктов германской оборонительной «линии Зигфрида». Бельгийская армия, оборонявшая в течение 1914—1918 годов последний клочок европейской территории своего государства близ Ньюпора, участвовала в этом наступлении на приморском фланге союзников. Близ Сент-Кантена и Армантьера 30 сентября был осуществлен наиболее широкий прорыв «линии Зигфрида». После того как в середине сентября болгарские армии были разгромлены на Салоникском фронте, Болгария 29 сентября заключила с Антантой перемирие. Граф Гертлинг — глава германского правительства, получившего 1 октября отставку. Вместо него во главе государства встал принц Макс Баденский, сторонник мирных переговоров. (Прим. ред.)

нам очень кстати. Мы также нашли в пори большое количество диких винных ягод и других сладких фруктов. Мелкие стычки патрулей показали нам, что неприятельские войска двигаются от озера Ньяса прямо на север в район Брандта. В Руиве мы обнаружили большие английские магазины и должны были уничтожить целый склад кожи. Затем наше движение продолжалось на миссию Сент-Утенгуле, которая была мне хорошо знакома еще с мирного времени; теперь она стояла заброшенная. Далее мы достигли миссии Мбози. Туда англичане вызвали мужчин из окрестностей и, после освидетельствования, отправили их в Нейлангенбург — вероятно, для того, чтобы сделать из них аскари. В Мбози находился большой английский магазин, в котором между другими запасами имелось семьдесят пять кулей соли и сорок семь кулей кофе.

В этой местности было трудно ориентироваться: она была нам мало знакома, а неприятель в течение ряда лет изменил ее устройством магазинов и транспортных путей. Для предварительных разведок нам не хватало времени и сил, и, кроме того, эти разведки обнаружили бы наши намерения. Туземцы относились к англичанам крайне враждебно и оказывали нам большую помощь, но при этом их указания часто бывали очень неопределенными. В то время, как мы устроили дневку в Мбози и пополняли там продовольствие, наши патрули были выдвинуты далеко вперед: один к Галуле (миссия Сент-Мориц), другой — к Итаке, третий — в направлении на Нейлангенбург и, наконец, четвертый — в направлении на Фифе. Отсутствие некоторых из них должно было продолжаться несколько недель; так много времени выжидать мы не могли.

Тем не менее было достаточно ясно, что мимо Мбози, от Фифы через Рвибу и Нейлангенбург, проходила главная этапная дорога неприятеля. Несколько находившихся на ней магазинов и двигавшиеся по ней продовольственные колонны были захвачены и запасы их уничтожены. Наличие этой дороги указывало, что в районе Фифе должен был находиться более крупный английский магазин. По всей вероятности, можно было захватить его быстрым нападением до прибытия туда более значительных неприятельских частей. Утром 31 октября к Фифе отправился боевой патруль. Вечером того же дня туземцы и патрули сообщили о наступлении более крупных неприятельских сил по дороге Нейлангенбург—Рвиба. 1 ноября на рассвете мы выступили к горе Рвиба; следы показали нам, что значительная неприятельская колонна незадолго перед тем прошла через эту гору в направлении на Фифе.

Глава восьмая. Вторжение в Британскую Родезию

(Ноябрь 1918 года)

На походе к Фифе. Неприятель занимает укрепленную позицию. Безрезультатный обстрел и дальнейшее движение. Стычки патрулей. Богатая добыча хинина. Изучение карт. Усиленными переходами в глубь Родезии. Миссионерская станция Каджамби и ее пугливые обитатели. Взятие Казамы. Грабежи туземцев по приказу англичан. Дальше на Хамбези.

Посланный 31 октября к Фифе наш второй боевой патруль задержался у горы Рвибы. Теперь я со всеми своими войсками должен был немедленно двигаться дальше, чтобы достигнуть Фифе раньше противника и в случае, если наш первый боевой патруль завязал там бой, поддержать его. Девятичасовой переход от Мбози к Фифе потребовал чрезвычайного напряжения от войск, но донесения наших патрулей, следы неприятеля и найденные на ветках его записки указывали, что неприятель ставит на карту все, чтобы достигнуть Фифе в тот же день, т. е. 1 ноября. Однако, учитывая величину перехода противника, можно было предполагать, что наш боевой патруль (который, по моим ожиданиям, должен был занять Фифе 31 октября или, самое позднее, на рассвете 1 ноября) помешает англичанам. После полудня мы обстреляли несколько патрулей, не приостанавливая нашего движения. Позднее днем в горах недалеко от Фифе были опрокинуты слабые отряды неприятеля. Сам я, с отрядом Шпангенберга, свернувшего с дороги вправо, подвигался вдоль горного хребта к месту, где мы ожидали найти лагерь противника.

Местность становилась более открытой и была покрыта по колону кустарником и высокой травой. Наконец мы увидели в нескольких сотнях метров перед нами ряд палаток и расхаживающих людей. Последние вели себя так беспечно, что мы едва не приняли их за наш собственный боевой патруль. Но с расстояния 200 километров нас встретил очень сильный и сначала меткий ружейный и пулеметный огонь. К счастью, наши стрелки не отвечали на него, так как я находился впереди них и очутился между обоими отрядами. Через некоторое время неприятель, по-видимому, начал горячиться и стрелять вверх. Стало темнеть, так что мой пат-

руль мог отойти к нашим стрелковым цепям. Таким образом выяснилась обстановка — перед нами на укрепленной позиции с хорошим обстрелом находился противник силой в несколько рот.

Впрочем, магазины неприятеля находились частью вне окопов и позднее попали в наши руки. Я отказался от штурма этого противника, так как можно было ожидать больших потерь. Напротив, я счел этот случай благоприятным, чтобы обстрелять неприятеля в его тесном лагере нашими минометами, а с возвышенности — нашим орудием. Наши пулеметы были придвинуты ночью вплотную к его позиции и окопались. Разведка подходящей позиции для орудия была отложена до следующего утра.

Было вероятно, что открытие нами минометного и ружейного огня вынудит двигавшегося из Нейлангенбурга неприятеля атаковать нас. Такая атака наших высот была бы очень трудна. Однако, несмотря на обстрел 2 ноября, во время которого у противника были отмечены некоторые потери, новый неприятель не появлялся. Обстрел лагеря не дал больших результатов, так как наш миномет был уничтожен после первых же выстрелов разорвавшейся в стволе миной. Одно же только настильное оружие не могло дать результатов против укрытого неприятеля. После обеда наши главные силы, сопровождаемые гуртами скота числом более чем в четыреста голов, двинулись из Фифе и миссии Мвенцо прямо в Родезию. По прибытии в лагерь мы увидели сильные клубы дыма над магазинами Фифе, которые отряд Мюллера поджег после нашего ухода. По направлении миссии Мвенцо были неоднократно слышны короткие вспышки ружейного огня.

Оттуда постепенно начали поступать донесения. Кроме наших высланных из Мбози боевых патрулей, к Мвенцо прибыли также и другие наши патрули, которые перестреливались с английскими дозорами, а иногда по ошибке и между собой. Одно из донесений отмечало появление неприятельского патруля в совершенно темных, неизвестных нам до сих пор, мундирах. Мы предположили, что речь шла о прибытии новой войсковой части, но после выяснения оказалось, что мы долго принимали за неприятеля свой собственный патруль, по причине его обмундирования, которое давно перестало быть форменным. В самой миссии Мвенцо находился постоянный неприятельский лазарет, из которого можно было пополнить наш санитарный материал. Запасы хины увеличились более чем на четырнадцать килограммов, и, таким образом, мы были обеспечены этим средством до конца июня 1919 года.

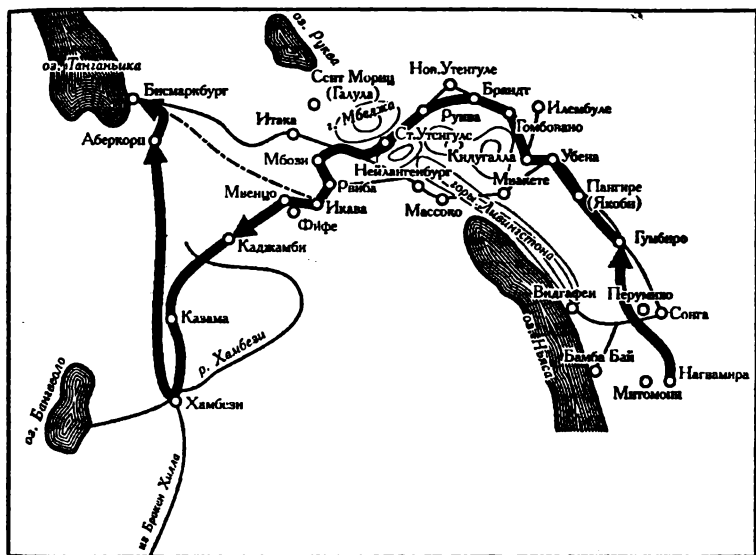
Различные сведения и показания пленных показали, что из района Брокен-Хиля через Казаму, а оттуда далее к Фифе двигались транспорты неприятеля, состоявшие из автомобилей и повозок, запряженных волами. Сама Казама казалась более крупным центром и важным дорожным узлом. Во всяком случае, можно было ждать, что на дороге от Фифе на Казаму находятся магазины неприятеля и что последняя является подходящей целью для действий. Кроме того, насколько можно было судить по карте, Казама располагалась так, что по достижении этого пункта являлось возможным двигаться далее на юг вокруг озера Бангвеулу и достигнуть водораздела между реками Замбези и Конго или, наконец, направиться далее на запад между озерами Бангвеулу и Мверо. Сведения были, во всяком случае, очень неопределенные и основывались почти исключительно на словах нескольких аскарри, которые мальчиками сопровождали торговые караваны в район озера Мверо.

Сначала у нас не было сведений о реках, в частности, о Луалупе, вытекающей из озера Бангвеулу и впадающей в озеро Мверо, и этот важный вопрос оставался открытым. Только по прошествии нескольких дней захваченные карты и описания прояснили обстановку. Судя по ним, Луалупа являлась очень серьезным препятствием: она отличалась глубиной, и ее ширина местами достигала нескольких километров; кроме того, она была окружена сплошными болотами. Ввиду приближения периода дождей переправа через нее на пирогах натолкнулась бы на затруднения. В то время я использовал каждую минуту для изучения карт и описаний путешествий и углублялся в них при каждой остановке. Вследствие недостатка данных нам угрожала большая опасность запереть самих себя в районе, перерезанном быстрыми реками и озерами.

Прежде всего, необходимо было быстро уничтожить этапную дорогу Фифе—миссия Каджамби—Казама. Подвижные боевые патрули были высланы вперед и после форсированного марша захватили много мелких магазинов, взяли в плен их управляющего и овладели даже несколькими повозками, запряженными волами.

Усиленное походное движение и поворот в юго-западном направлении в совершенно новой незнакомой стране не улыбались некоторому числу носильщиков. За один только день дезертировали 20 человек племени вафипа, которые были уроженцами окрестностей Бисмаркбурга, а также 13 носильщиков из других областей.

6 ноября наши главные силы вступили в Каджамби. Католическая миссия Каджамби состоит из очень живописных и простор-

Возвращение в Германскую Восточную Африку и вторжение в Родезию до перемирия у р. Хамбези; движения к пункту посадки в Бисмаркбурге

ных массивных построек. Миссионеры бежали. В доме сестер на мое имя было оставлено письмо от одной католической сестры. Она была родом из Вестфалии и, как землячка, обращалась к моему чувству милосердия. Она, наверно, избавила бы себя от многих неудобств, если бы не только сама, но также и все, кто принадлежал к составу миссии, спокойно-остались на своем посту. Мы причинили бы им так же мало вреда, как старому английскому миссионеру в Перумихо у Сонги. Страна эта была исключительно богата; в саду миссии росла превосходная земляника.

В полдень со стороны арьергарда, расположенного в двухчасовом расстоянии северо-восточнее Каджамби, послышались ружейные выстрелы. Капитан Кель остался там для сбора продовольствия; европейцы и аскари с целью фуражировки были разбиты на отдельные патрули. Именно в это время они и были атакованы неприятельским отрядом. Капитан Кель с честью вышел из этого тяжелого положения и на следующий день опять собрал свой отряд на позицию у миссии Каджамби, причем неприятель случайно попал под наш внезапный и удачный огонь. 7 ноября продолжалось дальнейшее

движение главных сил на Казаму. Неприятель нас не преследовал. Но если бы он все-таки продолжал наступление, то можно предполагать, что вскоре оно захлебнулось бы из-за недостатка продовольствия. По-видимому, после быстрого захвата Казамамы можно было создать фронт и дать удачное сражение, базируясь на этот пункт.

Но это были виды на будущее; сначала нам следовало захватить саму Казаму, которая, по имеющимся в то время сведениям, хотя и была занята слабым отрядом, зато хорошо укреплена. Капитан Шпангенберг с авангардом все время ускорял свое движение, увеличивая расстояние дневных переходов. Я следовал с главными силами; продовольствие было еще в достаточном количестве.

8 ноября отряд Шпангенберга имел несколько патрульных боев севернее Казамамы, а 9 ноября он занял сам поселок, гарнизон которого, состоявший из полуроты, отступил к югу. Там было захвачено небольшое количество патронов; другие запасы ружейного склада оказались столь же ничтожны. В этом пункте имелись большие ремонтные мастерские для автомобилей и повозок; мы захватили также более двадцати бургских фургонов. Очень значительна была добыча европейского продовольствия. Удивительно, что одно английское общество в Казамаме — насколько я помню, это была Африканская Озерная компания — оставило письменное распоряжение туземцам уничтожить ее запасы. Негры явились в большом количестве для грабежа, и отряд Шпангенберга нашел строение, инвентарь и запасы большей частью уничтоженными. Лишь благодаря его вмешательству удалось сохранить выстроенный и обставленный с большим вкусом дом британского комиссионера.

Со времени нашего отхода от Фифе казалось, что, чем дальше мы продвигались, тем крупнее были неприятельские магазины. Создалось впечатление, что мы методично уничтожали ту этапную линию, которая, начинаясь от Брокен-Хиля и немного севернее его, находилась еще в периоде формирования. При быстром дальнейшем движении мы могли рассчитывать встретить еще более богатые запасы; захваченные бумаги, а также указания туземцев, казалось, подтверждали это предположение. На расстоянии трех дней перехода вдоль телефонной линии у парома через Хамбези должны были храниться большие запасы, которые частью были доставлены сюда на лодках.

11 ноября я прибыл на велосипеде в Казаму к капитану Шпангенбергу, и этот последний немедленно выступил дальше на юг, в сторону парома Хамбези.

Главные силы прибыли в Казаму 12 ноября. Сзади, по направлению нашего движения, под вечер стал слышен ружейный и пулеметный огонь. Наш арьергард был атакован в своем лагере в расстоянии двух часов севернее этого пункта. Неприятель, который вел бой у Каджамбы, не последовал непосредственно за нами, а выбрал параллельную дорогу. Ночью отряд Келя прибыл к Казама. Теперь мне казалось, что предприятие против магазина у Хамбези является самым верным и важным, тем более что, судя по обстановке, противник должен был продолжать преследование и, таким образом, снова дать нам случай для удачного боя.

Глава девятая. Перемирие и возвращение на родину

(Ноябрь 1918 года — февраль 1919 года)

Заблудившийся мотоциклист. Перемирие. На велосипеде к парому. У Хамбези. Условия перемирия. Переговоры с английским уполномоченным. Положение в Германии. Перемирие и положение наших войск. Освобождение пленных. Затруднения с уплатой жалованья аскари. Движение в Аберкорн. «Сдача» и «очищение». У генерала Эдвардса. Сдача оружия. Беспольный протест против английского толкования условий. На пароходе в Кигому. Бельгийское гостеприимство. По железной дороге в Дар-эс-Салам. Интернирование. Грипп и его жертвы. Верные аскари.хлопоты о защите частного имущества. Посадка на пароход для возвращения на родину. На «Фельдмаршале». В Роттердаме и на родной земле. Взгляд на прошлое.

Таким образом, у Казама остался только отряд Келя, чтобы затем следовать за нами в расстоянии одного перехода. 13 ноября я с главными силами двинулся за отрядом Шпангенберга. Я выехал вперед на велосипеде, выбрал место для лагеря и ожидал подхода своих частей, когда капитан Мюллер, также на велосипеде, догнал меня и доложил, что заключено перемирие. Один английский мотоциклист, который должен был доставить это известие британским войскам, въехал по ошибке в Казаму и был взят в плен отрядом Келя. При помощи английского телефонного провода, вдоль которого мы двигались, мы могли быстро объяс-

ниться и, таким образом, получили от англичан уведомление о перемирии.

Телеграмма, которую вез мотоциклист, гласила:

«12.11.1918.

*Доставить полевым телеграфом и конным посыльным.
Передать полковнику Леттов-Форбеку через парламентаря.*

Премьер-министр Англии сообщил, что перемирие подписано в 5 часов 11 ноября и что военные действия прекращаются на всех фронтах в 11 часов 11 ноября. Я отдаю приказ своим войскам немедленно прекратить военные действия, кроме тех частей, которые атакованы противником, и я, конечно, убежден, что Вы сделаете то же самое. Условия перемирия будут Вам переданы немедленно после их получения. До того я предлагаю вам оставаться в вашем настоящем положении, чтобы облегчить сношения.

Генерал ван Девентер»¹.

Наши ощущения были очень неопределенные; лично я, не имея представления о действительной обстановке в Германии, надеялся на благоприятное или, по крайней мере, не особенно плохое окончание военных действий.

Необходимо было быстро предупредить высланный вперед отряд Шпангенберга, и я тотчас же сел на велосипед и в сопровождении ополченца Гаутера поехал к этому отряду. На полпути я встретил велосипедный патруль Рейсмана из отряда Шпангенберга, который доложил, что капитан Шпангенберг прибыл к парому Хамбези. Хотя я не сомневался в правильности английского уведомления о перемирии, все-таки наше положение было не особенно завидным. Мы находились в области, бедной местными средствами, и потому были вынуждены время от времени менять место стоянки. Уже исходя из этого было необходимо разведать переправы через реку Хамбези и сохранить их для нас. Если бы опять начались враждебные действия, мы тем более должны были бы иметь обеспеченную переправу на другой берег. Этот вопрос не терпел отлагательства, так как приближался период дождей, а с ним и поднятие воды в реках. Более или менее сильные грозы уже начались. Следовательно, имелось очень много вопросов, которые надо было урегулировать лично на месте с капитаном Шпангенбергом и с английским офицером, который заранее, вероятно, будет находиться на этой стороне Хамбези. Во всяком случае, не-

¹ В оригинале текст лат на английском языке. (Прим. ред. 1927 г.)

обходимо было и в дальнейшем производить закупку и доставку продовольствия. С последней целью я отправил назад моего проводника, а сам поехал с патрулем Рейсмана в отряд Шпангенберга.

Мы прибыли около восьми часов при полной темноте; капитан Шпангенберг был еще на разведке, но помощник казначея Домен и другие европейцы отлично меня угостили, как только узнали о моем прибытии. Я мог убедиться, что магазин Казама содержал овсянку, варенье и другие хорошие вещи, о наличии которых я до настоящего момента не знал.

После своего возвращения капитан Шпангенберг доложил, что он также получил от англичан уведомление о перемирии. Я лег спать в его палатке, и около полуночи он принес мне переданную через англичан телеграмму генерала ван Девентера, полученную через Солсбери. Судя по данной телеграмме, Германия согласилась на безусловную сдачу всех войск, действовавших в Восточной Африке; Девентер добавлял к этому, что требует немедленно освобождения английских военнопленных и нашего перехода в Аберкорн, где надо было сдать все вооружение и боевые припасы. Впрочем, европейцы все же могли сначала сохранять свое оружие. Полный текст этой телеграммы гласил:

«13.11.1918.

В Северный отряд. Корвунфору, через Фифе. Послать полковнику Леттов-Форбеку с парламентаром.

Военное министерство в Лондоне телеграфирует, что статья 17 перемирия, подписанного германским правительством, устанавливает безусловную сдачу всех германских сил, оперирующих в Восточной Африке, в продолжение одного месяца, считая с 11 ноября. Мои условия следующие: во-первых, немедленно передайте всех пленных, находящихся в ваших руках, как европейцев, так и туземцев, ближайшему отряду британских войск. Во-вторых, без промедления перейдите с вашими частями в Аберкорн, так как это ближайший пункт, в котором я могу снабжать вас продовольствием. В третьих, передайте все оружие и снаряжение моему представителю в Аберкорне. Но в то же время я разрешаю вернуть всем вашим офицерам и европейцам всех чинов их личное оружие, принимая во внимание доблестное поведение во время войны, однако с условием, что вы без промедления направите ваши силы в Аберкорн. Там будут сделаны распоряжения отправить

германцев в Морогоро и вернуть на родину всех германских аскари. Не откажите в любезности дать скорый ответ, указав вероятный срок прибытия в Аберкорн, а также число германских офицеров и рядовых, аскари и прочих.

Генерал ван Девентер»¹.

Это известие, если бы оно подтвердилось, достаточно говорило за себя и указывало на крайне тяжелое положение родины; иначе она никогда не сдала бы войска, которые так доблестно и успешно боролись с неприятелем.

Не вдаваясь в подробности, я должен был сказать себе, что исполнение требуемых от нас условий было неизбежно. 14 ноября, в 8 часов утра, во время условленной встречи у реки с британским уполномоченным, который переселился из Казама в резиновую факторию² Хамбези, я передал ему телеграмму в Германию, в которой я доносил о происшедшем и добавлял к этому, что буду действовать в соответствии со сложившейся обстановкой. Уполномоченный сообщил мне, что германский флот поднял восстание, что вообще в Германии революция и что, по одному сообщению, официального подтверждения которого он до сих пор не имеет, император 10 ноября отрекся от престола³. Все эти сообщения казались мне невероятными, и я не поверил, пока они не были мне подтверждены несколько месяцев спустя во время возвращения на родину.

Наши войска, европейцы и цветные, твердо верили, что в этой войне Германия не будет побеждена, и решили сражаться до последней крайности. Конечно, было сомнительно, хватит ли наших сил, если война продлится еще несколько лет, но, по крайней мере, в течение года мы могли держаться; войско было хорошо вооружено, снабжено и обеспечено продовольствием, и обстановка в настоящее время была так благоприятна для нас, как этого давно уже не было. Правда, аскари видели, что нас становилось все меньше и меньше: в частях насчитывалось лишь 155 европейцев (из них 30 — офицеров, санитарных офицеров и высших чинов), 1168 аскари и около 3000 других цветных. Но когда я однажды заговорил об этом с одним из моих ординарцев, то он уверял меня: «Я останусь при вас и буду сражаться до тех пор, пока не буду убит».

¹ В оригинале текст дан на английском языке. (Прим. ред. 1927 г.)

² Факторию, на которой производилась добыча каучука для изготовления резины.

³ Германское командование отдало приказ своему флоту выйти в море для решительного сражения с союзниками. Экипажи кораблей отказались выполнить этот приказ. Началось восстание и 3 ноября Киль, главная военно-морская база, оказался в руках матросов. 9 ноября произошли волнения в самом Берлине. Император был свергнут и в ночь на 10 ноября бежал в Голландию. (Прим. ред.)

Подобные заявления были сделаны и многими другими. Я убежден, что это не являлось только пустой фразой.

14 ноября пополудни я опять прибыл на велосипеде к главным силам, сообщил европейцам о разговоре у парома Хамбези, а также мое решение выполнить официально переданные мне условия, в достоверности которых я не сомневался.

Перед освобождением пленных меня посетил старший из них, полковник Дикинсон. По его словам, более чем трехмесячный плен дал ему полезные сведения о нашей лагерной жизни, об организации наших походов и об управлении боем. Он восторгался простотой наших распоряжений и точностью их выполнения; без сомнения, он смотрел на все без предубеждения.

Наши аскари также узнали о положении вещей. Я предвидел, что уплата им содержания за многолетнюю службу вызовет затруднения; это касалось и носильщиков. И все-таки для нас было делом чести добиться, чтобы этим людям, которые с таким большим самоотвержением сражались и работали для нас, было уплачено сполна. Требуемая сумма — дело шло приблизительно о полутора миллионах рупи (в мирное время один рупи равнялся 1,33 марки) — была сравнительно умеренной, и лейтенант резерва Кемпнер был выслан вперед на велосипеде, чтобы возможно скорее добыть эту сумму от англичан или через их посредничество. Но наши неоднократные хлопоты остались безрезультатны. Правда, несколько раз сообщалось, что вопрос принят во внимание военным министерством, но на этом дело и закончилось; я также не получил никакого ответа на мою телеграмму германскому правительству в Берлин. В конце концов, не оставалось ничего другого, как составить списки не получивших платы и выдать расписку каждому носильщику и аскари.

Теперь мы передвигались маленькими переходами в Аберкорн через Казаму. Англичане подробно ознакомили нас с условиями перемирия. Выяснилось, что требовалась не «безоговорочная сдача», как это первоначально сообщил генерал ван Девентер, а «безоговорочное очищение колоний» (эвакуация). Я несколько раз заявлял протест против толкования английским военным командованием слова «эвакуация» с включением в него сдачи и обезоруживания, но не получил ответа ни от правительств союзных стран и Соединенных Штатов, ни от германского правительства. Я колебался, должен ли я согласиться на сомнительное толкование слова «эвакуация» или же, наоборот, двинуться к бельгийской колонии или вообще в другое место. Но, в конце концов, статья,

относившаяся к колониальным войскам, была таким незначительным пунктом в сравнении со всей совокупностью мирных условий, что я решил двигаться к Дар-эс-Саламу, как того требовал генерал ван Девентер, в ожидании, во всяком случае, что англичане, согласно условиям перемирия, немедленно отправят нас на родину. Как позднее выяснилось, эта надежда не оправдалась.

Недалеко к северу от Казамы мы перегнали противника, с которым происходили последние стычки — первый батальон 6-го полка Королевских африканских стрелков. Едва достигший 30-летнего возраста любезный командир, полковник Хаукинс, передал через полковника Дикинсона мне и немецким офицерам предложение на завтрак; я должен был отказаться, как мне ни улыбалось это выражение внимательного отношения к нам. Но полковник Хаукинс все-таки посетил меня в один из следующих дней и провел около часа за чашкой кофе в оживленной беседе. Надо признать, что офицеры этого батальона держали себя в этом, действительно, несколько неловком положении с большим тактом и с тем уважением, на которое имеет право каждый честный противник. Впрочем, Хаукинс сообщил мне, что по продовольственным причинам он не имеет возможности двигаться дальше, и просил нас помочь скотом, которым мы обладали в достаточном количестве.

Лейтенант резерва Кемпнер отправился в Аберкорн на велосипеде. По его возвращении я поехал сам на одном из автомобилей генерала Эдвардса. Прием самого генерала Эдвардса, а также прием в столовой его штаба, был очень радушным. Я высказал генералу свою точку зрения, указав, что не признаю обязательства о сдаче нашего оружия, но что готов подчиниться, если это принесет пользу не нам лично, а германскому правительству. Мне было заявлено, что сданные нами оружие и боевые припасы будут приняты в счет тех запасов, которые Германия, согласно условиям перемирия, должна сдать союзникам¹. Кроме того, мне было сказано, что сдача нами оружия не будет, даже с внешней стороны, носить характера капитуляции.

По словам англичан, аскари и носильщики будут помещены в Таборе в особых лагерях до тех пор, пока им не будет выплачено жалованье. Европейцев же задержат в Дар-эс-Саламе до отплытия парохода — вероятно, только на несколько дней. Однако эти условия не были соблюдены. Как аскари в Таборе, так и европей-

¹ Германия должна была сдать 25 000 пулеметов, 1700 самолетов, 3000 минометов и т. д. (Прим. ред. 1927 г.)

цы в Дар-эс-Саламе содержались полтора месяца и больше в лагерях для пленных за колючей проволокой.

25 ноября наши войска прибыли в Аберкорн. На площади, на которой происходила сдача оружия, был водружен английский флаг; таким образом, нельзя сказать, что благодаря этому передача оружия не носила характер капитуляции. Сдано было: одно португальское орудие, 37 пулеметов (из них 7 немецких, 16 станковых и 14 ручных английских), 1071 английское и португальское ружье, 208 000 патронов и 40 артиллерийских снарядов. При этом между ними не оказалось ни одного современного немецкого ружья! Личный состав войск определился таким образом: губернатор, 20 офицеров, 5 санитарных офицеров, один врач-доброволец, один старший ветеринар, один старший аптекарь, один секретарь полевого телеграфа, 120 европейцев других чинов, 1156 аскари и 1598 войсковых носильщиков¹. Прибытие отдельных отрядов задержалось на несколько часов вследствие сильных ливней. Лагерная стоянка для аскари была окружена высокой засекой из колючек и по небрежности сделана чрезвычайно тесной. Это возбудило у многих аскари сильное недовольство, что иногда переходило в насилие над английскими аскари. Но люди в конце концов примирились с неприятным положением, а генерал Эдвардс, со своей стороны, признал, что здесь был создан случай для недоразумения. Мы все-таки не были военнопленными, бегства которых он должен был опасаться, а добровольно подчинились ему для выполнения неприятной обязанности. При дальнейшем передвижении к Бисмаркбургу он отказался от подобных распоряжений, и, таким образом, мы шли туда вместе с батальоном Хаукинса без малейшего взаимного стеснения.

28 ноября мы расположились лагерем у сильного водопада реки Каламбо на расстоянии трех часов от Бисмаркбурга. Здесь мы оставались несколько дней, так как отъезд на пароходе из Бисмаркбурга все время откладывался. Различные офицеры засыпали меня вопросами, не будем ли мы продолжать войну, не стоит ли штурмовать неприятельский лагерь, чтобы снова создать базу для дальнейшего ведения боевых действий.

3 декабря я получил телеграмму генерала ван Девентера, помеченную 2 декабря. Она гласила следующее:

«Я прошу подтвердить вашу телеграмму с предъявлением вашего формального протеста против обращения с

¹ Англичане называют несколько иные цифры — 30 офицеров, 125 других европейцев, 1165 африканских солдат, 2294 носильщиков и 819 африканских женщин. (Прим. ред.)

вашими войсками, как с военнопленными. Это будет передано военному министерству. Тем не менее, я уверен, вы согласитесь, что у меня не было другого выхода, как считать ваши части военнопленными во исполнение распоряжения нашего военного министерства после того, как я получил от него уведомление о капитуляции германского правительства»¹.

В тот же день первый эшелон войск был посажен на четыре парохода. На одном из них («Сент-Джорж»), кроме команды из состава английского флота и одного конвойного офицера, были помещены только губернатор и офицеры командования с их черными слугами. Мы получили от англичан консервированное мясо, финики и сухари, а старший ветеринар доктор Губер, как и раньше, прекрасно заботился о нашем физическом состоянии. Британский командир, конвойный офицер и вся команда были к нам чрезвычайно внимательны. Когда, после короткой остановки, вечером 3 декабря у бельгийской станции Фуа ночью разразилась сильная буря, которая разорвала парусинный навес от солнца и, между прочим, унесла сюртук доктора Губера, все английские матросы с особым вниманием хлопотали около совершенно промокших немцев.

5 декабря мы прибыли в Кигому. Этот пункт находился в руках бельгийского командования, и, сверх всяких ожиданий, бельгийцы нас приняли здесь хорошо и держали себя при этом с тактичной сдержанностью, которая так нужна была по отношению к нам. Для всех европейцев были накрыты в больших сараях столы — зрелище, от которого мы в течение нескольких лет отвыкали. Появилось немного красного вина. Бельгийский губернатор командировал для нашего официального приема своего офицера-ординарца, свободно говорившего по-немецки, и я охотно воспользовался случаем, чтобы перед поездкой по железной дороге поблагодарить местного коменданта за товарищеские отношения, которые должны существовать между солдатами, даже между противниками, при условии взаимного уважения.

У англичан наблюдались только отдельные случаи плохого обращения со стороны некоторых младших офицеров, которые от природы были грубы. Старшие начальники немедленно вмешивались самым тактичным образом, когда отдельные более молодые товарищи хотели, например, удалить немецкого больного из отделения вагона. В поезде мы, европейцы, были хорошо размещены и ночью могли, как в мирное время, устраивать себе хоро-

¹ В оригинале текст дан на английском языке. (Прим. ред. 1927 г.)

шие спальные места, одно над другим, вытягивая кожаные подушки и поднимая диваны. В Таборе нас встретило много немцев. Они жаловались на грабежи со стороны бельгийцев и англичан. Весьма вероятно, что творилось много беззаконий. В Додоме мы провели ночь и на следующий день утром имели случай получить воду и основательно помыться.

В Морогоро было послано извещение о прибытии нашего поезда, и здесь после полудня мы снова встретили немецких женщин, оставленных два года тому назад в Морогоро и окрестностях. Они приготовили чай и кофе, устроили буфеты с булочками и напекли в большом количестве пирожных. К этому надо прибавить еще самые лучшие фрукты.

Англичане нас приветствовали почти так же хорошо, как и немцы. Кроме одного очень любезного пожилого санитарного офицера, у меня особенно остался в памяти высокий, как жердь, капрал. Последний, по-видимому, еще до прибытия нашего поезда выпил за наше здоровье целый ряд стаканов. Но мне удалось в конце концов избавиться и от него.

В Дар-эс-Салам мы прибыли 8 декабря в 7 часов утра. Европейцы были размещены в больших палатках в лагере, обнесенном колючей проволокой. Питание было хорошее и обильное, а в английской лавке можно было купить по доступным ценам всякого рода необходимые вещи. Губернатор Шнее и я были встречены начальником штаба британского главнокомандующего генералом Хеппардом и проведены к предоставленному нам очень живописно расположенному дому вне лагеря. Генерал ван Девентер в виде приветствия любезно послал закуску. Здесь были размещены майор Краут, капитан Шпангенберг и старший ветеринар доктор Губер. Здесь мы опять встретили генерала Вале, который был оставлен несколько месяцев тому назад больным в Убене и, к счастью, совсем поправился. Мы устроили общую столовую, а наша свобода передвижения вне дома была ограничена только тем, что мы должны были всегда иметь при себе британского конвойного офицера. Сначала эти офицеры были крайне неаккуратны, но в конце концов создалось сносное положение, и я имел возможность отыскать в Дар-эс-Саламе своих знакомых и устраивать свои личные дела. Для этого мне часто предоставлялся автомобиль. Комендант лагеря пленных, майор Хоскен, который еще в Танге выказал в отношении интернированных немецких женщин и детей много внимания и заботы, теперь и в Дар-эс-Саламе старался избавить нас от излишних придирок.

Еще во время переезда по железной дороге мы были удивлены, встречая почти на каждой станции больше англичан-европейцев, чем имели войск во всей колонии; но Дар-эс-Салам был прямо переполнен белыми войсками. Я оценивал их численность не ниже пяти тысяч человек, а в гаражах стояло много сотен автомобилей, требовавших ремонта.

Такое скопление людей представляло большую опасность при появившейся эпидемии испанской инфлюэнцы¹. Конвойные офицеры рассказывали мне, что иногда в Дар-эс-Саламе в один только день от этой болезни умирало от пяти до семи офицеров. Скоро заболевания начались и среди нас. По-видимому, наши солдаты заразились во время перевозки на пароходе по озеру Танганьика, а затем во время переезда по железной дороге. В концентрационном лагере в Дар-эс-Саламе болезнь передавалась от одного человека к другому. Вскоре после своего прибытия в Дар-эс-Салам капитан Шпангенберг сопровождал меня в город; там он, чья железная натура так легко переносила все лишения походной жизни, почувствовал себя плохо и 18 декабря умер в лазарете от инфлюэнцы и воспаления легких.

Почти все европейцы нашего лагеря заболели. К сожалению, кроме капитана Шпангенберга умерло еще девять европейцев, то есть почти десять процентов всего нашего состава. Точно так же из интернированных в Таборе туземцев умерло 150 аскари и 200 носильщиков.

В Дар-эс-Саламе в различных лагерях для пленных находились также сотни немецких аскари, попавших в руки англичан раньше. Некоторые из них пробыли в английском плену несколько лет и все-таки отказывались поступить в английские войска, что предлагалось, по их словам, неоднократно. Из лагеря наши аскари могли непосредственно видеть лагерь для военнопленных белых солдат. Было очень приятно, что из-за этого мы, европейцы, нисколько не потеряли в глазах аскари вес. Так же, как и раньше, они выказывали нам самую большую преданность и дисциплину, и, несомненно, в этом заключалось выражение большого внутреннего уважения, которое они питали к нам, немцам. Они понимали — для этого у них было достаточно развития, — что настоящий военный успех был все-таки на стороне немцев, и издавна привыкли, что в самые трудные времена мы честно разделяли с ними лишения и всегда сердечно относились к их многочисленным мелким запросам.

¹ Имеется в виду пандемия гриппа-«испанки» 1918—1919 годов, только в Европе унесшая сотни тысяч жизней. (Прим. ред.)

Они и теперь охотно выказывали нам свою привязанность и свое доверие; черные слуги были уверены, что получают невыданное им вознаграждение от своих начальников, которые в настоящее время едва ли располагали даже личными средствами. Представилось несколько печальных случаев убедиться в неблагоприятном поведении англичан. Каждый знал, что в лагерях для пленных деньги наших людей часто и притом на значительные суммы удерживались английскими офицерами. У меня сложилось впечатление, что туземцы очень охотно хотели бы быть под немецкой властью. Вероятно, между англичанами-европейцами было много низкого элемента. Некоторые из них даже брали взятки от туземцев, другие даже днем врывались для грабежа в дома немецких европейцев.

При таких обстоятельствах я считал необходимым взять с собой в Германию находившееся в Дар-эс-Саламе и на Центральной железной дороге частное имущество немцев, которые отсутствовали и не могли сами о нем позаботиться. Было довольно трудно разыскать и собрать эти вещи, но в конце концов все было сделано. Для меня стало приятной неожиданностью найти, при вскрытии различных сараев, несколько ящичков с моими собственными вещами, которые я в начале войны передал на хранение фирме «Деверс» в Дар-эс-Саламе. Были также спасены некоторые из моих вещей, оставленных в Морогоро. Однако последних я все-таки не получил, так как англичане каждый раз находили какой-нибудь предлог, чтобы отклонить мою просьбу о поездке в Морогоро. Я так и не мог выяснить, было ли это простой грубостью или же имелась налицо какая-то более глубокая, неизвестная мне, причина. В общем, я не без интереса наблюдал, как сильно укоренилась среди англичан привычка давать самым любезным тоном неопределенные обещания, не исполнять их и таким образом все время тормозить дело.

При таких обстоятельствах мне приходилось иногда обращаться к начальнику административного управления, (который отчасти соответствует начальнику нашего этапного отдела); после многих расспросов я нашел его в моей старой квартире, в которой помещался до войны. У разумных англичан я встречал мнение, что Германия должна владеть колониями по экономическим соображениям, а также из-за излишка ее населения⁶³. Англия имеет

⁶³ По условиям Версальского мирного договора (28 июня 1919 года) Германская Восточная Африка была передана Британии. В руки Португалии попала лишь небольшая территория — т. н. «треугольник Кионга». Бельгия получила территорию нынешних Руанды и Бурунди. (Прим. ред.)

слишком много колоний, и в настоящую минуту ей не хватает подготовленного личного состава для управления ими.

Хотя англичане при передаче условий перемирия и подчеркивали, что мы должны как можно скорее прибыть в Дар-эс-Салам для своевременного, еще до 12 декабря, отправления нас дальше, но сами не особенно торопились с выполнением этого пункта договора. Наша посадка на пароход все время оттягивалась, но все же состоялась 17 января 1919 года — в пятую годовщину моей высадки в Дар-эс-Саламе.

Для описания возвращения на родину мне хватило бы материала на целую книгу, которая в отношении трагикомических происшествий едва ли могла бы найти себе равную. Мы плыли на пароходе германской Восточно-Африканской линии «Фельдмаршал», захваченном во время войны англичанами. На нем кроме нас, 114 немецких солдат, находилось еще 18 граждан, 107 женщин и 18 детей, а также конвой из 200 британских солдат. Нетрудно согласиться, что у такого смешанного собрания поводов для бесконечных недоразумений было более чем достаточно. К счастью, благодаря усилиям миролюбивого командира корабля капитана Кинга и молодого полковника Грегга, начальника английского конвоя, удалось избежать сколько-нибудь серьезных столкновений.

В конце февраля мы через Капштадт прибыли в Роттердам. Появившиеся там при высадке многочисленные немцы продемонстрировали, к моему удивлению, что наша восточно-африканская война возбуждала в Европе большое внимание. Многие голландцы высказывали нам свое сочувствие.

Действительно, наша маленькая горсть солдат, в лучшие для себя периоды не превосходившая числом 3 тысяч европейцев и примерно 11 тысяч аскари, в течение всей войны приковывала к себе во много раз превосходящего врага. Как я уже отметил в предисловии, против нас было выставлено около 300 000 человек с тысячами автомобилей и многими десятками тысяч верховых и вьючных животных, и эти войска были снабжены всем, чем располагал объединившийся против Германии мир с его неисчислимыми ресурсами. Однако, несмотря на подавляющую численность противника, наш маленький отряд, имевший к дню заключения перемирия едва 1400 бойцов, все-таки держался и был готов к бою, воодушевленный высоким боевым духом. Это объясняется чувством крепкой взаимной связи и крайней предприимчивостью, без которых боевые успехи невозможны.

И.С. ИСАКОВ

**ОПЕРАЦИЯ ЯПОНЦЕВ
ПРОТИВ ЦИНДАО В 1914 г.**

ВВЕДЕНИЕ

Прежде всего необходимо установить, почему сейчас, более 25 лет спустя¹, целесообразно заниматься детальным изучением операции японцев против германского Циндао — частной операции начального периода первой империалистической войны, проведенной на отдаленном театре, без существенного влияния на общий ход этой войны.

Это перестает быть проблемой, если вспомнить следующее.

В обстановке, когда общее внимание было отвлечено событиями, потрясшими Европу, а позже и весь мир, когда окончательно оформлялись коалиции участников этой чудовищной бойни, Япония быстро и решительно включилась в игру. Приняв позу «защитницы мира и цивилизации», она в короткие сроки организовала и провела необходимую ей операцию против германского Циндао с одновременной оккупацией львиной части китайского Шаньдуна. Империалистическое проникновение в Китай и являлось для Японии непосредственной целью войны.

Насколько умело была использована японскими империалистами международная обстановка, свидетельствует такой факт, как «признательность» английской буржуазии.

«Япония оказала цивилизации громадную и бескорыстную услугу», — писала английская газета «Таймс»² в 1915 г. по поводу захвата Циндао. Конечно, эта признательность была вынужденной, и семь лет спустя английские делегаты Вашингтонской конференции, совместно с другими признательными союзниками Японии, вынудили ее возратить Китаю всю захваченную территорию. Это был акт защиты своих собственных политических и экономических интересов (но не интересов Китая), несовместимых с преимущественным положением Японии. Одним ходом

¹ Текст работы печатается по третьему изданию, вышедшему в свет в 1941 году. (Прим. ред.)

² «The Times History of the War», 1915, vol. II, p. 397.

Япония сумела захватить большую часть богатейшей китайской провинции с железной дорогой и угольными шахтами и одновременно приобрести на азиатском материке прекрасно оборудованную военно-морскую базу, контролирующую пути Желтого моря и как бы замыкающую всю систему баз, расположенных на японском архипелаге и на о. Формоза.

Не менее характерно другое свидетельство — мнение официального историка британского флота Ю. Корбетта:

«Конец деятельности Эмдена был настолько важен, что даже на время заслонил собой другой, гораздо более важный успех, а именно — падение Циндао»¹.

Из этого видно, что для Англии защита ее морских путей и уничтожение одного германского легкого крейсера были важнее, чем судьба целой провинции Китая или германской колонии, поскольку последняя не могла уже служить базой для крейсеров, угрожавших торговле.

Как высоко расценивала японская буржуазия этот успех, видно из того, что взятие Циндао было ознаменовано грандиозными национальными торжествами. Когда же в 1922 г. Циндао был потерян, японская буржуазия объявила национальный траур, а делегаты, вернувшиеся с Вашингтонской конференции, были преданы остракизму.

Поэтому операцию по захвату Циндао надо рассматривать не только как одну из частных операций мировой войны 1914—1918 гг., но и как самостоятельную операцию, проведенную на фоне этой войны; политические корни ее восходят к захвату Ляодуна и Формозы у Китая в 1894 г., к повторному захвату того же Ляодуна у России в 1905 г. вместе с южной частью Сахалина и ЮМЖД и к полной оккупации Кореи в 1910 г. Для послевоенного периода Циндао является звеном в цепи тех событий, к которым относятся «21 требование» Китаю, Шанхай-Усунская операция, оккупация Маньчжурии и др., а в современную эпоху — решительная интервенция в Китай и последующая попытка захватить дальневосточные колонии Франции и Голландии, пользуясь опять-таки обстановкой грандиозной войны на западе.

Вот почему для углубленного изучения маньчжурских и китайских событий, а также подготовки к экспансии в так называемые южные моря, как этапов японской агрессии, очень важно знать

¹ Ю. Корбетт. Операции английского флота в мировую войну, т. I, стр. 387. Воениздат РКО СССР, 1937.

историю циндаоской эпопеи. К сожалению, как раз в этом отношении в нашей литературе имеется зияющий пробел.

Есть и другая сторона этого вопроса, также весьма существенная. Речь идет о специально военном значении операции против Циндао.

Во-первых, в период с 1905 г. и до настоящего дня эта операция является единственной операцией японской армии и флота против равноценного противника¹. Недостаточно было бы изучать японские вооруженные силы, базируясь только на их столкновениях с китайской армией, хотя бы хронологически и более поздних. Хорошо известна роль Японии как поставщика на империалистическую войну, достаточно известна ее роль в защите английской заокеанской торговли от германских «рейдеров», и очень слабо (именно в нашей литературе) освещена весьма интересная и наглядная операция по захвату Циндао.

Во-вторых, эта операция относится к категории комбинированных или смешанных операций армии и флота с целью захвата приморской крепости.

Первая империалистическая война такого примера, помимо Циндао, не дала. Последнее, что мы имеем в этой области до Циндао, — это осада и сдача Порт-Артура. В последующем к этому виду операций приближается Усунская, но низкий уровень оснащения и подготовки китайской армии и отсутствие у нее морских средств не дают достаточно полной картины и материалов для анализа и ответственных выводов относительно атаки и обороны приморских крепостей.

Вторая империалистическая война также пока не дала аналогичных примеров. Брест, Шербур и др. базы флота захвачены немцами с суши и без боя, уже после того, как было сломлено сопротивление Франции. Ближе всего к интересующей нас теме подходит попытка англичан захватить Нарвик после занятия его немцами (координированная операция морского десанта, флота и авиации), однако Нарвик не был морской крепостью и, во всяком случае, операция британских сил никак не может быть названа решительной².

¹ Т. е. противника, вооруженные силы которого находились примерно на таком же уровне, как и вооруженные силы Японии.

² Немецкие десантники были переброшены в порт Нарвик (Северная Норвегия) на эскадренных миноносцах в ночь на 9 апреля 1940 г. Английский флот сразу же блокировал город с моря, после чего немецкие войска могли снабжаться только по воздуху. Союзные силы высадились в районе Нарвика 14 апреля, однако наступление на Нарвик начали лишь 13 мая, достигнув подавляющего численного превосходства и обеспечив поддержку с моря артиллерией (до 381 мм) и палубной авиацией. 28 мая Нарвик был взят, но уже к 8 июня вновь эвакуирован в связи с поражением во Франции. (Прим. ред.)

Таким образом, Циндао представляет собой последний «классический» пример решительной операции против морской базы¹.

Тема эта относится к числу дискуссионных и мало разработанных, несмотря на то что интерес к ней был всегда значителен и особенно возрастал в последнее время, поскольку назревали столкновения крупных морских держав.

Военные круги капиталистических стран проявляли к операции по захвату Циндао немалый интерес.

Библиография по этой операции показательна. Если проследить за тем, в какие периоды и какие страны интересовались циндаоской операцией, мы получим следующую картину.

1914—1916 гг. Краткие репортажи и заметки в периодической литературе обеих сторон. В сообщениях и той и другой стороны — фантастические измышления, которыми абсолютно нельзя пользоваться.

После падения крепости — патриотические книжонки из серии многочисленных «военных изданий». В немецкой литературе — воспоминания участников о доблести побежденных, имеющие прямое назначение — подогреть боевой дух еще воюющих германцев. Такого же характера очерки и воспоминания в английских и японских журналах — о доблести победителей.

1916—1919 гг. Циндао почти забыт. Грандиозные события в Европе поглощают общее внимание.

1919—1921 гг. Начинают появляться первые серьезные работы о Циндао — во Франции и в Германии. Последняя сразу же после Версаля занялась изучением опыта прошедшей войны и обоснованием необходимости колоний для Германии. Часть германских материалов может быть отнесена к «воспоминаниям» руководителей, издающимся обычно для самореабилитации.

Выдержки из работ о Циндао появляются в военных журналах США. Интерес Франции и США к Циндао объясняется прежде всего тем, что первая владеет на Дальнем Востоке Сайгоном, а вторые — Манилой.

1922 г. Несколько статей в связи с решением о Циндао Вашингтонской конференции.

1922—1928 гг. Циндао опять забыт.

¹ Дарданельская, Моонзундская и Зесбрюггская операции характерны для общей проблемы «борьбы флота с берегом» и дают богатый материал по частным вопросам: десанты различных видов, форсирование пролива, артиллерийская борьба с береговыми батареями и т. д. Однако ни одна из них не является решительной операцией с целью захвата приморской крепости и базы флота.

1925—1934 гг. Рецидив интереса к циндаоской операции, не случайно совпавший с периодом новой японской агрессии. Подавляющее число материалов — американские, на этот раз более серьезные, на базе изучения материалов обеих сторон¹.

Наконец, в 1935 г. германский Государственный архив издал монографию о Циндао².

Если британцы не могут похвастаться литературой по Циндао, то это может быть объяснено только «скромностью» Уайт-Холла. В архиве британского военного ведомства, несомненно, имеется исчерпывающая коллекция документов по этой операции, в которой участвовали английские части и корабли, но так как в данном случае королевским войскам похвастаться нечем, то, очевидно, командование предпочитает не опубликовывать эти далеко не блестящие страницы из истории британского оружия.

Актуальность изучения десантной операции против приморской крепости для нас вне сомнений, так как мы имеем ряд укрепленных пунктов на различных морских границах Союза. Поэтому изучение исторических материалов по организации обороны морских баз, естественно, не может нас не интересовать. К сожалению, по Циндао на русском языке мы не имеем почти ничего, кроме очень краткого обзора в труде проф. В. В. Яковлева «Приморские крепости»³, причем весь очерк, посвященный этой операции, базируется только на одном источнике, далеко не безгрешном⁴.

Ленин в 1905 г., обращаясь к революционным журналистам, призывал:

«...подводить итоги, делать выводы, почерпнуть из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра, в другом месте...»⁵.

Эти указания Владимира Ильича, конечно, полностью относятся и к нашей современной военно-исторической работе, в частности — к изучению событий в Европе и на Дальнем Востоке, как ныне развивающихся, так и минувших.

Именно под таким углом зрения автор настоящей работы стремился подходить к изучению операции японцев по захвату Циндао.

¹ «The Coast Artillery Journal», November—December, 1934, p. 495, «The Siege of Tsing-tau» by Capitain Bernard Smith.

² «Der Krieg zur See» 1914—1918. «Die Kämpfe der kaiserlichen Marine in den deutschen Kolonien», Mittler u. Sohn, Berlin, 1935.

³ В. В. Яковлев, Приморские крепости, стр. 149—163. Изд. Военно-морской академии РККА, 1926 г., Ленинград.

⁴ Очевидно, проф. Яковлев не располагал другими материалами, кроме книги германского адмирала Воллертуна «Der Kampf um Tsing-Tau», 1920 г.

⁵ Ленин, Сочинения, 2-е изд., том VII, стр. 82—85 («Вперед» № 4, 31/1 1905 г.).

Несмотря на то что техника боевых средств морских сил, с одной стороны, и долговременных фортификационных сооружений укрепленных районов, с другой, за время с 1914 г. значительно шагнула вперед, что повлекло за собой также изменение самых методов и приемов борьбы, — несмотря на все это, изучение операции до захвата Циндао представляет и сейчас значительный военно-научный интерес.

Сравнение операций против Порт-Артура, Циндао и Усуна, а также позднейших, позволяет обнаружить некоторые общие тенденции, характерные для японской военной доктрины. Очевидно, что некоторые проверенные боевой практикой методы и укоренившиеся в боевой подготовке традиции не могли не повлиять на ход современных событий и, очевидно, будут влиять в будущем.

Вот почему интересно проследить за руководящей нитью в плане и осуществлении циндаоской операции 1914 г., понять, что именно влияло на его разработку, и при этом встретить некоторые фамилии, знакомые нам по прессе и связанные с внешней политикой современной Японии¹.

Наконец, Циндао — это один из камней того фундамента, на котором строится воспитание японской армии, флота и националистической молодежи. Наряду с Порт-Артуром и Цусимой Циндао должен иллюстрировать тезис о «непобедимости» японской армии.

Очень полезно разобраться в этом вопросе и установить, какими условиями так называемая непобедимость была обеспечена в операции по захвату Циндао. При этом становится более ясным, почему относительно хуже оснащенная китайская армия смогла нанести много чувствительных ударов интервентам, и настоящая книга является первой работой, основанной на критическом разборе большого количества весьма разноречивых материалов, так как, несмотря на наличие за рубежом большого количества работ о Циндао, ни один из имеющихся трудов об этой операции не отвечает тому, что мы называем научным исследованием.

Если бы не удалось разыскать в архивах донесений союзных представителей при японской ставке, исследование операций по захвату Циндао представило бы необычайные трудности. Но и эти материалы оказались противоречивыми, местами сомнительными и частично негодными.

¹ Бывший премьер-министр адмирал Окада командовал в операции флотилией эсминцев; инспектор учебных заведений генерал Ватанабе был начальником артиллерии осадной армии (убит во время «февральских событий» в Токио в 1936 г.)

Даже такие источники, как капитальный труд «*Battleships in action*» английского адмирала Х. Вильсона¹, который мог располагать официальными английскими материалами, допускают ошибки, определяя численность японского экспедиционного корпуса в 63 000 человек — то есть преувеличивая ее почти в два раза.

«*Times*», гордящийся своей солидностью, в специально изданной «Истории мировой войны» на одной странице топит японский крейсер «Такачихо» на mine заграждения, а две страницы спустя — торпедой германского миноносца S-90; «Британская энциклопедия» (13-е изд., дополн., т. III, стр. 334) приводит ошибочные данные о численности и германского гарнизона (13 000), и японских экспедиционных сил (22 980) и т. д.

Японские материалы автору не удалось использовать по первоисточникам.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ЦИНДАО И РАЗВИТИЕ ЕГО ДО НАЧАЛА ВОЙНЫ 1914 г.

ОТ ПРИМОРСКОЙ ДЕРЕВУШКИ ДО ВОЕННОГО ПОРТА

Циндао имеет свою характерную историю, очень типичную для аналогичных «форпостов европейской цивилизации на Востоке». История Циндао ярко отражает пути и методы проникновения европейского капитала в Китай и историю столкновения его с конкурирующим японским империализмом.

Одной из отличительных особенностей экономики стран Дальнего Востока является очень большая зависимость ее от морских торговых путей как в пределах самого Востока — ввиду наличия нескольких крупных островных архипелагов и бедности железнодорожной сети на континенте, так и в сношениях с Европой — из-за отсутствия другого трансзиатского пути, кроме сибирского. Америка также может использовать для связи с дальневосточ-

¹ В 1936 г. выпущен Воениздатом под названием «*Линейные корабли в бою 1914—1918 г.*» в переводе Е. М. Т. с предисловием П. Трайнина и примечаниями Н. Новикова.

ными рынками только море. Кроме того, горской транспорт вообще выгоднее железнодорожного.

Вот почему поиски и завоевания колоний и «сфер влияния», т. е. новых рынков на Дальнем Востоке, неизбежно сопровождаются поисками и захватом соответствующих торговых портов, а вслед за ними и военно-морских баз как опорных пунктов для морских сил, официально предназначенных защищать морскую торговлю. Практически их задачи значительно шире: эскадры военных кораблей призваны обеспечивать те пути, по которым внедряются на Восток капиталы, товары, политическое влияние, религиозная пропаганда, экспедиционные войска и все то, что необходимо для расширения империалистической экспансии.

Так возникли на чужой территории русский Порт-Артур (1898 год), английские Гонконг (1841 год), Вэйхайвэй (1898 год), Сингапур¹, американская Манила (1898 год) и много других, в том числе германский Циндао (1897 год).

Особую ценность приобретали те пункты побережья, которые совмещали выгодное стратегическое положение с условиями, благоприятными для торговых портов, связанных с соответствующими сырьевыми базами, концессиями или «сферами влияния». Вокруг таких объектов разгоралась наиболее решительная борьба конкурирующих государств, представлявших европейский или американский капитал, как между собой, так и с только что появившимся на этой арене молодым японским капиталом.

Циндао являлся как раз одним из таких пунктов. Судьба его очень напоминает судьбу Порт-Артура. Захваченный у Китая без единого выстрела, при обстановке, благоприятно сложившейся для Германии, Циндао позже, после затраты Германией колоссальных средств и сил, был отнят у нее Японией военным путем.

Прежде чем стать германским, Циндао прошел через следующие характерные этапы.

До 90-х годов XIX века это была маленькая приморская деревушка богатой китайской провинции Шаньдун, примечательная своим живописным местоположением и прекрасным климатом. Благодаря наличию удобной бухты Кяочао² китайский вице-король³ Ли Хун-цзян после потери Ляодуна решил создать в Цин-

¹ Стрейтс-Сеттлмент был захвачен раньше (конец XVIII и начало XIX вв.), но оборудование Сингапура под военно-морскую базу началось в наши дни, начиная с 1928—1929 гг.

² Современное название — Цяочжоувань. (Прим. ред.)

³ Точнее — губернатор Северо-Восточного Китая. (Прим. ред.)

дао военный порт с первоклассными береговыми укреплениями. В 1895 г. были начаты кое-какие работы и в лагерях был размещен небольшой гарнизон.

Тогда же бухту Кяочао и Циндао обследовали русские корабли.

Разгром китайской армии японцами в 1895 г., захват Формозы, Пескадорских островов и Ляодуна, привилегии, полученные Японией в Китае по Симоносекскому договору, — все это весьма встревожило европейский капитал, уже проникший к этому времени в Маньчжурию, Корею и Китай.

Царское правительство особенно обеспокоил захват Ляодуна, стратегическое положение которого по отношению к Корее и Маньчжурии угрожало экспансии русского капитала на Дальнем Востоке.

Совместно с Германией 11 апреля 1895 г. Россия опротестовала захват Ляодуна и в конце концов добилась отказа от него Японии. В то же время, реально ощутив устремление японцев на континент, российское правительство, помимо дипломатического давления, предприняло ряд более существенных действий.

На поиски опорного пункта для царского флота с конечной целью противодействовать дальнейшему усилению японского влияния в Корее и проникновению его в Китай был послан адмирал Алексеев, который на крейсере «Владимир Мономах» обошел все бухты и рейды корейского и китайского побережий¹.

Так как ближайшей задачей для русского дальневосточного флота ставилось давление на японцев с целью вынудить их к оставлению Ляодуна и исключить возможность повторного захвата, адмирал Алексеев остановил свой выбор на бухте Кяочао, которую он осмотрел 30 июля 1895.

Вот как оценил этот стратегический пункт доверенный представитель царизма, впоследствии бесславный защитник того самого Ляодуна и Порт-Артура, о которых он так заботился в этот момент:

«...Эта бухта, доступная большому флоту, уже имеет несколько оконченных укреплений на берегу, защита входа в нее может быть возложена не только на минные заграждения и сторожевую службу, но и на береговую оборону...

¹ Алексеев не был пионером. Еще в 1861 г. в Чжилийском заливе крейсировала эскадра капитана 1-го ранга Лихачева в 18 вымпелов. Лихачев ухитрился даже захватить о. Цусима, но под давлением Англии от этого приобретения России пришлось отказаться.

расстояние до мыса Шаньдун всего 140 миль, следовательно, при надобности блокировать Чжилийский залив сказанная бухта вполне удобна».

Характерны заключительные слова Алексеева.

«...Принимая в соображение, что означенная бухта есть порт, не открытый для европейской торговли, то в устранение нежелательных для Китая недоразумений, вероятно, необходимо будет на предмет ее занятия войти в предварительное соглашение с Пекином»¹.

И это тогда, когда в бухте китайским правительством строится порт и возводятся береговые укрепления!

Записка Алексеева была принята в Петербурге благосклонно, и предпринятые в ее духе дипломатические шаги дали благоприятный результат. Осенью 1895 г. русский флот получил разрешение китайского правительства приходить на зимовку в Кяочао. Однако этим правом русские не воспользовались.

Русский посланец не был одинок. Вслед за ним небольшой германский отряд военных кораблей обследовал все бухты и рейды китайского побережья, идя с юга, от района Гонконга, на который уже опирался британский флот, имея в нем адмиралтейство и доки частных английских фирм, субсидируемых правительством.

В 1896 г. германский отряд, бывший «бездомным» и вынужденный зимовать в Гонконге и пользоваться его доками, тщательно изучал побережье, отстайваясь в Амое и Мирс-бей (в 27 милях от Гонконга), что сильно не понравилось англичанам. Этот отряд успел дойти до Шаньдуна, изучить его и сделать свои выводы, по-видимому, аналогичные алексеевским, хотя цели у германских политиков и моряков были еще более широкие.

Доверенным лицом кайзера, которое лично разведало все побережье и оценило по достоинству бухту Кяочао, был адмирал Альфред фон Тирпиц. Линия поведения его определялась следующим положением:

«Если германские купцы хотели перестать быть посредниками между англичанами и китайцами и бросить на азиатские рынки немецкие товары, то они нуждались в собственном Гонконге в такой же мере, как и наша эскадра»².

¹ Записка адм. Алексеева о бухте Киао-Чао от 25 августа 1895 г., Архив Морского генерального штаба.

² А. в. Tirpitz, Erinnerungen, 1920, S. 61. (Здесь и далее цитаты приведены по изданию: А. фон Тирпиц. Воспоминания. М., Воениздат, 1957. С. 109. — Ред.)

Адмирал добился утверждения кайзером своего выбора, несмотря на противодействие дипломатов, настаивавших на выборе бухты Амой.

В последующем тот же Тирпиц обеспечил строительство и развитие Циндао в том виде, в каком его застала мировая война, неосновательно рассчитывая на то, что немецкая дипломатия сумеет сохранить Японию на стороне Германии.

Стратегически необходимость захвата Циндао «являлась предпосылкой для ведения крейсерской войны»¹.

В октябре 1897 г. Германией была сделана первая дипломатическая попытка получения Кяочао². Германский посол в Пекине барон Гейкинг вступил в соответствующие переговоры с правительством богдыхана, но под давлением извне потерпел фиаско. Несмотря на то что германское правительство просило предоставить бухту Кяочао «только для устройства торгового порта», Гейкингу было твердо отказано на том основании, что порт необходим самому Китаю как военный, и, кроме того, Россия имеет преимущества первой заявки.

Но русские, занятые реализацией контракта на постройку КВЖД, в это время уже не интересовались Кяочао, так как Ляодун был японцами очищен, а проникновение в Маньчжурию и Северную Корею толкало на захват того же Ляодуна с Порт-Артуром, как будущей базой царского флота. Известную роль сыграла также отрицательная оценка бухты Кяочао, данная адмиралом Чухниным, который обследовал ее в 1896 г., т. е. после Алексева.

После неудачи переговоров в Пекине германское правительство искало только удобного случая, чтобы начать действовать иными методами. Такой «случай» не замедлил представиться.

На территории Шаньдуна, в местечке Уэн-чу, были убиты туземцами два германских миссионера. В который раз трупы миссионеров сыграли свою стандартную роль — роль удобного предлога для развязывания империалистического наступления!

14 ноября 1897 г. германская эскадра под командованием адмирала фон Дидерихса вошла в Кяочао и, высадив корабельный десант в 600 человек, без выстрела захватила Циндао. Одновременно были сделаны энергичные и полные возмущения представления правительству богдыхана в Пекине.

¹ Там же, стр. 115. (Прим. ред.)

² Подробности см. в книге: Б. Бюлов, Воспоминания. Соцэкгиз, 1935.

Германское «возмущение» по поводу убийства миссионеров улеглось только тогда, когда в 1898 г. были оформлены:

1) передача Германии в аренду на 99 лет всей бухты Кяочао и Циндао со значительной территорией и прилегающими островами «для ремонта и оборудования судов, а также для хранения материалов и запасов оборудования, необходимого для этого»;

2) концессия на право постройки железной дороги от Циндао до Цзинани.

3) право использования и эксплуатации недр в пределах десятикилометровой полосы отчуждения по трассе этой дороги;

4) право на постройку укреплений в Циндао для его защиты и, наконец,

5) установление так называемой нейтральной зоны вокруг Кяочао и Циндао, радиусом в 50 км, в пределах которой немцы могли маневрировать своими вооруженными силами (производить переброски, выходить в лагеря и на учения и т. д.). В эту же зону включались все острова, расположенные на морских подходах в Циндао.

Успеху переговоров в значительной мере способствовало появление в китайских водах германской эскадры под командованием принца Генриха Прусского.

Удачное географическое положение, наличие на территории Шаньдуна ценных ископаемых, в первую очередь угля, наличие дешевых рабочих рук ввиду перенаселенности этой провинции Китая и прекрасный климат¹ содействовали быстрому притоку частного германского капитала. Следствием этого было быстрое развитие города и порта.

Германское правительство со своей стороны всеми мерами содействовало росту этой «опорной точки», как базы для дальнейшего внедрения отечественного капитала в Китай. Уже 2 сентября 1898 г. здесь объявляется порто-франко, и министерства торговли и морское делают крупные затраты на оборудование порта. В марте 1904 г. была готова большая гавань с судостроительными мастерскими на голове мола, а 1 июня того же года в Циндао пришел первый поезд, т. е. была закончена железная дорога на Цзинань протяженностью в 395 км.

К этому же времени были установлены регулярные рейсы с отечественными портами пароходов «Hamburg-America Linie» и «Norddeutscher Lloyd».

¹ Зима сухая, со средней температурой порядка 11° С; лето влажное, со средней температурой 32° С.

Во время «Боксерского восстания» 1900—1902 гг., несмотря на то что оно возникло в Шаньдуне, в Циндао было сравнительно спокойно, так как основные события развертывались в Чжилийской провинции. Германская концессия служила местом убежища для китайцев-христиан и туземной буржуазии, спасавшей свое добро.

В 1904 г., после боя 28 июля, в Циндао пришли русский броненосец «Цесаревич» и три миноносца¹, которые были там интернированы. В ночь на 20 декабря, после падения Порт-Артура, туда же пришел миноносец «Властный». К этому времени циндаоская верфь была настолько мощной, что смогла отремонтировать все русские корабли.

Упорно идя к цели — сделать Циндао своим форпостом на Дальнем Востоке, германские империалисты действовали плано-во и методично, так что в относительно короткий срок этот «кусочек новой родины» был культурнее и благоустроеннее многих иностранных форпостов большей давности; в то же время по части эксплуатации туземцев германские капиталисты перещеголяли даже таких опытных колонизаторов, как англичане.

Какие надежды были связаны с Циндао, видно из слов Тирпица, который был не только профессионалом-адмиралом, но и верным советником германской буржуазии:

«...быстрое развитие порта обеспечивалось уже близостью шаньдунского угля, который высоко ценится в Восточной Азии...»

«...Намеченный к постройке металлургический завод со сталеплавильными и прокатными цехами позволил бы основать в Циндао ряд промышленных предприятий. Ни один металлургический завод Азии и Западной Америки не имел таких возможностей; тамошние рынки железа и стали перешли бы в наши руки, а это увеличение экономического значения Германии укрепило бы и наши политические позиции, а также повлияло бы на все другие отрасли германского экспорта»².

Из небольшой деревушки, какой он был в 1897 г., Циндао через 17 лет вырос в объект большого политического, торгового и стратегического значения.

¹ «Бесшумный», «Бесстрашный» и «Беспощадный».

² А. фон Тирпиц. Воспоминания. С. 115. (Прим. ред.)

СПРАВКА О ЦИНДАО 1914 г. ²

К 1914 г. Циндао являлся административным центром арендованной территории Кяочао и всех германских концессий на территории Шаньдуна, включая и железную дорогу на Цзинань. Морским кабелем Циндао был связан с важнейшими пунктами побережья Дальнего Востока и по радио — с германским посольством в Пекине (помимо прочих средств связи, принадлежавших китайскому правительству и концессиям).

Кяочао и Циндао возглавлялись военным губернатором, совмещавшим в себе также функции коменданта крепости и морской базы.

Губернатор подчинился непосредственно статс-секретарю по морским делам, так как эта колония была в полном ведении морского министерства.

Административное влияние Циндао выходило далеко за пределы Шаньдуна. Хотя германская политика на Дальнем Востоке делалась в Берлине и в имперском посольстве в Пекине, практическая реализация ее, особенно для тихоокеанских объектов, шла из Циндао или через него. Это касалось как Новой Гвинеи, так и Маршалловых островов.

Что касается воинской приписки германских подданных, проживавших на Дальнем Востоке, то все они были на учете в Циндао независимо от того, где проживали — во Внутреннем Китае, Маньчжурии, Корее или даже во Владивостоке.

Иначе говоря, Циндао 1914 г. был главным административным центром германских колоний на Дальнем Востоке, исключая функции дипломатические и финансовые, которые оставались за соответствующими учреждениями в Пекине (посольство и Германо-Азиатский банк).

В городе были консульства всех великих держав, в том числе, конечно, Японии и США.

Город Циндао к 1914 г. разросся настолько, что общая численность населения составляла около 40 000 человек, из них около 2000 европейцев, преимущественно немцев (не считая гарнизона крепости), до 1000 японцев и свыше 34 000 китайцев¹.

Основной контингент европейцев: административные лица, представители фирм, агенты, купцы, старшие мастера и бригадиры на всех производствах и их семьи.

¹ Точных данных о составе населения нет. В число китайских жителей входит население пригородных деревень, находившихся на территории крепости.

Японское население состояло главным образом из торговцев и агентов многочисленных мелких фирм.

Вся местная рабочая сила состояла преимущественно из китайцев, относительно большое число которых объясняется значительными строительными работами в порту, в городе и в крепости; кроме того, все портовые рабочие (грузчики) были также из туземного населения. Небольшой процент квалифицированных рабочих в портовых мастерских, на электростанции, водопроводе и т. д. состоял также из китайцев, прошедших ученичество в специальных немецких школах в Циндао и работавших под руководством немецких мастеров и бригадиров.

Город имел водопровод, канализацию и телефонную станцию. Основная часть его была застроена солидными каменными домами, обрамленными зелеными насаждениями и разделенными широкими, хорошо мощеными улицами. Наличие хорошего госпиталя, библиотеки, колледжа и нескольких технических школ, наряду с общим благоустройством города, выделяло Циндао по сравнению с аналогичными «форпостами» других европейских стран.

Торговый порт Циндао был не только административным центром, но и прежде всего портовым городом. Не имея больших фабрик или заводов, он жил главным образом за счет торговых операций по ввозу германских товаров и вывозу китайского сырья.

Торговый порт в Циндао к 1914 г. в основном был закончен строительством, и работы, которые велись к этому времени, имели задачей его расширение и дополнительное оборудование.

Помимо обширной и удобной бухты Кяочао, где находился хороший рейд (аванпорт), и большого рейда перед городом со стороны Желтого моря торговый порт имел прекрасную гавань, огражденную искусственным молом.

Несколько хороших причалов для океанских судов, оборудованных подъездными путями; близко расположенная товарная станция железной дороги и вокзал; наличие запасов угля, пресной воды, жидкого топлива; укрытость от всех ветров и обеспечение навигации хорошими маяками и портовыми огнями делали Циндао первоклассным торговым портом с блестящими перспективами.

Бухта покрывается льдом только в очень суровые зимы, причем лед никогда не бывает настолько толстым, чтобы мешать плаванию средних и больших судов¹.

¹ Более подробные сведения о Циндао можно найти в английской лоции «The China Sea Pilot», vol. V, first ed, 1912.

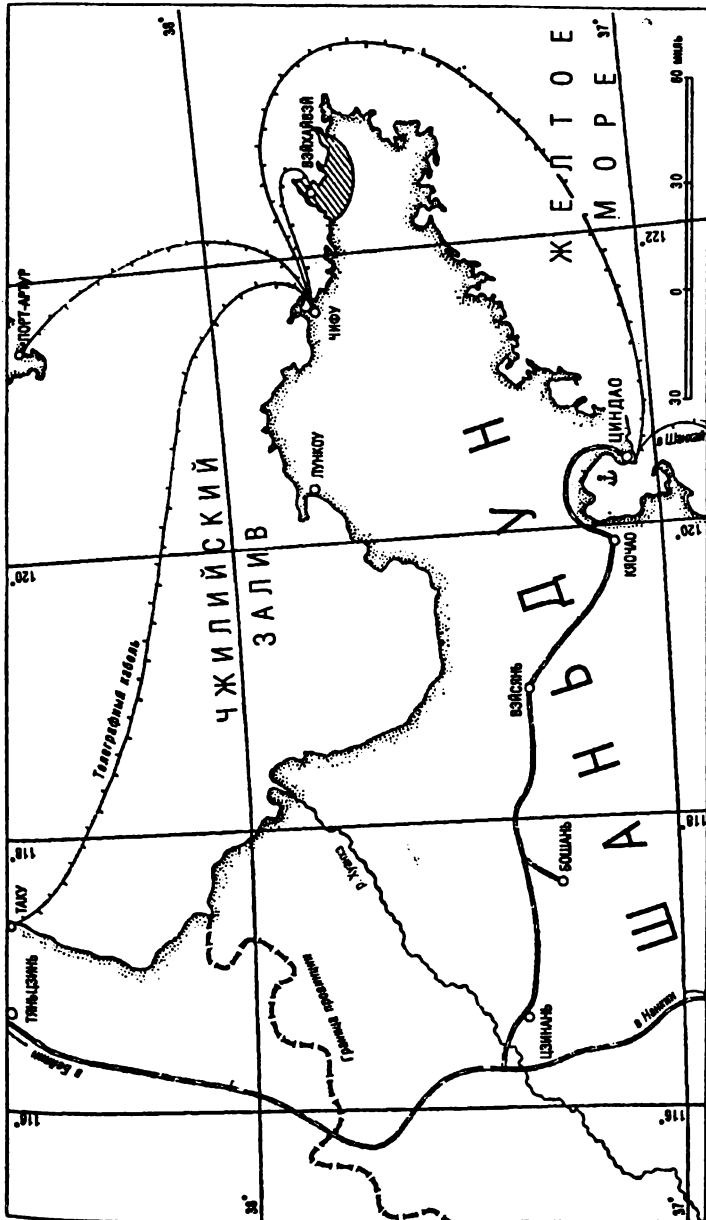

Схема 1. Полуостров Шаньдун

Ремонтные и доковые возможности, а также наличие хороших буксиров дополняли эту картину.

В 1910 г. обороты города и порта выражались в 42 580 000 таэлей¹.

Морская база Циндао в 1914 г. обеспечивала плавание и деятельность крейсерской эскадры адмирала фон Шпее, всех германских стационаров в дальневосточных водах, включая стоящие на реке Янцзы, и отряда кораблей, приписанных к самой базе.

Развитие Циндао шло равномерно во всех отраслях, и поэтому флот, на него базирующийся, был полностью обеспечен всем необходимым.

Не менее важной задачей базы было хранение мобилизационного запаса вооружения, боезапаса и всех видов снабжения для вспомогательных крейсеров — рейдеров, которые здесь предполагалось вооружить с началом войны для действий на торговых путях противников.

База состояла из казенной верфи с доками и мастерскими, складов угля и жидкого топлива, арсенала с боекладами и мастерскими, складов технического снабжения и вспомогательных устройств в виде кранов, подъемников и т. д., а также плавучих средств.

В состав судостроительной верфи входили: плавучий док в 16 000 т (410×98×36 футов), который стоял у западной оконечности мола, в специально вырытом для него ковше, малый плавучий док, стационарный кран на 150 т и небольшой плавучий кран.

В сущности, верфь была маленьким, но полноценным судостроительным заводом с новым оборудованием, причем планировка ее отдельных частей предусматривала возможность дальнейшего расширения.

Постоянный штат верфи состоял из 59 служащих европейцев и 1750 китайцев, из которых около 200 уже имели квалификацию мастеров, пройдя соответствующее обучение на этой же верфи. Институт ученичества также обеспечивал последующее расширение верфи.

Ремонтные возможности базы определялись производственной мощностью этой верфи, которая в течение 1914 г. помимо текущего ремонта эскадры фон Шпее одновременно выполняла работы следующего объема и характера:

1) капитальный ремонт канонерской лодки «Ильтис» и крейсера «Корморан»;

¹ Один таэль равнялся 3 германским маркам и 9 пфеннигам (по курсу 1913 г.).

2) постройку большого портового буксира для Циндао, «Пейльбот IV» для флота, большой паровой яхты для района Рабаула в Новой Померании, заказанной государственным колониальным управлением после того, как было построено и прекрасно сдало ходовые испытания судно «Нуза» в 160 т, предназначенное для обслуживания района Кевич в Новом Мекленбурге¹; постройку большого колесного парохода для Маньчжурии;

3) постройку четырех огнетрубных котлов для канонерских лодок «Тигер» и «Лухс»;

4) изготовление четырех огнетрубных котлов и 300 вагонеток для рудоуправления Шаньдунской горной компании;

5) постройку моторной лодки для шанхайского агентства той же компании;

6) постройку 80-метрового парового судна для одной из фирм в Циндао и др.

Этот перечень интересен тем, что, кроме производственных возможностей верфи, показывает сферу ее влияния и деловых связей.

«Поддерживалась тесная связь с китайскими властями, в особенности с соляным таможенным управлением, которое в мае 1914 г. заказом моторного катера для Пейхо передало для верфи первую большую работу. Морское министерство Китайской Республики также начинало интересоваться деятельностью верфи. Начались переговоры об откомандировании на верфь китайских инженеров и судовых механиков морского арсенала, в силу чего должно было значительно возрасти немецкое влияние на китайскую морскую политику и судостроение».

«Развитие верфи в последние годы заставило подумать о ее расширении, которое не могло откладываться ввиду острой конкуренции с другими иностранными верфями Востока. Была запроектирована постройка к 1915 г. еще одного плавучего дока и сухого дока... Морское управление сочувственно отнеслось к этим мероприятиям»².

С момента возникновения конфликта и до сдачи Циндао верфь развила колоссальную для ее масштабов деятельность. Позже мы увидим, как высоко оценивало ее японское командование, которое во что бы то ни стало хотело захватить ее в сохранном виде.

¹ На острове Новая Гвинея.

² Из статьи начальника верфи Х. Хартмана — «Schiffbau», № 45, August, 1921.

Главные мастерские верфи помещались на западной уширенной оконечности портового мола рядом с ковшом плавучего дока и были связаны с торговым портом и городом железнодорожной веткой нормальной колеи (см. план города и крепости).

Помимо верфи, в базе размещалось так называемое минное депо флота, имевшее свой ковш для стоянки малых миноносцев. На стенках депо, несмотря на то что район его примыкал непосредственно к городу, были расположены казармы и склад мин.

К августу 1914 г. в базе имелся запас в 20 000 т морского кускового угля.

Характеристика крепости Циндао дается нами ниже в специальной главе.

Коммуникации Циндао. Основной коммуникацией Циндао с хинтерландом (т. е. с окружающей территорией) служила железнодорожная магистраль на Цзинань.

Построенная германской концессией в 1904 г., эта дорога имела протяжение в 395 км, ширина колеи — 1,42 м; дорога однопутная, но со значительно развитыми станционными путями, обеспечивавшими хорошую пропускную способность; строение полотна — очень солидное для устойчивости от местных ливней; мосты стальные, так же как и шпалы, на всем протяжении пути.

В 1912 г. Шаньдунская дорога перевезла 1 250 000 пассажиров и около 850 000 т груза. Акционерам она давала дивиденд в 7,5 % ежегодно на основной капитал в 54 млн. золотых марок¹.

Эта дорога связывала Циндао и Кяочао с тремя концессионными районами разработки угля и через Цзинань — со всем Внутренним Китаем. Будучи тогда единственной железной дорогой в Шаньдуне и в то же время дающей удобный выход к морю, эта магистраль сразу же стала доходным предприятием и значительно повлияла на экономику громадного района, естественно тяготеющего к ней.

Насколько преуспевали германские агенты в деле проникновения в Китай, видно из донесений русского поверенного в делах в Пекине (Граве) царскому министру иностранных дел накануне войны.

14 июня 1914 г. телеграммой № 296 Граве доносил о только что заключенном германо-китайском железнодорожном соглашении, отмечая, что «новые железнодорожные линии будут содей-

¹ При Вашингтонских переговорах 1922 г. германские вложения в основной капитал дороги были оценены в 53 406 141 золотую марку (см статью XV «Трактата вопросов, касающихся Шаньдуна»).

ствовать распространению германского влияния из Шаньдуна в Хэнаньскую провинцию, родину президента». Через три дня — 17 июня — он подробно донес о немецких планах, которые уже включали в сферу своего влияния богатые угольные залежи у Чжан-дэ, всю Хэнань и намеревались оттянуть на Циндао весь грузовой поток с бельгийской концессионной железной дороги¹.

Из грунтовых путей надо упомянуть шоссированную дорогу от Циндао до г. Кяочао и сеть хороших крепостных дорог на полуострове Лаошань; дальше, за пределами территории Кяочао, дороги были очень плохие.

Основными морскими путями, по которым поддерживались постоянные пароходные рейсы с внешним миром, были:

1) Циндао—Чифу (235 морских миль — 435 км) и далее к Порт-Артуру и к Дагу;

2) Циндао—Нагасаки (540 морских миль — 1000 км) и далее со всеми портами Японии и эпизодические рейсы до Владивостока;

3) Циндао—Шанхай (397 морских миль — 735 км) и далее по двум направлениям на Новую Гвинею (и Маршалловы острова) и в Европу (через Суэц).

ГЛАВА II

ЗАВЯЗКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА

Обстановка, которая сложилась на Дальнем Востоке к лету 1914 г., может быть охарактеризована как относительно спокойная, так как к этому времени непосредственно конфликтных ситуаций на месте не было. Фокус мировых событий начинал фиксироваться в Европе, а на Дальний Восток доходили только их отголоски; однако к этим отголоскам внимательно прислушивались биржа, правительство и военное руководство как Японии, так и колониальных филиалов европейских стран.

¹ «Международные отношения в эпоху империализма». Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма, 1931 г., серия III, документ № 39. Соцэкиз, 1931.

В соответствии с этим вооруженные силы, дислоцированные на берегах и морях Дальнего Востока, независимо от флага, занимались своим обычным делом: сухопутные части нормально были выведены в лагеря, корабли продолжали учебное плавание и никаких подготовительных мероприятий к мобилизации не проводили, по крайней мере до второй половины июля.

Несмотря на это, совершенно неверно утверждение многих источников, что война на Дальнем Востоке разразилась, как «гром среди ясного дня»¹.

Органическая связь колониальных сил с метрополиями подняла их на уровень готовности к мировой войне, так же как и вооруженные силы в Европе, и заставила включиться в первые столкновения быстрее, чем это принято думать.

Если хронологию мировой войны начать с 23 июля 1914 г., т. е. с момента предъявления Сербии австрийского ультиматума, и заглянуть в документы, то оказывается, что уже 27 июля британским Адмиралтейством

«всем судам заграничных станций была послана телеграмма, в которой они извещались, что политическое положение в Европе не исключает возможности войны, и им предписывалось приготовиться и, по мере возможности скрытно, установить неотступное наблюдение за судами Центральных держав»².

Это значит, что еще за сутки до объявления Австрией войны Сербии (28 июля), когда не только общественное мнение большинства стран, но и канцлер Бетман-Гольвег гадали, выступит ли Англия в составе Антанты или нет, и за восемь суток до формального вступления в войну Британии (4 августа) английским кораблям было приказано приготовиться и начать наблюдение за кораблями противника. Для флота такой приказ равносителен оперативному приказу о развертывании, так как нельзя выполнить эту задачу, предварительно не приведя в боевую готовность и не передислоцировав все силы в соответствии с указанным направлением.

Начальник Китайской станции адмирал Джеррам, получив эту телеграмму 28 июля в Вэй-хай-вэе, так, конечно, ее и понял и тотчас начал приводить в готовность ремонтирующиеся и недокомплектованные корабли, а готовые силы выслал в море для контроля подходов к Циндао.

¹ Многие американские авторы начинают с этой фразы.

² Ю. Корбетт, Операции английского флота в мировую войну, т. I, стр. 48. Ленинград, РИО МС РККА, 1927.

30 июля, т. е. два дня спустя после объявления войны Австрией, адмирал Джеррам получил от Адмиралтейства так называемую предупредительную телеграмму, которая по английской системе 1914 г., в соответствии с «War List»¹, по сути дела являлась оповещением о мобилизации. Но это была запоздавшая дань мобилизационной схеме, так как Джеррам был уже готов и в тот же день вышел в море сам для выполнения приказа по первой телеграмме.

В последующий период Адмиралтейство было занято не столько самим Циндао, сколько всей проблемой защиты британских морских путей в водах Тихого и Индийского океанов. При этом было проявлено много энергии и нервозности, особенно при сколачивании сил для нейтрализации крейсерской эскадры адмирала фон Шпее.

Губернатор Кяочао, капитан 1-го ранга Мейер-Вальдек, связанный через пекинское посольство с Берлином, объявил мобилизацию германских подданных, находящихся на Дальнем Востоке, 1 августа, т. е. в день объявления Германией войны России, и с того же дня развил самую энергичную деятельность по подготовке к войне всех вверенных ему сил. В это время корабли эскадры адмирала фон Шпее были на Каролинских островах², а в Циндао стоял только старый австрийский крейсер «Кайзерин Элизабет» и канонерские лодки. Накануне ночью вышел в свой первый рейд — на охоту за русскими и французскими пароходами — крейсер «Эмден».

Вряд ли в этот момент Мейер-Вальдека очень интересовали два старых русских крейсера, базировавшихся на Владивосток («Аскольд» и «Жемчуг»), и французский крейсер «Дюпле», находившийся в китайских водах.

Англия и Япония — вот те два противника, которые могли решительно повлиять на судьбу германских владений на Востоке. К 1 августа, хотя британские корабли уже вышли в море и концентрировались к Циндао, с Англией все еще было неясно. Только 4 августа телеграф принес известие о вступлении в войну Англии, и осталась одна относительно неизвестная величина — Япония. О военном союзе Японии с Англией было известно, но пока, помимо доходивших из Пекина сведений и слухов о том, чего «можно ожидать», и т. п., ничего достоверного сказать было нельзя.

¹ «War List» — план предмобилизационных и мобилизационных действий Адмиралтейства.

² За исключением крейсера «Нюрнберг», который в это время шел к ним на соединение, выйдя из Гополулу 27 июля, и «Лейпцига», стоявшего в Мексике.

В ожидании окончательного прояснения обстановки Мейер-Вальдек осуществлял развертывание, исходя из худшего варианта, и закончил его 21 августа, упредив своих противников.

К этому времени (6 августа) «Эмден» уже возвратился с первой добычей, приведя в бухту Кяочао пароход «Рязань» русского Добровольного флота. Дальнейшие его операции и действия других вспомогательных крейсеров были уже направлены главным образом против английских морских путей.

8 августа китайское правительство объявило о своем нейтралитете. На запрос президента Юань Ши-кая о позиции Японии последняя не ответила.

По французским источникам (Монкондюи¹) уже 8 августа из Японии вышли две флотилии миноносцев для скрытого наблюдения за передвижением германских кораблей, но японская дипломатия и пресса, руководимая правительством, всеми силами конспирировали подготовку к решительному шагу.

Германский морской атташе в Токио капитан 2-го ранга фон Кнорр еще в начале июня доносил, что

«в случае европейской войны Япония определенно присоединится к Антанте и нападет на Циндао».

7 августа он телеграфировал Мейер-Вальдеку:

«Консул в Мукдене только что узнал из верного источника: Япония предполагает атаковать Циндао».

Наряду с этим телеграммы китайского посла до 9 августа «звучали успокоительно».

«Противоречия во мнениях, царившие в посольстве, были необъяснимы, губернатору было исключительно трудно составить себе представление о положении в Токио»².

Это обстоятельство весьма характерно, так как оно напоминает аналогичные случаи со многими иностранными представительствами в Японии. Причины этого кроются не только в недалекости, но и в искусстве японских политиков дезинформировать в нужный момент общественное мнение и иностранцев.

Наконец, 15 августа японское правительство предъявило Германии ультиматум со следующими двумя требованиями:

1) немедленно отозвать из японских и китайских вод все военные корабли и вооруженные суда, разоружив те из них, которые не могли быть отозваны, и

¹ См. библиографию, приведенную в конце книги.

² Германское официальное описание, изд. 1935 г., стр. 23.

2) передать японским властям не позже 15 сентября 1914 г. всю арендуемую территорию Кяочао без всяких условий и компенсаций.

В последнем абзаце этого исторического документа указывалось, что если к полудню 23 августа на него не будет получен ответ «с безоговорочным принятием преподанных советов», японское правительство вынуждено будет «принять меры, соответствующие создаваемому положению».

Цитируемая ниже мотивировка этой акции была настолько грубой и циничной и в то же время наивной, что она имеет очень мало прецедентов в истории дипломатии буржуазных правительств. Об этой мотивировке здесь целесообразно упомянуть по двум причинам. С одной стороны, она характерна для методов и приемов японской дипломатии, которая не очень ломает голову над проблемами логики или здравого смысла в тех случаях, когда надо навязать войну соседу и в то же время сохранить позу блюстителя справедливости и мира. С другой стороны, как содержание, так и форма этого документа, и в частности мотивировочная его часть, совершенно очевидно должны были обеспечить получение отрицательного ответа и, тем самым развязав войну, формально возложить моральную ответственность на одну Германию, что могло иметь успех только у неискушенного общественного мнения Японии и Китая 1914 г.

Вот некоторые выдержки из этого документа:

«...Считая чрезвычайно важным и совершенно необходимым... принять меры к устранению всех причин, могущих повлечь за собой нарушение мира на Дальнем Востоке, и поддержанию главнейших интересов, предусмотренных соглашением о союзе между Японией и Великобританией, в порядке обеспечения непоколебимого и длительного мира в Восточной Азии, установление которого является целью указанного соглашения, имперское правительство Японии искренне считает своим долгом дать совет имперскому правительству Германии выполнить следующие два предложения...»

Наиболее лицемерным надо считать упоминание о том, что передача Японии территории Кяочао должна быть сделана, «имея в виду возможное (eventual) в будущем возвращение ее Китаю»¹.

¹ По английской версии («Times») тон некоторой издевки и цинизма в этом документе был принят японской дипломатией с нарочитым намерением — в отместку за когда-то переданную Германией ноту по китайскому вопросу, составленную в очень непочтительных выражениях и с оттенком презрения к японцам.

Позже мы увидим, что только в атмосфере согласованного давления других империалистических держав, и особенно США, на Вашингтонской конференции 1922 г., т. е. восемь лет спустя, Япония вынуждена была выполнить этот пункт своей декларации.

Вряд ли кто-нибудь из авторов этого ультиматума серьезно ожидал на него ответа. Весь ход событий подтверждает то, что его не ждали и к этому вполне были готовы. И действительно, ответа от германского правительства не последовало¹.

Вместо этого стало известно о некоторых военных приготовлениях германского командования в Циндао и на территории Кяочао, что немедленно было использовано японцами для пропаганды.

16 августа в Японии был издан приказ о мобилизации 18-й пехотной дивизии, и с этого момента началась общая подготовка к операции против Циндао.

18 августа Мейер-Вальдек телеграфировал кайзеру, что крепость будет держаться до последней возможности, и одновременно отдал приказ об эвакуации за пределы крепости женщин, детей и некомбатантов, не могущих принять участие в обороне крепости.

С момента опубликования ультиматума японское население Циндао начало незаметно таять, и к 22 августа исчезли все японцы.

22 августа германское правительство отозвало своего посланника из Японии.

В тот же день прогремели первые выстрелы и пролилась первая кровь под Циндао, когда германский миноносец и береговые батареи дали урок осторожности английским блокирующим кораблям.

Вечером губернатор Кяочао получил телеграмму кайзера:

«Бог защитит вас в предстоящей тяжелой борьбе.

Мысленно с вами. Вильгельм».

23 августа, т. е. в срок, обусловленный ультиматумом, в Токио было собрано экстренное заседание совета министров, и уже в 17 час. 50 мин. того же вечера был обнародован манифест об объявлении войны Германии, подписанный японским императором.

Когда вслед за опубликованием манифеста министр иностранных дел барон Като сделал в парламенте первый доклад о проис-

¹ Тирпиц в своих мемуарах говорит, что Бетман-Гольвег был готов принять условия японского ультиматума 15 августа, но благодаря настоянию Тирпица кайзер не согласился с канцлером.

шедших событиях, завеса дипломатической подготовки войны на Дальнем Востоке немного приоткрылась. «В начале августа, — заявил Като, — британское правительство просило имперское правительство о помощи согласно договору об англо-японском союзе...»¹. Ясно, что даже выжидание момента, пока Англия первая напомнит о договоре и попросит помощи, было нарочитым со стороны Японии, с тем чтобы политически лучше обставить выполнение агрессивного плана, тем более что стратегическая обстановка допускала для нее такое замедление.

С другой стороны, по свидетельству Корбетта, адмирал Джеррам 12 августа, возвращаясь из операции по разрушению германской океанской радиостанции на острове Яп,

«Получил телеграмму Адмиралтейства с сообщением, что Япония предполагает в этот самый день объявить войну Германии, и потому, как только это объявление последует, ему надлежит войти в связь с японским главнокомандующим, предоставив охрану морских путей к северу от Гонконга новым союзникам, а самому сосредоточить все внимание на совместных действиях с австралийским флотом против адмирала Шнее»².

Эта историческая справка дает основание заключить, что уже к 12 августа закончились все переговоры между союзниками и что ультиматум, предъявленный 15-го числа, рассматривался ими как фактическое объявление войны.

Что касается манифеста микадо, то как по стилю, так и по содержанию он является развитием положений ультиматума, но еще более лицемерным, рассчитанным главным образом «для внутреннего употребления» и адресованным «ко всем нашим верным и храбрым подданным».

«Сим мы объявляем войну Германии и повелеваем нашим армии и флоту открыть военные действия против сей Империи, со всей мощью...», —

так гласил манифест после традиционного упоминания о богах и предках.

«С возникновением настоящей войны в Европе, на бедственные последствия которой мы взираем с великим прискорбием, мы, со своей стороны, питали надежду сохранить мир на Дальнем Востоке, соблюдая строгий нейтралитет.

¹ «The Times History of the War», 1915, vol. II, p. 397.

² Ю. Корбетт, Операции английского флота, т. I, стр. 159.

Но Германия принимает в Кяочао спешные военные приготовления, а ее вооруженные корабли, крейсирующие в водах Восточной Азии, угрожают нашей торговле и торговле нашей союзницы (Великобритании)¹.

И вот с глубокой скорбью мы, невзирая на всю нашу преданность делу мира, были вынуждены объявить войну.. Мы глубоко желаем, чтобы благодаря преданности, долгу и отваге наших верных подданных мир был в скором времени восстановлен и воссияла слава империи».

Итак, с момента опубликования этого документа, т. е. с 23 августа 1914 г., когда в Европе армии двух коалиций уже были втянуты в первое большое сражение (так называемое пограничное), оба главных партнера Дальнего Востока официально вступили в войну.

25 августа австрийское правительство объявило войну Японии и тем самым дало возможность старому крейсеру «Кайзерин Элизабет» принять участие в обороне Циндао.

Теперь обстановка на Дальнем Востоке определилась до конца.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ ЦЕЛИ СТОРОН

Из сопоставления и критического анализа имеющихся материалов, с учетом современной общеполитической обстановки, можно сделать следующие заключения.

Прежде всего ни в политическом, ни в стратегическом плане нельзя рассматривать положение на Дальнем Востоке вне общей ситуации на европейском театре как главном театре империалистической войны.

Япония выступила тогда, когда окончательно определились политические группировки в Европе², и война развязалась настолько, что уже никакие усилия или случайности не могли бы задержать ее катастрофического развертывания.

Ультиматум, фактически включавший Японию в число участников войны, был предъявлен в тот момент, когда через Бельгию развивалось наступление германских армий правого фланга, в период развития большого пограничного сражения.

¹ Таким образом, германские приготовления после японского ультиматума выставляются как основание для «тревоги» микадо и один из основных доводов, оправдывающих объявление войны.

² Речь идет о главных партнерах, так как позиция Италии, Румынии, Греции и некоторых других государств к этому моменту еще недостаточно определилась.

Такая обстановка была для японского империализма наиболее благоприятной и толкала его на скорейшее осуществление следующего шага для внедрения на азиатский материк. Этот шаг японский империализм стремился сделать, не ожидая исхода решающих столкновений начального периода войны, а наоборот — используя их напряжение и грандиозность как фактор, который лучше всего отвлекал внимание всего мира от «маленьких дел» на Дальнем Востоке.

Направить свою экспансию в сторону Кяочао в данных условиях было выгодно Японии по следующим соображениям:

1. Обстановка позволяла под благовидным предлогом произвести интервенцию в Китай и прочно осесть в Шаньдуне, с тем чтобы, последовательно расширяя свою базу, внедриться на азиатский материк за счет Китая.

2. Экономическое освоение Шаньдуна облегчалось захватом германских концессионных предприятий, и особенно наличием железнодорожной магистрали на Цзинань и прекрасно оборудованного торгового порта в самом Циндао.

3. Наконец, естественным следствием этого политического шага должно было быть укрепление престижа имперской власти как в колониях (Корея, Формоза), так и внутри страны, так как никаких сомнений в победоносном окончании этой операции быть не могло. Иначе говоря, нужно было воспользоваться случаем, чтобы «воссияла слава империи», как гласили последние слова манифеста микадо.

Помогая Антанте в борьбе с германскими рейдерами и их базами в Океании, японцы получали возможность путем захвата германских островов обеспечить себя базами и (в будущем) контролем над морскими путями в западной части Тихого океана.

Но, помимо всего этого, одновременно решались более широкие задачи:

1. Ограничение участия Японии в войне весьма важными для нее, но относительно незначительными по масштабу целями позволяло ограничиться частичной мобилизацией сил и средств и переключить всю экономику страны на питание мировой войны. Положение поставщика на войну давало колоссальные экономические выгоды, одновременно расширяя военную промышленность и ее базу.

2. Факт выполнения англо-японского договорного обязательства (от 13 июля 1911 г.) в условиях, исключительно выгодных

для Японии (защита морских путей Англии, в которых была заинтересована японская экономика, питавшая войну в Европе), давал повод к еще большему укреплению союза с Англией, необходимого Японии в предвидении угрозы политического или военного столкновения с США.

В соответствии с этими политическими целями ближайшие военные цели японского командования в 1914 г. могут быть сформулированы так:

- 1) захват германской морской базы Циндао;
- 2) попутный с первой операцией и как бы «в силу необходимости» захват возможно большей территории и важнейших объектов в Шаньдуне;
- 3) совместная с английским флотом защита морских торговых путей Антанты в водах Дальнего Востока и Тихого океана и самостоятельный захват германских островов.

Конечной же военной целью Японии было оборудование в Циндао военно-морской базы для японского флота как стратегического пункта, наиболее выгодного для операционной базы, обеспечивающей господство на Желтом море. Эта база приобретала особое значение на случай вероятного японо-американского столкновения.

Это обстоятельство необходимо всегда помнить при анализе японских устремлений на континент. Дело в том, что для обеспечения морской коммуникации метрополии с западными берегами Кореи, Ляодунским полуостровом (а через него со всей Маньчжурией и Монголией)¹ и северными провинциями Китая недостаточно наличных военно-морских баз, расположенных на японском архипелаге и по берегам Цусимского пролива.

Порт-Артур слишком втянут в глубину и господствует только над Чилийским заливом, т. е. решает только часть проблемы. В этом отношении Циндао является наиболее выгодным пунктом для операционной базы, контролирующей все морские пути, прикрывающие Формозское и Цусимское направления этого театра².

Для определения политических и военных целей Германии на Дальнем Востоке в 1914 г. необходимо прежде всего ответить на вопрос: на что могло рассчитывать имперское правительство, вверяя свой флаг небольшому гарнизону, оторванному от метропо-

¹ Наличие в японских руках Южно-Маньчжурской железной дороги, Фушуньских копей и т. д. уже к 1914 г. делало эту коммуникацию жизненно необходимой для японского плана войны на Тихом океане или против России.

² Географически более выгодным пунктом для Японии является Шанхай.

лии на 15 000 км и окруженному со всех сторон мощными противниками?

Знало ли германское руководство о существовании договора, заключенного 13 июля 1911 г. между Японией и Англией? На этот счет не может быть никаких сомнений, хотя у Бетман-Гольвега и была надежда (необоснованная, конечно) исключить выступление Англии, а следовательно, и Японии.

Нельзя все же допустить, что план строительства и развития Циндао осуществлялся в предвидении только такого оптимального варианта.

Совершенно очевидно, что кайзер и военное руководство, ответственное за развитие и укрепление Циндао как морской крепости и базы, должны были исходить из худшего варианта и совершенно реально допускать то, чего так не хотел и не мог устранить Бетман-Гольвег, т. е. угрозы столкновения с Англией.

Вот как характеризует один из германских авторов оценку обстановки и возможностей, которую делали в гарнизоне Циндао после 1 августа 1914 г.:

«Англичане придут с юга и с моря, а русские — по северному пути; и те и другие уйдут домой с окровавленными головами. Офицеры были уверены, что только одна держава (Япония) могла с перспективой на успех предпринять наступление на наш азиатский укрепленный пункт»¹.

Следовательно, причину ограниченности гарнизона Циндао и его средств надо искать в другом. Решение этой проблемы кроется в генеральном плане войны Шлиффена—Мольтке, по которому война на главном направлении должна была закончиться решающей операцией в первые 2—3 месяца. Совершенно естественно, что решительный успех Германии на западном театре автоматически определил бы судьбу не только Циндао, но и всех германских колоний, независимо от нависавшей над ними угрозы.

Ограниченность средств, выделяемых на Циндао, использование для его обороны призового имущества и вооружения времен «Боксерского восстания», крайняя экономия в кораблях и людях, все это — последовательное выражение той же линии: дать все силы и средства на главное направление; на нем искать решения войны, хотя бы за счет временного ослабления одних участков (Циндао) или временной потери других (Новая Гвинея, острова Тихого океана).

¹ O. v. Gottberg, Die Helden von Tsing-tau, Ullstein, Berlin, 1915.

Только в этом надо искать решение вопроса о плане обороны Циндао, иначе все затраты на него, оказанное сопротивление и понесенные жертвы представляются ничем не оправдываемой ошибкой.

Политические цели германского империализма в отношении Циндао могут быть сформулированы так: сохранить германский флаг на Дальнем Востоке, на своем оборудованном форпосте, с тем чтобы в результате победоносной войны иметь базу для расширения экспансии за счет колоний побежденных стран, а также за счет собственно Китая, когда побежденные страны не смогут уже оказать серьезного сопротивления или конкуренции.

В соответствии с этим и всей линией поведения немцев в процессе войны на Дальнем Востоке военные цели их могут быть представлены в следующем виде:

1. Используя все наличные на Дальнем Востоке средства и силы и отражая все посягательства противников, продержаться в Циндао 2—3 месяца до момента разгрома Антанты на главном театре войны.

2. Обеспечить развертывание эскадры адмирала фон Шпее для крейсерства в Тихом океане и вооружение максимального числа вспомогательных крейсеров для расстройств морских сообщений враждебной коалиции и тем самым помочь борьбе на главном театре.

Губернатор Кяочао и комендант Циндао, Мейер-Вальдек, в своих воспоминаниях о 1914 г., написанных много лет спустя, так характеризует задачи германского населения Шаньдуна после объявления мобилизации:

• *«Весь район... был теперь охвачен одной только мыслью — насколько возможно дольше удержат Циндао против натиска японцев ...»¹.*

Если обратиться к воспоминаниям другой значительной фигуры обороны Циндао, начальника и главного инженера судостроительной верфи Х. Хартманна, то мы узнаем, что

«28 сентября 1914 г., в день захвата неприятелем позиций, расположенных перед крепостью, началось взрывание своих боевых кораблей»².

Старые взорванные корабли не нужны были для обороны, так как их вооружение уже пошло на берег или на вспомогательные

¹ Вице-адмирал Мейер-Вальдек. Очерки из осады Циндао. Из сборника «Auf See unbesiegt».

² Н. Hartmann, Die Tatigkeit der Tsingtauer Werft, «Schiffbau», 1921, 10 Aug.

крейсера, но важно то, что этим было положено начало тем подрывным работам, которые превратили крепость в руины к моменту ее сдачи. С другой стороны, захват передовых позиций еще не определял катастрофы, так как основная линия обороны была глубже, и после 28 сентября крепость продержалась еще почти полтора месяца.

Правильное объяснение всему можно найти, обратившись к хронологии операций на западном фронте европейского театра.

С 6 по 9 сентября в сражении на Марне определилось крушение первоначального стратегического плана Германии, рассчитанного на быструю победу над противником.

14 сентября было объявлено об увольнении Мольтке-младшего, символизировавшем этот крах.

В это время экспедиционные силы японцев находились в 150 км от Циндао, и из потенциальной его мощи на сухопутном фронте не было израсходовано ничего — ни одного бойца или патрона.

К 21 сентября зарывается в землю весь французский правый фланг, а на левом фланге начинается пресловутый «бег к морю». О первоначальной решительной операции, завершающей войну, уже нет упоминаний. Начинаются поиски нового решения, в то время как один участок фронта за другим замедляют темп маневра и постепенно переходят к позиционной войне.

Вот почему в германском лагере на Востоке 1 августа столько бодрости и желания держаться «насколько возможно дольше» и почему к 28 сентября, когда фактически еще не начиналась тесная осада, было приступлено к реализации плана разрушения и уничтожения всех ценных объектов.

ГЛАВА III

СОСТОЯНИЕ КРЕПОСТИ К МОМЕНТУ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ

К началу империалистической войны морская база и город Циндао защищались крепостью того же наименования с постоянным гарнизоном, имевшей свой сухопутный и морской фронт.

СУХОПУТНЫЙ ФРОНТ

Со стороны суши Циндао прикрывался системой постоянных укреплений. Основной костяк этой оборонительной системы состоял из двух линий фортов и батарей, перекрывавших весь полуостров от бухты Кяочао до Желтого моря.

Первая линия представляла собой цепь из 5 фортов (или «пехотных укреплений»), расположенных на холмах и идущих почти сплошной грядой от бухты Фушань до устья р. Хайпо. Эти форты имели порядковую нумерацию от 1 до 5, считая с юго-востока на северо-запад¹ (см. схему в конце книги).

Общее протяжение первой линии обороны по фронту — около 6,5 км. Расстояние от центра города — 6 км; глубина до линии главных фортов, находящихся на внутреннем крае оборонительной системы, — от 2 до 3 км.

Каждый из номерных фортов состоял из групп бетонных сооружений: казармы на 200—300 человек гарнизона, караульного помещения на 40 человек и склада для вооружения и боезапаса. Толщина бетонных стен и покрытий всех этих сооружений была от 1,95 до 2,10 м. Постройка производилась в период с 1909 по 1913 г. Качество бетона очень высокое².

Все форты были окружены широким рвом глубиной от 1,2 до 1,8 м, с проволочным ограждением по его дну.

Непосредственно впереди номерных фортов, через весь полуостров, от берега до берега тянулся сплошной линией передовой ров протяженностью почти в 7 км. Глубина его — от 2 до 4 м, ширина по дну — 10 м, стенки одеты камнем и передняя из них выбелена³. Во всю ширину рва шло мощное проволочное ограждение от 8 до 10 кольев, причем колья — из углового железа, заделанного в грунт на бетоне, густо опутанные стальной колючей проволокой. Исключительно высокие качества

¹ Японцы дали им свои наименования, которыми пользовались в документах: № 1 — Сиотанзан, № 2 — Кита (северный) Сиотанзан, № 3 — Цюо (центральный), № 4 — Хигаси (восточный) Тайгун и № 5 — Кайган (прибрежный).

² Б. Смит, лично обследовавший все сооружения после бомбардировки, утверждает, что не нашел ни одной воронки в бетоне глубже 0,5 м, несмотря на прямые попадания крупных снарядов (до 280 мм).

³ По донесению русского атташе, окраска имела целью ввести в заблуждение японскую воздушную разведку с расчетом, что камень будет принят за бетон. Объяснение явно неудовлетворительное, так как материал стены длиной в 7 км невозможно было скрыть от японцев, тем более что строилась она китайскими рабочими. Кроме того, через ров в мирное время вело несколько дорог, доступных для всех. Вероятнее предположить, что побелка была сделана для облегчения ночного наблюдения за рвом со стороны стрелковых окопов и из фортов.

проволок и иллюстрируются свидетельством Б. Смита, который осматривал остатки ее в 1929 г. и говорит, что «несмотря на 15-летнее воздействие морского воздуха, она находилась в отличном состоянии».

В районе фортов № 4 и 5 для лучшего обеспечения обороны городской водокачки шла параллельно вторая линия рва, вдоль левого берега р. Хайпо.

На крайних флангах, выходя из рва, это проволочное ограждение было продолжено в воду бухты Кяочао и в Желтое море на глубины до 4 футов (1,2 м) при самом низком уровне воды.

С интервалом в 100—150 м друг от друга по всей передней кромке рва была предусмотрена установка «башен Мартелло», т. е. бронекупольных гнезд для наблюдателей за лежащей впереди местностью. Во время осады от них пришлось отказаться, так как пребывание в этих гнездах оказалось опасным (от своих же пуль) при стрельбе с фортов и из окопов, расположенных за рвом. Слабым местом передового рва было отсутствие кофров при почти прямом начертании рва, что исключало возможность фланкировать огнем части неприятеля, форсирующие проволоку.

Далее в глубину шли линии стрелковых окопов и траншей, обеспечивавших оборону флангов фортов, участков между фортами и огневую связь между ними. Однако эти сооружения, преимущественно полевого типа, в мирное время были выполнены только частично.

За ними находились убежища для больших прожекторов, расположенных по дуге, концентричной переднему краю обороны. К каждому убежищу вели из глубины ходы сообщения, укрытые от обзора со стороны противника.

Все форты были соединены одной-двумя хорошими рокадными дорогами и имели связь с тылом, т. е. с городом и с главными батареями.

Для лучшего освоения боевых участков, на которых потом придется драться, а также для наблюдения за сохранностью сооружений и последующего их дооборудования комендант еще в 1913 г. закрепил за соответствующими фортами постоянные гарнизоны. Благодаря этому хозяевами фортов были командиры рот, прикрепленные к определенным (боевым) участкам в соответствии с боевым расписанием крепости.

Артиллерийские средства сухопутного фронта в мирное время содержались в составе 4 стационарных батарей, 3 старых поле-

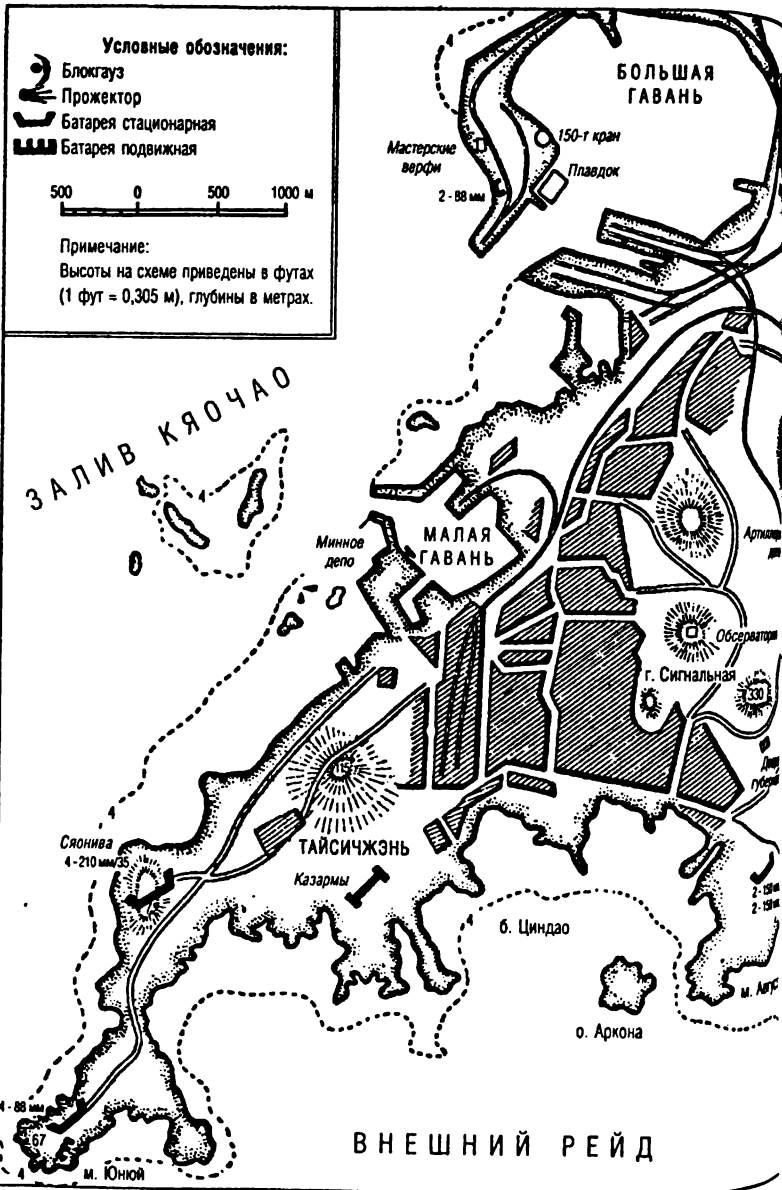
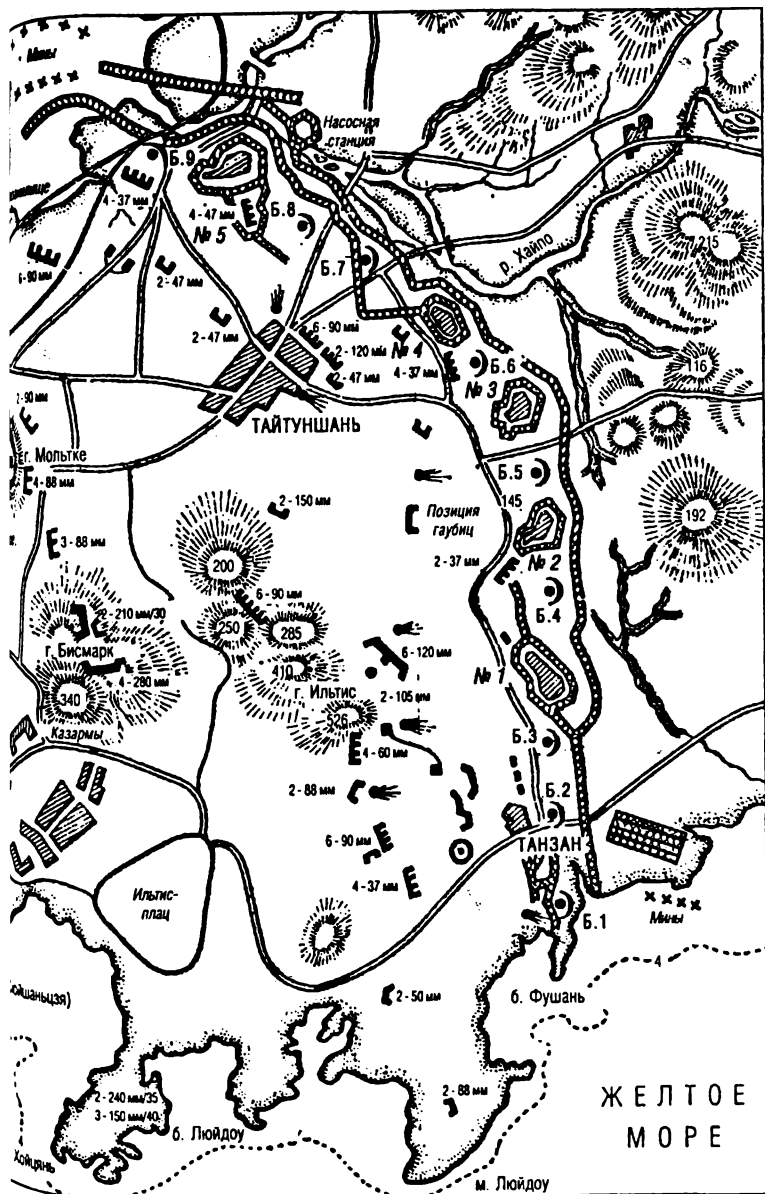

Схема 2. Общ...

и Циндао

вых батарей, приспособленных для стрельбы с постоянных крепостных позиций, и 5 батарей 37-мм полуавтоматов.

Долговременные батареи, расположенные на последней к городу гряде холмов, — Ильтис (159 м) и Бисмарк (132 м) вместе с сооружаемыми по мобилизации на горе Мольтке (78 м) — представляли собой внутреннюю линию оборонительной системы сухопутного фронта (см. схему 2 в конце книги; на схеме высоты даны в футах).

Каждое из этих сооружений представляло группу стационарных батарей открытого типа, стоящих на бетонных основаниях.

К моменту объявления мобилизации имелось:

Форт или батарея	Число батарей	Наименование батарей	Число орудий	Калибр	Примечание
Ильтис	2	Верхний Ильтис	2	105-мм	Сталебронзовые австрийские
		Нижний Ильтис	6	120-мм	
Бисмарк	2	Южный Бисмарк Северный Бисмарк (№ 12)	(см. морской фронт)		Крупн 1885 г.
			2	210-мм	
№ 6	1	Тайгуншань	2	120-мм	Бронзовые

Каждая батарея имела командно-дальномерный пост в бетоне с покрытием из 6-дюймовой брони.

В августе 1914 г. на форту Бисмарк еще велись работы по окончанию строительства силовой станции.

Батареи на главных холмах были хорошо замаскированы искусственно насаженным лесом. Между деревьями должна была натягиваться (после объявления мобилизации) колючая проволока, опутывавшая батареи сплошным заграждением.

Кроме того, имелись полуподвижные крепостные батареи:

№ батареи	Кол-во пушек	Калибр	Расположение
№ 1	6	90-мм	Запасная позиция 7а Запасная позиция 11а
№ 7	6	90-мм	
№ 11	6	90-мм	
№ 2	4	37-мм*	в пехотных укреплениях №№ 2, 4 и 5
№ 4	2	37-мм	
№ 5	4	37-мм	
№ 9	4	37-мм	
№ 10	4	37-мм	

* Все 37-мм установки были морскими полуавтоматами.

и одна подвижная батарея в составе четырех 96-мм старых полевых пушек конной тяги (китайские пони).

Сухопутный фронт мог поддерживаться почти всеми береговыми батареями морского фронта, однако до мобилизации этот прием еще не был освоен¹.

Пулеметная оборона состояла из 120 станковых пулеметов, которые по плану сосредоточивались на основных фортах, в интервале между ними и на специальных позициях перед артбатареями второй линии.

МОРСКОЙ ФРОНТ

В состав средств обороны морского фронта крепости входили следующие объекты:

Форт или пункт	Число батарей	Наименование	Число орудий	Калибр	Примечание
Хуйцзянь	2	Хуйцзянь	2	240-мм*	Отметка 32 м
		Хуйцзянь	3	150-мм	
Город	1	Батарея Циндао	2	150-мм**	Отметка 21,5 м Гаубицы
— " —	—	— " — " —	2	150-мм**(?)	
Сяонива	1	Сяонива или Тайсичжэнь}	4	210-мм***	
Бисмарк	2	Южный Бисмарк Северный Бисмарк (№ 12)	4	280 мм (см. сухопутный фронт)	Отметка 17,5 м
Юной	1	Заградительная	4	88-мм	
Мол гавани	1	Батарея Моленкопф	2	88-мм	

* 240-мм пушки — трофей, взятый у китайцев в Дагу во время боксерского восстания.

** 2 установки морские, в 40 кал длиной, а 2 другие — крепостные, в 35 кал.

*** Батарея с изломанным фронтом: один взвод с директрисой приблизительно на юго-восток, а другой — на юг.

Батареи Сяонива, Хуйцзянь и Южный Бисмарк представляли собой закрытые бетонные сооружения, причем орудийные установки имели куполообразные покрытия из 2-дюймовой брони для защиты от осколков как людей, так и приборов. Каждый бетонный блок был хорошо применен к местности.

Открытые установки батарей Циндао, Юной и Моленкопф стояли на бетонных основаниях и были прикрыты только своими щитами обычного палубного типа.

Максимальную дальность огня имела батарея Хуйцзянь — в 88 каб. (13,5 км).

Помимо решения главной задачи — борьбы с флотом, атакующим город и крепость, — основные береговые батареи могли об-

¹ Подробные сведения об артиллерии крепости и боезапасе — см. приложение I.

стреливать сухопутные подступы к Циндао, но в мирное время, не желая стрелять через город, практические стрельбы не производили.

Командный пост морского фронта находился в районе батареи Циндао.

В системе обороны Циндао особое внимание привлекает то обстоятельство, что южный берег бухты Кяочао, частично входивший в границы концессии, совершенно не был укреплен. Вследствие этого оборона входа в бухту была «односторонней», т. е. с воды (мины, сторожевые корабли) и с берега Тантао (батарея Юнъю).

Если проследить конфигурацию концессионной территории, то становится совершенно ясным, что при выборе границ полуостровов Хайси был включен главным образом по оборонным соображениям. Это было необходимо для того, чтобы исключить возможность бомбардировки Циндао с полуострова или из прилежащих к нему бухт (Аркона и Нантун). Причина, по которой полуостров Хайси остался необорудованным к 1914 г., лежит в нехватке ассигнований и материальных средств, причем это было частично компенсировано тем, что мыс Жешке и прилегающий к нему район обстреливались батареями Юнъю и Сяонива.

Характерно, что большинство пулеметов группировалось по 4 и 5 в виде своеобразных пулеметных батарей.

В мирное время пулеметы развертывались только в дни тактических учений.

ГАРНИЗОН

К моменту завязки империалистической войны гарнизон крепости и морской базы состоял из следующих частей.

Командование и штаб

Комендант — капитан 1-го ранга Мейер-Вальдек, он же по совместительству — губернатор Кяочао.

Начальник штаба — капитан 1-го ранга Заксер.

Обращает на себя внимание очень скромный состав штаба, являвшегося в то же время управлением губернатора по всем военным делам арендованной области и всех восточно-азиатских колоний Германии. Помимо начальника штаба и адъютанта губернатора, в штабе было всего 6 офицеров (оператор, артиллерийский офицер, военный инженер, связист, летчик и офицер, заведующий шифрами). Все они, за исключением инженера, были офи-

церами флота. Кроме того, имелся интендант и 3 военных чиновника по судебным и гражданским делам.

Помимо кораблей флота, порта, госпиталя и других учреждений, непосредственно коменданту в мирное время подчинялись: 3-й батальон морской пехоты, матросский артиллерийский отряд, личный состав артиллерийского депо, минного депо и верфи.

3-й батальон морской пехоты (III Seebatalion) — состоял из 4 пехотных рот и пятой кавалерийской. Этот батальон составлял основные гарнизоны номерных фортов. Общая численность батальона — 20 офицеров и 960 матросов.

Командиру батальона подчинялись:

1) саперная рота (*Pionierkompanie*) — в составе 3 офицеров и 105 бойцов;

2) две пулеметные команды (всего 2 офицера и 75 человек команды) и

3) полевая батарея (четыре 96-мм орудия), в которой было 6 офицеров и 127 человек команды.

Матросский артиллерийский отряд (Matrosenartillerieabteilung) — состоял из 5 рот общей численностью в 19 офицеров и 755 человек команды. Эта часть являлась строевым объединением всех команд береговых и крепостных батарей Циндао.

Кроме того, в артиллерийском и минном депо, а также на верфи насчитывалось около 11 офицеров и 170 человек унтер-офицеров и рядовых бойцов.

Таким образом, гарнизон мирного времени состоял преимущественно из моряков и морской пехоты и имел общую численность около 75 офицеров и 2250 бойцов.

По мобилизации предполагалось получить до 500 человек различных категорий запаса и около 500 человек за счет германских частей, стоявших в Пекине и Тяньцзине. Поэтому плановые расчеты численности гарнизона военного времени исходили из 3500 человек, не считая корабельных команд.

СРЕДСТВА ФЛОТА

Крейсерская эскадра адмирала Шпее, имея самостоятельные задачи с момента начала войны, не была связана с судьбой Циндао.

Крейсер «Эмден» окончательно оставил Циндао в августе. Поэтому комендант мог располагать только следующими кораблями:

Тип и наименование корабля	Год постройки	Водоизмещение	Скорость хода	Вооружение
Крейсер «Кайзерин Элизабет»	1890	4060 т	18 узлов	8 — 150-мм
Канонерская лодка «Ягуар»	1898	900 т	14 узлов	4 — 88-мм
Миноносец S-90	1900	400 т	26 узлов	3 — 50-мм
Заградитель «Лаутинг»	—	400 т	—	100 мин.

Помимо них, в Циндао находились в капитальном ремонте: старый крейсер «Корморан», канонерская лодка «Ильтис» (однотипная с «Ягуаром») и миноносец «Таку»¹. Более мелкие единицы (5 посыльных и сторожевых судов и один тральщик) не были пригодны для серьезного использования. Канонерские лодки «Тигер», состоявшая в кампании к началу мобилизации, и «Лухс», пришедшая с Янцзы, были в таком плохом состоянии, что их использование не удалось.

Вспомогательными судами (буксирами, водолеями и т. д.) база была обеспечена полностью.

В предвидении борьбы с японским флотом этот состав кораблей мог быть пригоден только для решения следующих задач:

1. Нести сторожевую службу на непосредственных подходах к базе в пределах обеспечения их огнем береговых батарей.

2. Выставить оборонительные минные заграждения.

3. Поддерживать фланги крепости артиллерийским обстрелом частей и позиций наступающего противника, причем со стороны бухты Кяочао такому маневру морской противник не угрожал, а в сторону Желтого моря всякий выход мог состояться только при отсутствии противодействия японского флота.

4. Наконец, поскольку имелся все же один миноносец, он мог угрожать блокирующим кораблям ночной торпедной атакой.

Таким образом, серьезного противника со стороны моря у японцев не было, и эти слабые корабли могли иметь значение только как вспомогательные средства в системе обороны морского фронта, наряду с минами и береговой артиллерией.

СРЕДСТВА ВОЗДУШНОЙ ВОЙНЫ

Всего в крепости имелось два самолета типа «Таубе» (моноплан с мотором в 100 л. с.), но непосредственно перед войной один из них разбился при неудачной посадке. Поэтому к началу военных действий был годен к полетам только один самолет, а другой

¹ Бывший китайский, захвачен в 1900 году. (Прим. ред.)

находился на судостроительной верфи в капитальном ремонте, без особых шансов на успех последнего. Запасных моторов, пропеллеров или ответственных частей не было.

В качестве аэродрома использовался Ильтис-плац, служивший в мирное время ипподромом и учебным полем. Помимо малых размеров, этот аэродром имел еще тот недостаток, что был зажат холмами и имел очень трудный старт. На одном из краев аэродрома находился деревянный ангар.

Персонал авиации состоял из «старшего летчика штаба» оберлейтенанта Плюшова и четырех авиатехников. Остальной подсобный состав (аэродромная команда) привлекался из числа китайских рабочих. Кроме Плюшова имелся еще австрийский летчик, но из-за отсутствия материальной части ему не пришлось летать во время осады.

Помимо самолетов, крепость располагала несколькими (2—3) привязными аэростатами, которые предназначались для наблюдения и корректировки огня крепостной артиллерии. Базировались они на площадь перед артиллерийскими казармами, на которой с июня месяца по смете 1914/15 г. началось строительство специального элинга.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА И БОЕЗАПАС

По своему географическому положению Циндао не мог рассчитывать на питание извне. Производственные возможности самой базы были крайне ограничены, поэтому наличие запасов, обеспечивающих развертывание и ведение войны, определяло степень обороноспособности крепости.

Кроме артиллерии, стоявшей на позициях в мирное время или находившейся в войсковых частях (см. табл.), на складах базы имелись двадцать две 96-мм полевые пушки и двадцать девять 37-мм полуавтоматов, которые предназначались в качестве противотанковой артиллерии.

Скрытым резервом могли служить палубные установки старых миноносцев и канонерских лодок, стоявших в бездействии:

88-мм — 11 штук

60-мм¹ — 4 штуки

50-мм — 2 штуки

¹ Фактически таких систем было больше, но остальные пошли на вооружение вспомогательных крейсеров.

Кроме того, по плану сосредоточения, с момента реальной угрозы войны в Циндао предполагалось стянуть из Пекина и Тяньцзиня части восточно-азиатского морского отряда, который имел в своем составе батарею из трех 150-мм полевых гаубиц.

Запасные установки к действующим батареям отсутствовали.

Таковы были артиллерийские ресурсы крепости. Других источников не имелось. В дальнейшем можно было усилить крепость только за счет разоружения действующих кораблей — способ, известный в истории по опыту Севастополя и Порт-Артура.

Артиллерийский боезапас имел для крепости особо важное значение. При оценке его численности надо иметь в виду, что запасных станков или орудийных тел не имелось. Поэтому техническим пределом для боевого запаса могла служить живучесть стволов орудий соответствующих калибров. К сожалению, степень (процент) их износа к началу осады неизвестна.

Немцы свидетельствуют, что весь штатный боезапас, предусмотренный сметой для Циндао, был налицо. Точными цифрами мы не располагаем, но если считать достоверными те таблицы, которые приведены в официальном германском издании, то средний комплект фактического наличия боезапаса на одно орудие составлял:

для 280-мм гаубиц	280 выстрелов
для 240-мм/35 пушек	220
для 210 мм/35 пушек	195
для 210-мм/30 пушек	200
для 150-мм/40 и 35 пушек*	370
для 150-мм гаубиц	300
для 120-мм пушек полевой артиллерии	800
для 105-мм пушек полевой артиллерии	700
для 96-мм пушек полевой артиллерии	500
для 90-мм пушек полевой артиллерии	610
для 88-мм пушек морской артиллерии	380
для 60-мм пушек морской артиллерии	600
для 50-мм/40 пушек морской артиллерии	800
для 47-мм пушек морской артиллерии*	500
для 37-мм пушек морской артиллерии	500
для 70-мм пушек зенитной артиллерии*	180

* Системы, позже снятые с крейсера «Кайзерин Элизабет».

Прежде всего бросается в глаза разношерстность артиллерийского парка крепости.

Количественное разнообразие комплектов на оружие объясняется тем, что мы имеем здесь смешение крепостных, корабельных и полевых установок, причем часть из них попадала на крепостные позиции после сложных перипетий (частично отстреляв в море, путешествуя из Пекина под видом кирпича или имея нештатное добавление из запасов крейсерской эскадры).

Что касается качественного состава комплектов (см. приложение I), то основным родом снарядов были гранаты — для береговых батарей и шрапнель — для сухопутных. Само командование считало, что недостает шрапнели крупных калибров и, в частности, для тех морских батарей, которые могли поддерживать сухопутный фронт крепости.

«Особенно незначительным было наличие шрапнели тяжелых калибров, которая в первую очередь нужна была для отражения сухопутных атак. 280-мм гаубицы форта Бисмарк имели только по 20 шрапнелей на орудие, а форта Сяонива — только по 5»¹.

В состав указанного боезапаса вошло кое-что сверх намеченного по плану, так как на складах артиллерийского депо морской базы хранилась часть боевого и практического запаса крейсерской эскадры адмирала Шпее, преимущественно 210-, 150- и 88-мм. Большая часть этого запаса была позже переработана и использована для обороны Циндао².

Общее положение с артиллерийскими припасами немцами оценивалось так:

«Хотя припасы эскадры крейсеров дали значительное увеличение снаряжения, все же его ничтожный запас оставался предметом серьезных забот, так как этого, конечно, было недостаточно, чтобы вести действительный артиллерийский огонь при продолжительной осаде»³.

В отношении винтовочных и пулеметных патронов мы располагаем только таким указанием, что в день объявления блокады крепость имела в наличии круглым счетом 4 000 000 патронов⁴. Этот запас приходился на 120 пулеметов и приблизительно 3000 активных винтовок.

Авиационных бомб не было вовсе.

¹ Германское описание, стр. 37.

² В подсчет комплектов на орудие они вошли.

³ Германское описание, стр. 36.

⁴ Там же.

Мины

По японским данным, приводимым в документах русского представителя, на морских подходах к Циндао было выставлено 340 мин. Эту цифру повторяют американские авторы. Однако на карте минных постановок, захваченной с теми документами штаба крепости, которых не успели уничтожить немцы, показано только 293 поставленных мины. Официальное германское издание 1935 г. не упоминает об общем числе мин, имевшихся в Циндао, но довольно верно воспроизводит эту захваченную карту.

Из описаний постановок видно, что всего было поставлено 297 морских мин. Все мины гальваноударные, автономные. Крепостных мин, управляемых с берега, было приблизительно 40 штук.

Около 150 мин были особого изготовления, предназначенные специально для Циндао, так называемые типа «Кяочао». По сути дела это были стандартные мины, но с значительно повышенной плавучестью за счет увеличения объема мины при том же заряде. Переделка была вызвана желанием погасить влияние сильных приливо-отливных течений при входе в бухту Кяочао, для защиты которой эти мины предназначались¹. Остальные мины были обычного типа «С/77» и числились за крейсерской эскадрой Шпее. По-видимому, предполагалось использовать эти мины на мирных торговых путях перед портами Дальнего Востока, но их не успели подать на эскадру к началу войны.

Такое количество мин было, безусловно, недостаточно для обороны морского фронта Циндао (даже если учесть минный запас крейсеров), хотя глубины и позволяли использовать их очень широко. Здесь, очевидно, сказалась общая недооценка этого оружия к началу империалистической войны. Для второстепенного направления, каким являлся Циндао, и той экономии, в условиях которой он создавался, считали достаточным заградить минами только непосредственные входы в бухту.

Продовольствие и фураж

На складах базы имелся неприкосновенный запас продовольствия (в консервах и муке), который мог обеспечить снабжение гарнизона увеличенного состава, всего гражданского населения и китайских рабочих не менее чем на полгода. Это был самый бес-

¹ Решение технически неверное.

печенный сектор питания базы. Германские источники утверждают, что вместе со скотом и фуражом, закупленным на территории концессии после мобилизации, крепость могла бы продержаться до 8 месяцев.

При планировании эвакуации гражданского населения вопрос о снабжении его продовольствием не играл никакой роли. Всем желающим остаться, если они могли быть полезны при осаде, разрешалось оставаться.

За все время осады войсковой паек не уменьшался. Для гражданского населения был установлен также вполне приемлемый паек; только куры и яйца были изъяты из широкого потребления для снабжения госпиталей.

Специальное снабжение и ремонт флота

Так как Циндао служил операционной базой для крейсерской эскадры (которую эта база снарядила в тихоокеанский поход), а также для вооружения вспомогательных крейсеров, то ее ремонтных средств и запасов оказалось с избытком достаточно для того незначительного состава кораблей, которые остались в ней к моменту заблокирования. Задержек из-за верфи не было, и ремонт производился безотказно. После резкого пика (увеличения работ), вызванного мобилизацией и вооружением судов, освободившаяся производственная мощность верфи была использована для выполнения всех механических работ по крепости (по установкам, боезапасу, самолетам и т. д.). Всеми необходимыми материалами и оборудованием верфь располагала¹. Наибольшие трудности испытывали германцы с рабочей силой, так как, несмотря на всяческие ухищрения и драконовские меры, они не сумели преодолеть теучести китайских рабочих.

Накоплением неприкосновенного запаса в мирное время и усиленным подвозом бошаньского угля с момента угрозы войны руководство базой достигло того, что, хотя в общей сложности на вспомогательные крейсера и для эскадры Шпее было отгружено 19 000 т угля и 120 т машинного масла, крепость, база и корабли были полностью обеспечены всеми видами топлива, причем после сдачи Циндао японцы получили 10 000 т угля².

¹ О деятельности верфи во время осады см. гл. X.

² Все жидкие сорта топлива сгорели при бомбардировке.

Водоснабжение города

Основная магистраль, питающая город пресной водой, шла из Литсунской долины, где на р. Литсун имелись водоприемник и насосная станция. Суточная потребность города доходила в июле до 5000 куб. мин. Однако этот водопровод, далеко выходящий за линию обороны крепости, не мог быть использован в период осады.

Старая водокачка, ранее питавшая город водой из р. Хайпо, имела производительность в 500 куб. м, но к этому времени была неисправна и бездействовала. Приемник и насосная станция стояли на левом берегу р. Хайпо, недалеко от ее устья. Нельзя было считать этот приемник вполне обеспеченным, так как хотя для его обороны и были предприняты специальные меры, однако нахождение на передовой линии ставило его под угрозу со стороны осаждающей армии.

Последним ресурсом крепости являлись 85 скважин, находившихся в черте города, которые служили единственным источником водоснабжения до постройки водопровода и которые в условиях 1914 г. уже не могли обеспечить потребности Циндао.

Таким образом, с момента тесного обложения крепости она попадала в условия напряженного баланса водоснабжения и в дальнейшем всецело зависела от исправности водопровода Хайпо.

Денежный запас

По предписанию германского правительства еще в мирное время систематически велась работа по накоплению наличности серебра в отделении Германо-Азиатского банка в Циндао. В этом его усиленно поддерживало правление банка в Пекине. По-видимому, к началу войны был создан достаточный запас, так как особых валютных затруднений германское командование не испытывало до самого конца.

Транспорт

Для крепости, наибольшее протяжение которой не превышало 6 км по глубине и 6,5 км по фронту, проблема транспорта не стояла остро, тем более что эта ограниченная территория была покрыта очень густой сетью превосходных дорог.

Помимо небольшого конного обоза, каким располагали воин-

ские части, и привлекаемого обывательского транспорта, всего в крепости имелось 28 легковых и 2 грузовые автомашины, которые полностью обеспечивали все потребности города и базы.

Кроме железной дороги, верфь связывалась с городом моторными катерами и буксирами.

ОЦЕНКА ЦИНДАО КАК МОРСКОЙ КРЕПОСТИ

Рассмотрение плана (см. схему в конце книги) и всех данных о составе, вооружении и запасах крепости Циндао приводит к следующим заключениям:

1. К лету 1914 г. строительство морской базы и крепости было в основном закончено, в соответствии со сроками общей готовности к войне. В пределах намеченного плана и отпущенных кредитов вступили в строй все долговременные батареи и сооружения, был накоплен самый необходимый боезапас и все виды снабжения для обеспечения развертывания. Заканчивалось строительство второстепенных объектов. Новое и капитальное строительство (в части оборонных сооружений) не производилось. Для окончательного приведения в готовность всех сил и средств требовалось около 20 суток.

Иначе говоря, степень готовности Циндао к империалистической войне была примерно такой же, как готовность всех германских вооруженных сил в целом.

2. На ближайшие годы не намечалось значительного усиления или реконструкции крепости, несмотря на последовательный рост общего экономического значения Циндао и развитие торгового порта. Можно предположить, что дальнейшую судьбу этого опорного пункта должен был решить итог (успех) империалистической войны, т. е. результат нового передела метрополий и колоний.

3. Крепость (база) имела назначением: а) служить в начальный период войны операционной базой для крейсеров адмирала Шпее и пунктом развертывания вспомогательных крейсеров, вооружаемых для действия на торговых путях противника, после чего б) самостоятельно продержаться до момента определения исхода войны на европейском театре, с тем чтобы сохранить германский флаг на Дальнем Востоке и таким образом обеспечить политическую и территориальную базу для последующей экспансии.

4. Сопrotивляемость крепости полностью удовлетворяла вариантам борьбы со следующими противниками: с русскими сила-

ми из Владивостока, с французскими — из Индо-Китая и с английскими — из Индии, Китая и Австралии.

При этом учитывались те реальные средства, которые могли быть выделены этими вероятными противниками без ущерба для борьбы на главном направлении.

На длительную же борьбу с японскими силами крепость не была рассчитана.

5. Развитие и строительство Циндао шли весьма продуманно и планомерно.

Несмотря на очень ограниченные кредиты, строительство базы выполнялось настолько организованно, что все отрасли подготовки к войне развивались синхронно, взаимно дополняя друг друга (боевые средства, инженерные сооружения, ремонтные средства, вспомогательные суда, запасы и т. д.).

Таким образом, хотя Циндао и был по масштабу относительно небольшой крепостью, он может служить образцом комплексности и полноценности подготовки к войне. Благодаря этому все скромные возможности крепости могли быть использованы полностью.

6. К сильным сторонам Циндао надо отнести:

а) единство руководства, совмещавшего в лице Мейер-Вальдека всю гражданскую и военную власть и управлявшего при помощи одного органа — небольшого и хорошо подготовленного штаба;

б) четкое разграничение морского и сухопутного фронтов при наличии разработанных форм и методов взаимодействия (взаимной поддержки);

в) сочетание средств стационарной и подвижной обороны как на морском, так и на сухопутном направлениях;

г) оборонительную систему, созданную в границах, отвечавших составу имевшегося гарнизона и наличию материальных средств;

д) целесообразное и очень широкое использование местности;

е) превосходную сеть крепостных дорог;

ж) отличное качество всех инженерных сооружений и

з) подчинение всех отраслей жизни и экономики различных ведомств и даже частных лиц единому плану обороны.

7. Наиболее слабыми сторонами крепости Циндао можно считать следующие:

а) для условий 1914 г. и тогдашних дальностей артиллерии передний край оборонительной полосы на сухопутном фронте был

недостаточно выдвинут, что в свою очередь привело к незначительной глубине обороны;

б) тяжелые калибры береговых батарей (трофейная материальная часть) не отвечали современным требованиям борьбы с артиллерией флота, особенно в части дальности; на сухопутном фронте не доставало артиллерии навесного огня;

в) в распоряжении крепости было крайне ограниченное число миноносцев и самолетов; подводные лодки, особо ценные для активной обороны против блокирующих сил и высаживающегося десанта, отсутствовали вовсе¹;

г) запас мин для более плотного заграждения подходов к морскому флангу крепости, в сочетании с артиллерийской обороной морского фронта, был недостаточен.

В итоге Циндао 1914 г. можно характеризовать как стратегически важный объект, защищенный второклассной приморской крепостью. При создании этой крепости был учтен опыт русско-японской войны; однако из-за крайней экономии средств, проводившейся во имя достижения победы на главном направлении, Циндао не был оборудован как первоклассная крепость в соответствии с современными требованиями.

ГЛАВА IV

ГЕРМАНСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ

ПЛАН ГЕРМАНСКОГО КОМАНДОВАНИЯ

Основным критерием для оценки планов германского командования служат фактические действия при подготовке к войне и во время осады, а также связь их с ходом германских операций на европейском театре войны.

Приходится довольствоваться этим, поскольку до настоящего момента немцы не опубликовали своего оперативного плана обороны Циндао. Правда, в 1921 г. Мейер-Вальдек писал в своих воспоминаниях, что после объявления мобилизации «весь район

¹ Бытовавшее в 30-е годы мнение о ценности малых подводных лодок для береговой обороны впоследствии не нашло никакого подтверждения. (Прим. ред.)

(Ключао) был охвачен одной только мыслью — *возможно дольше удержать Циндао* против натиска японцев», а в 1935 г. морской архив опубликовал один из приказов того же Мейер-Вальдека, где он, ссылаясь на телеграфное распоряжение Вильгельма II, призывает гарнизон «защищать крепость до последней крайности, так как *каждый день, выигранный упорным сопротивлением, может со временем дать неисчислимые успехи...*». Это все, что мы имеем, но этого достаточно.

Все подготовительные мероприятия, сроки призывов, противоблокадные и противоосадные действия гарнизона, а также накопление и расходование запасов позволяют свести основное содержание германского плана к следующим четырем положениям:

1. Сосредоточить в Циндао все дальневосточные германские силы и средства, пригодные для войны.

2. Закончить подготовительные мероприятия и мобилизацию в кратчайший срок, по возможности до истечения срока ультиматума, чтобы не быть захваченными врасплох.

3. Оборону базы вести всеми силами и средствами, имея главной задачей — всемерно отдалить день падения крепости; решающими являются не потери противника или втягивание его в максимальное напряжение, *а выигрыш во времени любой ценой.*

4. В случае, если результат операций на европейском театре войны не разрешит судьбу Циндао, взорвать и уничтожить все ценные сооружения и объекты базы, чтобы не дать противнику больших трофеев и сохранить престиж германской армии.

Кроме того, перед крепостью (базой) стояла задача — в целях нарушения британской торговли вооружить пароходы, пригодные для крейсерской службы, и выслать транспорты со снабжением для эскадры адмирала Шпее до завершения японской блокады.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ, МОБИЛИЗАЦИЯ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ ГЕРМАНСКИХ СИЛ

Непосредственная подготовка крепости Циндао и всей концессионной территории началась с того времени, «когда тревожные известия из Европы стали указывать на возможную опасность войны». Подготовительные действия велись весьма продуманно, энергично и вначале достаточно скрытно, так что к моменту, ког-

да окончательно определилась обстановка на Дальнем Востоке, в основном все необходимое было сделано.

Прежде всего распорядительным порядком были отменены все отпуска и телеграммами отозваны офицеры, находившиеся в командировках. Начальнику Восточно-Азиатского морского отряда было приказано незаметно оттянуть свои части из лагерей к местам постоянной дислокации (Пекин и Тяньцзинь) и держать их в готовности.

При входе в бухту Кяочао был установлен дозор из сторожевых кораблей, а на границе концессионной территории, помимо штатного наблюдения китайской жандармерии, было введено патрулирование разездов от 3-го морского батальона.

Все эти действия были предприняты по инициативе губернатора-коменданта до получения указаний из Германии.

Подготовительные мероприятия коснулись всех областей деятельности как концессионных предприятий, железной дороги, порта, города, крепости, флота, так и всех германских подданных и отдельных воинских частей, находившихся на территории Китая.

В ночь с 30 на 31 июля была получена из Берлина телеграмма «о принятии мер по усилению охраны».

Ночью 31 июля получена телеграмма: «Угроза войны!»
1 августа объявлена мобилизация.

Начатую без шума подготовку продолжали вести по возможности скрытно до получения японского ультиматума, после чего она автоматически перешла в ускоренную мобилизацию, проводившуюся с полным напряжением.

В своих воспоминаниях Мейер-Вальдек пишет:

«Несмотря на то что срок истечения ультиматума (23 августа 1914 г.) совпал с открытием первых неприятельских действий, имевших целью сорвать нашу дальнейшую мобилизацию, к этому времени наша подготовка к обороне была закончена. С лихорадочной поспешностью, днем и ночью производились работы, с тем чтобы, по крайней мере вчерне, закончить их к вечеру 21 августа, так что застигнуть нас врасплох противник уже не мог».

Заминка произошла с использованием крейсера «Кайзерин Элизабет» из-за позднего объявления Австрией войны Японии.

24 августа было получено приказание: крейсер разоружить, а команду направить по сухому пути на Тяньцзинь и Пекин.

«Уход австрийцев означал для крепости убыль около 10 % из состава гарнизона и потерю самого сильного боевого корабля. На следующий день одновременно пришли известия, что австрийская команда прибыла в Тяньцзинь, и от морской секции австрийского военного министерства — о том, что на основании высочайшего решения «Кайзерин Элизабет» должен принять участие в борьбе за Циндао. Хотя тотчас же был дан контрприказ австрийскому отряду, только 13 сентября примерно 310 чел. из его состава, без багажа и в гражданской одежде, снова возвратились в Циндао. 120 остались в Тяньцзине, так как не были допущены на железную дорогу»¹.

Выше упоминалось уже, что 25 августа Австрия объявила войну Японии.

По отдельным отраслям эта мобилизация всех сил и средств может быть представлена в нижеследующем виде.

Сосредоточение частей

Восточноазиатский морской отряд (ОМД)² 28 июля получил приказание перейти в Циндао. Несмотря на столь рано отданное приказание, когда официально никто еще не мог противодействовать передвижению отряда, были приняты исключительные меры предосторожности.

Переброской лично руководил директор Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги инженер Дорпмюллер, который незаметно провел эшелоны с частями, обходя большие станции по вспомогательным путям. 3 августа германским посольством в Пекине была выслана материальная часть гаубичной батареи этого отряда (3 орудия 150-мм) по накладным на стройматериалы. Несмотря на маскировку кирпичом, этот маневр был замечен. Вагоны с артиллерией по настоянию французов и англичан были в Тяньцзине отцеплены и загнаны в тупик. Только после двухдневных споров и благодаря скрытому содействию китайской администрации удалось обманным путем перегнать спорный груз на германскую территорию.

Таким образом, в лагере Сюфанг, под Циндао, к 5 августа были сосредоточены 3 роты, пулеметная команда и гаубичная батарея ОМД, общей численностью:

¹ Германское описание, стр. 49.

² Ostasiatisches Mannedetachment.

пехота — 16 офицеров и 368 матросов,
артиллерия — 2 офицера и 100 матросов

Для гарнизона Циндао это было очень значительное подкрепление, впоследствии вполне себя оправдавшее.

Оснащение отряда состояло из двух станковых пулеметов на роту, переносимых на вьюках, и трех 150-мм полевых гаубиц без штатной конной тяги, с боезапасом по 300 выстрелов на орудие.

Экипаж канонерской лодки «Фатерланд», стоявшей стационаром в Кантоне, своевременно извещенный по телеграфу, двинулся в Кяочао пешком, преимущественно по проселочным дорогам (через Нанкин). Поход продолжался три недели. «Офицеры и команда прибыли большей частью в жалком состоянии и сначала были переданы врачу»¹. Этот небольшой экипаж (47 человек) был позже влит в морской отряд, составленный из команд затопленных кораблей, и сам по себе значительной роли сыграть не мог. Но его переход очень характерен для оценки людей отряда, местных условий² и предусмотрительности штаба губернатора Кяочао, который своевременно, в условиях, когда общая обстановка не была еще ясна до конца, дал приказание о выстулении.

Призыв запасных

3 августа были призваны запасные и 1-й и 2-й разряды ландвера, живущие на территории Кяочао, Китая, Кореи, Маньчжурии и Японии. Позже, когда позиция японского правительства определилась несколько яснее, призыв их же категорий был распространен на Филиппины, Сиам и Зондский архипелаг.

Учет германских военнообязанных в различных колониальных уголках Дальнего Востока был возложен на соответствующих консулов, которые в этом отношении административно подчинялись губернатору Кяочао. По учетным сведениям этих консулов, предполагалось получить для Циндао около 500 человек призывников.

Приток запасных и волонтеров начался с первого дня призыва и в основном шел по Шаньдунской железной дороге и морем. Когда последовательно были прерваны морские сообщения Циндао, а позже — парализована его железнодорожная коммуникация,

¹ Германское описание, стр. 20.

² В стороне от основных магистралей китайская территория была вне контроля союзников. Обе воюющие стороны делали буквально все, что хотели, на территории Китайской Республики, объявившей нейтралитет.

пополнения продолжали прибывать небольшими группами и одиночным порядком. На кунгасах или шлюпках с юго-западного берега залива Кяочао или по тропинкам через границу концессии при помощи китайских проводников проникали немецкие патриоты в крепость со всех концов восточной Азии и Океании до тех пор, пока кольцо японской блокады не сомкнулось вплотную к первой линии обороны Циндао.

Голландские пароходные компании под давлением англичан отказывались перевозить немцев призывных возрастов. На пароходах союзников и в портах (Гонконг, Сингапур) волонтеры и резервисты просто задерживались, даже в период, когда для этого не было законных оснований. Несмотря на это, приток пополнения для гарнизона Циндао превзошел все ожидания.

Всего прибыло 76 офицеров и 1400 бойцов, к которым после опубликования японского ультиматума дополнительно присоединилось 130 человек ландштурмистов.

В материалах имеются указания, что большинство из них, прибывая в Циндао, приносило с собой «охотничьи» винтовки Маузера и боезапас к ним.

Вся система призыва, в конечном счете отлично выполнившая свое назначение, имела, однако, и слабую сторону. Так как консульства по сути дела были первичными призывными пунктами, то автоматически

«...освобождение от явки было предоставлено консулам. Последние боялись решать эти вопросы самостоятельно и предпочитали передавать их управлению [губернатора Кяочао]. Из-за этого возник излишний телеграфный обмен, который задерживал важные мобилизационные телеграммы»¹.

Необходимо упомянуть о качественном составе пополнения, которое более чем на 50 % увеличило состав гарнизона.

Основной контингент германских подданных в Китае и всей Восточной Азии составлялся из служащих концессий, банков, торговых фирм, коммивояжеров, учителей, инструкторов, мастеров, приглашенных на китайские предприятия, купцов, мелких торговцев, миссионеров и отдельных предпринимателей. Этот состав типичен для большинства европейского населения колоний и полукolonий (независимо от национальности), где основной рабочей силой является туземное население.

¹ Германское описание, стр. 19.

С началом войны Германии и Австрии против англо-японско-французской коалиции никакое германское предприятие в Китае нормально существовать не могло, даже в случае благожелательного отношения к нему китайского правительства. Бойкот и давление, организованные противниками, все равно привели бы его к изоляции и банкротству в самый короткий срок. Поэтому наиболее выгодным было временно передать предприятие или недвижимость в нейтральные руки, а все, что можно, отдать на войну. Для немецкого буржуа, верившего в 1914 г. в победоносное окончание этой войны, это должно было окупиться сторицей.

Вот почему с таким довольством пишет Мейер-Вальдек в своих мемуарах:

«Радостные и воодушевленные приходили они, чтобы помочь защищать клочок немецкой земли на Дальнем Востоке и честь своей нации. Особо отличались купцы, которые жертвовали своим делом и состоянием, чтобы выполнить свой долг перед родиной...»

Мы уже указывали выше, что героям-купцам не оставалось ничего другого!

Новые формирования

Все пополнение было использовано для доукомплектования частей гарнизона Циндао до штатов военного времени, но, кроме того, были сформированы новые подразделения:

1. 6-я рота (3-го батальона морской пехоты) в составе 120 человек резервистов.

2. 7-я рота (того же батальона) из 100 чел. ландвера 2-го разряда.

3. «Резерв крепости» в составе 120 человек ландштурма, из которых 30 чел. были выделены для несения нестроевых обязанностей на передовой оборонительной линии.

4. Запасная полевая батарея.

Общая численность и состав гарнизона к моменту начала военных действий видны из прилагаемой таблицы.

В этот перечень не вошли военные чиновники, засчитанные японцами в качестве офицеров при взятии их в плен. Также не учтены экипаж миноносца S-90, прорвавшего блокаду, команды радиотелеграфных постов, выведенных из крепости, и те рабочие, которые по мере свертывания соответствующих цехов базы направлялись на фронт.

Общую численность защитников Циндао с достаточной достоверностью можно принять близкой к 5000 человек.

Количественное отношение призванных контингентов (1606 человек) к общему составу кадров мирного времени (3149 человек) было близко к 50 %.

Организация командования

Прежде всего было создано командование сухопутным и морским фронтами крепости, в соответствии с чем произошло переподчинение частей гарнизона и новых формирований.

Над сухопутным фронтом принял командование обер-лейтенант фон Кессингер, бывший до того командиром 3-го морского батальона. При нем был создан штаб в составе 11 офицеров (из них 5 строевых, 1 инженер, 2 сапера и 3 сообщенца), врача, ветеринара и хозяйственника.

Все пехотные укрепления и оборонительные сооружения сухопутного фронта, законченные постройкой, были переданы в ведение частей, и дальнейшая забота об их содержании и улучшении легла на штаб сухопутного фронта.

	Части	Офицеров	Солдат	Примечание
А. Гарнизон мирного времени				
1.	Штаб губернатора	15	30	
2.	3-й морской батальон			
	4 пехотных роты	14	827	
	5-я конная рота	5	135	
	Полевая батарея	6	127	
	Саперная рота	3	105	
	2 пулеметные команды	2	75	
3.	Морской артиллерийский отряд	19	755	Команды батарей крепости
4.	Команды миного и артиллерийского депо, верфи и госпиталей	11	170	
		75	2224	
Б. Приданные части				
1.	Восточноазиатский морской отряд: пехота артиллерия	16 2	368 100	Всего кадрового состава: 107 офицеров 3042 солдата
2.	Экипажи канонерских лодок и крейсера «Кайзерин Элизабет»	10	25	
3.	Дополнительно с крейсера «Кайзерин Элизабет» после его потопления	4	100	
		32	818	3149 человек
Мобилизационное пополнение				
1.	Резервисты, волонтеры, ландвер и ландштурм	76	1400	
2.	Дополнительный призыв ландштурма	—	130	
		76	1530	Всего мобилизовано 1606 человек
	Всего	183	4572	4755 человек

В состав фронта, помимо основной оборонительной полосы крепости, вошла вся впередилежащая местность, вплоть до границ германской концессии (рубеж р. Пейша-Хэ и хребта Лаошань; удаление от Циндао на 25–30 км, протяжение по фронту 30–35 км).

Командующему сухопутным фронтом непосредственно подчинялись:

- 1) командиры пяти пехотных укреплений;
- 2) командир частей правого фланга;
- 3) командир частей левого фланга¹;
- 4) пулеметная и саперная роты как обслуживавшие весь фронт;
- 5) отряд, выделенный для обороны бухты Шацзыкоу;
- 6) полевые батареи;
- 7) тяжелые батареи сухопутного фронта (через начарта) и
- 8) автомобильный парк крепости.

Командующий морским фронтом (фрегатен-капитан Хасс) имел только адъютанта и одного помощника. Ему были подчинены только береговые батареи.

Помимо этих двух основных начальников коменданту Циндао подчинялись:

- 1) командиры действующих кораблей — «Кайзерин Элизабет», «Ягуар» и S-90;
- 2) резерв крепости, в который была выделена рота моряков с недействующих кораблей;
- 3) комендант города с пожарной командой и двумя дружинами ландштурма для охраны внутреннего порядка и работ в городе;
- 4) конный обоз крепости;
- 5) санитарная служба крепости, развернувшая помимо главного четыре вспомогательных лазарета;
- 6) служба культов (через старшего евангелического священника) и
- 7) шеф военной полиции.

22 августа, т. е. накануне срока истечения японского ультиматума, комендант крепости организовал последнее совещание с ответственными начальниками, на котором командующий сухопутным фронтом сделал доклад о плане сухопутной обороны Циндао. Вслед за тем комендант и его штаб перешли на главный командный пункт, оборудованный в казематах на обратном склоне

¹ После тесного обложения крепости был создан «средний участок фронта» с соответствующим начальником.

горы Бисмарк¹. В смежном каземате расположился боевой командный пункт сухопутного фронта.

Надо особо отметить эту предусмотрительность германского командования, которое ушло под бетон в тот момент, когда еще не было непосредственной реальной угрозы. Это было сделано для освоения боевой организации, проверки всей системы управления и для того, чтобы не быть вынужденным делать все это позже под воздействием неприятельских снарядов.

Усиление обороны сухопутного фронта

В период с 1 по 21 августа на основном скелете оборонительной системы были выполнены работы по ее усилению и развитию.

В инженерном отношении, помимо форсированного окончания строительства всех оборонительных объектов, которые не были закончены в мирное время, было сделано следующее:

1. Непосредственно за передовым рвом построено 9 блокгаузов, имевших назначение — обеспечить передовое наблюдение за промежутками между номерными фортами. Блокгаузы вместимостью на 15—20 бойцов были защищены от осколков, врыты в грунт, замаскированы, соединены телефонной связью по фронту и в глубину. Кроме того, они были обеспечены небольшими стрелковыми окопами и ходами сообщения.

2. Для прикрытия необстреливаемых участков и усиления огневой связи было построено большое количество стрелковых окопов как вокруг основных узлов сопротивления (которыми являлись пять укреплений), так и на всех угрожаемых направлениях, где можно было ждать прорыва. То же самое — для самообороны всех фортов и крупных батарей. Все окопы были оборудованы траверсами, блиндажами и бойницами для стрелков.

Большое внимание было уделено участку, прикрывавшему насосную станцию на правом берегу р. Хайпо, и приморскому флангу.

3. Была произведена расчистка обзоров и обстрелов по всему фронту оборонительной полосы, причем все это делалось очень тщательно и продуманно. Для этого два китайских селения перед укреплениями № 3 и 4 (Кангтишатшуанг и Хзивутшиатсуан) были саперами сравнены с землей². С той же целью был на-

¹ Тут же помещалась главная телефонно-телеграфная станция крепости. Под бетоном были не только сам командный пункт, но и жилые помещения для командования.

² Эти деревни были разрушены также для того, чтобы противник не мог использовать их как укрытие при осаде крепости.

Рис. 33. Захваченное японцами германское зенитное орудие

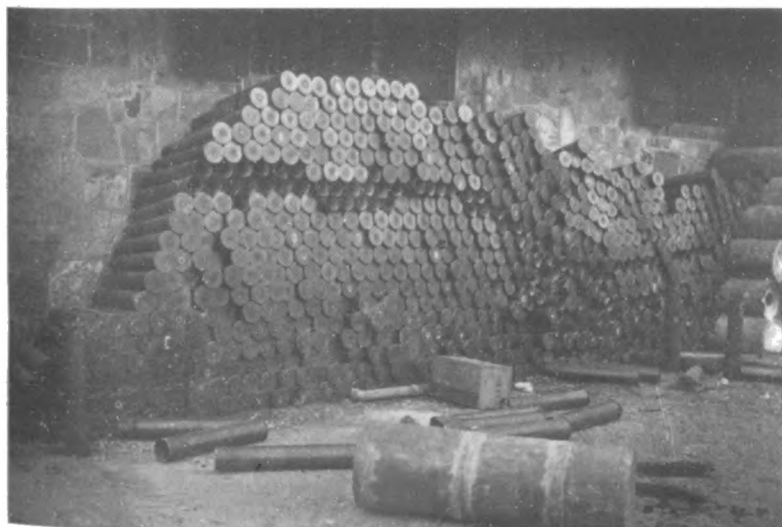

Рис. 34. Отстрелянные гильзы на германской батарее

Рис. 35. Затопленный ров и проволочные заграждения

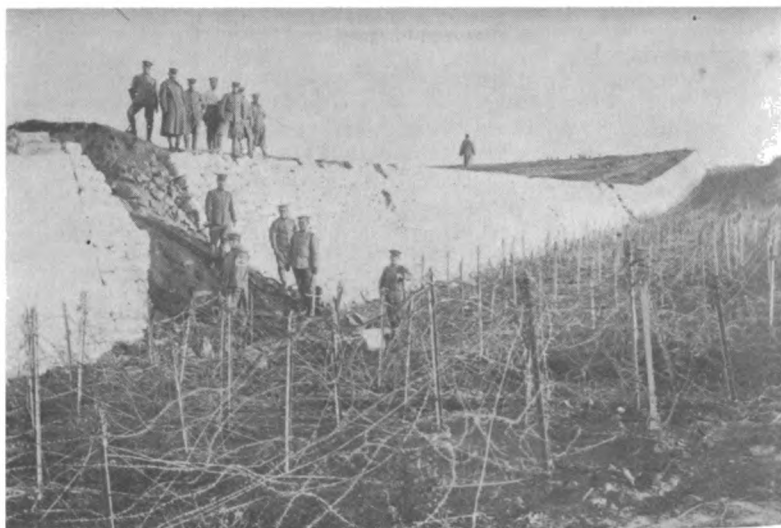

Рис. 36. Ров с колючей проволокой на главной линии германской обороны

Рис. 37. Пожар в доках Циндао

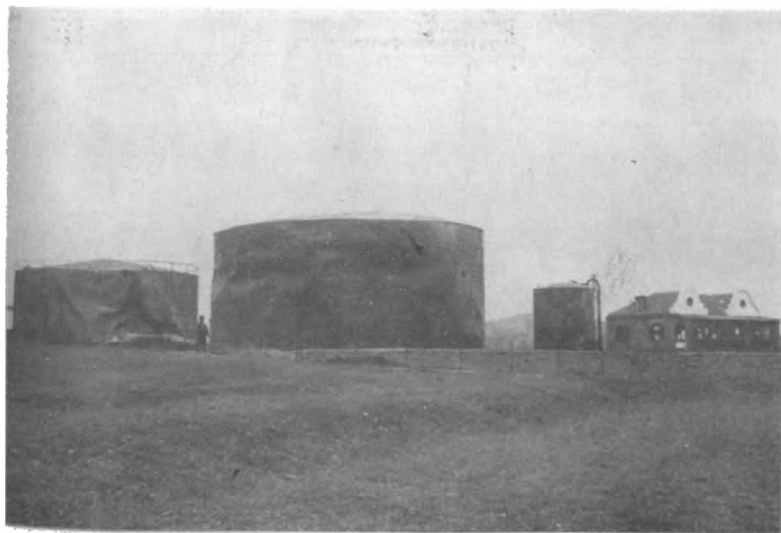

Рис. 38. Нефтехранилище Циндао после пожара

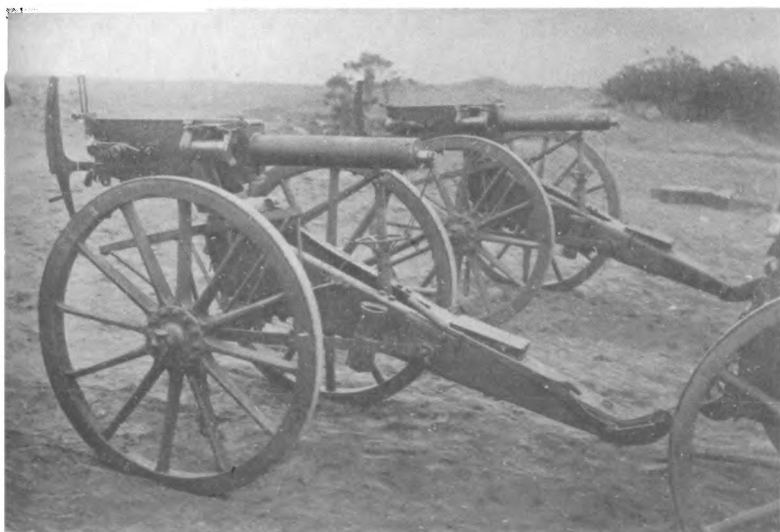
Рис. 39. Обломки орудия на форте № 4

Рис. 40. Разбитое орудие на форте Ильтис

Рис. 41. Форт Бисмарк

**Рис. 42. Японский трофей:
пулемет "Maxim-Nordenfelt" образца 1896 г.**

Рис. 43. Японцы осматривают германскую береговую батарею

Рис. 44. Разбитая обсерватория на Сигнальной горе

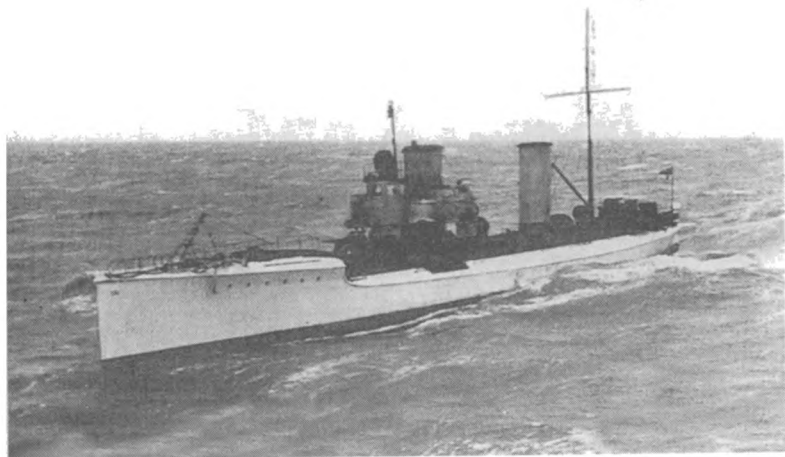

Рис. 45. Миноносец S-90

Рис. 46. Крейсер «Такашихо»

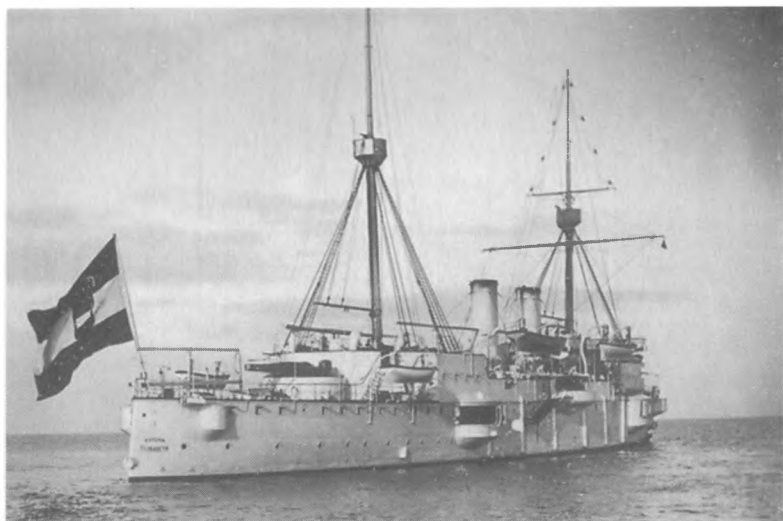

Рис. 47. Австрийский крейсер «Кайзерин Элизабет»

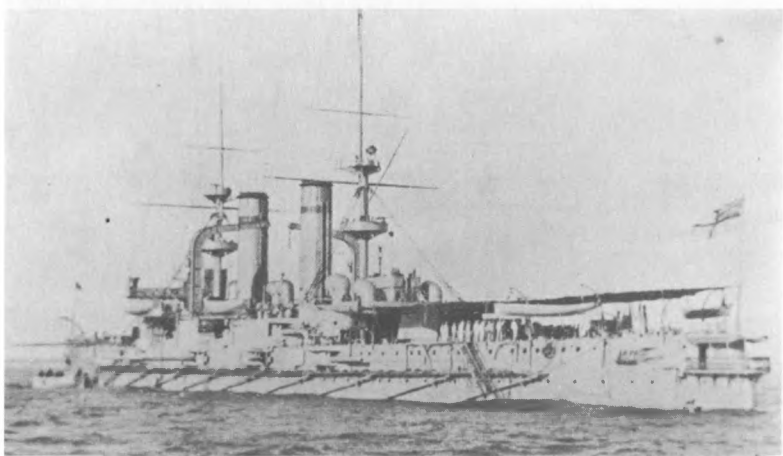

Рис. 48. Английский линкор «Трайзмф»

**Рис. 49. Ангары
для аэропланов в Циндао**

Рис. 50. Гюнтер Плюшов

**Рис. 51. Почтовая открытка, посвященная приземлению Плюшова
в Хайшоу**

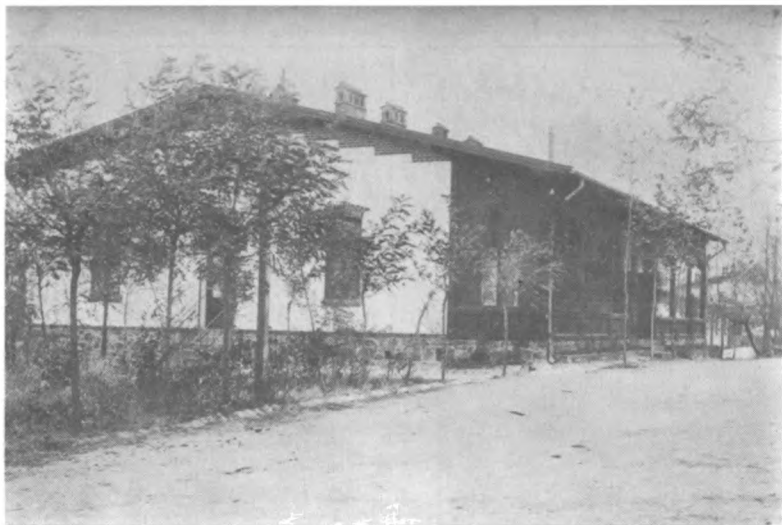

Рис. 52. Казарма Мольтке, где была подписана капитуляция

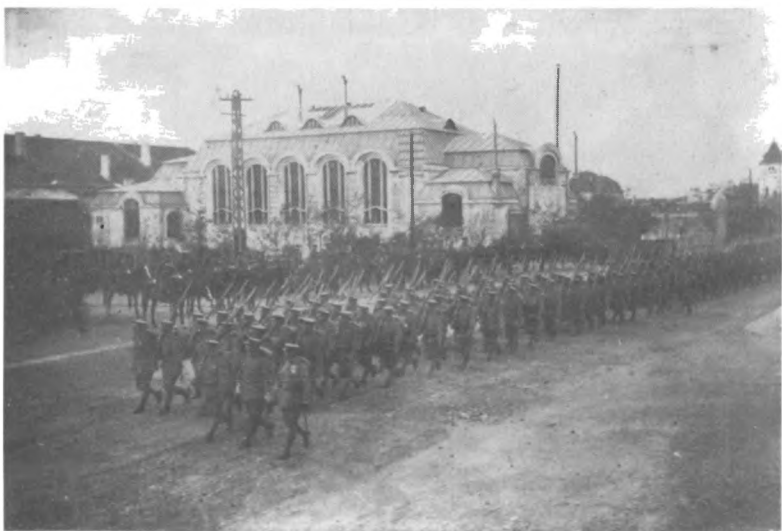

Рис. 53. Торжественное вступление японских войск в Циндао

Рис. 54. Пленные германские солдаты

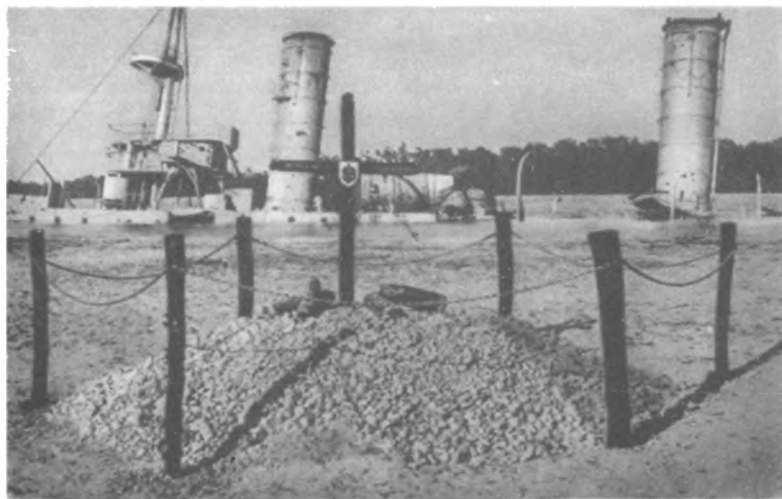
Рис. 55. Полковник Леттов-Форбек

Рис. 56. Генерал Ян Смутс

Рис. 57. Командир крейсера «Кенигсберг» фон Лооф

**Рис. 58. Могила погибших моряков из состава экипажа
крейсера «Кенигсберг»**

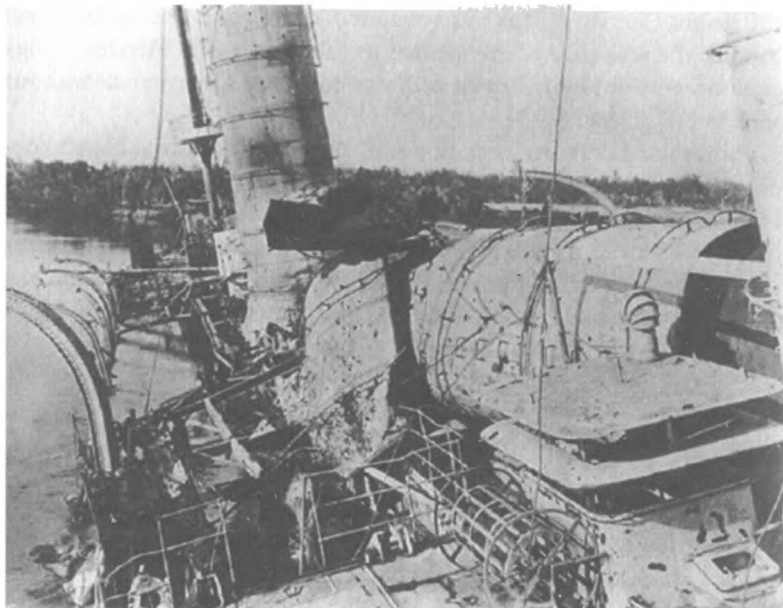
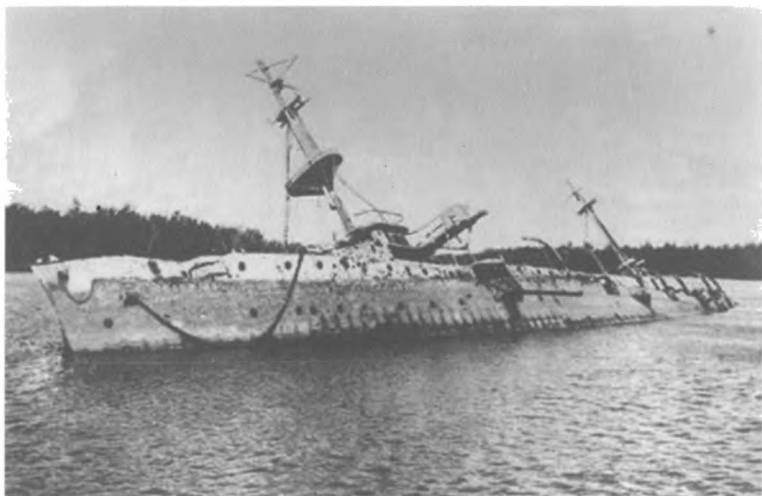

Рис. 59. Сбитая дымовая труба на крейсере «Кенигсберг»

***Рис. 60. Корпус крейсера «Кенигсберг» в дельте Руфиджи
(фото 1924 г.)***

Рис. 61. Германское поселение в окрестностях г. Килиманджаро

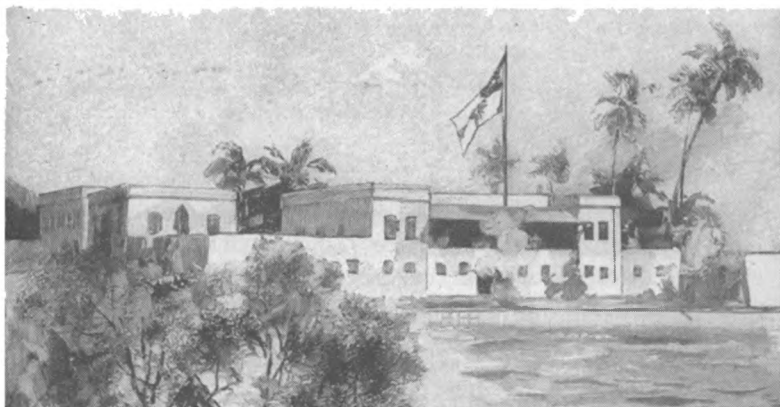

Рис. 62. Бомба в Танге

Рис. 63. Аскари в Дар-эс-Саламе

Рис. 64. Аскари

Рис. 65. Аскари ведут бой в пору

чисто вырублен лес, находившийся против левого фланга оборонительной полосы и с большими усилиями выращенный лесным ведомством.

4. Вся оборонительная система была оборудована наблюдательными постами, начиная с постов передовых стрелковых участков и кончая специальными (для командиров фронтов, начарта, начальников участков и т. д.).

По всей линии передового заграждения на гребне рва (т. е. на его контрэскарповой стенке) через каждые 100 м заделаны были стальные «башни Мартелло» для часовых, наблюдающих за впередилежащей местностью. К куполообразной бойнице, выдававшейся над глассисом на 30 см, сзади подводили железные скобы, но спина и туловище наблюдателя сзади не были защищены. Позже оказалось, что ночной стрельбы своих частей из окопов наблюдатели не выдерживали, опасаясь поражений в спину, почему от этих башен пришлось отказаться.

5. Очень полно были развернуты работы заградительного характера. Все пути и подходы к крепости были минированы. Мосты через реки Хайпо, Литсун и другие подготовлены к взрыву. На месте срубленного леса все пни были опутаны в нескольких сантиметрах от земли колючей проволокой, замаскированной в траве¹. Старые проволочные заграждения были усилены, и, кроме того, почти все окопы внутри полосы обороны и вокруг фортов и батарей, даже на морском фронте, были оборудованы дополнительными проволочными заграждениями. По некоторым источникам (американским), главное заграждение было электрифицировано для включения тока высокого напряжения; однако германские материалы об этом не упоминают. В полосе охранения на впередилежащей местности в узких проходах были сделаны засеки.

6. Особое внимание было уделено дорожному строительству на территории крепости. Имевшаяся сеть превосходных шоссе-ных дорог была значительно расширена. На открытых участках всех дорог было произведено обвалование тех обочин, которые были обращены к противнику.

Эти мероприятия себя вполне оправдали, когда при отражении атак пришлось маневрировать подвижной артиллерией и стрелковыми резервами.

¹ Это заграждение, так называемый «спотыкач», затрудняло подход к насосной станции водопровода.

Помимо того, между всеми объектами оборонительной полосы были вырыты ходы сообщения как рокадные, так и ведущие в глубину.

7. Фланговые оконечности главного проволочного заграждения, уходящие в воду, были укреплены, продолжены в воду и очищены от наносов песка¹.

В бухте Фушань и в устье р. Хайпо на метровых глубинах были поставлены донные мины, провода от которых провели на берег к специальным наблюдательным постам. Назначение этих заграждений — препятствовать шлюпочным десантам и обходу фланга позиции вброд.

8. Основная крепостная телефонная сеть была зарыта в землю, а по мере приближения кабелей к оборонительной полосе они все шли под землей, уложенные в специально вырытых траншеях.

9. Световая оборона сухопутного фронта усилилась за счет установки дополнительных прожекторов. Позиции их с убежищами были размещены в глубине за линией мелкокалиберных батарей (37- и 47-мм), перед линией средних батарей (90-, 105- и 120-м) и ниже этой линии, т. е. в 1—1,5 км от передового рва.

Кроме того, малыми прожекторами были дополнительно снабжены все пехотные укрепления.

10. На горе Ильтис были построены ложные батареи, замаскированные под долговременные для отвлечения огня осадной артиллерии.

11. Наконец, в период с момента, когда определилась угроза войны, и до истечения срока ультиматума были подготовлены две передовые позиции (Цангкоу—Литсун—Шацзыкоу и Кушан—Вальдерзее—Принц Генрих) и образована полоса охранения на рубеже р. Пейша-Хэ и хребта Лаошань с соответствующим инженерным оборудованием временного типа².

Некоторые из перечисленных работ, конечно, выполнялись и после 21 августа. В частности, рытье блиндажей и постройка убежищ для всех подразделений гарнизона продолжались до октября, но основные работы сданы были в эксплуатацию частей в период с 18 по 21 августа.

К чести германских инженеров надо отметить две особенности их работы, которые в значительной мере способствовали длительности обороны Циндао против более сильного противника. Первое — это очень высокое качество бетона. Все убежища и ка-

¹ Образовавшегося от прибора.

² См. раздел «Прикрытие развертывания» (стр. 86).

зематы были рассчитаны по бюджетному плану на «противляемость» 210-мм снаряду, практически же ни одно из них не было пробито 280-мм снарядами при наличии прямых попаданий. Второе — это отказ от типовых проектов. Ни одно из сооружений (каземат, батарея, командный пункт) не походило на другое. Для применения к местности и ее рельефу проекты соответственно видоизменялись по форме, что дало очень значительный эффект и облегчало детальную маскировку объектов.

В отношении развертывания и подготовки артиллерийских средств в тот же период начальник артиллерии крепости произвел большую работу. Из главнейших мероприятий надо отметить следующие:

1. Артиллерийские системы, хранившиеся в арсенале и снятые с бездействующих кораблей, были выставлены на позициях сухопутного фронта и его приморских флангах. На временные основания установили около 20 батарей¹, которые заполнили глубину между передним краем и долговременными фортами, на горах. Эти батареи группировались так, чтобы поддерживать своим огнем пехотные укрепления, фланкировать прорывы между ними и простреливать все подходы к передовому рву. Особое внимание к флангам выразилось в установке скорострельных батарей для поражения шлюпочных десантов или обходов по отмелям, загражденным инженерными минами и проволокой.

Расстояние батарей от передового рва — от 0,5 (для 37-мм) и до 3 км (для 150-мм). Внутренние стенки орудийных дворики выложены камнем, брустверы — из земляных мешков. Основания морских установок — деревянные.

2. Часть стационарных батарей выделена на передовые позиции в виде двухорудийных взводов.

Для подвижных батарей начерт заготовил ряд передовых и крепостных позиций, которые для удобства и быстроты маневра заранее обеспечивались дорогами, проволочной связью, наблюдательными и командными пунктами и т. п.²

Ввиду того, что развертывание артиллерийских средств производилось без помех со стороны противника, всем батареям удалось произвести пристрелку приметных пунктов и районов вероятного развертывания японских батарей и осадных линий.

¹ Состав и вооружение этих батарей — см. приложение I. Позже к ним добавились системы, снятые с крейсера «Кайзерин Элизабет».

² Стоит отметить, что среди подвижных батарей имелось и несколько орудий, установленных на железнодорожных платформах (см. рис. 16 на вклейке). (Прим. ред.)

Аналогичная пристрелка была сделана для всех отдельных пулеметов или пулеметных батарей.

3. Весь боезапас, находившийся в штатном комплекте батарей, а также хранившийся в депо, был перераспределен в соответствии с конкретным назначением каждой отдельной батареи в общей системе артиллерийской обороны крепости.

Вот почему в перечне боезапаса¹ можно видеть, что батареи одного и того же калибра и состава получили комплект боезапаса с расхождением до 350 %.

На приморском фронте объем выполненных работ был меньше по масштабу, так как основной ее костяк существовал еще в мирное время в виде долговременных береговых батарей. В период мобилизации произведены дополнительно следующие работы:

1. Для увеличения сектора обстрела входной батареи Юнью² и уничтожения хорошо приметной точки прицеливания для кораблей противника был взорван маяк Юнью и разрушены здания при нем.

Для той же цели была подготовлена к взрыву труба главной городской электростанции.

2. Закончена сухопутная оборона морских фортов и батарей (окопы, проволока).

3. Произведены маскировочные работы по всем объектам.

4. Морские батареи пристреляны по сухопутью.

5. Командующий морским фронтом перешел на свой командный пункт, расположенный над батареей Циндао, хорошо защищенный и замаскированный в скале.

Боевая подготовка гарнизона крепости и кораблей продолжалась очень интенсивно в течение всего мобилизационного периода и далее вплоть до последних чисел сентября, когда фактически появился противник.

Несмотря на то что почти весь мобилизационный контингент состоял из старых запасных, причем, как уже отмечалось, по отношению к кадрам гарнизона они составляли только 50 % (а флоту пополнение вовсе не требовалось), учеба шла непрерывно, параллельно с ходом работ по оборудованию.

«Командиры фортов довели свои укрепления до высшей степени боевой готовности упражнениями в стрельбе и боевыми учениями»³.

¹ См. приложение I.

² На полуострове Тантао (Юнью) в составе четырех 88-мм орудий.

³ Германское описание, стр. 35.

Особое внимание было обращено на освоение стрельбы по берегу кораблями и береговыми батареями.

«Кайзерин Элизабет», «Ягуар» и S-90 после тщательной предварительной подготовки выходили в бухту Кяочао и проводили учения по артиллерийской поддержке фланга передовых позиций.

В мирное время из морских батарей по берегу стреляла только батарея Южный Бисмарк, хотя по плану обороны, кроме нее, должна была поддерживать сухопутный фронт батарея Сяонива. Стрелять через весь город в мирных условиях было нежелательно, и этот пробел был теперь восполнен.

Кроме того, были произведены стрельбы по сухопутью батарей Циндао и Хуйцянь. Это потребовало предварительной расчетной работы по определению мертвых пространств, так как горы Мольтке и Ильтис экранировали стрельбу на близких дистанциях. При этом стрельба по невидимой цели велась с командного пункта начарта на горе Ильтис.

Обеспечение коммуникаций

По-видимому, только один вопрос не был продуман до конца в мирное время: разрушать или нет сооружения Шаньдунской железной дороги. Вопрос этот вызвал большую дискуссию в аппарате губернатора.

С одной стороны, было желательно сохранить железную дорогу в исправности возможно дольше, так как продолжался непрерывный приток запасных и волонтеров; иногда удавалось получать военные грузы и систематически подвозился уголь из Бошань для увеличения запасов крепости. Против разрушения выступала также та часть советников Мейер-Вальдека, которая считала, что это обострит отношения с китайским правительством и населением.

С другой стороны, в руках японцев эта дорога была бы большим подспорьем для организации тыла осадной армии.

В результате дебатов был подготовлен специальный «подрывной поезд», который должен был в последний момент выйти из крепости, пройти возможно дальше и на обратном пути уничтожить за собой все ответственные сооружения дороги. В то же время было организовано пароходное сообщение по бухте Кяочао с пунктом Тапутоу на западном берегу, чтобы сделать связь с городом Кяочао независимой от железнодорожной магистрали.

Обеспечение связью

В том положении, в котором оказался Циндао, ему особенно важно было сохранить связь с внешним миром, т. е. пекинским посольством, а через него с метрополией. До завершения блокады главным средством внешней связи Циндао был кабель на Шанхай и телеграф Шаньдунской железной дороги.

В середине августа английское кабельное судно «Пэтрол» перерезало шанхайский кабель. 23 августа благодаря действиям тех же англичан прекратил работу кабель на Чифу (см. схему 1). В связи с тем, что надо было ждать перерыва проволочной связи с хинтерландом, штаб крепости проделал большую работу по организации дублированной связи.

Курьерская служба находилась в ведении почтового ведомства, которое организовало пересылку почты на шампуньках (обывательских шлюпках) через залив Кяочао. Курьерами служили за высокую плату специально на вербованные китайцы. Выйдя за пределы военной зоны, они связывались с германскими резидентами. Хотя во время осады некоторые курьеры, рискуя жизнью, ухитрялись пронести донесения даже через японское расположение, этот вид связи считался ненадежным и применялся как подсобный, в неотвественных случаях.

Почтовые голуби успешно применялись для ближней связи, преимущественно односторонней (с границ концессии, мыса Жешке и из Кяочао — в сторону Циндао). Особенно помогли голуби в период ливней с 31 августа по 14 сентября, когда прерывалась телеграфная связь. Серьезный успех этого дела объясняется тем, что с весны 1914 г. командование Циндао поощряло частную голубиную связь и даже выдавало субсидии владельцам, которые были объединены в «отдел голубиной почты».

Для дальней связи пришлось искать другое решение.

При содействии военного атташе в Пекине удалось установить прямую радиосвязь с Циндао через китайскую правительственную станцию; однако она оказалась ненадежной как по техническим, так и по политическим причинам и была условно сохранена как резервная.

Вторую линию радиосвязи наладили через американского профессора Фуллера, который согласился слушать Циндао на приемной станции Тяньцзинского университета. Практически эта линия не была использована, так как в последний момент из Пекина была получена информация об ее ненадежности.

Третья линия радиосвязи была организована путем высылки из крепости трех малых переносных радиостанций. Предполагалось, что, скрытно размещенные в горах на соответствующем отдалении друг от друга, они смогут поддерживать двустороннюю связь осажденной крепости с китайским городом Ичжоу¹ на расстоянии в 230 км. В середине сентября была снаряжена и отправлена экспедиция с переносными радиостанциями. Для безопасности (от японцев) первую станцию установили в 80 км на юго-запад от крепости на границе военной зоны. Вследствие большого расстояния и очень гористой местности связь действовала только временами. Однако дело было доведено до конца, и линия организована по плану. Полностью использовать ее не удалось, так как в конце октября эти станции были сняты китайским правительством — очевидно, под японским давлением.

Наконец, четвертой линией радиосвязи, оказавшейся самой быстрой и самой надежной, бесперебойно работавшей до момента сдачи крепости, была линия Циндао — радиорубка парохода «Си-цзян», стоявшего в Шанхае. Эта линия была основной для получения депеш высшего командования и информации о ходе военных действий на европейском и других театрах войны.

Организация разведки и контрразведки

Общее руководство всей осведомительной службой было возложено на капитана 1-го ранга Фоллертуну, который застрял в Циндао во время командировки².

Китайской агентурой ведал шеф военной полиции. Недостатка в агентах не было, хуже обстояло дело с их квалификацией, почему точность и достоверность сведений всегда были под сомнением. Благодаря тому, что японцы привлекали для осадных работ туземное население, германскому руководству удавалось устраивать своих агентов на работу в инженерный и осадный парк противника.

Германское официальное описание дает высокую оценку работе разведбюро шефа полиции,

«которое отлично работало и снабжало управление ценными сведениями, хотя разведчикам и очень трудно было что-либо выяснить в японских позициях»³.

¹ Откуда через германскую резидентуру была связь по нейтральным проводам на Пекин и Шанхай.

² Он был начальником одного из отделений морского министерства в Берлине и прибыл в Киао-Чао в командировку незадолго до начала войны.

³ Германское описание, стр 44.

Это можно объяснить только тем, что благодаря большому количеству агентов представлялась возможность перекрестной проверки и пополнения их убыли.

Против проникновения китайской агентуры со стороны противника немцами применялись самые жесткие методы.

Прежде всего была сделана попытка стабилизировать китайское население в пределах крепости¹, для чего запретили китайцам выезд без специальных разрешений. Когда это не помогло, начали применять клеймение на груди и на руках.

«Против китайцев, которые пытались тайно уйти из города, применялось огнестрельное оружие»².

Практиковались внезапные телесные осмотры рабочих, с тем чтобы обнаружить японских агентов. Наконец, была объявлена награда в 100 долларов каждому, кто обнаружит японца на территории крепости и базы.

ПРИКРЫТИЕ РАЗВЕРТЫВАНИЯ

Помимо общих мер обеспечения мобилизации и развертывания³, командование Циндао своевременно предприняло специальные действия по прикрытию, так как оно опасалось внезапной атаки на крепость и базу.

На морском направлении корабельный дозор, установленный с 1 августа, несли крейсер «Кайзерин Элизабет», канонерская лодка «Ягуар» и миноносцы S-90 и «Таку»⁴. Дозор несли непрерывно в районе, отстоявшем от базы на расстоянии до 15 миль. 2 и 3 августа поперек входа в гавань установлено было боновое заграждение с разводной частью для пропуска своих кораблей.

6 августа «Лаутинг» выставил минные заграждения, перекрывавшие вход в бухту Кяочао и охраняемые огнем береговых батарей.

На фарватере, непосредственно у входа, дежурили малые посыльные суда.

10 августа на полуостров Хайси был перевезен офицерский патруль, размещенный в полицейском посту мыса Жешке.

На сухопутном направлении с середины августа, т. е. непосред-

¹ Это было необходимо также для обеспечения базы рабочими руками.

² Германское описание, стр. 45.

³ Опускаем мероприятия по усилению караульной и охранной службы, введении дежурных частей, приведение батарей в боевую готовность и т. д.

⁴ Позже «Таку» из-за течи в котлах и холодильниках был выведен из строя еще до первых столкновений с противником.

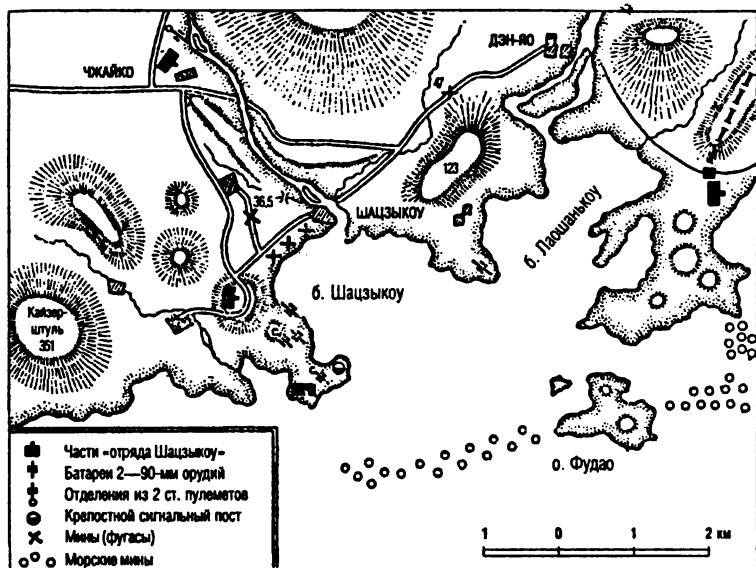

Схема 3. Противодесантная оборона бухты Шацзыкоу

редственно после получения японского ультиматума, было развернуто охранение и выведены части прикрытия.

Кавалерийские разъезды¹, команда самокатчиков и стрелковые взводы развернулись на границе концессии вдоль рубежа р. Пейша-Хэ и горных проходов через хребет Лаошань. Таким образом, под наблюдением были: подходы с севера, от Кяочао и Цзимо и со стороны залива Лаошань, в котором ожидалась высадка японского десанта.

Для поддержки охранения в район намеченной передовой позиции были выделены 3-я рота 3-го морского батальона, замененная во 2-м и 3-м пехотном укреплении 7-й ротой ландвера. В районе Цангкоу расположилась 2-я рота ОМД, в долине р. Литсун — 5-я рота и штаб ОМД. Передовым отрядом были приданы все подвижные и 5 стационарных двухорудийных батарей на временных основаниях.

Одновременно в узловые пункты китайской территории за пределами концессии, через которые можно было ожидать движения японских войск, были высланы европейские и китайские

¹ Ездящая морская пехота из состава 5-й роты морского батальона.

агенты. Те же подходы и морское направление периодически освещал германский самолет.

На побережье развернулся специальный отряд в бухте Шацзыкоу, с поддержкой в дер. Чжайко, из 3-й роты ОМД. Этот отряд имел, помимо пулеметов, еще четыре 90-мм пушки. Пляж бухты, который считался наиболее вероятным местом высадки десанта, был минирован. Морские подходы к бухте были минированы позже, накануне истечения срока японского ультиматума (см. схему 3).

Кроме того, 4-я рота 3-го морского батальона была выведена в деревне Шаньдунтоу — на побережье, в район горы Принца Генриха.

Таким образом, около $\frac{1}{3}$ гарнизона (приблизительно 1500 бойцов) было развернуто на впередилежащей местности и на всех угрожаемых направлениях с 1 по 15 сентября, в то время когда продолжались мобилизационные работы во всех областях подготовки крепости.

* * *

Мероприятия коменданта Циндао и его штаба по подготовке к обороне заслуживают большого внимания.

Особенно важно отметить, что ни одна отрасль подготовки не была забыта, использованы были все средства, независимо от их ведомственной принадлежности, и весь переход с мирного положения на военное был выполнен в относительно короткий срок. Несмотря на разноречивость сообщений пекинского и токийского посольств, недостаточность указаний из Берлина и сложность обстановки на месте, была проявлена последовательность и инициатива в решении самых ответственных вопросов в период завязки войны.

Не ожидая приказаний или окончательного выяснения обстановки, не зная, с каким противником придется иметь дело, Мейер-Вальдек сразу развернул мобилизацию всех сил и средств с полным напряжением, несмотря на то что окончательно обстановка определилась только две недели спустя.

Направление и последовательность мобилизационных работ и меры по их прикрытию также были выбраны правильно: сперва морское направление, затем приморский фланг крепости и после этого — сухопутное направление.

Размах оперативных мероприятий соответствовал реальным силам и средствам и отвечал главному решению — удержать Цин-

дао возможно дольше. Отсюда — отказ от сбрасывания десанта в море, отказ от боя вне главной оборонительной полосы крепости и т. д.

Необходимо отметить также целеустремленность всех мер и отсутствие рутины и штампа. Это выразилось в широком использовании нештатного вооружения и даже несовременного (трофейного), в отказе от типовых комплектов боезапаса, от стандартных проектов сооружений. Исключительная изобретательность была проявлена в деле изыскания вспомогательных средств борьбы.

Учитывая относительно небольшое число людей, имевшихся в распоряжении губернатора, и отмечая отсутствие путаницы и суеты, надо считать, что успех этой сложной и кропотливой работы, очевидно, заключался:

1) в ее плановой и тщательной до мелочей подготовке еще в мирное время;

2) в единстве руководства, так как все без исключения вопросы, связанные с обороной, были в ведении одного ведомства, одного штаба, одного коменданта;

3) в том, что благодаря сложившейся обстановке и своевременно принятым мерам противник был упрежден в развертывании (это дало возможность избежать помех или срыва), и, наконец,

4) в том, что материальная база развертывания была обеспечена очень полнокровно (провода, цемент, продовольствие, стрелковый боезапас, топливо и т. п.) — за исключением отдельных номенклатур.

МИННАЯ ОБОРОНА КРЕПОСТИ

Первые минные постановки под Циндао (схема 4) начались 6 августа, т. е. за 10 суток до предъявления ультиматума, когда еще не было никаких официальных признаков вступления Японии в войну.

Дислокация и состав англо-французских сил на театре, так же как и их возможности, были хорошо известны. С этой стороны нельзя было ожидать самостоятельной атаки. Поэтому ясно, что германское командование учло опыт русско-японской войны и независимо от хода дипломатической возни приняло меры для обеспечения Циндао от возможного внезапного нападения японского флота.

Поскольку в тот же период (с 18 по 20 августа) продолжалась мобилизация германских сил, надо считать, что первые минные постановки, помимо основного своего назначения, должны быть отнесены к оперативным действиям по прикрытию мобилизации.

Минный боезапас крепости в количестве около 300 мин начал приводиться в готовность с первых дней «подготовительных мероприятий».

6 августа под прикрытием ближнего морского дозора и береговых батарей с минного заградителя Лаутинг было выставлено заграждение (№ 8), перекрывающее вход в бухту Кяочао по линии мыс Хуйцянь — мыс Жешке. Для этой цели были использованы специальные мины типа «Кяочао».

7 августа тот же Лаутинг выставил внутреннюю линию входного заграждения (№ 9) по линии мыс Жешке — Тантао (батарея Юнью). При этом входной фарватер был оставлен под северным берегом, так как он лучше контролировался и защищался.

Корабли, идущие с моря, должны были выходить прямо на батарею Хуйцянь, а от нее ворочать на батарею Юнью. Позже были выставлены еще три заграждения (№ 10, 11 и 12), которые сузили входной фарватер и сделали его ломаным.

Интересно отметить, что никакой «минной» или «военной зоны» германское командование не объявляло. Очевидно, что к этому времени всякое коммерческое судоходство, кроме германского, уже прекратилось, и было нецелесообразно давать лишний козырь в руки японской дипломатии. Позже, с объявлением японцами блокады, практическая надобность германской декларации отпала.

Так как к этому времени дозорная служба кораблей была уже установлена, безопасность своих военных и коммерческих судов была обеспечена проводкой их через заграждения.

21 августа, т. е. за два дня до истечения срока ультиматума, комendant собрал совещание, на котором был выработан план минной обороны базы. На совещании участвовали: начштаба крепости, начальник минно-артиллерийского депо, флагманский минный специалист штаба и командир минного заградителя «Лаутинг».

Было решено выставить все мины, включая и те, которые числились за крейсерской эскадрой адмирала Шпее.

На следующий день (22 августа) в 5 часов утра миноносец S-90, находящийся в дозоре, получил по радио приказ прикрывать постановку мин. «Лаутинг» вышел, имея на борту 100 мин, и

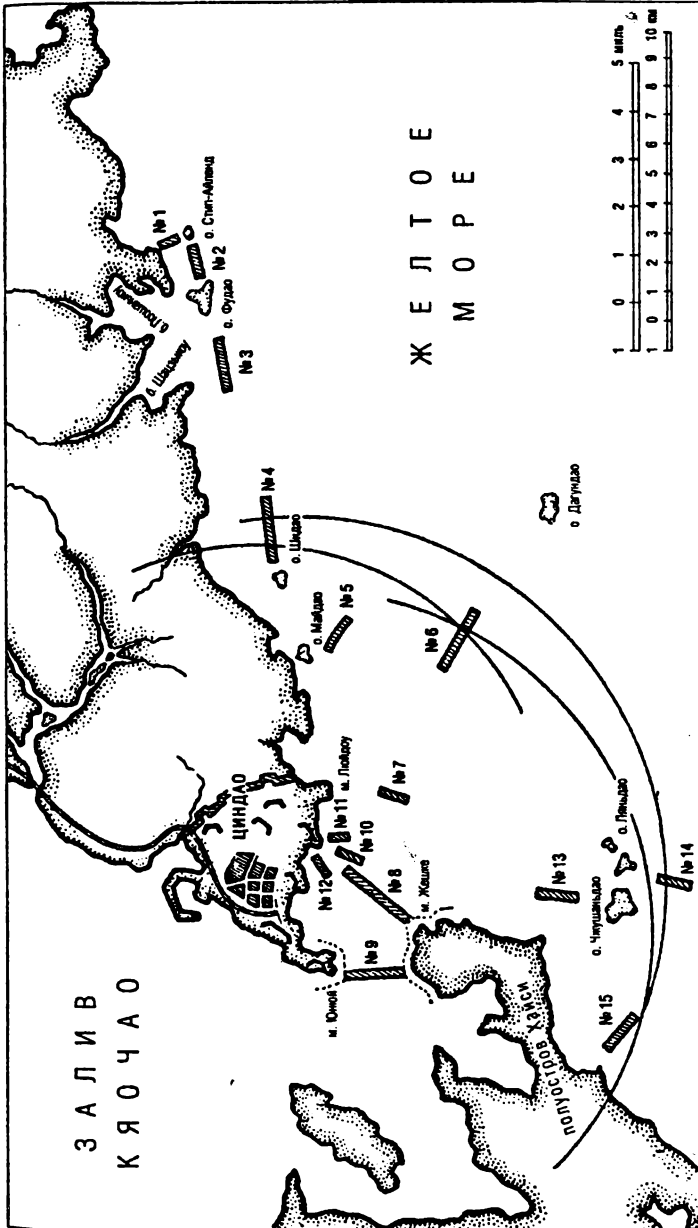

Схема 4. Германские минные заграждения

поставил две минные линии в море и несколько банок против угрожаемых (в отношении высадки десанта) участков побережья и бухт. Постановка была выполнена без происшествий или помех, и в 8 час. 30 мин. «Лаутинг» возвратился в малую гавань и встал под погрузку остальных мин.

В полдень того же дня командиру минного заградителя был вручен приказ выйти на повторную постановку, и Лаутинг вышел вторично, имея на борту 52 мины типа «С/77». После прохода меридиана батареи Хуйцянь, когда было закончено окончательное приготовление мин, в 18 час. 20 мин. послышались орудийные выстрелы со стороны о. Дагундао, и немного погодя показался S-90, идущий от SO самым полным ходом в столбах воды от падения снарядов стрелявшего по нему английского миноносца «Кеннет».

Постановку пришлось прервать на восьмой мине и отойти в базу. Кеннет был отогнан береговыми батареями¹.

Опасность срыва минных постановок противником и приближение срока истечения ультиматума заставили Мейер-Вальдека подумать о более надежном обеспечении. В ночь на 23 августа, в 2 час. 30 м., «Лаутинг» вышел с оставшимися минами, причем предварительно в море были развернуты — в южном направлении крейсер «Кайзерин Элизабет», на SO — канонерская лодка «Ягуар» и на O — S-90.

На этот раз противник не появлялся, но постановка мин была прервана следующим происшествием. Около 6 часов утра во время сбрасывания мин за кормой заградителя раздался взрыв, вслед за которым поднялся громадный столб воды. «Лаутинг» приподнялся кормой, а затем осел, машина остановилась, через люки котельного отделения пошел пар, людей разбросало взрывом по палубе. Однако после осмотра оказалось, что значительных повреждений нет (течь по некоторым швам и лопнули стекла водомерных колонок), и минный заградитель возвратился в базу под своей машиной.

Германские источники продолжают до 1935 г. повторять версию о том, что «Лаутинг» подорвался на английской мине. Однако это ничем не подтверждается, а описание взрыва и характер повреждений ясно говорят о том, что это был взрыв собственной мины в момент сбрасывания.

После занятия крепости Циндао, в ноябре 1914 г., в числе уцелевших документов, которые не успел уничтожить германский штаб,

¹ См. гл. VII, раздел «Первое столкновение на море».

была найдена карта с нанесенными на ней минными заграждениями. Достоверность этой карты подтвердилась японским тралением.

В соответствии с данными этой карты всего было выставлено 297 мин. Характеристика заграждений видна из нижеследующей таблицы.

Забегая вперед, надо сказать, что в результате такого использования мин германское командование добилось:

1) гибели трех больших тральщиков и одного номерного миноносца;

2) подрыва на минах и выхода из строя одного большого тральщика и одного авиатранспорта.

Кроме того, необходимо учитывать, что эти мины:

1) стеснили маневрирование кораблей, обстреливавших базу и крепость;

2) задержали примерно на двое суток высадку частей в намеченных пунктах и

3) заставили противника привлечь для противоминной борьбы 23 единицы тралящего каравана и создать соответствующую организацию, напряженно работавшую в течение всей операции и еще 2 месяца после нее для очистки водного района от мин.

Характеристика германских минных заграждений

№	Район постановки	Назначение	Тип	Число мин	Углубление	Интервал (в метрах)	Протяжение (в милях)	Направление
1	Между о. Стип и берегом	Противодесантное. Затруднить проход в бухту Лаошанью (рядом с б. Шацьюкоу) с О	Банка	9	Данных нет	Произвольный	0,6	SO
2	Между тем же островом и о. Фудао	То же с SO	То же	11		То же	1,1	WSW
3	Между о. Фудао и мысом	То же с S	То же	16		То же	1,3	WSW
4	Между о. Шидо и мин. Шейлауан	Противодесантное. Затруднить подход к пляжу	То же	13		То же	1,6	WSW
5	В 0,5 мили к S от о. Майдао	Против артиллерийских кораблей. Нанести потери противнику, маневрирующему при обстреле крепости	То же	6		То же	0,7	W
6	В 35 каб. на S от о. Майдао	То же	Заграждение в 1 линию	45		60	1,5	NW

7	В 15 каб. на S от мин. Льюдоу	Затруднить маневрирование при подходе к базе или при преследовании германских миноносцев	То же	8	Данных нет	60	0,3	NNO
8	Между мин. Жешке и мин. Хуйцзянь	Служить первой линией заграждения входа в бухту Кяочао, одновременно заграждающей внешний рейд	То же	70		45	1,7	NO
9	Между мин. Жешке и о. Тангао (Юной)	Служить второй линией, заграждающей вход в бухту	То же	52		45	1,2	NNW
10	Между северным концом заграждения № 8 и мин. Хуйцзянь	Создать зигзаг на выходном фарватере для затруднения его использования противником	То же	4		45	0,4	NO
11			То же	5				
12			То же	13				
13	В милю к N от о. Чжушаньдао	Препятствовать маневрированию блокадных кораблей при обстреле крепости с S	То же	25		60	0,3	N
14	В 0,5 мили к S от того же острова	То же	То же	10		60	0,3	N
15	Между этим островом и материком	То же и заградить проход к Циндао с S вдоль берега	Банка	10		Произвольный	0,7	O
				Всего		297		

Поэтому тактическая оценка заграждениям должна быть дана довольно высокая.

Интересно отметить направление заграждений № 5, 6, 13 и 14, которые были вытянуты не поперек вероятных курсов подхода к бухте, а нормально к вероятным курсам кораблей, маневрирующих для обстрела крепости. При ограниченном количестве мин такое решение бесспорно должно быть признано смелым. Заслуживает также внимания то обстоятельство, что два входных заграждения — № 8 и 9 — поставлены не в виде двойной линии, а между ними сделан разнос на 5—15 каб., что создает значительную глубину заграждения.

С оперативной точки зрения план минных постановок страдает значительными дефектами.

144 мины, т. е. половина всех выставленных мин, или 48,7 %, израсходована на заграждение входа в бухту Кяочао. Это — принципиальная ошибка, грубость которой была бы смягчена только в случае неограниченного избытка мин в базе, но этого-то как раз и не было.

Плотность закупорки входа в бухту, то есть и в гавань, долж-

на была соответствовать вероятности прорыва в эту гавань, а между тем не было самого главного — цели для прорыва японских кораблей.

Генеральная атака крепости с моря, в случае если бы такое направление было выбрано японским командованием, не требовала безусловного прорыва внутрь, а могла быть выполнена через внешний рейд и циндаоскую бухту. Прорыв миноносцев для атаки германских кораблей, стоявших в гавани, был явно нецелесообразен, так как в Циндао не было таких кораблей, ради которых стоило бы рисковать потерей двух-трех миноносцев. И действительно, японцы ни разу не делали такой попытки, и вполне естественно, что ни в каких планах или материалах нет указаний на то, что такая операция предполагалась.

Трудно предположить, что такое использование мин было намечено в то время, когда «Шарнхорст» и «Гнейзенау» базировались на Циндао, и что с уходом их немцы не сумели видоизменить плана. Вероятнее всего, в этом решении сказалось предвзятое мнение о неизбежности японской внезапной атаки на гавань, как результат не критического изучения истории первых дней осады Порт-Артура.

В данной обстановке достаточно было, поставив менее плотное заграждение у входа и тем самым обозначив минную угрозу для всякой попытки форсировать пролив в бухту Кяо-Чао, освободить часть мин для усиления активных заграждений.

Другим слабым местом минного плана, вытекающим из первой ошибки, является недостаточность заграждений, стоявших в сфере действия береговой артиллерии и предназначенных для противодействия обстрелу крепости, особенно на стыке ее морского и сухопутного фронтов¹.

Обстрелы крепости с моря можно было и нужно было предвидеть, и это было сделано германским командованием, причем тактически вполне целесообразно, но в совершенно недостаточной степени.

Только заграждения № 5, 6, 13 и 14 и отчасти 15 имели назначение, взаимодействуя с береговой артиллерией, нанести потери бомбардирующим кораблям. Но это составляет всего только 96 мин, или 32,4 % поставленного запаса.

Остальной запас (56 мин) был выставлен банками на подходах к угрожаемому (в отношении десанта) участкам и в местах ве-

¹ Район бухты Фушань.

роятного маневрирования транспортов; но эти заграждения были уже неконтролируемые, т. е. находящиеся за пределами эффективного наблюдения и возможности взаимодействия с другими боевыми средствами.

Оценка вероятных пунктов высадки противника и использования бухт для базирования была сделана германскими операторами хорошо, и эти заграждения нанесли наибольшие потери японцам.

Если принять, что в крепости всего имелось 340 мин (что, однако, не подтверждается официальной германской версией), то относительно использования остальных 43 мин достоверных сведений нет. В частности, нет данных о заграждении восточной бухты Лаошань.

Многие авторы, смешивая наименование Лаошань с Лаошанькоу, утверждают, что подходы к месту высадки 2-го и 3-го эшелонов были минированы. Однако германская официальная версия об этом умалчивает, и в других материалах¹ нет подтверждения о наличии таких заграждений.

Вероятнее всего, что остальные 30—40 мин были теми самыми, которые показаны на всех картах крепости на флангах ее оборонительной линии. Это были придонные минные банки в устье р. Хайпо и бухте Фушань из инженерных («обсервационных») мин; они имели назначение продолжить линию заграждения, идущую через весь полуостров, и совместно с подводными проволочными заграждениями обеспечить фланги от шлюпочного десанта или обхода вброд во время отливов.

Американские источники единодушно полагают, что оставшиеся мины периодически ставились малыми банками в районах, где наблюдение обнаруживало маневрирование кораблей, обстреливавших крепость. Однако германская версия утверждает, что в крепости оставалось всего 6 мин, которые только предполагалось использовать для этой цели.

Таким образом, оперативное решение по плану минной обороны можно представить следующей таблицей.

Характерной особенностью плана минной обороны является то, что фактически 98 % всего минного запаса было выставлено заранее, т. е. во время первых постановок.

Минный фарватер, оставленный для выхода из бухты Кяочао, был очень узок и труднодоступен. Характер фарватера позволяет

¹ Возможно, это объясняется тем, что в бухте Лаошань немцы не имели права ставить мины, так как это было вне границ концессионных вод.

сделать вывод, что уже по основному плану обороны никаких выходов больших кораблей из бухты не предполагалось. Практически после постановки всех мин фарватером пользовался только миноносец S-90.

Совершенно очевидно, что для крейсеров адмирала Шпее этот фарватер также не годился и что обратный их прорыв в Циндао не предполагался.

Распределение минного запаса по задачам (исходя из запаса в 340 мин)¹.

№	Задача	Число мин.	Процент от общего числа	Примечания
1	Закупорка входа в бухту Кяочао	144	42,3	Во взаимодействии с береговой обороной
2	Противодействие обстрелу крепости	70	20,6	То же
3	Противодесантные заграждения	83	24,4	Вне огня береговой обороны
4	Противодействие обходу флангов оборонительной полосы (шлюпочный десант)	37	10,9	Во взаимодействии с береговой обороной
5	Оперативный запас	6	1,8	
Итого		340	100,0	

ГЛАВА V

ПЛАН ЯПОНСКОГО КОМАНДОВАНИЯ

План операции японского командования, насколько его можно вскрыть по имеющимся материалам и фактическому ходу событий, заключался в том, чтобы:

- 1) как можно раньше осуществить блокаду Циндао с моря;
- 2) под ее обеспечением перебросить большие экспедиционные

¹ По данным русского морского атташе, всего было поставлено 336 мин.

силы на материк, чтобы отрезать крепость с суши и тем самым замкнуть кольцо блокады;

3) после ускоренной, но планомерной подготовки и ослабления оборонительной системы противника взять Циндао атакой с суши, используя подавляющее превосходство своих сил;

4) попутно с выполнением операции на суше захватить возможно больше китайской территории Шаньдуна.

Таким образом, главным являлось сухопутное направление, а морское было обеспечивающим (охрана базы высадки в бухте Лаошань, блокада Циндао и поддержание своих коммуникаций, артиллерийская поддержка морского фланга осадного корпуса).

Для английского командования особенно важным в этом плане было поддержание блокады Циндао, так как она одновременно решала задачу наблюдения за предполагаемой базой крейсеров адмирала Шпее и нарушала их коммуникацию. Следовательно, эта блокада отвечала системе мероприятий английского Адмиралтейства по обеспечению морских путей на всем Дальнем Востоке.

Необходимо дать оценку плана японского командования и, в частности, выбора главного операционного направления.

Укрепления морского фронта Циндао были относительно слабыми, и, несмотря на общеизвестные трудности преодоления береговых батарей средствами флота, эти немногие оборонительные сооружения, наряду с двумя-тремя устаревшими миноносцами и канонерскими лодками представлявшие основу морской обороны базы, были вполне преодолимы для могущественного японского флота.

Можно утверждать, что для успешной морской атаки Циндао не понадобилось бы больше 1–1,5 месяцев в случае выделения соответствующих морских сил. Интересно отметить также, что германское командование принимало предупредительные меры против атаки с моря и высадки десанта непосредственно в город, считая такой вариант вполне возможным.

Успех операции японцев был предreshен колоссальным превосходством японских сил и средств, причем этот успех был обеспечен в обоих случаях: если бы главную задачу решал флот, а армия его обеспечивала, или наоборот.

План, избранный японцами, совершенно ясен с момента его зарождения и четко выполнялся ими до конца. Выбор главного операционного направления ни разу не пересматривался.

Несмотря на значительные морские силы, привлеченные к операции, флот выполнял только обеспечивающие, второстепенные задачи, причем большими кораблями совершенно не рисковали¹, хотя главные силы осаждающего флота и состояли из устаревших трофейных кораблей.

Дело в том, что успешная атака с моря хотя и была вполне реальная, но потребовала бы более современного состава больших кораблей, причем без риска повреждений или даже частичных потерь быстрая победа была бы невозможна.

Помимо трудностей артиллерийского состязания флота с береговыми батареями, линкорам угрожали атаки миноносцев и опасность от мин заграждения, с которыми японцы очень считались после памятной им гибели броненосцев «Хацусе» и «Ясима» под Порт-Артуром¹.

В этом основная причина твердого выбора операционного направления.

При атаке с суши потеря лишней тысячи бойцов не могла отразиться на престиже «великой восточной морской державы», в то время как потеря каждого современного линкора имела бы значительно более серьезные последствия в предвидении вероятных столкновений с такими противниками, как США или Англия.

Это решение японского командования еще раз иллюстрирует значение больших кораблей для островного государства, вступившего на путь империалистической агрессии, — значение, которое война 1914—1918 гг. отчетливо продемонстрировала прежде всего на примере Великобритании.

Повторился тот характерный для военного искусства эпохи империализма исторический парадокс, когда наиболее сильные морские державы начинают наиболее бережно охранять свои большие корабли от угрозы столкновения хотя бы и со слабейшим противником, предпочитая только «демонстрировать» ими или «оказывать давление», избегая сражений в открытом море и расплачиваясь за это на сухопутных фронтах десятками тысяч бойцов. Руководство морскими силами стремится уберечь свои крупные корабли от большого риска, с тем чтобы сохранить их для генерального столкновения с главным противником — хотя бы этот последний в данный момент был временным союзником. Соревнование в вооружениях приводит морские державы к тому, что

¹ См. главу VIII.

² 2 мая 1904 г. на минах, поставленных минным заградителем «Амур».

каждый новый линкор перерастает свою непосредственную ценность боевой единицы соответствующего класса и начинает котироваться на мировой политической бирже как средство политического давления для «разрешения проблемы», «поддержания равновесия», «обеспечения мира» и т. п. и как величина, потеря которой стоит колоссальных затрат и воспроизводится труднее, чем формирование сухопутных стрелковых соединений.

В данном случае для Японии после Циндао в перспективе оставались: борьба за весь китайский рынок, «тихоокеанская проблема» в целом и Соединенные Штаты Америки, не подававшие еще признаков вступления в коалицию противников Германии и, следовательно, имевшие большие шансы сохранить свой флот в неприкосновенности к концу этой войны. Вот почему рисковать хотя бы одним большим кораблем японское командование считало невозможным.

Второй причиной выбора сухопутного направления в качестве главного надо считать тот факт, что морская атака против Циндао была бы чисто местной, локализующей военные действия на более ограниченной территории. Это противоречило второй задаче операции — осуществить одновременно с оккупацией Кяочао интервенцию в Шаньдун, так как для вспомогательной армии, блокирующей пятитысячный гарнизон с суши, не понадобилось бы такой грандиозной базы и плацдарма развертывания, как это было в данном случае.

Наконец, третья причина, очевидно, воздействовавшая на принятие окончательного решения японским командованием, коренилась в исторической и стратегической традиции. Трудно допустить, чтобы успешный захват Порт-Артура и Вэй-хай-вэя у китайцев в 1895 г. и того же Порт-Артура у русских в 1905 г. не давил на психику японского руководства как испытанный рецепт, как способ, проверенный победоносной практикой, тем более что носители этой традиции все были живы¹.

Кроме того, хотя к этому времени еще не было опыта Дарданелл², общепризнанные учебники, по которым японцы обучались классической стратегии, также предпочитали «одну пушку на берегу — десяти на корабле», по образному выражению Наполеона.

¹ Генерал Камио и почти весь высший командный состав экспедиционных сил были участниками русско-японской войны.

² Имеется ввиду Галлиполийская десантная операция Антанты в 1915 г. (Прим. ред.)

ДАННЫЕ ЯПОНСКОЙ РАЗВЕДКИ О КРЕПОСТИ

Во всех проявлениях деятельности японского командования при подготовке и проведении борьбы за Кяочао чувствуется большая осторожность и преувеличенная оценка германских вооруженных сил. Это было почтение учеников к учителю; реакция армии, привыкшей иметь противниками туземцев Формозы, Кореи и Китая; дань уважения к европейской культуре, несмотря на плохие образцы, которые продемонстрировала русская армия в 1904—1905 гг.

Невзирая на исключительно благоприятные условия для японской стратегической разведки мирного времени, опыт Циндао решительно развенчивает популярную версию о блестящей организации всепроницающей и всевидящей японской разведки.

В самом деле, крепость строилась несколько лет, и все сооружения возводились исключительно китайской рабочей силой.

Для полуголодного китайца представители и германской и японской военщины в равной мере были захватчиками. Благами германской культуры пользовались те немногие из туземной буржуазии, которым не приходилось искать работы на строительстве крепости. Передавая германские секреты, китаец не предавал никаких национальных интересов своей родины.

В условиях гарнизона, где на 4000 европейцев приходилось 1000 японцев и до 40 000 китайцев, японская резидентура могла работать, как нигде.

Между тем в официальном донесении помощника русского морского атташе, присланном в рапорте начальнику Морского генерального штаба сейчас же после падения крепости, приводятся крайне интересные сведения.

В специальном абзаце он доносит о том, насколько «сведения предварительной японской разведки не совпадали с действительностью». На полутора страницах и в специальной выкопировке с японской карты он приводит перечень, иллюстрирующий эти «несовпадения».

При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти «несовпадения» квалифицированы им очень осторожно — не так, как они этого заслуживают. Вот несколько примеров¹:

1. Батарея на Западном Ильтисе оказалась нанесенной на япон-

¹ Ленинградское отделение Центрального исторического архива (ЛОЦИА), дело № 4306, стр. 15а.

ской карте на 600 м на северо-запад от ее истинного места. Число орудий показано на два больше, калибр грубо оценен как «средний».

На Восточном Ильтисе вместо двух 105-мм орудий указано два 210-мм. На Северном Ильтисе вместо шести 120-мм — шесть 150-мм.

2. На Северном Бисмарке вместо четырех 280-мм орудий указано два 150-мм.

3. На горе Молътке показана только одна батарея вместо двух, причем эта батарея отнесена значительно к югу от ее истинного местоположения.

4. На Тантао (Юнью) не показана вовсе противоминная батарея из четырех 88-мм орудий, так же как и противодесантная батарея на мин. Люйдоу (два 88-мм орудия).

Так обстоит дело с основными стационарными батареями, т. е. с главными артиллерийскими объектами крепости.

Что касается батарей на временных основаниях, возведенных после начала конфликта, то здесь, вполне естественно, осведомленность японцев была еще менее точной, о чем упоминают также и американские материалы:

1. Пропущено вовсе несколько батарей (четыре 47-мм, две 88-мм, четыре 37-мм и др.).

2. Ошибки в местоположении позиций батарей достигают 400 мин.

3. Наибольшее число ошибок падает на определение числа орудий на батареях, их калибра и директрисы стрельбы¹.

Характерным общим признаком для всех искажений является преувеличение средств обороны (числа пушек, калибра) и поразительная грубость ошибок, т. е. величины искажений как в смысле ориентировки объектов на местности, так и в числе и типе установок.

Из приведенного выше можно сделать заключение, что хотя «всепроницаемость» японской разведки и была налицо, однако качество этой разведки было явно неудовлетворительным.

Анализ ошибок показывает следующее:

1. Основным кадром осведомителей были преимущественно неквалифицированные, не разбирающиеся в военном деле лица из гражданского населения (отсюда их склонность к преувеличениям, неумение ориентировать позиции на местности, изобилующей ориентирами; калибр в 37 мм определяется ими как «средний» и т. п.).

¹ Например, на Западном Дайтосине вместо двух 47-мм пушек показано шесть 70-мм.

2. Данные осведомителей недостаточно проверялись квалифицированными агентами (офицерами). Отнесение батареи Западный Ильтис на 600 м в сторону могло быть обнаружено подготовленным человеком прямо на глаз, ибо город и крепость Циндао имели хороший просмотр и многочисленные ориентиры.

3. Аналитическая обработка разведывательных материалов была поставлена неудовлетворительно, без сопоставления всех данных о возможностях германского командования, о сроках, темпах и оперативной целесообразности возведения тех или иных сооружений.

Сейчас трудно установить, в какой мере к этому делу приложили руку сами германцы путем организованной и продуманной дезинформации, хотя такая возможность совершенно не исключается, особенно если вспомнить широко применявшееся ими сооружение ложных батарей, в частности на горе Ильтис в пункте, где по японским данным была действующая батарея¹. Но и эта версия не делает, конечно, чести японской разведке и деятельности их штабов, так как все прочие условия для работы против Циндао были очень благоприятны.

Какие возможности для разведки имели японцы, показывает тот факт, что непосредственно перед самой войной Кяочао и Циндао посетил квантунский генерал-губернатор барон Фукусима, которого сопровождал большой штаб. Официальным предлогом визита было «изучение методов гражданского управления в германских колониях». Гости пробыли в Циндао несколько недель и отбыли в Мукден только 2 августа.

Экспедиционная армия имела много данных о противнике, но сильно искаженных. Непонятна роль Генерального штаба, снабдившего ее такими данными и картами. Совершенно очевидно, что в первый период обложения крепости такая карта создавала много затруднений для войск, пока они сами не разведали оборонительную систему противника.

Мало вероятны небрежность, халатность или скороспелость разведки в сторону Циндао, интерес к которому не ослабевал с момента занятия его германцами. Остается предположить, что здесь мы имеем дело с недостаточным уровнем штабной культуры.

Японский генеральный штаб 1914 г. сумел проникнуть своими щупальцами в боевой организм германского форпоста на Дальнем Востоке, но не сумел правильно организовать разведку и глубоко проанализировать добываемые материалы.

¹ См. рис. 15 на вклейке. (Прим. ред.)

ГЛАВА VI

ПОДГОТОВКА И РАЗВЕРТЫВАНИЕ ЯПОНСКИХ СИЛ

СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА

16 августа, т. е. почти одновременно с предъявлением ультиматума Германии, японским командованием был отдан приказ о мобилизации 18-й пехотной дивизии и приступлено к фрахтовке пароходов для морских перевозок. В то же время соответствующими управлениями было начато формирование специальных частей (артиллерийского и инженерного парков, лазаретов и т. д.).

Основным ядром для экспедиционного корпуса¹ послужила 18-я пехотная дивизия, штаб-квартира которой и основные части были расквартированы в г. Куруме. Командующим экспедиционным корпусом (вернее, всеми экспедиционными японо-английскими силами) был назначен командир 18-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Митсуоми Камио, а начальником штаба и начальником инженеров — генерал-майор инженерной службы Хензо-Яманаси². Это назначение в осадную армию инженера в качестве начальника штаба не было случайным: руководящие японские круги приняли это своеобразное решение, исходя из специфического характера намеченной операции.

18-я дивизия была отобилизована следующим порядком: входящий в ее состав 22-й кавалерийский полк пошел под Циндао неотобилизованным, а 23-я и 24-я пехотные бригады были пополнены резервистами до состава военного времени, однако без формирования запасных частей дивизии.

Весь экспедиционный корпус по периодам формирования, переброски на континент и сосредоточения к Циндао может быть разделен на 4 оперативных эшелона.

1-й эшелон

Начальник эшелона — начальник 23-й бригады генерал-майор Ямада.

¹ В различных документах японские части, перебросенные к Циндао, называются различно — «экспедиционные силы», «армия» или «экспедиционный корпус».

² До назначения состоял много лет начальником одного из отделений Генерального штаба.

Наименование частей	Состав	Дислокация	Число бойцов	Артиллерия
23-я пехбригада	46-й пехотный полк	Омура	6417	—
	55-й пехотный полк	Сага		—
	22-й кавполк	Куруме	507	—
24-й артполк	Три полковых батарей	— „ —	558	18 — 75-мм
3-й тяжелый артполк	Три тяжелых батарей	Мияма и Юра	396	12 — 105-мм
Всего около			7900	30 орудий

Посадка производилась в Нагасаки и Модзи. Время посадки — последние числа августа. Выход из Нагасаки — 28.8.14.

Район высадки — бухта Лункоу в Чжилийском заливе. Время высадки — со 2 по 5 сентября. Начало движения к Циндао — 6 сентября.

2-й эшелон

Наименование частей	Состав	Дислокация	Число бойцов	Артиллерия
29-я пехбригада	48-й пехотный полк	Куруме	6500	—
	56-й пехотный полк	Куруме		—

Начальник эшелона — командир 24-й бригады генерал-майор Б. Хориуци.

Посадка производилась в Нагасаки. Время посадки — последние дни августа. Выход из Нагасаки — 1 сентября.

Прибытие в Лункоу — только 7 сентября ввиду очень свежей погоды. По этой же причине части 2-го эшелона не могли быть сразу высажены на берег и оставались на транспортах до 10 сентября.

В связи с непредвиденной задержкой генеральный штаб, по ходатайству командующего экспедиционным корпусом генерал-лейтенанта Камио, разрешил изменить утвержденный вариант сосредоточения и направить 2-й эшелон для высадки в бухту Лаошань (Родзан), находившуюся в 40 км к северо-востоку от Циндао, на побережье Желтого моря.

20 сентября 2-й эшелон вышел из бухты Лункоу и, обогнув полуостров Шаньдун, 24 сентября высадился в бухте Лаошань¹.

Уже 25 сентября части 2-го эшелона вступили в соприкосновение с противником у Люциня и совместно с частями 1-го эше-

¹ Интересно отметить, что части 2-го эшелона пробыли на транспортах с 1 по 24.9.14, т. е. около 25 суток.

лона, подошедшими с севера, дрались с германским передовым охранением, выдвинутым из крепости.

3-й эшелон

Наименование частей	Состав	Дислокация	Число бойцов	Артиллерия
29-я пехбригада	34-й пехотный полк	Сидзуока	6417	—
	67-й пехотный полк	Куруме		
24-й артполк	Три полевых батареи	Куруме	558	18—75-мм
	18-й саперный батальон	Куруме	784	—

29-я пехбригада была придана из состава 15-й дивизии.

Начальник эшелона — командир 29-й бригады генерал-майор Дзиходзи.

Посадка производилась в начале сентября в Модзи, Сидзуока и Удзина. Эшелон был направлен прямо в бухту Лаошань, где с 19 сентября начал высадку, придя туда раньше 2-го эшелона на 5 суток. 25 сентября 3-й эшелон уже развернулся, и отдельные его подразделения принимали участие в боях у Люциня.

4-й эшелон

Все последующие отправки частей из метрополии производились маленькими частями из разных мест и могут быть условно названы 4-м эшелоном.

Наименование частей	Состав	Дислокация	Число бойцов	Артиллерия
Осадный артпарк	2-й тжж. артполк	Иокосука	2700	84 тжж. орудия и 4—75-мм ЗА
	3-й тжж. артполк	Мияма		
Тяжел. креп. артиллерия	4-й батальон. Крепостной артилл.	Магануме		
Тяжел. морская артиллерия	?	Симоносеки	383	8 мор. тжж. орудий
Саперы	Сборн. батальон	Из 6-й и 12-й дивизий	784	Декавилка, проволока, фугасы, инструмент, радиостанция
Инжен. парк	Две ж.-д. роты Одна телегр. рота		700	
Авиация	Авиатряд	—	75	4 самолета
Обозы	18-й обозный батальон	—	263	
Лизареты, обозы, „юсоцу“ (военные рабочие)	—	—	2900	

Всего около 7800 96 орудий

Начальник осадного артпарка — генерал-майор И. Ватанабе.

Начальник морской тяжелой артиллерии — капитан 2-го ранга Масаки.

Все эти части и их грузы были высажены и выгружены в бухте Лаошань и частично в бухте Шацзыкоу. Перевозка и высадка совершена в период с 20.9.14 по 5.10.14.

Английский эшелон

Из какой части	Состав	Дислокация	Численность
Scouth Wales Borderers	2-й батальон (англичане)	Тяньцзинь	910
36-й полк сикхов	Полубатальон (индусы)	Тяньцзинь	450

Всего с прикомандированными около 1500 человек

Обоз 259 мулов

Начальник эшелона — командующий английским отрядом — генерал-майор Бернардистон, бывший до этого командующим британскими силами в Северном Китае и Вэйхайвэе. При английском командующем — штаб в составе 9 офицеров.

Посадка произведена в Тяньцзине 10 сентября.

С 11 по 21 сентября эшелон простоял в Вэй-хай-вэе, после чего, следуя за 2-м японским эшеленом, перешел морем до бухты Лаошань, где и высадился 23 и 24 сентября.

К 27 сентября англичане подошли к реке Пейша-Хэ в районе Люциня, следуя на один переход позади японских частей.

Состав английского отряда, не имевшего ни пулеметов, ни артиллерии и не претерпевшего никаких трансформаций по мобилизации, показал его полную неподготовленность к современной войне. Это были типичные колониальные части для несения полицейской службы, значительно уступавшие в выучке и оснащении японским частям, что и подтвердилось в течение операции.

Французский автор Монкондюэ оценивает общую численность английских войск под Циндао в 1800 человек.

Пулеметами экспедиционный корпус был оснащен крайне слабо, так как на 32 000 бойцов было всего 40 пулеметов. Англичане, как указано выше, не имели пулеметов вовсе.

Артиллерийские средства осадной армии могут быть представлены следующей таблицей:

Число орудий	Калибр	Тип	Примечание
6	280-мм	Гаубицы	
4	240-мм	Гаубицы	
4	200-мм	Гаубицы	
40	150-мм	Гаубицы	
2	150-мм	Пушки	Крепостные установки на тумбах
28	120-мм	Гаубицы	Старой конструкции без компрессоров и накатников
12	105-мм	Пушки	
4	75-мм	Пушки	Зенитные на колесном лафете
36	75-мм	Пушки	Полевые
4	150-мм	Пушки	Морские установки
4	120-мм	Пушки	Морские установки

Всего 144 орудия

Обращают внимание большая разношерстность калибров (11 калибров на 144 орудия¹) и значительный перевес гаубичной артиллерии.

Кроме того, при рассмотрении соотношения артиллерийских средств сторон должна учитываться корабельная артиллерия блокадного флота, которая приняла значительное участие в атаках на Циндао со стороны морского флота².

Воздушные силы экспедиционного корпуса состояли из 4 самолетов и 75 человек обслуживающего персонала.

Кол-во	Тип	Шасси	Фирма	Производство
1	Моноплан	Колесное	«Румплер»	Германия
3	Биплан	Колесное	«Фарман»	Франция

Кроме того, японский флот, участвовавший в блокаде Циндао, имел в своем распоряжении и базировал на авиатранспорт, а позже на бухту Шацзыкоу 3 самолета:

Кол-во	Тип	Шасси	Фирма	Производство
2	Биплан	Поплавок.	«Фарман»	Франция
1	Биплан	Колесный	«Фарман»	Франция

Таким образом, в действиях японцев при осаде Циндао участвовало 7 самолетов.

Общая численность экспедиционного корпуса, по приведенным данным, включая прислугу парков и рабочие команды «юсо-

¹ В выборе артсредств сыграли значительную роль соображения своеобразной экономики. Для сохранения современной материальной части частично были использованы трофейные системы и боезапас не только русско-японской, но даже и японо-китайской войны.

² См. приложение II и главу VIII.

цу», — около 30 000 человек. Совместно с английскими частями (1500—1800 человек) эта цифра возрастает до 31 500—31 800 человек.

Таким образом, к началу октября 1914 г., когда закончилось сосредоточение экспедиционного корпуса под Циндао, в осадной армии было около 32 000 человек. Однако эта цифра, приведенная на основании материалов русского морского атташе и являвшаяся официальной японской версией того времени, резко расходится с германскими данными, опубликованными в 1935 г.

Авторы германской работы подробно перечисляют все подразделения, входившие в экспедиционные японо-английские силы, и общую их численность определяют в 53 380 чел., т. е. на 21 000 человек больше¹.

Несмотря на то что некоторые авторы приводят еще большие цифры (Вильсон — 63 000; независимо от него Пирри — тоже 63 000), имеющиеся материалы с достаточной достоверностью показывают, что истинная численность собственно экспедиционного корпуса лежит где-то недалеко от 32 000—33 000 человек.

В этом отношении, помимо прочих данных, характерно близкое совпадение цифр в докладе русского помощника морского атташе и у Монкондюи (30 000 человек). Монкондюи, очевидно, пользовался материалами французского атташе Мореля, который, как и русский представитель, был допущен на правах союзника к наблюдению за ходом операции.

Во всяком случае мы предпочитаем оперировать этой цифрой (32 000 чел.). Если позже будет доказано, что силы, привлеченные непосредственно к осаде Циндао, фактически были большей численности (т. е. ближе к германской версии), то это не только не изменит наших выводов, но еще больше их заострит.

Общая численность сил, участвовавших в операции против Циндао, т. е. экспедиционного корпуса и блокадного флота, может быть принята следующая:

Экспедиц. корпус	32 000 человек
Экипажи блокадн. флота	25 300 — „ —
<hr/>	<hr/>
Всего	57 300 человек ²

¹ Официально эти цифры обосновываются наградными списками, помещенными в японских газетах, и справочником о японской армии 1911 г.

² По германской версии — 78 656 чел.

Таким образом, на каждого германского бойца в Циндао приходилось:

в осадной армии	6,5 бойцов
всего с флотом	11,3 бойцов ¹

Политическая и моральная устойчивость личного состава экспедиционных сил в сложившейся обстановке не внушала сомнений руководящим японским кругам, так как, помимо того, что война начиналась в период значительного экономического подъема капиталистической Японии, отношение к этой войне широких масс и настроения в армии и флоте определялись следующими факторами.

1. Война, вернее тяготы войны, не затрагивала всей страны. Непосредственно для ведения борьбы на Дальнем Востоке требовалось очень ограниченное напряжение. В то же время определялась перспектива значительного «оживления» экономики Японии, выполнявшей немалую роль в питании войны. Для той позиции, которую заняла Япония, это конкретно означало: получение заказов, расширение промышленной и торговой базы и проникновение на новые рынки.

2. Неполная мобилизация коснулась только одной пехотной дивизии. Специальные части были надерганы малыми долями из состава различных гарнизонов или морских баз.

3. В составе экспедиционных сил было более 80 % кадровых войск и только около 20 % призывников первой очереди. Ни одна экспедиционная армия (Порт-Артур, Дарданеллы и др.) не имела такого соотношения.

Если же учитывать численность всех сил, действовавших против Циндао, т. е. включая 25 000 человек из экипажей блокадного флота, состоявших исключительно из кадров мирного времени, то общий процент пополнения запасными будет не выше 11–12.

4. Война велась на чужой территории, причем очевидность относительно скорого и победоносного окончания ее была понятна любому рядовому бойцу. С другой стороны, «закономерность» экспедиций на континент была той исторической традицией, на которой воспитывался народ с момента вступления Японии на путь капиталистического развития.

5. Националистическая пропаганда, и до этого стоявшая на

¹ По германской версии соответственно будет 10,3 и 16,0.

высоком техническом и организационном уровне, была значительно усилена в соответствии с обстановкой, причем основным тезисом для патриотического воспитания армии продолжал оставаться лозунг о непобедимости японской армии и о необходимости новых побед японского оружия для увеличения мощи и славы государства Восходящего Солнца.

6. Пролетарское движение в Японии в этот период было еще на низком уровне и не могло оказать противодействия подготовке к войне в условиях шовинистического подъема, который вследствие предательства международной социал-демократии оказался непреодолимым даже для более подготовленного пролетариата Европы.

Всем этим объясняется тот факт, что в многочисленных материалах даже противной стороны нет никаких следов, которые могли бы указывать на прорывы в дисциплине (неповиновение, дезертирство, перебежки)¹ на всем протяжении операции, которая далеко не походила на военную прогулку и была сопряжена со многими трудностями. Как немцы, так и союзные и нейтральные наблюдатели свидетельствуют о большой выносливости, безропотности японского бойца и даже приводят случаи героического выполнения служебного долга в соответствии с тем, как он был внедрен господствующими классами в сознание японского солдата 1914 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ И СРЕДСТВА МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК

Нормы перевозок

Предстояло перебросить на Шаньдун — через Желтое море — свыше 30 000 человек со снаряжением и тяжелыми грузами осадного парка из портов Нагасаки, Модзи, Сидзуока и Удзина, т. е. на расстояние около 650 миль (1200 км), считая до Лункоу, и на 500 миль (920 км) — до бухты Лаошань (Родзан).

Совершенно очевидно, что анализ японских экспедиционных перебросок на континент имеет в настоящее время вполне реальный и практический интерес, поэтому на нем целесообразно остановиться более подробно.

¹ За исключением случаев грабежа после захвата Циндао.

Для перевозки войск генерала Камио военным ведомством было зафрахтовано у различных пароходных компаний до 50 транспортов.

К 25 августа оказалось зафрахтовано 9 пароходов; наибольшее количество одновременно привлеченных транспортов было 19 сентября — 44 судна; с этого момента и вплоть до 30 сентября число их все время было выше 40, после чего упало сразу до 10—12.

Как только транспорты освобождались, они тотчас же возвращались своим владельцам, почему бесполезного простоя судов не было.

1-й эшелон был переброшен на следующих транспортах (в один рейс):

1. «Вакаса-мару»	6264 брт	9. «Хиросима-мару»	3282 брт
2. «Тяньцзинь-мару»	4173 брт	10. «Пекик-мару»	3182 брт
3. «Иороппа-мару»	3131 брт	11. «Хаката-мару»	6169 брт
4. «Кензан-мару»	4128 брт	12. «Эбоси-мару»	3798 брт
5. «Микава-мару»	2931 брт	13. «Бомбей-мару»	4624 брт
6. «Сискуби-мару»	3755 брт	14. «Мацуюма-мару»	3098 брт
7. «Генкай-мару»	1447 брт	15. «Сацума-мару»	1946 брт
8. «Стару-мару»	1571 брт		

Итого 15 судов — 53 499 т брутто или около 32 000 т нетто.

Это составляет в среднем 15 пароходов по 3566 т брутто или по 2133 т нетто¹.

Было перевезено: 7900 человек, 520 лошадей, 12 тяжелых и 18 полевых орудий с соответствующим обозом.

Переход морем совершался в 2—3 суток при максимальном времени пребывания частей на транспортах до 7 суток.

Это дает в среднем 4,0 т нетто на человека, при характеристике эшелона: 1 лошадь на 15 бойцов и 1 орудие на 260 бойцов.

2-й эшелон был переброшен на транспортах (в один рейс):

1. «Тайкоку-мару»	3796 брт	8. «Кенкон-мару»	2787 брт
2. «Нитака-мару»	2531 брт	9. «Иосю-мару»	2487 брт
3. «Инд-мару»	5511 брт	10. «Каньо-мару»	2391 брт
4. «Тейпайзан-мару»	4950 брт	11. «Тинто-мару»	2592 брт
5. «Раккосан-мару»	3000 брт	12. «Тами-мару»	3717 брт
6. «Хикояма-мару»	3712 брт	13. «Миссино-мару»	3706 брт
7. «Кихо-мару»	2012 брт	14. «Курохиме-мару»	3714 брт

¹ Для паровых, грузовых и грузо-пассажирских судов постройки 1900—1914 гг. вместимостью от 5 до 2 тысяч т коэффициент колеблется от 0,55 до 0,65.

Итого 14 судов — 46 897 т брутто или около 27 500 т нетто.

Это составляет в среднем 14 пароходов по 3350 т брутто или по 2000 т нетто.

Было перевезено: 6500 бойцов, т. е. два пехотных полка с нормальным обозом, но без артиллерии.

Перевозка была рассчитана на 2—3 суток с максимальным пребыванием бойцов на транспортах 5—7 суток; однако, как было выше указано, фактически части 2-го эшелона пробыли на борту до 25 суток, частично в условиях тайфуна. Так как эти два полка через сутки после высадки были введены в дело, можно предположить, что принятая норма размещения не отразилась отрицательно на боеспособности частей.

Средняя норма тоннажа на человека получается в 4,0 т нетто на человека¹.

3-й эшелон был переброшен на транспортах (в один рейс):

1. «Кенкон-мару»	3778 брт	11. «Тойтоми-мару»	2447 брт
2. «Рюцон-мару»	4075 брт	12. «Кигасета-мару»	2608 брт
3. «Байдайсан-мару»	4551 брт	13. «Коан-мару»	3460 брт
4. «Кайо-мару»	2030 брт	14. «Мацу-мару»	2103 брт
5. «Дойо-мару»	2166 брт	15. «Никко-мару»	1699 брт
6. «Кабафуту-мару»	2865 брт	16. «Мисима-мару»	1932 брт
7. «Тайкозан-мару»	3216 брт	17. «Дайто-мару»	2056 брт
8. «Ечиги-мару»	2668 брт	18. «Котохира-мару»	1302 брт
9. «Фуки-мару»	2118 брт	19. «Сигаура-мару»	2212 брт
10. «Ацута-мару»	095 брт	20. «Вада-мару»	3358 брт

Итого 20 судов — 53 739 т брутто или около 32 200 т нетто.

В среднем это составляет 20 пароходов по 2687 т брутто или по 1610 т нетто.

Было перевезено: 7800 бойцов, 18 полевых орудий, нормальный обоз двух пехотных и одного артиллерийского полков и саперный батальон со своим оснащением.

Время пребывания на транспортах определяется в 5—7 суток.

Норма тоннажа на одного бойца в 3-м эшелоне — 4,1 т нетто. Повышение нормы объясняется относительно большим насыщением техникой этого эшелона по сравнению с предыдущими.

Последующие переборки японских частей (4-го эшелона)

¹ Есть некоторые основания предполагать, что часть транспортов 2-го и 3-го эшелонов была занята целиком под снабжение; тогда норма тоннажа на человека должна была быть несколько меньшей.

выполнялись на транспортах, возвратившихся из первого и второго рейсов. Точных данных о числе пароходо-рейсов нет.

Английский эшелон (около 1500 человек и 259 мулов) был переброшен на трех транспортах: «Синтьен», «Куанг-пинг» и «Шассинг». Данных об их тоннаже нет. Кроме того, при английском эшелоне было госпитальное судно «Шенкинг».

Перевозки во время операции

По мере переброски первых оперативных эшелонов часть зафрахтованных пароходов сразу же освобождалась, и уже к первым числам октября осталось только 10 транспортных судов и 2 госпитальных, которые использовались до конца операции для обеспечения морской коммуникации армии с метрополией.

Эти пароходы рейсировали между бухтой Лаошань (Родзан) и портом Удзине (650 миль). Число рейсов неизвестно.

Никаких перерывов в снабжении частей не было. Общий тоннаж этих транспортных судов — 29 610 т брутто, тоннаж госпитальных — 5270 т брутто¹.

Необходимо отметить, что питание экспедиционных частей шло через базу Хиросима или, вернее, через близлежащий порт Удзине, через который велось все снабжение экспедиционных сил в русско-японскую войну.

Анализируя приведенные данные, надо подчеркнуть следующие характерные особенности морских перевозок японцев, обеспечивших подготовку и осуществление операции против Циндао:

1. Японское командование вполне успешно справилось с организацией подготовки, а затем и переброски экспедиционных сил на Шаньдунский полуостров в сравнительно короткий срок.

В период тайфунов без единой аварии или значительной задержки было перевезено и высажено свыше 30 000 человек с тяжелым оснащением осадных парков, причем абсолютно все было высажено на необорудованное побережье.

Привлеченный для этой цели тоннаж был использован с большой гибкостью и весьма рационально. Очевидно, что морские перевозки и десант являются для японской военной организации од-

¹ Госпитальными судами были: «Хакуай-мару» в 2636 т брутто и «Косай-мару» в 2635 т брутто. Англичане пользовались своим госпитальным судном «Шенкинг».

ной из сильных ее сторон, вытекающей из накопленного опыта¹ и систематически осуществляемого устремления на материк².

Ясно, что в этом вопросе японцы идут не ощупью, а по проторенным путям, пользуясь практически проверенными нормами.

2. В связи с необходимостью высаживать части и грузы в относительно мелководных бухтах, не оборудованных причальными линиями, основным типом транспортов были суда среднего и малого тоннажа.

Самые крупные из всех транспортов были в 6264 т брутто («Бакаса-мару») и в 6169 т брутто («Хаката-мару»), сделавшие только один рейс с 1-м эшеленом, но они не являются характерными. Наибольшим из транспортов, использованных на протяжении всей операции, был «Индо-мару» в 5311 т брутто. Наименьшим из транспортов был «Катохира-мару» в 1302 т брутто.

Средний тоннаж всех привлекавшихся единиц торгового флота (около 50 транспортов) — 3120 т брутто или около 1870 т нетто.

В этом выборе следует отметить прежде всего правильный учет условий переброски и высадки (переход морем от 650 до 500 миль, мелководные якорные стоянки в местах высадки и т. д.), а затем и чисто экономические соображения относительной дороговизны фрахта больших судов.

3. Для переброски всех экспедиционных сил, в составе 30 000 бойцов, 144 орудий (из которых 102 тяжелых), осадного и инженерного парков, понадобилось одновременно около 50 пароходов общим тоннажем в 152 900 т брутто, из которых большинство сделало только один рейс, и только около 10 из них в последующем перешли на постоянное рейсирование для поддержания коммуникации.

Таким образом, напряжение использования тоннажа за все время ведения операции (76 суток) выражается в среднем в 17 пароходов, или 53 000 т брутто в сутки.

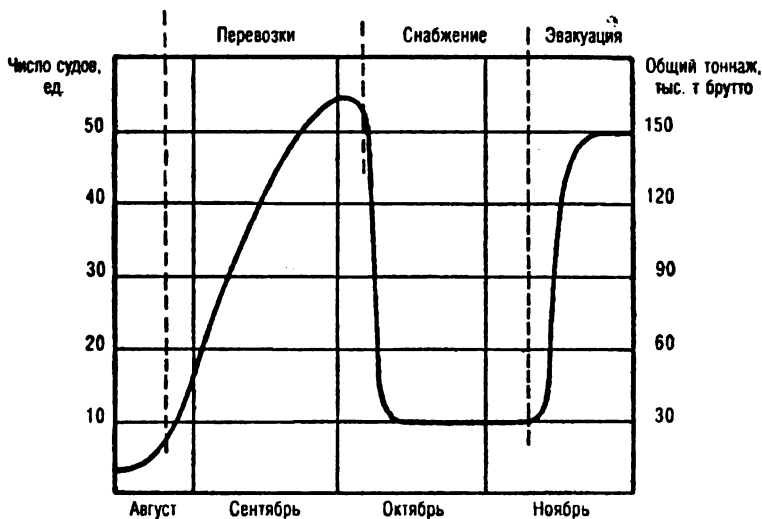
Динамика использования тоннажа для десантной операции видна из графика на стр. 391.

4. Так как экспедиционные силы почти все виды питания получали из метрополии и известно количество обеспечивавших их транспортов, мы имеем возможность установить весьма интересные нормативы для расчета японского тоннажа на коммуникации.

30 000 бойцов и 144 орудия японских осадных сил для поддержания постоянной коммуникации протяжением в 500 миль и

¹ Опыт японо-китайской войны, русско-японской войны, оккупации Кореи, Формозы и др.

² Позже это подтвердилось на опыте десанта в Шанхае и перевозок в Маньчжурию.

непрерывного питания потребовали 10 пароходов по 3000 т брутто в среднем.

Для госпитализации на месте и эвакуации больных и раненых в метрополию оказалось достаточно двух госпитальных судов по 2635 т брутто.

Эти цифры имеют ту ценность, что они проверены практикой. Само собой разумеется, что в других условиях эти нормы должны корректироваться современным составом частей, напряжением операции, нормами расхода боеприпасов и т. д.

5. Норма тоннажа при размещении частей на транспортах для первых трех эшелонов (пехота, артиллерия и кавалерия с соответствующими обозами) — 4,0—4,1 т (нетто) на бойца при средней продолжительности перехода в 2—3 суток и пребывании на борту от 5 до 10 суток.

6. По имеющимся данным не может быть точно определена скорость переброски каждого эшелона, так как неизвестны точные моменты выходов и приходов эшелонов, курсы, время дрейфа при тайфуне и т. д. Кроме того, изменение пункта высадки для 2-го эшелона и плана его развертывания удлинит этот этап операции.

Тем не менее имеющиеся достаточно точные данные об общем времени переброски представляют безусловный интерес. В условиях неблагоприятной погоды, на среднее расстояние в 500 миль

десант численностью в 23 000 человек и 48 орудий, с оснащением и обозом, был посажен, перевезен и высажен в трех эшелонах — в 28 дней, а весь десант (включая 4-й эшелон) — в 39 дней.

При этом скорость отдельных транспортов была, очевидно, от 9 до 12 узлов, а при совместном плавании — от 6 до 9 узлов.

В случае непосредственного марша 2-го эшелона на Лаошань общий срок переброски всех сил не изменился бы. Но эшелонированная переброска всего состава в один пункт дала бы сокращение общего срока приблизительно на 5—7 суток (при том же количестве транспортов).

Увеличение числа транспортов с 55 до 75, с тем чтобы избежать повторных рейсов, могло сократить операцию еще на 10 суток; иначе говоря, приведенный выше состав в условиях 1914 г. мог быть переброшен в 15—20 дней.

После падения Циндао для эвакуации армии и пленных немцев было зафрахтовано 40 судов общим тоннажем в 123 313 т брутто и использовано 10 транспортов, обслуживавших коммуникацию (29 510 т брутто). При эвакуации армии и пленных, по заявлению помощника русского атташе, были учтены «те же соображения, что и при отправке войск под Циндао».

Общая численность японцев, исключая убитых, ранее эвакуированных раненых (1477 чел) и оставшихся в Циндао, была около 27 500 человек, число пленных немцев — 4692 человека, значит, суда общим тоннажем 152 923 т брутто, или около 91 570 т нетто, перевезли 32 192 человека, из чего можно сделать вывод, что при эвакуации пароходы делали повторные рейсы.

СОСТАВ ЯПОНСКОГО ФЛОТА В ОПЕРАЦИИ

Союзный план использования морских сил в пределах всего дальневосточного театра был выработан, в результате переговоров Англии, Франции и Японии, приблизительно к 20-м числам августа.

Он сводился к следующему:

1. Операциями против Циндао занимается в основном японский флот.

2. Охрана морских сообщений союзников к северу от Шанхая также возлагается на японский флот.

3. Английские и французские крейсера выделяются, под общим английским командованием, для обеспечения района между

Шанхаем и Сингапуром, причем Япония добавляет крейсерскую эскадру для совместного выполнения этой задачи.

4. Австралийская эскадра с французским крейсером «Монкальм» конвоирует экспедицию на Самоа.

5. Наконец, для поисков в Океании германских кораблей эскадры адмирала Шпее выделяется смешанная крейсерская эскадра под флагом адмирала Джерама из «Минотавра» (флагман), «Ярмута» и двух японских крейсеров.

Впоследствии дополнительно к силам, действующим южнее Шанхая, были приданы русские крейсера «Жемчуг» и «Аскольд».

В результате этих переговоров к 26 августа устанавливается следующее развертывание японского флота:

1) 1-я японская эскадра — крейсерство в водном районе к северу от Шанхая для защиты морских путей;

2) 2-я эскадра — непосредственные действия против Циндао;

3) 3-я эскадра (из 7 крейсеров) — обеспечение района между Шанхаем и Гонконгом;

4) крейсера «Ибуки» и «Тикума» — в состав эскадры адмирала Джерама.

Особенно деятельно готовиться к операции против Циндао японский флот начал с момента предъявления ультиматума Германии, но еще с 20 августа 1914 г., т. е. до формального истечения его срока, два японских крейсера совместно с английскими установили наблюдение за морскими подходами к германской базе.

Специально сформированной 2-й эскадре предстояло решить три задачи:

1) несение морской блокады неприятельской базы на все время операции;

2) непосредственное обеспечение морских перебросок и мест высадки экспедиционных частей и последующая охрана водных районов базы высадки;

3) содействие армейским частям поддержкой их фланга, обстрелом города и порта и т. д.

С этой целью эскадра была сформирована в следующем составе и организации (к 27 августа¹):

1-я дивизия (линкоры)²

«Суво» (быв. «Победа») — флаг,

¹ С момента формирования произошли некоторые несущественные изменения. Окончательный состав определился к 27 августа. Командующий 2-й эскадрой — вице-адмирал Като 2-й.

² Детальные данные о кораблях — см. приложение II.

«Танго» (быв. «Полтава»),

«Ивами» (быв. «Орел»).

2-я дивизия (броненосцы береговой обороны):

«Окиносима» (быв. «Апраксин»),

«Мисима» (быв. «Сенявин»).

3-я дивизия (броненосные крейсера)

Контр-адмирал Тоципай.

«Ивате» — флаг,

«Токива»,

«Якумо».

4-я дивизия (крейсера и канонерские лодки)¹

Контр-адмирал Камимура.

Крейсера:

«Читосе» — флаг,

«Чиода»,

«Акицусима»,

«Могами».

Канонерские лодки:

«Сага»,

«Удзи».

2-я флотилия истребителей (эсминцев).

Контр-адмирал Окада.

Крейсер «Тоне» — флаг.

9-й отряд: «Сираюки», «Новаки», «Сиротае», «Мацукадзе».

12-й отряд: «Аянами», «Асагири», «Исонами», «Уронами».

13-й отряд: «Асасио», «Сиракумо», «Кагеро», «Мурасами».

Дополнительно в состав 2-й флотилии эсминцев приданы:

Крейсер «Могами».

5-й отряд: «Уусио», «Ненохи», «Вакаба», «Асакадзе».

8-й отряд: «Югуре», «Юдати», «Сирацую», «Микадзуки».

Корабли особого назначения:

Крейсер «Такачихо» (как база миноносцев).

Посыльное судно «Мацуе».

База эсминцев «Кумано-мару» — 5076 т.

Транспорт-мастерская «Канто-мару».

Авиатранспорт «Сакаки-мару».

¹ По официальной германской версии, кроме того, были еще устаревшие крейсера «Йодо» и «Акаси».

Госпитальное судно «Явато-мару» — 5818 т.

Спасательное судно «Иодохаси-мару».

Тралящий караван (всего 23 корабля)¹:

13 больших тральщиков,

10 катерных тральщиков (число которых, по данным французского атташе, в последующем было увеличено до 40).

Транспорты (всего 10)²:

Рефрижератор «Уме-мару».

Угольщики и транспорты с прочими припасами: «Минке-мару», «Кагосима-мару», «Эторофу-мару», «Фукусю-мару», «Чо-сен-мару», «Босю-мару», «Асахи-мару», «Бентей-мару», «.....» (название последнего неизвестно).

Кроме того, по настоянию Великобритании, к японской 2-й эскадре был придан английский линкор «Трайэмф»³ и эсминец «Аск». Это было важно не столько по военным соображениям, сколько по политическим, чтобы сделать операцию коалиционной, а не чисто японской.

Таким образом, против морского фронта крепости Циндао и двух-трех германских выпелов, из которых только один или два имели относительную боевую ценность, японский флот выставил 39 более сильных выпелов, не считая тральщиков, плавучих баз и транспортов. Эта эскадра имела артиллерию из 193 орудий в 120 мм и выше (восемь — 12", одиннадцать — 10", двадцать два — 8", четырнадцать — 7,5", семьдесят восемь — 6" и пятьдесят шесть — 120-мм).

Из такого состава 2-й эскадры можно сделать следующие выводы:

1. Япония на море, так же как на суше, с самого начала операции создала настолько значительное количественное и качественное превосходство сил, что оно абсолютно исключало общий неуспех даже в случае какого-либо неблагоприятного стечения обстоятельств.

2. Основное ядро эскадры, т. е. большие корабли, на которые должно было лечь артиллерийское содействие с береговыми бата-

¹ Детальные данные о тральщиках — см. стр. 163—169.

² Помимо транспортов, обеспечивавших питание десанта (см. главу VIII).

³ Линкор «Трайэмф» по окончании Циндаоской операции был переведен в Средиземное море, где принял участие в атаке Дарданелл, а 25 мая 1915 г. был потоплен германской подводной лодкой U21.

реями (иначе говоря, те корабли, которые должны были рисковать больше других¹), было отобрано исключительно из трофейных кораблей, восстановленных после русско-японской войны, т. е. из кораблей, устаревших и непригодных уже для морского боя с современным противником. Образно выражаясь, можно сказать, что война из-за Циндао была войною трофеев, так как германцы использовали на батареях пушки, взятые ими под Парижем и Дагу, а японцы — корабли, взятые в Цусиме.

3. Остальной состав эскадры определялся задачами несения блокады, причем с таким расчетом, чтобы при встрече кораблей одноименных классов (при прорыве блокады или атаке блокирующих сил) каждый, даже отдельный, японский корабль был сильнее германского.

4. Выделение по предварительному расчету 23 тральных единиц на 39 боевых показывает, какое серьезное значение японское командование придавало германским минам; с другой стороны, выбор типа тральщиков и их последующие потери свидетельствуют больше о боязни мин, чем об умении с ними бороться.

5. Аналогично экспедиционной армии 2-я эскадра все питание получала из метрополии. Поэтому представляет интерес состав обслуживающих транспортов: 1 госпитальное судно и 10 транспортов с припасами, которые рейсировали на коммуникации протяжением в 500 миль. Это дает 10 транспортов на 45 обслуживаемых боевых и вспомогательных единиц. Такая норма должна быть признана скромной; она еще раз подтверждает целесообразное использование тоннажа. Следует учитывать, что 2-я эскадра не имела маневренной базы, как-либо оборудованной для флота, все время крейсировала в море или отстаивалась на рейдах, и это должно было дать повышенный расход топлива и всех видов технического снабжения.

6. Особо надо отметить организацию управления в этой операции. Командующий блокадным флотом не был подчинен во всех отношениях генералу Камио, несмотря на то что главной задачей 2-й эскадры было содействие экспедиционной армии. По всем принципиальным вопросам генерал Камио и адмирал Като 2-й раздельно сносились с Токио

¹ К тому же они должны были маневрировать в районах, опасных в отношении мин.

Фактически операция против Циндао привлекла значительно больше морских сил, чем это предполагалось.

Когда 2-я эскадра установила блокаду неприятельской базы и понадобилось одновременно непосредственное обеспечение войсковых перевозок на два направления (Лункоу и Лаошань), 1-я эскадра под командованием вице-адмирала Тохинаи взяла на себя часть конвойных задач.

Только 29 сентября Тохинаи ушел в корейские воды.

Для характеристики подготовки к операции англичан интересно добавить следующее свидетельство официального историка английского флота¹.

Еще 28 июля линкор «Трайэмф» стоял в доке в Гонконге, без команды. Получив «предупредительную» телеграмму 30 июля, адмирал Джерам приказал «Трайэмфу» начать кампанию, а четырём канонерским лодкам, находившимся на р. Янцзы, передать на него свои команды.

«С чрезвычайными усилиями линкор «Трайэмф» был технически подготовлен к выходу в море... но команд с канонерских лодок не хватило, и для доведения экипажа до полного комплекта предполагали набрать матросов из местного населения; однако охотников служить на боевом судне не нашлось².

На помощь пришла армия. С разрешения командующего войсками адмирал обратился с призывом к гарнизону, вызывая добровольцев, желающих перейти из армии во флот. Таких оказалось почти весь гарнизон целиком, и из состава 2-го пехотного Корнуэльского батальона было выбрано 2 офицера и 100 солдат, и «Трайэмф» был укомплектован.

Месяц спустя армейские волонтеры были списаны с «Трайэмфа» в Вэй-хай-вэе ввиду ухода их полка в Индию.

¹ Ю. Корбетт, Операции английского флота в мировую войну, том I, стр. 157.

² Интересное признание в устах историка королевского флота!

ГЛАВА VII

НАЧАЛО БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ НА МОРЕ

Никто не мешал германскому развертыванию. Только вечером 22 августа, когда в Циндао было почти все закончено и оставалось поставить последние заграждения по плану минной обороны, произошло первое столкновение.

Очередным кораблем в дозоре был миноносец S-90, который с 21 августа маневрировал в 20 милях на SO от Циндао. В 5 часов утра он получил по радио приказание коменданта — прикрывать постановку мин, которую будет выполнять заградитель «Лаутинг», после чего обеспечивать проводку транспортов через минные поля в базу на случай, если такие транспорты появятся с моря.

До 18 час. горизонт был чист, и «Лаутинг», окончив постановку у Дагундао, вышел вторично, когда S-90, идя 19-узловым ходом, заметил 5 английских миноносцев типа «Аск», которые тотчас начали за ним погоню. Развив большую скорость, значительно вырвался вперед миноносец «Кеннет»; сблизившись с S-90 на дистанцию своего огня, он в 18 час. 10 мин. начал бой.

Командир S-90 капитан-лейтенант Бруннер правильно понял задачу — не дать себя отрезать и предупредить «Лаутинг». Поэтому, увеличивая ход до предела, он бросился на N и, обойдя о. Дагундао¹ на расстоянии 2,5 мили, в 18 час. 30 мин. повернул на W, идя на сближение с «Лаутингом». Этим маневром S-90 выиграл расстояние, так как заставил «Кеннета» также обходить остров и находившиеся вокруг него рифы. С момента сближения с противником на дистанцию огня 50-мм артиллерии германский миноносец начал энергично отвечать.

Условия для боя были неравные, так как английский миноносец имел преимущество в скорости и перевес в артиллерии. Дело в том, что, неся почти непрерывную дозорную службу с начала прикрытия мобилизации, S-90 не щелчил котлов, и их общее состояние было таково, что к концу боя с Кеннетом не удалось увеличить скорости свыше 21 узла. Последний вел бой на 24-узловом ходу.

¹ См. схему 4 на стр. 365.

Против четырех 75-мм орудий Кеннета со снарядами в 5,6 кг S-90 имел три 50-мм/40 со снарядом в 1,75 кг. Дистанции боя, по германским источникам, колебались от 27 до 22 каб.

В начале боя Кеннет получил попадание под мостик и в первую дымовую трубу, в результате которого был смертельно ранен командир (позже скончавшийся) и еще 3 человека убито и 6 ранено. Однако «Кеннет» настолько энергично продолжал преследование, что немцы не подозревали о нанесенных ему потерях, о которых узнали значительно позже через свое пекинское посольство.

Хотя S-90 и накрывался несколько раз залпами английского миноносца, попаданий в него не было.

Критического положения удалось избежать только потому, что «Кеннет», увлекшись боем с дозорным миноносцем, не обратил внимания на «Лаутинг»¹, с которым сблизился к SO от о. Майдао.

Когда оба миноносца вошли в зону огня береговых батарей и первые залпы форта Хуйцянь легли около «Кеннета», он повернул и вышел из боя.

После этого и до установления японской блокады, т. е. до 27 августа, английские корабли больше не приближались на видимость Циндао, благодаря чему «Лаутинг» без помех закончил свои операции².

БЛОКАДА

Германское командование все время ожидало внезапного нападения на крепость. Оно не понимало, насколько выгодно было японцам в данном случае затянуть вступление в войну и так обставить его политически, чтобы вынудить Великобританию просить о помощи в борьбе с Германией на Дальнем Востоке. Поэтому, несмотря на то что скрытое наблюдение за подходами к германской базе было установлено еще с первых чисел августа, до истечения срока ультиматума японские корабли в пределах видимости Циндао вовсе не появлялись.

После случая с «Кеннетом» немцы решили, что 23 августа будет днем атаки крепости с моря, а потому она была приведена в полную готовность. Но и этот прогноз не подтвердился. Только в 19 час. 27 августа дозорные корабли, а позже и гарнизон крепости,

¹ «Лаутинг» имел силуэт, более напоминавший транспорт или посыльное судно.

² «Кеннет» ушел в Вэй-хай-вэй для исправления повреждений.

впервые увидели на горизонте четыре больших корабля 2-й японской эскадры в сопровождении флотилии миноносцев.

Оставаясь вне пределов огня береговых батарей, вице-адмирал Като предложил послать в гавань парламентаров (на миноносце), но губернатором Кяочао это было отклонено. Тогда Като передал по радиотелеграфу формальное объявление блокады.

Приводим полностью текст этого документа:

«ОБЪЯВЛЕНИЕ О БЛОКАДЕ

Сегодня, 27 августа 1914 г., объявляю я в состоянии блокады все побережье района Кяочао, сданное в аренду Германии. Эта блокада будет поддерживаться боевыми силами, находящимися под моим командованием. Блокада включает район моря 120° 10' восточной долготы, 35° 54' северной широты и 120° 36' восточной долготы, 36° 7' северной широты. Далее сообщаю, что всем судам дружественных нейтральных держав, которые в настоящее время находятся внутри линии блокады, даю я для выхода льготный срок в 24 часа. По истечении этого срока со всеми судами, которые попытаются прорвать блокаду, будет поступлено по международному военному праву (праву войны) и в соответствии с договорами, имеющимися между Японской империей и нейтральными державами.

Подписано:

*Като Садакичи, вице-адмирал,
главнокомандующий 2-й эскадрой.*

27 августа 1914 г.»

Эта блокада является одним из интереснейших уроков войны 1914—1918 гг., так как для осуществления ее Като имел 37 кораблей на район с протяжением объявленной границы в 27 миль, и, несмотря на это, при первой же попытке противника блокада была успешно прорвана.

Задачи, которые ставились блокирующему флоту, сводились к следующему:

- 1) перерезать в непосредственной близости от базы морские коммуникации Циндао и тем самым исключить возможность выхода в море новых вспомогательных крейсеров, а также не допустить базирования на него кораблей, уже вышедших в море;

- 2) одновременно обеспечить перевозку экспедиционной армии на Шаньдунский полуостров;

3) прикрыть базирование самого флота и базу высадки десанта, а в последующем и фланг экспедиционной армии;

4) исключить возможность прорыва из базы (хотя бы для интернирования в нейтральных портах) тех кораблей, которые участвовали в обороне Циндао.

Хотя к 27 сентября обстановка на Тихом океане достаточно определилась¹, все же приходится допускать, что японское командование на всякий случай перестраховывалось от возможного обратного прорыва крейсеров адмирала Шпее в Циндао. Только преувеличенной оценкой реальных возможностей германских кораблей и ожиданием возвращения крейсерской эскадры можно объяснить тот размах и напряжение, с которыми проводилась блокадная операция.

План блокады заключался в том, что были установлены три линии наблюдения за выходом из базы и районом, к ней прилегающим, на которых корабли блокирующего флота несли постоянный дозор. Число дозорных кораблей менялось в зависимости от обстановки и времени суток (имелись дневной и ночной варианты дозора).

1-я линия блокады охранялась миноносцами. Эта линия проходила по дуге радиусом в 9—10 миль от входа в бухту, имела общее протяжение в 20 миль. Иначе говоря, 1-я линия почти вплотную оконтуривала границы обстрела береговых батарей крепости и располагалась внутри объявленной границы блокадной зоны. Днем и ночью на этой линии, по японскому плану, должны были дежурить 8 эсминцев.

2-я линия блокады охранялась крейсерами. Эта линия проходила по дуге радиусом в 12—15 миль от входа в бухту Кяочао, т. е. на 3—5 миль мористее 1-й линии, общим протяжением около 30 миль; она почти совпадала с границей зоны, объявленной адм. Като.

Днем на этой линии постоянно держался один крейсер, ночью добавлялся второй крейсер или канонерская лодка.

3-ю линию блокады обслуживали попеременно старые линкоры и броненосные крейсера.

¹ Вот что говорит по этому поводу Ю. Корбетт в I томе своего труда «Операции английского флота» (стр. 311):

«Если оставались какие-либо сомнения [в том, что Шпее вынужден будет уйти к американским берегам], то они окончательно исчезли 22 сентября с получением известия, что «Шарнхорст» и «Гнейзенау» бомбардировали французский порт Папеэте на Таити».

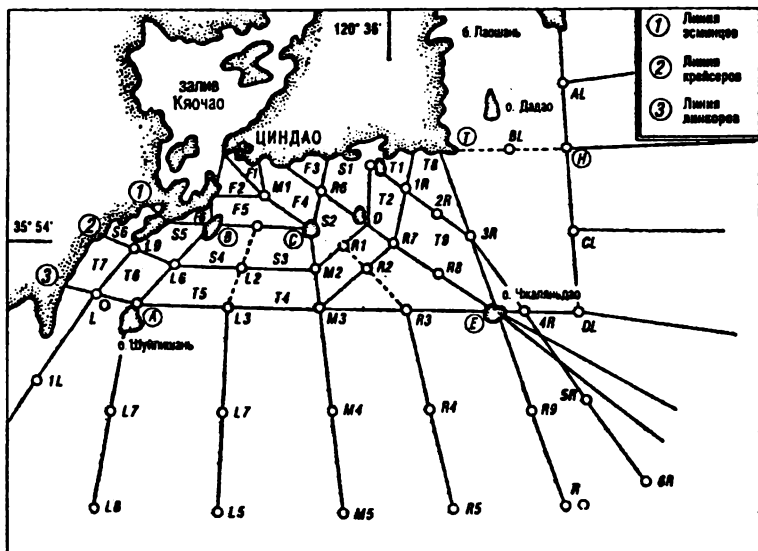

Схема 6. Блокадная диспозиция (с японской карты)

Линия проходила по дуге радиусом около 18 миль от входа в бухту, т. е. на 3—5 миль мористее 2-й линии, и имела общее протяжение приблизительно в 45 миль.

Днем на этой линии держались два больших корабля, а ночью число их увеличивалось до четырех.

Важно отметить, что, в отличие от эсминцев и крейсеров, большие корабли ночью маневрировали не вдоль блокадной линии, а перпендикулярно к ней. Ясно, что это было вызвано желанием уменьшить вероятность встречи ночью с противником, проскользнувшим через две первые линии, на что могли рассчитывать только германские миноносцы. При таком маневрировании большие корабли фактически могли служить лишь поддержкой для первых двух линий.

Базой для блокирующего флота служила бухта Лаошань (Родзан). Большие корабли днем преимущественно отставались у островов Дагундао¹ и Чжаляньдао. После тесного обложения крепости миноносцы, тральщики, катера и гидросамолеты базировались на смежную бухту Лаошанькоу (восточнее бухты Шацзыкоу).

¹ Местоположение островов Дагундао, Фуджоу, Сяогундао — см. схему 9, о. Чжаляньдао — на схеме 6.

Таким образом, по своему характеру морская блокада Циндао, как установленная вплотную к объекту, должна быть названа тесной.

29 августа блокирующий флот выполнил следующую операцию: высаженными десантными партиями были заняты все острова, находящиеся на подходах к бухте Кяочао. Целью этой операции было: 1) лишить противника возможности иметь наблюдательные пункты на этих островах и тем самым не дать ему возможность следить за действиями блокирующего флота и 2) установить на островах свое наблюдение и тем самым «уплотнить» блокаду.

Было занято больше 6 островов: группа Чжушаньдао и Шапиен (Торен), Дагундао (Тайко), Менг-кунг (Мокко), Фудао (Фуку), Тан (Иси) и Сяогундао (Сиоко).

Маневрирование блокирующих кораблей было обеспечено предварительным разведочным тралением соответствующих участков.

Несмотря на отсутствие более подробных данных о действиях блокирующей эскадры, можно сделать некоторые выводы и заключения, характеризующие эту отрасль оперативной подготовки японского флота в 1914 г.

1. Система блокады должна была отвечать одновременному решению двух оперативных задач: а) собственно блокированию, т. е. лишению противника возможности уйти из базы или прорваться в нее извне, и б) прикрытию фланга своей армии от артиллерийского обстрела с моря и стоянок флота и базы высадки — от ночных торпедных атак миноносцев.

2. Основную дозорную службу в системе блокады Циндао, т. е. наблюдение за выходом из базы и всем сектором вероятных курсов, несли миноносцы. Крейсера и большие корабли являлись фактически непосредственной поддержкой дозора, которая считалась необходимой, поскольку предполагалась возможность выхода крейсера «Кайзерин Элизабет». Весьма вероятно, что состав такой мощной поддержки обусловлен был также перестраховкой на случай обратного прорыва эскадры адмирала Шпее¹.

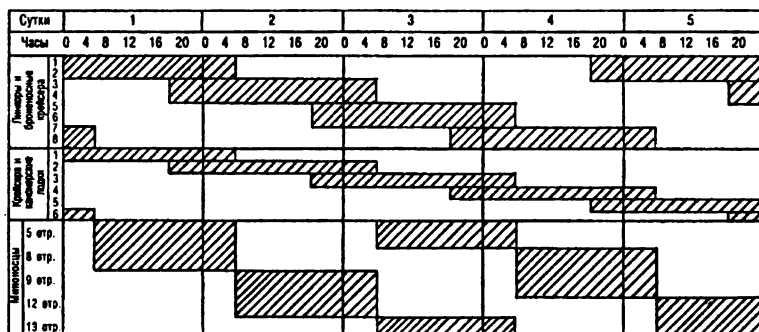
¹ Вероятность попытки обратного прорыва в Циндао эскадры адмирала Шпее почти исключалась. В случае же такой попытки эта эскадра должна была быть замечена еще до подхода к Желтому морю всей системой наблюдения, установленной союзниками. Поэтому непосредственной поддержки блокирующих кораблей в этом случае не требовалось.

3. Общий диапазон курсов выхода из блокированной базы был равен приблизительно $100-120^{\circ}$ ¹, поэтому средняя плотность дозорной завесы может быть определена двояко: или 1 миноносец на сектор в $13-15^{\circ}$ при удалении от выхода на 9—10 миль, или один миноносец на каждые 2,5 мили наблюдаемой кривой.

4. Миноносцы несли дозорную службу в 2,5 смены (или в две смены, имея 4 корабля в резерве).

Крейсеры несли дозор в 3 смены, считая по наиболее напряженному (ночному) графику, и в 6 смен — днем; большие корабли — в 2 смены ночью и в 4 — днем.

Напряжение использования кораблей 2-й эскадры при несении блокадной службы видно из следующего графика²:

Примечание. Продолжительность темного времени суток, включая сумерки, принята в 10 часов, т. е. с 19 часов до 5 часов утра на средние сутки блокады — 1 октября.

Из этого графика видно, что, не считая переходов от места базирования на линию дозора и всех прочих видов маневрирования, связанных с выполнением различных частных операций, корабли 2-й эскадры только для блокадной службы должны были нести следующее напряжение:

большие корабли — на каждые 29 ходовых часов — 62 часа якорной стоянки;

крейсера — на 29 ходовых часов — 110 часов якорной стоянки;

миноносцы — на 48 ходовых часов — 72 часа стоянки.

¹ От 90° до 190° через S.

² График составлен на основании данных о том, сколько кораблей каких классов днем и ночью были в дозоре. Часы смены, длительность одновременного пребывания в дозоре и другие данные неизвестны, но для определения среднего месячного напряжения это не имеет значения, и предлагаемый график должен дать достаточно наглядную картину.

Если принять для переходов в среднюю точку доворной линии 2 часа для больших кораблей, считая от бухты Лаошань (20—30 миль), и 1 час для миноносцев, мы получим для тех же кораблей:

большие корабли — 33 часа хода на 58 стоянок,

крейсера — 33 часа хода на 106 стоянок

миноносцы — 50 часов хода на 70 стоянок

Для среднемесячного напряжения работы это дает:

для больших кораблей — 11 ходовых суток на 19 якорных

для крейсеров — 7 ходовых суток на 23 якорных

для миноносцев — 12,5 ходовых суток на 17,5 якорных.

Учитывая повышение готовности при стоянках на необорудованных рейдах, надо признать такое напряжение для миноносцев очень большим, для старых линкоров и броненосных крейсеров — большим, для крейсеров — почти нормальным¹.

Позже мы увидим, что в связи с активными действиями против Циндао (обстрелы береговых и крепостных батарей) фактическое напряжение использования кораблей 2-й эскадры было еще выше.

Объяснение такому напряжению сил надо искать в очевидной, а потому достаточно точно предвиденной быстротечности всей операции. Фактически она протекала с 27 августа по 7 ноября, то есть 2,5 месяца. В предвидении более длительной операции японцы вряд ли смогли бы выжимать такое напряжение из своих кораблей, так как и люди и механизмы потребовали бы отдыха, замены, ремонта.

Кроме того, необходимо учитывать, что весь остальной японский флот был потенциально резервом для операции против Циндао, а 1-я эскадра даже непосредственно помогала ей.

5. Особо должен быть отмечен характер базирования блокадного флота.

Вторая эскадра в отношении всех видов снабжения и ремонта целиком базировалась на плавучую базу в виде соответствующих транспортов. Как транспорты, так и корабли все время отстаивались на совершенно необорудованных рейдах, не имея сообщения с берегом.

Здесь важно вспомнить почти аналогичное базирование флота, блокировавшего в 1904—1905 гг. Порт-Артур.

Осуществление такой системы базирования является одной из типичных особенностей японского флота. Она свидетельству-

¹ Крейсера, по-видимому, имели другие дополнительные задачи (в частности, корректировку огня больших кораблей).

ет о хорошей морской выучке, об умении все погрузочные работы производить в рейдовых условиях, базировать ремонт на плавучие мастерские и исключительно редко спускать команды кораблей на берег для отдыха (или даже вовсе не спускать).

6. Вся блокадная операция против Циндао может квалифицироваться как своего рода классический образец тесной блокады. Однако надо иметь в виду, что вследствие некоторого стечения обстоятельств эта отрасль оперативного искусства вылилась под Циндао в такие формы, какие характерны не для эпохи мировой войны, а для эпохи русско-японской и еще более ранних войн.

В современных условиях такая блокада была бы невозможна. Только слабость германских морских сил, их состав и, в частности, полное отсутствие подводных лодок и бомбардировочных самолетов позволили японцам проводить блокаду в такой форме. Наличие 2—3 малых подводных лодок (они имелись в германском флоте, но на другом театре) заставило бы японцев отодвинуть дальше свои маневренные базы, оборудовать их и защитить. Безусловно, пришлось бы отказаться от непосредственной поддержки дозора большими кораблями и выводить их только по тревогам с соответствующим громоздким обеспечением. Очень вероятно, что изменение состава германских сил в эту сторону не только повлияло бы на характер и форму блокады, но отразилось бы и на выборе целей для 2-й эскадры, которая должна была бы прежде всего избавиться именно от этой угрозы.

Несмотря на эти оговорки, степень использования блокадных кораблей и освоенный японцами опыт базирования на ближайшие острова, бухты и открытые рейды с получением питания от плавучей базы представляют интерес и на сегодняшний день.

В ночь с 30 на 31 августа, маневрируя на первой блокадной линии в условиях тумана, наскочил на камни у о. Лиентао¹ миноносец «Сиратаэ». Повреждения были настолько значительны, что от снятия его с камней пришлось отказаться, команда была снята подошедшим другим дозорным миноносцем.

Как только позволила видимость, германское командование использовало этот случай — под прикрытием береговой батареи Хуйцзянь была выслана в море канонерская лодка «Ягуар», которая артиллерийским огнем разрушила остатки японского миноносца.

Миноносец «Сиратаэ» был первой японской потерей на море в этой операции.

¹ Из группы островов Чжушаньдао, на юг от Циндао (см. схему 4).

ВЫСАДКА И ДЕЙСТВИЯ 1-го ЭШЕЛОНА

(со 2 по 25 сентября 1914 г.)

2 сентября транспорты 1-го эшелона, обойдя Шаньдунский полуостров с севера, сосредоточились в бухте Лункоу в Чжилийском заливе, где и была произведена высадка на территорию нейтрального Китая, в 180—200 км от объекта японских боевых действий.

Никаких дипломатических представлений Китаю предварительно сделано не было. Пекинское правительство заявило официальный протест Японии против неправомерного вторжения на территорию Китая, но этот протест остался без ответа.

Не имея возможности защищать свой нейтралитет, китайское правительство вынуждено было пойти на компромисс, ни к чему не обязывавший агрессора. Район предполагаемого движения экспедиционных сил и встречи комбатантов был объявлен «зоной военных действий». Этот район ограничивался секущими прямыми, проходящими через весь Шаньдунский полуостров¹ и как бы вырезающими его центральную часть шириной в 100—120 км. Устанавливая эту зону, пекинское правительство заявило, что оно снимает с себя ответственность за могущие произойти события и не предполагает вмешиваться в действия противников. Вряд ли японскому командованию нужно было большее.

Выбор такого операционного направления отвечал следующим японским замыслам:

1. Под предлогом необходимости перерезать сухопутную коммуникацию Циндао, т. е. Шаньдунскую железную дорогу, произвести интервенцию и продемонстрировать Китаю и всему миру, что фактически хозяевами Шаньдуна отныне становятся японцы.

2. При перевозке и высадке частей на материк не рисковать никакими потерями от атак германских кораблей, что могло бы иметь место в ночных условиях в непосредственной близости от Циндао.

По первоначальному плану в той же бухте Лункоу была намечена высадка и 2-го эшелона. Только из-за штормовых погод и потери нескольких суток в ожидании высадки, после настоятельных ходатайств командующего экспедиционными силами, Токио

¹ На западе граница зоны военных действий проходила через пункты Вэйсянь и Жидо (оба вкл.), а на востоке — от восточной окраины Лункоу до бухты Шэнсякоу в Желтом море (см. схему 7).

разрешило последующие высадки перенести ближе к району операции, т.е. в бухту Лаошань в Желтом море.

В связи с тем, что бухта Лункоу была мелководна, 15 транспортов 1-го эшелона вынуждены были стать в значительном отдалении от берега.

2 сентября шел дождь. Ветер был восточного направления, от которого бухта прекрасно укрыта. Противника, конечно, не оказалось, поэтому высадка производилась без всяких помех.

Рейд высадки прикрывался с моря тремя крейсерами адмирала Камимуры из состава 2-й эскадры¹, которая в это время всеми остальными кораблями несла блокадную службу у неприятельской базы.

Пунктом высадки служил необорудованный участок берега против китайского селения Лункоу.

Высадка частей началась в 6 часов утра при помощи шлюпок и китайских джонок. У берега были сооружены плавучие пристани из специальных железных боннов с деревянным настилом, которые были доставлены на борту транспортов².

К вечеру 5 сентября высадка частей 1-го эшелона была закончена.

Таким образом, на высадку с рейда на необорудованный берег с 15 транспортов 7900 бойцов, 30 орудий и около 520 коней с обозом и частью грузов понадобилось 3,5 суток.

Однако последующая выгрузка тылов и вспомогательного оборудования (рельсы, платформы для узкоколейки и т. д.) продолжалась до 9 и частично до 13 сентября.

Японский генерал-лейтенант Митака приводит несколько отличные данные о сроках высадки 1-го эшелона, а именно 3, 8, 9 и 11 сентября высадка прекращалась из-за свежей погоды и была закончена 15 сентября. Кроме того, Митака приводит очень существенные подробности относительно того, что техника высадки обеспечивалась морской высадочной партией в составе 418 чел., сформированной из экипажей прикрывавших крейсеров адмирала Камимуры. Число лихтеров доходило до 200 штук.

6 сентября передовые части 1-го эшелона начали движение на юг. Это движение совершалось крайне медленно из-за непрекращавшихся сильных дождей, которые привели в полную негодность и без того неудовлетворительные китайские дороги.

¹ 3-я дивизия 2-й эскадры

² См. рис. 12 на вклейке. (Прим. ред.)

Части шли походным порядком, по-видимому, по двум параллельным дорогам в общем направлении на юг. Главная колонна шла по восточной дороге на Цзимо, т. е. к Циндао, а вспомогательная колонна, состоявшая преимущественно из кавалерии, — по западной дороге, на Кяочао¹.

Для транспортировки тяжелого оснащения и грузов эшелона по восточной дороге вслед за ушедшей колонной прокладывалась узкоколейка («декавилька»), снятая для этой цели с участка Антун—Мукден и доставленная через Дайрен на Лункоу.

12 сентября кавчасти авангарда главной колонны показались у местечка Цзимо.

13 сентября прошел из Цзинань последний германский поезд в Циндао, из которого он уже не вышел.

14-го части 1-го эшелона заняли Цзимо, где и оставались до 25 сентября, дожидаясь подхода своих растянувшихся частей и окончания высадки остальных эшелонов в бухте Лаошань.

17 сентября кавалерийские части западной колонны заняли Кяочао и тем самым окончательно перерезали коммуникацию германской базы с Внутренним Китаем. Оставив в Кяочао незначительный гарнизон, основная часть западной колонны пошла к месту сосредоточения в Цзимо, а небольшой отряд был выслан на запад по железной дороге; он занял станцию и город Вэйсянь, германские угольные копи Бошань, а позже и Цзинань, до которого отряд добрался только 5 октября.

Китайское правительство протестовало движение японских частей за пределы объявленной военной зоны, но...

«нетрудно было ответить, что Шаньдунская ж. д. была чисто германским предприятием, которым германцы широко пользовались с момента начала военных действий»².

25 сентября началось движение частей 1-го эшелона от Цзимо на Люцин (Рютин), где и произошло первое столкновение на рубеже р. Пейша-Хэ.

¹ См. схему 7.

² Лейтенант Монкондюи.

ВЫСАДКА 3-го и 2-го ЭШЕЛОНОВ

(с 19 по 25 сентября 1914 г.)

3-й эшелон, направленный непосредственно из Японии в бухту Лаошань, пришел в нее 18 сентября, т. е. раньше 2-го эшелона, который только 20-го числа вышел с рейда Лункоу.

19 сентября, после предварительного разведочного траления в бухте Лаошань, против китайского местечка Ванго-Чуанг началась высадка частей 3-го эшелона на необорудованный берег. Противник никакого сопротивления не оказывал, наблюдая действия японцев с горных высот.

Авангардные части, имея в своем составе горную артиллерию, сразу же выдвинулись вперед по всем перевальным дорогам, с тем чтобы прикрыть высадку остальных частей. Гидросамолеты блокадного флота произвели предварительную разведку береговой полосы района высадки.

С моря высадка десанта прикрывалась всей блокадной системой и непосредственным прикрытием рейда высадки кораблями 2-й эскадры.

Эта высадка и последующая (2-го эшелона) также были выполнены на катерах, шлюпках, баркасах и шаландах, так как транспорты стояли на рейде и вплотную к берегу подойти не могли. В процессе высадки берег был оборудован 7—8 плавучими пристанями, составленными из коротких секций коробчатых бонов с деревянной опалубкой. Такие секционные плавучие пристани отвечали условиям рельефа береговой черты и переменному уровню воды, изменявшемуся от приливов.

Позже для выгрузки тяжелых грузов были сооружены деревянные пристани с возведенными над ними козлами из больших бревен, с гинями и достаточным выносом, чтобы снимать с подводимых барж морские и крепостные установки.

Первый бросок высаживался с плоскодонных шампунков, прибивавших по 15—20 чел. или по 6 коней, которые выходили в воду в момент притыкания шампунки к пляжу.

Для второочередных выгрузок применялся оригинальный метод. Железные лихтера подходили с приливом вплотную к берегу, на котором они осушались во время отлива, после чего приступали к их разгрузке.

Тяжелые штучные грузы (осадные установки) на рейде пере-

гружались с транспортеров на лихтера специальным пароходом, приведенным из Японии, на котором был установлен мощный кран.

Все работы по высадке, до береговой черты включительно, выполнялись японцами, а вспомогательная работа на берегу по организации базы высадки делалась руками большого числа китайских кули, привлеченных из местного населения.

Попутно надо отметить, что когда 15—16 октября над базой высадки прошел тайфун, он разрушил плавучие пристани, в то время как насыпные (с деревянной опалубкой по краям) уцелели.

Вся организация высадки, сроки и применявшиеся технические средства показали высокую подготовку японской армии и флота к такого рода операциям.

24 сентября на том же участке закончилась высадка частей 2-го эшелона, которые уже на следующий день развернулись и начали движение вслед за частями 3-го эшелона.

ВЫСАДКА АНГЛИЙСКОГО ЭШЕЛОНА

Три английских войсковых транспорта и одно госпитальное судно вышли 21 сентября из Вэй-хай-вэй¹ под конвоем линкора «Трайэмф» и двух эсминцев².

22 сентября, после полудня, английский эшелон пришел в бухту Лаошань, где уже стоял и разгружался громадный транспортный флот 2-го и 3-го японских эшелонов и плавучей базы блокирующей эскадры, т. е. всего до 45—50 транспортов.

Английский эшелон в составе 1500 бойцов с обозом выгружался с трех транспортов около 24 часов непрерывно, с утра 23 сентября до утра 24-го без перерыва на ночь.

24 сентября высаженные части двинулись обходными путями на запад под прикрытием выдвинутых к юго-западу японских передовых отрядов. Английский отряд должен был быть поставлен на стыке 1-го и 2-го эшелонов, но уступом в глубину.

Если обратить внимание на все даты и места, относящиеся к действиям английского отряда, то видно, что генерал Бернардистон не торопился прийти куда-нибудь раньше японцев. Это, по видимому, объясняется слабым оснащением и недостаточной обу-

¹ Английские войска были посажены в Тяньцзинь 10 сентября 1914 г. и 11 сентября днем пришли в Вэйхайвэй, где и стояли до 21 сентября.

² Английский эсминец «Аск» и один эсминец, приданный от 2-й японской эскадры.

ченностью его частей и нежеланием рисковать репутацией английских войск. Генерал предпочитал больше представлять, чем действовать в этой операции, общий успех которой был заведомо обеспечен многократным численным превосходством японских войск.

Первые столкновения авангардных частей произошли на всех обороняемых перевалах. Уже 18 сентября был захвачен проход Хотунг-пасс (210 м); 19 сентября был захвачен Мекленбург-гауз (447 м); взвод германского охранения, прикрывавший проход в долину Лаошань¹, обойденный с двух сторон, сдался.

В ту же долину другие японские части вышли южнее через горный проход Ирене-бауде (около 800 м).

До 23 сентября происходили столкновения за обладание северным проходом Клеттер-пасс (213 м). Одновременно начались столкновения передовых частей вдоль долины р. Пейша-Хэ.

Таким образом, надо считать, что в период с 20 по 25 сентября главная масса экспедиционных сил (около 23 700 чел.), идя с двух основных направлений: с севера (от Кяочао и Цзимо) и северо-востока (из бухты Лаошань), отрезали окончательно Циндао от материка и начали концентрическое наступление к первой осадной линии.

СТОЛКНОВЕНИЯ ПЕРЕДОВЫХ ЧАСТЕЙ. ОБЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТИ

1-й японский эшелон (23-я пехотная бригада) в составе 7900 человек не рискнул начать движение от Цзимо до тех пор, пока не окончилась высадка 2-го и 3-го эшелонов в бухте Лаошань, т. е. пока 24-я и 29-я пехотные бригады не развернулись и не начали наступление с другого направления. Поэтому только 25 сентября передовые части 1-го эшелона развернулись на рубеже р. Пейша-Хэ и начали форсирование его.

Между тем генерал Камио не мог не знать, что германская полоса охранения протяжением в 30 км, отстоявшая на 25—30 км от крепости, и ее передовая позиция оборонялись не более как одной или полутора тысячами бойцов. В этой чрезмерной осторожности, проявленной с начала операции, сказывалась не трусость, а уверенность в конечном успехе военных действий, неже-

¹ На германских картах — Долина герцогини Елизаветы.

ление рисковать репутацией армии и преувеличенная оценка качества германских войск.

В период с 18 по 23 сентября передовые части эшелонов, высаженных в бухте Лаошань, последовательно пробились через хребет Лаошань по горным проходам: Хотунг-пасс, Мекленбурггауз, Темпель, Ирене-бауде, Клеттер-пасс и оттеснили германское охранение в долины, ведущие к передовой позиции.

20 сентября японские миноносцы обстреляли части, прикрывавшие бухту Шацзыкоу.

С 21 сентября усилилась деятельность разведывательных самолетов экспедиционной армии и гидросамолетов флота, изучавших подходы к крепости и развертывание германских частей.

25 сентября авангард 1-го эшелона перешел р. Пейша-Хэ, причем небольшие столкновения произошли только с германскими кавалерийскими патрулями, отошедшими на Цангкоу—Литсун.

Таким образом, 25 сентября обозначилось общее и одновременное наступление японцев по радиальным направлениям к Циндао с севера — вдоль основной дороги Кяочао—Люцинь—Циндао и с северо-востока — через хребет Лаошань.

Незначительные подразделения (не больше взводов), выделенные для охранения всех проходов, ведущих к крепости, сыграли свою роль в том отношении, что заставили почти все японские части развернуться в боевой порядок сейчас же после высадки и тем самым замедлили продвижение противника. Немцы достигли этого искусным использованием весьма пересеченной местности, упорством отдельных взводов, их контратаками там, где противник не был достаточно осторожен (Клеттер-пасс), и телефонной связью между смежными частями охранения, обеспечивавшей гибкость их маневра и взаимодействия.

Следствием этого было то, что 2—3 сотни германской морской пехоты заставили многотысячную японскую армию продвигаться от границ концессии до передовой позиции Цангкоу—Литсун—Шацзыкоу, т. е. преодолевать расстояние не более 9—10 км почти двое суток.

К 25 сентября передовая позиция крепости располагалась по пологой дуге, левый фланг которой упирался в бухту Кяочао у местечка Цангкоу, а правый закрепился на берегу Желтого моря у бухты Шацзыкоу.

Общее протяжение позиции — около 16—18 км. Она не представляла сплошного рубежа, так как местность не позволяла со-

1 0 1 2 км

ЗАЛИВ КЯОЧАО

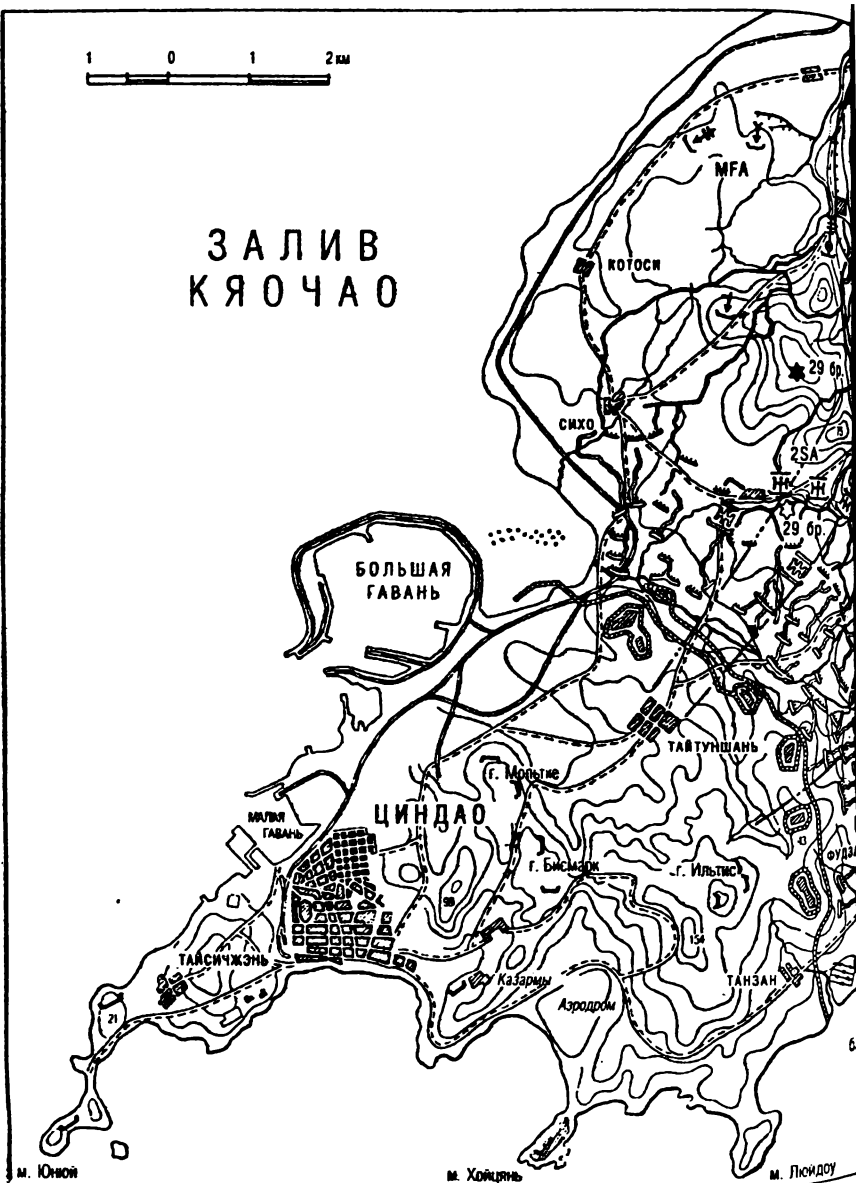
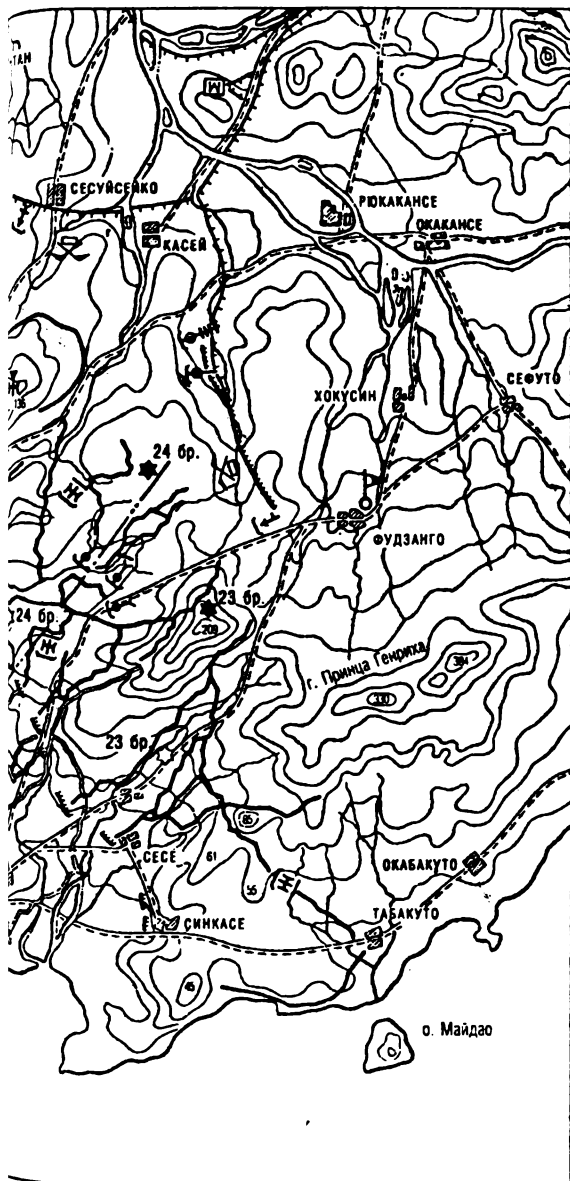

Схема 8. Осадные позиции

Условные обозначения
(с японской карты):

- 240-мм гаубичная батарея
- 280-мм гаубичная батарея
- 200-мм гаубичная батарея
- 150-мм гаубичная батарея
- 150-мм пушечная батарея
- 105-мм пушечная батарея
- 120-мм гаубичная батарея
- 75-мм полевая батарея
- Наблюдательный пункт
начальника артиллерии
- Штаб бригады
- Главная квартира
- Инженерное депо
- Магазин железной дороги
- Траншея
- Декавилька
- MFA** Морская тяжелая артиллерия

2SA 2-й тяжелый арт. полк

Примечание:

Сплошными линиями показаны осадные позиции, относящиеся к 1-му этапу осады (до 18 октября).
Контурными линиями показаны осадные позиции, относящиеся ко 2-му этапу осады (после 18 октября).

здать выгодную и непрерывную позицию. Характер рельефа полуострова Лаошань таков, что до последней гряды возвышенностей, находящихся непосредственно перед крепостью, долины рек и многочисленные дефиле идут в общем направлении на юго-запад, т. е. открывают подходы к Циндао. Поэтому отдельные командные высоты и дефиле прикрывались пятью маневренными группами, состоящими из рот морской пехоты с приданными им кавалерийскими взводами и пулеметными командами. Соответствующие участки были оборудованы стрелковыми окопами и пулеметными гнездами полевого типа. В пределах самих участков, как и для связи между соседями, имелась кабельная телефонная связь.

На подходах к обороняемым участкам немцы широко использовали закладку мин и фугасов, которые тщательно замаскировывались. Непосредственно перед окопами были установлены проволочные заграждения.

Артиллерия передовой позиции состояла из пяти стационарных батарей 90-см и 120-см, установленных повзводно на временных позициях, одной подвижной батареи и трех 150-см полевых гаубиц. Кроме того, левый фланг должны были поддерживать своей артиллерией германские корабли из залива Кяочао. Огневая поддержка правого фланга с моря была нереальна, поскольку фланг позиции выходил за первую линию японского блокадного дозора.

Организационно все передовые отряды делились на две части: «левое крыло» под командованием обер-лейтенанта Куло и «правое крыло» под начальством майора Андерса, которые подчинялись непосредственно командующему сухопутным фронтом крепости — обер-лейтенанту Кессингеру.

Передовая позиция была временной и как по своему составу, так и по оборудованию не могла сыграть значительной роли. Очевидно, что главным назначением ее было возможно дольше задержать продвижение японских частей и тем самым отдалить момент тесного обложения крепости.

Кроме того, выдвинутые в полосу охранения конные взводы морской пехоты и самокатные отделения должны были выявить группировки и уточнить состав сил противника. О высадке в Лункоу и движении 1-го эшелона комендант знал из телеграмм доверенных лиц; обстановку на границах концессии освещали единственный самолет и китайская агентура. Всего этого было недо-

статочно, чтобы иметь необходимые сведения об экспедиционных силах японцев.

Первую атаку на передовую позицию японцы произвели на своем правом фланге в районе высот Цангкоу вечером 26 сентября.

На участок, просмотренный днем с самолетов и смежных высот, двинулись в темноте плотные массы стрелковых частей, обходя все заграждения. Предварительной артиллерийской подготовки не было. Отряд майора Клееманна не выдержал этой ускоренной атаки превосходных сил и, чтобы не быть отрезанным, вышел из боя и отступил к станции Цангкоу, где задержался до утра 27 сентября.

Этот отход и японское наступление в центре поставили под угрозу смежный участок левого крыла, который располагался на северо-восточном склоне Литсунских высот, почему в ночь с 26 на 27 сентября участок был очищен, и части отошли на Литсун, временно потеряв соприкосновение с противником. Японцы осторожно, но упорно наступали по пятам, обходя все минированные пункты.

Так как малочисленным германским отрядам нельзя было рассчитывать удержаться в долине р. Литсун, то после разрушения правительственных зданий и водоприемной станции, питавшей город Циндао, части левого крыла на заре 27 сентября отошли к югу на гряду следующих высот, командовавших над долиной.

Правое германское крыло было атаковано тоже 26-го числа. Здесь глубокое проникновение японских частей по долинам рек поставило под угрозу противодесантный отряд, прикрывавший бухту Шацзыкоу и Лаошанькоу. Без боя, уничтожив часть боезапаса и все, что нельзя было захватить с собой на выюках, части поспешно отошли через гору Кайзерштуль (см. схему 3) и заняли высоты горы Принца Генриха (384 м) на последнем рубеже перед крепостью (см. схему 80).

Таким образом, 27 сентября линия обороны передовых частей крепости сжалась до 10—11 км по фронту и отстояла от передового крепостного рва на 3—4 км.

Несмотря на то что теперь эта линия могла поддерживаться огнем сухопутных фортов¹ и было произведено (правда, напрех) укрепление этой позиции (окопы и проволока), она не могла длительно противостоять уже развившемуся наступлению превосходных японских сил.

¹ Бисмарк и Ильтис.

Германские части использовали момент переправы противника через р. Литсун и нанесли значительные потери японцам пулеметным и артиллерийским огнем. Наибольшую помеху переправе оказал огонь корабельной артиллерии из бухты Кяочао, которым простреливалась вся западная часть долины.

При отходе передовых частей в главную оборонительную полосу крепости на правом крыле произошел характерный боевой эпизод.

В группе возвышенностей, носящей название горы Принца Генриха (384 м), имелась одна труднодоступная скала, которая называлась Орлиное Гнездо (330 м). Командующий германским сухопутным фронтом выделил на этот пункт специальный отряд в составе 2 офицеров и 60 человек, набранных из числа добровольцев. Отряд этот, помимо стрелкового вооружения, был снабжен пулеметами и ручными гранатами и имел телефонную связь с крепостью. Переоценив недоступность этого пункта и считая, что отряд сможет продержаться даже после того, как будет обойден со всех сторон, Кессингер поставил перед ним задачу — скрытно от противника возможно дольше наблюдать за его действиями и доносить о них в крепость.

В соответствии с этим отряду была дана провизия на 4—5 недель, большой запас патронов, а телефонный кабель с крепостью был замаскирован в грунте.

Уже 27-го числа командир наблюдательного отряда не смог остаться равнодушным к панораме, которая развевалась перед его глазами, и, используя выгоды своей позиции, начал фланговым ружейным и пулеметным огнем поддерживать отходящие германские части. С наступлением темноты огонь затих.

К своему великому изумлению немцы обнаружили на рассвете японских стрелков, засевших в 100 м от вершины и почти окруживших ее. Оказалось, что в течение ночи японцы бесшумно преодолели самую крутую часть подъема к Орлиному Гнезду и засели на краю, там, где подъем переходит в маленькое плато перед вершиной¹. Атака была отложена до рассвета.

Около полудня 28 сентября, вскоре после ранения командира, отряд сдался, 54 человек и 4 пулемета были взяты в плен, и наблюдательный пункт был ликвидирован не через 4—5 недель, а на второй день своего существования. Данный случай также дол-

¹ Германская официальная версия утверждает, что при этом обувь японских солдат была обвязана соломой, а для взаимного опознания на рукавах имелись белые повязки.

жен быть отнесен к некритическому освоению истории осады Порт-Артура германским командованием. Наивно было предполагать, что японцы оставят без внимания командную вершину, расположенную в 5 км от передового рва крепости, независимо от наличия на ней германского отряда и поведения этого отряда. Ход дальнейших событий показал, что уже на следующие сутки на Орлином Гнезде приступлено было к оборудованию главного наблюдательного пункта осадной армии.

28 сентября японцы повели наступление по всему фронту. Впервые вступила в действие тяжелая полевая артиллерия, обеспечивавшая атаку на отдельных участках. С моря левый фланг наступавших частей также впервые поддержали большие корабли блокадной эскадры. Поэтому японцы искали решения именно на своем левом фланге, где они старались обойти передовую германскую позицию между высотами Вальдерзее (на схеме 8 — высота с отметкой 209) и горой Принца Генриха (отметка 384).

Германские части поспешно оставили последнюю временную позицию и под прикрытием огня крепостной артиллерии отошли через р. Хайпо в пределы постоянной оборонительной полосы. При этом пришлось взорвать уцелевшие 120- и 90-мм морские установки, стоявшие на временных основаниях¹. Полевую батарею, а также тяжелую гаубичную удалось вывести из-под огня и доставить в крепость.

Таким образом, с 28 сентября крепость была тесно обложена с суши; с этого дня началась фактическая осада Циндао, а гарнизон развернулся по плану непосредственной обороны.

Немцы потеряли в боях на подступах к крепости 4 офицеров и 103 рядовых бойцов, т. е. около 10 % общей численности передовых частей. По американским источникам, потери японских войск за тот же период определяются в 150 человек убитыми и значительно большим числом раненых.

В итоге надо считать, что передовые части задержали продвижение противника на 3—4 суток с момента начала общего наступления² и показали японцам, что за каждый клочок территории своей концессии они приготовились серьезно драться.

У японцев ясно выявились две тенденции. Первая — опера-

¹ Часть из них 27 и 28 сентября была выведена из строя попаданиями японских снарядов.

² А не на 10 суток, как утверждает официальная германская версия, неверно считая с 18 по 28 сентября — т. е. с момента начала высадки десанта. Высадке никто не препятствовал, поэтому надо считать с момента начала японского наступления.

тивного порядка: не начинать наступления против немцев, как бы малочисленны они ни были, предвительно не перестраховав себя многократным превосходством сил и всесторонним обеспечением. Вторая — тактическая: когда речь идет о позициях временного типа, без долговременной фортификации просматривать местность и изучать обстановку днем, а атаковать ночью.

Удивительную способность японских частей обходить все заложенные мины и фугасы немцы приписали китайским шпионам, которые якобы наблюдали за подготовительными работами и позже выдали их японскому командованию.

СОДЕЙСТВИЕ ФЛАНГУ, ОКАЗАННОЕ ГЕРМАНСКИМИ КОРАБЛЯМИ

Из-за наличия блокадного дозора превосходящих японо-английских сил для германских кораблей исключалась возможность содействовать частям, расположенным на побережье Желтого моря. Другая обстановка складывалась на левом фланге, который упирался в берег бухты Кяочао. Здесь благодаря отсутствию морского противника германо-австрийские корабли имели полную возможность использовать свою артиллерию для поддержки сухопутных частей.

Впервые корабли были использованы для этой цели 24 сентября, когда S-90 обстрелял японские кавалерийские части, двигавшиеся вдоль прибрежной дороги в районе деревни Ньюкушан.

26-го аналогичную задачу получила канонерская лодка «Ягуар», после чего она почти ежедневно выходила в залив для этой цели. И, наконец, 27 сентября вышел для той же цели крейсер «Кайзерин Элизабет». Использованию кораблей для поддержки фланга армии предшествовала тщательная предварительная подготовка.

Ввиду мелководности бухты Кяочао самые дальние от Циндао объекты, севернее устья р. Литсун, обстреливал миноносец, устье реки — канонерская лодка и к югу от нее — крейсер.

Район маневрирования кораблей и подходящий фарватер к нему были дополнительно промерены и тщательно обставлены навигационными знаками. В период до 23 сентября корабли сделали несколько пробных выходов для освоения фарватера, изучения берега, приметных знаков на нем и для тренировки комендоров и артиллерийских офицеров в стрельбе по берегу. Фор-марс канонерской лодки «Ягуар» верфью был оборудован под наблю-

дательный и командный пост, а грот-мачта была снята вовсе для удобства стрельбы из кормовых орудий на острых углах.

Совместно с командованием левого крыла передовой позиции были выработаны условные сигналы для обеспечения взаимодействия. Специально сформированные подвижные сигнально-наблюдательные и корректировочные посты были свезены с кораблей на берег и размещены на высотах Кушан и на горе Ильтис.

В первое время корабли стреляли с якоря совершенно беспрепятственно, стоя на шпринге¹. Стрельба велась по движущимся колоннам японцев, полевым батареям на позициях и переправам. Огонь корабельной артиллерии был настолько эффективен, что правый фланг 23-й пехбригады японцев вынужден был отказаться от пользования прибрежной дорогой на открытых ее участках. Особенно успешно поддерживали корабли свои сухопутные части 27 сентября при форсировании японцами р. Литсун, так как все устье и нижняя часть ее хорошо просматривались и простреливались из бухты Кяочао.

Японскому командованию пришлось выделить часть полевых батарей для противодействия германским кораблям.

Серьезного вреда эти батареи не причинили, однако заставили противника отказаться от якорной стрельбы. С этого момента германские корабли маневрировали при стрельбе малым ходом, что соответственно снижало успешность огня по берегу. Насколько этот огонь мешал японцам, видно еще из того, что пять самолетов немногочисленной японской авиации также были привлечены для борьбы с кораблями. Однако бомбовые атаки самолетов особого успеха не имели.

Японцы форсированным порядком начали устанавливать морскую дальнобойную артиллерию на своем правом фланге, чтобы придать ему устойчивость и прекратить фланкирующий огонь из бухты. По мере продвижения частей батареи, стоявшие на временных основаниях, два или три раза меняли позиции. 4 октября «Ягуар» получил прямое попадание в нос и несколько мелких повреждений от осколков.

После установки на горе Кушан (47 м) батареи морских 150-мм орудий выходы германских кораблей прекратились ввиду бесполезности состязания небронированных кораблей с береговыми батареями в затрудненных гидрографических условиях².

¹ Т. е. стоя на двух якорях с носа и с кормы, для того чтобы ветром или течением не разворачивало корабля.

² Расположение этих батарей см. на схеме 8, в районе отметки «МФА».

Решив свою задачу, японское командование показало, что наиболее правильным решением для обеспечения фланга армии, упирающегося в море, является включение в состав фланговых частей береговых батарей с флотской командой, обученной стрельбе по морским подвижным целям.

Таким образом, в операции против Циндао обстановка позволила японцам продемонстрировать два способа поддержки фланга, упирающегося в море. Там, где перевес морских сил позволял (в Желтом море), армия поддерживалась флотом, а там, где по условиям обстановки хозяйничал неприятельский флот (бухта Кяочао), фланг поддерживался береговыми батареями, перемещавшимися вместе с полевыми частями.

ГЛАВА VIII

МОРСКИЕ СИЛЫ И АВИАЦИЯ ПОД ЦИНДАО

ТРАЛЬНЫЕ РАБОТЫ ЯПОНСКОГО ФЛОТА

В главе о составе японского флота было указано, что по предварительному развертыванию в состав блокирующей эскадры был включен тралящий караван из 13 мореходных и 10 катерных тральщиков.

Тральщиков специальной постройки японский флот к началу мировой войны не имел. Поэтому были использованы 13 рыболовных траулеров от 80 до 100 т водоизмещения, зафрахтованных у частных рыболовных компаний.

Отряд катерных тральщиков был также «импровизирован» из корабельных катеров 2-й эскадры, дополненных частично портовыми катерами, приведенными из Японии.

Первоначальная организация и состав тралящего каравана были следующими:

Отряд А:

«Касуми-мару» — брейд-вымпел начальника отряда (капитан-лейтенант Янагивара),

- «Сазанами-мару»,
- «Сацуки-мару»,
- «Фузуки-мару»,
- «Макигумо-мару»,
- «Вакамиа-мару».

Отряд В:

- «Рюкю-мару» — вымпел начальника отряда (капитан-лейтенант Ямазаки),
- «Нагато-мару № 3»,
- «Нагато-мару № 5»,
- «Нагато-мару № 6»,
- «Нагато-мару № 7»,
- «Нагато-мару № 8».

Запасной тральщик «Коио-мару» — на случай повреждения одного из действующих.

Отряд катерных тральщиков:

10 катеров.

Французские материалы указывают, что число катерных тральщиков было впоследствии доведено до 40 единиц.

Командирами тральщиков были назначены кондукторы, а укомплектование их командами производилось за счет матросов из кадров «отрядов обороны баз» — Сасебо и других.

Тральное вооружение, которым располагал японский флот, было весьма примитивным. Основной тип траля больших тральщиков состоял из дюймового стального троса, подвешенного на железных буйках цилиндрической формы с заостренными оконечностями, причем для притапливания тралящей части служили не специальные грузы и щиты, а простые балластины и колосники.

Мины, всплывшие или вытасценные на мелкие места, обычно расстреливались, в очень редких случаях — поднимались для разоружения.

Кроме того, имелись, по-видимому, тральные приспособления с небольшими подрывными зарядами для перебивания минрепов, так как одно из таких приспособлений видел капитан 2-го ранга Воскресенский¹, побывавший на тральщиках после занятия Циндао.

Тралящий караван формировался в Сасебо, откуда он вышел 27 августа. К работам тральщики приступили впервые 16 сентября в бухте Лаошань.

¹ Русский морской атташе в Японии.

По американским источникам, 27 августа начались тральные работы в районе маневрирования блокирующих кораблей, однако по другим материалам это не подтверждается.

На тральщики возлагались следующие задачи:

- 1) контрольные обследования района маневрирования блокирующих кораблей (дозора);
- 2) обследование и очищение подходов к бухтам, намеченным для высадки экспедиционных частей, и
- 3) систематическое контрольное траление районов маневрирования больших кораблей при артиллерийском состязании их с крепостью.

Подходы к местам, намеченным для высадки в бухте Лаошань (Роздан), были протралены в период с 16 по 18 сентября.

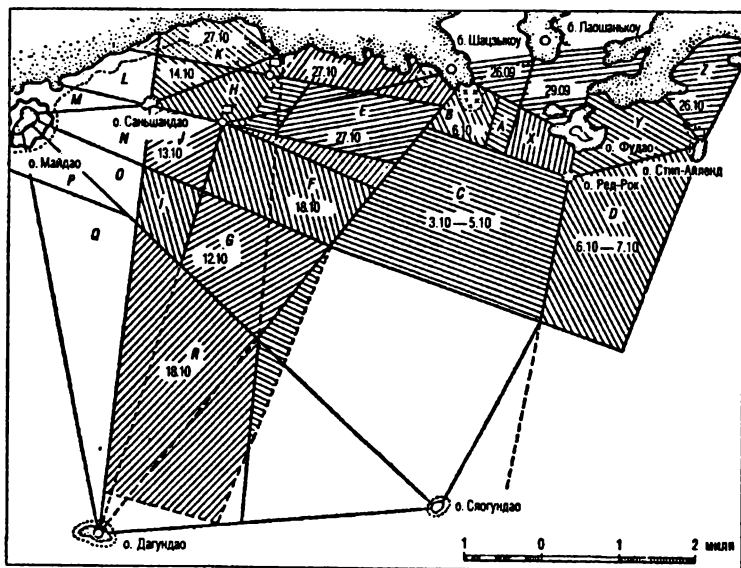

Схема 7. Тральные работы в районе маневрирования линкоров и при подходе к бухте Шацзыкоу

Затем в трое суток (с 24 по 27 сентября) были протралены подходы (фарватер) к бухте Лаошань, после чего с 27 сентября было приступлено к систематическому тралению всего района от бухты Лаошань до о. Майдао и на юг до о. Дагундао, т. е. всего района, намеченного для маневрирования кораблей артиллерийской поддержки.

Для траления этот район был разбит на ряд участков, как показано на схеме 7.

Последовательность траления отдельных участков и напряжение работы тральщиков видны из календаря их работы с 16 сентября по 27 октября.

Дата	Протраленные участки	Примечание
16.9	Бухта Лаошань в местах высадки десанта и маневрирования транспортов	
17.9		
18.9		
24.9	Фарватер для входа в бухту Лаошанькоу (или Шацзыкоу)	Одновременно 25.9 один отряд обспсчивает бомбардировку
25.9		
26.9		
27.9	Участок А	
28.9	Западная часть бухты Лаошанькоу	
29.9	Восточная часть бухты Лаошанькоу	
30.9	Работа в бухте Лаошанькоу	Взрыв «Вакама-мару», гибель «Нагато-мару № 3»
1.10	Работа в бухте Лаошанькоу	Гибель «Коио-мару»
3.10	Участок С	4.10 атака германского самолета
4.10		
5.10		
6.10	Участок В	Гибель «Нагато-мару № 6» (решение о реорганизации каравана)
6 и 7.10	Участок D	
10.10	Участок D	Атака германского самолета
11.10	Участок Y	
12.10	Участок G	
13.10	Участок I	
14.10	Мористые части участков H и K	
18.10	Участки F и R	
26.10	Участок Z	
27.10	Участок E и под берегом в H и K	

Кроме того, каждый раз, когда намечался обстрел крепости с моря, перед выходом больших кораблей производилось контрольное траление участков G и F.

Недостаточно продуманный выбор типа тральщиков дал себя знать, как только большие тральщики вошли в загражденные районы.

Мы не располагаем данными о начальном углублении германских мин, но по результатам японских потерь видно, что часть мин, выставившихся на рейдах предполагаемой высадки и на подходах к берегу у пунктов высадки, ставились против кораблей со средней осадкой и малой, т. е. против тральщиков и высадочных средств.

Необходимо также помнить о средней приливо-отливной амплитуде в 7 футов, которая должна была периодически делать эти заграждения более опасными для мелкосидящих судов.

Утром 30 сентября тральщики «Вакамина-мару» (отряда А) и «Нагато-мару № 3» (отряда В) при тралении подходов к бухте Лаошанькоу (рядом с бухтой Шацзыкоу) подорвались на минах¹. Первый получил сильные повреждения в носовой части, но его удалось удержать на плаву; из команды 6 человек ранено и 1 убит; тральщик выведен из строя. Второй — затонул; потери на нем: раненых — 1 офицер и 14 человек из команды, убитых — 3.

1 октября во время тральных работ наткнулся на германскую мину и затонул тральщик «Коио-мару», который был резервным и вступил вместо погибшего «Нагато-мару № 3». При этом 4 человека убито, 5 ранено.

В ближайшие дни вслед за этим взорвался на mine и погиб тральщик отряда В «Нагато-мару № 6».

Потеря 4 тральщиков из 13 в течение одного месяца, в условиях, когда тральным работам почти не оказывалось противодействия со стороны противника, заставила японское командование пересмотреть организацию трального каравана.

Гибель 31 % тральщиков на минах показывала прежде всего, что эти корабли не отвечают своему назначению по осадке².

Были приняты и проведены в жизнь три решения:

1) глубоко сидящие тральщики с середины октября последовательно заменены старыми номерными миноносцами из состава 11-го отряда миноносцев из Майдзуру и 15-го отряда миноносцев из Сасебо;

2) увеличено число катерных тральщиков и для опыта приданы в качестве тральных судов плоскодонные шаланды;

3) командование тралющим караваном поручено капитану 1-го ранга Хиросу.

В дальнейшем за время операции потерь в тральщиках не было. Только 10 ноября, уже после взятия Циндао, во время траления наткнулся на мину и затонул миноносец № 33.

Минные заграждения еще долго оставались значительной помехой для победителей, так как тральные работы по очищению входа в бухту Кяочао продолжались два месяца после падения кре-

¹ Германское заграждение № 3.

² Данных об осадке этих тральщиков нет, но, исходя из того, что это были мореходные траулеры в 100 т водоизмещения, надо полагать, что при полной нагрузке они должны были сидеть от 7 до 8 футов.

пости, т. е. почти столько же времени, сколько понадобилось для всей осадной операции.

К 15 декабря 1914 г. оставались невытраченными еще около 120 мин¹.

Помехи противника при тралении, естественно, ограничивались районом воздействия его боевых средств.

Значительная часть минных заграждений не прикрывалась огнем береговых батарей. Поэтому те из них, которые оказались по внешнюю сторону блокадной линии и вне сектора обстрела, тралились совершенно безнаказанно.

25 сентября при тралении района маневрирования блокирующих кораблей, когда тральщики зашли в зону обстрела береговых батарей, удачным накрытием удалось добиться одного попадания в тральщик, причем были нанесены незначительные повреждения и ранено 2 матроса.

Позже случаи открытия огня по тральщикам повторялись, но попаданий не было ни одного.

4 и 10 октября германский самолет сбросил несколько бомб на тральщики, идущие с тралами, но никакого вреда им не причинил.

Выводы, которые можно сделать на основании сведений об организации и работе трального каравана, сводятся к следующему:

1. Как и большинство других морских держав, Япония вступила в мировую войну недостаточно подготовленной в области трального дела, несмотря на наличие практического опыта войны 1904—1905 гг. Специальной организации и типа кораблей выработано не было, тральное вооружение было самое примитивное.

2. При планировании операции против Циндао японское командование уделило значительное внимание минной опасности, что выразилось в формировании трального каравана в 23 единицы. Однако тот факт, что командование больших тральщиков было вверено кондукторам, что тип тральщиков оказался непригодным, показывает, что должной оценки и, главное, необходимого опыта и навыков не было. Результатом этого явился значительный процент потерь тральщиков.

3. Японскому флоту, как и многим другим, до выработки специального класса кораблей-тральщиков пришлось в качестве их использовать старые номерные миноносцы.

4. Напряжение использования тральщиков было исключительно высоким. Приведенный календарь показывает, что почти не

¹ Донсение русского морского атташе.

было дня, когда тральщики не работали даже в дни с неблагоприятной погодой. Не приостанавливали работы и потери двух кораблей в один день. Все это говорит об упорстве, хорошей морской выучке и очень высоком коэффициенте напряжения — черты, характерные для боевой деятельности японского флота.

БОМБАРДИРОВКА КРЕПОСТИ С МОРЯ

Первый обстрел крепости с моря был выполнен 28 сентября с целью поддержать японские части, наступавшие на левом фланге, и одновременно прикрыть высадку в бухте Лаошанькоу (рядом с бухтой Шацзыкоу).

В бомбардировке участвовали все линкоры во главе с флагманским «Суво» и при участии «Трайэмфа».

Обстрел начался в 7 часов утра. Исходная точка для маневрирования находилась в 3 милях к S от о. Шидао¹. Было сделано два боевых галса по пологой дуге, выгнутой в сторону противника (т. е. непостоянным курсовым углом), последовательно повторенные одним и тем же бортом. Объект стрельбы — батареи на горе Ильтис. Выбор дистанции (70—75 каб.) определился нежеланием попасть в зону обстрела береговых батарей.

Корректировку производил по радио крейсер «Тоне», находившийся у о. Дагундао.

1-й галс — освещение неудовлетворительное; дистанции стрельбы, считая до горы Ильтис:

в момент открытия огня 64,8 каб.

в момент наибольшего сближения 59,5 каб.

в момент прекращения огня 70,4 каб.

2-й галс — освещение хорошее; дистанция стрельбы:

в момент открытия огня 65,2 каб.

в момент наибольшего сближения 54,3 каб.

в момент прекращения огня 75,5 каб.

Всего произведено выстрелов:

Наименование кораблей	305-мм	254-мм	203-мм	190-мм	152-мм	Всего с корабля
«Суво»	—	39	—	—	—	39
«Ивами»	20	—	9	—	—	29
«Танго»	13	—	—	—	1	14
«Трайэмф»	—	32	—	34	—	66
Итого	33	71	9	34	1	148

¹ См. схему 4.

Немцы отметили очень большой процент неразорвавшихся снарядов.

Результат такого маневрирования и стрельбы был явно неудовлетворительный, так как германские батареи не имели повреждений. В союзной оценке бомбардировки, которая названа «хорошей», указано, что «много снарядов разорвалось на горе Ильтис». Иначе говоря, производилась стрельба не по батареям, а по горе, и поэтому результаты были соответствующие.

В последующем обстрел крепости обычно производился двумя-тремя кораблями во главе с флагманом эскадры и совместно с линкором «Трайэмф». Бомбардировка почти всегда приурочивалась к очередному наступлению на левом фланге осадной армии.

Главным объектом для обстрела с моря служили долговременные батареи на горах Ильтис и Бисмарк и форт № 1 (Сиотанзан) и только изредка — батареи морского фронта.

Обстрел велся почти всегда с участков «G» и «F» при средних дистанциях в 70—80 каб. (12,6—14,8 км), колебавшихся в зависимости от условий видимости¹. Наибольшая из отмеченных дистанций была около 85 каб. (15,8 км). Ближе 70 каб. (12,6 км) стреляющие корабли старались к берегу не приближаться из опасения подвергнуться обстрелу береговых батарей, особенно после попадания в «Трайэмф» с форта Хуйцьянь, который 14 октября добился накрытия на дистанции в 76 каб.² Каждый раз перед выходом больших кораблей на боевое маневрирование район последнего обследовался тральщиками; при этом как для удобства стрельбы, так и для обозначения протраленного района по внешней (т. е. ближайшей к берегу) его кромке предварительно выставлялись специальные вешки.

Обстрел производился только днем, за исключением одного случая ночной стрельбы линкора «Трайэмф».

Метод стрельбы — обычно на постоянном курсе, только одним бортом. После нескольких пристрелочных выстрелов (1 выстрел в 2 мин.) велась стрельба на поражение не более как из двух-четырёх орудий (со скоростью 3—4 выстрела в минуту); к концу галса — отворот независимо от результатов. Ход при этом — от 8 до 12 узлов. В случаях, когда нужно было обстрел продолжить, обратный галс не делался, а повторялось все маневрирование сна-

¹ См. схему 7.

² К этому времени на установках батарей Хуйцьянь были модернизированы механизмы вертикального наведения (увеличен угол возвышения), что дало увеличение дальности огня с 72,9 каб. до 76 каб.

чала. При выходе на стрельбу нескольких кораблей они вели стрельбу последовательно, имея интервал между кораблями в длину боевого галса, что вынуждало каждого мателота¹ точно повторять друг за другом все маневрирование.

Корректировка огня, помимо прямого наблюдения за падениями со стреляющего корабля, велась еще с бокового корректировочного пункта на берегу или с одного из крейсеров, специально выставляемых для этой цели.

Береговой корректировочный пункт был установлен японцами на высоте 330 м² на горе Принца Генриха, после ее захвата, что обеспечивало хорошее наблюдение германской передовой линии, первых трех фортов и восточных скатов горы Ильтис и горы Бисмарк. Пост имел телефонную линию на полевую радиостанцию, связанную в свою очередь со стреляющим кораблем. По материалам помощника русского морского атташе «на передачу с морского наблюдательного пункта на суда, ведущие бомбардировку, требовалось не более одной минуты»³. Хотя эта скорость передачи и соответствует описанному выше темпу пристрелочной стрельбы, надо полагать, что здесь мы имеем дело с некоторым преувеличением; по-видимому, как скорость передачи, так и реальная скорость стрельбы были меньше.

В двух случаях наблюдение за стрельбой по форту Хуйцянь вел японский гидросамолет, но результат обстрела он мог передавать только по возвращении из полета.

Интенсивность артиллерийской поддержки флота и напряжение его использования при решении этой задачи частично можно представить из следующих неполных данных, собранных из различных источников и сведенных в таблицу.

Как видно из приведенной таблицы, деятельность флота при артиллерийском содействии осадной армии была очень интенсивной, особенно если учесть то обстоятельство, что те же корабли непрерывно продолжали нести блокадную службу.

По оценке французского подполковника Мореля, наблюдавшего всю операцию, японскими кораблями было выпущено по крепости 1800 т металла⁴.

Однако итоги этой деятельности флота должны быть призна-

¹ Т. е. каждый последующий корабль в колонне.

² Высота «Орлиное гнездо».

³ Доклад ст. лейтенанта Нилендера, ЛОЦИА, дело Генмора № 4306, стр. 49.

⁴ Цифра явно преувеличенная. Б. Смит сообщает, что за время осады флот выпустил по крепости 2000 снарядов калибра свыше 190 мм.

Дата	Часы	Кто обстреливал	Цель	Средняя дистанция в каб.	Число снарядов
28.9	С 7.00	«Суво» «Ивами» «Танго» «Трайэмф»	Гора Ильтис	64,8	148
6.10	С 1.00 (ночная)	«Суво» «Трайэмф»	Бат. Ильтис	76,0	—
10.10	—	«Суво»	То же	81,2	40
14.10	—	«Суво» «Танго» «Трайэмф»	Бат. Хуйцян (по др. бат.)		
25.10	Сводный нет				
26.10		«Суво»	—	—	—
27.10		«Танго» «Окиносима»	Бат. Ильтис	—	20
28.10	После полудня	«Суво» «Танго» «Окиносима»	Форт № 1	—	20
29.10	С 9.30 до 16.30	«Суво»	Бат. Ильтис	—	55
		«Окиносима»	Бат. Хуйцян	—	18
		«Танго»	Форт № 1	—	58
		«Трайэмф»			66
30.10	—	«Суво» «Окиносима» «Ивами» «Трайэмф»	То же	—	241
31.10	С 9.00 до 16.30	«Суво»	Бат. Ильтис	—	
		«Ивами»	Бат. Хуйцян		
		«Танго»			
		«Окиносима»	Бат. Циндво	—	
		«Трайэмф»			
1.11	С 9.00 до 16.30	«Суво» «Ивами» «Трайэмф»			110
2 и 3 ноября сильный туман не допускал обстрела					
4.11		«Танго» «Окиносима»	Бат. Хуйцян	Из-за полуостр. Хайси	
5.11		«Мисима» и «Трайэмф»			
6.11		—	—		

ны, безусловно, неудовлетворительными. В результате 15 дней бомбардировки, в течение которых стрельба производилась в большинстве случаев по несколько раз в день, что составляет около 40—50 обстрелов отдельными кораблями преимущественно 12" и 10" калибром, крепости был нанесен весьма слабый урон.

За все время операции флотом сбито: 1 орудие на батарее Ильтис, 2 — на батарее Бисмарк и достигнуто одно попадание в форт Хуйцян.

В то же время нельзя считать стрельбу флота вовсе неэффективной, так как, помимо хотя и незначительного фактического материального ущерба, обстрел с моря заставлял замолкать германские батареи на длительные промежутки времени, особенно

необходимые для маневра японских пехотных частей. Кроме того, в пределах оборонительной полосы правого фланга крепости морской артиллерией были причинены значительные разрушения дорог, траншей и прочих сооружений. Не может быть оставлен без внимания и моральный эффект обстрела с моря, который держал в постоянном напряжении и под угрозой личный состав морского фронта Циндао, правого фланга крепости и батарей на Ильтисе и Бисмарке.

Ограниченные результаты обстрелов надо приписать крайне примитивному методу стрельбы, бывшему в обиходе, несмотря на наличие организации и средств, допускавших относительно надежную корректировку (боковые посты с радиосвязью). Помимо несовершенства метода, сыграла роль решительная тенденция беречь корабли, вследствие чего стрельбы велись обычно на предельных дистанциях и прерывались почти всегда, как только ответный огонь начинал угрожать накрытием.

Б. Смит уверяет даже, что «Трайэмф» и японские линкоры стали применять при стрельбе крен до 5°, чтобы увеличить свою дальность стрельбы и не входить в сферу огня форта Хуйцянь и Сяонива.

Морская артиллерия, входившая в состав осадного парка и установленная на позициях правого фланга японской армии, принесла крепости гораздо больше вреда, добиваясь прямых попаданий даже в такие отдаленные от нее батареи, как Сяонива (Тайсичжэнь), находившуюся на западной окраине Циндао, над бухтой Кяочао.

Противодействие, которое оказывалось крепостью атакам с моря, сводилось к относительно редким ответным обстрелам — редким потому, что обычно противник держался вне дальности огня береговых батарей.

Чаще всего открывала огонь батарея Хуйцянь, один или два раза — батареи Сяонива и Ильтис.

За все время операции только один раз атакующий флот понес потери от береговой артиллерии. 14 октября, отвечая на огонь линкора «Трайэмф», батарея Хуйцянь на дистанции 76 каб. (14,1 км) добила одного попадания 240-м снарядом — причем, помимо повреждений фор-марса и палубы, был убит один матрос и ранены ревизор и кондуктор. Англичанам пришлось уйти в Вэй-хай-вэй, и понадобилось 14 дней на исправление повреждений.

Подводя итог боевой деятельности японского флота против Циндао, надо отметить следующие наиболее серьезные моменты:

1. Бомбардировки флота выполнялись в точном соответствии с основным планом, по которому корабельная артиллерия должна была только оказывать непосредственную поддержку частям левого фланга. Никакой попытки решительной или самостоятельной атаки флот не делал. Батареи крепости, не мешавшие выполнению частных тактических задач флота, вовсе не обстреливались. В этом выразилась целесообразная последовательность японского командования в выполнении генерального плана.

2. Резко бросается в глаза крайняя осторожность и нежелание подвергать какому бы то ни было риску даже такие старые корабли, какие были под Циндао. При этом надо учитывать, что атакующий флот был в исключительно благоприятных условиях¹, так как ни подводные лодки, ни авиация ему не угрожали. Кроме мин, которые протраливались до стрельбы, и двух батарей морского фронта, фактически никто противодействовать не мог.

3. Метод и приемы стрельбы по берегу в 1914 г. в японском флоте были слабо разработаны, и обстрел крепости выполнялся крайне примитивно. Несмотря на улучшение средств связи со времен русско-японской войны, уровень этой отрасли боевой подготовки японского флота остался за 10 лет почти без изменения.

Не менее важно отметить, что в процессе операции не было сделано попытки найти более удовлетворительное решение этой тактической проблемы. Последний обстрел крепости ничем не отличался по методу маневрирования и стрельбы от первого; не только дистанции и румбы, но даже моменты открытия огня буквально повторяются. Это указывает на консерватизм командования и трудность внедрения новых приемов на смену уже установившимся.

Такое заключение можно сделать потому, что насчет малоудовлетворительной стрельбы у японского командования не могло оставаться сомнений, а обстановка из-за слабого противодействия германцев позволяла производить эксперименты. Однако это не значит, что позже опыт Циндао не был изучен и из него не были сделаны соответствующие выводы.

4. Положительным фактором является высокое напряжение использования больших кораблей, которые выполняли артподдержку сухопутных частей, совмещая ее с непрерывной блокадной службой. Если взять только октябрь месяц, то «Суво» имел 7 выходов на стрельбу, «Танго» — 5, «Окиносима» — также 5, «Ивами» — 2.

¹ Сравнить хотя бы с обстановкой Дарданельской операции.

Так как маневрирование для большинства стрельб отнимало от 7 до 7,5 часов, это дает от 50 («Суво») до 15 («Ивами») ходовых часов в месяц, т. е. в среднем 35 часов или 1,5 ходовых суток на каждый корабль, в то время как блокадная служба уже отвлекала их на 11 ходовых суток.

ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ СТОРОН

Японская авиация

Первый полет над Циндао был совершен 5 сентября двумя гидросамолетами флота (поплавковые «Фарманы») из бухты Лаошань. Задача полета — общая разведка крепости и базы и сбрасывание бомб на форты и аэродром, что и было выполнено благополучно, но без особого успеха.

Характерные для этого периода развития и использования авиации совмещение огневых и разведывательных задач и постановка расплывчатых и очень широких разведывательных задач (считали, что самолет «все видит») нашли свое отражение и под Циндао.

24 сентября к морскому звену присоединился еще один самолет.

27 сентября совершили первый вылет два армейских самолета, к которым через несколько дней прибавилось еще две машины. В этот день впервые в воздухе было сразу 5 японских машин (3 морские и 2 армейские), которые соединенно произвели бомбардировку германских кораблей («Ягуар», S-90 и «Кайзерин Элизабет»), оказывавших огневую поддержку своему флангу в районе устья р. Литсун.

В дальнейшем полеты производились почти ежедневно, за исключением дней со свежей погодой.

Последний полет был выполнен 6 ноября. Интересно отметить, что на этот раз над батареями и портом сбрасывались листовки с призывом не взрывать и не портить имущества и оборудования¹.

Все машины были двухместные, поэтому помимо пилота (в чине капитан-лейтенанта) в полете всегда участвовал наблюдатель (в чине мичмана).

Технический потолок японских машин был более 2000 м, но средние высоты при первых полетах над крепостью не превыша-

¹ См. главу IX, стр. 440.

ли 600—700 мин. Считалось, что желательнее летать значительно ниже для лучшего наблюдения и более точного бомбометания. Только боязнь ружейного и пулеметного огня немцев заставляла держаться на 600—700 мин. В последующем эти высоты возросли до 2000 мин.

За время операции против Циндао японскими самолетами было сброшено в общей сложности 120 бомб. Бомбы были небольшие, и наблюдатели сбрасывали их руками. Основными объектами для бомбометания были: корабли, форты, батареи, радиостанции, электростанция и ангары самолета и привязного аэростата.

Были попытки совместить с разведкой помимо бомбометания еще и корректировку огня, вернее — наблюдение за результатом стрельбы флота или осадных батарей, но итог таких опытов, конечно, был ничтожным. В беседе с подполковником Морелем начальник артиллерии осадной армии генерал Ватанабе так отозвался о деятельности авиации

«Для корректировки стрельбы аэропланы пользы никакой не принесли. Их разведка давала лишь общее приблизительное расположение батарей. Бросание бомб производило на противника главным образом моральное впечатление и отвлекало его внимание, не нанося каких-либо серьезных повреждений»¹.

Особый интерес представляет попытка использования самолетов для выяснения водных районов, загражденных минами. Насколько известно, это стало первой попыткой решения подобной задачи авиацией в империалистическую войну². Детали этого дела неизвестны, но русский помощник морского атташе в своем докладе Морскому генеральному штабу сообщил, что

«в одном из официальных извещений японского Морского генерального штаба говорится, что возложенное на капитан-лейтенанта Канэко и мичмана Фудзиноси поручение пролететь над морем у бухты Лаошань для высматривания мин ими исполнено успешно».

Полетам японских самолетов германский гарнизон противодействовал огнем пулеметным и одной противоздушной батарее. Однако результатом стрельбы по самолетам было только увеличение высот полетов и пулевые пробоины в плоскостях. За все время операции ни один из японских самолетов сбит не был.

¹ ЛОЦИА, Архив Генмора, дело № 4306, стр. 58.

² Событие это относится к 15—20 сентября 1914 г.

Что касается организации населения и гарнизона для уменьшения потерь от воздушных бомбардировок, то в этом отношении было сделано много. Беспорядочная ружейная стрельба, происходившая в первые дни осады, после строжайшего приказа коменданта сменилась организованным огнем только специально выделенных подразделений. Все без исключения жители, команды фортов, батарей, судов и т. п., не участвовавшие в отражении налета, должны были укрываться за прикryтия. Последними служили подвалы домов и бетонные казематы частей. Благодаря этому мероприятию, осуществленному, по-видимому, при очень высокой дисциплине, удалось сократить бесцельный расход патронов и свести потери в людях до минимума.

Германская авиация

Как уже было сказано в главе о составе сил, гарнизон Циндао располагал только одним исправным самолетом «Таубе» со старшим летчиком капитан-лейтенантом Плюшовым.

Любопытно отметить, что в первое время авиаразведка и ее возможности настолько недооценивались командованием и штабом крепости, что Плюшов летал, когда хотел и куда хотел, ни от кого не получая заданий. Больше того: никто серьезно не интересовался результатами его полетов. Начальник штаба крепости при организации разведки базировался главным образом на агентуре и данных наземной войсковой разведки.

Только после случая, когда китайские агенты подняли тревогу сообщением о высадке десанта в одной из бухт, а Плюшов доказал, что это донесение вымышлено, — на него обратили внимание.

Настойчивой, методичной и очень смелой работой летчик показал, что может сделать даже один самолет для обороны укрепленного района. Не доверяя свой единственный самолет другому летчику, находившемуся в гарнизоне, он с колоссальным напряжением почти ежедневно работал в воздухе и за летчика, и за летнаба. Постепенно самолет стал главнейшим средством разведки для командования.

Для характеристики этого достаточно привести напутствие, с каким начштаба крепости отпускал в полет своего флагманского летчика в один из последних дней осады:

«Плюшов, помните, что вы теперь для Циндао важнее насыщающего хлеба. Возвращайтесь сами и сохраните само-

лет в целости. И думайте также о том, как мало у нас снарядов и что мы их здесь расстреливаем по вашим наблюдениям. Помните об ответственности»¹.

Работать приходилось в очень тяжелых условиях. Самолет имел предельный потолок в 1500—2000 м и горючего на 3 часа полета, при условии отказа от летнаба и максимального облегчения машины. После порчи винтов, привезенных из Германии, пришлось летать на кустарных винтах, сделанных местной верфью, которые плохо тянули и скоро расклеивались. Аэродромом крепости служил Ильтис-плац, находившийся вблизи форта Хуйцянь и в мирное время бывший ипподромом. Старт был крайне затруднен из-за гор, окружавших летное поле, и по условиям местности приходилось взлетать либо на север² и набирать высоту над бухтой Кяочао, либо на юг — над морем.

Набрав высоту 1500—2000 м, Плюшов выходил к району расположения осадных частей и начинал делать зарисовки на карте квадратов. Главнейшими объектами наблюдения, после того как кончилась высадка в Лаошане и крепость была обложена, являлись позиции тяжелой осадной артиллерии. Расположенные на закрытых позициях, на обратном скате высот Кушан, Вальдерзее и других, они не просматривались с привязного аэростата и с командного пункта начарта крепости, а так как выходы кораблей, в море и в залив³ были невозможны, то самолет стал единственным средством заглянуть в расположение противника⁴.

После 1—1,5 часов наблюдений Плюшов возвращался прямо к городу и переменным скольжением в течение 4 минут терял высоту и садился.

Была попытка использовать самолет для бомбометания. Ввиду отсутствия авиабомб артиллерийское депо изготовило их из кофейных банок, начиненных динамитом со стальными обрезками, используя в качестве взрывателей дистанционные артиллерийские трубки, приспособленные для ударного действия. Бомбы эти дали очень большое число отказов, несмотря на удачные попадания; поэтому после нескольких попыток от них отказались.

Надо отметить, что германский самолет 4 и 10 октября сбрасывал бомбы по японским трапзикам в момент их работы по расши-

¹ Pluschow G., De Abenteuer des Fliegers von Tsingtau. S. 87.

² В ложбину между горами Бисмарк и Ильтис (см. схему 2).

³ С момента установки японских береговых батарей на берегу бухты Киао-Чао, простреливавших фарватер к устью р. Литсун.

⁴ Естественно, что китайская агентура не могла обслуживать артиллерийскую разведку.

рению фарватера к бухте Лаошанькоу. Мысль очень хорошая, так как эти противодесантные заграждения находились вне дальности огня береговых батарей и атака в момент траления давала эффект взаимодействия самолета с минным заграждением. Но одного самолета с кустарными бомбами было недостаточно для успеха¹. Постепенно все прочие задачи отпали, и только единственный «Таубе» остался незаменимым средством разведки для командования.

Так же как и на европейском театре, при первых встречах в воздухе японские и германские летчики мирно расходились. Позже начался взаимный обстрел из автоматических пулеметов, не давший никаких результатов.

Напряженная и, очевидно, успешная работа германского летчика заставила японское командование искать способ для его ликвидации. Помимо ружейного и пулеметного огня были предприняты попытки уничтожить противника на его аэродроме. Для этого производилась бомбардировка ангара с японских самолетов и обстрел района Ильтис-плац как осадными батареями, так и флотом.

Причина неуспеха этих попыток объясняется отчасти тем, что Плюшов скрытно перенес свой ангар. Старый ангар, стоявший под холмом у северной оконечности плаца, был оставлен на месте и имитирован как действующий², а по ночам на противоположном конце аэродрома, под лесистым холмом, был вырыт и замаскирован новый ангар. Он имел значительное земляное покрытие и лучшие зашищался горой от обстрелов с моря.

Близость крепостного аэродрома к оборонительной линии и открытое местоположение его со стороны моря, наряду с техническими недостатками, породили мысль построить гидросамолет, с тем чтобы в качестве морского аэродрома использовать бухту Кяочао. Эта работа была поручена судостроительной верфи, но довести ее до конца не удалось.

Наиболее серьезную помеху деятельности германского самолета оказывал шрапнельный огонь тех батарей, которые были специально выделены как противосамолетные. Насколько в первое время японцы не умели решать такие задачи, видно из того, что сначала эти батареи были установлены в полосе расположения остальных артиллерийских позиций. Ввиду малочисленности батарей (2–3) и большой мертвой воронки у установок Таубе мог обходить поражаемые зоны. Только после неудач отражения пер-

¹ Одна из бомб, попавшая в тралщик, не взорвалась.

² В него вкатывали или периодически ставили перед ним макет самолета, следя за его действиями.

вых налетов японцы отнесли противоздушные батареи в глущину с таким расчетом, чтобы максимальная ордината траектории проходила над объектом ежедневных наблюдений Плюшова, т. е. над позициями тяжелых осадных батарей. После этого германский самолет стал возвращаться с пробоинами от осколков. Однако сбить его японцам не удалось¹.

В последующий период японцы использовали другой метод: в момент взлета или при посадке германского самолета ставилась завеса шрапнельного огня 75- и 150-мм непосредственно над аэродромом, на небольшой высоте. Успех был тот же: опасных поврежденных самолет не получил.

5 ноября, когда в ожидании решающего штурма в крепости уничтожали все ценное оборудование, чтобы оно не попало врагу, был закончен гидросамолет, с колоссальным трудом построенный на верфи под руководством австрийского летчика. Этот гидросамолет был уничтожен, не дождавшись даже своего испытания.

6 ноября, т. е. накануне сдачи, по приказанию коменданта Плюшов, захватив письма и кое-какие документы, вылетел из обреченной крепости для ухода на нейтральную территорию. Рано утром, при свете луны, самолет стартовал на юг и, пройдя над полуостровом Жешке, ушел на юго-запад. В тот же день, сев в китайском городе Хайшоу, в провинции Цзянсу, Плюшов сжег свой самолет, с тем чтобы он не достался неприятелю, и был интернирован китайским правительством².

Опыт Циндао показывает, что даже один самолет при должной настойчивости и искусном его использовании может принести очень большую пользу при обороне крепости или укрепленного района. Чем меньше авиасредств, тем рациональнее ограничивать число задач, на них возлагаемых.

Японцы, имевшие 7 машин, не сумели извлечь из них той пользы, которую они могли принести даже для артиллерийской разведки, так как до последнего дня машины решали самые разнообразные задачи.

Утверждение Плюшова в его воспоминаниях, что 6 ноября он сделал «самый модный прорыв блокады», имеет под собой основание. Из блокированного Циндао ушли миноносец и самолет. Но

¹ Подполковник Морель свидетельствует, что японцы по самолету стреляли очень плохо.

² Позднее, поступив в Шанхае матросом на японский пароход, Плюшов пытался через Англию и нейтральных соседей попасть на родину. Несмотря на организованную за ним слежку и последующий арест, он все же добился своего и, ускользнув от англичан, в конце концов пробрался в Германию.

это были единственный исправный миноносец и единственный самолет, иначе говоря — все торпедные и воздушные силы.

Остается отметить, что в условиях Циндао привязные аэростаты себя не оправдали. Обе стороны вынуждены были от них отказаться по следующим причинам: сильная пересеченность местности не давала возможности просматривать глубину расположения противника и обратные скаты; в то же время расположение осадных и крепостных позиций было настолько сближено, что аэростаты находились в сфере действительного огня всей полевой артиллерии¹.

ГЛАВА IX

ОСАДА

ПЛАН НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ОБОРОНЫ КРЕПОСТИ

С момента ликвидации передовых позиций, т. е. с 29 сентября, гарнизон крепости развернулся по плану непосредственной обороны.

В первое время, пока японские траншеи не приблизились на дальность действительного пулеметного огня, местность впереди крепостного рва освещалась усиленными патрулями. Позже пришлось от этого отказаться, и всякий выход за передовой ров был сопряжен с боем.

Внутри крепости комендант разбил полосу местности, примыкавшую с тыла к пехотным укреплениям, на три участка: «правый участок» — от бухты Фушань до укрепления № 1, который заняли 400 бойцов; «средний» — от укрепления № 1 до укрепления № 5 — заняли 500 бойцов; наконец, «левый участок» — от укрепления № 5 до бухты Кяочао, который заняли 800 человек.

На правом и левом участках приступлено было к созданию «второй линии обороны» с задачей поддержки первой линии, иначе говоря, начала расти глубина оборонительной полосы.

¹ Позиции полевой артиллерии японцев отстояли на 2—3 км от передового рва и на 5—6 км от горы Бисмарк.

Расписание частей по плану непосредственной обороны видно из следующего перечня¹:

	Офицеров	Матросов
Управление (штабы: губернатора, сухопутного и морского фронтов)	26	60
Команды батарей сухопутного фронта	28	500
Команды береговых батарей	8	300
Команды подвижных батарей	10	200
Команды прожекторов	—	40
Гарнизон пяти укреплений	33	1000
Части, прикрывавшие промежутки:		
правый фланг	15	400
середину	17	500
левый фланг	26	800
Всего	163	3800

Такое соотношение людей сохранялось в течение почти всей осады. Кроме того, в первый период в распоряжении коменданта крепости находился резерв в составе отряда в 150 человек, преимущественно из команд недействующих кораблей.

Из приведенного перечня видно, что немцы опасались больше за свой левый фланг, так как сюда подходили железнодорожная магистраль и главное шоссе. На территории крепости здесь была более открытая местность, и, наоборот, на местности, занятой противником, возвышенности подходили ближе всего к переднему краю обороны.

Правый фланг, несмотря на поддержку японского флота, считался более надежным ввиду прикрытия его всеми береговыми батареями; кроме того, здесь плотность развертывания как долговременных, так и временных батарей была выше и, наконец, впереди лежащая местность была более открытой.

Как мы увидим ниже, германские расчеты разошлись с японскими, так как генерал Камио решил главный прорыв делать как раз в промежутках между 1-м, 2-м и 3-м укреплениями, т. е. в центре и на правом германском фланге.

Теперь главная забота Мейер-Вальдека сводилась к максимальной помехе ходу инженерных и артиллерийских работ, ина-

¹ Дается в округленных цифрах по официальному германскому описанию. Недостающую цифру — около 700 чел. — надо отнести за счет первых потерь, экипажей S-90 и других судов, команд депо и верфи и т. п.

че говоря — к срыву японских обеспечивающих мероприятий, что-бы тем самым отдалить штурм крепости. Эту задачу должны были решать крупные калибры.

Вся средняя артиллерия была распределена между начальниками трех участков для поддержки своих частей во время отражения атак противника. Полевые батареи 96-мм и одна 88-мм получили специальную задачу — прикрывать промежутки между укреплениями.

Накануне тесного обложения крепости, т. е. 28 сентября, было произведено затопление бездействующих кораблей.

Разоруженный легкий крейсер «Корморан» и канонерские лодки «Ильтис» и «Лухс» были выведены на буксире в бухту Кыочао и взрывами динамитных зарядов (в трюмах) затоплены в 1 миле на WSW от маяка Юнью.

29 сентября недалеко от входа в малую гавань затоплены: минный заградитель «Лаутинг», старый миноносец «Таку» и два паровых баркаса. Потопление канонерской лодки «Тигр» было временно отложено в предположении использовать ее в качестве водоема, если японцы повредят водокачку на р. Хайпо.

ПОДГОТОВКА И ПЛАН ОСАДЫ

Все германские авторы единодушно утверждают, что после бомбардировки с моря 28 сентября и оттеснения передовых отрядов в пределы крепости как командование, так и весь гарнизон ожидали немедленного штурма. Об этом, казалось, свидетельствовали темп уже развившегося наступления всей главной массы экспедиционных сил, их пяти-шестикратное численное превосходство и организованная помощь флота как средства артиллерийской поддержки.

Но совершенно неожиданно напряженное ожидание сменилось длительной паузой. Японские силы, выдвинув охранение, начали готовиться к планомерной осаде.

Немцы, конечно, неверно оценивали обстановку, полагая, что возможно прорвать оборонительную полосу крепости без поддержки осадных батарей, базируясь только на артиллерии флота. Но бесспорным является также то, что японцы затратили значительно больше времени, средств и сил, чем это нужно было для успешного захвата Циндао.

Такое «неэкономичное» решение операции, выразившееся в чрезмерной осторожности и многих перестраховках, приходится

объяснять следующими соображениями (частично они уже приводились нами).

Операция по захвату Циндао была единственной японской операцией на Дальнем Востоке¹ и поэтому непосредственной, временной или пространственной связи с другими операциями не имела, особенно с тех пор, как выяснилось, что эскадра адмирала Шпее идет к берегам Америки.

Для того чтобы «воссияла слава империи», надо было не только японскому народу, но и китайскому и корейскому продемонстрировать «непобедимость» японского оружия. Поэтому какой-либо риск или частичный неуспех был крайне нежелателен. В то же время благодаря всем данным политико-стратегической обстановки конечный успех операции был заведомо обеспечен.

Немцы были первым европейским противником японцев после русско-японской войны. Впервые встречаясь с германской армией — с той армией, которая еще в мирное время имела высокий военный авторитет и в значительной мере служила образцом, с которого копировала свою организацию и уставы японская армия, — командование последней очень методично, шаг за шагом, вело продвижение своих группировок, допуская атаку только в тех случаях, когда подавляющее численное превосходство делало тактический успех бесспорным. Очевидно, что заранее сложившееся мнение о германской армии было подкреплено теми известиями, которые приходили в это время из Европы. Иначе говоря, японцы считали немцев своими учителями². Наконец, первые столкновения с передовыми частями показали их выучку и стойкость.

Вот почему во всех действиях японских сил под Циндао можно найти так много «почтения» к осажденным учителям и так много осторожности и предусмотрительности.

И действительно, как только японское командование забывало об этом, то почти тотчас же получало хороший урок.

Так, например, отбросив германские передовые отряды в крепость, японские части 29 сентября разместились в окрестных китайских деревнях, находившихся в сфере крепостного огня; большая часть этих деревень была покинута населением. В ночь на 30 сентября германские батареи открыли сильный огонь по этим деревням, заставив японцев поспешно отказаться от них с большими потерями.

¹ Борьба на океанских путях была в руках англичан.

² Часть артиллеристов осадной армии окончили артишколу в Ютербоге.

Весь день 30 сентября рылись землянки и блиндажи; последовательно все части начали зарываться в грунт. К 10 октября вся осадная армия, находившаяся в сфере действия батарей Циндао, зарылась в землю.

Несмотря на многократное превосходство в силах на суше, море и в воздухе, японское командование не предполагало использовать какого-либо вида ускоренной атаки и сразу же перешло к методической подготовке планомерной осады. В основу плана было взято соответствующее германское руководство, и, кроме того, полностью учтен опыт Порт-Артура.

Предполагалось: захваченные высоты, командующие над передним краем расположения противника, использовать для установки осадной артиллерии, при поддержке которой подвести инженерными работами стрелковые части непосредственно к переднему краю оборонительной полосы; после разрушения оборонительных сооружений и подавления германской артиллерии произвести штурм для прорыва в крепость; решения искать в центре или на левом фланге, где помощь флота давала значительные преимущества; основную базу для питания осадной армии перенести из бухты Лаошань в бухту Шацзыкоу, для обеспечения чего продолжать самую интенсивную тесную блокаду.

Первая часть плана оказалась выполненной, поскольку командные высоты перед крепостью перешли в японские руки после первых столкновений. Поэтому на высотах горы Принца Генриха приступили к оборудованию главного наблюдательного пункта, откуда просматривалась вся оборонительная полоса крепости (6 км), часть города и гавани (10 км)¹ и бухта Кяочао.

Район позиций осадных батарей располагался на той гряде гор, которая служила последней временной позицией для германских передовых отрядов, т. е. Кушан—Вальдерзее (на японской схеме — высота с отметкой 130), причем для гаубичных батарей были использованы обратные скаты (северные и восточные) этих высот. Весь осадный фронт был разбит на 4 сектора, как это показано на схеме 8².

Правый сектор: начальник — генерал Дзиходзи; штаб сектора — штаб 29-й пехотной бригады. Задача — овладение фортом № 5 (Кайган).

¹ В просветы между горами Ильтис, Бисмарк и Мольтке.

² Наименования секторов и должностей даны по японским документам. Нумерацию германских фортов см. на схеме 2.

1 батальон 34-го пехотного полка. В резерве — 1 батальон 34-го пехотного полка.

2 батальона 67-го пехотного полка.

2 роты саперов.

Первый центральный сектор: начальник — генерал Бернардистон со своим штабом. Задача — овладение участком дер. Тайтуншань (Дайтоцин), который расположен в глубине между фортами № 5 и 4:

1 батальон южных уэльсцев.

1/2 батальона сикхов.

1 взвод японских саперов.

Второй центральный сектор: начальник — генерал Хориуци; штаб сектора — штаб 24-й пехотной бригады. Задача — овладение фортами № 3 (Цюю) и № 4 (Хигаси-Тайтун).

48-й пехотный полк без 1 батальона. В резерве — 1 батальон 48-го пехотного полка.

56-й пехотный полк.

3 роты саперов.

Левый сектор: начальник — генерал Ямада, штаб сектора — штаб 23-й пехбригады. Задача — овладение фортами № 2 (Кита-Сиотанзан) и № 1 (Сиотанзан).

45-й пехотный полк без 1 батальона. В резерве — 1 батальон 46-го пехотного полка.

55-й пехотный полк.

3 роты саперов.

Пулеметы и полевая артиллерия были распределены по секторам и приданы полностью начальникам секторов.

Осадная артиллерия вся подчинялась непосредственно начарту генералу Ватанабе.

Ставка генерала Камио — сначала в селении Тунглитсун и позже в деревне Фундзанго (схема 8).

Из этого распределения сил видно, что главный удар был назначен в центре или на левом японском фланге. Помимо затруднений, вызываемых необходимостью форсировать р. Хайпо, это решение вытекало главным образом из того, что левый японский фланг поддерживался с моря 2-й эскадрой, в то время как право-

му флангу угрожали германские корабли из бухты Кяочао. Серьезность этой помехи была оценена при столкновениях на рубеже р. Литсун еще 27 сентября.

Кроме того, в этом плане обращает на себя внимание нацеливание англичан на отдельный объект в глубине, который при данной системе обороны мог быть взят только после падения основных фортов.

Выполнение осадной операции отчетливо распределяется на три следующих этапа.

1-й ЭТАП ОСАДЫ

(с 29 сентября по 18 октября)

Этот этап может быть назван подготовительным. Основным его содержанием было: восстановление мостов и переправ на коммуникации с Кяочао, Цзимо и главным образом с базой высадки в бухте Лаошань; прокладка по этой трассе двух путей узкоколейной железной дороги¹, снятой с участка, пройденного 1-м эшелоном от бухты Лункоу; оборудование пристаней и прокладка двухколейной «декавилки» из бухты Шацзыкоу на соединение с остальными ветками; выгрузка и доставка к позициям артиллерии и всего оснащения осадного артиллерийского и инженерного парков; установка осадной артиллерии, рытье подступов к намеченным осадным параллелям и воздушная артиллерийская и морская разведка для вскрытия всех деталей системы обороны крепости.

В этот период флот только три раза вел обстрел крепости.

Морская артиллерия осадного парка, будучи выгруженной в Лаошань-бай 28 сентября, только через 17 суток была доставлена на позиции (т. е. около 14 октября), после чего приступили к ее установке. Из других калибров осадной артиллерии первыми (с 3 октября) начали действовать три батареи 105-мм пушек. Главная же часть тяжелой осадной артиллерии смогла начать работу только к концу октября.

Осадные работы велись исключительно ночью, т. е. с 19 часов до 5 часов утра.

Общему ходу работ в этот период мешали частые дожди. Кроме того, на южном участке (против фортов № 1 и 2) инженерные

¹ От пункта высадки Вашочуанг — на Люцинь, а далее на Тутлитсун, куда также подходила ветка из бухты Шацзыкоу.

работы задержались по сравнению с другими секторами вследствие наличия более тяжелого грунта и почти открытой местности.

К 18 октября, идя зигзагообразными ходами сообщения, японцы подвинулись в среднем на 1—2 км по всему фронту и заложили первые (вспомогательные) траншеи, которые отстояли от германского большого рва в среднем на 2 км. В этот же период была организована доставка угля для нужд армии с захваченных шахт немецкой концессии в Бошани.

Противодействие германского командования в продолжение этого этапа осады сводилось главным образом к замедлению темпа инженерных работ на подступах к переднему краю оборонительной полосы и к помехам в установке тяжелой осадной артиллерии.

Весь средний калибр артиллерии решал первую задачу, а крупные батареи стреляли по предполагаемым местам работ на позициях осадной артиллерии (по данным разведки). Однако в предвидении будущих решающих столкновений германская тяжелая артиллерия берегла боезапас и в этот период стреляла относительно редко.

Применяясь к боевой деятельности противника, который вел осадные работы по ночам, гарнизон Циндао днем делал только пристрелку новых объектов, а весь артиллерийский огонь вел также по ночам¹. Так продолжалось до 31 октября, когда канонада стала почти непрерывной.

Японский правый фланг несколько раз тревожили германские корабли из бухты Кяочао, но с тех пор, как части осадной армии зарылись в землю, 88-мм настильные пушки «Ягуара» уже не могли дать значительного эффекта. Кроме того, корабли теперь уже не оставались безнаказанными, так как часть батарей правого сектора (105-мм) имела специальную задачу: с появлением германских кораблей в районе устья р. Хайпо прекращать огонь по крепости и не допускать обстрела своего фланга. Позднее эту задачу получили 120- и 150-мм батареи морской артиллерии.

4 октября канонерская лодка «Ягуар» в 10 час. 30 мин. была удачно обстреляна 105-мм батареями и, получив повреждения, должна была отойти.

Наконец, в этот же период была сделана первая вылазка из крепости, которая закончилась весьма неудачно.

¹ Перегруппировки частей или подвижной артиллерии немцы делали тоже по ночам, инженерные же работы выполнялись круглые сутки.

2 октября специальная группа численностью около 350 человек, сформированная главным образом из состава Тяньцзинского отряда (ОМД), в 21 час. 30 мин. атаковала правое крыло японской передовой линии против форта № 5.

Этот эпизод даже в германском освещении показывает пример того, как не надо совершать ночную атаку.

Вылазка, намеченная по плану командующего левым флангом, была одобрена командующим сухопутным фронтом. Несмотря на последнее обстоятельство, она оказалась неувязанной с действиями остальных частей.

Целью вылазки было «показать несломленную германскую силу наступления».

Объект для атаки — пункт Шуангшан на северо-восток от укрепления № 5 — был плохо разведан. Считалось, что он защищается только 60 стрелками. О подготовке к вылазке в городе было известно. Накопление частей происходило у переднего края в сумерки. Объект атаки был с вечера (когда цель была еще видна) обстрелян усиленным шрапнельным огнем; таким образом, между огнем и атакой был разрыв около часа. Единственное, что было сделано правильно, — это назначение атаки до полуночи (в 21 час), с тем чтобы вернуться в исходное положение до рассвета.

Не доходя Шуангшана, две атакующие роты были встречены не только ружейным, но и пулеметным огнем. Почти одновременно сильный ружейно-пулеметный огонь и огонь из 37-мм автоматов открыло свое же пехотное укрепление № 5.

«Причина этого огня, в высшей степени убыточного для своих частей... осталась невыясненной... Еще неприятнее было освещение поля сражения прожекторами с других (немецких) укреплений, вследствие чего отдельные дерущиеся части были хорошо видны японцам»¹.

Затем произошла потеря управления атакующими подразделениями и разрыв между ними. Под смыкающимся огнем японских частей германские роты отошли разрозненно и к 1 час. 30 мин. (3 октября) возвратились в крепость.

Результат: по германским данным — убиты 1 офицер, 2 унтер-офицера, 15 бойцов и «небольшое число тяжело раненных, которых попали в плен». По японским материалам: 1 офицер и 47 бойцов убиты и 6 человек пленены². Потери японцев — 5 убитых и 8

¹ Германское описание, стр. 68.

² Опыт сравнительного исследования всех материалов показал, что достоверность японских сведений значительно выше германских.

раненых. Помимо грубейшей ошибки в области боевого управления (несогласованность вылазки с действиями всего фронта), обнаружилась полная неспособность германской морской пехоты к ночным действиям.

12 октября комендант Мейер-Вальдек просил по радио генерала Камио приостановить огонь осадных батарей и кораблей для беспрепятственной уборки убитых. Перемирие было установлено с 0 час. 40 мин. до 16 час. 20 мин.; корабли в этот день вообще на бомбардировку не выходили, а осадная артиллерия сделала перерыв огня на этот срок.

В этот же день ставкой японского командующего было передано радио на имя губернатора Циндао с сообщением от имени японского императора о его желании «избавить от ужасов осады и бомбардировки некомбатантов, находящихся в крепости».

13 октября в 10 час. утра в деревне Тунгвутшиатсун (Тогокасон), находившейся в 1500 м впереди форта № 4 на не освоенной еще японцами территории, встретились уполномоченные коменданта и генерала Камио для обсуждения порядка эвакуации некомбатантов и подданных нейтральных государств.

В соответствии с договоренностью, 15 октября в китайском селении Танутоу, расположенном на западном берегу бухты Кяочао, состоялась передача на почтение японских властей консула США и двух немецких женщин.

ПРОРЫВ S-90 И ГИБЕЛЬ «ТАКАЧИХО»

После установки морских дальнобойных батарей на правом фланге осадной армии дальнейшее использование миноносца S-90 для артиллерийской поддержки левого фланга крепости стало невозможным. Подходы к устью р. Литсун в бухте Кяочао обстреливались 150-, 120- и 105-мм батареями с морскими командами, обученными стрельбе по подвижным целям. Произведенные попытки подтвердили абсурдность состязания с ними 50-мм артиллерии миноносца.

Поэтому командование крепости было озабочено проблемой дальнейшего использования этого корабля.

Первоначально предполагалось произвести торпедную атаку больших неприятельских кораблей во время обстрела ими крепости. Но потом от этого плана отказались, по-видимому, потому, что шансов на успех дневной одиночной атаки было очень мало.

Окончательный план был выработан к середине октября. Командир S-90 капитан-лейтенант Бруннер получил приказ, которым ему предписывалось: ночью выйти незамеченным из гавани, проскользнуть сквозь первую блокадную линию, атаковать один из больших кораблей противника, обычно крейсировавших на одной из мористых линий блокады, после чего прорваться в Желтое море. В дальнейшем указывалось на необходимость укрытия в одном из нейтральных портов, хотя бы в Шанхае, откуда после пополнения запаса топлива предпринять еще одну попытку атаковать блокирующие корабли со стороны моря.

17 октября в 19 часов, с наступлением темноты S-90 вышел из гавани в условиях свежей погоды.

Через четверть часа после прохода линии, соединяющей о. Дагундао и о. Ланьдао, когда миноносец уже повернул на S, справа по носу были замечены три силуэта, двигающиеся на O, на пересечение курса S-90. Благодаря принятым мерам скрытности, среднему ходу и отвороту вправо, который сделал Бруннер, заметив силуэты, удалось пройти незамеченным под кормой неприятельской колонны.

Это были японские эсминцы, т. е. первая блокадная линия.

В 21 час. 50 мин. S-90 повернул на O и шел средним ходом, в расчете встретить большие блокадные корабли. В 23 час. 30 мин. Бруннер повернул корабль на обратный курс, с тем чтобы к 4 час. утра успеть вернуться в гавань, идя под берегом, со стороны полуострова Хайси, если не будет благоприятной встречи с противником.

В 0 час. 15 мин. 18 октября при дальности видимости в 20 каб. (ок. 4 км) был замечен большой силуэт, идущий контркурсом.

S-90, повернув на параллельный курс, оценил ход цели в 8—10 узлов, курс O и по двум мачтам и одной трубе решил, что имеет дело с одним из броненосцев береговой обороны¹. На самом деле это был старый крейсер «Такачихо», носивший на себе боевой запас эсминцев (и по некоторым данным — мины), который в эту ночь совместно с канонерской лодкой «Сага» нес дозорную службу на второй блокадной линии.

Приняв решение об атаке, Бруннер зашел к югу, так как эта часть горизонта была темнее, после чего с дистанции 900 м дал самый полный ход и пошел в атаку. На дистанции 500 м S-90 отвернул на боевой курс и дал правым бортом последовательный залп из трех торпед, с интервалами в 10 сек. между выстрелами. Дистанция в момент выпуска последней торпеды была около 300 м.

¹ «Мисима» или «Окиносима».

Первая торпеда попала в носовую часть крейсера, вторая и третья — в середину. Угол встречи всех торпед был оценен Бруннером в 100°.

Только после выпуска первой торпеды на «Такачихо» раздался сигнал тревоги. Звук горна хорошо был слышен на германском миноносце. Но отразить атаку японцы не успели.

После попадания последней торпеды раздался сильнейший взрыв, который буквально разорвал корабль на две части. Осколки летели на такое расстояние, что после падения их на палубу и на прожектор S-90 команда последнего бросилась под укрытия.

Крейсер затонул почти мгновенно, причем погибло 23 офицера, в том числе и командир, 5 кондукторов и 243 человека команды, всего 271 человек.

Миноносец повернул на S и пошел самым полным ходом.

Хотя «Такачихо» не успел дать радиограммы о происшедшем, но столб пламени в 100 м высотой и звук взрыва не могли остаться незамеченными для других кораблей, находившихся в блокадном дозоре¹. Начавшиеся почти сейчас же вслед за этим оживленные радиопереговоры подтвердили правильность оценки обстановки, сделанной командиром S-90.

В этих условиях обратный прорыв в базу Бруннер считал безнадежным. Он взял курс SW, т. е. к китайскому берегу, и в 2 час. 30 мин., оставаясь незамеченным, разошелся с японским крейсером, который шел на север, давая радиосигналы и освещая поверхность воды прожекторами.

Дальнейшая судьба S-90 известна. Утром 19 октября он оказался полузатопленным на камнях у мыса Тауэр в 60 милях южнее Циндао с носовой частью, развороченной взрывом. Команда, высадившись на берег в полном составе, с ручным оружием походным порядком пошла в сторону Нанкина, где и была интернирована китайскими властями.

Однако по поводу того периода в судьбе S-90, который отделяет момент успешной атаки от момента его собственной гибели, существует несколько версий.

Германская официальная версия настаивает на том, что командир S-90 полагал за собой энергичную погоню и, не видя шансов на успешный уход в Шанхай, решил уничтожить корабль. В 4 час. 40 мин. миноносец подошел к мысу (Тауэр), вслед затем были

¹ Позже японское сообщение подтвердило, что зарыво взрыва было видно в бухте Лаошань, т. е. на 20 миль.

выброшены за борт оружейные замки, заложены подрывные патроны (и боевые зарядные отделения оставшихся торпед) в корме, машине, в котельном отделении и носовом, команда свезена на берег, после чего корабль был взорван.

Перед затоплением на запрос из базы командир ответил радиограммой:

«После уничтожения японского броненосца береговой обороны миноносец взорван на южном берегу. Команда высажена. Потерь нет».

По окончании передачи радиоаппаратура была разрушена.

Подробное описание гибели S-90 указывает на те трудности, с которыми столкнулись немцы из-за свежей погоды и прилива, все время прибывавшего корабль к берегу; оно приводит несколько попыток команды оттянуть его на более глубокое место¹.

Из-за того же прилива переправа команды на берег заняла много времени, так как совершалась она при помощи леерного сообщения. Выполнена была патриотическая церемония спуска флага и вымпела при команде, стоящей в строю, при троекратном «ура» в честь кайзера и т. п.

В германском описании, видимо, нарочито не указано время, когда кончилась эта операция и команда двинулась от места гибели корабля. Однако из описания ясно, что все это заняло несколько часов — не меньше трех-четырех.

Из того же описания видно, что никакой погони за это время не появлялось даже на горизонте. Другие источники свидетельствуют, что только днем подошли японские миноносцы и подняли на остатках корпуса S-90 флаг «Восходящего Солнца»².

Американские источники утверждают, что, идя в предрассветной мгле вдоль берега большим ходом, S-90 налетел на мыс из-за навигационной ошибки.

Так или иначе, после блестящей ночной атаки S-90, имея две торпеды, значительное количество топлива и весь экипаж в полной сохранности, не сделал никакой попытки еще раз нанести вред врагу, несмотря на прямое указание в приказе, и был ликвидирован в тот момент, когда непосредственной угрозы со стороны противника не было.

¹ Германское описание, стр. 74 и 75.

² По этому поводу китайское правительство заявило формальный протест. Служа некоторое время, когда эта демонстрация сыграла свою роль для смягчения впечатления от гибели «Тасачихо», японский флаг был спущен, так как остов S-90 не представлял никакой ценности.

2-й ЭТАП ОСАДЫ

(с 18 по 30 октября)

Этот этап был этапом сближения для решительной атаки.

На германской стороне особых изменений не произошло. Почти закончились инженерные работы, намеченные по плану. Больше времени и сил уже приходилось тратить на восстановление разрушений, причиняемых обстрелом противника.

Серьезной заботой Мейер-Вальдека было накопление резерва. Как уже было указано выше, первоначально резерв крепости, подчиненный непосредственно коменданту, состоял из отряда моряков в 150 человек. Теперь каждый боеспособный немец, не необходимый в тылу, направлялся в состав резерва. Путем жесткой проверки личного состава всех депо, верфи, учреждений и кораблей резерв крепости удалось довести до 600 человек.

Но постепенно этот резерв начал таять.

Жалобы командиров участков на нехватку людей и на недостаточность их квалификации вынуждали коменданта усиливать их небольшими подразделениями.

В этот период вся тяжелая артиллерия крепости интенсивно вводится в действие, вступает в состязание с японской осадной артиллерией средних калибров и затрудняет установку 240- и 280-мм гаубиц.

На японской стороне в течение этого этапа части приступили к планомерному продвижению к переднему краю обороны крепости, причем это движение производилось уступами, путем последовательного прокладывания одних параллелей за другими, и обеспечивалось более интенсивной артиллерийской поддержкой, чем в первом этапе.

Темп инженерных работ определяется следующими датами:
в ночь на 22 октября — заложена первая параллель;
в ночь на 24 октября — закончена первая параллель;
в ночь на 28 октября — закончены подступы ко второй параллели.

Работы велись по-прежнему только в темное время суток. Продвижению в центральных секторах способствовала сильно пересеченная местность (овраги, балки), дававшая много естественных укрытий для людей.

25 октября укрепление № 3 было впервые обстреляно ружейным и пулеметным огнем.

В связи с продвижением частей, осуществленным на предшествующем этапе, 18 октября переменяла позиции вся полевая артиллерия и продвинулись вперед штабы секторов в среднем на 2 км.

Особо надо отметить роль и напряжение использования морской артиллерии.

22 октября впервые открыла огонь 4-орудийная 150-мм морская батарея, установленная в правом осадном секторе и получившая две задачи: отражать артиллерийские атаки германских кораблей из бухты для обеспечения правого фланга армии и бороться с крепостной артиллерией для обеспечения хода осадных работ и, в частности, установки главных осадных калибров.

27 октября в том же секторе и с аналогичными задачами начала действовать 120-мм морская батарея (4-орудийная). Остальная осадная артиллерия (гаубичная) находилась еще в процессе установки.

Морские батареи на временных основаниях имели защиту из земляного бруствера в 6 футов толщиной, покрытого 0,5-дюймовыми стальными листами, для того чтобы уменьшить пыль при стрельбе и забрасывание установок землей при близких попаданиях противника. Эта артиллерия доставляла крепости особенно чувствительные неприятности. Будучи наиболее дальнобойными из всех батарей, установленных в этот период, и наиболее подготовленными для такой стрельбы, морские батареи добились directe попаданий в батарею Сяонива (Тайсичжэнь), расположенную на противоположном конце города, у берега бухты Кяочао.

Насколько интенсивно использовалась именно эта артиллерия, видно из того, что, по данным помощника русского морского атташе, на каждое орудие к концу осады пришлось по 700 выстрелов, что превышает нормальный предел живучести тел этих установок.

В свою очередь германское командование сосредоточило много усилий для подавления этих двух батарей. Были дни, когда использование тяжелой артиллерии сторон целиком сводилось к состязанию с морскими установками. В пределах 50-м окружности вокруг одной только 120-мм батареи было насчитано до 1700 падений снарядов различных калибров. Кроме того, имеется другой объективный показатель этой борьбы: команда двух морских батарей (383 человек) понесла потери (с 22 октября по 7 ноября) — 11 убитых и 32 раненых, что составляет 11,22 %, в то время

как общий процент потерь для всей осадной армии за всю операцию составил только 4,68 %.

Каждая группа осадных батарей имела свой командно-наблюдательный пункт. Пункты эти были оборудованы крайне примитивно. Обычно в грунте вырывалась большая яма, дно которой покрывалось досками, а наружные скаты — дерном. Кроме стереотрубы и телефонов, никаких приборов не было. Телефонная связь очень часто нарушалась и действовала малоудовлетворительно.

В течение этого же этапа был подготовлен командный пункт начальника артиллерии генерала Ватанабе, размещенный на высотах Вальдерзее (отметка 136 м), т. е. на границе двух центральных секторов (см. схему 10).

Но решающим в успехе артиллерийского огня было оборудование главного наблюдательного и корректировочного пункта, который японцы с первых же дней обложения Циндао начали строить на захваченном «Орлином гнезде» (отметка 330 м в группе высот горы Принца Генриха). 27 октября пункт полностью был закончен оборудованием. Он имел телефонную связь с начартом и со всеми тяжелыми батареями и радиостанцию для связи с флотом, стрельбу которого он также корректировал как боковой наблюдатель. Помимо хорошего оптического оборудования здесь было сделано укрытие как для людей, так и для приборов

За этот этап продолжительностью в 12 дней большие корабли 2-й эскадры четыре или пять раз производили длительный обстрел батарей Циндао, главным образом находившихся на горе Ильтис.

В этот же период японские патрули заняли полуостров Хайси, включительно до мыса Жешке, и проникли на остров Хундао¹, откуда обстреливали германские полицейские катера и шлюпки, дежурившие в бухте для борьбы с шпионами и диверсантами, могущими проникнуть с китайской территории.

С целью потревожить противника и выяснить его систему охранения германские части произвели вылазку.

21 октября, на рассвете, небольшой германский отряд численностью около 30 человек вышел между фортами № 1 и 2, продвинулся в сторону дёр. Тиеншиасун (Такасон)² до района, где велись работы по рытью первой вспомогательной траншеи, и в 6 час. утра атаковал японское охранение.

¹ В заливе Кяо-Чао, в 5 км на запад от Циндао.

² В 1,5 км к северу от сел. Фудзансе.

Отряд был отброшен японцами и, потеряв одного убитого, возвратился в крепость.

27 октября немцы предприняли командирскую разведку на автомобилях, рассчитанную главным образом на быстроту выполнения. Однако японцам удалось захватить две автомашины.

Попытку канонерской лодки «Ягуар» выйти в бухту для обстрела фланга противника пришлось отставить, как только обозначились падения неприятельских 120- и 150-мм снарядов.

27 октября была получена телеграмма от кайзера, которую командование осажденной крепости широко использовало для шовинистической пропаганды среди гарнизона:

«Вместе со мною смотрит весь германский народ на героев Циндао, которые, верные слову своего губернатора, выполняют свой долг. Будьте все уверены в моей благодарности.

Вильгельм».

Для того контингента, который составлял основной костяк гарнизона, эта телеграмма должна была сыграть свою роль.

Надо помнить, что в это время подбадривать защитников Циндао сообщениями из Европы было трудно, так как 9—10 сентября начался отход от Марны. 14 сентября был уволен Мольтке, что являлось официальным признанием крушения того плана, быстрое выполнение которого могло изменить судьбу «кусочка второй родины на Дальнем Востоке». «Бег к морю» также закончился 20 октября, не дав быстрого решения. На левом фланге стороны уже зарылись в землю, а с 18 октября начались затяжные бои на Изере и Ипре.

Все эти известия, хотя и с запозданием и после обработки в осведомительном отделе штаба, доходили до гарнизона и не могли обещать другого исхода борьбы за Циндао, кроме сдачи. Вот почему кайзер не смог обещать защитникам ничего более существенного, кроме «благодарности».

Заграждение входа в гавань брандерами входило в план последовательного разрушения всего ценного и не требующегося для обороны, с тем чтобы уменьшить трофеи японцев и затруднить им использование Циндао.

Вход в большую гавань имел ширину в 280 м при глубине 9 м на среднюю воду. Первоначально предполагалось затопить в последний момент поперек входа большой плавучий док (125 м), однако расчеты показали, что для этого потребуются 8 час. времени,

электроэнергия для откачки и подъема якорей¹, тихая погода для установки дока на новое место и наличие мощных буксиров. При начавшейся бомбардировке порта, электростанции и судов в гавани этих условий гарантировать было нельзя. Поэтому решили затопить транспорты, груженные углем для эскадры адмирала Шпее, надобность в которых уже миновала, а выход в море был невозможен.

14 октября пароходы «Дурандарт» и «Эллен Рикмерс» были поставлены шпринг по линии: угол мола (у верфи) — первый пирс (на берегу) и затоплены взрывом нескольких больших пироксилиновых зарядов с расчетом разрушения механизмов и главных переборок.

Между брандерами остался проход шириной в 20 мин.

Вся операция производилась в вечерние сумерки, чтобы не дать возможности сорвать ее специальным обстрелом осадных батарей.

Для того чтобы сделать затопленные суда менее пригодными к использованию, надстройки, торчащие из воды, во время отлива были подожжены.

28 октября третий пароход с углем для крейсерской эскадры, «Михаэль Ибсен» был затоплен в оставленном промежутке, причем он лег на грунт с большим креном, а во время отлива опрокинулся на правый борт.

Оставшиеся просветы под берегом были закупорены 2 ноября затоплением двух землечерпалок. Вне гавани оставались только два корабля — «Кайзерин Элизабет» и «Ягуар».

Канонерская лодка «Тигр» была выведена в бухту 29 октября и взорвана в том же районе, где уже лежали «Лухс», «Ильтис» и «Корморан».

К концу этого этапа осады усилилась бомбардировка с самолетов по уцелевшим кораблям, которые выбирали место стоянки в гавани с таким расчетом, чтобы прикрываться от обстрела с суши. Главными целями служили крейсер «Кайзерин Элизабет» и канонерская лодка «Ягуар». Для уменьшения повреждений в случае попадания применялся следующий способ: палуба, машинные люки и другие ответственные места покрывались мешками с песком, поверх которых устилались стальные листы. Однако прямых попаданий не было.

¹ С момента реальной угрозы обстрела гавани пловучий док был притоплен в своем ковше, так что верхняя палуба боковых стенок дока была вровень с водой.

С момента, когда морские установки стали перекрывать своим огнем всю крепость и морскую базу Циндао, возникло опасение, что японцы постараются уничтожить верфь, чтобы лишиться крепость и корабли ремонтных средств. Однако этого не произошло. Наоборот, явно обозначилась тенденция беречь судостроительные мастерские, и когда «Ягуар», стоявший около них, переменил место, чтобы не привлекать неприятельские самолеты на верфь, налеты на нее прекратились. Наконец, все стало ясно, когда накануне решительной бомбардировки, т. е. 30 октября, японские самолеты сбросили на территорию верфи вместо бомб весьма характерный документ:

ВНИМАНИЕ!

Главная квартира. 30 октября 1914 г.

Уважаемым господам офицерам и команде крепости.

Было бы противно божьей воле и человечности, если бы уничтожались без тактической необходимости еще неиспользованное оружие, военные корабли и другие сооружения лишь из ревнивого побуждения не дать им попасть в руки неприятеля.

Хотя мы не верим, что дорожащие рыцарской честью господа офицеры и команда могут пойти на такое безрассудство, все же позволяем себе выразить вышеизложенное как наше мнение.

Командование осадной армии.

Этот документ показал, что японцы абсолютно не разбирались в психологии своих бывших учителей. Японское командование этим только обнаружило свое собственное желание — получить целой морскую базу.

Здесь опять проскальзывает основная, наиболее существенная цель операции — захватить Циндао не только для того, чтобы нанести ущерб Германии, а для того, чтобы создать свою собственную базу для обеспечения последующей экспансии в Китае и господства в Желтом и Восточно-Китайском морях.

Разрушению базы приведенное обращение ни в какой мере не помешало.

3-й ЭТАП ОСАДЫ

(с 31 октября по 7 ноября)

В этот период была выполнена общая бомбардировка крепости, подготовившая штурм.

Начало генеральной бомбардировки было специально приурочено к дню рождения японского императора — 31 октября, хотя два главных калибра осадной артиллерии (240- и 280-мм гаубицы) к этому сроку еще не были закончены установкой.

Выспрнее донесение, посланное в этот день в Лондон и Токио, гласило: «Рассвет ознаменовался императорским салютом, произведенным по Циндао боевыми снарядами».

Стрельба велась только днем с перерывами на обед от 11 до 13 часов и на ужин от 17 до 19 часов. Главными объектами бомбардировки были батареи основных фортов и укрепления переднего края оборонительной полосы. Всего в этот день японцы выпустили более 7000 снарядов, что составляет в среднем 53 выстрела на орудие.

Одновременно с моря с 9.00 до 16.30 производилась бомбардировка батарей горы Ильтис и Хуэзянь. Стреляли пять больших кораблей во главе с флагманским линкором «Суво» и при участии британского линкора «Трайэмф». На этот раз, в отличие от предыдущих случаев, корабельная стрельба велась с южных румбов от полуострова Хайси.

31 октября отмечено много прямых попаданий осадной артиллерии. На батарее Сяонива было подбито два орудия, на форту Бисмарк — одно вовсе выведено из строя, другое потребовало нескольких часов ремонта. Огонь германских батарей в моменты напряженного обстрела приходилось совсем прерывать, так как установки засыпались градом камней и земли. Стрелять или терять большое количество орудийной прислуги в этих условиях было нецелесообразно.

Наибольшее число попаданий в этот день приходилось на долю 150- и 210-мм японских установок.

Общая оценка стрельбы японских батарей — хорошая, но обстоятельство, отмеченное выше, — тот факт, что много снарядов не разрывалось, — еще больше дало себя знать во время генеральной бомбардировки. Для характеристики этого можно привести тот факт, что за один день вокруг батареи Сяонива было обнаружено 140 неразорвавшихся снарядов крупного калибра.

Отмечались отравления германских солдат газами (от разорвавшихся японских снарядов), которые проникали в казематы через вентиляционную систему.

Обстрелом 31 октября с утра были зажжены нефтяные цистерны компании «Стандарт Ойл», склады угля и дров, находившиеся у корня большого мола.

Пожар принял грандиозные размеры и продолжался трое суток, но благодаря тому, что площадка с горючим была изолирована от всех жилых или складских помещений города и базы, огонь локализовался и никуда не перекинулся. Кроме того, в предвидении такой возможности командование базы в предшествующие дни выпускало по частям жидкое топливо в бухту Кяочао, особенно в дни с угонными ветрами. К 31 октября в цистернах оставался небольшой запас всего на несколько дней. Благодаря этому и специально принятым мерам взрыва цистерн не произошло.

В связи с этим необходимо отметить весьма рациональный выбор места для расположения топливных цистерн: примыкая вплотную к большой гавани, они имели естественный сток нефти не в гавань, а в бухту Кяочао¹.

В последующие дни интенсивные бомбардировки крепости продолжались регулярно, постепенно усиливаясь.

4 ноября впервые открыли огонь 280-мм гаубицы; на следующий день вступили в действие 240-мм гаубицы, только что законченные установкой.

«За время семидневной бомбардировки крепости с суши было вытущено 43 500 снарядов, из коих 280-мм калибра — 798 снарядов»².

Если принять эти цифры за достоверные, то они подтверждают, что интенсивность обстрела после 31 октября не снижалась: расход составляет в среднем 6215 снарядов в сутки.

Важно отметить, что благодаря дугообразному начертанию оборонительной полосы крепости (причем эта дуга была выгнута в сторону противника) японская артиллерия, расположенная на правом фланге³, простреливала продольным огнем четыре пятых германского расположения. По отношению к четырем южным укреплениям (от № 4 до № 1) и ко всем интервалам между ними это был фланговый огонь, широко использованный японским командованием и доставивший немцам очень много ущерба.

¹ У корня большого мола (см. схему 2).

² Яковлев В. В. Приморские крепости, стр. 162.

³ 120- и 150-мм батареи в районе горы Кушан.

Аналогичную роль с противоположного фланга играла артиллерия осадного флота.

2-я эскадра также интенсивно поддерживала общую бомбардировку с морского направления; почти ежедневно большие корабли выходили для обстрела. Район маневрирования при этом был избран между полуостровом Хайси и группой островов Чжуншаньдао, с тем чтобы поражать часть объектов с фланга (береговые батареи), а другую часть — с тыла (пехотные укрепления, батареи Ильтис). Этот район был предварительно очищен от мин.

За пять последних дней обстрела — 31 октября, 1, 4, 5 и 6 ноября — флот выпустил по крепости:

снарядов 305 мм	180 штук
снарядов 254 мм	408 штук
снарядов 203 мм	107 штук
снарядов 190 мм	120 штук

Всего — 815 снарядов¹.

Главными объектами для корабельной артиллерии служили: форт Хуйцянь и пехотное укрепление № 1. Отдельные стрельбы производились по батарее Сяонива и Ильтис.

Так как за эти дни маневрирование кораблей не стало смелее или искуснее, особого успеха стрельбы не зарегистрировано. Отмечено только одно прямое попадание в тыльную часть купола 240-мм установки форта Хуйцянь в момент, когда она была повернута для стрельбы по сухопутному фронту. В результате вся прислуга перебита, а установка разрушена².

В остальном значение бомбардировки с моря определялось разрушением дорог, средств связи и созданием угрозы, временно не допускавшей действия германской артиллерии.

Тенденция беречь свои корабли выдерживалась японцами до конца операции. Они по-прежнему стреляли с предельных дистанций, несмотря на то что берег отвечал уже очень редко, угрожавшие мины были вытралены, а самолетов или миноносцев в Циндао уже не было.

Наконец в соотношении артиллерийских средств произошел перелом. При возрастающем уплотнении японского огня на германской стороне начали иссякать боевые припасы, а часть установок — выходить из строя.

Наибольшую интенсивность крепостная артиллерия развила

¹ 2 и 3 ноября из-за плохой видимости флот стрелять не мог.

² По германской версии, это был снаряд с «Трайэмфа».

к 31 октября, когда началась дневная стрельба¹, но уже с 4 ноября огонь велся только периодически и по отдельным объектам. Помощник русского морского атташе приводит такие сведения: с 29 сентября по 12 октября все батареи Циндао делали в среднем около 1500 выстрелов в день при максимальном количестве в 3000; с 20 октября число выпускаемых снарядов уменьшилось до 800—1200; затем, после временного усиления огня 31 октября, с 4 ноября начал иссякать боевой запас и часть батарей прекратила огонь, а остальная часть расходовала остатки наиболее экономно.

Из записной книжки одного германского офицера, найденной на горе Ильтис, выяснилось, что 5 ноября на одной из батарей Ильтис оставалось только 60 снарядов².

К 6 ноября почти весь артиллерийский боезапас крепости был израсходован.

Канонерская лодка «Ягуар» 1 и 2 ноября выходила к устью р. Хайпо и пыталась помочь своему левому флангу для замедления хода осадных работ против водокачки и укрепления № 5. Особо большой поддержки «Ягуар» оказать не мог, так как после пристрелки японских береговых батарей ему приходилось выходить из-под огня.

На эту активность «Ягуара» японцы ответили тем, что в последние дни осады он стал почти непрерывно подвергаться бомбардировке с воздуха.

Показателем деятельности «Ягуара» может служить тот факт, что за время осады Циндао он сделал из своей 88-мм артиллерии 2200 выстрелов, из которых почти все приходится на стрельбу по берегу, за исключением одной стрельбы по остаткам миноносца «Сиротаэ», выбросившегося на скалу в ночь с 30 на 31 октября³.

Генеральная бомбардировка 31 октября и наличие в этот день национального торжества в лагере у противника дали повод германскому командованию пустить в ход версию о том, что тогда же был произведен первый штурм Циндао. Это неверно, так же как и утверждение, что 31 октября в бомбардировке участвовала вся осадная артиллерия.

Инженерные работы осадной армии, обеспеченные интенсивной бомбардировкой, пошли более быстрым темпом:

¹ До этого, как уже указывалось, германские батареи стреляли преимущественно ночью, делая днем пристрелочные выстрелы.

² ЛОЦИА, Архив Генмора, дело № 4306, стр. 71—72.

³ Это составляет около 700 снарядов на пушку, так как некоторое время на палубе канонерской лодки были установлены дополнительно две 88-мм пушки (кроме имевшихся четырех 88-мм), позже опять снятые.

в ночь на 31.10 заложена вторая параллель,
в ночь на 1.11 окончена вторая параллель,
в ночь на 4.11 заложена 3-я, последняя параллель,
в ночь на 4.11 на правом японском фланге против насосной станции пробиты проходы через ров,

в ночь на 5.11 закончена 3-я параллель и прорыты подступы к передовому рву крепости,

в ночь на 6.11 пробиты проходы через контрэскарпную стенку и через проволочные заграждения на дне рва против укреплений № 3, 4 и 5.

Таким образом, если судить по ходу инженерных работ, то уже 6 ноября могла бы состояться решительная атака Циндао. Однако штурма не последовало, так как японское командование считало незаконченной артиллерийскую подготовку главной атаки. Продолжали сказываться чрезмерная осторожность японцев и боязнь противника.

Дело в том, что длительное молчание германских батарей во время первой генеральной бомбардировки сначала обнадежило японское командование, которое доносило, что «артиллерия противника приведена к молчанию»; однако, как только был сделан перерыв огня, произошло то, что уже многократно демонстрировала военная история: через час (после очистки установок от земли и осколков) немцы, вышедшие из блиндажей, открыли огонь из всех батарей, одновременно начав ремонт тех отдельных установок, которые еще можно было исправить.

Приходится еще раз отметить, что, несмотря на многократные случаи прямых попаданий в бетонные сооружения артиллерийских снарядов до 280-мм гаубичных включительно, ни одно из основных сооружений не было пробито или разрушено. Только в одном случае свод каземата в пехотном укреплении настолько растрескался, что грозил обвалом, однако каземат не был покинут до конца осады.

Характер повреждений стен и перекрытий определялся воронкой (максимально до 0,5 м), трещинами, иногда проникавшими почти через всю толщу, и отколом внутреннего слоя и штукатурки в тех местах, где не было швеллерной противооткольной защиты.

«Концентрированный обстрел навесным огнем самых тяжелых калибров сначала произвел на команды пехотных укреплений очень сильное впечатление. Но настроение

опять поднялось, когда стало известно, что бетонные перекрытия выдерживают, по-видимому, даже обстрел 280-мм калибра»¹.

Но зато все сооружения временного характера (траншеи, пулеметные гнезда, наблюдательные посты, блокгаузы и т. д.) превратились буквально в груды развалин. Дороги и ходы сообщения завалились. Мог функционировать только один наблюдательный пост на укреплении № 2: он единственный был бронирован и поэтому уцелел.

Особенно пострадала проводная связь, несмотря на то что она была зарыта в грунт². Начиная с 31 октября, крепостная связь начала разрушаться, и управление частями все более и более затруднялось. Основным средством связи в последние дни Циндао стали ординарцы и мотоциклисты. При этом для преодоления наиболее тяжелых участков, от города до основных фортов, в моменты напряженного огня требовалось несколько часов.

Антенна главной крепостной радиостанции многократно оказывалась поврежденной, но до самого последнего момента ее удавалось восстанавливать.

О фактическом положении в крепости и, в частности, о наличии и расходе боезапаса штаб осадной армии, очевидно, не знал. Японцы предвзято считали, что ослабление огня означает накопление (вернее, сохранение) боезапаса для отражения их штурма, в то время как в действительности уже никакого накопления не было.

Была еще одна причина, по которой генерал Камио откладывал атаку: с осадной артиллерией не все обстояло благополучно.

По-видимому, для перестраховки успеха атаки считалось необходимым окончательно разрушить все оборонительные сооружения, подавить батареи и совершенно деморализовать защитников. А между тем произошла заминка с установкой новейших японских систем 200- и 240-мм гаубиц, впервые вводимых в действие. После первых выстрелов у них просели основания, что свело на нет всю подготовительную работу, и этим системам уже не пришлось принимать участия в операции. Командование осадной армии тщательно скрывало это происшествие от всех, включая и союзных военных представителей при ставке. Японцы уверяли, что эта артиллерия не успела включиться в действие ввиду преждевременного падения крепости³.

¹ Германское описание, стр. 83

² Глубину укрытия кабелей по материалам выяснить не удалось.

³ ЛОЦИА, Архив Генмора, дело № 4306, стр. 10.

Немцы утверждают, что под центральные укрепления японские саперы вели подкопы для закладки мин и по ходу работ эти мины могли быть готовы только 9 ноября. Японцы об этом умалчивают по понятным причинам, так как это была еще одна из мер, перестраховывавших неуспех артиллерийского разрушения или пехотного штурма.

2 ноября произошло столкновение на правом фланге крепости.

Германский отряд, выдвинутый за передний край оборонительной линии на восток от форта № 1, в 21 час. 30 мин. был атакован японскими частями от селения Фудзансе и оттеснен к передовому рву.

Контратака гарнизона, предпринятая на том же участке, была отбита.

4 ноября, после предварительной артиллерийской подготовки, значительно разрушившей вспомогательные укрепления вокруг водокачки на р. Хайпо, японцы атаковали и захватили ее. Небольшой гарнизон укрепления, состоявший из 2 унтер-офицеров и 19 солдат, тяжелым обстрелом был загнан в помещение насосной станции, так как оно было наиболее надежно защищено. После окружения и захвата всего участка гарнизон сдался.

С этого момента город и крепость лишились своего водопровода и перешли на сокращенный водяной рацион за счет накопленных запасов и скважин, имевшихся в городе.

Мост через р. Хайпо, соединяющий участок левого фланга крепости, немцы взорвать не успели, хотя он был минирован. В последующем это облегчило японскую атаку.

В ночь с 5 на 6 ноября японцами была предпринята попытка обойти левый фланг германской оборонительной полосы по отрядам,

«но, — пишут немцы, — она потерпела неудачу под влиянием нашего огня и после того, как очень удачно была взорваны две [обсервационные] мины, которые там были заложены»¹.

Теперь, когда противники сошлись вплотную, в течение 4, 5 и 6 ноября на отдельных участках возникли небольшие столкновения, как только огонь осадной артиллерии затихал или переносился в глубину, с тем чтобы саперы могли успешно работать.

Хотя эти частные столкновения дозоров и саперов иногда доходили до рукопашных схваток, все попытки германских источников изобразить их как «безуспешные попытки к штурму», к

¹ Германское описание, стр. 84. В других источниках этот случай не упоминается.

«прорыву» и т. д. должны быть отвергнуты. Камио ожидал еще более благоприятной обстановки и до 7 ноября включительно не предполагал начинать штурма.

Наконец артиллерийское кольцо вокруг Циндао почти замкнулось, так как в последние дни японцам удалось доставить несколько полевых орудий на о. Хуандао, в бухте Кяочао, из которых они начали обстрел города с тыла¹.

ГЛАВА X

ПАДЕНИЕ ЦИНДАО

РАЗРУШЕНИЕ БАЗЫ И КРЕПОСТИ

Главный инженер морской базы Х. Хартманн в своих воспоминаниях² пишет:

«С самого начала было решено: перед неизбежным падением крепости, что было только вопросом времени, основательно уничтожить всякое германское государственное имущество, в какой бы то ни было мере пригодное неприятелю для военных целей».

Выше мы видели, что это решение начали планомерно проводить в жизнь еще с сентября, когда у германского командования не осталось надежд на скорое окончание войны. Все, что не было необходимым для обороны, последовательно уничтожалось.

Первый большой обстрел Циндао 31 октября, который свидетельствовал о приближении штурма, послужил как бы сигналом для более ускоренной ликвидации всего того, что могло бы потом считаться японским трофеем. Несмотря на призыв японцев к «гуманности» и «божьей справедливости», немцы провели разрушение Циндао со всей тщательностью. Эта операция по методичности и обстоятельности напоминает работу по разрушениям, проделанную германской армией значительно позже на европейском театре в районе Нуайон—Перрон, когда ей пришлось отойти на так называемую Линию Зигфрида весной 1917 г.

¹ См. схему 4 на стр. 365.

² «Schiffbau», № 45, август 1921.

С другой стороны, сами японцы, очевидно, убедившись в том, что их призыв к гарнизону не имел успеха, перестали беречь сооружения базы и тем ускорили процесс разрушения Циндао. До тех пор ясно бросалось в глаза, что город, торговый порт и особенно верфь щадятся противником. Однако уже с утра 31 октября во время первой генеральной бомбардировки на верфь начали падать снаряды.

Склад бочек с маслом и керосином загорелся после первого попадания. Пожар быстро принял такие размеры, что от тушения его отказались, тем более что среди китайских рабочих началась паника, и весь персонал верфи пришлось перевести в город.

Ввиду нехватки свободных людей разрушение доков, мастерских и даже кораблей было поручено немецкому составу самой верфи. Минное депо выделило незначительное число своих людей и весь остаток нештатных взрывчатых веществ, который нельзя было уже использовать на фронте. Подрывного материала оказалось немного, почему он использовался очень продуманно и экономно.

31 октября большой плавучий док (16 000 т) находился в приотпленном состоянии в своем ковше. Для его разрушения были спущены под воду на глубину 12 м большие заряды с таким расчетом, чтобы они легли на палубу понтонов в наиболее ответственных местах (на переборки, кингстонные выгородки и трубопровод). После подрыва зарядов док затонул и лег с креном (в своем ковше) так, что во время отливов один из краев его обнажался немного из воды.

Следующим объектом в этот день был большой береговой кран (150 т), который от 40-кг заряда динамита упал в воду, попутно разбив строившийся на стенке портовый буксир.

Три котла, построенных для новых судов, были опрокинуты со стенки в бухту, причем предварительно с них сняли крышки горловин и арматуру и выбросили в воду в другом месте. Малый минный заградитель Т-2, стоявший на берегу в ремонте, был подорван там, где стоял.

В течение дня 1 ноября велись подготовительные работы для следующей серии разрушений на верфи. В ту же ночь и 2 ноября вечером были взорваны: две вагранки, плавильная печь, главная трансформаторная станция и аккумуляторная батарея, причем так, «что не осталось ни одной частицы, пригодной к употреблению или даже ремонту» (Хартманн).

То, что нецелесообразно было взрывать, уничтожено пожаром (склады, казармы и пакаузы).

Грандиозный взрыв был подготовлен при помощи нескольких зарядных отделений торпед и одной мины, размещенных в главном корпусе машиностроительной мастерской. Один из станков пролетел по воздуху 80 м и пробил крышу конторы верфи. Как само здание, так и станки и мостовые краны после взрыва представляли собой груду развалин.

Все штучные вещи топили в море; резали уцелевшие ремни; сжигали все, что может гореть.

Только в одном случае дал отказ запал, а потом и заряд, когда взрывали доковый трансформатор, стоявший на берегу.

Заметив подрывную работу на верфи, японцы, прекратившие было стрельбу по ней, возобновили обстрел шрапнельным огнем в расчете разогнать подрывную команду, но, несмотря на это, работа была доведена до конца.

К концу этой разрушительной работы остался только один буксир «Фальке», оставленный для того, чтобы перевести подрывную команду в город.

В ночь с 1 на 2 ноября крейсер «Кайзерин Элизабет» был выведен в бухту на глубину в 45–55 м¹ и взорван несколькими большими зарядами.

В следующую ночь в том же месте была затоплена канонерская лодка «Ягуар», последний из действующих кораблей. Теперь Циндао не имел ни одного корабля².

Подрывные работы проводились ночью, чтобы противник не помешал их максимально тщательному выполнению. Он мог сделать это артиллерийским огнем, так как теперь уже не было места в базе, которое не поражалось бы осадной артиллерией.

Начиная с 3 ноября, впервые подверглась систематическому обстрелу главная городская электростанция и большие казармы, расположенные в черте города. В тот же вечер станция была повреждена, труба разрушена. После безуспешной попытки ремонта немцы сами окончательно уничтожили электростанцию.

Предвидя возможность этого, немцы приняли меры к сохранению имевшей для них важнейшее значение радиосвязи с Пекином (через Шанхай). Один из автомобильных моторов был приспособ-

¹ В одной миле на W от маяка Юной, т. е. на том импровизированном кладбище, где уже лежали «Тигр», «Ильтис», «Лухс» и «Корморан».

² Официальная германская версия утверждает, что «Ягуар» затоплен 6 ноября 1914 г.

лен для генератора главной рации, благодаря чему она стала автономной. Сама станция продолжала работать до 4 час. утра 7 ноября, когда она была уничтожена по приказанию коменданта крепости.

Форт и батарея Сяонива были взорваны немцами в ночь с 4 на 5 ноября, предварительно расстреляв весь боезапас.

Остальные батареи были взорваны непосредственно перед захватом или сдачей их противнику в течение 6 и 7 ноября.

На фоне общей работы по уничтожению ценного имущества обращает внимание оставление продовольственных запасов и автомашин. Видимо, это должно быть объяснено апатией и утомлением, наступившими к утру 7 ноября, когда падение крепости стало уже свершившимся фактом.

ПАДЕНИЕ КРЕПОСТИ

В связи с тем, что 6 ноября были пробиты проходы через передовой ров против фортов № 3, 4 и 5, а на остальных участках подступы к германской оборонительной линии были подведены вплотную, — с часу на час можно было ожидать штурма. Установка почти всей осадной артиллерии была закончена, оборонительные сооружения крепости значительно разрушены, а германская артиллерия отвечала одиночными выстрелами. Летчики и главный наблюдательный пост доносили, что все корабли затоплены, верфь взорвана и начинают взрываться форты (Сяонива).

Казалось бы, обстановка была достаточно ясной. Конечно, участь Циндао была предreshена и сдача его одним или двумя днями позже — совершенно неизбежна. Однако падение крепости утром 7 ноября явилось для японцев относительно неожиданным.

В этот факт необходимо внести полную ясность потому, что все германские источники и авторы, опирающиеся на германские источники, в один голос рассказывают о решительном штурме, в результате которого и под давлением несметных полчищ японцев крепость, расстреляв весь боезапас, вынуждена была сдаться.

Неожиданность для японцев падения крепости 7 ноября иллюстрирует уже отмечавшуюся нами степень осведомленности японского командования об истинном положении в крепости и еще раз подтверждает, что оно переоценивало силы и средства противника на всем протяжении операции.

Помимо свидетельства французского военного представителя при ставке генерала Камио и официальной версии, изложен-

ной русским морским атташе на основании японской информации¹, мы располагаем таким объективным показателем характера последних столкновений, как число раненых и убитых (см. стр. 480). Кроме того, совершенно очевидно, что японскому командованию также было выгодно приукрасить трудности овладения Циндао как для своего отечественного, так и для мирового общественного мнения и поддерживать германскую версию о решительном штурме. По сути дела это должно было быть первым и последним крупным столкновением, оправдывавшим длительность операции и все расходы на нее.

Изучая подробности событий 6 и 7 ноября, можно с достаточной ясностью восстановить следующую картину.

Генерал Камио и его штаб, несмотря на работу семи разведывательных самолетов, которые беспрепятственно летали над Циндао, несмотря на наличие китайской агентуры и главное — опыта 70-дневной операции, дававшего богатый материал для анализа, — продолжали переоценивать возможности противника.

Предполагалось:

1) что немцы берегут снаряды для решительной огневой контратаки в момент штурма, тогда как у них оставалось по несколько выстрелов на пушку, да и то не у всех батарей;

2) что на переднем крае оборонительной полосы будет оказано отчаянное сопротивление²;

3) что в глубине придется прорывать вторую линию обороны, оборудованную уже в процессе осады³, и

4) что Мейер-Вальдек имеет в городских казармах резервы, которые будут использованы в решительный момент.

Относительно резервов выше уже было сказано, что они почти иссякли 1—3 ноября, так как были переданы на промежуточные участки фронта. Последние 250 человек были влиты в состав частей фронта 6-го вечером. Японская же дальнобойная артиллерия продолжала обстреливать пустые казармы Мольтке и Бисмарк, считая, что она поражает резервы, а в момент первой атаки значительная часть батарей поставила отсекающие завесы на вы-

¹ Все представители союзных армий, находившиеся при ставке генерала Камио, знали, что штурм назначен на ближайшие дни после разведки, намеченной в ночь на 7 ноября.

² Затихшие укрепления представляли для японцев загадку.

³ Второй оборонительной линии не существовало. Окопы и траншеи, развитые в непосредственной глубине, служили для поддержки фортов и для обороны промежуточных первой линии; но именно эти участки были полуразрушены бомбардировкой.

ходах из города к фронту для парализации несуществующих подкреплений.

Поэтому атака 6 ноября была разведкой с боем пехотных укреплений с целью вскрыть систему охранения, выяснить силу сопротивляемости их и нащупать места для прорыва.

Когда же разведывательные части заняли центральное укрепление без боя, то дальнейшее наступление на гору Ильтис было предпринято по инициативе командира участка, который увидел, что дорога по сути дела открыта.

Между атакой разведывательных частей и подходом к месту прорыва основных сил произошла заминка, так как такой легкий прорыв был непредвиден и части не были подготовлены к нему.

Дальнейшую судьбу столкновения решили белые флаги, поднятые на германских фортах.

Это произошло в то время, когда Камио был готов последовательными атаками пробивать оборонительную систему противника в течение нескольких суток и, если это окажется нужным, 9 ноября взорвать форты подведенными минами¹.

Большая часть осадной армии вошла в Циндао церемониальным маршем. Крепость пала от первой атаки разведывательных частей и передовых батальонов.

Японская официальная версия, созданная, конечно, после операции, характеризует намерение генерала Камио в такой неопределенной формулировке:

«В 4 часа пополудни (6.11.14) главнокомандующий осадных войск дал приказ готовиться к внезапному штурму и по окончании работы (очевидно, подготовки. — И. И.) — ждать окончательного приказа о наступлении»².

Когда был дан этот исполнительный приказ, как и кому были сформулированы задачи и был ли вообще такой приказ, выяснить не удалось. Ни один из союзных представителей такого приказа не видел и о нем не слышал.

Решение этой проблемы можно найти только в том, что *«падение крепости уже утром 7 ноября явилось для японцев несколько неожиданным»³.*

То же самое утверждают англичане, которые в 1926 г. — довольно нескромно по отношению к своим бывшим союзникам —

¹ Способ, хорошо усвоенный на опыте Порт-Артура.

² Германское описание, стр. 92.

³ Заявление подполковника Мореля русскому представителю. ЛОЦИА, Архив Генмора, 1914 г., дело 4306, стр. 76.

опубликовали следующую версию критического момента операции:

«7 ноября противник выкинул белые флаги, что было приятной неожиданностью (the pleasant surprise) для атакующей армии, которая рассчитывала на продолжительную осаду»¹.

Сами события развивались так.

Вечером 6 ноября командование экспедиционными силами отдало приказание об усиленной ночной разведке всех пяти номерных укреплений. Помимо целей, указанных выше, это должно было демаскировать, на каком участке предполагается в будущем главный удар. Была тихая, ясная погода, светила полная луна.

Для решения задачи было выделено по две роты на каждый форт из состава частей соответствующих секторов осадной диспозиции².

Порядок атаки: двумя эшелонами, вторые роты в затылок первым в качестве резерва. Начало атаки — 1 час ночи 7 ноября. Атаке предшествовал интенсивный артиллерийский обстрел с суши и с моря, который мало отличался от предыдущих.

Положение обороны в этот момент, по официальной германской версии, представляется следующим:

«Уже 6 ноября в 11 час вечера был дан приказ батарее горы Бисмарк расстрелять последние гранаты и шрапнели, сохранные для штурма»³.

«Пехотные укрепления и все батареи сильно пострадали от непрерывного гранатного и шрапнельного огня в течение ночи с 6 на 7 ноября. После почти полного разрушения линии огня командам укреплений пришлось отойти в казематы. Наши батареи продолжали стрелять для облегчения положения пехоты, пока не был расстрелян весь боезапас».

«В 1 час ночи вдруг пришло сообщение о внезапном захвате укрепления № 3, одновременно взвод 5-й роты, который искал убежища в казематах интервалов, также был захвачен»⁴.

Таким образом, прорыв произошел в центре против укрепления № 3 на участке 56-го японского пехотного полка.

Еще с вечера, под прикрытием огня осадной артиллерии, са-

¹ Encyclopaedia Britannica, 13 ed., v. III, spl. p. 334.

² Английские части выделены не были.

³ Фактически остатки измерялись единицами.

⁴ Германское описание, стр. 87.

перы расширили два прохода в проволочном ограждении шириною в 5 м каждый.

Боевой порядок отряда, который должен был разведать с боем укрепление № 3, был такой.

По каждому из проходов параллельно двигались две группы¹: пять охотников (дозор) с ручными гранатами (по три на человека), задача — атака пулеметов, если они откроют огонь;

отделение саперов (10 человек) для резания проволоки во внутреннем рве, установки лестниц и «разоружения германских механических приспособлений»², 1-е, 2-е и 3-е стрелковые отделения взвода — в правой колонне (4-е, 5-е и 6-е — в левой); главная задача — захват пулеметов после атаки их гранатами.

Отстояние поддерживающих рот неизвестно, но ясно только, что непосредственная поддержка для захвата форта была на большом удалении или не предполагала атаковать, так как вышла на форт только через два часа после захвата его разведывательным взводом.

Что касается вторых эшелонов, которые должны были идти в прорыв, то либо они вовсе не были выделены, либо в расчете на длительное сопротивление противника их должны были подтянуть значительно позже.

Совершенно неожиданно для себя японские взводы не встретили никакого сопротивления до казармы укрепления включительно. Окруженный караул форта (20 человек), а затем и гарнизон (около 130 человек) сдались в казематах, не зная, какой численности подразделение они сдаются.

Перерезав германские провода, японские части сигнализировали назад и после подхода остальных подразделений начали распространяться по фронту, сбивая или захватывая части прикрытия интервалов, вылезавшие из блиндажей³.

На других участках фронта крепости было оказано сопротивление, и разведывательные части возвратились в исходное положение.

Дальше официальное японское описание событий сообщает, что после того как стало ясным, что центральный участок занят прочно:

¹ У всех людей были белые отличительные повязки на левом рукаве и, кроме того, маленькие национальные флажки.

² Так было приказано командиром отряда. По-видимому, японцы опасались взрыва всех занимаемых объектов.

³ По американским источникам, ввиду неожиданно быстрого распространения атакующих они некоторое время поразились огнем своих же поддерживающих частей.

«Офицер, командующий 2-м центральным отрядом, увидев достигнутое преимущество, предпринял атаку на восточное укрепление Тайтунишань (укрепление № 2), так как (теперь. — И. И.) он рассчитывал на безусловный успех. В 4.15 он дал приказ о немедленной атаке форта; в 4.30 2-й центральный отряд начал атаку... после сопротивления в 5.15 укрепление было занято».

Из того же описания видно, что понадобилось три часа для того, чтобы принять решение об атаке на смежном участке того же сектора¹.

Далее мы читаем:

«Командующий 2-м отрядом центра решил взять боевое укрепление противника и с разрешения старшего командования послал штурмующие отряды против фортов Мольтке, Бисмарк и Ильтис... Они достигли подножия Ильтиса. в 5.30..., а между 6.15 и 6.20 высота Ильтис была занята...»².

Из плана осады видно, что район Мольтке—Ильтис был вне разграничительных линий 2-го сектора. Вторая часть атаки — эксплуатация прорыва — оказалась импровизированной по инициативе командира сектора, так как такого легкого успеха никто не ожидал.

Из последующих действий ясно, что события не управлялись японским командованием, а протекали почти стихийно, вплоть до того, что, когда начальник штаба экспедиционных сил генерал Яманаси в 8 часов утра прибыл в казармы Мольтке для оформления сдачи, он не знал, что японские части проникли в город, а англичане уже обогнали его и разместились в артиллерийском депо.

Столкновения затихали сами собой по мере того, как отдельные германские части и форты начали сдаваться после приказа коменданта, отданного между 5 час. и 5 час. 15 мин.

На других участках было оказано незначительное сопротивление, кроме левого германского фланга, занимаемого ОМД, где из-за позднего получения приказа коменданта о сдаче войска продолжали сопротивляться. Здесь японцы понесли наибольшие потери, причем тогда, когда на остальных фортах уже был поднят

¹ По американским источникам, только в 3 часа утра укрепление № 3 было занято поддерживающей ротой. Это подтверждается докладом русского представителя.

² При этом надо учесть, что в 5 час. 15 мин. уже было передано на эти пункты приказание Мейер-Вальдека о сдаче.

белый флаг. После занятия японцами укреплений № 4 и 5 англичане заняли Тайтуншань и беспрепятственно проследовали в город¹.

В 5 час. утра комендант (он же губернатор) отдал приказание о прекращении сопротивления. В 5 час. 15 мин. оно было передано на те объекты, с которыми уцелела проволочная связь.

В 5 час. 30 мин. взлетели на воздух батареи горы Бисмарк, взорванные своей командой перед самым подходом противника, а вслед за этим были уничтожены и все остальные батареи².

В 5 час. 10 мин. был занят форт № 2.

В 6 час. 45 мин. японцы заняли форт № 1.

Огонь на флангах продолжался. Тогда были подняты белые флаги, кроме фортов, также и на сигнальной горе и обсерватории³. Одновременно был выслан в Тайтуншань старший адъютант коменданта в качестве парламентаря с письмом к генералу Камно.

Мейер-Вальдеку не удалось сразу прекратить боевых действий, так как светало около 6 часов, и первое время белые флаги не были видны.

Таким образом, некоторый период действия сторон были как бы неуправляемыми. Вследствие этого произошел ряд недоразумений. Парламентарь коменданта (майор фон Кайзер) со свитой, перейдя на японскую сторону, попал под германский обстрел с форта № 5. На одном участке японцы всей ротой кланялись в пояс германскому офицеру, выражая ему этим древним ритуалом свое уважение, а на другом участке японские бойцы связали схваченных германских офицеров и прикладами погнали их в тыл.

В 7 часов с ординарцем дошло письменное приказание о сдаче командиру левого крыла, который в 7 час. 15 мин. в бинокль увидел белые флаги уже на всех фортах и прекратил сопротивление.

В 7 часов на горе Ильтис уже развевался японский флаг.

В 7 час. 30 мин. раздался последний выстрел, и германская колония на Дальнем Востоке перестала существовать.

Надо отметить, что там, где противник подошел вплотную раньше, чем подоспело приказание коменданта о сдаче, германские подразделения дрались упорно. Были случаи, когда дрались

¹ Около 7 часов, когда в селение Тайтуншань прибыл германский парламентарь, оно было занято японскими частями, а англичан еще не было.

² Батарею Бисмарк взрывали в 4 час. 50 мин., но взрыв не удался. После обнаружения разрыва кабеля и исправления его взрыв был повторен.

³ Чтобы флаги были видны не только с суши, но и с моря.

врукопашную, а один из офицерских корректировочно-наблюдательных постов горы Бисмарк, выдвинутый к переднему краю, был зарублен саперными лопатками. Но крупных столкновений не было. Команда укрепления № 4 успела взорвать главную казарму перед самой сдачей. В последний момент бойцы ломали винтовки и пулеметы.

Сгущенные краски официальных реляций обеих сторон об «убийственном и ураганном огне обороняющихся» и о «страшном штурме несметных полчищ атакующих» обретают свой истинный смысл после ознакомления с приводимыми ниже цифрами.

За время боевых действий с ночи 6 ноября и до конца операции атакующая армия на фронте в 5,5 км понесла потери: убитыми — 1 офицер и 35 солдат, ранеными — 4 офицера и 178 солдат¹.

При этом более 50 % потерь приходится на долю не участка прорыва, а левого фланга и укрепления № 5, где из-за позднего получения приказа сопротивление оказывалось до 7 час. 15 мин. утра.

После 1 ноября в действиях Мейер-Вальдека все время чувствуется главная забота сдать крепость так, чтобы не посрамить германского оружия и выйти с честью из очень трудного положения.

Что крепость обречена, ни у кого никаких сомнений не оставалось еще с начала сентября, когда выяснился результат сражения на Марне. Настроение команд и материальная обеспеченность Циндао позволяли продержаться крепость до решительной атаки, чему содействовали и особо осторожные действия японцев. Однако драться врукопашную на тех руинах, которые представлял собой Циндао после 1 ноября, было явно нецелесообразно. Теперь уже речь шла не о защите Циндао, а о сохранении авторитета армии и флага.

Верный слуга своего кайзера, Мейер-Вальдек понимал, что даже отданный японцам Циндао должен помочь германской армии, если из его падения можно создать легенду о небывалом героизме всего гарнизона, дравшегося до конца с противником, располагавшим пяти-шестикратным превосходством в силах, то в Германии эта легенда поможет поднять настроение фронта и тыла.

Приурочив сдачу к моменту начала штурма, надо было показать, что крепость держалась до последнего снаряда, и в то же время не допустить бесцельных избиений. С другой стороны, опасно было перетянуть струну, чтобы части гарнизона сами не начали

¹ ЛОЦИА, Архив Генмора 1914 г., дело № 4306, стр. 77.

сдаваться, чем испортили бы весь эффект последнего «хода» Мейер-Вальдека. Что это было возможно, показывает случай со сдачей караула и гарнизона укрепления № 3.

Мейер-Вальдек своей цели добился.

Кровопролитные столкновения на горе Ильтис и на левом фланге произошли помимо воли коменданта, когда он уже отдал приказ о сдаче, но приказания еще не дошли до исполнителей.

Донесения, отчеты и последующая историческая обработка документов буржуазными военными историками воздали должное защитникам, прибавив сверх того много небылиц и многое приукрасив в совершенно определенных целях.

Мешала этому еще одна неувязка: сравнительно небольшие потери гарнизона, которые не вязались с «сопротивлением до последней крайности». Здесь на помощь пришлось призвать уже небесные силы!

«Крепость, истощив все средства обороны, после прорыва в центре, пала во время штурма. Укрепления и город сильно разрушены¹ девятидневной непрерывной бомбардировкой с суши самыми тяжелыми орудиями, до 28 см, подержанной сильным огнем с моря; артиллерийская мощь (крепости) под конец совершенно сломлена. Потери точно не выяснены, но каким-то чудом оказались значительно меньшими, чем можно было предполагать...»².

Так доносил Мейер-Вальдек своему кайзеру. Последний оценил заслуги губернатора.

«С горячей признательностью за геройскую защиту Циндао жалую я капитану 1-го ранга Мейер-Вальдеку железный крест 1-го класса и оставляю за собой щедро наградить офицеров и команду крепости, так же как и храбрцов с «Кайзерин Элизабет». Но все они найдут лучшую награду в безграничном восхищении, которое им выражает родина».

Последняя фраза телеграммы Вильгельма показывает, что было теперь главным для руководящих кругов империалистической Германии: на безрадостном ноябрьском фоне операций на западном театре Циндао послужил тем материалом, на основе которого была развита националистическая пропаганда (многочисленные брошюры, фотоснимки, открытки, статьи и воспоминания

¹ Мы знаем, что город и торговый порт совсем не пострадали.

² Германское описание, стр. 94.

участников и т. п.), подобно тому как в сентябре 1914 г. такую же роль сыграло потопление в один день подводной лодкой U-9 трех английских крейсеров: «Хог», «Кресси» и «Абукир».

В то же время на другой стороне, на стороне победителей, тоже шло ликование и щедро раздавались награды.

Главные цели японского империализма в этой операции были достигнуты.

Нарочитыми недомолвками о численности своих войск (тем более что это хорошо вязалось с требованиями военной цензуры), преувеличением германских сил и средств, их хитрости и упорства, описанием климатических трудностей и т. д. японские официальные сообщения о последних днях Циндао «подогрели» общественное мнение страны.

Еще раз японская армия оказалась «непобедимой». При каких конкретных условиях — это неискушенному японцу трудно было выяснить.

СДАЧА

Мейер-Вальдек в своих воспоминаниях резонно замечает:

«Японцы приняли условия передачи; фактически же нечего было больше сдавать — крепость и город были уже в руках японцев».

Понимать, конечно, надо так, что японцы согласились на переговоры о сдаче, а не об условиях, так как условия диктовали они. Но остается не совсем понятным, для чего нужна была вся эта церемония.

Началась она с письма коменданта, доставленного в ставку парламентаром в 7 или 8 час. утра 7 ноября 1914 г.

«СЕКРЕТНО.

Ваше превосходительство. Так как средства защиты у меня истощились, я готов вступить в переговоры о сдаче отныне незащищенного города. Если Ваше превосходительство согласны на мое предложение, то я прошу назначить уполномоченных для предстоящих переговоров, а также определить время и место для встречи уполномоченных обеих сторон. Первым уполномоченным с моей стороны назначаю начальника штаба капитана 1-го ранга Заксер.

Имперский губернатор Мейер-Вальдек»¹.

¹ Германское описание, стр. 91.

В тот момент, когда японские части уже хозяйничали в городе, а немцы фактически сдали все уцелевшее ручное вооружение, т. е. потеряли какую бы то ни было боеспособность, в 16 час. в помещении казармы Мольтке встретились представители сторон.

Первое, с чего начал германский уполномоченный, — это с просьбы прекратить грабеж города. К великому неудовольствию генерала Яманаси это подтвердилось.

Японское командование вынуждено было отвести все части назад за линию гор Мольтке—Бисмарк—Ильтис. У входа в город были поставлены усиленные наряды полевой жандармерии, а немцам было разрешено иметь 200 человек вооруженной охраны из полицейских и солдат до момента перехода охраны в японские руки.

Что касается условий сдачи, то японцы прибыли с готовым текстом:

«Содержание протокола почти буквально повторяло условия сдачи Порт-Артура и при данном положении вещей ничего в нем изменять не приходилось»².

Прения вызвал только один пункт — отобрание оружия у офицеров. Базой для дискуссии опять же служил прецедент Порт-Артура. Однако командование осадных сил не взяло на себя разрешить этот вопрос.

Переговоры кончились в 23 часа. Были назначены следующие комиссии: военная, морская, интендантская, «по удалению опасных предметов»², по военнопленным, по санитарному и административному ведомствам.

Однако реализация работ этих комиссий 8 ноября оказалась невозможной, так как в неразберихе, творившейся у японцев, кто распорядился арестовать всех германских чиновников и отправить их с другими пленными за пределы крепости. Одновременно выяснилось, что пленные плохо размещены и питание их поставлено неудовлетворительно.

Работу передаточно-приемных комиссий удалось начать только с 9 ноября. В тот же день пришла телеграмма микадо с разрешением вернуть оружие германским офицерам.

В 16 часов состоялось погребение погибших немцев на городском кладбище, переключка всех оставшихся в городе и проверка списков погибших.

¹ Доклад Заксера. Германское описание, стр. 97.

² Речь идет о разоружении невзорванных мин и фугасов.

10 ноября состоялась торжественная встреча генерала Камио с Мейер-Вальдеком, во время которой губернатор просил освободить от военной службы и плена десять наиболее крупных коммерсантов Циндао. Позже, с обоюдного соглашения, были оставлены в городе не только эти коммерсанты, но и чины полиции и старшие мастера бойни, водопровода и электростанции.

Генерал Камио был крайне возмущен, когда германское командование предъявило акт об убытках, причиненных японским грабежом 7 ноября. Он отвел его, грозил репрессиями и успокоился только тогда, когда акт был передан не армии, а представителю японской полиции.

ГЛАВА XI

ИТОГИ ОПЕРАЦИИ

ПОТЕРИ СТОРОН

Потери японских и английских экспедиционных частей и флота за весь период операции определяются следующей таблицей:

Части	Офицеры			Не-ком состав			Всего
	убито	ранено	всего	убито	ранено	всего	
Экспедиционные части японской армии без морской артиллерии	14	28	42	232	1087	1319	246 1115 1361
Японская морская артиллерия осадного парка	—	—	—	11	32	43	11 32 43
Английский отряд	—	5	5	12	56	68	12 61 73
Потери всех экспедиционных войск	14	33	47	255	1175	1430	1477
Японский флот	23	1	24	261	31	292	284 32 316
Английский флот	—	1	1	3	4	7	3 5 8
Общие потери флота	23	2	25	264	35	299	324
Общий итог потерь	37	35	72	519	1210	1729	1801

Таблица составлена по официальным материалам, передан-ным японским командованием русскому морскому атташе. Боль-шинство других источников приводит цифры, близкие к этим.

Германская официальная версия дает в 1935 г. совершенно отличные цифры потерь японо-английских сил¹, а именно:

Офицеров: убито — 37, ранено — 108, всего — 145,
солдат: убито — 1266, ранено — 3992, всего — 5258,

Т. е. всего 5403 человек только для армии, и с оговоркой, что сюда не вошли умершие от болезней.

Ввиду того, что почти все германские данные после проверки оказались неточными, мы предпочитаем в дальнейшем исходить из японских сведений.

Численность больных нигде не указывается, но в японских материалах имеется упоминание о том, что с наступлением холо-дов в октябре в экспедиционных войсках было много случаев про-студных заболеваний и дизентерии.

Приведенные цифры дают возможность получить некоторые показатели, характеризующие напряжение всей операции в целом, а также сравнительные потери отдельных частей.

Общий процент потерь экспедиционных сил определяется в 4,68 % всего их состава.

Число убитых составляет 18,1 %, а раненых — 81,9 % общей численности потерь, иначе говоря, на 1 убитого приходится 4,5 раненых.

Для английского отряда процент потерь — 4,89, однако эта цифра непоказательна: ее не с чем сравнивать² ввиду того, что не имеется отдельных данных о потерях в японских стрелковых час-тях. Общий же процент (4,68) относится ко всему составу экспе-диционных сил, включая полевую артиллерию, тылы, обозы, во-енных рабочих и т. д.

Относительно больший процент падает на прислугу морской артиллерии, которая находилась под специальным обстрелом нем-цев, так как она их беспокоила сильнее, чем другие подразделе-ния осадной артиллерии. Команда морских батарей имела потери в 11,2 % общего своего состава, при этом на 1 убитого приходится только 3 раненых.

Потери флота не характерны, так как почти целиком относят-ся на счет гибели крейсера «Такачихо». Обстрелы с моря были не

¹ Германское описание, стр. 94.

² Английские источники утверждают, что немцы подвергали их более жесткому артиллерийскому обстрелу в отместку за западный фронт.

решительные, и одно попадание в «Трайэмф» не может иллюстрировать характер потерь при борьбе флота с берегом.

Типичным является только соотношение убитых (погибших) и раненых при потоплении корабля. Если на суше мы имеем максимальное соотношение, на 1 убитого 3 раненых, то потери флота дают обратную картину: на 1 раненого 7,8 убитых, а для самого Такачихо на 1 раненого приходится более 100 человек убитыми (погибшими).

Точные цифры германских потерь неизвестны.

После сдачи крепости германское командование формально заявило, что имеет около 300 чел. убитыми и приблизительно 500 раненых; таким образом, общее число потерь равнялось якобы 800 человек.

Это составляло бы 16 % потерь от общей численности при отношении 1,6 раненого на 1 убитого. На самом деле это было далеко не так.

Опубликовывая задним числом историю осады и сдачи Циндао, германский морской архив пишет:

«Наши собственные потери убитыми и ранеными, взятые в абсолютных цифрах, очень незначительны. Они составляют 189 чел. убитыми и около 500 чел. ранеными»¹.

Если обратиться к другим материалам, то выясняется следующее.

При передаче японцам циндаоского госпиталя в нем оказалось 368 чел. больных и раненых. Можно полагать, что еще около 130 чел. были ранены за все время осады, но вернулись в строй или к моменту падения крепости оказались вне госпиталя; тогда все эти 130 человек должны быть причислены к категории легко раненых.

Наконец, цифре 189 человек можно верить еще и потому, что уже в 1914 г. подполковник Морель доносил, что в Циндао убитых было только 187 чел., а остальных 110—115 человек немцы приписали к ним как своего рода «мертвые души», чтобы исключить из списков тех ландштурмистов, которые сняли форму и превратились после 7 ноября в мирных бюргеров.

Несомненно, что Мейер-Вальдеку и германским правящим кругам выгодно показать преувеличенную цифру потерь, чтобы поддержать легенду об обороне не только до последнего снаряда (что было выполнено), но и «до последней возможности» вообще.

¹ Германское описание, стр. 94.

Если принять цифру Мореля и цифру фактически лежавших в госпитале, то получим соответственно:

187 убитых

368 раненых

всего 555,

что составит 9 % от состава гарнизона при 1,4 раненого на 1 убитого.

Пытаясь объяснить такие незначительные потери, немцы относят их, помимо хорошего качества оборонительных сооружений и укрытий, за счет хорошей организации повседневной боевой службы в крепости и, главным образом, за счет плохого качества японских тяжелых снарядов, из которых до 40 % не разрывались.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЯПОНСКОЙ ПОБЕДЫ

В связи с разрушениями, произведенными гарнизоном, военная добыча экспедиционной армии не была особенно обильна.

Пленные. Общая численность взятых в плен германцев из состава гарнизона и команд кораблей определяется в 4692 чел., из них — 222 офицера и 4470 солдат¹. В эту цифру входят и военнообязанные, работавшие в тылу (верфь, депо, мастерские).

24 офицера и 344 солдата, находившиеся в госпитале, остались в Циндао до излечения, а 198 офицеров и 4126 солдат и военнообязанных, начиная с 12 ноября, были эвакуированы в Японию и размещены в девяти специально развернутых лагерях.

Избежали плена: летчик Плюшов, офицеры и команда миноносца S-90, прорвавшегося из Циндао, часть защитников Циндао, переехавших на сампанах в штатском платье на противоположный берег залива Кяочао и ушедших в Китай (не больше 2—3 десятков), и часть ландштурмистов, снявших форму накануне падения крепости и оставшихся в городе под видом мирных жителей. Таких было тоже не более 2—3 десятков, причем некоторые из них позже были задержаны и отправлены в Японию.

Интересно отметить, что десять самых крупных коммерсантов, которые по условиям военного времени были зачислены в ландштурмисты и несли легкую службу в тылу крепости, были фиктивно демобилизованы и оставлены в Циндао, чтобы оградить интересы германских частных фирм. Как указывалось выше, для

¹ По английским данным («Times»), взято в плен: офицеров — 202, унтер-офицеров и рядовых — 3841.

этого Мейер-Вальдеку пришлось обратиться к генералу Камио со специальным письмом.

Крепость. Долговременные фортификационные сооружения мало пострадали, несмотря на все старания осадной артиллерии. Вооружение крепости почти все было приведено в негодность.

Здесь же надо подчеркнуть, что если к началу мировой войны фортификация и вооружение Циндао имели какую-то боевую ценность, то к концу ее — в результате развития военной техники — все, что уцелело в этой крепости, годилось только как трофеи и исторический памятник осады. Четыре года войны в Европе нанесли Циндао больший урон, чем японская армия за 2,5 месяца. Возросшие дальности стрельбы и вес снарядов откинули оборонную систему в прошлое настолько, что восстанавливать что-либо являлось абсолютно нецелесообразным.

Японское командование это поняло и затрат на восстановление крепости не делало. Решить же эту проблему по-новому, на основании опыта войны, не позволяли соотношение сил и обстановка, приведшие к Вашингтонскому договору 1922 г.

Город Циндао пострадал очень мало: все правительственные и городские общественные здания были сданы японцам в полной сохранности и тотчас были использованы под соответствующие учреждения.

Торговый порт также пострадал мало. Пирсы, стенки, склады и пакгаузы со всеми подъездными путями сохранились хорошо. Главное затруднение, препятствовавшее возможности немедленного использования торгового порта, заключалось в закупорке гавани брандерами.

Судостроительная верфь с судостроительными мастерскими, доками и другими вспомогательными устройствами была разрушена настолько обстоятельно, что использование всего этого могло быть осуществлено только после капитальных затрат по восстановлению, на что потребовалось бы несколько месяцев. До выяснения политической конъюнктуры японцы остереглись вкладывать капиталы в это дело.

Строения и ковши морской базы, склады военного порта, дома и причалы минной дивизии оказались совершенно неповрежденными ввиду нахождения их в черте города, поэтому они сразу же были использованы японскими частями. Казармы в городе, морское собрание и т. д. оказались в таком виде, что были заняты для размещения японцев в день их вступления в город.

Корабли оказались все затопленными со значительными разрушениями от взрывов. Так как сами по себе все корабли были устаревших типов, то в таком виде они представляли собой только металлический лом, засорявший внутренний рейд в бухте Кыо-чао. Незначительная часть вспомогательных плавучих средств все же сохранилась.

Запасы и вооружение. Интересны цифры количества военных запасов, взятых японцами. Эти цифры могут служить косвенными данными для выяснения некоторых вопросов.

При сдаче крепости японскому командованию передано:

2500 винтовок,

30 пулеметов,

боезапаса к ним — «большое количество»,

снарядов — «несколько штук»,

продовольствия — на 3 месяца из расчета на 5000 чел.,

денег — 12 000 иен,

угля — 10 000 т,

автомашин — 40 штук.

Конечно, не этими данными определяются результаты операции по захвату Циндао.

Сравнительно дешевой ценой (но отнюдь не такой дешевой, как казалось с первого взгляда) — за счет мобилизации полутора дивизий, фрахта 50 пароходов, затраты 72 дней и потери около полутора тысяч убитыми и ранеными, одного крейсера устарелого типа, одного миноносца и нескольких тральщиков — японский империализм достиг следующих существенных для него результатов:

1. Устранил с Дальнего Востока одного из конкурентов, захватив принадлежавшие ему железную дорогу протяжением в 256 миль, угольные шахты и все германские предприятия.

2. Оккупировал львиную долю одной из наиболее богатых провинций Китая, тем самым продемонстрировав Китаю и всему миру свои агрессивные намерения и последовательность своей захватнической политики.

3. Приобрел новую военно-морскую базу, контролирующую все Желтое море и в сочетании с остальными японскими базами значительно усиливающую стратегические позиции Японии на тихоокеанском театре.

4. Лишил Германию опорного пункта для войны с морской торговлей союзников, в которой японский капитал, как один из крупнейших поставщиков на войну, сам был крайне заинтересован.

5. Все это выполнил под флагом «поборника мира» и «защитника цивилизации на Дальнем Востоке», чем и заслужил временную признательность капиталистов других стран.

6. Получил новый материал для «обоснования» тезиса о «непобедимости» японской армии для шовинистической и милитаристской пропаганды.

Секрет этого успеха лежал не в абсолютной силе Японии (ее политической и военной мощи), а в слабости объектов, к которым приложены были ее усилия (Циндао, Китай), и в относительной слабости всех конкурентов, руки которых в это время были связаны другими делами.

ЦИНДАО ПОСЛЕ ЗАХВАТА

С 9 по 14 ноября происходила передача объектов крепости специально выделенными комиссиями. С 12 по 15 ноября производилась эвакуация пленных немцев в Японию.

10 ноября, во время траления мин при входе в бухту Кяочао, взорвался японский миноносец № 33. Погибло 5 человек, ранено 4.

11 ноября при неумелом разоружении германского фугаса перед одним из номерных фортов взрывом были убиты 1 офицер и 8 солдат и ранены 1 офицер и 56 солдат (все убитые и раненные — японцы). На следующий день при аналогичных обстоятельствах погиб еще один японский офицер.

В ближайшие же дни было установлено военное управление над всей арендованной территорией германской концессии Кяочао. Начальником управления был назначен генерал Камио по совмещению с командованием всеми японскими войсками, находящимися на территории Шаньдуна; при начальнике управления — советник по иностранным делам (барон Фунакоси) и ряд других гражданских чиновников¹.

Постепенно специальные и некоторые пехотные части были возвращены в Японию. В Шаньдуне осталась одна пехотная бригада и железнодорожный батальон. Последний обслуживал захваченную железную дорогу до Цзинань.

В базе был сформирован «отряд обороны порта» с адмиралом во главе (контр-адмирал Ивамуро) применительно к типовой организации японских баз.

¹ Организационная схема, в основном повторяющаяся позже в Маньчжурни.

Были приняты меры для восстановления судоходства, убраны брандера, установлены постоянные рейсы с Японией, а 28 декабря того же года торговый порт был открыт для всех союзных и нейтральных флагов.

В последующий период правительство оказывало содействие внедрению японского капитала на материк через «новую дверь»; поощрялось также переселение японцев в Кяочао.

Конечно, с китайскими интересами завоеватели абсолютно не считались.

Однако крупных вложений в Циндао не делалось. Крепость не восстанавливалась, больших ассигнований на морскую базу не отпускалось. Причиной этого была неуверенность в сохранении нового приобретения до заключения общего мира и выяснения американской точки зрения. Кроме того, обстановка затяжной войны в Европе порождала у японского империализма стремления к более широким захватам в Китае.

8 ноября 1915 г. китайскому правительству был предъявлен ультиматум, известный под названием «21 требование». Первый раздел его являлся политическим продолжением операции по захвату Циндао: он требовал передачи Японии всех германских концессий; в итоге ультиматум шел так далеко, что по существу ставил вопрос о полном политико-экономическом порабощении всего Китая.

В числе причин, заставивших японских империалистов в этот период умерить свой аппетит, было давление правительства и буржуазного общественного мнения США, выраженное словами американского посланника в Пекине:

«Хотя державы [Согласия] и были вынуждены предоставить Японии свободу действий в Китае, несомненно, день расплаты наступит».

Кроме того, 13 мая 1915 г. США официально заявили, что не признают соглашений, заключенных в связи с «21 требованием».

В дальнейшем соглашении Лансинга—Исии и Версальским договором Японии как бы удалось закрепить свои завоевания в Китае, однако в очень условной форме. На Японию давило, в частности, то обстоятельство, что послевоенная обстановка была достаточно неустойчивой.

Борьба японских империалистов с другими империалистическими державами, особенно с США, продолжала обостряться, так как после грандиозного развертывания американской и японской

промышленности, работавших на войну и наживавшихся на войне, и той и другой промышленности было уже тесно в рамках старых рынков и сырьевых баз.

До более прочного политического решения проблемы Циндао японцы стремились закрепить свои экономические позиции как в Шаньдуне, так и во всем Китае и вытеснить соперников.

Однако оккупация Циндао продолжала волновать политических конкурентов Японии (США и Англию), так как никто из них не мог примириться с таким преимуществом Японии. Нужен был только подходящий случай для того, чтобы поставить этот вопрос.

Такая благоприятная (для США и Англии) обстановка сложилась ко времени Вашингтонской конференции 1922 г., когда, попутно с проблемой тихоокеанских владений Японии, США удалось поставить вопрос и о Кяочао.

4 февраля, под давлением представителей США, Японией и Китаем был подписан трактат о возвращении Китаю территории Кяочао. По этому трактату Китай получал обратно все свои владения при условии возмещения стоимости германских предприятий (порт, железная дорога, общественные здания и т. д.) и последующих вложений в них со стороны Японии. В 6-месячный срок все японские войска должны были уйти из Шаньдуна¹.

21 июня 1922 г. в Пекине был произведен обмен ратификациями, и трактат вошел в силу. Это было большой победой США в духе проводимой ими политики «открытых дверей» в отношении Дальнего Востока и, в частности, Китая.

Япония была вынуждена уйти из Циндао. Японская буржуазия приняла это событие как тяжелый удар.

Однако, как и все прочие соглашения Вашингтонской конференции, трактат о Шаньдуне был очень условным и кратковременным.

Усилия японского империализма были направлены теперь к тому, чтобы вторично завоевать Циндао «не дубьем, так рублем». Внедрение частного японского капитала продолжалось настолько энергично, что ни одна из конкурирующих стран не смогла закрепить за собой шаньдунского рынка. В настоящий момент японцы являются почти монополистами в этой части Китая, население которой возросло до 38 млн. человек.

Достаточно сказать, что там, в том самом Циндао, где в 1914 г.

¹ Полный текст см. «Вашингтонская конференция», стр. 117. Литиздат НКВД, Москва, 1924 г.

не было ни одного промышленного предприятия, кроме казенной верфи, сейчас имеется 6 хлопчатобумажных фабрик, причем все — японские. Масштабы зарождающейся текстильной промышленности видны из следующих данных¹:

основной капитал — 95 млн. иен и 10 млн. кит. таэлей;

число веретен — 366 000 шт.;

число рабочих — 16 470 человек.

Аналогичное положение — во вновь народившейся маслособойной, кожевенной и спичечной промышленности.

Город Циндао насчитывал в 1931 г.² 190 000 человек населения.

Исключительно тяжелый режим на японских фабриках, пользующихся дешевым трудом китайского населения, вызвал в 1925 г. ряд возмущений. Воспользовавшись этим как предлогом, японские империалисты опять ввели в Циндао воинские части «для защиты своих интересов». В 1928—1929 гг., когда продвижение войск Чан Кайши стало угрожать Шаньдуну, Япония организовала повторную оккупацию этой провинции, перебросив из метрополии почти две дивизии.

Последующая борьба японского империализма за свое господство на континенте была направлена главным образом в сторону Маньчжурии и ее портов — Дайрена и Порт-Артура, в сторону Шанхая, Северного Китая и Внутренней Монголии. Циндао перестал быть главным объектом, но совершенно очевидно, что вследствие колоссального экономического значения Шаньдуна эта провинция еще будет фигурировать в военной и политической истории Дальнего Востока³.

¹ «China Year Book», 1934; Shanghai.

² Там же.

³ В настоящее время провинция Шаньдун, так же как и много других провинций Китая, оккупирована японскими войсками — таким образом, Циндао опять находится в японских руках.

ГЛАВА XII

ВЫВОДЫ ИЗ ОПЫТА ОПЕРАЦИИ ПО ЗАХВАТУ ЦИНДАО

Итак, мы проследили за ходом одной из операций первой империалистической войны, относящейся к раннему ее периоду. Эта операция не имеет грандиозного размаха. Действуют не армии, а полки, не флоты, а одна эскадра и отдельные корабли, не большие воздушные соединения, а одиночные самолеты.

Со времени захвата Циндао японцами прошло свыше 25 лет. Казалось бы, что этот «эпизод» не может дать большого материала для прогноза некоторых элементов обстановки для тех военных столкновений, которых можно ожидать на Дальнем Востоке. Но именно потому, что этот «эпизод» разыгрался на том самом отдаленном театре, который служит постоянной ареной колониальных устремлений крупнейших империалистических держав, и в первую очередь Японии; именно потому, что главной политической целью Японии в 1914 г. было создание опорной точки для проникновения на материк, — изучение операции по захвату Циндао приобретает самостоятельную ценность и дает материал для выводов.

На некоторых основных выводах мы считаем необходимым остановить внимание читателя.

1. «Морские крепости берутся с суши» — эта ходячая формула, популярная после Севастополя, Вэй-хай-вэя, Порт-Артура, в Циндао нашла как будто свое новое подтверждение¹.

Однако «непогрешимость» и «универсальность» этой формулы не являются обязательными. В различных конкретных исторических условиях будущих военных столкновений, особенно учитывая развитие новых средств борьбы и особенно авиации, возможны различные решения этой проблемы.

В данном случае на опыте операции по захвату Циндао важно установить, что в условиях Дальнего Востока, при развитии дальнейшей агрессии в сторону континента, японское командование

¹ Кстати сказать, об этом много раз вспоминали в специальной и мемуарной литературе после провала морской атаки Дарданелл в 1916 г.

будет пытаться захватывать приморские крепости или укрепленные районы преимущественно с суши.

Закономерность этого положения определяется прежде всего тем, что в настоящий момент не ослабли, а обострились политические причины, заставляющие Японию беречь свой флот. В конечном итоге захваты на материке Японии придется закреплять на океане. Вооруженная борьба Японии с ее основными империалистическими конкурентами — США и Великобританией — будет вестись, надо полагать, не столько на китайской или индокитайской территории, сколько в южных морях.

Выделение в операцию против Циндао старых кораблей, исключительно осторожное их использование и абсолютное нежелание рисковать ими, приведшее к тому, что в японские корабли не было ни одного попадания, не являются случайными. До тех пор, пока над Японией будет висеть угроза возможного столкновения с американским флотом, она будет беречь свои большие корабли, так дорого ей стоящие и так трудно воспроизводимые.

Что изменилось за эти 25 лет — от падения Циндао до наших дней? Несмотря на возросшую живучесть больших кораблей, риск повреждений или потерь линкоров при борьбе их с чужим берегом увеличился, так как в дополнение ко всем ранее известным взаимодействующим силам и средствам прибавились подводные лодки, бомбардировочная и торпедоносная авиация, магнитные мины и т. п. Вдобавок авиация, действующая с берега, имеет главные (весовые) преимущества перед той, которая сопровождает линкоров, так как последняя действует с более отдаленного аэродрома или является корабельной и относительно слабее прикрывается истребителями.

Можно рассчитывать увидеть современные большие корабли в качестве сил, обеспечивающих операции японцев против берега¹ или активно выступающих против китайского берега или территории французских или голландских колоний, т. е. тогда, когда японские империалисты рискуют относительно мало. Но там, где непосредственная борьба с крепостью или укрепленным районом будет сопряжена со значительным риском, — там можно рассчитывать увидеть корабли «второй линии», причем эти корабли не будут средствами главного удара, а только непосредственным обеспечением армии.

Если для всех морских держав каждый современный линкор

¹ Демонстрация, прикрытие десанта, дальняя блокада и т. д.

имеет на политической арене определенный удельный вес, то для Японии из-за ее островного положение и зависимости от морских сообщений ценность крупных боевых единиц флота возрастет до таких же размеров, как для Англии, а трудность воспроизводства потерь из-за экономических затруднений становится острее, чем для любой другой страны.

Поэтому надо ожидать, что при борьбе с берегом японское командование главное решение будет искать на берегу и в воздухе, хотя бы ценой потери относительно большего числа людей и самолетов.

Боевой опыт Порт-Артура и Вэй-хай-вэя 1895 г., Порт-Артура 1904 г. и Циндао 1914 г. не может не влиять на оперативную доктрину современных японских военных кругов. Это тоже будет толкать их к тому, чтобы главный удар против крепостей и укрепленных районов наносить с суши.

2. «Непобедимость» японской армии (или японского оружия) — блеф. Наряду с отдельными очень искусными действиями на море и на суше, вся прошлая история японских войн сводится к разгрому противников, стоящих значительно ниже Японии в политическом и культурном отношении.

В Циндао, где противник оказался вполне равноценным, хотя и не располагающим всеми современными средствами (подводными лодками), японцам понадобилось для победы такое многократное численное превосхождение, которое возможно создать только в изолированной операции.

На суше соотношение было 1 к 6,4. На море оно почти не поддается учету, так как против двух-трех малых германских кораблей было 37 японских относительно более крупных боевых единиц¹. В воздухе было отношение 1 к 7.

Немцы имели лимитированный тыл осажденной и оторванной от метрополии крепости; Камио и Като имели за собой всю экономику страны.

Потеряв вдвое-втрое больше людей и кораблей, чем немцы, израсходовав во много раз больше боезапасов, японские силы победили через 2,5 месяца.

Преимущество японских сил определялось их количеством. Но такого соотношения сил в будущей войне Японии создать не удастся.

¹ Переход транспортов прикрывали 2 эскадры; кроме того, здесь не учтены 2 английских корабля, 23 тральщика и т. д.

Отдельные эпизоды борьбы за Циндао ярко иллюстрируют не только сильные, но и слабые стороны японской армии и флота. При другом количественном соотношении сил, близком к их равенству, совершенно сомнителен был бы успешный исход операции. Кроме того, конечный успех и умело поставленная пропаганда обычно оставляют в тени немало поражений, понесенных японским оружием (например, 9 и 10 августа 1904 г. под Порт-Артуром; во время антисоветской интервенции в Сибири).

В одном из древних военных трактатов, который в VIII в. был заимствован у китайцев и который стал краеугольным камнем последующей японской военной догматики, сказано:

«Силы, вторгающиеся к противнику, должны быть в два раза больше неприятельских; силы, осаждающие крепость, должны быть в десять раз больше численности гарнизона»¹.

Так ошибки, допущенные под Порт-Артуром, вернули японскую армию под Циндао к «истокам мудрости»!

Наконец, военные события последних трех лет в Китае показали, что для японской армии прошло уже время легких побед, так как в отдельных операциях и боях она несколько раз была бита китайской армией.

3. Опыт всех последних войн учит, что как только приходится отказать от морской атаки берега и перейти к смешанной операции, напряжение и масштаб ее возрастают во много раз². Как только главным средством борьбы становятся сухопутные части, перевозимые через море, неизбежно появляются транспортный флот, его охранение, прикрытие, средства высадки и все виды боевого обеспечения — от траления до непосредственной огневой поддержки включительно. На каждого перевозимого бойца требуется при этом значительное число обеспечивающих³.

В тех случаях, когда необходимо создать, кроме того, численное превосходство над противником, это напряжение будет тем чувствительнее, чем больше операционных направлений в данный момент будет обслуживаться. Операция против Циндао не вызвала опасных напряжений тыла, так как, кроме самого Циндао и

¹ Encyclopaedia Britannica, 14 ed., vol. 2, p. 918.

² Например, морская атака Дарданелл, переросшая в Галлиполийскую операцию.

³ На вспомогательных судах, прикрывающих боевые корабли, в высадочных партиях и т. д.

охраны морских путей совместно с союзниками, других направлений в тот момент не было.

Если бы японцы не создали под Циндао 10-кратного превосходства сил, они не закончили бы операцию в 72 дня. Чем меньше было бы сил, тем больше пришлось бы затратить времени, тем больше было бы напряжение и сомнительнее успех.

Уже Шанхай и Усун в 1932 г. вследствие ошибок в расчетах дали неприятные для японцев напряжения — в связи с тем, что в это же время Маньчжурия требовала больших сил и средств, хотя в каждом отдельном случае сопротивление было незначительно.

Оккупация Маньчжурии, поддержка Маньчжоу-Го, дальнейшее проникновение в Китай и Внутреннюю Монголию требуют значительного напряжения военного механизма Японии и ее тыла; напряжение это сейчас пагубно сказывается на всей экономике страны.

Условия политической географии Дальнего Востока и характер японских устремлений на запад и на юг обуславливают необходимость морских перевозок и атак нескольких пунктов, так как нет в восточной части азиатского материка пункта, захват которого гарантировал бы успехи борьбы на всем театре.

Из неизбежности морских перевозок на материк, из стремления избегать риска, из необходимости действовать в нескольких направлениях вытекает с полной очевидностью, что если японцам везде будет оказываться упорное сопротивление, независимо от значимости данного участка или пункта, Япония вынуждена будет выдерживать огромнейшее напряжение. Это напряжение при наличии, кроме того, и внутренних противоречий не может не оказаться роковым для современной Японии.

4. В части политической подготовки операция по захвату Циндао не выпадает из обычных методов империалистической политики Японии. Она подтверждает то положение, что международная конъюнктура, создающая затруднения для других империалистических стран, используется Японией прежде всего для того, чтобы захватывать все новые и новые объекты на азиатском континенте. Это целиком подтверждается обстановкой второй империалистической войны.

Ответственность за начало войны формально навязывается противнику, причем часто, если сама обстановка не складывается достаточно «удобно», она создается японскими руками. Свои зах-

ватнические действия японские империалисты обосновывают «защитой мира», «защитой японских интересов», «защитой жизненных интересов желтых народов», созданием нового порядка в Азии и т. п. В этих методах особых «сдвигов» за 25 лет нет, но затуманить сознание пролетариев и трудящихся крестьян становится с каждым годом все труднее.

Япония 1914 г. и Япония 1940 г. не однородны; международная обстановка и соотношение классовых сил во всем мире уже иные. Как бы временно обстановка ни благоприятствовала Японии, империалистическая политика неизбежно втягивает ее в столкновение с конкурирующими державами.

Наступит день, когда традиционных lamentаций и взываний к богам и предкам окажется недостаточно для того, чтобы убедить японский народ в действительной необходимости захватнической войны для «народа» и для «мира».

5. Отказ от внезапного нападения на Циндао, которого ожидали немцы на основании опыта Порт-Артура, отнюдь не исключает вероятности таких внезапных нападений со стороны Японии в будущем. В обстановке 1914 г. Японии политически было более выгодно оттянуть начало военных действий не для воздействия на противника, а для воздействия на союзников. Вообще же выгоды внезапного нападения без объявления войны числятся в арсенале неизменных принципов японской военной доктрины¹. В случае с Циндао имел место вынужденный отказ от принципа внезапности.

Несмотря на это, характерно, что скрытность политической подготовки была хорошо организована и дезориентировала германское руководство.

6. Наблюдавшиеся во время операции против Циндао отдельные недочеты в военной деятельности японцев — случаи с проседанием оснований у новых 200- и 240-мм гаубиц², разрывы снарядов в теле орудия из-за негодности донных взрывателей, огромный процент неразорвавшихся снарядов, гибель саперного офицера с командой от неумения разоружить фугас, уже после окончания операции, и ряд других аналогичных происшествий — встречаются, конечно, и в других армиях. Все дело в том, как часто такие

¹ Напомним, что эти строки написаны за несколько месяцев до нападения на Перл-Харбор! (Прим. ред.)

² См. раздел «3-й этап осады» (глава IX).

происшествия случаются. Этим характеризуется качество боевой подготовки армии, ее техническая и военная культурность.

Приведенные выше случаи отмечены в продолжение только 72 дней и известны только из русских и французских источников¹, а между тем японцы старались тщательно скрывать от союзников свои слабые стороны. Естественно предположить, что многого мы не знаем. Но и того, что известно, достаточно, чтобы утверждать, что у победителей не так уже благополучно обстояло дело с овладением современной боевой техникой. Конечно, японская армия пытливо и настойчиво учится на своих собственных ошибках. Нельзя ожидать буквального повторения их в таком же масштабе в будущем, но можно полагать, что внедрение новых боевых средств связано в японской армии и флоте с определенными трудностями. Здесь сказывается, в частности, невысокий культурный и материальный уровень основного контингента армии, вербуемого из рабочей, крестьянской и рыбацкой среды.

Что касается командных кадров, то при изучении операции против Циндао, наряду с многими положительными примерами, мы наблюдаем также примеры неудовлетворительно поставленной разведки, очень большой переоценки противника, недостаточной культуры штабной службы², тенденцию перестраховывать много раз свои действия, потерю управления частями во время наступления, привычку действовать по трафарету и т. д.

Однако делать отсюда какие-либо поспешные выводы или обобщения было бы неверно.

7. Операция по захвату Циндао одновременно отчетливо выявила сильную сторону японских вооруженных сил, базирующуюся на предшествующем опыте и связанную с постоянным устремлением на материк. Речь идет о высокой организации «экспедиционных» операций.

Быстрота развертывания для переброски частей на континент, включая создание таких нештатных формирований, как осадные парки (артиллерийский и инженерный), переброска в порты посадки, фрахт и последующее управление зафрахтованным тонна-

¹ Все остальные источники в этих вопросах являются более пристрастными, так как базируются либо на японских, либо на германских материалах.

² Если внимательно изучить схему блокады (схема 6) и схему траления (схема 7), то ясно, что они разработаны не по гидрографическо-штурманскому методу ориентировки и работы, а по «лоцманскому», что характеризует как операторов, так и исполнителей.

жем и т. д., показывают большую мобильность и прочно освоенные навыки в этом сложном и кропотливом деле.

Особенно высоко стоят организация и техника десантной операции. Здесь налицо большой опыт и хорошая морская выучка.

Операция против Циндао дала пример перехода десанта морем в условиях тайфуна, быстрой высадки в условиях переменного уровня воды (с разницей более 7 футов), при неблагоприятной погоде и на совершенно необорудованный берег. Надо подчеркнуть, что сильная сторона японцев заключается не столько в оперативной области десантного дела, сколько в организационно-технической.

8. Другая сильная сторона японского флота, сказавшаяся в этой операции, — высокий коэффициент напряжения при использовании флота.

Если японское командование берегло корабли от повреждений и гибели, то людей и механизмы оно не берегло и использовало очень напряженно. Были продемонстрированы: стоянки на незащищенных рейдах с повышенной готовностью механизмов и вооружения; ремонт и погрузка топлива в тех же условиях; очень частые крейсерства на блокадных линиях. Кроме того, были показаны траление в любую погоду и частые выходы на стрельбу по берегу. Все это — без спуска людей на берег и без подмены на отдых кораблей в течение почти 3 месяцев.

9. На основании опыта Порт-Артура и Циндао у японцев выработался как бы определенный стандарт:

- блокируется флот противника;
- перевозится экспедиционный корпус;
- этот корпус высаживается в районе, где противник не обороняет берега;
- перегрызается коммуникация противника;
- при продолжающейся блокаде с моря начинается тесное обложение с суши;
- происходят борьба за высоты, господствующие над объектом осады, и последовательная атака после предварительного подавления артиллерии обороняющегося.

Конечно, авиация, подводные лодки и прочие современные средства внесут в эту схему значительные коррективы.

Необходимо при этом напомнить две главнейшие ошибки

Порт-Артура и Циндао («вольные» для русских и «невольные» для немцев): противодесантная операция не имела глубины, никто не пытался поражать десант в его базах, на море и никто не сбрасывал его в момент высадки.

В этом отношении опыт Циндао для обороны не поучителен. Он показывает, как не надо организовывать противодесантную операцию.

10. С другой стороны, германский опыт обороны самой приморской крепости также дает много поучительного. Немцы сумели использовать почти все сильные стороны, присущие обороне. 5000 человек, из которых только 3300 являлись кадровыми бойцами, сумели в течение 2,5 месяцев привязать к себе:

31 500 бойцов,

144 орудия,

100 000 тоннажа,

1 эскадру в 37 вымпелов (не считая тральщиков).

Мало того, они нанесли противнику как на суше, так и на море чувствительные потери, значительно превосходящие потери в силах и средствах осажденных.

Это раз и навсегда решает вопрос о целесообразности обороны локальных пунктов против превосходных сил неприятеля, если оборона их организована и моральная стойкость бойцов на высоте.

Если сравнить Циндао хотя бы с обороной Порт-Артура, то прежде всего бросаются в глаза два фактора, ставящие германский опыт на значительно большую высоту.

1) единство командования и управления в Циндао¹,

2) гармоничное развитие и использование всех сил и средств в пределах реальных материальных возможностей.

11. Роль английских частей видна из описания событий, они, как мы уже отмечали, не столько участвовали, сколько представляли в этой операции; не столько помогали, сколько связывали японское командование. Еще одна иллюстрация попытки воевать чужими руками.

В заключение надо отметить, что это «согласие» не было «сердечным»². Популяризируя операцию, «Таймс» со снисходитель-

¹ В Порт-Артуре мы имеем «раздрай» между флотским и армейским командованием, двоявластие в крепости (Стессель—Смирнов), несоответствие артсредств сухопутного фронта, недостаток запасов и т. д.

² «Entente cordiale».

ной иронией писал о «забавном обстоятельстве»: это был «первый случай в истории Британии, когда войска его величества сражались под командованием азиата».

Приходилось терпеть не только это. Приходилось поспешать за японскими частями, имея впереди себя японских саперов, а позади — японскую артиллерию.

Но как только сопротивление крепости было сломлено, английские части первыми вошли в Циндао, разместились в артиллерийском депо и водрузили на его крыше флаг святого Георгия. Все это было сделано без ведома «азиата», командовавшего экспедиционным корпусом.

Когда об этом узнал начштаба генерал Яманаси,

«он проявил очень сильное и неодобрительное удивление, так как это вовсе не входило в намерение главного [японского] командования»¹.

Японцы настояли, чтобы британский флаг был спущен.

Когда оформлялась сдача, японцы не дали подписать протокол британскому офицеру, выделенному в комиссию генералом Бернардистоном.

На иронию «Таймса» японцы ответили официально опубликованной реляцией по окончании операции:

«Отряд наших сапер, который поддерживал британцев, взял штурмом и занял Тайтушань в 6 час. 30 мин. Британская боевая сила, состоящая из двух батальонов, вскоре начала свой подход и проникла на позиции противника»².

За участие в этой операции англичане не получили ничего, сразу же были оттерты от захваченного добра и эвакуировались из Шаньдуна.

12. Нормы, приведенные в тексте и относящиеся к десанту, напряжению блокадного дозора, тралению и т. п., сохраняют еще свое справочное значение. Но, конечно, как и всякие нормы, они очень условны. Механическое перенесение их для современных расчетов недопустимо. Использование их целесообразно в том случае, если они каждый раз будут корректироваться определяющими элементами конкретной обстановки.

¹ Из доклада капитана 1-го ранга Заксера о ходе переговоров. (Германское описание, стр. 97.)

² Тайтушань был целью британского сектора. Саперов был один взвод. (Германское описание, стр. 93.)

Приложение I

Состав артиллерии и боезапаса крепости Циндао (По данным официального германского описания)

Батарея	Вооружение	Боезапас	Дальность стрельбы	
			Км	каб.
<i>Морской фронт</i>				
Юной	4 — 88-мм	Гранат — 1200	6	32
Сюонива	4 — 210/35-мм	Гранат — 760 Шрапнели — 20	13,2 —	71,2 —
Хуйцзянь	3 — 150/40-мм	Гранат — 1050 Шрапнели — 60	13 —	70,4 —
	2 — 240/35-мм	Гранат — 380 Шрапнели — 60	13,5 —	72,9 —
Циндао	2 — 150/40-мм	Гранат — 700	12,5	67,5
	2 — 150/35-мм	Шрапнели — 100	—	—
Бисмарк	4 — 280-мм гауб.	Гранат — 880	10,5	56
		Шрапнели — 80	8	43,2
<i>Сухопутный фронт</i>				
№ 1, 7 и 11	6 — 90-мм пол.	Гранат — 600	6,5	35
		Шрапнели — 900	4,2	22,7
		Картечи — 60	4,2	22,7
Верхний Ильтис	2 — 105-мм мор.	Гранат — 493	10,6	56,2
		Шрапнели — 900	8,6	46,4
Нижний Ильтис	6 — 120-мм	Гранат — 2700	7,3	39,4
		Шрапнели — 2700	6,6	35,6
№ 12	2 — 210/30-мм	Гранат — 273	11,4	61,5
		Шрапнели — 120	8,6	46,5
№ 6	2 — 120-мм	Гранат — 2700	7,3	39,4
		Шрапнели — 2700	6,6	35,6
		Картечи — 30	—	—
№ 2, 5, 9 и 10*	4 — 37-мм авт.	—	3	16,2
№ 4	2 — 37-мм авт.	**	3	16,2
<i>Сухопутный фронт (батареи, развернутые по мобилизации)</i>				
Пункт Куппе	4 — 60-мм мор.	Гранат — 2500	5	27
№ 1а	2 — 50-мм	Гранат — 600	—	—
		(Практ. 1000)	—	—
№ 1—6	2 — 88-мм мор.	Гранат — 1200	6	32
№ 6а***	2 — 47-мм мор.	Гранат — 750	4	21,6
№ 8***	2 — 47-мм мор.	Гранат — 1200	4	21,6
№ 8а***	2 — 47-мм мор.	Гранат — 970	4	21,6
№ 13	3 — 88-мм мор.	Гранат — 2000	6	32
№ 14	4 — 88-мм мор.	Гранат — 800	6	32
№ 15***	2 — 150-мм мор.	Гранат — 300	11	59,4
		Шрапнели — 60	8,5	46
Интервал № 1****	2 — 88-мм мор.	Гранат — 487	6	32
		Шрапнели — 20	—	—
Интервалы № 2, 3, 3а, 4 и Таубенкуппе	2 — 96-мм пол.	Шрапнели — 250	5,2	28
Противосамолетная	2 — 77-мм мор.	Шрапнели — 360	4	22
Подвижная тяжелая	3 — 150-мм гауб.	Гранат — 900	6	32
То же, легкая	12 — 96-мм	Около 7000	5,2	28
Кроме того*****	29 — 37-мм авт.	***	3	15,2

* Стоящие внутри пехотных укреплений 2, 4 и 5.

** На все 37-мм батареи был общий запас в 30 000 гранат.

*** С крейсера «Кайзерин Элизабет».

**** Пять батарей, простреливавших интервалы между фортами, имели свою нумерацию: 1, 2, 3, 3а и 4.

***** Эти автоматы стояли в различных местах, не будучи сведенными в батареи.

Приложение II

Основные элементы боевых кораблей, участвовавших в Циндаоской операции

Год постройки	Название	Тоннаж	Скорость в узлах	Основное вооружение в мм	Экипаж, чел.
<i>Японо-английский флот</i>					
<i>Линкоры</i>					
1900	«Суво»*	13 500	19	4 — 254; 10 — 152	732
1902	«Ивами»**	13 700	18	4 — 305; 6 — 203	750
1894	«Танго»	11 100	17	4 — 305; 12 — 152	750
1903	«Трайзмф» (англ.)	12 000	20	4 — 254; 14 — 190	737
<i>Броненосцы береговой обороны</i>					
1896	«Окиносима»	4 200	16	3 — 254; 4 — 120	400
1894	«Мисима»	4 200	16	4 — 229; 4 — 120	400
<i>Броненосные крейсера</i>					
1899	«Иватен»	9 800	20	4 — 203; 14 — 152	483
1898	«Токива»	9 750	21	4 — 203; 14 — 152	500
1899	«Якумо»	9 850	20	4 — 203; 12 — 152	500
<i>Крейсеры</i>					
1907	«Тонс»	4 200	23	2 — 152; 12 — 120	393
1907	«Могями»	1 330	23	2 — 120	180
1907	«Иодо»	1 230	22	2 — 120	180
1898	«Читосе»	4 800	22	2 — 203; 10 — 120	400
1897	«Аксиси»	2 700	20	2 — 152; 6 — 120	300
1892	«Акицусима»	3 200	16	2 — 152; 6 — 120	330
1890	«Чюнда»	2 490	19	10 — 120	350
1885	«Такачихо»***	3 700	17	8 — 152	357
<i>Канонерские лодки</i>					
1903	«Удзи»	620	13	4 — 75	80
<i>Эсминцы</i>					
1905—1908	Типа «Сиротаэ»	380	29	4 — 75; 2 — 450 торп.	70
1901—1904	«Сиракумо»	365	31	1 — 75; 2 — 450 „	—
1905	«Аски» (англ.)	550	25	4 — 75; 2 — 450 торп.	70
1905	«Кеннет» (англ.)	550	25	4 — 75; 2 — 450 торп.	70
<i>Германо-австрийские корабли</i>					
<i>Крейсер</i>					
1890	«Кайзерин Элизабет»****	4 060	18	8 — 152; 14 — 47	441
<i>Канонерские лодки</i>					
1898	«Ягуар»	900	14	4 — 88; 6 — 37	126
1898	«Ильтис»	900	14	4 — 88; 6 — 37	126
1898	«Тигер» и «Лухс»	900	14	2 — 105; 6 — 37	126
<i>Эсминцы</i>					
1900	S-90	400	26	3 — 50; 3 — 450 торп.	60
1899	«Таку»	280	30	2 — 50; 2 — 380 торп.	50

* «Суво» модернизирован в 1908—1909 гг.

** «Ивами» реконструирован в 1907 г.

*** По данным Джэйна'за 1914 г. экипаж «Такачихо» — 357; по описанию гибели — спаслось 13, погибло 271, т. е. всего 284. Возможно, что ввиду вспомогательной службы крейсер был укомплектован не полностью. (Прим. авт.)

Интересно, что при гибели 26 августа 1922 года во время тайфуна у берегов Камчатки корабля береговой обороны «Нийтака» (бывший бронепалубный крейсер, но иного типа, нежели «Такачихо») погибшими также числится 284 человека — весь экипаж судна. (Прим. ред.)

**** Модернизирован в 1906 г.

FIG. 1.—Locations of the 10 study sites in the western United States. The sites are numbered 1 through 10.

•

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Германская колониальная империя и ее падение

Германия стала последней из крупных европейских держав, приобретших заморские колонии (не считая России, у которой таких колоний не было вообще, а имелись только протектораты в Средней Азии).

1. Роль Германии среди колониальных держав

*Рост тоннажа морского торгового флота
(тысяч брт)¹*

Страна	1902	% от мирового	1914	% от мирового
Великобритания	12 897	50	18 892	41,6
Россия	610	2,4	877	1,9
Франция	1104	4,3	1922	4,2
Италия	691	2,7	1430	3,1
Германия	2636	10,2	5134	11,3
США	1095	4,2	2026	4,5
Япония	555	2,2	1708	3,8
Итого	19 588	76	31 989	70,5
Остальные страны	6271	24	13 414	29,5
Мировой торговый флот	25859	100	45 403	100

*Общий тоннаж судов,
прошедших через Суэцкий канал
(в тысячах нетто-регистрационных тонн)*

Годы	Англия	Германия	Франция	Голландия
1870	289,2	–	84,7	0,3
1871	546,5	2,1	89,1	0,6
1880	2432,9	37,8	185,4	125,7
1890	5331,1	490,6	365,9	248,5
1900	5605,4	1466,4	751,8	507,0
1910	10 413,6	2563,7	833,0	854,5

¹ Данные в этой таблице взяты из описаний к картам первой части 3-го тома "Морского атласа" (1959 год). В остальных таблицах приведены данные из: Deutscher Kolonial-Atlas mit Illustriertem Jahrbuch 1914, auf Veranlassung der Deutschen Kolonialgesellschaft herausgegeben. Berlin 1914.

Международная кабельная сеть

К 1914 году международная морская кабельная сеть состояла из 2576 отделений и имела общую длину 531 691 км — против 2528 отделений и 498 951 км в 1911 году.

Из этого числа в государственном владении к 1914 году находилось 2164 отделений (в 1911 году — 2129) или 100 989 км кабеля (в 1911 году — 90 689 км). Еще 412 отделений с 430 702 километрами кабеля находилось в руках частных владельцев (в 1911 году соответственно 399 отделений и 408 262 км)

Наиболее значительные участки кабеля находились в распоряжении следующих стран:

	1913		1912	
	Отделений	км	Отделений	км
Франция	81	23 053	77	21 043
Англия	225	5315	222	5003
Тихоокеанское кабельное управление (Англия, Канада, Австралия, Новая Зеландия)	7	17 009	5	14 539
Британская Индия	6	3603	6	3603
Япония	180	9114	179	7531
Испания	24	5803	24	5808
Нидерландская Ост-Индия	21	7669	18	5695
Германия	98	5474	97	5532
Соединенные Штаты Америки	15	4001	13	3981
Норвегия	770	2598	770	2598
Италия	58	3024	58	2359

2. Экономическое положение германских колоний

1. Население

А. Белое население германских колоний в 1913 году

	Площадь кв. км	Взрослые		Дети		В целом		Итого
		мужчины	женщины	мальчиков	девочек	Мужчины	Женщины	
Германская Восточная Африка	99 700	3536	1075	374	351	3910	1426	5336
Камерун	79 000	1560	230	40	41	1600	271	1871
Того	8720	300	66	1	1	301	67	368
Германская Юго-Западная Африка	83 510	8530	3058	1617	1625	10 147	4683	14 830
Новая Гвинея (Архипелаг Бисмарка и Земля Кайзера Вильгельма)	24250	660	241	43	51	703	265	968
Островной район, восточная часть		195	52	7	10	202	62	264
Островной район, западная часть		157	23	6	9	163	32	195
Самов	260	385	99	30	43	415	142	557
Всего на 1913 год	290 740	15 323	4817	2118	2131	17 441	6948	24 389
Всего на 1912 год	290 740	15 100	4329	1997	1916	17 097	6245	23 342
Годовой прирост		+ 223	+ 488	+ 121	+ 215	+ 344	+ 703	+ 1047

Б. Туземное население германских колоний в 1913 году
 Того — 1 031 715,
 Камерун — 4 148 000,
 Юго-Западная Африка — 81 485 (без овамбо),
 Восточная Африка — 7 645 000 (+ 14 898 иммигрантов из стран Азии),
 Новая Гвинея и прилегающие острова — 600 000,
 Самоа — 33 550 (+ 2452 китайских и меланезийских рабочих).
 Общее население всех германских колоний — около 13 миллионов человек.

II. Общий торговый оборот германских колоний к 1913 году (в марках)

Территория	Импорт	Экспорт	Итого
Германская Восточная Африка	50 309 164	31 418 382	81 727 546
Камерун	34 241 582	23 336 212	57 577 794
Того	11 427 831	9 958 903	21 386 734
Германская Юго-Западная Африка	32 498 899	39 035 340	71 534 239
<i>Всего в африканских колониях</i>	<i>128 477 476</i>	<i>103 748 837</i>	<i>232 226 313</i>
Архипелаг Бисмарка и Земля Кайзера Вильгельма	5 871 840	5 041 106	10 912 946
Восточные Каролинские и Маршалловы острова	1 962 632	5 163 686	7 126 318
Западные Каролинские и Марианские острова, Палау	1 372 587	1 882 014	3 254 601
<i>Всего в районе Новой Гвинеи</i>	<i>9 207 059</i>	<i>12 086 806</i>	<i>21 293 865</i>
Самоа	4 994 401	5 044 485	10 038 886
<i>Итого на 1912 год</i>	<i>142 678 936</i>	<i>120 880 128</i>	<i>263 559 064</i>
<i>На 1911 год</i>	<i>140 212 210</i>	<i>97 996 273</i>	<i>240 208 483</i>
Годовой прирост	+ 466 726	+ 22 883 855	+ 23 350 581

III. Торговля с колониями, 1900–1912 годы

А. Импорт (тыс. марок)

	Африканские колонии								
	1912	1911	1910	1909	1908	1907	1905	1904	1901
Восточная Африка	50 309	45 892	38 659	33 942	25 787	23 806	17 655	14 339	9 511
Камерун	34 242	29 317	25 481	34 713	16 789	17 297	13 467	9378	9397
Того	11 428	9620	11 466	11 235	8509	6700	7760	6898	4723
Юго-Западная Африка	33 499	45 302	44 344	17 723	33 179	32 396	23 632	10 057	10 075
<i>Всего</i>	<i>129 478</i>	<i>130 137</i>	<i>119 950</i>	<i>97 613</i>	<i>84 264</i>	<i>80 199</i>	<i>62 514</i>	<i>40 672</i>	<i>33 706</i>
	Колонии Южных морей								
	1912	1911	1910	1909	1908	1907	1905	1904	1901
Архипелаг Бисмарка	5872	599	3890	2666	2385	2588	2271	1759	1331
Земля Кайзера Вильгельма					723	815	686	567	325
Восточные Каролины	3335	2716	2355	3795	226	490	1392	209	589
Западные Каролины, Палау					389	490	136	125	
Марианские о-ва					1 367	1 495	176	120	
Маршалловы о-ва							651	444	
Самоа	4994	4066	3462	3338	2503	2826	3387	2317	1571
<i>Всего</i>	<i>14 201</i>	<i>12 081</i>	<i>9707</i>	<i>9799</i>	<i>7613</i>	<i>8544</i>	<i>8858</i>	<i>5797</i>	<i>4450</i>
<i>ИТОГО</i>	<i>142 679</i>	<i>142 212</i>	<i>129 657</i>	<i>107 412</i>	<i>91 857</i>	<i>88 743</i>	<i>71 372</i>	<i>45 469</i>	<i>38 156</i>

Б. Экспорт (тыс. марок)

Африканские колонии										
	1912	1911	1910	1909	1908	1907	1905	1904	1901	1900
Восточная Африка	31 418	22 438	20 805	13 120	10 874	12 500	9950	8951	4623	4294
Камерун	23 336	21 251	19 924	15 701	12 164	15 891	9315	8021	6264	5886
Юго	9959	9317	2222	7372	6893	5916	3957	3551	3691	3059
Юго-Западная Африка	39 035	28 573	34 691	22 074	7795	1616	216	299	1242	908
Всего	103 748	81 574	82 642	58 264	37 724	35 923	23 438	20 822	15 820	14 147
Колонии Южных морей										
Архипелаг Бисмарка	5041	4109	3623	2459	1426	1690	1179	1130	1191	797
Земля Кейзера Вильгельма					281	303	156	54	212	212
Восточные Каролины	7046	7967	11 042	5869	98	111	101	200	483	—
Западные Каролины, Палау					231	258	136	125	—	—
Маршанские о-ва							97	154		
Маршалловы о-ва					4016	1111	700	583		—
Самoa	5045	4390	3534	3021	2671	1770	2029	1675	1006	1266
Всего	17 132	16 416	18 199	11 349	8723	5240	4398	3923	3568	2831
ИТОГО	120 880	97 990	100 841	69 613	46 449	41 163	27 836	24 744	19 388	16 978

В. Общий торговый оборот (тыс. марок)

	1912	1911	1910	1909	1908	1907	1905	1904	1903	1901	1900
Африканские колонии	232 226	211 710	202 592	155 877	121 990	116 122	85 952	61 494	56 541	49 526	50 908
Колонии Южных морей	31 332	28 497	27 906	21 148	16 336	12 782	13 256	9719	10 830	8018	7200
В сумме	263 558	240 207	230 498	177 025	138 326	129 904	99 208	71 213	67 371	57 544	58 108

IV. Железнодорожная сеть в немецких колониях

А. Имеющиеся железные дороги

Территории и линии	Длина (км)	Ширина колеи (м)	Дата вступления в строй
1. Того			
а. Кюстенская дорога	44	1,0	1905
б. Ломе—Кпалиме	119	1,0	1907
с. Ломе—Атакпаме	167	1,0	1911
2. Камерун			
а. Северная дорога	160	1,0	1911
б. Средняя дорога (Дуала—Ньонг-Флюсс)	293	1,0	1916
В проекте: Северная дорога — до Бамуа, Средняя дорога — до Яунде-Бертуа с веткой Диква—Киссерн.			
3. Юго-Западная Африка			
а. Свакопмунд — Отави	578	0,60	1906
б. Свакопмунд—Виндхук	382	0,60 (1,07)	1902/1911
с. Отави—Хрутфонтейн	93	0,60	1909
д. Дорога Север-Юг (Виндхук—Китмансхуп)	528	1,07	1912
е. Южная дорога (бухта Людернц—Китмансхуп с веткой Зеехейм—Кальфонтейн)	545	1,07	1909
В проекте — дорога на Амбобанд			
4. Восточная Африка			
а. Танганьикская дорога (Дар-эс-Салам—Кигома)	1252	1,0	1914
б. Узамбарская дорога	352	1,0	1911
с. Сигийская дорога	23	0,75	1910
В проекте: дорога Табора—Кагера длиной 531 км			
5. Киао-Чао			
а. Шаньдунская дорога	435	1,0	1904
В проекте: участие в строительстве дороги Пекин—Ханькоу с веткой к Шантунгской дороге			

**Б. Темпы строительства железных дорог
в 1894–1913 годах (км)**

	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903
Того	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Камерун	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Юго-Западная Африка	—	—	—	20	62	98	194	194	382	392
Восточная Африка	14	14	40	40	40	40	40	40	84	84
<i>Итого</i>	<i>14</i>	<i>14</i>	<i>40</i>	<i>60</i>	<i>102</i>	<i>138</i>	<i>234</i>	<i>234</i>	<i>466</i>	<i>466</i>

	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Того	—	72	98	164	164	195	298	323	323	327
Камерун	—	—	—	—	—	107	107	160	241	310
Юго-Западная Африка	382	631	1102	1250	1486	1598	1598	1909	2104	2104
Восточная Африка	97	129	150	338	338	464	718	1065	1199	1435
<i>Итого</i>	<i>479</i>	<i>832</i>	<i>1350</i>	<i>1752</i>	<i>1988</i>	<i>2364</i>	<i>2721</i>	<i>3457</i>	<i>3867</i>	<i>4176</i>

V. Сельскохозяйственное производство в колониях

**А. Экспорт молока и молочных продуктов, а также
яиц из немецкой Восточной Африки:**

1904 год — 122 000 марок
 1905 год — 152 000 марок
 1906 год — 138 000 марок
 1907 год — 179 000 марок
 1908 год — 86 316 марок
 1909 год — 145 000 марок
 1910 год — 170 000 марок
 1911 год — 187 000 марок
 1912 год — 258 000 марок

Б. Экспорт мяса и мясопродуктов

Юго-Западная Африка:

1911 — 15 000 марок
 1910 — 23 000 марок
 1912 — 25 000 марок

Восточная Африка:

1911 — 10 000 марок
 1912 — 18 000 марок

В. Экспорт шерсти из Юго-Западной Африки:

1906 — 2 000 марок
 1907 — 7 000 марок
 1908 — 19 000 марок
 1909 — 35 000 марок
 1911 — 74 000 марок

1910 – 76 000 марок
1912 – 150 000 марок

Г. Экспорт растительных продуктов (в марках)

Каучук и гуттаперча

	1912	1911	1910	1909	1908	1907	1906
Того	976 000	832 000	1 147 000	969 000	587 000	1 095 000	1 161 000
Камерун	11 472 000	11 030 000	11 072 000	7 552 000	4 780 000	7 641 000	4 677 000
Восточная Африка	8 390 000	4 781 000	6 195 000	2 768 000	1 003 000	2 039 000	2 386 000
Южные моря	274 000	120 000	79 000	46 000	42 000	16 000	4000
Всего	21 112 000	16 763 000	18 493 000	11 335 000	6 412 000	10 791 000	8 228 000

Хлопок

	1912	1911	1910	1909	1908	1907	1906
Того	522 000	560 000	456 000	417 000	366 000	231 000	165 000
Восточная Африка	2 110 000	1 356 000	751 000	440 000	249 000	225 000	179 300
Всего	2 632 000	1 916 000	1 207 000	857 000	615 000	456 000	344 300

Незначительное производство хлопка производилось также в Камеруне.

Сизаль

	1912	1911	1910	1909	1908	1907	1906
Восточная Африка	7 359 000	4 532 000	3 012 000	2 333 000	2 866 000	2 162 000	1 368 000

Кофра

	1912	1911	1910	1909	1908	1907	1906
Того	61 000	64 000	41 000	34 000	19 000	11 000	8 000
Восточная Африка	1 563 000	1 845 000	2 343 000	798 000	806 000	1 345 000	1 087 000
Архипелаг Бисмарка и Земля Кайзера Вильгельма	6 010 000	4 500 000	3 039 000	2 172 000	1 550 000	1 808 000	1 419 000
Вост. Каролины			196 000	140 000	85 000	79 000	124 000
Западные Каролины, Палау, Марианские о-ва			290 000	186 000	144 000	116 000	145 000
Маршалловы о-ва			787 000	730 000	712 000	408 000	570 000
Самоа	4 070 000	3 583 000	2 971 000	2 580 000	2 355 000	1 560 000	2 891 000
Всего	11 704 000	16 763 000	9 667 000	6 640 000	5 671 000	5 327 000	6 244 000

Пальмовое масло

	1912	1911	1910	1909	1908	1907	1906
Того	4 792 000	5 267 000	3 286 000	2 547 000	1 555 000	1 399 000	862 000
Камерун	6 027 000	5 592 000	4 813 000	3 708 000	3 191 000	4 183 000	2 958 000
Всего	10 819 000	10 839 000	8 079 000	6 255 000	4 746 000	5 582 000	3 820 000

Кроме того, из Новой Гвинеи было экспортировано сизалево-волокна на 10 500 марок.

Кофе

	1912	1911	1910	1909	1908	1907	1906
Восточная Африка	1 903 000	1 286 000	838 000	886 000	942 000	549 000	531 000

Ранее некоторое количество кофе производила и Новая Гвинея: в 1908 году — на 12 000 марок, в 1909 году — на 9000 марок. В 1910–1912 годах производство кофе здесь упало почти до нуля. В 1911 году из Того было экспортировано кофе на 2000 марок, в 1912 экспорта кофе отсюда не было. Некоторое количество кофе производилось также и на Самоа.

Какао

	1912	1911	1910	1909	1908	1907	1906
Того	243 000	174 000	96 000	94 000	69 000	51 000	22 000
Камерун	4 242 000	3 327 000	3 055 000	2 854 000	2 654 000	2 704 000	1 167 000
Восточная Африка	14 000	10 000	—	—	—	—	—
Новая Гвинея	75 000	73 000	—	—	—	—	—
Самоа	840 000	770 000	555 000	406 000	245 000	117 000	101 000
Всего	5 414 000	4 354 000	3 706 000	3 354 000	2 968 000	2 872 000	1 290 000

Кукуруза

	1912	1911	1910	1909	1908	1907	1906
Того	231 000	174 000	290 000	979 000	2 031 000	1 199 000	433 000

Кроме того, Германская Восточная Африка в 1912 году экспортировала кукурузы на 58 000 марок.

Стрессвая и благородная древесина

	1912	1911	1910	1909	1908	1907	1906
Того	—	7000	4000	4000	8000	6000	2000
Камерун	696 000	388 000	144 000	177 000	159 000	95 000	119 000
Восточная Африка	248 000	614 000	482 000	128 000	123 000	59 000	40 000
Всего	944 000	1 009 000	630 000	309 000	290 000	160 000	161 000

VI. Морские силы в германских колониях на 1913 год

а) Западно-Африканская морская станция — две канонерские лодки («Пантер» и «Эбер»).

б) Американская морская станция (восточное и западное побережье Америки) — малый крейсер «Бремен».

в) Австралийская морская станция (Австралия и южная часть Тихого океана) — два малых незащищенных крейсера «Кондор» и «Корморан», одно гидрографическое судно («Планет»).

г) Восточно-Азиатская станция (Дальний Восток и Ост-Индия).

Крейсерская группа — 2 броненосных крейсера («Шарнхорст» и «Гнейзенау»), 3 бронепалубных крейсера («Лейпциг», «Нюрнберг», «Эмден»), одно посыльное судно («Титания»).

Отряд вспомогательных судов — 4 канонерские лодки («Ильтис», «Ягуар», «Тигер», «Лухс»), 3 речные канонерские лодки («Циндао», «Фатерлянд», «Оттер»), 2 миноносца («Таку» и S-90).

3. Германские колонии и их участие в Первой мировой войне¹

Германская Восточная Африка

Эта обширная территория на восточном побережье материка вместе с островом Занзибар года благодаря стараниям имперского агента доктора Карла Петера 27 февраля 1885 года была объявлена протекторатом Германской империи. В 1889–1890 годах на побережье произошло восстание арабов, а в 1890 году Занзибарский султанат (острова Занзибар и Пемба) был передан Великобритании в обмен на остров Гельголанд в Северном море².

Общая площадь колонии составляла 997 000 кв. км, на севере она граничила с английскими Кенией и Угандой, на западе — с Бельгийским Конго, на юге — с Португальской Восточной Африкой (Мозамбик). Границы с британскими, бельгийскими и португальскими владениями были окончательно демаркированы лишь в 1904–1912 годах.

В 1904 году в колонии насчитывалось всего 1437 европейца, в том числе 1102 немцев. Через девять лет, в 1913 году, в Германской Восточной Африке проживало уже 5336 европейцев, из них 4107 немцев (в том числе 1426 женщин). Кроме того, на побережье страны проживали около 15 000 выходцев из Азии — в 1912 году среди них насчитывалось 8800 индийцев, 4100 арабов, а также сирийцы, аравийцы и египтяне. Общая численность населения колонии составляла около 7,5 миллиона человек. В 1904 году на западе и юго-западе страны поселилось некоторое количество буров, эмигрировавших из Южной Африки после англо-бурской войны. Основная часть белых колонистов селилась в западных районах страны на плодородных землях между озерами Викто-

¹ За исключением порта Циндао, исчерпывающее описание истории и экономики которого дано в работе И. Исакова.

² Этот остров, принадлежавший Англии с 1807 года, прикрывал вход в Гельголандскую бухту и был крайне необходим для обороны подходов к главной базе германского флота — Вильгельмсхафену.

рия и Танганьика. Этот район был связан с побережьем железной дорогой Дар-эс-Салам—Могора—Табора—Кигома. Первый участок дороги (225 км) был начат строительством в конце 1904 и закончен в октябре 1907 года. Второй участок (850 км) был завершён в феврале 1912 года, а третий (412 км) — в 1914 году.

Восточная Африка была самой многолюдной и богатой среди германских колоний. Основой ее экспорта было сизалевое волокно и натуральный каучук, спрос на который чрезвычайно возрос в связи с развитием машиностроения. Кроме того, отсюда вывозился хлопок, кофе и некоторое количество копры, а хозяйства германских колонистов производили на экспорт молочные продукты. Минеральными ресурсами колония оказалась бедна — здесь имелось лишь небольшое количество золота, пик добычи которого пришелся на 1911 год. Впрочем, общая его добыча составляла на более 1–2 % от всего экспорта колонии:

1906 год —	22 000 марок
1907 год —	32 000 марок,
1908 год —	18 000 марок,
1909 год —	240 000 марок,
1910 год —	843 000 марок,
1911 год —	1 023 000 марок,
1912 год —	531 000 марок.

Вся колония была подразделена на 24 района, местом пребывания колониальной администрации и губернатора доктора Г. Шнее являлся Дар-эс-Салам. К началу 1914 года колониальные войска Германской Восточной Африки состояли из командующего и его начальника штаба, 17 штаб-офицеров, 49 лейтенантов и обер-лейтенантов, 42 военных чиновников и врачей, 261 младшего офицера и унтер-офицера, 135 цветных унтер-офицеров и 1785 туземных солдат (аскари). К началу 1914 года в состав Восточно-Африканской морской станции входили два незащищенных крейсера (мореходные канонерские лодки) «Зееадлер» и «Гейер», гидрографическое судно «Меве» (недавно перешедшее с Западно-Африканской станции) и несколько вспомогательных пароходов. Перед самой войной на смену старым крейсерам прибыл относительно новый «Кенигсберг».

Самая крупная и богатая германская колония оказала войскам союзников наиболее сильное сопротивление. Безусловно, немалую роль в этом сыграло и наличие хорошей железнодорожной сети, позволившее командующему войсками колонии полковни-

ку Леттов-Форбеку маневрировать по внутренним операционным линиям, быстро перебрасывая свои немногочисленные силы с одного театра на другой. На протяжении осени 1914 и всего 1915 года на северной и западной границе колонии велись спорадические бои, причем германские войска время от времени переходили в успешное наступление и высылали диверсионные группы на территорию противника. Положение изменилось лишь весной 1916 года, когда англичане, сосредоточив в Кении и Уганде крупные силы, переброшенные из Индии и Южной Африки, перешли в генеральное наступление. В течение лета германские войска были вынуждены отступить к Центральной железной дороге Дар-эс-Салам—Кигома, а затем очистить западные районы колонии между озерами Виктория и Танганьика. 19 сентября англичане заняли Табору, в течение осени 1916 года немецкие войска без боя оставили Дар-эс-Салам и сосредоточились в южной части страны в районе реки Руфиджи.

Почти целый год немцам удавалось прочно удерживать южные районы страны возле порта Линди, где сохранялась власть германской колониальной администрации. Однако кольцо постепенно сжималось, и в октябре 1917 года полковник Леттов-Форбек принял решение перейти к партизанским действиям. Весной и летом германские войска провели несколько успешных рейдов по территории Португальской Юго-Восточной Африки, к осени 1918 года вернулись в район севернее озера Ньяса, а в октябрь-ноябре 1918 года вторглись на территорию британской колонии Родезия, где и капитулировали после получения известий о подписание Компьенского перемирия.

После войны основная часть Германской Восточной Африки перешла под управление Великобритании и стала называться Танганьикой. Небольшая полоса вдоль южной границы была присоединена к португальским владениям, а хорошо освоенные земли севернее озера Танганьика на стыке границ Уганды и Бельгийского Конго получила Бельгия — здесь были основаны колонии Руанда и Урунди. 9 декабря 1961 года Танганьика получила политическую независимость и год спустя была провозглашена республикой. В апреле 1964 года страна объединилась с Занзибаром (Народная республика Занзибара и Пембы) в одно государство — Объединенную Республику Танзания, правительство которой объявило о начале строительства «африканского социализма» — «уджмаа».

Германская Юго-Западная Африка

История этой германской колонии ведет начало с 1883 года, когда бременский торговый агент Адольф Людероц исследовал пустынное африканское побережье к северу от реки Оранжевой и через германского консула в Кейптауне донес имперскому правительству о том, что этот район пригоден для колонизации. 24 апреля 1884 года побережье Юго-Западной Африки между португальскими и британскими владениями было объявлено германским протекторатом, за исключением бухты Уолфиш-Бей, еще с 1878 года принадлежавшей Великобритании. Окончательно границы протектората были установлены соглашением с Португалией от 1886 года и с Англией — в 1890 году. Северная граница проходила по реке Кунене, южная — по реке Оранжевой. Впоследствии на севере к колонии была присоединена так называемая Полоса Каприви, узкой лентой протянувшаяся от реки Окаванго к верховьям Замбези.

Основную часть территории новоприобретенной колонии занимала пустыня, заселенная кочевыми племенами гереро и готтентотов, существовавшими за счет скотоводства и неоднократно поднимавшими восстания против пришельцев. В 1893 году на юге колонии вспыхнуло восстание готтентотов, возглавляемое Хендриком Витбои, вождем небольшого клана витбои — оно было подавлено только к осени следующего года.

В январе 1904 года в центральной части колонии в районе города Окаханджо вспыхнуло крупное восстание племен гереро под предводительством Сэмюэля Махереро. Первоначально численность повстанцев составляла 7–8 тысяч человек, но лишь менее половины их были вооружены огнестрельным оружием. Повстанцам удалось на некоторое время осадить города Окаханджо и Виндхук, но в апреле германские войска сумели перейти в контрнаступление. 11 июня 1904 года в Юго-Западную Африку прибыл генерал-майор Леопольд фон Трота, принявший на себя командование войсками. К началу 1905 года германские войска под командованием фон Трота и гражданского губернатора Геринга (отца будущего рейхсмаршала) завершили уничтожение повстанцев. При этом погибло около трех четвертей всего народа гереро — около 50 тысяч человек. Но к этому времени на юге страны вспыхнуло восстание готтентотов под предводительством все того же Хендрика Витбои, которому сейчас было уже около восьмидесяти лет. Численность повстанцев не превышала полутора тысяча

человек, из которых только треть имела винтовки, однако опытный Витбой так организовал партизанские действия, что 17-тысячной армии фон Трота удалось подавить восстание только в 1907 году. При этом было уничтожено около половины народа готтентотов — порядка 10 тысяч человек.

К 1 января 1908 года в стране насчитывалось 8213 белых поселенцев, в том числе 6215 немцев. Женщин среди белых поселенцев было сравнительно немного — всего 1446. К 1913 году число белых поселенцев увеличилось более чем в полтора раза и составило 14 830 человек, 12 292 из них были немцами. Количество женщин среди поселенцев выросло более чем в два раза и достигло 3058 человек — это говорит о том, что все большее количество поселенцев прибывало сюда, рассчитывая обосноваться на постоянное жительство. Численность местного населения определить гораздо сложнее — к началу 1890-х годов она оценивалась в 170–200 тысяч человек, из которых половину составляли племена овамбо, от 60 до 80 тысяч — гереро и 15–20 тысяч — готтентоты. Однако к началу Первой мировой войны в результате эффективного немецкого хозяйствования численность коренного населения сократилась в полтора раза — осталось лишь около 60 тысяч овамбо, 22 тысячи гереро, 20 тысяч бергамара, 14 тысяч готтентотов и около 8 тысяч бушменов. Кроме того, к 1914 году в прибрежных областях колонии имелось около 6500 африканцев, переселившихся из Капской колонии, а в районе Виндхука и Рехобота проживало 3300 цветных — потомков буров и готтентотов.

В целом климат Юго-Западной Африки напоминал Южную Европу, однако был гораздо суше — сезон дождей длился с января по май, остальное время на большей части страны царил засуха. Разница между зимой и летом была выражена гораздо слабее, чем в Европе, средняя температура самого теплого месяца, января, составляла 25 градусов Цельсия, июля — 19 градусов.

Основным занятием колонистов было фермерство — в 1910 году в Юго-Западной Африке насчитывалось 793 фермерских хозяйства, имевших в своем владении 11,75 млн. гектара земли, в 1913 году их число увеличилось до 914 хозяйств с 13,4 млн. гектара пашни и пастбищ. Колонисты производили пшеницу, кукурузу, картофель, вино и табак, на севере имелись небольшие плантации хлопка.

Динамика поголовья скота в Германской Юго-Западной Африке в последнее предвоенное десятилетие выражается следующими цифрами:

	1903	1913
Крупный рогатый скот	90 400	206 000
Мясные породы овец	182 500	473 000
Рунные породы овец	7600	85 000
Козы	156 000	485 000
Лошади	5300	16 000

Кроме того, на 1913 год в колонии насчитывалось 7800 сви-ней и 1500 страусов. Впрочем, на экспорт шла в основном шерсть — большая часть производимого мяса и молочных продуктов потреб-лялось внутри колонии.

Минеральные богатства Юго-Западной Африки оказались невелики — здесь добывались медь и свинец, а также были обна-ружены небольшие месторождения мрамора. В 1906 году здесь было добыто 230 тонн меди общей стоимостью 47 000 марок. За последующие два года добыча меди увеличилась до 31 000 тонн (6 296 000 марок), потом несколько снизилась, а затем снова нача-ла расти. В 1912 году из колонии было вывезено свыше 30 000 тонн меди на общую сумму в 6 523 000 германских марок. Напро-тив, добыча свинца постепенно падала — в 1909 году его было эк-спортировано на 982 000 марок, а в 1912-м — только на 228 000 марок.

Наконец, в июле 1908 года в районе бухты Людериц были от-крыты месторождения алмазов, вскоре ставшие одним из основных предметов экспорта колонии: Добыча и вывоз их быстро росли:

1908 год —	51 000 марок,
1909 год —	15 436 000 марок,
1910 год —	26 869 000 марок,
1911 год —	23 034 000 марок,
1912 год —	30 414 000 марок

Основным портом Германской Юго-Западной Африки был Свакопмунд, расположенный на северном берегу бухты Уолфиш-Бей. В 1909 году он принял 144 парохода общей вместимостью 523 000 регистровых тонн, а в 1912 году — уже 430 пароходов вме-стимостью 1 417 000 тонн. Большинство из них были немецкими, треть плавали под английским флагом. Имелась постоянная па-роходная линия Гамбург—Свакопмунд. С 1902 года здесь велось усиленное строительство железных дорог, и к 1913 году основ-ные пункты колонии — столица Виндхук, порты Свакопмунд и Людериц, а также города Отави на севере и Китмансхуп на юге были связаны единой железнодорожной сетью (хотя и узкоколей-

ной). Однако на остальной части страны основным транспортным средством оставались воловьы упряжки.

В Свакопмунде, Виндхуке и Людерице имелись радиостанции, через ретрансляционную станцию в Того поддерживавшие устойчивую связь с метрополией. Германские вооруженные силы в Юго-Западной Африке к 1 апреля 1913 года насчитывали 1967 солдат и офицеров. Кроме того, в полицейских силах служило около 600 белых и 870 африканцев. В случае войны или восстания аборигенов у колониальной администрации имелась возможность мобилизовать две-три тысячи германских колонистов и набрать несколько тысяч туземных солдат, однако открытая ровная местность на большей части колонии не способствовала организации устойчивой полевой обороны.

Из-за волнений среди бурского населения Южно-Африканского Союза и открытого неповиновения ряда высших бурских офицеров английское наступление на Германскую Юго-Западную Африку началось лишь в январе 1915 года. Основную массу британских войск, насчитывавших на заключительном этапе кампании до 60 000 человек, составляли бурские милиционные части. Этой кампании не суждено было выделиться чем-то примечательным. Англичане наступали тремя колоннами — с юга вдоль побережья, с территории бывшей Оранжевой республики и с востока из Бечуаленда (ныне — Ботсвана). Целью наступления был Виндхук, занятый 12 мая 1915 года. Остатки германских войск 9 июля согласились на почетную капитуляцию — офицерам сохранялось холодное оружие, а поселенцам было разрешено вернуться на свои фермы.

Того

Эта узкая территория, зажата между британской колонией Золотой Берег и французской Дагомеей, была объявлена германским владением 7 июля 1884 года, когда сюда прибыл немецкая канонерка «Меве» и находящийся на ее борту имперский агент доктор Густав Нахтигаль заключил с местным царьком Млапой соглашение о протекторате. С 1891 года Того становится самостоятельным владением (раньше им управлял губернатор Камеруна). Северная и восточная границы колонии были определены германо-французским договором от 23 июля 1897 года, западная граница была окончательно установлена после обмена нотами между Берлином и Лондоном в 1904 году. В итоге общая площадь колонии составила порядка 87 200 кв. км, где на 1913 год насчитыва-

лось 1 032 000 туземного населения. Основными народностями, населяющими Того, были племена сокоде (300 000 человек), мангу (225 000 человек), мисагоге (140 000) и ломе (130 000 человек). Белого населения было чрезвычайно мало — на 1 января 1910 года в стране насчитывалось всего 372 европейца, причем среди них только 62 взрослые женщины. К 1912 году количество колонистов даже несколько уменьшилось — их стало 368, из них 66 женщин. Немцев среди колонистов насчитывалось 320 человек.

Минеральные богатства колонии оказались весьма незначительны. Здесь имелись старинные месторождения железной руды, к XX веку практически выбранные, и некоторые запасы графита. Около половины всего экспорта составляло пальмовое масло, вывозились отсюда также хлопок, натуральный каучук, некоторое количество кукурузы и какао. В целом Того оказалось самой бедной германской колонией, если не считать острова Самоа.

Железнодорожная сеть колонии состояла из двух веток, построенных в 1905–1911 годах и ведущих от столицы Ломе на север к Атакпаме и на северо-запад, до города Кпалиме, общая протяженность линий составляла 330 километров, причем дороги были убыточны. Основным портом колонии являлся Ломе, в 1912 году сюда пришло 258 грузовых судов общей вместимостью 572 000 регистровых тонн, имелась постоянная пароходная линия Гамбург—Ломе.

Единственным военным объектом в Того являлась крупная радиостанция в Камине — главная германская ретрансляционная станция в Африке, через которую поддерживалась постоянная связь с остальными станциями в Восточной и Юго-Западной Африке. Однако к началу Мировой войны здесь не имелось никаких германских войск, все вооруженные силы колонии ограничивались немногочисленной полицией. 26 августа 1914 года полицейские силы Того капитулировали перед союзниками, предварительно разрушив радиостанцию. Колония была разделена между Германией и Францией по временной демаркационной линии, а в 1916 году была достигнута предварительная договоренность о послевоенной судьбе Того — основная часть владения вместе со столицей отходила Франции, а территория близ реки Вольты присоединялась к британскому Золотому Берегу¹. В 1919 году это соглашение было подтверждено Версальской конференцией —

¹ На референдуме 1956 года 58 % населения этой территории проголосовало за оставление ее в составе Золотого Берега (позднее Гана).

основная часть страны стала подмандатной территорией Франции. 27 апреля 1960 года провозглашена независимая Республика Того.

Камерун

История германской колонии Камерун началась 14 июля 1884 года, когда возле Дидо (ныне Дуала), напротив испанского острова Фернандо-По, бросила якорь все та же канонерка «Меве». Имперскому агенту Нахтигалю удалось подписать соглашения с рядом местных вождей, после чего 300-километровая полоса побережья была объявлена германским владением, а южнее нее в 1885 году Испания основала свою колонию Рио-Муни. Поскольку к северо-западу располагалась британская Нигерия, а восточнее простирались французские владения, немцам оставалось только как можно быстрее продвигаться в глубь материка, занимая пока еще ничейные территории, — именно поэтому обе германские колонии в Западной Африке приобрели столь странную вытянутую форму. 5 мая 1902 года экспедиция обер-лейтенанта Пауля достигла озера Чад — это место и стало крайней северо-западной точкой германского владения.

К этому моменту площадь германской колонии (так называемый Старый Камерун) составляла около 495 000 кв. км. В 1911 году, после мирного разрешения Агадирского кризиса, в обмен на свободу рук в Марокко Франция передала Германии часть своих владений в Конго — две полосы вдоль восточной и южной границ Камеруна общей площадью 275 000 кв. км. Тогда же была окончательно демаркирована граница с Испанской Гвинеей — небольшой анклав Рио-Муни оказался со всех сторон окруженным германской территорией на юге от Камеруна. В итоге общая площадь германской колонии достигла 790 000 кв. км.

К 1912 году туземное население Камеруна оценивалось в 4150 тысяч человек. Оно принадлежало к множеству племен и народностей, крупнейшими из которых были гаруа (530 000 человек), куссери (280 000 человек), баменда (270 000 человек), яунде (209 000 человек), дшанга (187 000 человек) и ябасси (180 000 человек). Европейское население колонии, поначалу весьма незначительное, быстро росло — в 1903 году здесь насчитывалось всего 710 белых, в 1908 году их было 1127, а в 1912 году — 1871 человек, в том числе 230 взрослых женщин. 1643 человека из указанного числа были гражданами Германии.

В 1898 году на территории Камеруна были обнаружены каучуконосы, а к 1912 году натуральный каучук стал основой камерунского экспорта. В отличие от Того, эта германская колония оказалась довольно богатой — помимо каучука, она давала большую часть от общего производства в германских владениях какао и пальмового масла. Минеральных ресурсов здесь обнаружилось куда меньше — в Камеруне имелись только небольшие месторождения золота и каменного угля. Кроме того, немецкие геологи нашли здесь нефть, однако ее промышленная разработка началась много позже. С 1893 по 1910 год в центральных районах колонии произошло несколько восстаний туземцев, впрочем, не достигших таких масштабов, как в Юго-Западной Африке.

Основным портом Камеруна являлась Дуала (Дидо), принявшая в 1907 году 474 пароходов вместимостью 1 270 000 регистровых тонн, а в 1912 году уже 604 судна общей вместимостью 1 733 000 регистровых тонн, причем две трети из указанных судов плавали под германским флагом. Существовала регулярная пароходная линия Гамбург—Дуала, пассажирский билет 1-го класса стоил 600 марок, 2-го класса — 450 марок.

Строительство железных дорог в Камеруне началось только с 1906 года. К началу Мировой войны их насчитывалось всего две — северная ветка от Дуалы до Маненхубергена длиной в 160 км, законченная в 1910 году, и восточная дорога Дуала—Эдеа—Яунде—Мбалмайю (на реке Ньонг) длиной 293 км, начатая в 1908 году и вступившая в строй к 1914 году. В Дуале имелась радиостанция.

Вооруженные силы колонии к середине 1914 года состояли из 185 европейцев и 1550 колониальных солдат, кроме того, имелись отдельные подразделения местной полиции. Для обороны от англичан в северо-западной части колонии близ нигерийской границы был заблаговременно создан ряд укрепленных пунктов. С началом Первой мировой войны немецкие войска в Камеруне, несмотря на свою малочисленность, эти войска оказали союзникам достойное сопротивление. Английское наступление, начатое с территории Нигерии, к концу августа захлебнулось из-за сложностей с подвозом снабжения и упорной обороны немцами отдельных укрепленных пунктов. К этому времени французам удалось захватить северную часть Камеруна в районе Куссери южнее озера Чад. В конце концов союзникам пришлось прибегнуть к помощи флота: 27 сентября десантом с моря была захвачена Дуала, после чего англо-французские войска быстро продвинулись к

Яунде — столице колонии и центру сопротивления немцев. После оставления Яунде германским частям пришлось отступить в центральный гористый район страны. К этому времени их численность за счет мобилизации колониальных солдат увеличилась до 3000 человек. Несмотря на то что численность союзных (англо-франко-бельгийских) войск достигала 25 000 человек, в течение первой половины 1915 года здесь царило относительное затишье, вызванное сезоном дождей и плохим качеством дорог. Лишь к осени союзники перешли в решительное наступление, вынудив немцев оставить свои базы и пробиваться на юг — к границе испанской колонии Рио-Муни (ныне Экваториальная Гвинея). В течение января 1916 года союзные войска очистили от противника всю территорию Камеруна, 16 февраля немцы оставили последний укрепленный пункт Мора и интернировались на нейтральной испанской территории.

По итогам Версальской конференции Камерун стал подмандатной территорией Франции, а его северо-западная часть была передана Великобритании и присоединена к Нигерии¹. В 1960 году колония получила независимость, год спустя была провозглашена Федеративная Республика Камерун.

Тихоокеанские колонии Германии

Северное побережье Новой Гвинеи было исследовано русскими моряками еще в 1870-х годах, однако Россия не выказала желания объявлять эти территории своей колонией. 26 марта 1884 года в Германии была основана Ново-Гвинейская компания, а в ноябре того же года к берегам острова прибыла немецкая эскадра в составе фрегата «Элизабет» и канонерской лодки «Гиан». Высадившиеся с кораблей морские пехотинцы водрузили германский флаг на острове Матупи. Вслед за этим в бухте Маданг был основан военный пост Фридрих-Вильгельмхафен, а восточнее его, на берегу пролива Витязь, — Финшхафен. Рескриптом императора Вильгельма I от 17 мая 1885 года Земля Кайзера Вильгельма (северо-восточная часть Новой Гвинеи), прилегающие к ней острова Бисмарка и северная часть Соломоновых островов объявлялись германским протекторатом и передавались под управление Ново-Гвинейской компании, штаб-квартира которой разместилась в Финшхафене. Германским владением были объявлены и Мар-

¹ В 1961 году в результате референдума эти территории были возвращены Камеруну.

шалловы острова, лежащие к северо-востоку от Соломоновых. Одновременно юго-восточная часть Новой Гвинеи была объявлена владением Великобритании.

В декабре 1885 года по соглашению с Испанией Германия признала ее права на Каролинские острова и острова Палау, в ответ получив право создавать здесь угольные станции. В 1888 году к германским колониям были присоединены острова Науру. После разгрома Испании в испано-американской войне Германия по соглашению от 30 июля 1899 года за 17 миллионов марок приобретает у нее острова Палау, Каролинские острова и Марианские острова (за исключением острова Гуам, доставшегося Северо-Американским Штатам). В том же году по соглашению с Англией Германия передает ей большую часть из принадлежащих ей Северных Соломоновых островов, оставляя себе только острова Бука и Бугенвиль.

Новая Гвинея

Эта колония, имевшая статус протектората, состояла из Земли Кайзера Вильгельма и архипелага Бисмарка (Новая Померания и несколько прилегающих островов). С 1891 года столицей Германской Новой Гвинеи стал Фридрих-Вильгельмхафен, в 1899 году резиденция губернатора была перенесена на остров Новая Померания (ныне Новая Британия), а с 1909 года она окончательно утвердилась на полуострове Газелле в порту Симпсонсхафен, более известном под туземным названием Рабаул.

Общая площадь протектората составляла 242 500 кв. км. Но колонизированы эти земли были достаточно слабо — на всех германских островных колониях проживало около 600 000 аборигенов и всего 1178 европейских переселенцев.

Более освоенной частью колонии был архипелаг Бисмарка, вместе с северными Соломоновыми островами имевший общую площадь 61 000 кв. км. Туземное население архипелага к 1913 году насчитывало около 200 000 человек, в основном меланезийцев или папуасов. Самыми населенными островами были Новая Померания (50 000 человек), Новый Ганновер (28 000 человек) и Новый Мекленбург (27 000 человек), на Северных Соломоновых островах проживало 33 000 туземцев. Однако число европейских поселенцев здесь было очень незначительно — всего 685 человек, из них 482 немца.

Земля Кайзера Вильгельма имела площадь 179 000 кв. км, но была освоена куда меньше. Здесь жило около 400 000 аборигенов-

папуасов и некоторое количество китайских переселенцев. Численность европейского населения в Финшхафене, Фридрих-Вильгельмхафене и других прибрежных поселках к 1913 году составляла всего 283 человека, из них 264 немца. Внутренние гористые районы острова оставались практически неисследованными

Полезных ископаемых здесь практически не имелось, лишь на Новом Мекленбурге были обнаружены небольшие запасы каменного угля. Основным предметом вывоза являлась копра, предпринимались попытки создания плантаций хлопка, какао и натурального каучука. Колония имела регулярное пароходное сообщение с Сиднеем и Гонконгом, Северогерманский Ллойд организовывал рейсы в Геную и Неаполь. В 1912 году в Симпсонхафен (Рабаул) и другие порты прибыло 634 торговых судна общей вместимостью 503 000 тонн. Германских войск на Новой Гвинее и архипелаге Бисмарка не было, здесь имелась лишь колониальная полиция численностью около 600 человек. В Рабауле имелась крупная радиостанция.

С началом Первой мировой войны Земля Кайзера Вильгельма и архипелаг Бисмарка были оккупированы британскими войсками, 15 сентября 1914 года высадившимися в Рабауле. После войны эти территории были переданы под мандат Австралии (без права объединения с австралийской колонией Папуа). С 1975 года обе территории являются независимым государством Папуа—Новая Гвинея.

Каролинские, Марианские и Маршалловы острова, острова Палау

Общая площадь этой обширной островной страны, лежащей в центральной части Тихого океана, составляла около 2600 кв. км. Из них 1150 кв. км приходилось на Каролинские острова, 450 кв. км — на Палау, 626 кв. км — на лежащие чуть севернее острова Сайпан и Тиниан, принадлежащие к группе Марианских (Гуам принадлежал США), и 400 кв. км — на расположенные юго-восточнее многочисленные Маршалловы острова. Крупнейшими среди Каролинских островов являлись Понапе, Трук и Яп, в группе Палау — остров Баобелтааб.

Общее количество туземного населения на Западных Каролинских островах, Марианских островах и Палау к 1911 году оценивалось в 15 400 человек, в 1913 году здесь проживали 459 европейцев, из них только 259 являлись гражданами Германской им-

перии. Единственным продуктом сельского хозяйства была копра, однако на Науру добывалось значительное количество фосфатов, экспорт которых являлся основой экономики всей колонии:

1907 год — 698 000 марок,

1908 год — 3 301 000 марок,

1909 год — 4 693 000 марок,

1910 год — 3 657 000 марок,

1911 год — 6 568 000 марок,

1912 год — 4 991 000 марок.

В 1912 году на острова прибыло в общей сложности 313 торговых судов регистровой вместимостью 456 000 тонн. Северогерманский Ллойд имел постоянную пароходную линию между островами Яп и Джалуит и Генуей либо Неаполем, существовало достаточно регулярное сообщение с Сиднеем и Гонконгом. Региональные правительственные управления существовали на Понапе, Джалуите, Япе, Труке, Науру, Короре и Сайпане, однако в целом острова подчинялись губернатору в Рабауле. Вооруженных сил здесь не имелось, однако в ряде пунктов существовали угольные станции, а на Япе располагалась крупная радиоретрансляционная станция.

На момент начала войны у острова Понапе стояли германские броненосные крейсера «Шарнхорст» и «Гнейзенау» из состава Дальневосточной эскадры адмирала фон Шпее. 6 августа к ним присоединился прибывший из Гонолулу легкий крейсер «Нюрнберг». 11 августа германская эскадра перешла к острову Паган, 12-го числа к ней присоединился легкий крейсер «Эмден», а 13-го числа — пришедшие из Циндао вспомогательные крейсера «Принц Эйтель Фридрих» и «Корморан»¹. Сразу после этого основные силы эскадры направились к берегам Чили, а «Эмден» был направлен в Индийский океан. «Принц Эйтель Фридрих» и «Корморан» еще некоторое время находились в Микронезии, пока 30 августа не получили приказ идти к берегам Австралии.

Япония объявила войну Германии 11 августа, 12 сентября она объявила о занятии Каролинских и Марианских островов, а 29 сентября — о захвате Маршалловых островов. Однако после войны по Версальским соглашениям наиболее богатый фосфатами остров Науру был передан Великобритании (в 1968 году он получил независимость). После Второй мировой войны бывшие япон-

¹ Бывший русский пароход «Рязань», захваченный 4 августа крейсером «Эмден» и вооруженный в Циндао.

ские колонии достались Соединенным Штатам, в 1991 году независимость получили Маршалловы и Каролинские острова (ставшие Федеративной республикой Микронезией), в 1994 году — острова Палау.

Острова Самоа

Эта группа вулканических островов площадью около 3000 кв. км, расположенная в самом центре Тихого океана, стала самой первой целью германской колониальной экспансии. Первые торговые суда из Гамбурга и Бремена появились у берегов Самоа еще в 1847 году. В 1855 году здесь обосновался торговый агент гамбургской фирмы «Иоанн Годафрой», а в 1860 году было образовано отделение этой фирмы. Новорожденная империя предъявила свои претензии на Самоа еще в середине 1870-х годов. Однако удобное положение и здоровый климат островов привлекло к ним внимание и других колониальных держав. В 1878 году Северо-Американские штаты заключили с местными вождями соглашение, передававшее в американское владение гавань Паго-Паго. В следующем году аналогичные соглашения с местными вождями заключили представители Британии и Германии. Но лишь в конце 1899 года было подписано окончательное соглашение о разделе островов между тремя империями. Соединенным Штатам досталось Восточное Самоа (остров Тутуила с удобной гаванью Паго-Паго), Германия же получила западную часть архипелага — Савайи (1691 кв. км), Уполу (868 кв. км) и несколько более мелких островов. В обмен на отказ от своих претензий на Самоа Англия получила от Германии Шуазель и Санта-Исабель из группы Соломоновых островов. Однако в германской части Самоа не оказалось удобной гавани, порт Апия имел только открытый рейд — во время большого тайфуна 15–16 марта 1888 года здесь были выброшены на рифы и погибли германские канонерки «Адлер» и «Эбер».

Общее количество туземного населения Германского Самоа в 1911 году было составляло 33 500 человек. В 1903 году здесь проживал 381 европеец, к 1913 году их число увеличилось до 557, из которых немцами было 329. Взрослых белых женщин к этому же времени здесь насчитывалось 99. Кроме того, на островах имелось около 1000 метисов и 1546 китайских иммигрантов — в основном рабочих на плантациях. Основным продуктом экспорта являлась копра (острова давали 35 % от ее производства во всех герман-

ских колониях), а также некоторое количество какао). В 1912 году в гавань Апиа прибыло 132 парохода регистровой вместимостью 141 000 тонн, однако из них было лишь несколько немецких. В 1913 году острова посетил всего 121 пароход общей вместимостью 84 000 тонн. Резиденция губернатора располагалась в Апиа, с 1912 года губернатором Германского Самоа был доктор Шульц.

В начале 1914 года в Апиа была введена в строй радиостанция, однако германских войск на Самоа к началу войны не было. 29 августа 1914 года австралийская эскадра контр-адмирала Пати в составе четырех крейсеров высадил в Апиа десант из 1400 солдат, захвативший остров Уполу и радиостанцию. 9 сентября возле острова появилась германская Дальневосточная эскадра, но адмирал фон Шпее не предпринял попытки отбить Апиа обратно. В 1926 году, несмотря на протесты местного населения, требовавшего независимости, бывшая германская колония была передана под мандат Новой Зеландии, в 1962 году она стала независимым государством Западное Самоа.

Основные источники:

1. Морской атлас. Т. III, часть первая. ГШ ВМФ, 1958.
2. Морской атлас. Т. III, часть первая. Описания к картам. ГШ ВМФ, 1959.
3. Советская военная энциклопедия. В восьми томах. М.: Воениздат, 1976–1980.
4. Д. Киган. Первая мировая война. М.: АСТ, 2002.
5. Deutscher Kolonial-Atlas mit Illustriertem Jahrbuch 1914, auf Veranlassung der Deutschen Kolonialgesellschaft herausgegeben, bearbeitet von P. Sprigade und M. Moisel. Berlin 1914.

Приложение 2

Одиссея крейсера «Кенигсберг»

Бронепалубный крейсер «Кенигсберг» был заложен на казенной верфи в Киле 12 января 1905 года. Корабль строился по программе 1903—1904 годов и являлся головным в третьей серии германских бронепалубных крейсеров универсального типа, способных использоваться как в качестве разведчиков при эскадре, так и для патрульной службы в далеких колониях¹.

Поскольку ни та, ни другая роль не предусматривала необходимости бороться с близкими по классу кораблями противника, германские инженеры сочли возможным вооружить крейсера достаточно легкой артиллерией 105-мм калибра. В то же время англичане имели возможность строить сразу три класса малых крейсеров — небольшие быстроходные «скауты» для службы при эскадре и крейсера 3-го класса для колониальной службы. И те и другие имели на вооружении артиллерию 102-мм калибра. Правда, русские и английские крейсера 1-го и 2-го класса несли 120- или 152-мм артиллерию, но германские конструкторы и флотоводцы решили, что для разведчиков или рейдеров вероятность боя с подобным противником не слишком высока. Да и скорострельности десяти 105-мм орудий вкупе со скоростью в 23—24 узла и хорошей защитой должно было хватить для того, чтобы отбиться или уйти от случайно встреченного крупного противника. Поэтому немецкие «города» (крейсера этого класса назывались по именам крупных германских городов) имели достаточно солидное бронирование: до 80 мм палуба, 100 мм рубка и 50 мм щиты у орудий.

Много позднее выяснилось, что живучесть и бронирование у немецких легких крейсеров вполне достаточны, но 105-мм калибр артиллерии делает их практически беспомощными в бою с английскими крейсерами более поздних лет постройки, вооружен-

¹ Предыдущие две серии — десять кораблей типа «Газелле», вступившие в строй в 1900—1904 годах, и семь крейсеров типа «Бремен», вступивших в строй в течение следующих трех лет.

ными 152-мм пушками и получившими паровые турбины¹ вместо мгновенно устаревших машин тройного расширения. Однако до этого времени оставалось еще почти десять лет...

12 декабря 1905 года, ровно через 11 месяцев после закладки, новый корабль был спущен на воду. К апрелю 1907 года крейсер «Кенигсберг» был практически готов и укомплектован командой, чуть позже он приступил к сдаточным испытаниям. Однако 3 августа 1907 года испытания пришлось прервать — корабль был назначен в конвой яхты кайзера Вильгельма II «Гогенцоллерн» для встречи с яхтой российского императора «Штандарт». 6 августа крейсер и императорская яхта вернулись в Киль, а через три дня прерванные испытания возобновились. Они продлились еще ровно месяц и завершились 9 сентября 1907 года, а уже 21 сентября корабль прибыл в Кенигсберг, чтобы отдать салют городу, в честь которого поучил свое имя.

Осенью 1907 года крейсеру еще довелось некоторое время состоять в штатах императорского конвоя, пока 15 декабря он окончательно не был передан в состав разведывательных сил Флота Открытого моря. Однако уже через два дня он снова отбыл из страны с офицальным визитом — под флагом принца Генриха Прусского направившись в Стокгольм для участия в церемонии похорон шведского короля Оскара II. Дальнейшая служба корабля состояла из рутинных балтийских походов, маневров и изредка — сопровождения императорской яхты «Гогенцоллерн».

Тем временем в строй германского флота начали вступать легкие крейсера следующего поколения — типа «Дрезден» и «Майнц», оснащенные паровыми турбинами и развивающие скорость до 27 узлов. В начале 1910 года «Кенигсберг» успел стать чемпионом по стрельбе среди легких сил флота, а 10 июня новый, но уже стремительно устаревающий крейсер был выведен в резерв в Данциге, смененный в строю легким крейсером «Кольберг». В 1913 году на несколько месяцев корабль снова поступил в боевой состав флота, но потом опять был возвращен в резерв. 1 апреля 1914 года командование кораблем принял 40-летний фрегатен-капитан² Макс Лооф.

¹ Первым германским турбинным крейсером стал «Любек» (1905), принадлежавший к предыдущему типу «Бремен», вторым — «Штеттин», четвертый и последний корабль серии «Кенигсберг», заложенный в том же году, что и головной, и вступивший в строй на 7 месяцев позже него.

² Капитан 2-го ранга.

28 апреля 1914 года крейсер вышел из Вильгельмсхафена на Северном море, отправившись в далекое путешествие. 5 июня он прошел Суэцким каналом, 7 июня имел однодневную стоянку в английском порту Аден, а уже 12 июня¹ 1914 года прибыл в Дар-эс-Салам — столицу Германской Восточной Африки, где сменил в качестве стационара малый крейсер «Гейер» и сразу же занялся промерами глубин в районе порта и рейда.

К началу войны германский колониальный флот распределялся следующим образом. На Циндао, главный дальневосточный опорный пункт германского флота, базировалась сильная крейсерская эскадра адмирала фон Шпее — броненосные крейсера «Шарнхорст» и «Гнейзенау», бронепалубные крейсера «Любек», «Нюрнберг» и «Эмден», а также старый крейсер 4-го класса «Корморан». Однако фактически в Циндао стояли только «Эмден» и лайнер «Принц Эйтель Фридрих», предназначенный для переоборудования во вспомогательный крейсер. Оба броненосных крейсера находились у острова Понапе, «Нюрнберг» — в Гонолулу, а «Лейпциг» — в мексиканском порту Масатлан. Два турбинных крейсера, «Дрезден» и только что прошедший испытания «Карлсруэ», находились в Карибском море, в порту Порто-Пренс на Гаити. «Карлсруэ» был направлен на церемонию открытия Панамского канала и с началом боевых действий должен был оперировать в Атлантике, а «Дрезден» 28 июля получил приказ двигаться в Тихий океан на соединение с эскадрой фон Шпее.

Кроме того, 4 августа в Центральную Атлантику вышел бывший лайнер «Кайзер Вильгельм дер Гроссе» вместимостью в 14 340 регистровых тонн, вооруженный шестью 105-мм орудиями. Уже в ходе боевых действий здесь же были переоборудованы во вспомогательные крейсера еще два лайнера — «Кронпринц Вильгельм» и «Кап Трафальгар».

Таким образом, для действий в Индийском океане, на оживленных английских коммуникациях, ведущих из Индии и Дальнего Востока к Суэцкому каналу и мысу Доброй Надежды, оставался всего один крейсер — «Кенигсберг». Лишь позднее, уже в начале сентября, в Индийский океан пришел «Эмден», отделившийся от эскадры Шпее. Английские военно-морские силы юго-западной части Индийского океана были сведены в морскую стан-

¹ Согласно другим источникам «Кенигсберг» отбыл из Килия 25 апреля, а пришел в Дар-эс-Салам 6 июня.

цию Мыса Доброй Надежды, которой руководил вице-адмирал Кинг-Холл. Первоначально они состояли из трех старых крейсеров 2-го и 3-го классов, базировавшихся на Кейптаун и Занзибар, позднее к ним присоединилось еще несколько кораблей. Кроме того, в Индии базировалась британская Ост-Индская эскадра в составе одного старого броненосца и двух бронепалубных крейсеров¹. Имелись здесь и французские морские силы, но столь незначительные, что их участие в боевых действиях свелось к нулю.

27 июня 1914 года германский Адмиралштаб прислал капитану Лоофу зашифрованное распоряжение — быть готовым к открытию боевых действий в ближайшие дни. 31 июля в Дар-эс Салам прибыл германский пароход «Табора», капитан которого сообщил, что видел в море английские крейсера, направляющиеся на север от Мыса Доброй Надежды. Получив это известие, капитан Лооф немедленно покинул Дар-эс-Салам, направив свой крейсер на север — к Аденскому заливу между Красным и Аравийским морями. Вскоре «Кенигсберг» действительно встретил британский отряд из состава соединения Кинг-Холла — крейсера «Гиацинт», «Астрея» и «Пегасус». Поскольку война еще не была объявлена, огня никто не открывал, хотя орудия обоих противников были расчелены и наведены на цель. Немецкий крейсер увеличил ход до 22 узлов и после 45-минутной гонки оторвался от старых английских кораблей.

5 августа капитан Лооф получил радиограмму, извещающую его о начале боевых действий, а уже на следующий день возле острова Сокотра «Кенигсбергу» удалось захватить свою первую (и единственную) добычу — 6600-тонный английский пароход «Сити оф Винчестер» с грузом индийского чая. «Купец» был отведен в бухту возле маленького турецкого порта Бендер-Барум на южной оконечности Аравийского полуострова, где «Кенигсберг» встретился германским пароходом «Цитен». С «Сити оф Винчестер» сняли все, что можно, после чего экипаж и пассажиров перевели на «Цитен», а самого «англичанина» затопили 12 августа.

Через два дня у островов Курия-Мурия близ побережья Аравии «Кенигсберг» встретился со своим угольщиком «Сомали» (2500 брт), чтобы пополнить запасы топлива, израсходованные во время гонки 5 августа. Однако радисты крейсера поймали в эфире

¹ Новозеландская, Австралийская и Восточно-Азиатская эскадры (2 броненосца и 10 крейсеров) к действиям в Индийском океане не привлекались.

ре переговоры английских кораблей, находившихся совсем близко, поэтому «Кенигсберг» срочно покинул берега дружественной Турции и ушел к мысу Рас-Хафун на побережье Итальянского Сомали. 21 августа у Рас-Хафуна он вновь встретился с пароходом «Сомали» и в течение двух дней перегрузил с него 850 тонн угля. 23 августа крейсер ушел от мыса Рас-Хафун и направился к Мадагаскару.

Тем временем английские крейсера с объявлением войны обстреляли Дар-эс-Салам, разрушив радиостанцию, потопив в порту плавучий док и гидрографическое судно «Меве» в 650 тонн (в своей реляции англичане объявили его канонерской лодкой). Затем английское соединение проследовало к Танге, где ему удалось уничтожить или захватить несколько небольших германских судов. Однако на «Пегасусе» обнаружили неполадки в машине, и он был вынужден отделиться от отряда, направившись для ремонта в Занзибар.

30 августа 1914 года «Кенигсберг» обстрелял французскую радиостанцию в бухте Маджунга на северо-западном побережье острова Мадагаскар. 1 сентября 1914 года возле островов Альдабра (на полпути между Дар-эс-Саламом и северной оконечностью Мадагаскара) он вновь встретился со своим угольщиком «Сомали» и принял с него еще 230 тонн угля. 3 сентября, обогнув расположенный южнее Дар-эс-Салама остров Мафия, он вошел в дельту реки Руфиджи и бросил якорь в протоке Кикунья, в 20 милях выше поста Салала.

19 сентября 1914 года крейсер вышел из дельты Руфиджи и направился к острову Занзибар. На следующее утро, в 6 часов с английского вооруженного буксира «Хельмут», стоявшего в дозоре на подходах к порту Занзибар, увидели большое судно, входящее на рейд через южный проход. Капитан «Хельмута» направился к нему, чтобы сообщить, что торговым пароходам пользоваться этим фарватером запрещено. Однако с судна неожиданно раздался выстрел, после чего над ним взвился германский военноморской флаг. Это был крейсер «Кенигсберг».

Увеличив ход, «Кенигсберг» приблизился к порту и, обнаружив здесь мирно стоявший «Пегасус», открыл по нему беглый артиллерийский огонь. После войны англичане утверждали, что из-за разобранных машин старый крейсер постройки 1898 года не имел хода, но современные историки говорят, что машины крейсера были уже исправлены. Впрочем, германский корабль открыл

огонь с дистанции в 45 кабельтовых, английские же 102-мм пушки могли вести эффективную стрельбу всего на 38,5 кабельтовых. Чемпиону по стрельбе среди легких сил «Хохзефлотте» для пристрелки понадобилось всего три залпа, после чего он начал стрельбу на поражение. Уже через 8 минут все обращенные к морю орудия «Пегасуса» были выведены из строя. «Кенигсберг» на пять минут прекратил стрельбу, подошел ближе и вновь открыл огонь — практически в упор.

Через 20 минут все было кончено — «Пегасус» был окутан дымом, на нем рухнула одна из труб, на баке полыхал яркий пожар, крейсер все больше кренился на борт. Не дожидаясь, пока противник окончательно пойдет ко дну, «Кенигсберг» вновь прибавил скорость, развернулся и направился к выходу в море, одновременно перенес огонь на береговую радиостанцию. По пути с него демонстративно сбрасывали за борт пустые бочки, имитируя постановку мин, которых в действительности на крейсере не было.

Тем временем команда «Пегасуса» отчаянно боролась за жизнь крейсера. Пользуясь тем, что машина (якобы разобранный) не пострадала, командир корабля капитан 2-го ранга Джон Инглис попытался выбросить крейсер на берег, но тот перевернулся на левый борт и затонул на мелководье, так что из воды остались торчать марсы мачт. Из 234 человек экипажа на нем погибло 2 офицера и 32 матроса, было ранено еще 59 человек. Помимо этого, на берегу оказалась разрушена радиостанция и погибло еще 45 английских колониальных солдат.

После успешно поведенной операции крейсер вновь вернулся на свою базу в дельте Руфиджи. Англичане на время потеряли противника. Однако уже 19 октября в устье реки Линди английскому легкому крейсеру «Чатем» удалось перехватить немецкий пароход «Президент». При проверке судовых документов были найдены карты дельты Руфиджи с промерами глубин, позволявших во время прилива входить в нее крупным судам. Кроме того, выяснилось, что с середины сентября в устье Руфиджи лихтерами ведется доставка угля. Все указывало на то, что германский крейсер находится здесь. 30 октября с «Чатема» близ Руфиджи была высажена десантная партия, которая обнаружила торчащие над джунглями верхушки мачт «Кенигсберга» и «Сомали».

1 ноября 1914 года «Чатем» обстрелял стоянку «Кенигсберга» из 152-мм орудий. На следующий день сюда же прибыли еще

два английских легких крейсера — «Дартмут» и «Вейсут», Обстрел продолжился, при этом был поврежден стоявший рядом с «Кенигсбергом» угольщик «Сомали», на котором находилось 800 тонн угля.

Одновременно с этими событиями 2 ноября 1914 года полтора десятка английских транспортов предприняли высадку у Танги восьмитысячного отряда генерал-майора Эйткена в составе Северо-Ланкаширского полка, Бангалорской бригады и нескольких сипайских подразделений. Высадку прикрывал старый крейсер 2-го класса «Фокс» под командованием капитана 2-го ранга Ф. У. Коуфилд, однако это десанту не помогло — 5 ноября дело завершилось пресловутой «битвой с ульями» и катастрофическим разгромом, в результате которого англичане потеряли убитыми и пропавшими без вести около полутора тысяч солдат, а немцы — 15 европейцев и 54 африканца.

В этот же день «Кенигсберг» под непрямой, но массированным огнем английских крейсеров вынужден был покинуть стоянку и подняться на километр вверх по протоке, бросив якорь в рукаве Симба-Уранга. Ответного огня он не открывал из-за большой дистанции. Часть матросов «Кенигсберга» была отправлена на берег, составив специальный морской отряд «Дельта». Легкие 52-мм пушки и пулеметы составили несколько противодесантных батарей, а в устье северного протока Кикунья была устроена торпедная кинжальная батарея.

6 декабря к англичанам на вспомогательном крейсере «Канфаунс Кастл» был доставлен гидроаэроплан для воздушной корректировки стрельбы. Однако 10 декабря во время полета над позициями противника у аэроплана отказал мотор и он был вынужден приземлиться в расположении противника, английский пилот Деннис Катлер был взят в плен немецкими солдатами с береговых постов охранения. В тот же день в центральном рукаве Симба-Уранга англичане затопили пароход «Ньюбридж», попытавшись таким образом преградить «Кенигсбергу» выход из дельты. 18 декабря крейсер вновь поднялся выше по протокам — до того места, где река Руфиджи начинает разделяться на протоки.

Всю зиму в дельте Руфиджи царил относительное затишье, лишь иногда нарушаемое попытками блокадных сил англичан произвести рекогносцировку. 2 февраля английский пароход «Адьютант» (захваченный у немцев 9 октября 1914 года) при по-

пытке измерить глубины в протоке Симба-Уранга попал под огонь с берегового поста, наскочил на мель и был вновь захвачен немцами. 14 апреля на подходе к Танге английскому крейсеру «Гиацинт» удалось перехватить немецкий прорыватель блокады «Рубенс», о прибытии которого англичанам стало известно из радиоперехвата. На «Рубенсе», загроможденном под датское коммерческое судно, находилось 1600 тонн вестфальского угля для крейсера «Кенигсберг», несколько тысяч снарядов, несколько миллионов винтовочных патронов, запчасти для ремонта машин крейсера, консервы и обмундирование. Капитан «Рубенса» сумел довести транспорт до бухты Манза к северу от Танги и лишь там затопить его — впоследствии немцам удалось поднять большую часть доставленного снаряжения.

Шансов на выход «Кенигсберга» в море более не оставалось, поэтому в мае команда крейсера была сокращена — 118 человек отправились на сухопутный фронт. Примерно тогда же к англичанам прибыли из метрополии несколько новых гидросамолетов.

К июню 1915 года союзники сосредоточили у побережья Германской Восточной Африки довольно сильную эскадру в составе броненосца «Голиаф» (типа «Канопус», 1900 г.), трех новых легких крейсеров («Чатем», «Дартмут» и «Веймут»), трех бронепалубных крейсеров 2-го класса («Гиацинт», «Астрейя» и «Фокс») и двух крейсеров 3-го класса («Пайонир» и «Пирамус»). Возле острова Мафия напротив устья Руфиджи для этих кораблей была организована маневренная база.

3 июня на эту базу прибыл вышедший с Мальты отряд коммодора Фуллертона в составе мониторов «Мерсей» и «Северн» и нескольких вспомогательных кораблей. Мелкосидящие мониторы с 76-мм броневым поясом и осадкой всего 1,7 м могли подойти близко к берегу и держать под огнем извилистое русло Руфиджи на большом его протяжении, не заходя ни в один из протоков. С кораблей были сняты двухорудийные башни, вместо которых были поставлены палубные 152-мм щитовые установки — по две на каждом.

Очевидно, получив от своих лазутчиков информацию о прибытии мониторов, немцы решились на отчаянный шаг. В ночь с 4 на 5 июня через один из многочисленных рукавов в море вышел небольшой пароход «Вами», оснащенный торпедным аппаратом с «Кенигсберга». Его целью было атаковать английские корабли на якорной стоянке возле острова Мафия. Акция завершилась неудачей — пароходик сел на мель и не смог выполнить задание.

К операции англичане готовились целый месяц — они вели воздушную разведку дельты и промеряли глубины на фарватерах, ведущих к устьям речных рукавов. Немцы отвечали стрельбой по самолетам из двух 52-мм орудий, установленных на специально приспособленные станки. Крейсер был отведен в самое удаленное от моря место дельты — верхнюю часть протока Кикунья.

Бой начался лишь утром 6 июля 1915 года, когда около 6 часов утра оба английских монитора под прикрытием крейсера «Веймут» с утренним приливом приблизились к устью Руфиджи. Мониторы преодолели мелководный бар и начали медленно подниматься по главному руслу Симба-Уранга. В 6.30 был открыт огонь. Мониторы, корректируемые гидросамолетами, вели стрельбу по «Кенигсбергу», крейсера «Пайонир» и «Веймут» — по германским позициям в устье Симба-Уранга, откуда малокалиберная артиллерия и пулеметы пытались стрелять по мониторам.

«Кенигсберг» тоже открыл ответный огонь, пользуясь данными с береговых корректировочных постов. Уже в 7.40 ему удалось добиться первого попадания в «Мерсей», которым было выведено из строя носовое 152-мм орудие вместе с прислугой. Через несколько минут монитор получил второе попадание 105-мм снарядом в район ватерлинии, но не вышел из боя. Сражение продолжалось около 8 часов и закончилось вничью — мониторы выпустили 635 снарядов, добившись от четырех до шести попаданий 152-мм снарядов. На «Кенигсберге» погибло четыре моряка и около десяти человек было ранено. Сам крейсер добился двух попаданий в «Мерсей», англичане потеряли четырех моряков убитыми и столько же — ранеными. В 3 часа дня английские корабли вышли из устья Руфиджи и вернулись к острову Мафия.

Англичане заявили, что «Кенигсберг» получил тяжелые повреждения и горит, на нем выведена из строя артиллерия, однако эти победные репортажи не соответствовали действительности. Крейсер не получил серьезных повреждений, на нем остались снаряды и он готов был принять бой. Однако судьба его была уже решена. 11 июля мониторы повторили атаку. В 10.40 они преодолели входной бар прохода Симба-Уранга, а в 11.30 открыли огонь.

После восьмого залпа с монитора «Северн» на крейсере были отмечены попадания, около полудня на нем рухнула средняя труба, в кормовой части начался пожар. К 13.40 артиллерия крейсера была приведена к молчанию, имелись попадания в рубку и машин-

ное отделение, корабль начал оседать кормой. Погибло 19 моряков, 45 человек было ранено. Раненый фрегатен-капитан Лооф, решив, что англичане высаживают десант (с берега поступали сообщения о крейсерах, ведущих массированный обстрел немецких укреплений), приказал снять с орудий замки, выбросить их в воду и затопить корабль. После подрыва носовых торпедных отделений крейсер погрузился до уровня палубы и лег на грунт, над водой остались торчать мачты и надстройки. Английские корабли отделались незначительными потерями — в «Мерсей» было одно или два попадания, на нем было ранено два матроса. Кроме того, англичане потеряли сбитым один самолет-корректировщик

Убедившись, что противник больше не оказывает сопротивления, мониторы около 4 часов дня покинули устье реки. Высаживать десант англичане так и не решились, поэтому к шести вечера немецкие моряки вернулись на свой корабль, сняли боевые флаги и приступили к спасению того, что еще можно было спасти. Часть орудийных замков, неосторожно выброшенных за борт, удалось выловить, в итоге несколько снятых с корабля 105-мм пушек установили на импровизированные колесные лафеты и отправили в войска Леттов-Форбека, к которым присоединились и уцелевшие моряки из команды «Кенигсберга». После окончания войны на родину вернулось лишь 32 моряка, и в их числе — командир корабля фрегатен-капитан Лооф, вскоре после возвращения получивший звание капитана-цур-зее, а затем произведенный в адмиралы. Разбитый крейсер лежал в протоке Кикунда до начала 60-х годов, после чего был продан правительством Танзании на металл.

**Тактико-технические характеристики
крейсера «Кенигсберг»**

Водоизмещение стандартное — 3480 тонн.

Водоизмещение полное — 3820 тонн.

Длина по ватерлинии — 115,3 м.

Ширина — 13,3 м.

Осадка — 5,2 м.

Энергетическая установка — двухвальная, две паровые машины тройного расширения, 11 котлов.

Максимальная мощность машин — 13 900 лошадиных сил.

Запас угля — 880 тонн.

Дальность плавания — 5750 миль на 12 узлах.

Максимальная скорость — 24 узла.

Вооружение — десять 105-мм орудий, восемь 52-мм орудий (установлены позднее), два 450-мм подводных торпедных аппарата.

Бронирование — горизонтальная палуба 50 мм, скосы 80 мм, щиты на орудиях 50 мм, боевая рубка 100 мм.

Экипаж — 14 офицеров и 308 матросов.

Содержание

От редакции	5
Пауль фон Леттов-Форбек.	
Мои воспоминания о Восточной Африке	7
И. С. Исаков.	
Операция японцев против Циндао в 1914 г.	293
Приложение 1. Германская колониальная империя и ее падение	504
Приложение 2.	
Одиссея крейсера «Кенигсберг»	527

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Воршавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10,
тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2,
тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

**Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10**

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Казань, Сибирский тракт, д. 11, тел. (8432) 78-23-20
- г. Казань, ул. Баумана, 13
- г. Новосибирск, ул. Б. Богатного, д. 260, тел. (3532) 10-17-86
- г. С.-Петербург, Невский пр., д. 116, тел. (812) 279-80-68
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Самара, пр. Ленина, д. 2
- г. Азов, б-р Петровский, д. 3
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Курган, ул. Гоголя, д. 61
- г. Курган, ул. Куйбышева, д. 87, тел. (3522) 22-36-23
- г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 50, тел. (3519) 37-55-65
- г. Магнитогорск, ул. Звениягина, д. 9
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Н. Новгород, ул. Литвинова, д. 25/32, тел. (8312) 77-99-44
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Новочеркасск, ул. Московская, д. 10, тел. (86352) 2-30-53
- г. Орел, Московское шоссе, д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18
- г. Ульяновск, ул. Врача Михайлова, д. Ю
- г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 12
- г. Ульяновск, ул. Железной дивизии, д. 6
- г. Челябинск, ул. Кирова, д. 7
- г. Челябинск, пр. Ленина, д. 52
- г. Челябинск, пр. Ленина, д. 68
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Иркутск, ул. Ленина, д. 15, тел. (3953) 24-28-05
- г. Пермь, ул. Крупской, д. 42, тел. (3422) 22-91-17
- г. Тюмень, ул. Республики, д. 155, тел. (3452) 22-45-50
- г. Киров, ул. Комсомольская, д. 37
- г. Киров, ул. Пролетарская, д. 22а
- г. Н. Тагил, ул. Первомайская, д. 32, тел. (3435) 25-43-92
- г. Н. Тагил, ул. Дзержинская, д. 47

Издательство АСТ
представляет книги серии
"Военно-историческая библиотека"

Серия составлена из книг самых разнообразных жанров, от сугубо теоретических исследований и военных трактатов до биографий и мемуаров, созданных историками, биографами, полководцами прошлого и современности. В рамках серии читателям предоставлена уникальная возможность впервые ознакомиться с ранее не издававшимися трудами по истории различных военных кампаний.

В серии вышли:

- Ф.Шерман** *"Война на Тихом океане (Авианосцы в бою)"*
Э.Манштейн *"Утерянные победы"*
Б.Урланис *"История военных потерь"*
К.Типпельскирх и др. *"Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных"*
К.Типпельскирх *"История Второй мировой войны"*
Б.Такман *"Первый блицкриг. Август 1914"; "Первый блицкриг. (Августовские тушки)"*
Б.Лиддел-Гарт *"Энциклопедия военного искусства" ("Стратегия непрямых действий"); "Вторая мировая война"*
Ю.Каторин и др. *"Уникальная и парадоксальная военная техника"*
Ф.Меллентин *"Танковые сражения"*
Е.Разин *"История военного искусства". В 3 т.*
Ф.Руге *"Война на море. 1939 – 1945"*
Ф.Меринг *"История войн и военного искусства"*
К.Дениц *"Немецкие подводные лодки во Второй мировой войне"*
Р.Ф.Толивер, Т.Дж.Констебль *"Лучший ас Второй мировой"*
Д.Хорикоши, М.Окумия, М.Кэйдin *"Японская авиация во Второй мировой войне"*
Т.Тулейя, Д.Вудворд *"Сумерки морских богов (Германский флот во Второй мировой войне)"*
Э.Миддельдорф *"Русская кампания: тактика и вооружение"*
А.Больных *"Морские битвы Первой мировой". Т. 1. "Схватка гигантов"; Т.2. "Трагедия ошибок"; Т.3. "На океанских просторах"*
Э.Дурмшид *"Победы, которых могло не быть"*
С.У.Роскилл *"Флаг Святого Георгия (Английский флот во Второй мировой войне)"*
П.Бриксилл, Р.Беркер *"Убийцы кораблей. Затопить Германию"*
В.Яковлев *"История крепостей"*
М. Галактионов *"Париж, 1914"*

М.А.Брагадин *"Битва за Средиземное море. Взгляд побежденных"*

К. Макси *"Упущенные возможности Гитлера"; "Вторжение, которого не было" и др.*

С.Переслегин и др. *"Тихоокеанская премьера"*

Д.Хорикоти *"Японская авиация во Второй мировой войне"*

Ф.О.Саусверд *"Слоны и пешки"*

"Танковый погром 41 г."

"Мировая война. 1939 – 1945 гг."

"Битва за Средиземное море. Взгляд победителей"

"Крах Третьего рейха"

Н.Попель *"В тяжкую пору"; Т.1. "Танки повернули на Запад";*

Т.2. "Впереди Берлин"

М.Зефиров *"Штурмовая авиация Люфтваффе"; "Ночные истребители Люфтваффе"*

В.Доценко *"Флоты в локальных войнах"*

Готовятся к выходу:

И.Можейко *"Западный ветер, ясная погода"*

К.Блэйр *"Подводная война Гитлера. 1939 – 1942. Волки". В 2 т.;*

"Подводная война Гитлера. 1943 – 1945. Жертвы". В 2 т.

Г.Фриснер, М.Филиппи *"Преданные сражения. Припятская проблема"*

Сборник *"Великие адмиралы"*

"Подводная война на Тихом океане"

"Подводные диверсанты во Второй мировой войне"

**По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:**

Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж

Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ»

можно заказать по адресу:

107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

ISBN 5-17-018624-X

Научно-популярное издание

ЗАМОРСКИЕ ТЕАТРЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

**Пауль фон Леттов-Форбек
Мои воспоминания о Восточной Африке**

**И.С. Исаков
Операция японцев против Циндао в 1914 г.**

Научные редакторы: В. Гончаров, Р. Светлов

Редактор А. Сидорович

Художественный редактор О. Адаскина

Компьютерный дизайн: А. Казиев

Компьютерная верстка: В. Смолянинов

Корректор Л. Быстрова

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Гигиеническое заключение

№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Транзиткнига»

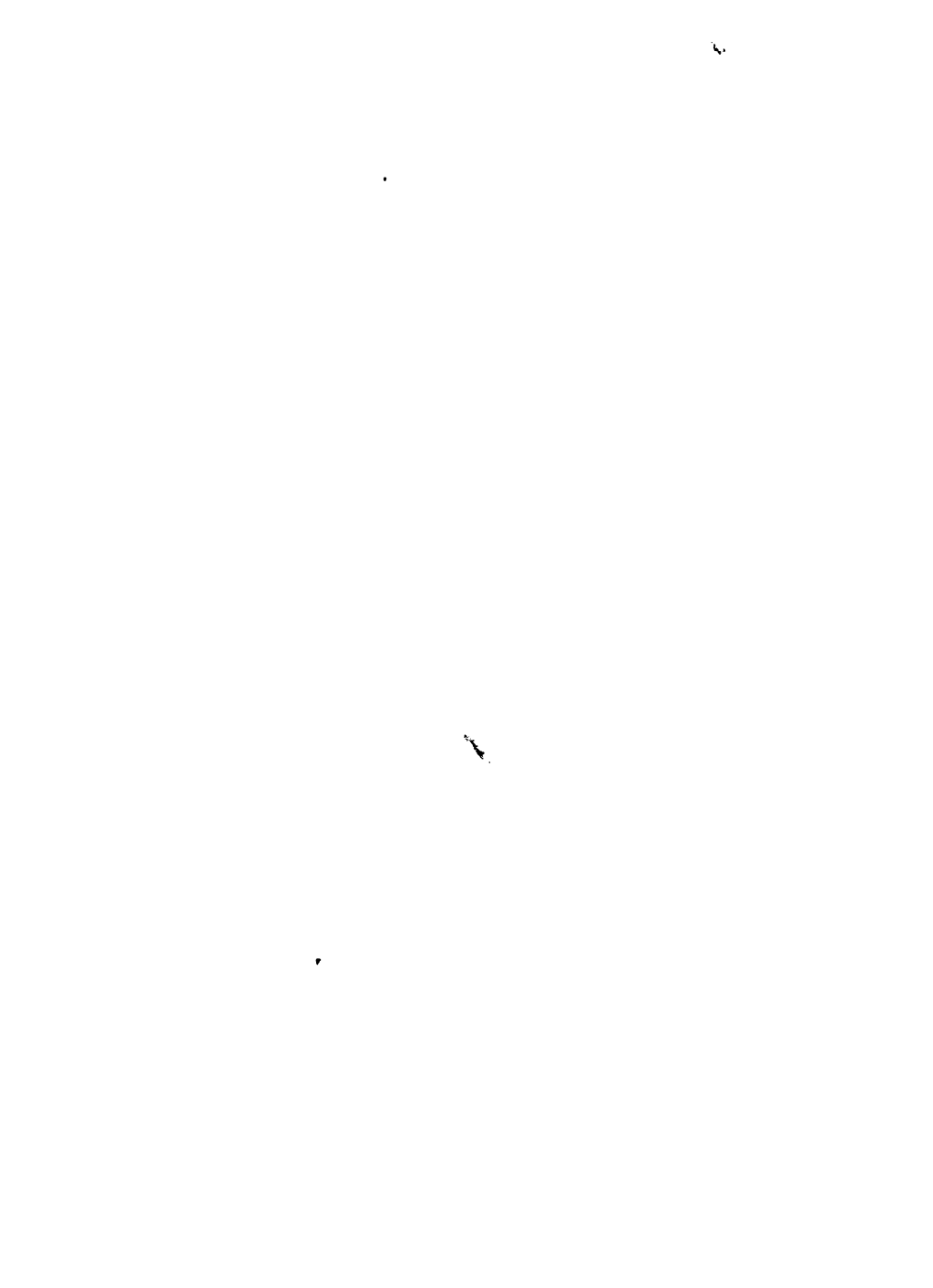
143900, Московская область,

г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ЗАМОРСКИЕ ТЕАТРЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В сборник вошли две работы, посвященные локальным боевым действиям в период Первой мировой войны.

Мемуары полковника Пауля фон Леттов-Форбека, командующего германскими войсками в Восточной Африке, представляют собой подробное описание хода боевых операций, которыми он руководил с августа 1914 по ноябрь 1918 г.

Аналитическая работа «Операция японцев против Циндао в 1914 г.» И.С. Исакова, одного из крупнейших советских морских теоретиков, выдержала с 1936 по 1941 г. три издания. Она посвящена непродолжительной по времени (с августа по ноябрь 1914 г.), но внушительной по масштабам задействованных сил операции японских войск и флота по захвату германской морской крепости и базы в Циндао.

Книга содержит карты, приложения и будет интересна как специалистам, так и любителям военной истории.